

Реставрация

Борис
Кагарлицкий

в России

Кагарлицкий Борис Юльевич

Реставрация в России. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 376 с.

ISBN 5-8360-0123-5

Настоящая книга является одной из первых попыток дать обобщенный историко-социологический очерк развития российского общества на протяжении 90-х годов. Политические, социальные и экономические процессы, происходившие в этот период, автор рассматривает как в контексте отечественной истории (реставрация, продолжающая исторический цикл революции 1917 г.), так и в контексте глобальных экономических процессов.

Книга представляет интерес для специалистов-обществоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся политическими и социальными вопросами.

Предисловие

Перед историками, изучающими Россию 90-х гг. XX века, неизбежно встанет три вопроса: как характеризовать процессы, происходившие у нас в это время, как периодизировать эти процессы и, наконец, как оценить общество, сложившееся в результате этих процессов.

Западные журналисты, а также неолиберальные идеологи и политики, руководившие страной с 1991 г., дружно называли происходившее «реформами». Термин закрепился и полностью избежать его уже невозможно. Однако если взглянуть на произошедшее по существу, вряд ли придет в голову употребить слово «реформа». Чаше всего под реформами подразумеваются частичные преобразования, направленные на сохранение государства и социального строя. В России мы имели безусловное изменение строя. Что же касается государства, то Советский Союз перестал существовать уже на первом этапе «реформ».

Западные левые 70-х гг. употребляли термин «реформа» и в более радикальной трактовке, говоря о структурных и даже системопреобразующих реформах. Правда, в том смысле, в каком эти термины употребляли левые теоретики, подобные реформы никогда осуществлены не были. Но, главное, концепция системных реформ предполагает если не постепенность процесса, то хотя бы уважение к сложившимся институтам и минимализацию насилия. В России все происходило совершенно иначе. Не было ни уважения к институтам (особенно в период 1990–91 и 1992–93 гг.), ни стремления избежать насилия.

Некоторые авторы характеризуют произошедшее как буржуазную, демократическую или даже «криминальную» революцию. Так, например, политик и исследователь Олег Смолин утверждает, что Россия 90-х гг. жила по законам революции, а «объективная логика революционного развития подчиняла себе политических лидеров, которые сплошь и рядом оказывались в положении литературного героя, выпустившего джинна из бутылки и не способного с ним справиться»¹⁾.

Взгляд Смолина можно принять лишь в том случае, если, подобно авторам первой половины XVIII века, считать революцией любой радикальный политический переворот. Таких переворотов в России было даже несколько — в 1991, в 1993, в 1998–2000 гг. На первый взгляд сравнения с революцией действительно напрашиваются — и в том и в другом случае имела место ломка старых институтов. Однако сами лидеры ельцинской России избегали сравнений с революциями прошлого и были в этом совершенно правы. Революция означает не только радикальные перемены. В отличие от преобразований «сверху», революции совершаются массами. Именно участие миллионов людей превращает революционный процесс в стихию, подчиняющуюся собственным

¹⁾ Смолин О. Н. Образование. Революция. Закон. М.: Логос, 1999. С. 5. Другая книга, где по отношению к событиям в России применяется термин «революция», — это Kotz D. with Weir F. Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. London & New York: Routledge, 1997. Надо отметить, однако, что Д. Котц и Ф. Уайр применяют грамматический термин «революция сверху», предполагающий возможность соединения революционных методов с реакционным содержанием.

законам (статистическим закономерностям массового сознания), практически не поддающуюся управлению привычными методами. Именно благодаря участию масс возникает та «объективная» логика, о которой говорил Смолин. В России 90-х гг. (в отличие от Советского Союза 1988–91 гг.) массы либо не участвовали в процессе преобразований, либо активно сопротивлялись им — штурмовали телецентр в «Останкино» в 1993 г., бастовали в 1994, сидели на рельсах, блокируя железные дороги, в 1998. Однако и это массовое сопротивление было вялым и спорадическим, совершенно непохожим на революционные волны прошлого и, возможно, будущего. Политический процесс, несмотря на всю некомпетентность и дикость правителей, оставался вполне управляемым и в целом предсказуемым (надо было только осознать цели и интересы соперничающих элит).

Разумеется, в исторической традиции есть понятие «революции сверху» или, как выражался Антонио Грамши, «пассивной революции». Исторически назревшие преобразования, которые не были осуществлены массовым движением, в конечном счете, пусть и в урезанном виде, осуществляются элитами. «Революция сверху» практически всегда авторитарна. Осуществляя задачи революционного движения, она одновременно, по отношению к этому движению и демократическим надеждам масс, выступает как контрреволюция. Однако даже такой термин мы не можем применить к ельцинской России. Историческая традиция — как позитивистская, так и марксистская — тесно увязывает понятия «революция» и «прогресс». Либеральные и социал-демократические критики революций утверждали, что на самом деле, пытаюсь форсировать развитие прогрессивных преобразований, революционные движения в исторической перспективе их замедляют. Напротив, марксисты считают революции «локомотивами истории». Но и те и другие видят неразрывную связь между социальным прогрессом и революционными взрывами.

Можно, конечно, отбросить саму идею «социального прогресса» как «устаревшую», «не оправдавшую себя» и т. п., но тогда вместе с ней придется выбросить за борт и категорию «революции», да и вообще большую часть категорий, которыми пользовались общественные науки за последние 200 лет. И самое главное — ничего лучшего взамен пока не предложено.

Преобразования в России конца XX века назвать «прогрессом» просто не повернется язык. В течение 10 лет страна пережила беспрецедентный экономический упадок — самый глубокий спад в мирный период за всю историю нового времени. В 1999 г. было подсчитано, что при самых благоприятных условиях только для восстановления уровня последнего «доельцинского» 1990 г. потребуется по меньшей мере десятилетие. Сельскохозяйственное и промышленное производство в 1991–98 гг. сократилось наполовину, причем даже в процветающей нефтяной отрасли добыча упала на 44 %, а капиталовложения в 1996 г. составили всего 23,8 % от уровня 1990 г., хотя уже тогда советская экономика страдала именно от дефицита инвестиционных средств. Усилилась технологическая отсталость. А главное, резко уменьшилось население — как за счет увеличения смертности, так и за счет падения рождаемости. За годы гражданской войны (1918–20) население России сократилось на 2,8 млн человек. Только за годы «первого президентства» Ельцина

(1992–96) — на 3,4 млн человек. Экономисты дружно называют происходящее «регрессом»²⁾.

В ходе революций, как правило, производство снижается, люди страдают. Но экономические потрясения открывают путь к становлению новых общественных отношений, которые создают новые условия для экономического роста, обеспечивают развитие образования, доступ более широких масс народа если не к власти (большинство революций, как мы знаем, заканчивались диктатурой), но по крайней мере к современным формам жизни. Главный социологический смысл революций в том, что они резко повышают вертикальную мобильность населения. В России происходило как раз обратное. Общество стало более элитарным и менее демократичным в смысле социальной динамики. Наблюдался упадок образования. А главное, экономические и социальные структуры, победившие в 1992–93 гг., никак нельзя назвать передовыми — ни с точки зрения критериев капитализма, ни с точки зрения теории социализма.

В 1990–99 гг. в России происходила не «реформа» и уж тем более не «революция». Это была Реставрация. Эта Реставрация была закономерным продолжением политического цикла, начатого русской революцией 1917 г.³⁾

Ельцинская Россия, объявив себя преемником России царской, повторила многие черты ее отсталости. Режим реставрации оказался во многом пародийным, фарсовым. Его лидеры — комическими, почти опереточными персонажами. Но миллионам людей, оказавшихся под их властью, было явно не до смеха.

Если Великая Французская Революция прошла путь от подъема демократического движения до реставрации Бурбонов за 26 лет, то в России схожий процесс занял гораздо более длительный срок. Вопреки общепринятому мнению исторические процессы не особенно ускоряются с появлением средств массовых коммуникаций, ведь «исторические темпы» определяются не скоростью движения информации, а динамикой массового сознания, которая не так уж сильно изменилась по сравнению в XIX веке. В столь огромной стране, как Россия, при невероятной глубине произошедших экономических, социальных и культурных перемен процесс не мог не идти медленно. А главное, сталинскому режиму удалось то, чего не смогла ни одна постреволюционная диктатура в прошлом. Благодаря тоталитарным технологиям власти, сталинизм сумел политически на два с половиной десятилетия «подморозить Россию».

Франция, став классической страной политической борьбы, дала нам термины и идеи, с помощью которых мы анализируем большинство революций. В этом плане, несмотря на всю специфику, Россия — не исключение. В целом историческая динамика русской революции повторяет динамику английской и французской. В 1917–29 — революционная диктатура, когда большевики

²⁾ См.: *Малышев Н.* Россия: от настоящего к будущему // Диалог, 1994, № 4–6. С. 55; *Смолин О. Н.* Цит. соч. С. 95–98; *Гундаров И. А.* Парадоксы российских реформ. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 18.

³⁾ В свое время выдающийся русский экономист-статистик Н. Кондратьев открыл «длинные волны» в развитии капитализма. Можно сказать, что и политические процессы подчинены своего рода «длинным волнам». Бесспорно то, что и английская революция XVII века, и Великая французская революция XVIII века, и русская революция XX века прошли сходные циклы. Другой вопрос, что в теоретическом плане это до сих пор никем не исследовано.

выступали, по определению самого Ленина, в роли «русских якобинцев», затем, с победой Сталина над «старыми большевиками», начинается термидорианский период 1929–41 гг., описанный Троцким. С 1941 в сталинском режиме явно нарастают бонапартистские черты. Это выражается и в пересмотре подхода к царизму в советской историографии (особенно к таким персонажам, как Иван Грозный или Петр I), в примирении с православной церковью, в частичном восстановлении старых титулов, ритуалов и символов (например — погоны и генеральские звания в армии, министерства вместо «народных комиссариатов» и т. д.). После смерти Сталина в 1953 г. система начинает мучительно искать новые политические и экономические механизмы, которые бы обеспечили ей успех в соревновании с Западом. С 1959 г. советская экономика начинает испытывать трудности, темпы роста снижаются. Но в конечном счете радикальных преобразований не происходит. В итоге — поражение в «Холодной войне» и, как результат, реставрация.

События 80-х и 90-х тоже легко разделяются на несколько периодов. Сначала «застой» под руководством Л. И. Брежнева, затем, после нескольких лет борьбы за власть и горбачевской перестройки, начинается развал советской системы. Кризис 1989–91 гг. — это уже агония. Еще есть СССР, но каждая республика уже живет своей жизнью. Михаил Горбачев еще числится президентом Союза, но за его спиной уже маячит фигура Бориса Ельцина.

Ельцинская Россия как государство складывается в течение нескольких месяцев с августа по декабрь 1991 г. Коммунистическая партия Советского Союза распускается, на место партийной номенклатуры приходят разномастные политики-«демократы», которые в 1989 или 1990 гг. победили на свободных выборах в Советы (другое дело, что многие «демократы» сами вышли из той же номенклатуры). После соглашения о ликвидации Союза, подписанного Ельциным в Беловежской Пуще в декабре 1991 г., это государство существует уже не «де факто», а «де юре». По аналогии с Веймарской Германией государство, сложившееся под властью Ельцина, можно было бы назвать *Беловежской Россией*.

Период 1992–93 гг. можно определить как гайдаровско-хасбулатовский. С одной стороны, это время, когда власть по инициативе Егора Гайдара проводит первую волну неолиберальных реформ. Егор Гайдар — сначала вице-премьер, контролирующий проведение экономической политики, затем — исполняющий обязанности премьера. В декабре 1992 г. он уходит из правительства, но остается главным идеологом правящей группы. С другой стороны, оппозиция концентрируется в тех же Советах, на которые в 1989–90 гг. Ельцин опирался в борьбе против КПСС и «союзного центра». Потому спикер Верховного Совета РФ Руслан Хасбулатов для оппозиции в эти годы такой же естественный лидер, как Гайдар для неолибералов. Оппозиция режиму — хаотичная, неструктурированная. Власти противостоит все еще меньшинство населения, но меньшинство активное. Соответственно, на первом плане активистские, радикальные партии — большие и маленькие. Самая влиятельная и крупная из них — Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) во главе с Виктором Анпиловым. Это лево-традиционалистская, сталинистская группировка, но в ней есть культура прямого действия, ее члены готовы сражаться с милицией на улицах, строить баррикады. А молодая левая интеллигенция в это же время пытается объединиться вокруг Партии Труда. Члены

обеих партий, несмотря на острые теоретические разногласия, осенью 1993 г. встречаются на баррикадах у Белого дома.

В социальном плане это время господства бестолковых «новых русских», стремительно обогащающихся на растаскивании государственной собственности и столь же быстро истребляющих друг друга. Можно ли назвать это периодом первоначального накопления? Для предпринимателей — да, но не для экономики. Ведь происходит не укрупнение, не консолидация капиталов и предприятий. Наоборот, сильные производственные структуры разваливаются, чтобы смогли процветать примитивные посреднические конторы, банки, находящиеся порой еще на уровне средневекового ростовщичества.

Вообще нет оснований утверждать, что накопленные в этот период «новыми русскими» деньги и собственность в полной мере стали капиталом. Характерной чертой капитала является способность к самовозрастанию, а капиталистического предприятия — к расширенному воспроизводству (в отличие от предприятия феодального). Здесь ничего подобного не наблюдается. Частная собственность торжествует, но не всякая частная собственность является капиталистической.

После того как осенью 1992 г. оппозиция резко усиливается, наступает затяжной политический кризис. Гайдар довольно скоро уходит из правительства, уступив место Виктору Черномырдину, но курс, несмотря на некоторые колебания в январе—феврале 1993 г., остается неизменным, что подтверждается возвращением Гайдара в правительство накануне государственного переворота осенью 1993.

Этот переворот, однако, оказался политическим концом не только для проигравшего Хасбулатова, но и для победившего Гайдара. «Указ 1400», которым Ельцин покончил с представительной властью в России, был кульминацией борьбы режима против институционализированной оппозиции. После расстрела парламента активное сопротивление сломлено. Период разрушения институтов и хаотичного раздела собственности заканчивается. В декабре принимается новая конституция, утверждаются новые правила игры. Режим Ельцина принимает более или менее устойчивую форму «второй республики». В этих условиях «кавалерийский натиск» Гайдара уже не нужен. А осторожный хозяйственник Виктор Черномырдин выходит на первый план и обретает реальную власть.

«Всегда воровали и всегда будем воровать», — провозглашает Черномырдин⁴⁾. Но воровать будут теперь уже по-другому. Не бестолково-беспорядочно, наспех, кое-как, а по определенным правилам, осмысленно. Как говорил некогда Брехт, ограбление банка не идет ни в какое сравнение с основанием банка.

Период 1994–98 гг. можно характеризовать как черномырдинско-зюгановский. Если Виктор Черномырдин — это лицо власти, то Геннадий Зюганов — лицо оппозиции. «Новые русские» все еще пьянствуют в ресторанах и убивают друг друга, но экономику контролируют уже не они. В России складывается олигархический капитализм. Финансовые потоки, средства массовой информации, сырьевые ресурсы и политическое влияние сосредоточиваются в нескольких десятках «семей», из которых самая влиятельная — кремлевская

⁴⁾ Известия, 16.10.1999. С. 2.

«семья», образовавшаяся вокруг дочери президента Татьяны Дьяченко. На фоне продолжающегося спада производства наблюдается и некоторая стабилизация системы, показателем чего становится «сильная национальная валюта», удерживающаяся на уровне 5–6 рублей за доллар США.

В оппозиции, по большому счету, существует только одна партия — Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) во главе с Г. Зюгановым. Остальные понемногу либо сходят на нет, либо делаются ее сателлитами. Это оппозиция, играющая по правилам, системная, псевдопарламентская (ибо парламент в лице новой Думы реальной властью не обладает). В отличие от 1992–93 гг., когда против неолиберального курса выступало активное меньшинство, теперь недовольство почти всеобщее, зато пассивное.

Исход политической борьбы уже решается не на улице и, в конечном счете, не на выборах, которые лишь закрепляют складывающееся соотношение сил. Политическая борьба становится кабинетно-виртуальной. Иван Засурский, лучший, быть может, исследователь постсоветской прессы, назвал это «медиатизацией политики»⁵⁾. События происходят главным образом в правительственных кабинетах, а населению предоставляется роль зрителей и объектов информационных манипуляций.

Эта счастливая для многих пора «второй республики» подходит к концу в 1998–99 гг. Кризис сложившегося порядка начинается с ослабления рубля весной 1998 г. под влиянием азиатского экономического спада. Тогда рубль удалось удержать, но огненные письма на стене были уже легко различимы. Уход со сцены многоопытного Черномырдина и появление нового молодого премьера Сергея Кириенко — первое проявление надвигающегося кризиса. Затем в августе–сентябре 1998 г. наступает крах. Обваливается курс рубля, правительство прекращает платежи по внутреннему долгу, экономика оказывается в свободном падении. Политическая нестабильность опять становится нормой. За год мы видели сначала второе пришествие Черномырдина, которого Дума так и не утвердила на посту премьера, затем левоцентристский кабинет Евгения Примакова, потом невыразительное двухмесячное правление Сергея Степашина и наконец воцарение в московском Белом доме бывшего главы госбезопасности Владимира Путина.

То, что происходит в 1999–2000 гг., — это уже агония ельцинской России. Но это еще не конец эпохи Реставрации. Точнее — это лишь начало ее конца.

Естественен вопрос: что за общество сложилось в России за все эти годы? Что мы построили (реставрировали)? Капитализм ли это? С одной стороны, преемственность по отношению к советским временам поражает; другое дело, что преемственность сохранилась, главным образом, в худшем — бюрократизме, авторитаризме, коррупции. С другой стороны, перемены тоже впечатляют, хотя радоваться им не приходится — появились миллионеры и безработные, спад производства сопровождался ростом числа банков и т. д.

На самом деле в конце XX века в России воцарилась примерно та же социально-экономическая система, что существовала в его начале — периферийный капитализм. Разумеется, тождества здесь быть не может, ведь 74 года советской власти не прошли бесследно. Потому российский капитализм одновременно

⁵⁾ Засурский И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд. МГУ. 1999. С. 81.

и не совсем капитализм. А в некотором смысле даже совсем не капитализм. Но существенно в данном случае то, что и в царской России капитализм был далеко не «полноценным».

Россия — капиталистическая страна в той мере, в какой она является частью глобальной капиталистической экономики, мирового рынка капитала, международного капиталистического разделения труда. И в то же время, сама по себе, Россия остается общинной, корпоративной, авторитарно-«азиатской» и даже феодально-бюрократической. Здесь господствует своеобразная превращенная форма *бюрократического коллективизма*, продолжающая социальную традицию советской *этакратии*. Просто убраны «социалистические» декорации, устранены или ослаблены реальные элементы социализма, существовавшие в советском обществе.

Бюрократический коллективизм, корпоративные отношения постсоветского типа выглядят безнадежно «отсталыми» на фоне динамично развивающегося западного капитализма 90-х гг. Важно лишь понять, что все эти отсталые структуры и порядки, на первый взгляд отличающие русское общество от западного, в действительности не только не являются препятствием для развития капитализма, но напротив, являются его важнейшим условием, своего рода «конкурентным преимуществом» российской олигархии. Избавиться от одного, не подорвав другого, невозможно. Без бюрократического коллективизма, поддерживающего стабильность в обществе, не смогли бы расцвести европеизированные коммерческие фирмы, а компрадорский капитал не мог бы удерживать народ в повиновении.

Ленин и революционеры начала XX века считали царский капитализм отсталым и недоразвитым, сравнивая его с «передовой» Германией или Англией. На самом деле все было сложнее. Тот же Ленин обнаружил в России сочетание самых передовых форм буржуазной организации (в банковском деле, некоторых отраслях промышленности) с формами совершенно добуржуазными. Он назвал это «многоукладностью», так и не оценив ее историческую и экономическую природу. Суть в том, что русский капитализм был не столько отсталым, сколько *периферийным* по отношению к капитализму Запада. Отсталость была как раз следствием периферийности и зависимости, а не наоборот. Там, где для участия в мировом разделении труда требовалась модернизация, она и происходила, причем впечатляющими темпами. Но это лишь усугубляло застой в других секторах.

Роза Люксембург, писавшая свои экономические работы практически одновременно с Лениным, поняла специфику периферийного капитализма гораздо глубже. Впоследствии те же вопросы на более современном материале рассматривались в работах Иммануила Валлерстайна, Самира Амина и других левых социологов, находившихся в СССР под запретом.

Главной особенностью периферийного капитализма, по мнению Розы Люксембург и ее последователей, является то, что в него «встроены» многочисленные некапиталистические структуры. В этом смысле всевозможные отклонения от западной «нормы» сами по себе являются абсолютной нормой развития. Эксплуатация периферии центром происходит многими путями и прямое неокolonialное обслуживание иностранных интересов компрадорской буржуазией — лишь самый простой и, по большому счету, наименее эффективный.

Важнее то, что естественная логика международного рынка капиталов предопределяет централизацию финансовых потоков. Там, где появляется «открытая экономика», начинается стихийное перераспределение ресурсов в пользу более развитых и богатых стран «центра». Причем богатство и развитость этих стран с какого-то момента уже сами по себе становятся в первую очередь результатом их «центрального» положения в системе. Став частью «периферии», Россия обрекла себя на постоянный дефицит финансовых ресурсов, бегство капиталов и вывоз сырья. Более того, для периферийной страны Россия оказалась чрезмерно развитой, что и предопределило неизбежный упадок промышленности, технологии, науки и образования. Единственным противовесом этому стихийному процессу оказывается государственное вмешательство, о необходимости которого начинают говорить уже не большевики, а идеологи капитализма, такие как миллионер Джордж Сорос, гордящийся, что благодаря его стараниям в России были введены «новые учебники, свободные от марксистской идеологии»⁶⁾. Ведь последствия неолиберального курса оказались столь катастрофическими, что грозят полным распадом общества. А это уже не устраивает даже тех, кто наживается за счет проводимой политики.

После 17 августа 1998 г. траектория развития уже легко угадывалась. В сфере идеологии и политики неолиберализм сменялся консерватизмом, западничество и космополитизм — умеренным национализмом и «державностью», имитация демократии — более открытым авторитаризмом. В сфере экономики возрастала роль государственного сектора. Это наводило на мысль о возвращении к советской модели. Однако если в постреволюционной «мобилизационной экономике» мощное государственное вмешательство было средством изменения ситуации, преодоления отсталости ускорения развития, выравнивания социальных и региональных диспропорций и выхода за пределы логики «периферийного развития», то в постельцинской России государство (как и положено в обществе, пережившем реставрацию) глубоко консервативно, а его вмешательство преследует только одну цель — стабилизировать социальную и экономическую систему в том виде, в каком она сложилась за прошедшие десять лет. Это означает сохранение и периферийного капитализма. Зависимость от Запада в геополитическом плане также остается неизбежной несмотря на любую патриотическую риторику.

Как заметил один из иностранных исследователей, речь идет о попытке создания «изоляционистского, национального, опирающегося на собственные силы российского госкапитализма», объединяющего ведущие группы собственников, сложившиеся в годы ельцинщины⁷⁾. Этот госкапитализм оказывается еще более похож на дореволюционный образец, чем та рыночная экономика, что существовала в России 90-х гг. Точно так же, как его досоветский прототип, он не способен решить задачи развития страны, обеспечить ее независимость в глобализующемся мире. Иными словами, националисты-«державники» так же, как и либералы-«космополиты», в конечном счете действуют в интересах западных элит, только иными средствами, в иных условиях и, быть может, сами не сознавая того, что делают.

⁶⁾ *Soros G. The Crisis of Global Capitalism. New York: Public Affairs, 1998. P. 155.*

⁷⁾ *Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. С. 40.*

Режим реставрации естественным образом превращается из либерального в консервативный, из «реформаторского» в традиционалистский. Он становится все более авторитарным, ибо иным способом он выжить не может. Все это так же закономерно, как и крушение советской системы. Но история продолжается. Реставрация по-своему продолжает развитие революции, создавая предпосылки для нового революционного цикла. После реставрации и в Англии и во Франции последовали «славные революции» (во Франции даже несколько революций в течение полувека). Россия явно не будет в этом смысле исключением.

Часть I

НЕОБХОДИМАЯ РЕАКЦИЯ

Глава 1

Россия и Восточная Европа: новая периферия мирового капитализма

Когда в 1989 г. рухнула Берлинская стена и восточноевропейские страны дружно ринулись в объятия Запада, никто не хотел думать о проблемах и трудностях, лежащих впереди. Спустя 3 года, когда распался Советский Союз и возникшая на его обломках Российская Федерация объявила о решительном переходе к капитализму, все уже знали, что преобразования будут болезненными — об этом свидетельствовал опыт бывших братских стран Восточной и Центральной Европы. К тому же советская экономика переживала нешуточный кризис, выбраться из которого без потерь было невозможно. Однако ни в 1989, ни в 1991 г. почти никто не сомневался ни в правильности выбранного пути, ни в том, что в итоге торжество капитализма гарантировано. А вместе с ним придут эффективная экономика, свобода и процветание. Немногие несогласные могли протестовать, но их голосов никто не слышал.

В 1989–91 гг. в Восточной Европе капитализм одержал историческую победу. Но последствия этой победы оказались далеко не такими, как ожидали его идеологи. В сегодняшней России жизненный уровень большинства населения катастрофически снизился по сравнению с советскими временами, сократилось производство, увеличилась технологическая отсталость от Запада. Для многих (причем не только представителей старшего поколения) советское время представляется своего рода «золотым веком», «потерянным раем». Но и это очень далеко от правды. Тем более для нас важно сегодня осмыслить причины и исторические последствия случившегося с Россией за последние десять лет.

Десять лет спустя

Перемены, начавшиеся в Советском Союзе и Восточной Европе в конце 80-х гг., поражали наблюдателей (а зачастую и самих участников событий) своими темпами. Система тоталитарной власти, доказавшая свою устойчивость на протяжении нескольких десятилетий, выдержавшая многочисленные потрясения в 50-е и 60-е гг., неожиданно рассыпалась в прах. На ее месте возникло новое общество, непривычное и незнакомое для самих его обитателей.

Почему СССР рухнул? Обычные ответы либеральных идеологов сводятся к тому, что система изначально никуда не годилась. Тем не менее эта система

смогла просуществовать более 70 лет, обеспечивала высокие темпы роста, технологическую модернизацию и повышение жизненного уровня. Почему она развалилась именно в 1989–91 гг.?

Более изощренный ответ состоит в том, что система не выдержала технологического и потребительского соревнования с Западом. С точки зрения либералов, рыночная экономика более адекватна новейшим технологиям, нежели централизованная. Этот тезис относительно убедителен, но почему-то после перехода России к рыночной экономике технологическое отставание не только не сократилось, но стремительно увеличилось, а жизненный уровень сократился. То же относится и к Восточной Европе. Даже Чешская республика, самая преуспевающая из бывших коммунистических стран, по технологическим показателям сегодня отстает от соседней Германии больше, чем в 1988 г.

На самом деле, то что изменения оказались такими стремительными, было лишь следствием естественной эволюции, происходившей на протяжении многих лет в недрах самой системы. Частичные структурные сдвиги в обществе постепенно накапливались на протяжении всех 70-х гг., готовили последующий кризис. К концу 80-х гг. они дали себя знать. Количество перешло в качество. Система естественным образом изжила себя. Поворот к капитализму был подготовлен самим развитием советского общества.

Спустя десять лет в бывших коммунистических странах остается все меньше людей, разделяющих веру в светлое капиталистическое будущее. Привозные и доморощенные идеологи неолИБЕРАЛИЗМА обещали народам Восточной Европы приобщение к Западу. За десять лет уровень жизни двух частей континента не сблизился. Страны Восточной Европы пережили глубочайший экономический спад. Некоторые из них затем смогли достичь определенного роста, но к 1999 г. превзойти докризисные показатели, а тем более сократить разрыв с западными соседями не удалось практически никому¹⁾. Страны бывшего коммунистического блока, осознав, что им не удастся добиться успеха самостоятельно, связывают свои надежды с интеграцией в политические структуры Запада. В данном случае планы элит, как и за десять лет до того, пользуются широкой поддержкой в обществе. Все верят, будто вступление в Северо-атлантический военный альянс или в Европейский Союз позволит, наконец, выйти из тупика и по-настоящему влиться в семью богатых народов. Политическая интеграция повлечет за собой экономическую.

«В условиях, когда жизненный уровень населения непрерывно падает на протяжении десяти лет, доверие к правящим партиям тоже падает. В такой ситуации европейская интеграция оказывается единственным источником легитимности. «Европа» это единственное объяснение для всего, будь то экономические преобразования, экономия бюджетных средств или меры в области банковской системы и сельского хозяйства»²⁾.

¹⁾ Исключением из общего правила выглядит Польша, которая смогла к 1999 г. восстановить уровень 1989 г., но не сумела существенно превзойти его. При этом важно отметить, что Польша в 1989 г. не только не находилась на подъеме, но переживала спад производства, начавшийся еще за 10 лет до этого! Иными словами, поднявшись за десять лет до уровня 1989 г., Польша все еще отставала от уровня 1979 г.!

²⁾ Labour Focus on Eastern Europe. Spring 1998, № 59. P. 19.

Этим надеждам так же не суждено сбыться, как и прежним. Членство в НАТО не сделало богатым народ Турции и оно ничем не может улучшить положение масс в Польше или Венгрии. Что касается Европейского Союза, то здесь страны Восточной Европы столкнулись с немыслимыми бюрократическими препятствиями. От них требуют отчитываться по массе показателей, о которых не подозревали даже специалисты советского планирования. Они должны согласовывать любые мелочи, вплоть до диаметра помидора. На самом деле за бюрократическими проволочками стоит нечто гораздо большее, чем стремление чиновников в Брюсселе продлить себе удовольствие. Запад просто не может интегрировать Восточную Европу, даже если хотел бы этого. Надежды на улучшение социальной ситуации на Востоке после присоединения к Западу в лучшем случае наивны. Если вступление восточных стран в Европейский Союз когда-либо и состоится, это приведет к резкому изменению природы самого Союза. Из клуба избранных он превратится в иерархическую структуру, посредством которой богатые и сильные навязывают свою волю бедным и слабым. Короче, структуры «расширенного» Запада обречены стать неким подобием уничтоженных в 1989 г. структур Советского блока. А может быть и чем-то значительно худшим.

Стремясь любой ценой интегрироваться в западные структуры, бывшие братские страны действуют по принципу «каждый за себя». Чехия, Польша и Венгрия оттесняют Румынию, Словакию, Балтийские республики. Украина пытается пристроиться в хвост очереди. У России уже нет никаких шансов. Традиционные связи, существовавшие в регионе задолго до прихода советских войск, предельно ослаблены, зато противоречия — обострены. Соответственно возрастает и зависимость от Запада во всем, начиная от технологии, кончая информацией. Бывшая Югославия некогда гордилась своей независимостью от военных блоков и отсутствием острых межнациональных конфликтов (если не считать проблемы албанского меньшинства, периодически дававшей о себе знать даже в годы правления маршала Тито). Сегодня бывшая Югославия — территория, охваченная этническими войнами, которая постепенно превращается в зону военного присутствия НАТО.

Осознание того, что избранный в 1989 г. путь ведет в тупик, становится все более массовым. В результате одну страну за другой охватывают движения протеста. Народные волнения потрясают в 1998–99 гг. Албанию и Румынию. Власти вынуждены применять вооруженную силу, чтобы остановить недовольных. Но даже это не помогает. Ожесточенные столкновения рабочих с полицией становятся обычным делом в Польше и на Украине. Политическая жизнь региона превращается в непрерывную череду кризисов.

Однако не только поклонники западного капитализма оказались в сложном положении. Их левые оппоненты тоже сталкиваются с серьезными проблемами. В 1989 г., когда торжество капитализма в Восточной Европе не вызывало ни у кого сомнения, марксистские критики системы были убеждены, что новые общественные отношения быстро заставят рабочий класс осознать свои действительные интересы, самоорганизоваться и отстаивать свои права. Иными словами, развитие капитализма должно было дать мощный стимул к обновлению и подъему левых сил — точно так же, как это случилось в прошлом веке на Западе.

В 1989–99 гг. нигде кроме Восточной Германии этого не произошло. И дело не только в дискредитации социалистических идей — опросы общественного мнения показывают, что практически во всех странах от Монголии до Чехии эти идеи стали по сравнению с 1989 г. значительно более популярны. Привычное объяснение слабости левых «предательством руководства» тоже не может быть признано удовлетворительным. Ведь попытки создания принципиальной и честной левой оппозиции в период 1989–99 гг. тоже заканчивались неудачей, хотя таких попыток было немало. Картина выглядит почти одинаково, о какой бы стране мы ни говорили. Восточная Германия остается единственным исключением, но это как раз и есть исключение, блистательно подтверждающее и объясняющее правило. Восточные земли Германии, захваченные западно-германским капиталом и чиновничеством, с одной стороны, были открыто колонизированы, что не могло не вызвать протеста, но, с другой стороны, были политически интегрированы в стабильную демократическую систему. Они стали наиболее бедной и наиболее эксплуатируемой частью богатого общества.

Для того чтобы понять, что произошло в остальных частях Восточной и Центральной Европы, необходимо разобраться в самой природе происшедшего здесь капиталистического развития. За десять лет, прошедших после падения берлинской стены, Восточная Европа не только отказалась от коммунистических лозунгов и приватизировала государственные предприятия, создав собственную финансовую олигархию. Она включилась в мировую капиталистическую экономику, став ее новой периферией.

Все традиционные признаки периферийной экономики налицо. Долговая зависимость, ставшая серьезной проблемой коммунистических режимов уже в 80-е гг., стремительно возросла в 90-е, когда на смену коммунистам пришли либералы. Усилилась зависимость от иностранных рынков и технологий, выросла неформальная экономика. Общей проблемой всех стран стал дефицит капиталов, накладывающийся на растущую потребность в модернизации изнашивающегося оборудования.

Все страны бывшего советского блока унаследовали от прежних режимов серьезный промышленный потенциал. Даже если учесть, что эффективность производства и качество продукции неизменно уступали западным нормам, этот потенциал был впечатляющим в сравнении с другими регионами мира. Собственно именно это и было здесь источником многочисленных иллюзий относительно будущего успешного развития. Между тем, даже немногие инвестиции, которые удавалось привлечь, явно шли мимо промышленности. Оценивая приоритеты инвесторов, венгерский экономист Йозеф Бороч выделяет три руководящих принципа: «(1) недвижимость привлекательнее производства; (2) деньги вкладываются в завоевание венгерского или центральноевропейского рынка для импорта, а не в развитие местного экспортного потенциала; (3) возрождаются черты довоенной зависимости»³⁾.

Что это было?

1989 год не был не только концом истории. Он не был и ее началом. Никто не может начать с «чистого листа». Страны Восточной и Центральной

³⁾ Eszmelet-Consciousness / Ed. By T. Krausz. Budapest, 1997. P. 107.

Европы (за исключением Чехии) до Второй мировой войны были периферией или полу-периферией Запада. Национальный капитал был слаб и зависим от иностранцев, государственные структуры были авторитарны, чиновничество коррумпировано. Именно слабостью восточноевропейского капитализма объясняется неспособность местных элит устоять перед натиском Германии в 1939–41 гг. и последующее включение этих стран в советскую сферу влияния. За время существования коммунистического блока Восточная Европа вынуждена была жить в смиренной рубашке однопартийной системы, но одновременно в ней происходила стремительная модернизация. Польша, Югославия и Венгрия были буквально подняты из руин. Выросли города и промышленность, сформировалась система всеобщего образования и здравоохранения. Для низов общества открылись социальные возможности, совершенно недоступные в прежние времена. Когда после смерти Сталина политический кризис охватил почти все страны советского блока, решение было найдено за счет сочетания репрессий против активной оппозиции с внутренними реформами, улучшающими положение большинства населения. Эта политика оказалась предельно эффективной. До середины 70-х непрерывно рос жизненный уровень. Восточная Европа открыла для себя потребительское общество. Да и сфера свободы постоянно расширялась. Антикоммунистические идеологи 90-х гг. предпочитают забывать о том, насколько жесткими были политические режимы в большинстве стран региона до и во время Второй мировой войны. В сравнении с ними коммунистические режимы по крайней мере в Венгрии и Польше к 70-м гг. могли выглядеть даже более либеральными. Все это обеспечивало определенную массовую базу коммунистическим властям, которые держались отнюдь не только на советских штыках. В самом Советском Союзе политическая система становилась все более мягкой, давая людям надежду на дальнейший постепенный прогресс.

«Классический» тоталитарный режим установился в Советском Союзе с начала 30-х гг., когда был окончательно уничтожен частный сектор в городе, независимые крестьянские хозяйства были экспроприированы, сельские жители РАСКРЕСТЬЯНЕНЫ и согнаны в колхозы, оппозиционные группировки в партии окончательно подавлены, а на место экономики, сочетавшей государственное регулирование с рынком, пришла система централизованного планирования. Однако возникли эти новые отношения не на пустом месте.

Революция 1917 г., как и всякая революция, провозглашала лозунги социального освобождения. Но объективно перед новой властью стояла задача модернизации страны. Именно неспособность царского режима и российской буржуазии быстро осуществить модернизацию привела к катастрофическим поражениям в войне с Японией в 1904–05 гг. и в Первой мировой войне. Капиталистическая индустриализация создала в России не только крупные промышленные предприятия, но и породила все противоречия, характерные для раннего индустриального общества конца XIX – начала XX века. И в то же время она не обеспечила динамичного развития, которое дало бы возможность встать на один уровень с Западом. Появились пролетариат и социал-демократическое движение, но правящие классы, в отличие от Запада, не имели ни ресурсов, ни опыта для того, чтобы предотвратить социальный взрыв с помощью

компромиссов, повышения жизненного уровня и частичного удовлетворения требований низов.

Задача модернизации, так и не решенная старым режимом, осталась в наследство новому. И от способности новой власти решить эту задачу зависело теперь будущее режима. Переход власти от Советов к большевистской партии, установление в ходе гражданской войны однопартийной диктатуры, подчинение профсоюзов государству и постепенное утверждение авторитарного стиля руководства внутри самой партии означало, что революция утрачивала не только демократический, но и социалистический характер. Рабочий класс, по-прежнему провозглашавшийся господствующей силой и до известной степени все еще составлявший опору режима, оказался подчинен новой партийно-государственной бюрократии, сформировавшейся в недрах революционного движения.

Социалистические и марксистские теоретики растерянно смотрели на новое государство, вырастающее из революции, но трагически непохожее на то, чего они ожидали. «Бедность и культурная отсталость масс, — писал Лев Троцкий, — еще раз воплотились в злойшей фигуре повелителя с большой палкой в руках. Разжалованная и поруганная бюрократия снова стала из слуги общества господином его. На этом пути она достигла такой социальной и моральной отчужденности от народных масс, что не может уже допустить никакого контроля ни над своими действиями ни над своими доходами»⁴⁾.

По аналогии с французской революцией Троцкий назвал это «советским Термидором». И в самом деле, похоже, что послереволюционное советское общество прошло те же фазы, что и французское, хотя и в других формах и в иные сроки. «Термидорианский» режим бюрократических наследников революции понемногу приобрел империалистический характер, началась военная экспансия, порабощение соседних стран и установление там режимов, организованных по образу и подобию Большого Брата. Однако, подобно наполеоновским завоеваниям в Европе XIX века, советская экспансия в Восточную Европу была не просто попыткой завладеть чужой территорией ради эксплуатации ее ресурсов и населения. Вместе с советской «моделью власти» приходили и новые общественные отношения, открывавшие для низов общества доступ к образованию, политической карьере. Происходила быстрая модернизация стран Восточной Европы. Иными словами (как и в начале XIX века), унижение национальных чувств и подавление свободы зависимых народов сопровождалось действительным социальным прогрессом. К тому же, создав собственный военно-политический блок, Советский Союз фактически отодвинул границу на Запад, обезопасив себя от вторжений, неоднократно происходивших в ходе русской истории (в этом смысле советское движение на запад подчинялось той же геополитической логике, которой следовал Наполеон в начале своего движения на восток).

Распад имперской системы, в свою очередь, и у нас, как и во Франции, означал частичную реставрацию старых дореволюционных отношений, но на основе уважения к правам и собственности новой господствующей верхушки, возникшей благодаря революции. В этом смысле «перестройка»

⁴⁾ Троцкий Л. Д. Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1988. С. 127.

и последующий за ней период для русской истории оказались своеобразным аналогом реставрации Бурбонов во Франции...

Совершенно ясно, впрочем, что осуществить подобную реформу господствующие слои ни тогда ни сейчас не могли без окончательного отказа от остатков революционной идеологии. Термидор еще не является полным разрывом с революционной идеологией и практикой. Сталинский Термидор, так же, как и термидор французский, был по своей сути **контрреволюцией, выросшей из самой революции и являющейся в значительной степени продолжением и завершением революции**. Именно поэтому одинаково бессмысленны и попытки отделить большевизм от сталинизма, и попытки свести большевизм к подготовке сталинизма.

Хотя социалистическая перспектива и была утрачена, а классовая сущность власти постепенно менялась, это вовсе не означало отказа от политики модернизации страны. Более того, модернизация и индустриализация России стали теперь главными задачами режима. Отныне «строительство социализма» представлялось главным образом как строительство большого количества современных промышленных предприятий. Сам термин «строительство нового общества», изначально порожденный недоверием большевиков к естественным процессам социального развития, приобрел совершенно конкретный, вещественный, технологический смысл.

Если буржуазная модернизация в России закончилась неудачей, то бюрократический проект, позволивший сконцентрировать огромные ресурсы и весь наличный общественный капитал в руках государства, давал возможность в несколько раз ускорить темпы развития, не считаясь с ценой, которую приходилось платить за это общество.

Сформировавшиеся структуры управления должны были обеспечивать максимально эффективное и быстрое решение этих задач, а социальная структура общества сделалась (впервые в истории человечества) прямым продолжением структуры управления. Правящий класс оказался слит с государством настолько, что его уже нельзя было в полной мере назвать классом. Гражданское общество отсутствовало, любая человеческая деятельность, ускользающая от сферы государственного управления, просто подавлялась. Восторжествовавший подход был предельно прост: то, чем нельзя управлять, не должно существовать⁵⁾.

⁵⁾ В этом, кстати, существеннейшее различие между тоталитаризмом XX века и традиционной азиатской деспотией. Параллель между советским режимом сталинского периода и «азиатским способом производства» неоднократно проводилась как марксистами, так и немарксистскими исследователями. И в том и в другом случае имеет место концентрация собственности в руках деспотического государства, связь между властью и идеологией (в древнеазиатском варианте — особая роль государственной религии и касты жрецов), и в том и в другом случае попытки централизованного руководства экономическими процессами. Но в «азиатском» варианте речь идет о постоянной работе государства по обеспечению простого воспроизводства (поддержание ирригационных систем, установление сельским общинам ежегодных норм по задаче зерна и т. п.), тогда как в нашем случае ставится задача форсированного экономического роста и смены старых доиндустриальных технологий новыми, индустриальными. Отсюда следует и совершенно различный характер государства. В рамках «азиатской» системы деспотическое правительство имело неограниченную власть, но не претендовало на тотальное управление обществом. Более того, основные процессы, происходившие «в низах», были саморегулирующимися. В общинах властвовал обычай, политически они обладали значительной автономией. Напротив, тоталитаризм XX века строится

Все сводилось к принципу упрощения управления: всех писателей объединили в один союз, то же самое сделали со всеми архитекторами, художниками, кинематографистами. Крестьяне лишены собственных хозяйств и объединены в колхозы, малые предприятия по возможности заменены крупными, поскольку это облегчало задачи централизованного контроля.

Сейчас много пишут о неэффективности сталинских методов, о больших затратах, о человеческих жертвах — ведь даже если не задумываться о моральной стороне дела, гибель миллионов людей вряд ли укрепляет экономический потенциал страны. Но для системы в тот момент важны были только темпы. Главный урок, извлеченный режимом из поражений царской России, состоял в том, что даже успешное промышленное развитие не позволяет встать в один уровень с Западом, если не обеспечен соответствующий темп индустриализации, если не возникает соответствующая КРИТИЧЕСКАЯ МАССА, позволяющая соревноваться на равных. С этой точки зрения режим был эффективен. Он не обеспечивал ни производства качественных товаров, ни повышения жизненного уровня, ни высокой рентабельности предприятий. Но он гарантировал головокружительные темпы роста.

Эта эпоха, писали советские социологи Л. Гордон и Э. В. Клопов, породила удивительную «смесь прогресса, преодоления отсталости, взлета народной энергии и народного энтузиазма с явлениями упадка, застоя, массового террора, разрушения нормальных основ социальной жизни», возникло общество, где «труд подчинен единой поддерживаемой государством дисциплине и где, в свою очередь, государство гарантирует гражданам определенную социальную защищенность — отсутствие безработицы, возможность и обязанность трудиться, получая более или менее равный минимум обязательных социально-культурных благ и приобретая другие блага в соответствии с результатами труда, заслугами перед обществом, общественным положением человека»⁶.

Эта система не имела ничего общего с «царством свободы», о котором писали основоположники социализма. Но миллионы людей, истерзанные войнами и привыкшие ежедневно бороться за физическое выживание, воспринимали ее как высшее выражение социальной справедливости. Более того, не будучи социалистической, она безусловно опиралась на целый ряд социалистических принципов в своей теории и практике. Именно это предопределило серьезные успехи Советского Союза на ранних этапах его истории. Именно из-за этого распад СССР оказался столь тяжелым ударом для левого движения во всем мире.

Общество деклассированных

Общество разделилось на управляющих и управляемых. Естественно, рядовой гражданин существовал отныне только как объект управления. О каких гражданских правах может в подобном случае идти речь? Централизованный аппарат управления противостоял массе трудящихся. Но система держалась

по принципу всеобщности, тотальности управления. Об «азиатском деспотизме» и тоталитаризме см.: *Кагарлицкий Б.* Дialectика надежды. Париж, 1989.

⁶ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? М., 1989. С. 149.

не только на страхе и репрессиях. После того как традиционные формы самоорганизации общества и связи между людьми были разрушены, массы людей по существу деклассированы, население само нуждалось в централизованном государстве, без которого уже невозможно было обойтись. Власть налаживала производство, обеспечивала обучение детей в школах, гарантировала бесплатное здравоохранение, давала работу и организовывала отдых.

Стихийное деклассирование масс началось еще во время столыпинской реформы, так и не создавшей русского фермерства, но подорвавшей традиционную сельскую общину. Разрушение социальных связей продолжалось во время мировой войны, революции и гражданской войны. Миллионы людей были сорваны с насиженных мест, отрезаны от своих родных и своей обычной среды. Рабочие массами переселялись в деревню, крестьяне наводняли города. В годы новой экономической политики, когда крестьяне получили возможность работать на своей земле, а в городах начался медленный рост промышленности, появились некоторые признаки социальной стабилизации. Однако новая экономическая политика не могла решить задачу ускоренной модернизации. Сталинская политика 30-х гг. ее решала — за счет разрушения сложившихся общественных связей. Насильственная коллективизация деревни, сопровождавшаяся форсированной индустриализацией и террором, разорвала непрочную социальную ткань. Опять миллионы людей перемещались из деревни в города, за считанные дни превращаясь из земледельцев в неквалифицированных городских рабочих. Узкий слой потомственных рабочих был просто смыт волной сталинской индустриализации. Вторая мировая война и новые волны репрессий довершили дело. Общество в старом смысле слова просто исчезло. Была лишь «общественно-политическая система». Вне структур государства социальное бытие и экономическое развитие сделались просто невозможны.

Это деклассированное общество, лишенное устойчивых социальных связей, традиций, культуры, неизбежно нуждалось в управлении извне. Всемогущая бюрократия отныне не только гарантировала модернизацию, она обеспечивала выживание и самовоспроизводство населения. Именно поэтому система сохраняла устойчивость даже после того, как массовый террор в 50-е гг. прекратился. Сама бюрократия радикально изменилась. Она так и не стала правящим классом в традиционном западном смысле слова — классы существуют лишь там, где есть социальные структуры, отличные от структур государства. Но это была уже и не старая государственная бюрократия, существовавшая в России испокон веков.

Обычно бюрократия в любом европейском обществе выполняет волю правящего класса. Управляя государством, чиновники, естественно, имеют и собственные интересы. Очень часто результат бюрократического управления оказывается разительно непохожим на то, что ожидалось. Но в то же время аппарат не выдвигает собственных целей и приоритетов. Он лишь по-своему интерпретирует волю верхов в процессе исполнения решений. Напротив, в советской системе аппарат сам принимал решения и сам же их интерпретировал. Бюрократия, не переставая быть прежде всего исполнительным аппаратом власти, уже не выполняла волю правящего класса, а заменяла отсутствующий правящий класс. В строгом смысле это уже не бюрократия старого образца, а *«этакратия»*, класс-государство, класс-аппарат.

Как уже говорилось, все классы сталинского общества в строгом смысле были деклассированными и в этом отношении правящая верхушка не намного отличалась от других социальных слоев. Но она имела одно важное преимущество — она была организована и слита с государственной властью. Противоречивость положения самой господствующей верхушки постоянно порождала гротескные ситуации и зачастую фантастическую безответственность, наносившую в конечном счете урон даже интересам самой бюрократии. Однако эти слабые стороны системы проявились в полной мере лишь позднее, по мере ее разложения. Тем более, что на первых порах эффективность работы внутри аппарата гарантировалась с помощью террора, затрагивавшего верхи почти в той же степени, что и низы, и своеобразного «естественного отбора», когда проигравшие физические ликвидировались.

Внешне система управления напоминала монолитную пирамиду, под основанием которой находилась масса бесправных и деклассированных трудящихся. Однако при более близком рассмотрении выясняется, что «монолит» никогда не был совершенно однородным. Более того, внутри «большой» пирамиды власти существовали тысячи маленьких и мельчайших управленческих пирамид, полностью воспроизводивших его структуру.

На самом верху находился «великий вождь и учитель» товарищ Сталин, чья власть была абсолютной. Но каждый крупный партийный начальник в своей области, каждый министр в своем ведомстве, каждый директор на своем заводе были маленькими Сталиными, властвующими над жизнью и смертью своих подданных. Хорошо известно, что при сталинском трудовом законодательстве, каравшем тюрьмой за двадцатиминутное опоздание, именно от директора завода зависела судьба его подчиненных. Он мог передать их в руки НКВД за малейший проступок, а мог прикрыть крупные нарушения. С этого начиналось развитие корпоративных отношений на производстве, когда предприятие превращалось в некое подобие традиционной русской общины, только индустриальной. Деспотическая власть начальников на местах гарантировала им изрядную самостоятельность. Центр ставил задачи и подбирал людей. За успех эти люди отвечали головой. В те времена никто еще не додумался до того, чтобы планировать из центра каждую мелочь. Этого просто не требовалось. Необходимо было лишь сконцентрировать ресурсы на главных направлениях, обеспечить строительство максимального количества предприятий тяжелой индустрии в кратчайший срок, вручить управление этими заводами в руки «верных солдат партии» — об остальном думать было некогда. Система была примитивной, но надежной (как и производившееся на советских заводах оборудование). Причем именно примитивность и простота системы были причиной успехов.

Плата за успех

Индустриальное общество было в целом создано, война выиграна, Россия, под именем Советского Союза, превратилась в сверхдержаву. Экономический рост продолжался, несмотря на возникающие трудности. Централизованная экономика и жесткое авторитарное управление обеспечивали модернизацию России до конца 40-х гг. После того как индустрия была в основном построена, управлять более сложной экономикой с помощью прежних мобилизационных

методов становилось все сложнее. Технологическая революция действительно требовала новых подходов. Как ни парадоксально, на первых порах система пошла скорее по пути усиления централизации. Террор прекратился, зато бюрократический контроль над «командирами производства» в 50-е гг. скорее усилился. Никто уже не отвечал за успех головой, зато резко возросло значение отправляемой в центр «отчетности». С начала 60-х гг. советская система столкнулась с постоянным снижением темпов роста экономики и дефицитом капиталовложений. Этот дефицит был тесно связан с низкой эффективностью использования имеющихся средств.

Успех индустриализации означал, что общество качественно изменилось. А следовательно, требовало и других методов управления. Уже в 50-е гг., когда современная (для той эпохи) тяжелая промышленность была создана и восстановление экономики после разрушений, причиненных мировой войной, в основном завершено, стали возникать новые проблемы. Холодная война и соперничество с Соединенными Штатами, возникновение новых военных технологий, необходимость взаимодействия с экономикой попавших в советскую сферу влияния стран Восточной Европы — все это ставило режим перед необходимостью серьезной перестройки. Усложнившиеся задачи уже невозможно было решать первоначальными примитивными методами. Бесплатный труд заключенных в лагерях становился невыгоден, а на энтузиазме производства держаться уже не могло. В условиях мирного времени нужен был новый работник, способный осваивать более сложные технологии.

Многие ученые прекрасно работали в «шарашках», лабораториях-тюрьмах, где научные открытия совершались под надзором охраны за решеткой. Но подобным образом невозможно было наладить массовое производство. Гении могли трудиться даже в заключении просто из любви к своему делу. Рядовой квалифицированный рабочий или инженер нуждался в нормальных условиях труда, позволявших им восстанавливать свою работоспособность, нормально получать необходимые знания, переучиваться. Короче говоря, требовался как минимум свободный наемный работник, которому следовало обеспечить уровень жизни и потребления если не равный западному, то по крайней мере сопоставимый. Следовало хотя бы в какой-то мере обеспечить самостоятельность и права работника, а для этого необходимо было ограничить произвол начальников на местах, установив по всей стране определенные общие нормы управления.

Политика «Оттепели», проводившаяся Н. С. Хрушевым после смерти Сталина, и была попыткой решения этой задачи. Лагеря были ликвидированы, на базе «шарашек» созданы мощные научно-исследовательские институты, зачастую возглавлявшиеся бывшими заключенными, началась модернизация вооруженных сил и обновление промышленных технологий. Вплоть до конца 80-х гг. именно оборудование, установленное в течение 60-х, составляло основу производства на большинстве предприятий. После того как террор сменился более мягкими формами контроля, большую роль стала играть «материальная заинтересованность» работника. Соответственно быстро начал развиваться потребительский рынок. По существу, несмотря на огромное отставание от Запада по уровню жизни, Советский Союз в 60-е гг. начал превращаться в потребительское общество. Это означало не только существенное изменение культуры

и психологии трудящихся, но и становление новой экономической структуры, способной массово производить не только танки и трактора, но и товары для народа. В свою очередь население и само руководство оценивало отныне сложившуюся систему не только по тому, насколько она могла обеспечить оборонную мощь страны, «величие державы», национальную независимость или обещанное революцией социальное равенство, но и по тому, насколько она обеспечивала постоянный рост потребления.

От реформ к «стабильности»

Модернизаторский потенциал советской системы был явно исчерпан к концу 70-х гг. В одних странах это происходило раньше, в других позже. В СССР темпы роста экономики начали снижаться уже с 1959 г., когда в целом было завершено послевоенное восстановление страны.

Первой попыткой решить проблему были экономические реформы конца 60-х (в СССР по имени тогдашнего премьера эта политика получила название «косыгинской реформы»). Инициаторы преобразований предполагали обеспечить децентрализацию принятия решений. Однако, как показали события 1968 г. в Чехословакии, такая децентрализация неизбежно повлекла бы за собой новый этап политической демократизации и ослабление позиций господствующей партийно-государственной бюрократии. Поэтому к началу 70-х гг. реформы были свернуты (а в Чехословакии подавлены силой оружия).

Чехословакия, наименее пострадавшая в войне и обладавшая наиболее развитой экономикой в докоммунистические времена, оказалась первой страной, для которой в рамках сложившейся системы не было никаких перспектив развития. Вот почему движение за реформы в 1968 г. было поддержано и даже инициировано здесь значительной частью партийной и государственной элиты. Однако сам Советский Союз к переменам не был готов. Более того, нефтяной кризис, наступивший после арабо-израильской войны 1973 г., направил в СССР мощный поток нефтедолларов. Одновременно дешевая советская нефть стимулировала продолжение промышленного роста в «братских странах». В годы правления Леонида Брежнева главным лозунгом в СССР стала «стабильность». Эта «стабильность» покупалась за счет отказа от поиска новых путей развития. Новый общественный договор предполагал, что население откажется от потребности в расширении гражданских свобод в обмен на увеличение потребления. Кстати, это вполне соответствовало и идеям, заложенным в программе КПСС, принятой на XXII съезде. Ведь там «коммунизм» представляется исключительно в виде потребительского рая, своего рода гигантского американского супермаркета, откуда каждый гражданин может свободно и бесплатно тащить все, что удовлетворяет его «непрерывно растущие потребности». Культ потребления, встроенный в систему, ориентированную на непрерывное наращивание производства, должен был ее стабилизировать, придать ей новые стимулы, но на самом деле — разлагал ее. Именно тогда были заложены основы нынешней коррупции, причем не только наверху, но и во всех слоях общества.

Совершенно ясно, что система управления становилась все более бюрократизированной и сложной. Принятие любого решения требовало все большего

числа согласований, между бюрократиями стали возникать конфликты интересов. Партийный аппарат оставался ядром системы, приобретая новые важные функции. Он должен был не только управлять страной, но и координировать действия различных бюрократий, выступать арбитром в конфликтах, принимать окончательное решение в спорных случаях. В свою очередь это породило новые противоречия между партийным аппаратом и «хозяйственниками». С одной стороны, партийная верхушка постоянно вмешивалась в дела производственной бюрократии, зачастую отстаивая внеэкономические интересы, с другой стороны, она обеспечивала определенную сбалансированность системы.

Поскольку внутри хозяйственного аппарата сложилась своя система подчинения, директора предприятий оказались под двойным контролем. Для того чтобы центральные министерства и ведомства могли эффективно контролировать нижестоящие инстанции, они должны были получать информацию об их деятельности и доводить до них плановые задания в виде системы «показателей», позволявших обобщать и оценивать информацию. Чем более сложным и развитым становилось производство, тем больше требовалось показателей. Чем больше было показателей, тем легче оказывалось директорам предприятий и самим министерствам манипулировать ими. В свою очередь партийные власти на местах гораздо меньше интересовались формальными показателями, но больше были заинтересованы в решении социальных вопросов и в том, чтобы принимаемые решения соответствовали идеологической линии партии на данном этапе.

С точки зрения хозяйственного аппарата вмешательство партийных органов было помехой до тех пор, пока партийные руководители не подключались к добытию дефицитного сырья, оборудования, стройматериалов. С другой стороны, вмешательство партаппарата позволяло многим промышленным руководителям лавировать между двумя силами: партийной властью на местах и министерствами в центре. Именно через партийный аппарат зачастую устанавливались и горизонтальные связи, прямые неформальные контакты между предприятиями различных отраслей. Парадоксальным образом именно вмешательство партийных органов в значительной мере заменяло отсутствовавшие структуры рынка. И в свою очередь, возрастающее «хозяйственное» значение партийных органов готовило их принятию в конце 80-х гг. «рыночной» идеологии. Точно так же увеличивались возможности для коррупции. Чем больше партийные работники занимались «дефицитом», тем больше они обнаруживали перспектив для личного обогащения.

Попытка упорядочивания этой системы на основе децентрализации и расширения прав хозяйственной бюрократии на местах, предпринятая в 1965–69 гг., провалилась из-за того, что центральные ведомства и партийное начальство не желали поступиться своей властью. Но что-то все же приходилось менять. Выходом в условиях постоянно усложняющейся экономики стала **бюрократическая децентрализация**. Поскольку центр захлебывался от информации, которую не мог должным образом обработать, но не желал и передать свои полномочия «вниз» (тем более, что попытки реформ нарушали сбалансированность системы, которая, несмотря на постоянно возрастающие трудности, все же как-то работала), единственной альтернативой стало создание параллельных центров.

Министерства стали плодиться с невероятной быстротой. Если при этом и повышалась управляемость внутри отрасли (поскольку каждое центральное ведомство занималось теперь меньшим количеством предприятий), то, наоборот, работа по планированию развития и согласованию отраслевых интересов усложнялась. Положение партийного аппарата тоже становилось все сложнее, по мере того, как возникал бюрократический плюрализм интересов. Если структура власти в 30-е гг. напоминала пирамиду с вождем на вершине, то к 70-м гг. это была уже сложная конструкция с многими вершинами, опутанная как паутиной сетью партийных органов. «Общественная» собственность в 70-е гг. все более превращалась в корпоративную и по существу частную. «Лица, распоряжавшиеся от имени государства так называемой государственной собственностью (чиновники всех уровней), нередко выступали уже в качестве ее реальных владельцев, — отмечает политолог Владимир Пастухов. — Эти люди становились все более и более независимыми от государства и одновременно государственная природа собственности в СССР все больше превращалась в условность»⁷⁾.

Это было время разрастающейся коррупции — не только наверху, но и во всех слоях общества. Нефтедолларами оплачивались импортные потребительские товары и технологии. Однако этих денег не хватало и приходилось прибегать к внешним заимствованиям. 70-е гг. были временем дешевого кредита. В результате Польша, Венгрия, Румыния и Советский Союз оказались в числе крупнейших должников Запада. Последствия этой политики оказались роковыми для страны. Россия все более становилась периферией западного мира, ее экономика подчинялась той же логике зависимости, что и экономика стран Азии, Африки и Латинской Америки. Неэффективная бюрократическая машина постепенно разлагалась. Это было время стремительного роста коррупции наверху. В то же время морально разлагалось население, покорность которого покупали за счет искусственного роста потребления.

К этому надо добавить изменение социальной динамики. С 1917 г. русское общество жило под воздействием *революционного импульса*, когда миллионы людей из низших классов получили возможность подняться наверх. Сотни тысяч из них погибали в лагерях и на войне, но тем не менее происходило постоянное выдвижение новых талантливых людей на их место. Бесплатное образование и здравоохранение обеспечивали эту перманентную социальную демократизацию. Советская система не стала и не могла стать социалистической в марксистском смысле этого слова. Но для миллионов людей она выполнила некоторые обещания социализма.

В течение 70-х гг. эта демократическая социальная динамика постепенно сошла на нет. Номенклатура, близкая к ней часть интеллигенции и управленческие слои консолидировали свои привилегии. Вертикальная мобильность в обществе стремительно падала.

Советские средние слои

Масса трудящихся продолжала оставаться в целом атомизированной. Переселение миллионов людей в города, продолжавшееся и в 60-е гг., затрудняло

⁷⁾ Пастухов В. Три времени России. М.: Полис-Росспэн, 1994. С. 155.

формирование потомственного рабочего класса, хотя по сравнению со временами сталинского террора и войны социальные связи стали устойчивее и люди гораздо меньше теперь зависели от государства.

Быстрее всего происходило формирование новых средних слоев. Усложнившаяся экономика порождала целый слой привилегированных научных работников, менеджеров. Новые культурные потребности населения вызвали к жизни формирование культурной индустрии, прессы, возникло телевидение. Сложилась новая культурная элита. Сохраняющаяся нехватка товаров и услуг при одновременном росте уровня жизни, покупательной способности и потребления создала условия для возникновения развитой и преуспевающей торговой мафии, которая постепенно проникала в самые разные стороны общественной жизни.

При всей своей неоднородности средние слои объединял схожий образ жизни, примерно одинаковый уровень образования и, наконец, общая модель потребления. В условиях формирования культуры и идеологии нового потребительского общества это было очень важно.

Средние слои объединяла и противоречивость их отношений с властью. Почти все эти группы пользовались в системе определенными привилегиями и правами, резко возвышавшими их над массой простых смертных. Были ли эти права дарованы сверху, как в случае интеллектуальной элиты, получившей всевозможные льготы, начиная от права на использование дополнительной жилой площади в условиях квартирного дефицита и кончая поездками за границу, сложилась ли система привилегий естественным путем, как это происходило с менеджерами, или же все было взято самочинно и незаконно, как в случае с торговой мафией, но в любом случае существовавшая система открывала перед представителями средних слоев куда большие возможности, нежели перед «рядовыми» гражданами. В то же время средние слои были совершенно отчуждены от реальной власти. Постоянные конфликты вызывались неизбежным вмешательством партийного аппарата в «чужие дела». Наконец, средние слои обладали гораздо более высоким уровнем образования и были куда компетентнее, нежели партийные функционеры, управлявшие ими. Эти группы меньше всего нуждались в опеке аппарата. Средние слои были ближе всего к власти... и сильнее всего чувствовали на себе ее давление.

Средние слои чувствовали, что власть нуждается в них, но не допускает к себе. Совершенно естественно, что хотя эти круги не были самыми угнетенными, именно здесь стало быстрее всего возникать стремление к радикальным переменам. Именно здесь складывалась оппозиция, именно в этой среде стали возникать идеи о новом общественном устройстве. И диссиденты и реформаторы вышли из средних слоев.

Когда в 1962 г. массы, возмущенные политикой правящей бюрократии, поднялись на восстание в Новочеркасске, они обращались к революционной традиции 1917 г. О переходе к капитализму не могло быть и речи, точно так же, как не предлагалась и альтернативная социалистическая модель. Народ лишь требовал от системы выполнения ее собственных обещаний, жизни в соответствии с официально провозглашенными лозунгами («все на благо человека труда», «молодым везде у нас дорога», «единственный привилегированный класс — это дети» и т. п.). Рабочие восстания в Восточном Берлине в 1953 г.

или в Польше в 1956 и 1970 гг. демонстрируют ту же картину. Напротив, когда в конфликт вступали средние слои, речь всегда шла об изменении правил игры, преобразовании структуры управления и переделе власти. В этом смысле оппозиция средних слоев, при всей ее ограниченности, оказывалась единственно «конструктивной», причем совершенно естественно, что реформистские идеи оказывались куда влиятельнее диссидентских, хотя диссиденты привлекали к себе большее внимание.

Поскольку средние слои оказались и единственной частью общества, имевшей свой голос, поскольку они были самой организованной его частью, они начинали говорить от имени всего общества. В этой ситуации иллюзия полного совпадения собственных интересов с интересами страны в целом была и для реформаторов и для сторонников диссидентства вполне естественной и закономерной.

Кризис 80-х годов

К началу 80-х гг. возможности «брежневской» модели были исчерпаны. Цены на нефть стабилизировались, а вместо нефтяного шока наступил долговой кризис. Настало время платить по счетам. Кризис управления деморализовал правящие круги, подорвал их веру в эффективность системы гораздо больше, нежели снижение темпов роста экономики и растущее недовольство народа. Принять любое решение становилось все труднее, бюрократические лабиринты делались все более запутанными, ставя в тупик даже опытных профессиональных чиновников.

Кризис управления к концу 70-х гг. породил «кризис снабжения». Дефициты стали повседневной проблемой не только для рядового потребителя, но и для директоров заводов. Централизованная система распределения ресурсов давала все большие сбои, запланированные поставки срывались, невозможно было узнать, где что находится. Парадоксальной реакцией хозяйственного аппарата на развал системы снабжения стало формирование своеобразного «серого рынка» — возникли прямые связи между предприятиями, не столько покупающими друг у друга продукцию, сколько обменивающимися между собой дефицитом. Кстати, эти связи оченьгодились и во время кризиса 90-х гг.

В свою очередь все, кому удавалось получить доступ к дефициту, будь то домохозяйка или директор автозавода, стали создавать запасы. Обычная советская квартира все больше превращалась в склад. Сатирик Жванецкий заметил, что он у себя дома «как на подводной лодке»: месяц может автономно продержаться.

Развитие менового рынка и прямых связей при одновременном накоплении «скрытых резервов» еще больше осложняли работу централизованного снабжения, понижали управляемость. В то же время в стране возник инвестиционный кризис. Поскольку центральные органы не имели точной информации о происходящем, а ресурсы перераспределялись стихийно на «сером» и «черном» рынках, правительственные инвестиционные проекты невозможно было реализовывать в срок. Между тем строительство новых предприятий для любых ведомств стало надежнейшим способом получения дополнительных ресурсов

из централизованных фондов. Стройки начинались, но не заканчивались. Капиталовложения не приносили отдачи.

Это, в свою очередь, сделалось одним из важнейших источников инфляции. Постоянно растущий объем незавершенного строительства оказался той брешью, через которую в экономику хлынули миллиарды необеспеченных товарами рублей. Деньги, вложенные в строительство новых предприятий, не только не приносили прибыли, но и создавали новые дефициты, требовали новых затрат, шли на оплату труда, не создававшего конечного продукта, годного для реализации на рынке. Финансовый кризис привел к накоплению многомиллионных сбережений у граждан и предприятий, причем лишь часть средств оказалась в сберегательных кассах и банках, другая часть оставалась «в чулке», пополняла различные «черные кассы», циркулировала на «черном рынке».

Из-за развала механизмов официального управления стала стихийно формироваться своеобразная теневая система управления, непосредственно сраставшаяся с преступным миром. Как говорится, «свято место пусто не бывает»...

✓ Коррупция вообще является естественным спутником неэффективной бюрократии. В любом обществе уровень коррупции обратно пропорционален эффективности управления. Однако в советском обществе мафия не только наживалась на провалах системы, но фактически стала превращаться в теневую власть, гораздо более эффективную и стабильную, нежели власть официально провозглашенная.

К началу 80-х гг. распад системы был уже налицо. Брежневское руководство старалось из последних сил делать вид, что в стране ничего не происходит, но сама бюрократия каждодневно сталкиваясь с кризисом управления, требовала перемен. Со смертью Брежнева эти перемены стали политически и психологически неизбежными. Несостоятельность системы была очевидна даже для ее идеологов. Если Михаил Горбачев и его окружение в первые годы после прихода к власти могли тешить себя иллюзиями относительно «перестройки» общества, то к 1988–89 гг. ситуация окончательно вышла из под контроля. Бюрократический аппарат окончательно утратил целостность, распался на враждующие и соперничающие группировки. Одно министерство выступало против другого, одна республика против другой — и все вместе против центрального правительства и партийного аппарата, пытавшегося хоть как-то навести порядок в этом хаосе.

Партийный аппарат на первых порах еще сохранял некоторую устойчивость, но в условиях общего распада он не мог долго продержаться. Борьба фракций и групп обострялась, тем более, что и партийная верхушка никогда не была вполне однородной. В странах Восточной Европы старая власть рушилась еще быстрее, хотя в каждой стране была своя специфика.

Верхи общества судорожно искали новую стратегию. Такой стратегией стала приватизация и капитализация. К 1990 г. не осталось ни одной восточно-европейской страны, где уцелел бы традиционный «коммунистический» режим. Монополия коммунистических партий на власть была отменена, централизованное управление экономической ликвидировано. На смену «коммунистической» идеологии пришла неолиберальная.

Неолиберальная реформа базировалась на доминирующих тенденциях предшествующих лет. Она усилила, закрепила эти тенденции, довела их до логического предела. Россия стала периферией Запада не только экономически, но и политически, пожертвовав статусом сверхдержавы и значительной частью экономики. Социальная дифференциация окончательно разделила общество на привилегированное меньшинство и нищее большинство, разрушив институты, ранее обеспечивавшие выходцам из низов путь наверх.

К капитализму!

События 1989–91 гг. не были переломом, они были кульминацией предшествовавшего процесса. Именно поэтому коммунистические партии так легко отдали власть. А массы, коррумпированные идеологией паразитического потребления, были не в состоянии выступить в качестве самостоятельной силы. Марксистские идеологи, привыкшие повторять высокпарные слова о рабочем классе, удивлялись, почему поворот к капитализму не встретил ожесточенного сопротивления трудящихся. Между тем неолиберальные политики могли успешно действовать именно потому, что опирались на социальное «наследство» тоталитаризма. Общество оставалось в значительной мере деклассированным, люди не осознавали своих интересов, нормальные социальные связи отсутствовали. Классов в полном смысле слова не было. Массовое движение неизбежно превращалось в выступления толпы, которой легко было манипулировать с помощью средств массовой информации («зомбировать», как стали говорить позднее). Люди привыкли обращаться к государству за помощью, протестовать против государственной несправедливости, но не имели опыта жизни в обществе, где государство бессильно, а население должно самостоятельно решать свои проблемы. В сущности, единственными социально организованными силами на Востоке оставались бюрократия и средние слои...

Именно старая номенклатура, доведшая страну своим правлением до кризиса, оставалась единственной социальной группой, способной контролировать обстановку, возглавить преобразования. Номенклатура уже не могла управлять по-старому, но никто не мог заменить ее у руля государственного управления. Можно было сколько угодно менять политические лозунги и наклеивать на государство новые идеологические ярлыки, но оставалось фактом: перед нами был кризис, но не было альтернативы. Не существовало нового класса, который мог бы отнять власть у старой олигархии и сформировать новую модель общества. Это могла сделать только сама же олигархия или какая-то ее часть.

Мало кто из политологов обратил внимание на один поразительный факт. В 1989–90 гг. в Советском Союзе стремительно выросло мощное оппозиционное движение, представленное в Верховном Совете, выводившее на улицы многотысячные толпы, взявшее под свой контроль Москву и Ленинград. Однако за исключением академика А. Д. Сахарова, игравшего скорее символическую роль, старые диссиденты почти никогда не занимали важного положения в этой новой оппозиции. Все ключевые посты и здесь оказались у людей из старого аппарата. И Борис Ельцин, и Юрий Афанасьев, и Николай Травкин, и Иван Силаев, ставший премьер-министром России после победы оппозиции

на республиканских выборах, и Г. Х. Попов, будущий мэр Москвы, не только занимали важные посты в старой системе, но, что главное, именно их положение в системе позволило им стать политическими лидерами.

Вряд ли Ельцин был бы кому-нибудь интересен в 1988–89 гг., если бы не был первоначально кандидатом в члены Политбюро КПСС. Если бы Юрий Афанасьев не являлся ректором Историко-архивного института, а еще раньше — одним из руководителей комсомола, вряд ли его имя было бы известно даже среди историков. Тем более маловероятно, что они смогли бы, не будучи причастными к власти, обнародовать свои взгляды в официальной печати, все еще монопольно находившейся в руках государства вплоть до середины 1990 г.

Егор Гайдар, главный архитектор неолиберальных реформ в России начала 90-х, был в этом смысле достаточно откровенен. Его правительство прямо видело в качестве одной из своих задач «обмен номенклатурной власти на собственность». Для тех, кого это коробило, Гайдар пояснял: «Звучит неприятно, но если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 80-х гг. соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства». Нравится это кому-то или нет, это «оптимальное решение», «шаг вперед от “империализма” к свободному, открытому рынку»⁸⁾.

Ситуацию, сложившуюся в начале 90-х, великолепно передает Виктор Пелевин в романе «Generation П»: «По телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее»⁹⁾. Можно представить себе «Германию 46-го г., где доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях, а возглавляет всю лавочку прозревший наконец гауляйтер Восточной Пруссии»¹⁰⁾.

Разумеется, дело не столько в личностях, сколько в социальной природе режима. В ряде стран Восточной Европы бывшие партийные бюрократы были оттеснены от рычагов власти (и либерально настроенная интеллигенция в России со вздохами признавала, что эти страны добились большего). Принципиально важно, однако, что легкость, с которой происходили перемены в «братских странах», была предопределена именно политическими и социальными сдвигами в Советском Союзе, а направление развития было общим во всех государствах бывшего «коммунистического блока».

Номенклатура не могла уже управлять по-старому, но она быстро училась управлять по-новому. Для того чтобы сохранить и упрочить позиции в изменившихся условиях, правящие круги должны были сами сформировать новую модель власти и новую структуру собственности.

Номенклатура обуржуазилась. Она трансформировалась, вобрав в себя новых людей. Новые элиты, однако, оказались еще более паразитическими,

⁸⁾ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 153–154.

⁹⁾ Пелевин В. Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 17–18.

¹⁰⁾ Там же. С. 18.

неспособными и незаинтересованными в том, чтобы обеспечить развитие страны. Мы получили периферийный капитализм при полном отсутствии национальной буржуазии. Впрочем, другого капитализма в России все равно быть не может. В конечном счете это единственный случай в мировой истории, когда капиталистические структуры сразу сложились в эпоху глобализации. Они именно для того и создавались, чтобы обслуживать центры мировой системы.

Преобразование общества

Избранный путь развития предопределил усиливающееся вовлечение стран Восточной Европы в мировую экономику в качестве периферии Запада. Зависимость постоянно усиливалась на протяжении 70-х и 80-х гг. В то же время внутренние проблемы не находили разрешения. С того момента, как система оказалась неспособна удовлетворить ею же вызванные потребительские ожидания, она столкнулась с ростом политического недовольства помноженного на обывательскую обиду. Движения 1989 г. были бунтом рассерженных потребителей в той же мере, как и восстанием пробудившегося «гражданского общества». Общество было разобщено и деморализовано. Не было рабочего класса, были потребители, стоящие в очередях, чтобы потратить деньги, заработанные на предприятиях. Не было элит, а были группы, допущенные к более высокому уровню потребления и желающие еще большего.

Итогом стал крах коммунистических режимов в Восточной Европе в 1989 и в СССР в 1991 гг. Однако смена режима вовсе не означала изменения общей направленности развития. Более того, именно устранение структур коммунистической власти открыло путь для окончательного превращения стран Восточной Европы в периферию капиталистической миросистемы (world-system). В этом смысле 1989–91 были вовсе не переломным моментом, не началом нового этапа, а всего лишь кульминацией процессов, развивавшихся в течение предшествующего десятилетия.

Именно это объясняет удивительную легкость, с которой коммунистические элиты уступили власть. Они сами давно тяготились этой властью, точнее, ее прежней формой. Наиболее «подготовленными» к переходу оказались элиты в Венгрии. Одни и те же либеральные экономисты, отмечает венгерский исследователь Ласло Андор, «писали под псевдонимами для нелегального журнала *“Beszelo”* и одновременно работали на полной ставке в Министерстве Финансов»¹¹⁾. Одна и та же группа экспертов разрабатывала партийную резолюцию 1984 г. об экономической реформе и стабилизационную программу демократической оппозиции. Аналогичные расклады можно было наблюдать и в других странах.

Разумеется, бюрократия не была едина. Идеологи и репрессивный аппарат боялись перемен, но их влияние было уже не особенно велико. Соотношение сил было различным в разных странах — в Чехословакии произошла «бархатная революция», а в Румынии дошло до гражданской войны. Участие масс

¹¹⁾ *Andor L. Human Objectives in Economic Policy Making: Has the Dictatorship over Needs Ended in Eastern Europe? // A paper written for the Seventh International Karl Polanyi Conference on «Rethinking Human Needs». France, Lyon, May 26–28, 1999. P. 3.*

в процессе преобразований тоже было различным. В Польше и Румынии народ выходил на улицы, требуя перемен, в Венгрии пассивно ожидал результатов «круглого стола» власти и оппозиции, а в России с самого начала значительная часть населения реформ побаивалась.

И все же общая динамика и социальная природа происходящего была одинакова повсюду. Старая номенклатура разрешала собственный кризис ценой разрушения системы. Она стремилась сохранить свои позиции, конвертируя власть в деньги, чтобы затем с помощью денег удерживать власть. Коммунистическая элита начала обуржуазиваться задолго до 1989 г. Распад Восточного блока дал ей возможность открыто объявить себя буржуазией.

Внешне может показаться, что события 1989 г. были продолжением реформистских попыток 1968 г. Однако это было не так. На протяжении 70-х гг. бюрократия существенно изменилась. Период Брежнева был временем, когда правящий слой во всех странах советского блока тотально коррумпировался. Парадоксальным образом эта коррупция сделала бюрократию восприимчивой к лозунгам демократии. Возникшие у элит новые потребности могли быть полноценно удовлетворены лишь в «открытом обществе». К тому же нужен был новый механизм легитимизации власти. В условиях растущего расслоения общества эгалитаристская идеология уже не устраивала сами верхи, не могла служить оправданием их господства.

Вот почему лозунг «социализма с человеческим лицом» был повсюду быстро отвергнут. Вчерашние убежденные коммунисты легко стали либералами или правыми социал-демократами. Деятели движения 1968 г. были либо вытеснены на обочину политической жизни (как это случилось в Чехословакии и отчасти в России), либо вынуждены были радикально изменить идеологию, последовав тем самым за партийными бюрократами (как это произошло в Польше).

Исключением стала Восточная Германия. Ее просто аннексировал Запад. Потребительские ожидания масс были удовлетворены, но местная номенклатура оказалась оттеснена несравненно более мощной и богатой западной буржуазией. Вслед за бюрократией притеснениям стала подвергаться и местная интеллигенция. Обиженные протестовали. А это были люди деятельные, образованные и опытные. Не имея шансов интегрироваться в систему, они были полны желания изменить ее. Не удивительно, что в немецких «новых землях» левое движение возродилось гораздо быстрее, нежели в остальной Восточной Европе.

По большому счету, массы были повсеместно обмануты. Однако с таким же основанием можно утверждать, что народ повсюду получил именно то, чего требовал. Эта ситуация напоминает известную притчу о человеке, который захотел разбогатеть за один день — наутро ему сообщают, что погиб его любимый сын и он получает страховку. В 1989 г. народ хотел получить свободу и доступ к западным потребительским товарам. И то и другое было получено, но какой ценой?

Экономика всех посткоммунистических стран пережила глубочайший спад, жизненный уровень снизился. Для большинства населения затруднился доступ к образованию, система общедоступного бесплатного здравоохранения была

подорвана. Потребительский рай оказался клубом для избранных. Безработица во всех странах кроме Чехии и Белоруссии достигла 10–16 %.

Поскольку и государство и частный бизнес оказались неспособны создавать рабочие места в достаточном количестве, люди стали жить по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Миллионы людей оказались вовлечены в мелкий частный бизнес, но на крайне низком технологическом и организационном уровне, что, как признают многие исследователи, «делает мелкий бизнес скорее тормозом, чем “локомотивом” экономических преобразований»¹²⁾. Такие «предприниматели» являются не столько мелкой буржуазией, сколько маргиналами, не имеющими ни собственности, ни надежных средств к существованию, с трудом зарабатывающими себе на пропитание. Их жизнь нестабильна и полна опасных неожиданностей. Любопытно, что либеральные идеологи главным критерием «динамичности» почитают способность людей вести собственное дело, заниматься торговлей и т. д. Горняков из закрывающихся шахт столичные журналисты и социологи постоянно спрашивали: почему вы не хотите открыть собственное дело? А нежелание шахтеров становиться торговцами оценивали как доказательство нашей безнадежной отсталости и дикости. Между тем высокий процент населения, занятого в собственном «бизнесе», — как раз явление типичное для отсталых и нищих стран¹³⁾. Доля самозанятых в странах бывшего советского блока, быстро превысив уровень Западной Европы, Азии и Латинской Америки, к концу 90-х гг. стала приближаться к соответствующим показателям Африки.

Бурный рост теневой экономики наблюдался практически во всех странах, переживавших либерализацию. Любопытно, что идеологи реформ в 1989 г. повсеместно доказывали, что «черный рынок» и нелегальный бизнес расцветают исключительно в условиях централизованного планирования и жесткого государственного регулирования — как стихийная реакция общества на «нестественные» ограничения экономической деятельности. Практика показала обратное. Известный российский исследователь Сергей Глазьев отмечает: «устранение государства как главного агента контроля в экономике привело не к развитию рыночной самоорганизации и конкуренции, а к тому, что эту функцию взял на себя организованный бандит»¹⁴⁾. Рост «теневой экономики» в сочетании с обнищанием масс гарантировал абсолютную неизбежность взрывообразного роста преступности, что и произошло. Как отмечает О. Смолин, «уровень общей преступности увеличился с 1987 г. по 1996 г. в 2,2 раза. Убийства выросли в 4 раза, грабежи и разбои — более чем в 6 раз». В 1998

¹²⁾ Альтернативы, 1988, № 3. С. 76.

¹³⁾ В XVI веке купцы, приезжавшие из уже буржуазных Англии и Голландии в еще средневековую Россию были потрясены: «Все постановления этой страны направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль» (*Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н.* Отечественное предпринимательство. М.: ИПА, 1995. С. 12). Это наглядно подтверждает тезис Макса Вебера, что само по себе стремление к прибыли и обогащению, равно как и предприимчивость еще не порождают капитализма, более того, порой являются скорее препятствием для его развития (см.: *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990). Капитализм появляется лишь там, где имеет место рациональная организация бизнеса, а в этом отношении Россия как была, так и остается страной совершенно некапиталистической.

¹⁴⁾ *Глазьев С.* Экономика и политика: эпизоды борьбы. М.: Гнозис, 1994. С. 87.

уровень преступности снова вырос на 8 %, причем особо тяжких на 10 %. «Тяжкие и особо тяжкие преступления составляли более 60 % всех преступлений в России. Значительно возросла детская преступность»¹⁵⁾.

Вопреки демагогическим обещаниям модернизации, экономика и общество практически во всех странах переживали как раз совершенно обратный процесс. Многие фирмы и учреждения оснастились компьютерами, зато образовательный уровень населения резко упал. Отставание от Запада увеличилось. Показатели эффективности производства ухудшились даже в таких наиболее «благополучных» странах, как Чехия. Если в конце 80-х гг. энергоемкость чешской экономики была примерно на 40 % выше, чем в развитых странах Западной Европы в расчете на душу населения, и на 150 % — в расчете на производство единицы ВВП, то к 1995 г. этот разрыв увеличился, что напрямую связано с замедленным процессом технологического обновления оборудования на предприятиях. Увеличила Чехия свое отставание от Запада и по уровню производительности труда: в 1989 г. 39 % от показателей Европейского Союза, а в 1995, несмотря на модернизацию ряда компаний, купленных западным капиталом, — всего 33 % и т. д.¹⁶⁾ В других странах технологическое отставание и зависимость от Запада возросли гораздо существеннее, а в России и на Украине ситуация стала просто катастрофической.

Как и в странах «третьего мира», происходило технологическое расслоение экономики — с одной стороны, небольшая группа передовых компаний, непосредственно интегрированных в мировой рынок, выплачивающих высокую зарплату и принадлежащих иностранному капиталу, либо обслуживающих его интересы, с другой стороны — все остальные предприятия, пытающиеся работать на местный рынок и с трудом сводящие концы с концами. Парадокс в том, что «передовые» компании не могли бы просуществовать и дня, если бы «отсталый традиционный сектор» не обеспечивал самовоспроизводство общества в целом. Фактически иностранные предприниматели и местный финансовый капитал при активной поддержке власти перекладывают на традиционный сектор свои издержки.

Любой непредвзятый наблюдатель может обнаружить, что добросовестное следование нелиберальным рецептам не сделало ни одну страну богаче. «Молдова и Киргизия точно следуют рецептам Международного валютного фонда, а их экономика разваливается, — недоумевает американский профессор Питер Ратленд. — Наоборот, Словения отказалась проводить приватизацию, но из-за особенностей своей истории и удачного географического положения имеет самый высокий жизненный уровень в регионе и скоро вступит в Европейский Союз»¹⁷⁾. Выходит, все дело в географии?

На самом деле приватизация не только не способствовала модернизации экономики Восточной Европы, но была теснейшим образом связана с общим упадком производства. Заметный рост промышленности наблюдался именно в странах, не последовавших рецептам Международного валютного фонда, — в Китае, где сохранился коммунистический режим, в Белоруссии, где после

¹⁵⁾ Смолин О. Цит. соч. С. 99.

¹⁶⁾ См.: Альтернативы, 1998, № 3. С. 76–77.

¹⁷⁾ Transitions. January 1999. Vol. 1, № 1. P. 29.

нескольких лет кризиса к власти пришел ненавистный Западу президент Александр Лукашенко. Определенный успех в 1989–97 гг. был достигнут и в Чешской республике, где приватизация симулировалась (приватизированные предприятия были скуплены государственными инвестиционными банками). Особенно поучительны итоги приватизации на Украине. Проанализировав результаты либеральных реформ, экономист Юрий Буздуган констатировал, что спад производства всегда оказывался глубже в отраслях, где была проведена широкомасштабная приватизация¹⁸⁾.

Прекращение контроля над ценами и полная свобода предпринимательства тоже не принесли обещанного процветания. Уже в 1994 г. Глазьев констатировал: «По степени либерализации экономики Россия, пожалуй, опередила многие развитые капиталистические страны. Однако наша нынешняя свобода от государственного регулирования и контроля дополняется свободой от ответственности за способы и результаты хозяйственной деятельности»¹⁹⁾. Страна погружалась в беспрецедентный кризис. Спад производства превысил масштабы Великой Депрессии, а финансовый крах 1998 г. показал и полную несостоятельность политики финансовой стабилизации. Кризис оказался настолько глубоким, что в 1999 г. даже умеренные эксперты констатировали: единственный реальный выход состоит в «переходе к мобилизационной экономике»²⁰⁾.

Круг замкнулся — политика, направленная на демонтаж централизованного планирования и государственного управления производством, привела страну в ситуацию, из которой без чрезвычайных мер и активного вмешательства государства выбраться просто невозможно.

Периферийная демократия: от либерализма к национализму

Показательно, что именно снижение темпов роста экономики и растущее технологическое отставание от Запада постоянно приводятся в качестве важнейших симптомов кризиса, обрушившего общество советского типа. Напротив, встав на капиталистический путь, эти общества смогли на протяжении десятилетия выдерживать гораздо более тяжелый спад и, на первый взгляд, смирились с технологической зависимостью от Запада. Причина проста: то что было неприемлемо в рамках соревнования двух систем, стало вполне нормальным после того, как весь мир объединился в единую капиталистическую систему. В ее рамках совершенно нормально, что одни страны развиваются динамичнее других, а отсталость «периферии» является необходимым условием процветания «центра».

Разумеется, страны Восточной Европы сами надеялись стать частью «центра». В 1989 г. большинству граждан коммунистических стран была глубоко безразлична судьба людей, обреченных на голод в Африке или на нищету в Азии. Результаты реформ оказались не только закономерными, но и вполне

¹⁸⁾ См.: Буздуган Ю. Соціал-демократичний вибір. Рукопис. С. 22.

¹⁹⁾ Глазьев С. Цит. соч. С. 91.

²⁰⁾ Век. 1999, № 1.

заслуженными. Бедность и нестабильность, подобно эпидемии, распространяющейся на Востоке Европы, являются своего рода историческим возмездием за безответственные потребительские амбиции и расистское презрение к остальному миру.

Если обещание западного богатства оказалось обманом, то демократия в той или иной мере стала реальностью. В этом тоже есть своего рода парадокс — люди про себя мечтали о западном уровне жизни, а вслух требовали западных политических свобод. В итоге они получили именно то, что требовали — свободу. Но без богатства.

Институты, характерные для западной демократии, возникли практически во всех странах региона, включая даже Албанию и Россию. Вопрос в том, как будут функционировать эти институты в обществе, разительно отличающемся от западного? В Чехии и Польше западные институты оказались довольно эффективными, чего не скажешь об Албании с ее фальсифицированными выборами, России с ее авторитарной конституцией или о Латвии, где почти половина населения не получила гражданских прав. Но даже самые преуспевающие страны сталкиваются с проблемами, которые могут поставить под вопрос их демократическое будущее.

Десятилетие 1989–99 гг. было временем глобального торжества неолиберализма. Крушение коммунизма в Восточной Европе не только закрепило вовлечение этих стран в капиталистическую мирэкономiku (world-economy) в качестве новой периферии, но и способствовало укреплению неолиберальной гегемонии на Западе и в «третьем мире». Левые силы были деморализованы. Прекращение «холодной войны», которое в Европе воспринималось как великое достижение, для народов «третьего мира» означало возвращение к временам безраздельного экономического и политического доминирования Запада. В свою очередь проигравшие в «холодной войне» элиты посткоммунистических стран готовы были принять любые условия победителей, лишь бы добиться для своих стран интеграции в капиталистическую систему, а для себя — в глобальный правящий класс.

Издержки «трансформационного процесса» должна была оплатить основная масса населения. Для миллионов людей, ожидавших наступления потребительского рая, это оказалось неприятной неожиданностью. Не удивительно поэтому, что неолиберальная идеология в чистом виде быстро утрачивала привлекательность. Для того чтобы народ продолжал идти на жертвы, нужны были дополнительные мотивации. Неолиберализм был подкреплен национализмом.

Разумеется, национализм в Восточной Европе не был чем-то новым. На протяжении всего советского периода националистические идеи были мощным стимулом сопротивления режиму. Националистическая интерпретация истории Восточной Европы видела в коммунизме не более, чем систему, принесенную на советских штыках. Русская националистическая пресса в эмиграции, напротив, подчеркивала, что коммунистические идеи глубоко чужды русскому народу: они занесены были в Россию с Запада, а насаждались преимущественно евреями и латышами.

В поисках национальной альтернативы коммунистической теории и практике идеологи национализма обращались к периоду до 1945 г. (в России ко временам царизма), видя в них своего рода «золотой век». Режимы, пришедшие

на смену коммунистическим, с самого начала видели свою цель в реставрации прошлого. Отсюда повсеместное восстановление старых государственных символов (как в России, Венгрии или Польше), а порой и старых конституций (как в Латвии и Эстонии). Польша и Россия, формально оставшиеся республиками, украсили свои гербы коронами. В Словакии, Хорватии и до 1996 г. в Белоруссии официальной была провозглашена символика, ранее использовавшаяся местными фашистами.

Возврат в прошлое — всегда утопия. По сравнению с периодом 20-х и 30-х гг. во всех странах Восточной Европы социальная, экономическая, даже демографическая структура общества радикально изменилась. В некоторых странах изменился и национальный состав населения. Для русских, проживающих в Латвии и Эстонии, переход к независимости означал лишение гражданских прав. В других постсоветских республиках стали просто увольнять с работы инородцев и закрывать русские школы.

Идея возврата к предвоенному «золотому веку» была утопией реакционной, ибо общество, преобразованное 40 годами коммунистической власти, находилось на гораздо более высоком уровне социального и экономического развития, нежели то, к которому призывали вернуться. Неудивительно, что чем дальше заходил процесс реставрации, тем больше нарастало стихийное сопротивление. Родители не хотели принудительного изучения Закона Божия в школах и детских садах, женщины были недовольны попытками ограничения права на аборт и усложнением процедуры развода и т. д. В ряде стран Восточной Европы было принято решение о реституции — возвращении конфискованной собственности бывшим владельцам. Оно обернулось выселением тысяч людей из их квартир, ликвидацией музеев и предприятий, занимавших «захваченные коммунистами» здания. В Румынии, где собственность перераспределяли несколько раз, на один и тот же участок земли нередко были предъявлены претензии сразу нескольких «законных хозяев». Споры о правах собственников сопровождались вспышками насилия.

Между тем модернизация социальной жизни была неразрывным образом связана с прозападной ориентацией в политике и экономике. И это закономерно. Докоммунистический период в большинстве стран Восточной Европы как раз был периодом их безусловной экономической зависимости от Запада. «Возврат к прошлому» был идеологией, обеспечивавшей восстановление структур периферийного капитализма. Это вполне устраивало транснациональные компании и западные финансовые институты. Что касается местных элит, то для большинства из них просто не было иного выбора.

Миф об «отсталом» капитализме

Критики неолИБерализма дружно обвиняли новые элиты в стремлении вернуть общество в XIX век и насадить в Восточной Европе порядки, давно исчезнувшие на Западе. Сравнивая капитализм, сложившийся на Востоке континента, с капитализмом, господствовавшим в странах Европейского Союза, легко можно было прийти к подобному выводу. «Общество, которое реально складывается сегодня в России, далеко от моделей, существующих в странах с высокoeffективной и социально-ориентированной рыночной

экономикой, — говорится в докладе Российской академии наук. — Оно в большей степени представляет собой общество, основанное на гипертрофированном имущественном расслоении, коррупции, организованной преступности, внешней зависимости. С социально-экономической точки зрения это не шаг вперед, а отбрасывание страны на два века назад, к эпохе примитивного «дикого» капитализма»²¹⁾. О том же пишет польский экономист Тадеуш Ковалик: «В Польше сложился дикий капитализм в духе XIX века», — заявляет он²²⁾. Мы пытаемся воспроизвести устаревшие модели, а потому «движемся по жизни затылком вперед, всякий раз натываясь на неизбежное», — возмущается известный российский публицист Виктор Гушин²³⁾.

Представление о восточно-европейском капитализме как «диком», «примитивном» и «отсталом» равно устраивает и левых и неолибералов. Первый подобный подход позволяет спокойно обратиться к классическим марксистским текстам, вторые, напротив, доказывают, что с течением времени или по мере развития «гражданского общества» восточноевропейский капитализм тоже станет «цивилизованным», как на Западе. На самом деле обе стороны глубоко заблуждаются. В эпоху «дикого» капитализма в Европе не было ни Международного валютного фонда, ни развитой системы биржевых спекуляций, ни транснациональных корпораций. «Отсталые» и «дикие» восточноевропейские структуры теснейшим образом связаны с «передовыми» и «цивилизованными» западными. Более того, сам западный капитализм на протяжении 90-х гг. эволюционировал вовсе не в сторону большей «цивилизованности». Объяснять процессы, происходившие на Востоке, «отсталостью», «неразвитостью» или издержками «первоначального накопления» совершенно бессмысленно, ибо общие принципы неолиберальной реформы применялись как на Востоке, так и Западе Европы, равно как и в странах «третьего мира» и в Соединенных Штатах. Иными словами, на протяжении 90-х не столько посткоммунистический капитализм «цивилизовался», сколько западный «дичал». Разница лишь в том, что неолиберальная политика на Западе сталкивалась с глубоко эшелонированной обороной институтов «гражданского общества». Буржуазия вынуждена была вести затяжную позиционную войну с Welfare State. К концу 90-х — с принятием Маастрихтского договора, приходом Евро и с созданием независимого от правительств и населения Европейского Центрального Банка — могло показаться, что эта борьба выиграна: оборона «гражданского общества» была повсеместно прорвана, а основы Welfare State подорваны. «Гражданское общество» разлагалось на глазах, превращаясь в сообщество потребителей (the Commonwealth of Consumers). Однако этот процесс затянулся почти на два десятилетия и победа неолибералов несомненно оказалась пирровой.

Напротив, в посткоммунистических странах, где «гражданское общество» было слабым, неолиберальную модель можно было утвердить путем «кавалерийской атаки» гораздо быстрее и последовательнее. Вопреки пропаганде, события 1989 г. вовсе не были победой «гражданского общества» над государством, тем более, что одно без другого существовать не может в принципе.

²¹⁾ Цит. по: Медведев Р. Капитализм в России? М.: Права человека. 1998. С. 125.

²²⁾ Labour Focus on Eastern Europe. Summer 1997, № 57. P. 51.

²³⁾ Гушин В. Пророков нет... М.: Синергия. 1994. С. 113.

Политические институты западного типа были утверждены, но участие населения в политической жизни по-прежнему было минимально, а процессы принятия решений и демократические процедуры оказались почти не связаны между собой. Венгерский либеральный публицист Миклош Харати признает, что рукопожатие, которым завершился Круглый стол 1989 г. в Венгрии, знаменовало нечто большее, чем намерение перейти к демократии мирным путем. «Не могу представить себе западную демократию, где бы жизненный уровень падал непрерывно в течение 15 лет и не появились бы массовые популистские движения, не поднялась бы волна экстремизма и т. п. Ничего подобного не было в Венгрии. Политическому классу здесь никто не может бросить вызов извне»²⁴⁾.

Посткоммунистическая демократия оказалась такой же «неразвитой» и «отсталой», как и местный капитализм. Но и здесь проблема вовсе не в отсутствии традиций и недостатке времени. И то и другое имеет одно общее объяснение — восточноевропейские общества после 1989 г. окончательно интегрировались в капиталистическую world-system в качестве периферии.

Разумеется, положение разных стран в системе оказалось неодинаковым — Чехия и Словения, равно как и немецкие «новые земли», оказались ближе к «центру», нежели Польша и Румыния, не говоря уже о России и Украине. Однако даже наиболее удачливые страны не имеют никаких шансов быстро стать полноценной частью Запада. Для расширения «клуба избранных» просто нет ресурсов. А возможный успех Чехии или Словении может означать новые проблемы для Португалии или Греции, тоже не очень прочно удерживающихся в этом клубе.

Точно так же различными оказались и способы эксплуатации периферии со стороны Запада. Если в России складывается традиционный тип колониальной экономики, которая включена в мировую систему прежде всего в качестве поставщика сырья и полуфабрикатов, то в Восточной Европе главным фактором эксплуатации и контроля становится финансовая зависимость. Обслуживание внешнего долга делается главной функцией национальной экономики. Впрочем, долговая зависимость и в России к концу 90-х стала важным экономическим и политическим фактором, что и привело к финансовому кризису 1998 г.

Периферийный капитализм развивается по иной логике, нежели капитализм стран «центра». Пресловутое накопление капитала, которое должно было обеспечить становление местного предпринимательского класса, оказалось невозможным, поскольку в рамках глобализированной мировой экономики (world-economy) постоянно происходит стихийное перераспределение инвестиционных ресурсов в пользу «центра». Потому «развитие» для большинства оборачивается накоплением отсталости.

Разумеется, правила игры постоянно нарушаются — именно этим объясняется успех Советского Союза в 30–40-е гг., Японии в 60-е и Южной Кореи и Китая в 80-е. Но нарушитель правил идет на риск. А главное, он должен осознанно бросить вызов системе. Политика международных валютных институтов в 90-е гг. сводилась в конечном счете к тому, чтобы пресечь повторение

²⁴⁾ Transitions. January 1999. Vol. 1, № 1. P. 34.

подобных попыток в зародыше. Элиты бывшего советского блока пытались купить поддержку Запада ценой абсолютной лояльности. К концу десятилетия почти все государства бывшего коммунистического блока сталкивались с той же проблемой, что и развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки — дефицитом инвестиций.

Капитализм без капиталистов

Теория, согласно которой торжество частной собственности немедленно породит класс независимых предпринимателей, тоже оказалась опровергнута жизнью. «Самая важная особенность посткоммунистической социальной структуры в Восточной Европе — отсутствие капиталистического класса», — констатируют социологи²⁵⁾. «После шести лет экономических свобод, — удивляется либеральный писатель Дмитрий Галковский, — в пору ходить среди бела дня с фонарем по центру Москвы и кричать “Покажите мне настоящего капиталиста!”»²⁶⁾ Ему вторит Харасти: «За редкими исключениями те, кто были сильны и богаты при старой власти, сохранили свое положение, а бедные обеднели еще больше»²⁷⁾. Удивляться здесь нечему — ведь именно в этом с самого начала и состояла сущность происходящего с 1989 г. перехода. Номенклатура обуржуазилась, но в полной мере буржуазией не стала. Она влилась в мировую капиталистическую систему, приняв ее правила игры, но не отказалась и от своей специфики. Номенклатура и технократия унаследовали от «коммунистической» системы не только связи и власть, но в значительной мере и методы управления. Эти методы великолепно уживаются с приватизацией и либерализацией, ставя в тупик как рыночных идеологов, так и ортодоксальных марксистов. Можно ли вообще называть такие общества капиталистическими?

Аналогичные «нарушения» либеральные исследователи обнаружили и в странах Юго-Восточной Азии с ее «crony capitalism» и даже в Японии, с ее полуфеодальной структурой бизнеса. Задним числом все провалы и неудачи рыночной экономики решено было объяснить именно этой «местной спецификой». Между тем никаким иным, кроме как «своеобразным» и «неправильным», периферийный капитализм быть не может. Как говорилось выше, еще Роза Люксембург в начале XX века обнаружила, что, включая в свою орбиту все новые и новые страны, капитализм вовсе не уничтожает там полностью традиционные порядки. Он перестраивает мир не столько по своему образу и подобию, как думал Маркс в 1848 г., сколько по своим потребностям²⁸⁾. В свою очередь традиционные элиты играют решающую роль в формировании капиталистической экономики, обеспечивая ей доступ к новым рынкам и дешевым ресурсам.

²⁵⁾ New Left Review. March–April 1997, № 222. P. 60. Американский исследователь Д. Котц пишет о «хищнической» (predatory) экономике, которая, не будучи капиталистической сама по себе, полностью интегрирована в мировую капиталистическую систему, являясь ее частью (см.: *Kotz D. Is Russia Becoming Capitalist? / A paper prepared for the Convention of the Union of Radical Political Economics. New York. 3–5.01.1999*).

²⁶⁾ Цит. по: *Медведев Р.* Капитализм в России? С. 249.

²⁷⁾ Transitions. January 1999. Vol. 1. № 1. P. 34.

²⁸⁾ Формулировка немецкого исследователя Марио Кестлера.

Именно эту роль сыграли в Восточной Европе посткоммунистические «корпоративные» структуры.

Именно сохранение в значительной степени старых порядков в обществе предотвратило социальный взрыв, несмотря на массовое недовольство ходом «реформ». Зависимость рабочих от администрации, остатки социальных гарантий, превратившиеся в бюрократический патернализм, клиентелизм в политике — все это лучшая защита от классовой борьбы. Ведь вместе с «настоящими» буржуазными отношениями приходят и «настоящие» профсоюзы, настоящие рабочие партии и т. д. У элиты в такой ситуации нет ни возможности платить трудящимся «западную» зарплату (это означало бы немедленную потерю конкурентоспособности местных предпринимателей), ни удерживать социальные издержки на прежнем нищенском уровне. Транснациональный капитал просто не мог бы успешно внедряться на новые рынки, если бы в тех иных формах не мог опереться на «традиционные» структуры. «Предприятия (обычно мультинациональные) отраслей, ориентированных на экспорт, — пишет венгерский социолог Пал Тамаш, — часто используют другие отрасли экономики, но при этом не покрывают там даже всех расходов по воспроизводству рабочей силы»²⁹⁾. На первый взгляд возникает контраст между «эффективными», «современными» предприятиями иностранного капитала и отсталыми структурами «традиционного» сектора. На самом же деле первые субсидируются вторыми.

Тупик модернизации

Параллельно с сохранением и развитием корпоративных связей происходит и маргинализация значительной части трудящихся. Такие массы способны на бунт, но не могут стать самостоятельной политической силой. Бунты случаются постоянно — то в Албании, то в Румынии, то в России, не перерастая в революцию.

«Коммунистическая» система не позволяла людям осознать свои интересы и объединяться для их защиты. В том обществе индивидуальный гражданин самостоятельно выступал прежде всего как потребитель, остальное для него организовывало государство. Вот почему миллионы людей в 1989 г. оказались так феноменально наивны, так легко позволяли манипулировать собой в ущерб собственным интересам. Напротив, рынок заставляет всякого осознать свой интерес и то, насколько он противоречит интересам другого. Трудящиеся обнаруживают, что являются не только потребителями, но и наемными работниками. Рыночный опыт является необходимой школой всех антикапиталистических движений. В этом плане Ленин был прав, когда говорил, что профсоюзы, защищающие экономические интересы рабочих, — школа коммунизма.

В подобной ситуации для периферийного капитализма является жизненной необходимостью сохранение традиционных связей, защищающих трудящихся от рыночного шока, а предпринимателей от лобового столкновения с трудящимися. Однако эти традиционные корпоративные, патриархальные и коррупционные структуры действительно являются препятствием для становления более

²⁹⁾ Конец ельцинщины. С. 113.

динамичного предпринимательского класса, они блокируют модернизацию даже в том смысле, в каком она нужна международному финансовому капиталу. Общество заходит в тупик.

Разумеется, задним числом местные либеральные идеологи и западные комментаторы, как и в случае с Индонезией, доказывают, что именно традиционные структуры несут ответственность за провал реформ. Они призывают избавиться от местного «варварства» и, «очистив» капитализм, влиться в «мировую цивилизацию». Точно так же Горбачев призывал за 10 лет до того «очистить» советскую систему от бюрократии и авторитаризма. Восточноевропейский капитализм в идеологии неолИБЕРАЛИЗМА предстает таким же «деформированным», как советский «социализм» в идеологии перестройки.

Возникшее противоречие порождает бесконечные дебаты «западников» и «почвенников» (или националистов) практически в любой стране бывшего Восточного блока. Но ни сторонники «западного пути», ни сторонники «самобытности» не могут предложить реального выхода из создавшегося положения. Они не могут даже обойтись друг без друга, ибо на практике «цивилизованные» и «варварские» структуры тесно взаимосвязаны. Если в большинстве стран Восточной Европы левые дружно стали «западниками» (и в этом, быть может, их единственное отличие от правых), то в России, переживающей глубочайшее национальное унижение, Коммунистическая партия РФ стала славянофильской. И в том и в другом случае, однако, левые партии пытаются опереться не на массы, не на большинство трудящихся, а на определенную часть местных элит. Они фактически стали частью неолИБЕРАЛЬНОЙ системы, неспособны и не желают стать выразителями массового протеста.

Проиграли все. Не прошло и десяти лет, а вчерашние победители оказались в той же ловушке, что и побежденные. Периферийный капитализм не смог модернизировать Восточную Европу. Однако всякая попытка всерьез произвести «очищение» капитализма по либеральным рецептам обречена на точно такой же провал, как и горбачевская «перестройка». Уничтожить корпоративные и номенклатурные структуры, не подорвав самых основ периферийного капитализма, невозможно. Заменить номенклатурную псевдобуржуазию и криминальные кланы «настоящими» предпринимателями не удастся, не поставив под сомнение сам принцип частного предпринимательства и «священную частную собственность». Вот почему вопрос о модернизации в Восточной Европе может быть разрешен только левыми силами и только посредством радикальных антибуржуазных преобразований. К концу 90-х гг. ни одна страна региона к таким преобразованиям не была готова, да и сами левые партии неспособны выступить в качестве радикальной силы. Но отсюда следует только одно — без новых революционных потрясений посткоммунистический мир обречен идти по тому же пути, которым идет сегодня.

Это обрекает народы региона на новые жертвы и разочарования. В таких условиях деградация политической демократии неизбежна. Уже сегодня можно видеть все ее симптомы. Процессы принятия реальных решений фактически рассогласованы с демократическими процедурами (что наблюдается и на Западе), государственные институты и нормы становятся все более авторитарными, а «снизу» поднимаются националистические движения.

Что может быть противопоставлено этому?

Перспективы левых

Соппротивление системе нарастает. Часть трудящихся, пройдя рыночную школу, превращается в потенциальную массовую базу левых движений, хотя эта база несравненно меньше, чем предполагали ортодоксальные марксисты. Существенно, однако, что левые легко могут найти себе союзников. Отвергнув коммунистическую систему, Восточная Европа вновь вернулась к тем же проблемам, которые мучили ее с начала XX века. Вновь встают в порядок дня вопросы о модернизации и независимости, с которыми не справились ни либералы, ни коммунисты, ни националисты.

Левые просто обязаны в такой ситуации предложить собственный проект. Этот проект будет национальным и одновременно последовательно антинационалистическим. Национальным постольку, поскольку речь идет о собственных приоритетах развития, о том, чтобы преодолеть зависимость от Запада и поставить экономику на службу собственным интересам. Антинационалистическим постольку, поскольку национализм — это идеология местных элит, заинтересованных в сохранении своих привилегий, а следовательно, и в консервации периферийного капитализма. В современном мире за национальную независимость невозможно бороться в одиночку. Народы Восточной Европы не раз проявляли солидарность, отстаивая свои права перед советским «Большим Братом». Солидарность еще более необходима, когда на место московского «Большого Брата» приходит вашингтонский или брюссельский. Несмотря на все старые обиды, без региональной интеграции никаких надежд на самостоятельное развитие нет. Точно так же народам Восточной Европы рано или поздно придется отбросить расистское самодовольство и осознать, что историческая судьба объединила их не с Западной Европой, не с Соединенными Штатами, а с Латинской Америкой, Азией и Африкой.

Интеграция в Европейский Союз — последняя надежда, последняя великая иллюзия восточноевропейского потребителя. Этим надеждам не дано оправдаться ни для тех, кто останется за бортом, ни для тех, кто будет принят. Первые не получают ничего, вторые в очередной раз получают не то, что ожидали. Политический цикл завершается. На смену мечтам об интеграции в «клуб богатых» придет понимание того, что свои интересы надо защищать. Потребитель должен стать гражданином и пролетарием.

Национальный проект левых должен быть антинационалистическим еще и потому, что опереться он может только на широкий блок, включающий как различные группы трудящихся, так и значительную часть технократии, заинтересованной в изменении приоритетов развития. Идеология «этнической солидарности» и «избранного народа» равно несовместима с принципами демократии и трудовой солидарности. В Восточной Европе нет однородного и единого рабочего класса, описанного в произведениях традиционного марксизма. В сущности, его нет нигде. В условиях периферийного капитализма левое движение возникает не как «классовое», а как «народное». Но в то же время даже элементарные требования — такие как своевременная выплата зарплаты или сохранение угольной отрасли — ставят под вопрос существование системы. Они просто не могут быть удовлетворены до тех пор, пока

радикальным образом не изменились все экономические отношения, включая и отношения с Западом, с Международным валютным фондом.

Кризис элит означает и кризис официальных посткоммунистических левых партий, тесно с этими элитами сросшихся. Но одновременно это и шанс на появление нового левого движения. Выходом из сложившейся ситуации является не «общественное согласие», а жесткая конфронтация и экспроприация посткоммунистической олигархии, радикальные структурные реформы. Национальные интересы должны быть противопоставлены интересам элит. Местные элиты по своей сути антинациональны, ибо они антинародны. Националистическая риторика лишь прикрывает ежедневное ограбление большинства населения. Ни международный, ни местный капитал не могут решить задач социальной и технологической модернизации просто потому, что такие задачи перед ними не стоят. Тем более не могут они мобилизовать ресурсы, необходимые для радикальных перемен, ибо данные ресурсы могут быть получены лишь путем экспроприации этих же элит. Любой проект национального развития требует резкого повышения роли государства в качестве ключевого инвестора. Это значит, что на смену приватизации рано или поздно должна придти политика расширения общественного сектора.

Возвращение старых проблем неизбежно порождает соблазн повтора старых решений. Значит ли это, что в Восточной Европе или по крайней мере в некоторых ее странах возможен гетаке рухнувшей в 1989 г. коммунистической системы? Одни мечтают об этом, другие боятся. Но в одну реку не удастся войти дважды. Несмотря на сходство между концом века и его началом, между ними есть принципиальная разница. Годы существования советского режима не прошли даром. Общество стало гораздо более образованным, развитым и сложным. Именно поэтому так слабы и беспомощны ортодоксальные коммунистические группировки, пытающиеся жить по рецептам 20-х годов.

Левым предстоит извлечь уроки как из истории советского коммунизма, так и из опыта национального развития в «третьем мире». В данном случае проблема не в том, насколько социалистическими были обе эти модели. Существенно то, что обе они возникли как альтернатива периферийному капитализму. Обе потерпели поражение. Восточноевропейские страны вернулись в капиталистическую world-system, а государства «третьего мира» так из нее и не вырвались. Но сама эта система в момент своего величайшего исторического торжества столкнулась с собственными неразрешимыми противоречиями. Она все больше погружается в кризис. А страны, ставшие ее периферией, получают новый шанс вырваться из порочного круга зависимости и отсталости.

И советская модель, и национальные движения в «третьем мире» обеспечивали ускоренное развитие ценой ликвидации демократии. Неуважение к правам и свободам человека в конечном счете стало решающей причиной их поражения. Не только потому, что миллионы людей в 1989 г. вдруг захотели свободы (на самом деле многие из них даже не знали, что это такое), а потому, что несвободное общество не может мобилизовать свой инновационный потенциал, не может успешно противостоять пропагандистскому наступлению и потребительским соблазнам капитализма.

К концу 90-х гг. выяснилось, что политическое освобождение было не более чем побочным продуктом кризиса коммунистических режимов. Периферийный

капитализм в долгосрочной перспективе с демократией несовместим, в лучшем случае она превращается в декорацию, фасад. Возвращение левых в Восточной Европе (да и во всем мире) в конечном счете зависит от того, насколько они смогут стать ведущей демократической и новаторской силой. В первую очередь левые должны предложить новую модель государства и общественного сектора — открытую, динамичную, ориентированную на решение стратегических задач развития. Успех левых зависит и от того, смогут ли они в качестве альтернативы глобализации выдвинуть новую модель региональной интеграции — равноправной и свободной от имперского наследия.

Удастся ли реализовать новый освободительный проект? Станет ли он частью более широких глобальных преобразований, ведущих, в конечном счете, к ликвидации капиталистической миросистемы и замене ее более справедливым мировым порядком? Настоящая политическая борьба в посткоммунистических странах еще только начинается и вопросов пока больше, чем ответов. Одно очевидно: после 1989 г. у граждан Восточной Европы нет никакой особой судьбы. Нам предстоит выиграть или проиграть вместе с большинством человечества.

Глава 2

Логика реакции

В 1996 г., когда перестройке исполнялось десять, а неолиберальным реформам пять лет, итальянский журналист Джульетто Кьеза [Gulietto Chiesa] в «Свободной мысли» опубликовал убийственную критику рыночных преобразований в России, доказывая, что причина их провала в чрезмерном радикализме¹⁾. После краха рубля в августе 1998 г. даже либеральные западные «специалисты по России» начали дружно писать про ложную политику реформаторов — «недопонимание проблем, путаницу, коррупцию и слепоту»²⁾. Доставалось даже самим американским и европейским экспертам, консультировавшим российскую власть.

В это же время экономист Лариса Пияшева в «Континенте» не менее яростно атаковала политику российской власти, утверждая, что все неудачи реформ вызваны непоследовательностью и недостаточным радикализмом. Любимец Международного валютного фонда Егор Гайдар и его окружение постоянно повторяли, что в те годы, пока они были у власти, все делалось правильно, а без решительного натиска вообще ничего не удалось бы сдвинуть с места. Другое дело, когда Гайдара у власти не было. Тут уж начались ошибки и непоследовательность...

Всякий, кто хоть немного знает русскую историю, легко сможет оценить аргументы Гайдара. Вполне естественно для бывших министров говорить о том, что при них курс был верным, а после их отставки правительство забрело в дебри бюрократизма, неэффективности и «номенклатурности». Но людям, возглавившим правительство после отставки Гайдара в 1993 г., тоже было что на это ответить. В отличие от «идеологов-романтиков» они — профессионалы, знающие реальную технику управления. И именно их методы соответствовали реальной ситуации в государственном аппарате, который, кстати, даже самые радикальные критики бюрократизма и «номенклатурности» разрушать не призывали. Все оказались правы. А большинство населения тем временем продолжало нищать, производство разваливаться.

Реакция как общественная потребность

Несмотря на растущую ностальгию по советскому времени, даже лидеры Коммунистической партии не решались в 90-е гг. утверждать, будто старая

¹⁾ Позднее те же мысли Кьеза изложил более систематично в книге: *Кьеза Дж. Прощай, Россия!* М., 1997.

²⁾ *Wedel J. R. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1999.* London: MacMillan Press, 1998. P. 183.

система была в полном порядке и могла бы благополучно существовать и дальше в неизменном виде. Было бы нелепо объяснять ее крах исключительно «политикой гласности» или попытками реформ при Горбачеве. Его либеральные меры лишь выявили и обнажили противоречия, накапливавшиеся в течение многих лет.

Если реформы были необходимы, то возможна ли была альтернативная стратегия перемен? Показательно, что торжество гласности и плюрализма вовсе не означало свободы слова для тех, кто отстаивал реформистские идеи, не совпадавшие с господствующей идеологией свободного рынка и приватизации. 1989–91 гг. были временем, когда сторонники самоуправленческого социализма, первоначально довольно многочисленные, были полностью лишены доступа к средствам массовой информации, изолированы и в конечном счете разгромлены как политическая сила. И все же было бы наивно сваливать неудачу левых в 1988–91 гг. только на информационный бойкот. В конце 80-х история явно была на стороне реформаторов-«рыночников», точно так же, как в конце 90-х она явно поворачивается против них.

Кризис советской системы планирования делал поворот к рынку неизбежным и необходимым. «Реальный социализм» так и не стал «действительным социализмом», обществом, гарантирующим своим гражданам больше свободы и большие возможности, чем капитализм высокоразвитых стран. А это означало, что как бы ни были велики достижения советской системы, капитализм явно побеждал ее в глобальном соревновании. Вырождение советской системы, достигшее кульминации в 70-е гг., привело в конце 80-х к полномасштабной национальной катастрофе.

В годы перестройки модно было говорить про то, что советское общество оказалось в тупике. И это действительно было так, тем более, что в истории тупики развития — далеко не редкость. Но *из тупика есть только один ход — назад*. Иными словами — **реакция**.

Трагедия советского общества в том, что к концу 80-х реакция оказалась единственным выходом из застоя. Альтернативные варианты безусловно имелись, но они были безнадежно упущены в 60-е гг., когда Советский Союз еще мог динамично развиваться. Подавив «Пражскую весну» и отказавшись от экономических реформ, советское руководство тех лет окончательно предопределило все последующие катастрофы.

Если реакция оказывается единственным возможным выходом из тупика, это вовсе не значит, что она становится прогрессом. Но всякое попятное движение общества (как и любое движение вообще) порождает собственную динамику, интересы, идеологию и даже своих энтузиастов. Общественная потребность в попятном движении породила и специфическое извращенное сознание, когда все понятия и термины были вывернуты наизнанку. Правые стали называться в газетах «левыми», левые — «правыми», реставрация — «революцией», разрушение государства — «возрождением России», а реакция — «прогрессивными преобразованиями» или «реформами». Подмена понятий — типичный метод пропаганды, но если бы попятное движение общества не было исторически необходимо, вряд ли такая пропаганда имела бы столь сногшибательный успех. Именно эта общественная потребность в реакции, ощущаемая порой интуитивно, заставляла немолодых уже сторонников «истинного коммунизма»

и внуков «старых большевиков» с энтузиазмом поддерживать приватизацию и разрушение СССР.

Речь в данном случае не о прорабах реакции, которые обслуживали лишь собственные интересы, а о миллионах их искренних поклонников, ничего или почти ничего от преобразований не получивших. Чем более мазохистской была подобная поддержка реформ, тем более она была искренней, ибо люди были уверены, что жертвуют собой во имя будущего. И, как ни парадоксально, до известной степени это так и было: для того чтобы двинуться вперед, обществу предстояло отступить назад. Просто необходимое путали с должным. А такая ошибка и для человека, и для общества равнозначна моральному краху.

Эта ситуация предопределила и поражение левых критиков реформы. Сознывая (в отличие от традиционалистов) закономерность и необходимость реакции, они одновременно отказывались в ней участвовать и пытались ей противостоять. Не во имя уходящего прошлого, а во имя еще не родившегося будущего. В то время, когда весь реальный выбор для общества сводился к формуле «застой или реакция», трудно было ожидать массовой поддержки альтернативных идеологий. Тем более, что продление застоя привело бы лишь к новой реакции — еще более запоздалой и еще более катастрофической.

Надо признать, что реакционеры-реформаторы великолепно справились со своей работой. Как и положено, свою историческую задачу они во много раз перевыполнили. Общество оказалось в новом тупике.

Если из тупика централизованного планирования не было иного выхода, кроме рыночного, то из тупика рыночных преобразований придется искать выход антирыночный. Никакая пропаганда преимуществ рынка не сможет изменить этого. Стихийно вызревает потребность в огосударствлении экономики, настолько сильная, что ее чувствуют даже сами предприниматели³⁾. Разумеется, это огосударствление начинается с «черного хода», без соответствующей программы и идеологии, точно так же, как начинались и первые перестроечные экономические эксперименты, в конечном счете приведшие к обвальной приватизации.

Приватизация и ренационализация

Приватизация промышленности в России была невозможна. Наша промышленная структура изначально создавалась как государственная и только в качестве таковой могла работать. Обстоятельства, делавшие бесперспективным любой сценарий широкой приватизации, были хорошо известны специалистам задолго до того, как начались первые неприятности.

Экономика была монополизирована. Там, где нет конкуренции, приватизация лишь усиливает и закрепляет монополизм (не случайно на Западе прибегали к национализации прежде всего там, где не было возможности

³⁾ Показательно, что обсуждение перспектив ренационализации велось на страницах таких разных по своему направлению изданий, как левоцентристская «Независимая газета», центристские «Век» и «Эксперт», правые «Сегодня» и «Коммерсант» задолго до финансового краха 1998 г. На Екатеринбургском форуме провинциальных предпринимателей в мае 1996 г. с энтузиазмом была встречена речь министра финансов Александра Лившица, заявившего, что России необходим «закон о национализации» (Независимая газета, 21.05.1995).

преодолеть «естественную монополию» рыночными методами). Советские производственные предприятия не только «принадлежали государству», они сами были частью государства, а в известной степени и низовым звеном организации общества, выполняя ту же роль, что коммуны и муниципалитеты в Европе. Приватизировать ВАЗ или КамАЗ означает то же самое, что пытаться приватизировать Бристоль или Франкфурт.

Все известные в мировой практике случаи успешной приватизации предполагали, что государственную собственность «переварят» уже сложившиеся и доказавшие свою жизнеспособность рыночные структуры. Платежеспособный спрос на российскую собственность был ничтожен: ни «теневой капитал», ни трудовые коллективы, ни западные фирмы не имели средств, чтобы по рыночным ценам выкупить сколько-нибудь значительную часть огромного советского госсектора⁴. А значит, перераспределение собственности заведомо должно было подчиняться антирыночному механизму. Чем больше масштабы такого перераспределения, тем больше масштабы антирыночных, административных тенденций в экономике. Вопреки насаждаемому сегодня мнению, эти тенденции вовсе не обязательно являются злом, но неолибералы, внедряющие «свободный рынок» за счет усиления административного контроля — это противоречие в определении. Такое возможно лишь в России.

В подобных обстоятельствах любая попытка предложить «лучший сценарий», «более справедливый подход» к приватизации — то же самое, что и исследования в области квадратуры круга. Но невозможное с экономической точки зрения (или с точки зрения здравого смысла), вполне реально с точки зрения административно-политической, особенно если любые мероприятия власти поддержать соответствующей пропагандистской кампанией.

Коль скоро приватизация была чисто административным актом и никаким другим быть не могла, лишались смысла любые дискуссии о ее масштабах и задачах. Для администратора вопрос о том, что можно и должно приватизировать, а что невозможно и недопустимо, сводится к вопросу о пределах его, администратора, полномочий. Таким способом приватизировать можно все, что относится к подведомственной сфере. В результате властям пришлось даже принимать различные ограничения и разъяснения, например, как в московских документах 1991–92 гг., где уточнялось, что воздух приватизировать не положено.

Последствия не заставили себя долго ждать. Приватизация оказалась либо фиктивной, либо варварской. Там, где приватизация осталась «бумажной», государство продолжало и после приватизации выполнять большинство функций собственника, только менее эффективно и не получая от этого никакой выгоды (прибыль шла в частные руки, а убытки «социализировались»). Worse обстоит дело там, где разгосударствление действительно произошло.

Частная собственность еще не предполагает автоматически капиталистических отношений, тем более «цивилизованных». Элементы капитализма у нас действительно возникли, но тесно срослись со всевозможными формами экономического варварства. Идеологи реформ пытались это списать на «переходный период» и «издержки первоначального накопления» (как в Европе XVI века).

⁴ Подробнее анализ первого этапа приватизации см. в части III, гл. II.

Оптимист мог верить, будто стоит лишь подождать (как в Европе) 200–300 лет, и все станет на свои места. К сожалению, дело обстоит значительно хуже.

Реальная частная собственность в России складывается в докапиталистических формах, а потому является одним из важнейших препятствий для становления любых современных экономических отношений. Именно поэтому мы наблюдаем по мере прогресса административных реформ нарастающий развал наукоемкого производства, усиление технологической отсталости. Что бы мы ни взяли — трудовые отношения, механизмы власти, взаимоотношения между собственниками и т. д., мы видим скорее движение к феодализму. Да и сама концепция «реформ», когда можно приватизировать по частям само государство, раздавать госсобственность «по заслугам» (тем более собственность, связанную определенными обязательствами) — из сферы феодальных представлений.

Организаторы «великой приватизации» заранее знали, к чему это ведет. Ни кто иной, как Егор Гайдар в разгар перестройки со страниц «Московских Новостей» предостерегал о катастрофических последствиях предстоящего превращения частной собственности в «новый стереотип» экономического мышления⁹⁾. «Реформаторы» действовали сознательно, перераспределяя власть и ресурсы между «элитными» группировками. Иное дело — одураченное большинство населения, которое под лозунгом «прогрессивных преобразований» поддержало реакцию.

Проведенная административными методами «реформа» делает необходимыми новые чрезвычайные меры по нормализации экономики. Полноценного экономического подъема не будет, пока радикальным образом снова не изменятся все правила игры, а этого не добиться без радикального изменения структуры собственности. Из хаоса уже невозможно оказывалось выйти с помощью «государственного рыночного регулирования», о котором рассуждали умеренные левые в России и на Украине в начале 90-х гг.

Требование вернуть государству часть приватизированных предприятий стихийно возникло во время кризиса ЗИЛА и других советских промышленных гигантов. Без поддержки государства они все равно не выживут и не реконструируются. О том же говорили шахтеры во время забастовок 1998 г. Ренационализация стихийно началась уже в 1995–96 гг. через правительственные кредиты и инвестиции. Фактически значительная часть собственности, за бесценно розданная новым владельцам, оказалась повторно выкуплена государством. Любое правительство, стремящееся всерьез навести порядок в экономике, принуждено будет ренационализацию «де факто» оформить «де юре».

Спрос на социалистические идеи возникает сперва исподволь, причем сами идеологи часто не решаются формулировать свои мысли радикально. В отличие от 1987–89 гг., когда поклонников капитализма ограничивала советская цензура, в России времен Ельцина главным сдерживающим фактором оказывался страх перед мощью официальной пропаганды. Эта пропаганда на протяжении десяти лет формировала общественное мнение, переламывая массовое сознание, как комок пластилина. Но внезапно идеологи и имиджмейкеры обнаруживают, что ничего не получается. Общественное сознание вышло у них из под контроля и в нем происходят процессы, с которыми элитам приходится считаться. Когда

⁹⁾ См.: Московские новости, 1989, № 41.

это случилось, становится очевидным: в обществе произошел перелом. Время реакции окончилось.

Соблазн стать социалистом очень велик в обществе, где провалилась капиталистическая реформа. Но эта реформа не прошла бесследно, обогатив, между прочим, и многих новоявленных социалистов и левоцентристов. На выборах 1995 г. в «левом центре» наблюдалось настоящее столпотворение. Активисты социал-демократических организаций с удивлением узнали, что их лидером стал бывший мэром Москвы Гавриил Попов. Левый центр пополнился функционерами, генералами, артистами и на какое-то время даже директором российского телевидения Олегом Попцовым. Ортодоксальные демократы-«западники» привлекли к себе на помощь несколько свободных профсоюзов, чтобы придать своей кампании более «социальный» оттенок. Конгресс Русских Общин тоже пополнился несколькими социалистами. А либерал Григорий Явлинский, выступая за границы, рассказывал о своих симпатиях к социал-демократическим идеям.

Легко заметить, что за некоторыми исключениями «левый центр» образца 1995 г. составили те же политики и группировки, которые в 1993 г. представляли собой правый центр или центр «вообще». Главная проблема для подобного рода «левых» и «социалистов» оказалась даже не в том, чтобы показать публике, чем они лучше своих конкурентов, выступающих с точно такими же лозунгами, а в том, чтобы объяснить, в чем состоит их левизна и их социализм.

Модернизация и капитализм

Капитализм пришел в Россию как идеология модернизации. Но модернизация не состоялась. В итоге произошла революция, потрясшая мир. Это было в начале XX века. В конце века в России снова провозглашается капиталистическая модернизация. Однако шансов на успех у нее на этот раз значительно меньше.

Для того чтобы создать буржуазный порядок, нужна, как минимум, буржуазия. А сама по себе из частного предпринимательства буржуазия не возникает. Еще в начале века Макс Вебер писал, что жажда прибыли и стремление к богатству любой ценой не порождают капитализма. Жадность и сребролюбие были достаточно распространены в обществах, весьма далеких от капитализма. Торговый капитал возник под покровительством деспотического государства, но вместо того, чтобы готовить почву для расцвета производственного предпринимательства, он становился препятствием для его развития.

Эффективное буржуазное предпринимательство возникает лишь там, где жажду наживы удастся обуздать. Ее надо, согласно Веберу, поставить в определенные рамки, подчинить жестким юридическим и моральным нормам, совместить с бюрократической рациональностью. Именно поэтому протестантизм сыграл такую огромную роль в становлении европейского капитализма. Именно поэтому во всех странах, опоздавших с буржуазной модернизацией, решающую роль в ней играло государство.

Специфика сегодняшней ситуации состоит в том, что капитализация общества совпала с распадом Союза и глубочайшим кризисом государственности. Разложение бюрократии после краха советской системы оказалось столь полным, что на какую-то конструктивную деятельность она неспособна. Это

разложение предопределило как стремительность и масштабность капитализации, так и ее поверхностность. Вместо того, чтобы восстанавливать государство, бюрократия наживается на его распаде.

В той мере, в какой Россия сегодня является частью мировой системы, включена в процессы глобализации, она является капиталистической страной. Но ни производство, работающее на внутренний рынок, ни трудовые и социальные отношения в рамках местной экономики капиталистическими назвать невозможно. В принципе такая ситуация не уникальна. Ленин в свое время сетовал, что Россия страдает не только от капитализма, но и от недостаточного его развития. А Роза Люксембург отмечала, что всякая волна интернациональной экспансии капитализма вовлекает в его орбиту страны с небуржуазными отношениями. Как уже говорилось выше, небуржуазный характер внутренней экономики нередко становился важнейшим «конкурентным преимуществом» в рамках мирового рынка. Так свободный рынок в Англии способствовал развитию рабства на американском Юге. В XVII–XVIII веках «второе издание крепостного права» в Восточной Европе и усиление крепостнических порядков в России были тесно связаны с интеграцией региона в мировой рынок⁶⁾. Современные «истории успеха» российских экспортеров отнюдь не основаны на копировании западных норм управления предприятиями. Крупнейшие корпорации вполне сохранили черты традиционных советских учреждений, и это не мешает, например, «Газпрому» экспортировать дешевый газ в Германию. Просто элита, избравшая подобную модель «интеграции в мировую систему», неспособна модернизировать страну. Напротив, она оказывается кровно заинтересована в сохранении отсталости и архаичных социальных структур (лишь несколько приукрашенных «европейскими» декорациями).

Раздача собственности (пусть и за символическую плату) не стимулирует предпринимательства. Точно так же, как не становятся коллективными предпринимателями работники, которым милостиво выделили 51 % акций их завода. Принцип раздачи вообще не капиталистический и не социалистический, а феодально-бюрократический. В 1992–94 гг. апологеты ельцинского режима, что-то вспомнив из уроков марксистской политэкономии, стали называть происходящее «первоначальным накоплением капитала». Поскольку у Маркса написано, что первоначальное накопление сопровождалось всевозможными жестокостями и безобразиями, был сделан вывод, что коль скоро все безобразия налицо, то и накопление происходит успешно.

Грабительский и «дикий» капитализм — естественная фаза развития, нормальный способ ведения дел для молодой буржуазии. Становление капиталистической экономики повсюду сопровождалось ослаблением или разрушением докапиталистических укладов: за их счет происходило первоначальное накопление капитала. Но в Европе или Северной Америке в XVI–XIX веках все же

⁶⁾ Большевицкий историк М. Покровский считал крепостничество в России властью торгового капитала. То, что позднейшие советские историки оценивали как переход от феодально-помещичьих порядков к буржуазным, Покровский оценивал как борьбу торгового капитала с промышленным (см.: *Покровский М.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX века. М., 1924). Если рассматривать Россию лишь как часть мировой системы, этот подход имеет смысл. Другое дело, что жизнь и развитие общества не могут быть сведены к международным факторам. Будучи частью мировой системы, любое общество остается самостоятельным организмом с собственной внутренней логикой, структурами и отношениями.

можно было говорить о безусловном прогрессе: технологически более отсталое производство уступало место современной промышленности. Специфика капиталистических реформ в России состояла в том, что, впервые в истории, «старые» структуры стояли по своему технологическому и организационному уровню на порядок выше «новых». Государственный сектор «коммунистических» обществ, несмотря на все свои слабости, отличался общепризнанным высоким технологическим уровнем и мог хотя бы в некоторых сферах успешно конкурировать с Западом. Теперь современное производство разрушалось во имя процветания «частных лавочек», не переросших еще уровня европейского «предпринимательства» XVI века. Если «коммунистический» госсектор требовал наемного работника с квалификацией и типом личности вполне современными, то молодой капитализм порождает предпринимателя-дикяря, отстающего по своему интеллектуальному, культурному, этическому и профессиональному уровню на целую эпоху от тех, кого он собирался эксплуатировать.

«Какое накопление капитала в России? Где вы его видите? — недоумевает экономист Ю. Ольсевич. — Это где-то тогда было, когда предприниматели на заре капитализма создавали предприятия, купеческий капитал вливался и т. д. А у нас какое накопление?»⁷⁾ Если Борис Березовский «со товарищи» купили компанию «Сибнефть» за 100 млн, а через четыре года эта компания стоила уже 1,5 млрд, то произошло это не потому, что их деятельность увеличила ценность компании, а потому, что первоначальная цена была многократно занижена. Происходило перераспределение основных фондов промышленности, материальных и финансовых ресурсов. Причем это перераспределение сопровождалось грандиозными потерями. Как ехидно заметил Виктор Пелевин, основной главный закон постсоветской экономики состоит в том, что «первоначальное накопление капитала оказывается в ней также и окончательным»⁸⁾.

Суть произошедшего великолепно видна из истории, рассказанной в газете «Правда-5». В городе Железногорск-Илимский, где был расположен горно-обогатительный комбинат, открылся пункт по приему лома цветных металлов. «Трое рабочих комбината украли детали электродвигателя локомотива и сдали их за 1 млн 900 тыс. рублей, нанеся ущерб железной дороге на сумму 110 млн рублей. Три дня город сидел без воды — жулики вырубили изрядный кусок медного кабеля на территории водозабора»⁹⁾. Иными словами, ущерб, наносимый расхитителями обществу, оказался во много раз больше, нежели непосредственная выгода, которую они сами извлекли. Чубайс и Березовский на своем уровне действовали точно так же, как трое мечтающих об опохмелке рабочих в Железногорске-Илимском. Разница лишь в том, что первые не ведали, что творят, а вторые прекрасно понимали, что происходит.

Внешние элементы модернизации, сопровождающие деятельность «новых структур», не меняют дела. Компьютеры, радиотелефоны и факсы, которыми загромождены офисы, так же как модные галстуки и длинноногие секретарши — не более, чем имитация «европейской роскоши». Как у варварских вождей со времен падения Рима и вплоть до колониальной эпохи.

⁷⁾ Россия в конце XX века: итоги и перспективы модернизации. М.: Экономическая демократия, 1999. С. 176.

⁸⁾ Пелевин В. Цит. соч. С. 31.

⁹⁾ Правда-5, 1997, № 47.

Аналогичная картина наблюдалась повсюду в Восточной Европе, но Польша и Венгрия, несмотря на серьезный спад производства, все же остались экспортерами промышленной и сельскохозяйственной продукции. Россия же превратилась в поставщика сырья. Внешняя торговля приобретала все признаки колониальной. Вывозилось стратегическое сырье, а ввозились стеклянные бусы, второсортный ширпотреб, устаревшие технологии, предметы роскоши и радиоактивные отходы. Балтийские республики стремились играть роль посредников, своего рода колониальных факторий на границах варварского мира. В 1992–93 гг. они превратились в крупнейших поставщиков цветных металлов на мировой рынок, хотя ни в одной из республик эти металлы не добывают. Товар легально и нелегально вывозился из России, Украины и Белоруссии, а затем перепродавался на Запад. Сильная конвертируемая валюта оказывалась для такой экономики важнее собственного производства. Закономерно и нежелание властей Эстонии и Латвии дать гражданские права «варварскому» русскому населению. Отказ в гражданских правах для русских имел двойной смысл: исключалось из политической жизни большинство рабочего класса и членов профсоюзов (в промышленном производстве были заняты преимущественно переселенцы из «старых» республик СССР), а национальная буржуазия пыталась закрепить монополию на посредничество в новой колониальной торговле. Последнее, впрочем, без большого успеха — значительная часть посреднических операций оказалась в руках русскоязычных «не-граждан».

Естественным образом капитализм может вырасти только из мелкого предпринимательства. Однако в этом плане неолиберальные реформаторы оказалась даже жестче последних коммунистических правительств, возглавлявшихся Н. Рыжковым и В. Павловым. Даже правая пресса признает, что при коммунистах мелкому бизнесу жилось легче: «обещания правительства Гайдара поддержать эту сферу бизнеса вылились в прямое подавление всякого предпринимательства. Если сравнить законодательство по предпринимательству этой эпохи с временами Рыжкова, легко выясняется, что законодательство эпохи Гайдара перекрывает всякую возможность развития малого бизнеса»¹⁰⁾. Тем временем левая пресса доказывала, что «мир мелкого бизнеса прекрасно уживается с коммунистической идеологией». По мнению газеты «Гласность», мелкий собственник должен понять — «сохрани коммунисты бразды правления, жилось бы ему легче и проще»¹¹⁾. На практике приватизация сопровождалась удушением частного бизнеса. Подводя печальные итоги «российских реформ», «The Moscow Times» писала в 1999 г., что и российские, и американские политики «не понимают разницу между *приватизацией* и *частным предпринимательством*. Первое свелось к захвату нефтяных компаний; второе только начало появляться при Михаиле Горбачеве и тут же было удушено налогами»¹²⁾.

Подобное сочетание: приватизация «сверху», экспроприация «снизу» — не только не случайно, но абсолютно закономерно. Поскольку иной, кроме как разорительной для государства и страны, приватизация *при любом сценарии* быть не могла, правительству постоянно не хватало ресурсов. Политически

¹⁰⁾ Известия, 21.09.1994.

¹¹⁾ Гласность, 11.10.1996.

¹²⁾ The Moscow Times, 7.09.1999.

слабый мелкий предприниматель обязан был субсидировать власть, опирающуюся на неэффективный «крупный бизнес». Тут тоже ничего уникального нет. Практически всюду в мире форсированное насаждение капиталистических форм «сверху» оказывалось несовместимо с постепенным созреванием предпринимательства «снизу». Для этого требуются принципиально разные приоритеты экономической политики, разные типы налоговой и кредитно-финансовой системы. Раздав собственность, правительство лишилось основных источников дохода и вынуждено было взвинтить налоги. Мелкому предпринимателю оставалось либо свернуть дело, либо «уйти в тень», на полудегальное положение.

Генералы и бюрократы

Итак, успешное буржуазное развитие оказалось невозможным ни снизу, ни сверху. В сегодняшней России, как в любом феодально-бюрократическом обществе, политики гораздо важнее предпринимателей. Они не выполняют заказ социальной элиты, они сами ею являются. Они движимы не идеями и не общественными интересами, а имеют дело лишь с частными интересами своих конкретных спонсоров, да и тех норовят обмануть при первой же возможности. Совершенно неверно полагать, будто им нужна власть ради власти. Ренессансное наслаждение властью как торжеством воли, возможностью повелевать людьми и созидать нечто из ничего для них совершенно чуждо. Главное не власть сама по себе, а ее атрибуты — роскошные автомобили, личная охрана, торжественные обеды, бестолковые референты и длинноногие секретарши. Короче, вся та мишура, которую государство создает, чтобы поддержать дистанцию между начальством и простонародьем, впечатлять и морочить простаков. Нынешние правители России морочат не простонародье, а самих себя. И нет ничего более наивного, чем считать, будто здесь господствует беспринципный макиавеллизм. Настоящая беспринципность требует хотя бы представления о существовании принципов. А макиавеллизм — понятия о значении власти и задачах государства. Переход от бестолковости к беспринципности был бы для России настоящей моральной революцией.

Ни политики, ни политиков в европейском смысле слова в России 90-х гг. не появилось. Мало того, что народ не верит политикам, они уже сами в себя не верят. Потому, например, на выборах 1995 г. почти все политические лидеры пытались спрятаться за генеральскими и эстрадными звездами¹³⁾. Беспочвенны и разговоры о росте влияния военных. Армия разделила судьбу других структур: она оказалась раздражаема борьбой группировок, подорвана коррупцией и неэффективностью, лишена четких задач и ориентиров.

Популярный генерал может выступить в роли спасителя отечества, но когда перед публикой мелькает уже целая толпа ссорящихся между собой военачальников, это превращается в фарс. Вообще, парламент и армия — два совершенно

¹³⁾ Не было, наверно, ни одного обозревателя, который во время избирательной кампании 1995 г. не отпустил бы иронических замечаний по поводу массового выдвижения генералов и артистов буквально от всех партий и блоков. Пока одни наблюдатели хихикали, другие глубококомысленно рассуждали о росте влияния армии. Хотя гораздо точнее было бы говорить о падении доверия к политикам.

несовместимых жанра. Генерал, ставший президентом, остается военным. И там и тут принцип «единоначалия». Но генерал, заседающий в парламенте — уже не генерал.

Характерная черта настоящих военных политиков — демонстративный аполитизм. Все Бонапарты и Пиночеты приходили к власти, публично дистанцируясь от любых партий. Они противопоставляли свой холодный профессионализм мелкой суеде и парламентарским амбициям гражданских политиков. В этом смысле единственным военным политиком в России был генерал Анатолий Романов, командовавший войсками в Чечне в 1995 г. Он выигрышно смотрелся не только на фоне мужиков в пиджаках, заполонивших телеэкран, но и среди своих коллег в погонах. Пока все остальные спорили о войне и мире, он, не сделав ни одного политического заявления, создавал себе репутацию решительного солдата и последовательного борца за мир, друга чеченцев и защитника интересов России. Именно поэтому Романов оказался для многих слишком опасен. А потому и стал жертвой «загадочного» покушения, подозрительно напоминающего убийство Кирова накануне большого террора.

Десять лет побед «реформ и демократии» оказались временем, когда объективные предпосылки демократического развития, медленно и с трудом вызревавшие в обществе в течение 60–80-х гг., были подорваны. По сравнению с 1991 г. движение назад очевидно. В конце 80-х люди не только надеялись на перемены, но и действовали. Возникали зачатки гражданского общества. Нынешняя апатия большинства населения — не случайна. Это не просто усталость от перемен. Произошло нечто гораздо более трагическое. Общество потерпело поражение в попытке освободиться от государства. Попытки трудного самоуправления подавлены, а ростки свободного предпринимательства затоптаны.

«Сильная власть»

В России растет потребность в сильной власти. Строго говоря, эта потребность никогда не исчезала. Более того, она отнюдь не была принципиально противоположна стремлению к демократии. Это проявилось еще в конце 80-х, когда первые попытки реформ после смерти Брежнева были предприняты Генеральным секретарем КПСС Ю. Андроповым. «Краткое правление Андропова наглядно показало, — пишет историк и политолог Рой Медведев, — что в нашем обществе имелось не только стремление к демократии, к защите прав и свобод человека, получившее отражение в движении диссидентов, с которым и Брежнев, и Андропов вели борьбу. В обществе имелось не менее сильное стремление к “порядку” и уважение к “сильному лидеру”, “хозяину”, способному заботиться в первую очередь о благе народа, а не о собственных благах и привилегиях для своего окружения, как это было характерно для брежневского руководства. Именно поэтому немалая часть граждан страны откровенно и заинтересованно приветствовала приход к власти Андропова и его первые мероприятия по наведению порядка»¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Медведев Р. Неизвестный Андропов. М.: Права человека. 1999. С. 10.

Горбачев не был сильным лидером, и ему не могли этого простить. Напротив, в Ельцине значительная часть населения в начале 90-х увидела «настоящего хозяина». Однако он обманул доверие народа — не только потому, что из «коммуниста» стал «демократом», а из «демократа» авторитарным властителем, но и потому, что несмотря на все свое самодурство и деспотизм, самодержцем он оказался слабым. Кризис государства, которым завершилось ельцинское правление, вновь ставит в повестку дня вопрос о «сильной власти». Но «сильная власть», которой хотят низы, совсем не та, какой хотят верхи. Соединение репрессий с социальной демагогией может стать в краткосрочной перспективе рецептом успеха, но не решит проблем страны. Невозможность демократии еще не означает успеха диктатуры.

Десять лет мы «боролись против тоталитаризма», хотя никакого тоталитаризма уже не было. При тоталитаризме перестроек не бывает. Теперь ситуация изменилась. Политическая наука еще в 30-е гг. описала условия для возникновения тоталитаризма: атомизация, разобщенность и апатия граждан, неэффективность демократических представительных органов и одновременный рост социальной напряженности. Если разрешить эти проблемы не удастся, естественной реакцией становится бегство от свободы.

В начале 90-х общество еще не готово было бежать от свободы. К концу десятилетия все сильно изменилось. К счастью, в стране не оказалось и реальной организованной силы, которая была бы готова установить тоталитарную диктатуру. Лидер парламентских националистов Владимир Жириновский годился только на то, чтобы пугать слабонервных. Генералы ругались между собой. Лидеры коммунистического движения думали о министерских портфелях, а не о диктатуре пролетариата. Кремль колебался.

Впрочем, не надо забывать, что опасность всегда приходит не отсюда, откуда ее ждут. Верховный Совет России очень испугался опереточного путча в августе 1991 г., а потом был расстрелян из танков собственным бывшим председателем. Если полномасштабная диктатура восторжествует в какой-либо из посткоммунистических стран, то только под предлогом спасения демократии. Демократию, как выяснилось, можно защищать не только от коммунистов, но и от «международных террористов» и «исламских фундаменталистов». В этом смысле вторая чеченская война, затеянная в 1999 г., давала сторонникам «сильной власти» просто великолепные возможности.

Впрочем, власть оставалась слабой. Государство в процессе перемен не укрепилось. Раньше считалось, что слабость общества предполагает сильное государство. Сегодня перед нами дезориентированное и ослабленное общество, управляемое полуразвалившимся государством. Сколько бы ни говорили об укреплении российской государственности, сделать это невозможно. Государственность возможна только там, где власть сохраняет органическую связь с гражданами, опираясь на традицию, на право или на ярко выраженную волю большинства народа. Ничего этого нет в Российской Федерации. Современной государственности у нас вообще нет, а есть беспорядочная система управления, живущая по принципу: каждый получает столько власти, сколько может взять. Власть каждого из начальников ограничена лишь волей и влиянием других начальников.

Номенклатура, вообразившая себя «элитой»

«Истеблишмент преобразовал номенклатурную собственность и номенклатурные привилегии в частную собственность и частные привилегии, — пишет либеральный политолог Владимир Пастухов. — Номенклатурная власть осталась сама собою, даже сбросив прежнюю идеологическую оболочку. Партийная и административно-хозяйственная элита вместе с теневыми дельцами старого общества превратились в “новых русских” и остались привилегированным классом посткоммунистического общества. Государство, прежнее по сути, изменилось в той же степени, что и класс, с которым оно было связано». В итоге не «коммунизм», а именно новая эпоха, наступившая после крушения коммунистической власти, «являет собой апофеоз бюрократии в России. Наконец-то государство служит не Богу, не самодержцу, не коммунизму, а самому себе»¹⁵.

Впрочем, было бы ошибкой недооценивать произошедшие перемены. Государство стало другим. Мы десять лет европеизировались. И в результате стали поразительно похожи на Африку. Там тоже стремление стать похожими на Запад сопровождалось повсеместным разрушением собственных традиций и порядков, объявленных «ненормальными». А в итоге восторжествовали все-таки собственные традиции, только самые худшие. К тому же замаскированные европейскими терминами. Ведь если городничего назвать мэром или префектом, он не станет от этого брать меньше взяток.

Буржуазии как правящего класса в России 90-х гг. не появилось. Появились соперничающие олигархические группировки. Они гордо называют себя элитами, хотя точнее было бы называться просто начальством. Западные теории элит к ним не подходят. По меткому выражению московской журналистки Анны Остепчук, «нашей элите все еще снится, что она номенклатура, которой снится, что она элита»¹⁶.

Их сила вне общества. Они что-то значат, пока они при власти. Если частный капитал самым жестким образом не отделен от государства, значит, он не является частным. У нас деньги имеют вес только до тех пор, пока они обмениваются на власть. Это единственная реальная конвертируемость не только рубля, но и доллара в сегодняшней России. Нет смысла говорить и про группы интересов. Есть только группировки, возникающие и распадающиеся вокруг тех или иных людей, обладающих властью, «землячества», кланы, захватившие те или иные ценные ресурсы, «сообщества, больше похожие на клики, чем на свободные ассоциации граждан»¹⁷. О «гражданском обществе» здесь можно говорить только в демагогических целях или для получения западных грантов. Некоторые социологи даже приходят к мрачному выводу, что общества в строгом смысле слова вообще нет, есть «социум клик»¹⁸. Потому и представительные органы то и дело представляют лишь самих себя, а политические партии создаются «под лидера» без всякой связи с массовыми движениями.

¹⁵ Pro et Contra, осень 1996, том 1, № 1. С. 9, 11.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. М., 1996. С. 36.

¹⁸ См. Полис, 1996, № 4.

Единственной альтернативой номенклатурному бизнесу оказывается бизнес криминальный. Историк Рой Медведев, ссылаясь на данные опроса, проведенного среди русских миллионеров Институтом прикладной политики, сообщает: «В ходе исследования 40 % опрошенных признали, что раньше занимались нелегальным бизнесом, 22,5 % признались, что в прошлом привлекались к уголовной ответственности, 25 % и на момент опроса имели связи с уголовным миром. А ведь речь шла лишь о тех, кто признался»¹⁹⁾. По сравнению с этими милыми людьми старая бюрократия выглядит верхом порядочности и добросовестности.

Патриотизм и любовь к недвижимости

В условиях, когда буржуазии нет, а есть только обуржуазившаяся номенклатура, пытающаяся найти свое место в системе глобального капитализма, связь между политической и экономической жизнью оказывается совершенно иной, нежели в западном обществе. «Чаше всего ухудшение экономической ситуации рассматривается ныне как главный фактор, обуславливающий политический кризис, — пишет Пастухов. — В действительности все обстоит наоборот. Какие бы экономические меры не предпринимало правительство, оно не может преодолеть кризис, поскольку само является его причиной. Поэтому преодолеть экономический кризис чисто экономическими средствами невозможно.»²⁰⁾

Страна нуждается в радикальной политической альтернативе. Но традиционные лозунги пролетарской политики наталкиваются на препятствие в виде... отсутствия пролетариата. Огромная масса наемных работников ведет себя совсем не по-пролетарски. И это не удивительно: трудящиеся зависят от администрации, которая не платит зарплату, но все еще гарантирует «занятость». А администрация неотделима от чиновников и коммерческих структур, крутящих деньги за воротами предприятия. Все переплетено, все повязаны. А потому нет и не может быть социального партнерства. Партнеры должны быть свободны друг от друга и равноправны.

Положение трудящихся в середине 90-х оказалось по всем показателям хуже, нежели когда-либо со времени смерти Сталина. Но пролетарская революция невозможна там, где работники не могут объединиться для совместных действий. Не надо радоваться такому «социальному миру» — это признак разложения общества. За долготерпением масс скрывается огромный потенциал ненависти. Но если люди не могут сами действовать, чтобы постоять за себя, им остается только ждать спасения извне. Спасения и возмездия. Разъединение людей порождает потребность в диктатуре.

Можно и нужно использовать выборы, чтобы поддержать хотя бы зачатки настоящей политической жизни, которые еще теплятся в наших представительных органах. Но сами по себе выборы не решат проблем общества, если

¹⁹⁾ *Медведев Р.* Здоровье и власть в России. Новый класс российского общества. Александр Солженицын: три года в новой России. Главы из книги «Пути России». М., 1997. С. 44; См. также: *Тарасов А.* Провокация. Постскрипtum из 1994-го. М.: Феникс, 1994. С. 60–66.

²⁰⁾ *Пастухов В.* Цит. соч. С. 158.

само общество будет оставаться в нынешнем состоянии. Скорее всего они будут знаменовать лишь начало нового витка политической нестабильности.

В сложившейся ситуации нет ничего более вредного и безответственного, чем оптимизм. Можно лишь надеяться, что нынешний кризис не является началом необратимого исторического упадка России. Великие народы и государства нередко просто исчезли с лица земли. Но Россия не раз демонстрировала способность подняться из глубин настоящей национальной катастрофы. Нам еще предстоит идти долгими и извилистыми путями кризиса и нестабильности, прежде чем мы сможем говорить о том, что страна выбралась из кризиса.

На фоне очевидных «сбоев» рыночного механизма либеральная пресса стала возлагать основные надежды на предстоящее моральное возрождение «новых русских». Журналисты доказывали, что люди, наворовавшие огромное состояние, уже не могут просто вывезти его за границу. У них появились особняки и предприятия на родине. Короче говоря, любовь к недвижимости постепенно перерастает в любовь к отечеству. А это значит, рассуждают авторы оптимистических статей, что русский бизнес станет социально ответственным, гуманным и национально ориентированным.

«Да, ситуация абсолютно начинать меняться, — рассказывал осенью 1995 г. председатель Круглого стола российских предпринимателей Олег Киселев. — Если раньше нужно было просто первым добежать до какого-то ресурса, то теперь мало первым откусить кусок от этого “пирога”, нужно его, образно говоря, прожевать, переварить и усвоить»²¹⁾.

Новые собственники вкладывают свой капитал не только в недвижимость, но и приобретают акции промышленных предприятий. Благодаря политике государства скупать предприятия в определенный момент стало даже выгоднее: цены на недвижимость в России к середине 90-х уже кое-где превысили западный уровень, а промышленные объекты все еще уходили за бесценок. Предприниматели с гордостью сообщают, что вкладывают деньги в промышленность. Это не совсем так. У них нет средств для серьезных инвестиций в реконструкцию или строительство заводов. За бесценок можно купить предприятие, но нельзя таким же способом построить новый цех и закупить импортное оборудование. Серьезные инвестиционные программы требуют десятки и сотни миллионов долларов. К тому же купить заводы проще, чем заставить их эффективно работать. Говорить о «накоплении капитала» в условиях падающей экономики в принципе невозможно. Этот процесс даже и не начинался. Идет лишь перераспределение капитала из государственно-корпоративных структур в частно-корпоративные. Для серьезного промышленного роста необходима огромная концентрация капитала. В России же происходило его распыление.

Социально-ответственным бизнесом тоже плохо. Всякий собственник понимает, что лучше поделиться частью, нежели рисковать всем. Но в нынешней ситуации нужно не делиться, а перестраивать всю свою деятельность, отказываясь не только от сверхприбылей, а от самих привычных источников прибыли. Ведь антисоциальны в России не сверхприбыли, а сами методы их извлечения.

В общественном мнении сложился стереотип «нового русского», который чуть ли не из принципа не хочет вкладывать деньги в производство. Между

²¹⁾ Бек, 1995, № 42.

тем «новые русские» отнюдь не испытывают к производству патологической враждебности. Как выразился один из предпринимателей, у них «простой выбор: либо банки будут умирать, либо реальный сектор»²²⁾. Уничтожение производства есть необходимое условие выживания бизнеса.

Новое поколение русского капитализма

Производство становится выгодным лишь в том случае, если государство создает для этого условия. Если пристальнее посмотреть на немногих положительных героев, которые все же что-то строят и производят, можно сразу увидеть одну общую черту — это люди, оказавшиеся монополистами местного масштаба. В сегодняшней России наряду с «естественными монополиями» топливно-энергетического комплекса сложились сотни, а может и тысячи «случайных монополий». Маленький заводик по производству пива где-то в Сибири вдруг начинает делать бешеные прибыли. Не потому, что пиво хорошее, а технология совершенная. Просто импортные пошлины вкупе с транспортными тарифами сделали завоз более качественного пива из-за границы или из европейской России неимоверно дорогим. Добавьте к этому дружеские отношения с кем-то в местной администрации, и все станет на свои места.

Наиболее преуспевающая часть русского бизнеса неизбежно проиграет, а то и попросту обанкротится, если экономика нормализуется. Чемпион по бегу в мешках не имеет никаких шансов на соревновании стайеров. Бизнесмены объективно заинтересованы именно в продолжении и воспроизводстве кризиса, чтобы сохранить свои «случайные монополии». Отсюда, однако, не следует, что они сознательно хотят продолжения и углубления кризиса. Признаться в этом хотя бы самим себе значило бы признать и в том, что собственные успехи обеспечены не личными заслугами, умом, «крутостью» и т. п., а совсем другими факторами. Это противоречило бы человеческой природе.

Русские бизнесмены вовсе не законченные злодеи. Они искренне поддерживают все стабилизационные программы правительства и даже подталкивают правительство к более решительным шагам. Но лишь до тех пор, пока эти шаги не дают конкретных результатов. Как только это происходит, в каждом конкретном случае возникает недовольство и даже сопротивление. Так банкиры требовали стабилизировать рубль, но к валютному коридору отнеслись враждебно. «Отношения наших банкиров с чиновниками нередко напоминают уныло-затяжной роман. Вместе им тесно, врозь — скучно», — писала газета «Век»²³⁾.

Стремление к социальному миру неизбежно вырождается у «нового русского» в потребность в сильной власти. Компрадорский капитал неожиданно становится патристическим, а демократы превращаются в авторитаристов. Пока все «социальные гарантии» для них сводились к праву свободно уехать со своим капиталом, их вполне устраивала демократия. Для защиты особняков нужны не гражданские права, а хорошо оплачиваемая полиция. Теперь

²²⁾ Век, 1997, № 15.

²³⁾ Там же.

им нужно больше порядка, больше державности. А западными либеральными ценностями можно наслаждаться во время заграничного отпуска²⁴⁾.

Некоторые публицисты возлагают надежды на «новое поколение элиты», которое будет образованным и гуманным. Отпрыски «новых русских» вернутся из западных университетов, овладев передовыми методами управления и усвоив культуру социального компромисса и высокие моральные принципы европейского протестантизма.

Можно подумать, будто в 1991 г. в России образованных и порядочных людей вообще не было. Но почему-то в бизнесе преуспели совершенно другие личности. Нередко среди новых предпринимателей появлялись люди, известные по «прошлой жизни» своей интеллигентностью и порядочностью. Однако проведя год-другой в бизнесе — зверели.

Да, можно отправить отпрысков «новых русских» в лучшие западные университеты. Получится, как в «Большой разбойничьей сказке» Карела Чапека. Представьте себе, возвращается такой образованный молодой джентльмен из Оксфорда, а папаша начинает вводить его в курс дела: кому сколько надо дать «на лапу», где нанять хорошего киллера, чтобы разобраться с неплатежеспособными партнерами, как уклониться от налогов, с кем пьянствовать. И далее в том же духе...

Воспитать своего ребенка порядочным человеком для «нового русского» значит нажить смертельного врага в собственном доме. Кстати, так случалось и со старым русским купечеством. Наследники купцов, получившие европейское образование, часто оказывались людьми выдающимися. Но их достижения были отнюдь не в сфере предпринимательства. Они собирали коллекции, открывали театры, давали деньги социалистам, а то и сами уходили в революцию. Хочется верить, что и дети «новых русских» вырастут приличными и образованными людьми. Но это значит только одно: им придется уйти из бизнеса. Они могут стать интеллектуалами, революционерами, террористами. Им придется порвать со своими родителями, чьи представления и образ жизни не могут не быть отвратительны всякому образованному и порядочному человеку.

Утонченные выпускники лучших университетов могут быть заменены в бизнесе новым полубандитским поколением, поднимающимся из социальных низов или из «второго эшелона» нынешнего предпринимательства. Но тут не обойтись без серьезной борьбы. Новое поколение элиты, вытесняемое из бизнеса, даст бой в сфере политики. И бизнесмены в их лице столкнутся с очень опасным противником.

Западные политики, которые думают, будто молодые люди, учившиеся в Америке и Европе, будут у себя дома отстаивать интересы Запада, скоро обнаружат свою ошибку. Воистину, наступать по несколько раз на одни грабли свойственно не только русским. Ведь именно учившаяся на Западе элита составила в свое время ядро всех национально-освободительных и революционных движений в «третьем мире». Чем больше в стране людей с европейским образованием, свободным знанием иностранных языков и современными профессиональными навыками, тем больше они стремятся вытеснить иностранцев

²⁴⁾ В романе В. Пелевина «Generation П» герои хвастаются, что у них есть «лэвз»: «это от латинских букв "L" и "V". Аббревиатура liberal values» (Пелевин В. Цит. соч. С. 23).

с занимаемых теми позиций, заменить их людьми своего круга. Логика вытеснения русских с ключевых постов в республиках бывшего СССР была такой же.

Смена поколений действительно приведет к серьезным переменам к лучшему. Но произойдет это совсем не так, как ожидают профессиональные оптимисты. Смена поколений предполагает идеологическую ломку, политические потрясения и социальный взрыв. И ждать этого придется не так уж долго. Дети «новых русских» уже появляются на горизонте.

«Цивилизованный» капитализм из «дикого» сам собой вырасти не может. Переход от одного к другому не может быть чем-то иным, нежели чередой потрясений и революций. Но что возникнет в результате? «Улучшенный», «облагороженный» капитализм или нечто иное? Прежний опыт России показывает, что попытки преодолеть отсталость и дикость неизбежно толкают страну на путь смелых исторических экспериментов.

Национал-консерватизм

По мере того, как решаются задачи по захвату собственности и на передний план выходит забота о ее удержании, власть эволюционирует от либерализма к национал-консерватизму. Рьяные поклонники «западной модели» на глазах превращаются в убежденных почвенников. Не случайно миллионер Борис Березовский или банкир Владимир Потанин пытались устроиться чиновниками в правительство. Они знали, что от этого зависит судьба их бизнеса. Ни «новые русские», ни тем более олигархи уже не могут позволить себе экономический и политический либерализм, они становятся «людьми государственными».

Новый национализм элит был логическим продолжением их вчерашнего западничества. На первый план выходит новая задача: сохранить захваченное. Упорядочить государственную жизнь, защитить себя от притязаний неимущих, подключить государство к решению проблем, с которыми частный сектор не справляется. К тому же у тех, кто осознал новые задачи первыми, опять, как и в 1989–92 гг., появлялась возможность поживиться за счет опоздавших. Спад в экономике делал неизбежным новое перераспределение собственности: из-за нехватки иного корма хищникам приходится пожирать друг друга. Отсюда и растущая неприязнь к иностранным фирмам, которые лучше работают, и требования протекционизма, и надежды на помощь государства. Поэтому особенно остро процесс «роста национального самосознания» происходит среди наиболее отсталой и коррумпированной части «новых русских».

Священного права обворовывать своих соотечественников русский предприниматель иностранцам уступать не намерен. За это он действительно готов бороться. Патриотизм русского купечества всегда на этом строился. Как и национализм в отсталых колониальных странах.

Первыми ситуацию почувствовали банкиры. В 1994 г., когда возникла серьезная перспектива проникновения западных банков на отечественный финансовый рынок, наши банковские империи неожиданно ощутили себя беспомощными карликами. В результате, по признанию аналитиков финансового рынка, банкиры стали «стимулировать» процесс «нового огосударствления» собственных банков²⁵⁾. По мере проникновения частного капитала в промышленность

²⁵⁾ Бек, 1995, № 39.

возникла схожая ситуация. Если мелкий капитал не хочет, чтобы его поглотили, ему не остается другого выхода, кроме как требовать защиты государства.

Новые собственники обнаруживают, что рынок уже захвачен западными фирмами. У тех товар лучше, реклама хорошо поставлена и, главное, для развития производства у них есть настоящие деньги. Те самые люди, что вчера призывали к максимальной открытости экономики, восхищались либеральными ценностями и молились на Запад, сегодня кричат о засильи иностранцев, необходимости защищать отечественного производителя, и требуют протекционизма. Они мечтают о государственной поддержке, чтобы продолжать эксплуатировать устарелое оборудование и продавать неконкурентоспособную продукцию. Не имея достаточных средств, они требуют от правительства кредитов, инвестиционных программ, регулирования, поддержки.

Защита отечественного производителя не равнозначна поощрению хозяйственности. Протекционизм не обязательно ведет к неэффективности. Но всякий, знакомый с нашим бизнесом и государством, может догадаться, что произойдет на практике. Успешное применение государственного протекционизма было возможно лишь там, где существовал мощный государственный сектор, независимый от частных интересов, где государство было ответственно перед обществом, а не перед несколькими лоббистскими группировками. Без жесткого разделения частного и общественного интереса любое вмешательство правительства в экономику будет направлено лишь на спасение «любимчиков».

Идеологи «рыночного социализма» предполагали, что государство должно взять на себя решение стратегических задач, оставив многочисленным мелкие и тактические вопросы частному бизнесу. «Новые русские» и олигархи, напротив, уверены, что государство надо загрузить множеством мелких дел, с которыми они сами не справляются, а вот стратегические решения должны остаться их монополией. А поскольку сама элита неоднородна, каждая группа интересов пытается захватить свой кусок государства.

При падении частном капитале усиление роли государства неизбежно. Но огосударствление экономики может принимать разные формы — от рузвельтовского «нового курса» до германского фашизма, от советского «коммунизма» до австрийского «социализма». Дело решат не теоретические преимущества той или иной модели (тем более, что готовых рецептов нет). Все будет зависеть от соотношения борющихся сил. Представители элит начинают подкармливать политиков-националистов. А те, в свою очередь, рассказывают им ужасные истории про разлагающее иноземное влияние и заговор мирового еврейского капитала. Спонсоры понемногу проникаются идеями спонсируемых. Кто заказывает музыку, тот от нее и тащится...

Несмотря на громкий шум, националистическая оппозиция первой половины 90-х гг. оставалась крайне несерьезной. Верхи использовали ее как пугало для собственных граждан и западного общественного мнения. С этой ролью великолепно справлялись опереточная Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского и многочисленные фашистские группы, расплывшиеся при демонстративном попустительстве правительственных спецслужб.

К середине десятилетия ситуация изменилась. Чем острее был кризис режима, тем более явным становился интерес элит к национал-консервативной идеологии. В 1995 г. была сделана первая попытка создать серьезную

«национальную силу». Ей попытался стать избирательный блок Конгресс Русских Общин (КРО) во главе с генералом Александром Лебедем и бывшим соратником Ельцина технократом-патриотом Юрием Скоковым. На выборах 1995 г. КРО потерпел полное поражение и во время политического цикла 1999–2000 гг. уже не играл заметной роли. Однако идеи КРО оказали огромное влияние как на правящие круги, так и на оппозицию. К 1999–2000 гг. все основные политические группировки — и коммунисты, и московский мэром Юрий Лужков, возглавивший к тому времени движение «Отечество», и близкие к Кремлю губернаторы из движения «Единство» («Медведь») в той или иной мере усвоили «национал-технократические» идеи и соответствующую лексику.

Предшественником российского КРО был Международный Конгресс Русских Общин, созданный Дмитрием Рогозиным. «Манифест возрождения России», подготовленный идеологами, вышедшими из этой организации, представляет собой весьма поучительное чтение. Разделив население страны на «русских», к которым относятся представители «великорусского, малороссийского и белорусского этносов», «россиян» («коренные нерусские этносы») и «русскоязычных», тяготеющих к «нерусским» культурным традициям, авторы Манифеста провозгласили своей целью создание последовательно русского государства²⁶⁾. По словам «Манифеста», «национализм является инстинктом самосохранения нации»²⁷⁾. Последовательно отвергая интернационализм («калторжная работа нации для чуждых ей целей»), авторы «Манифеста» приравнивали коммунизм и социализм к фашизму. Однако они признавали, что среди коммунистов есть «здравые политики с национально организованным мышлением». Что касается нацистов, то с ними представители Международного КРО готовы были сотрудничать, невзирая на «авантюризм» лидеров. «Если сами эти лидеры не способны стать истинно русскими националистами, то стоящие за ними силы и члены нацистских организаций чаще всего связывают свою судьбу с авантюристами лишь за неимением других возможностей выражения своих убеждений. Такой выбор им должно предоставить государственно-патриотическое движение. Русские националисты должны вытеснить из политики патриотизированный большевизм и “руссифицированный” национал-социализм»²⁸⁾.

В числе своих задач организация провозглашала не только нормализацию экономики с помощью государственного регулирования и борьбу с коррупцией, но также искоренение порнографии и защиту «генетического фонда русской нации» путем борьбы с наркоманией и пьянством — «особенно в местах компактного проживания русских»²⁹⁾. Отвергая «формальную» демократию западного типа, авторы «Манифеста» стремились к восстановлению «традиционных» российских форм самодержавной и сословной государственности.

Подобный текст можно было бы считать просто набором курьезов (тем более, что сам Рогозин от него отмежевался), если бы он не распространялся сторонниками Скокова вместе с официальными документами его избирательной кампании. Хотя «Манифест» не стал официальным документом КРО, Скоков

²⁶⁾ Манифест возрождения России. Международный Конгресс Русских Общин. М., 1995. С. 8.

²⁷⁾ Там же. С. 9.

²⁸⁾ Там же. С. 10, 15.

²⁹⁾ Там же. С. 59.

и его окружение выступали совершенно в том же духе. Скоков подчеркивал свои «русские национальные приоритеты» и повторял, что «забота о русских — лучший способ защиты интересов всех народов и национальной державы»³⁰⁾.

На первых порах многие аналитики пытались объяснить успех КРО популярностью его «второго номера» — генерала Лебеда. Другие предрекали скорый крах блока, включавшего в свой состав технократов, военных, профсоюзных деятелей, директоров и предпринимателей, провинциальных лидеров и московских политиков.

Как и всякая коалиция, Конгресс Русских Общин был неоднороден. Но именно эта неоднородность могла превратить КРО в эффективную политическую машину для решения определенных задач. Корпоративные связи между профсоюзами и директорами позволяли сохранять единство по крайней мере до тех пор, пока большинство трудящихся остаются пассивными. Успеху Скокова способствовало и недовольство региональных профсоюзных лидеров непоследовательной и демонстративно умеренной политикой московского руководства Федерации Независимых Профсоюзов России. А провинциальные технократы находили в КРО общероссийскую организацию, отвечающую их представлениям о порядке и эффективности.

Политическая модель, предлагавшаяся КРО, была явно нацелена на замену «формальной» демократии корпоративными соглашениями. «Это залог равноправия и партнерских отношений товаропроизводителей, профсоюзов и их объединений, органов исполнительной власти. Мы считаем, что именно такой механизм даст возможность трудящимся эффективно участвовать в выработке и принятии решений, непосредственно затрагивающих их интересы»³¹⁾. Скоков призывал «проинвентаризировать» результаты приватизации и одновременно подчеркивал, что отказываться от стратегического курса, провозглашенного в 1992–93 гг., нельзя, ибо эти решения «выражают волю народа», и отмечал, что любые преобразования надо проводить, «не отказываясь от самого принципа передачи государственной собственности в частные руки»³²⁾. По существу, речь идет о защите интересов самих новых собственников, которые, овладев рычагами экономической власти, не справились с управлением.

Понятие «товаропроизводителя» должно было объединить в одну категорию частных предпринимателей, директоров, профсоюзных функционеров, одновременно противопоставив их «паразитическому» капиталу, ориентированному на «иностранные» интересы. Критика «компрадорского» курса и идеология «русских национальных приоритетов» позволяют вполне убедительно соединить патриотическую риторику с социальными обещаниями. С социологической точки зрения советский трудовой коллектив всегда был своего рода «индустриальной общиной». Поэтому, предлагая «общинный подход» в качестве принципа «русского корпоративного объединения»³³⁾, Скоков легко находил взаимопонимание и с директорами, и с профсоюзниками.

По существу, КРО претендовал на то, чтобы занять пустующее после краха КПСС место общегосударственной политической структуры, выступая,

³⁰⁾ Опасность и безопасность, сентябрь 1995. С. 15.

³¹⁾ Никто, кроме нас с Вами! Конгресс Русских Общин. М. С. 15.

³²⁾ Интерфакс-АиФ, 1995, № 19. С. 3.

³³⁾ Опасность и безопасность, сентябрь 1995. С. 15.

по словам Скокова, «общенародным, надпартийным объединением лучших сил русского общества». Он «связал единой целью — возрождением России — подлинно народную инициативу, живое творчество масс и интеллектуальный, организационный потенциал элиты — научной, творческой, промышленной, военной и политической»³⁴. Только теперь идеология коммунистическая сменяется патриархально-общинным пониманием капитализма. Любопытно, что в 1999 г. советский штамп «здоровые силы общества» применялся пропагандистами уже по отношению к созданному по инициативе администрации Кремля и Бориса Березовского межрегиональному движению «Единство» («Медведь»).

Подъем КРО свидетельствовал не только о переориентации государственно-предпринимательской элиты, но и о слабости официальной левой оппозиции, пытавшейся соединить социалистическую идею и русский национализм. Программа левых националистов была заимствована КРО почти полностью, с той разницей, что ни в целях, ни в идеологии КРО уже не было ничего левого. Если левая традиция предполагает социальную солидарность и объединение трудящихся «по горизонтали», то национализм противопоставляет этому принцип иерархии и вертикальной организации. И левые, и национал-консерваторы видят в государстве средство для реализации своих экономических целей. Но их взгляды на природу и социальные задачи государства — противоположны. Именно поэтому, несмотря на схожие социальные требования, левые и националисты никогда не смогут успешно соединиться. И как бы ни стремились в 1995 г. лидеры коммунистов к сотрудничеству с КРО, из этого ничего не могло выйти — двух общенародных организаций в одной стране не бывает.

После реакции

В начале XX века левые в России противопоставляли национальному капитализму, патриархальной круговой поруке и бюрократической державности собственные ценности солидарности, права, свободы. По отношению к старорежимному русскому капитализму и его идеологам русские левые, включая большевиков, выступали как сила совершенно «западническая». Вполне возможно, что левым снова предстоит сыграть эту роль в постельцинской России. Но предшествовать этому будет болезненная идеологическая и политическая «ломка». Причем, болезненная не только для левых политиков.

Беда не в том, что иностранец русского человека понять не может. Хуже то, что русский человек сам себя не понимает. Если бы большинство населения России могло четко сформулировать собственный интерес и организовать хотя бы для самозащиты, история страны шла бы совершенно другим путем. Но так или иначе, методом проб и ошибок, люди все же находят свой путь. И нигде в Европе идеология не играет такой огромной, порой роковой роли в социальной жизни, как в России.

Готовые схемы, импортированные из-за рубежа, особенно привлекательны тем, что освобождают от необходимости думать. Но у них есть и один недостаток: они не работают. Не потому, что у нас «особая душа», а потому, что эти модели не накладываются на нашу социальную действительность.

³⁴ Опасность и безопасность, сентябрь 1995.

Можно создать двадцать центристских блоков, можно перевести на русский язык десятки томов об опыте европейской социал-демократии — все равно ничего не выйдет. Марксизм в России начала XX века сработал потому, что попал «в резонанс» с социальными и культурными процессами, происходившими в обществе. Сегодня опыт западных левых импортировать в Россию невозможно. В стране нет социальной базы для левоцентризма и социал-демократии. И нет условий для появления настоящего серьезного либерализма. Но так ли это плохо?

Чтобы возобновить экономический рост, неизбежно придется национализировать часть «новых структур», возникших в 90-е гг. Прежде всего речь идет о коммерческих банках и холдингах, ставших своеобразным механизмом откачки средств из промышленности и из страны. Своей деятельностью они содействуют деиндустриализации и варваризации экономики. Сыграть положительную роль в развитии промышленности они, в отличие от европейских банков, не могут. Размеры их капитала столь малы, что даже объединив усилия, они не в состоянии осуществить крупный инвестиционный проект в промышленности. Никакого накопления частного производительного капитала в этой системе не происходит, она способна лишь отсасывать ресурсы из производства, финансируя потребление «новых русских».

Принудительное слияние и национализация банков — хорошо известный прием государственного регулирования, применявшийся в самых разных странах — от США и Австрии до Мексики и Перу. Дело лишь в том, что у нас, как и полагается в варварском государстве, основной частный капитал сосредоточен не в производстве, а в посреднических и ростовщических предприятиях. А это значит, что любые меры, которые затронут эту сферу, вызовут бешеное сопротивление элит.

Увы, столкновения интересов не избежать. «Новые русские» и выросшие из их среды олигархии никакая не «опережающая группа», а варварская верхушка, тормозящая прогресс — как в Африке и в наиболее отсталых странах Латинской Америки. Можно сколько угодно сетовать на «мафиозно-партийное происхождение» наших правящих кланов, но даже если бы отечественная «элита» состояла из людей с безупречной диссидентской репутацией, ничто бы не изменилось. Крах советской системы был вызван не натиском «сил прогресса», а ее собственным вырождением.

Восстановление экономики России невозможно без радикальных преобразований. Ясно, что левые силы могут и должны сыграть решающую роль в возрождении страны. Но лишь в том случае, если останутся верны своим традициям и принципам. Экономическая, социальная и политическая реакция, восторжествовавшая в России и мире в результате крушения СССР, сама несет в себе семена собственной гибели. Как бы ни пытались победители отбросить страну и мир назад в XIX век, этим они лишь создают условия для появления новых радикальных движений.

Глава 3

Российская интеллигенция между «западничеством» и «почвенничеством»

Интеллигенция любит размышлять о самой себе. В этом нет ничего дурного: рефлексия — необходимая часть мышления. Беда в том, что с течением времени самоанализ все больше заменяется самооправданием и самовосхвалением.

В отличие от западного интеллектуала, являвшегося, по выражению Сартра, «техником практического знания», русская интеллигенция традиционно объединялась не на основе корпоративных связей, общности образования или квалификации (хотя все это присутствовало). Главным объединяющим фактором было парадоксально-двойственное положение интеллигента в обществе, высокий авторитет, сочетавшийся с явной невостребованностью его знаний. Россия всегда страдала одновременно и от перепроизводства образованных людей, и от недостатка образования. Общество было неспособно полноценно использовать способности и знания интеллигента, но не переставало нуждаться в нем. Те, кого угрозидило родиться в России с умом и талантом, да еще приобрести знания где-то в «Германии туманной» или в хорошем отечественном университете, неизбежно чувствовали себя «лишними людьми». Не потому, что они были не нужны обществу, а потому, что это общество и собственная роль в нем их не устраивали.

Закат советской интеллигенции

Именно в России сформировались самосознание интеллигенции, впоследствии немало повлиявшее и на интеллектуалов Запада. Интеллигент должен был осознавать, что его роль в обществе не только техническая, но и нравственная. В этом плане очень важно было понятие «настоящего интеллигента» (в отличие от «псевдоинтеллигента» или «образованщины» по Солженицыну). Настоящий интеллигент, пишет радикальный социолог Александр Тарасов, «это *творец*, творческая личность, гений, человек, занимающийся поисками истины, рациональным (научным) или чувственным (художественным) познанием и освоением мира. Настоящий интеллигент понимает свою индивидуальную роль познающего субъекта — и общественную роль просветителя и освободителя. Настоящий интеллигент — носитель критического мышления. Настоящий интеллигент противостоит конформизму и мешанству»¹⁾.

С точки зрения политолога Владимира Пастухова радикальный неолиберализм 90-х гг. порожден идеологией и психологией советской интеллигенции. «Советская интеллигенция, порождение XX съезда, в течение трех десятилетий

¹⁾ Свободная мысль, 1999, № 7. С. 42.

была совестью нации и хранила культурную традицию в условиях тоталитаризма. В то же время, живя под невыносимым тираническим прессом, интеллигенция аккумулировала в себе колоссальный заряд негативной энергии. Отсутствие возможности в течение десятилетий практически влиять на положение вещей трансформировалось в необузданную жажду всеобщего переустройства. Российские реформаторы лишь реализовали эту копившуюся годами энергию»²⁾. Трудно сказать, чего здесь больше — наивности или лукавства. В одной и той же фразе мы читаем и об ужасах тоталитаризма, и о XX съезде, который этот тоталитаризм ограничил и сделал для большинства интеллектуалов вполне терпимым. Что бы мы ни говорили об интеллигенции в целом, непосредственная работа по «реформированию» России осуществлялась отнюдь не бывшими диссидентами и не людьми, в прежнее время отдаленными от власти, а напротив, интеллектуалами, и в советское время к власти приближенными. И семья Гайдаров, и партийный функционер Геннадий Бурбулис не только чувствовали себя при советской системе вполне комфортно, но и занимали в ней определенное политическое положение. Напротив, людей с диссидентским и полудиссидентским прошлым среда нелиберальных реформаторов отторгала даже тогда, когда эти люди по идеологическим соображениям готовы были нелибералов поддерживать.

Искать русскую специфику в радикализме нелибералов не имеет особого смысла. Они действуют в Англии, Мексике, Зимбабве и Аргентине точно так же, как и в России, хотя там советской интеллигенции вовсе нет. Масштабы ущерба, наносимого нелиберальной политикой обществу, ограничиваются лишь масштабом сопротивления, которое общество оказывает нелиберальной политике. В этом плане Восточная Европа действительно почти уникальна. Советская интеллигенция, гордившаяся своими традициями независимости и сопротивления, в 90-е гг. не только не выступила в первых рядах борцов против новой власти, но, напротив, долгое время считала эту власть своей, а затем готова была с этой властью мириться гораздо дольше, чем другие слои общества.

Утверждать, будто интеллигенция пострадала от реставрации меньше других, не приходится. Уже в 1992–93 гг. ей был нанесен сокрушительный удар. Как отмечает историк В. Согрин: «Резкое сокращение дотирования привело к тому, что только в науке, согласно данным Госкомстата России, число занятых сократилось к началу 1993 г. (по сравнению с 1990-м) на 27 %, в том числе в академической науке — на 24, отраслевой — на 30,4, в вузовской на 11,8 %. Большая часть наиболее одаренных ученых вынуждена была в поисках работы и средств к существованию эмигрировать за границу. За год “утечка мозгов” составила 3,5 тыс. человек. Резко сократилось издание “нерентабельной” научной литературы»³⁾. Русский тип интеллигенции вообще не вписывался в концепции нелиберальной экономики. Все должно быть подчинено конкретным практическим задачам, причем таким, которые можно решить немедленно и с непосредственной выгодой. Фундаментальная наука, философские поиски смысла жизни, искусство, выходящее за сферу простого развлечения, критический анализ общества — все это нелиберализму равно противопоказано.

²⁾ Пастухов В. Цит. соч. С. 127.

³⁾ Согрин В. Политическая история современной России. М.: Прогресс-академия, 1994. С. 131.

И все же интеллигенция действительно с энтузиазмом поддержала реформы, одной из целью которых было ее собственное уничтожение. В чем причина столь странного и на первый взгляд иррационального поведения? Понять его невозможно, не осмыслив историю советской интеллигенции.

Немного истории

Для старой интеллигенции ключевыми были две идеи — критика власти и служение народу. Правда, отношения с властью всегда отличались крайней двусмысленностью. Интеллигенция в России была не продуктом естественного культурного и социального развития, а именно порождением власти. Правительство («единственный европеец в России» по Пушкину), исходя из собственных видов, просвещало страну, насаждая передовую цивилизацию или, на худой конец, то, что принимало за таковую. Для этого нужна была массовая интеллигенция — профессора, учителя, инженеры. Сколько их нужно, никто точно не знал, ибо расплывчатыми были представления самого правительства о необходимом просвещении. Интеллигенция плодилась и разрасталась так же, как бюрократия, но, в отличие от последней, не пользовалась привилегиями и властью. Зато она обладала преимуществом образования. Она стала общественной группой, профессионально заинтересованной в модернизации, европеизации и расширении демократических свобод. С того момента, как интеллигенция со своими демократическими и модернистскими потребностями вышла за отведенные ей пределы, конфликт с властью стал неизбежен. В этом противостоянии интеллигенция нашла новую моральную опору — служение народу, который глубоко нуждается в свободе и просвещении, даже если сам того не осознает.

Все это относится к старой России. Революция изменила не только социальный строй, но и отношение интеллигенции к власти. И хотя именно на интеллигенцию в 30-е гг. обрушились тяжелейшие репрессии, советский период стал временем стремительного роста численности и влияния интеллигенции.

Новая власть тоже вводила просвещение. Ей нужны были всеобщая грамотность, современная наука и технологии, нужна была профессиональная подготовка кадров. Хотя репрессии 30-х гг. стали одним из ключевых мифов интеллигентского сознания, сами советские интеллигенты в массе своей были вовсе не потомками репрессированных. Напротив, в подавляющем большинстве они были потомками «выдвиженцев», для которых путь наверх расчищался сталинскими репрессиями.

Резкое осуждение террора, сочетающееся со стремлением максимально воспользоваться его плодами, стало первым моральным и культурным противоречием новой интеллигенции. Вообще-то здесь нет ничего противостественного. Ведь можем мы восхищаться прекрасными дворцами Петербурга, несмотря на то, что они построены «на костях». История то и дело заставляет одни поколения строить свое благополучие на жертвах и страданиях других. Проблема была не в самой связи между сталинскими «чистками» и становлением новой интеллигенции, а в том, что интеллигенция не желала признаться себе в этой связи.

Ее отношение к власти тоже было противоречивым, но и это ею не осознавалось. Художественная интеллигенция осуждала власть, ограничивающую ее творческую свободу, но принимала от нее премии, активно участвовала в созданных властью творческих союзах. Ученые сочувствовали диссидентам, но продолжали добросовестно разрабатывать оружие во всевозможных закрытых институтах — «ящиках». В отличие от старой интеллигенции, для которой оппозиционность выражалась в бросании бомб, создании подпольных организаций и сочинении подрывных листовок, новая интеллигенция, несмотря на свою любовь к антисоветским анекдотам и самиздату, настроена была реформистски. И никакой самиздат не мог сравниться в популярности с «Новым миром» и другими толстыми журналами, выходившими совершенно легально *массовыми* тиражами.

Интеллигенция ужасно обижалась, когда сталинская социология обзывала ее «прослойкой». На самом деле это было вполне естественное определение: как иначе можно было назвать интеллигенцию — «классом», «корпорацией»? В конце концов неудачное сталинское словечко исчезло из учебников, уступив место более уважительному «слой». Смысл от этого ничуть не изменился, но интеллигенция почувствовала себя комфортнее. Это была часто неосознанная борьба за социальный статус. И даже более того — за уважение со стороны власти. Подобное уважение интеллигенция, несмотря на свою критику начальства, ценила очень высоко.

Отношение советской интеллигенции к власти не было ни безнравственным, ни лицемерным. В глубине души интеллигенты были уверены, что власть народна. В отличие от русских либералов и революционеров прошлого века, образованные люди советского времени были убеждены, что власть действительно исходит от народа, продолжая его недостатки и слабости. С одной стороны, они ставили себя в культурном отношении выше и представителей власти, и народа, а с другой — искренне желали блага и тем, и другим.

Критика власти была адресована в конечном счете самой же власти. Это относится не только к специфическому жанру «закрытых записок», которые в огромном количестве сочинялись общественоведами из академических институтов, не только к легальной публицистике «Нового мира» (или, да простят мне читатели, «Нашего современника»). Это же относится и к изрядной части самиздата. Александр Солженицын обращался к «вождям Советского Союза», а Александр Зиновьев доказывал, что в СССР нет демократии, но есть «народовластие». Если старые большевики заявляли сталинским палачам, что партия всегда права, то интеллигенция 60-х разоблачала партократию для пользы самих партократов. Задним числом многие представители интеллигенции вытеснили из памяти свои прежние мотивы и ценности. Для психоаналитика у нас всегда найдется масса работы. Когда, например, известный актер Игорь Кваша рассказывал в середине 90-х, что ключевой идеей его творчества всегда был антикоммунизм, я не мог не вспомнить его на сцене «Современника» в роли Якова Свердлова. Роли, которую он играл годами и которой, судя по всему, очень гордился.

Прошлого не надо стыдиться. Его надо анализировать. Стыдиться следует дня сегодняшнего. Услужливая забывчивость гораздо безнравственнее прежних иллюзий.

Роман с начальством

Резкий поворот от оппозиционности к восторженному начальстволюбию дался интеллигенции в конце 80-х очень легко именно потому, что на самом деле платонический роман с начальством никогда и не прекращался. Интеллигенты много лет говорили власти: «Посмотри на себя, как ты отвратительна». И вдруг в годы перестройки власть согласилась с ними. Глянув в зеркало гласности, она ужаснулась и призвала образованных людей исправлять свой имидж...

Любовь к начальству с Горбачева быстро перешла на Ельцина. Важен не человек, важен принцип. А бывший начальник — уже не начальник. Интеллигенция начала «хождение во власть» (хотя больше на вторых ролях). Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы резко повысилась самооценка. Большинство милых образованных людей, восторгающихся Гайдаром, не имеют ни малейшего понятия об его идеях. Они увидели в нем «человека нашего круга». Живое доказательство слияния власти и интеллигенции.

Народ в этой конструкции оказался лишним. Если раньше слияние с властью становилось допустимым в силу ее народности, то затем защита власти от народа стала необходимой в силу ее «просвещенности». Как известно, правительство — «единственный европеец в России». А европейской цивилизации, породившей демократические ценности, многое можно простить. Даже стрельбу из пушек по парламенту.

Итак, первоначально целостный комплекс идей — просвещение, народолюбие, демократические идеалы, свободомыслие и окультуривание начальства — раскололся. Для тех, кто не приемлет начальства, остается один выход — возвращение к народнической традиции. Но это означает не только разрыв с властью, но и разрыв с интеллектуальной элитой, которая за годы перемен сама стала частью начальства.

Стала уже почти общим местом мысль о том, что идеология постсоветского либерализма есть не что иное, как вывернутая наизнанку советско-коммунистическая идеология. Культуролог Татьяна Чередниченко очень удачно назвала это «обращенной идеологией». Перед нами все то же «единственно верное учение», только как бы перевернутое. «В обращенной идеологии тоже действует пара буржуазное/социалистическое, но только с противоположными оценочными знаками (цивилизованные капиталисты противопоставлены варварам-большевикам)»⁴⁾.

Однако существенно, что в процессе «выворачивания» сама идейная система потеряла целостность. Не то чтобы разрушилась, а именно разложилась. В советской идеологии все было взаимосвязано. В ней было даже место для диссидентов и для лояльных реформаторов, хотя официально ни тех, ни других государство не признавало. Поменяв местами плюсы и минусы, «обратные идеологии» обнаружили, что ответы не сходятся. Понятия «свободы», «справедливости», «культуры», «народности», тесно связанные в традиционном политическом сознании, стали путаться, отменять друг друга. Сознание стало калейдоскопичным, хотя все «камешки» в этом калейдоскопе — на самом деле кирпичи старого здания.

⁴⁾ Чередниченко Т. Типология советской массовой культуры. Между «Брежневым» и «Пугачевой». М., 1994. С. 20–21.

Расслоение

Расслоение интеллигентской идеологии дополнилось социальным расслоением. Это совершенно новый феномен для России. И в царские, и в советские времена интеллигенция была более или менее однородной массой. Конечно, были различия между московским профессором и сельским учителем (или земским врачом в дореволюционную эпоху), между инженерами и гуманитариями. Были знаменитые в 60-е гг. дискуссии между «физиками» и «лириками». Но сам факт этих дискуссий доказывает как раз существование общей среды. Сходства было больше, нежели различий. Все читали одни и те же толстые журналы, одну и ту же «Литературную газету», смотрели одни и те же книги, слушали одну и ту же музыку.

В дореволюционной интеллигенции было некоторое количество богатых людей. Но их богатство не имело никакого отношения к их интеллигентности, не было связано с их культурной или научной деятельностью. Деньги, заработанные в бизнесе, Третьяков тратил на создание картинной галереи. Ему бы и в голову не пришло, что сама галерея может превратиться в прибыльный бизнес. Интеллигенция старой России сложилась в докапиталистическую эпоху, она так и не успела испытать социального расслоения, которое и на Западе в полной мере стало заметно лишь в 70-е гг. нашего века.

Тем более — советская интеллигенция. Богатство и роскошь связывались с коррупцией, деньги вредили искусству, а наука пыталась жить по коммунистическим принципам (даже если сами ученые считали себя убежденными антикоммунистами). Конфликт «культуры» и «денег» стар как мир, но позиция деятелей культуры, вставших в нем на сторону «денег», совершенно нова. Искусство расслаивается, появляется шоу-бизнес, приносящий сотни тысяч долларов. Научные исследования делятся на хорошо и плохо финансируемые. А рядовой учитель, инженер или врач оказывается равно удален и от звезд шоу-бизнеса, и от жрецов «высокого искусства». Симптомом кризиса стало резкое падение тиража толстых журналов. Дело не только в нехватке денег — исчез читатель.

На место прежнего единства приходит непонимание, раздражение, а затем и социальная ненависть. Можно радоваться: интеллигенция наконец перестала быть прослойкой. Она сама разделилась на «верхи» и «низы», на буржуа и пролетариев. Лидеры «культурной элиты» стали частью элиты коммерческо-бюрократической. Поразительно, однако, что «верхи» до сих пор не осознали наметившегося конфликта. Они все еще помнят про однородную интеллигенцию прежних лет, все еще считают себя ее частью. И убеждены, что «массы» следуют за ними. Вот почему они постоянно обращаются к публике с различными призывами, коллективными письмами, рекомендациями. Нельзя сказать, что их никто не слушает. Напротив, как показали выборы 1996 г., политическая пропаганда средствами шоу-бизнеса высокоэффективна. Только воспринимает ее как раз наименее образованная часть населения, которая не только никогда не читала толстых журналов, но и не подозревает об их существовании.

Массовый «работник умственного труда» испытывает только недоумение, смешанное с озлоблением. Эти чувства очень хорошо выразил Александр Тарасов в статье «Десять лет позора», обвинив интеллектуальную элиту в «пре-

дательстве». Мало того, что она отказалась от собственных ценностей и от элементарной корпоративной солидарности, но еще и стала «паразитическим слоем». Вместо того, чтобы отстаивать принципы просвещения и освобождения, интеллектуальная элита заинтересована в распространении невежества и рабства, ибо «каждый просвещенный и освобожденный с их точки зрения — это *экономический конкурент*»⁵⁾.

Утрачена и культурно-психологическая однородность интеллигенции. До середины 90-х культурным образцом был шестидесятник. Поколение за поколением пели песни Булата Окуджавы, читали романы Трифонова. Но общество изменилось, стали иными и вкусы. Иными стали и сами шестидесятники. А поколение, которому сейчас 25–30 лет, уже не помнит их славного прошлого, оно знает лишь их настоящее. Для этого поколения Фредди Меркury значит больше, чем Окуджава, а группа «Чайф» интереснее, чем Высоцкий. Ближе — не значит «лучше», но какое это имеет значение? Особенно теперь, когда усилиями самих же интеллигентов старшего поколения их собственный жизненный опыт и их культура полностью дискредитированы. Для кого-то это достояние «совкового» прошлого, а кто-то уже видит в героях 60-х не более чем сегодняшних президентских прислужников. Пушкину мы можем простить совершенно ужасные стихи «На взятие Праги». Просто потому, что он — Пушкин. А слушать песни Окуджавы про «комиссаров в пыльных шлемах» после его заявлений о том, что ему не жалко безоружных людей, погибших в Белом доме, как-то не хочется.

Культура 60-х гг. была слишком связана со своей эпохой и идеологией. Дискредитировав и то, и другое, шестидесятники в духовном смысле уничтожили сами себя. Сами того не заметив.

Значит ли это, что вместе с ними исчезла и советская интеллигенция? В известном смысле — да. Прошлое не вернешь, а прерванную традицию невозможно «восстановить», ибо ее основной смысл — в непрерывности. Но, погибнув в неразберихе «катастрофы», интеллигенция может возродиться вновь. Предпосылки для этого создает сама нынешняя власть с ее культурной и бизнес-элитами.

Чем более мы становимся страной периферийного капитализма, тем более привлекательной и одновременно подрывной делается идея модернизации. С этого начинался радикализм в старой России или в послевоенной Латинской Америке. Плебейская ярость, смешавшаяся с европейским образованием, породила русскую революцию и латиноамериканский «новый роман», терроризм и футуризм.

Что породит опыт постсоветского кризиса?

Западничество

В 30-е гг. XIX века, когда российское образованное общество сплошь увлеклось Гегелем, кто-то сочинил замечательный анекдот. Англичанину, немцу и русскому предложили написать трактат про верблюда. Англичанин поехал в Египет, поселился среди верблюдов, ел их пищу, проникся их заботами,

⁵⁾ Свободная мысль, 1999, № 7. С. 43.

стал среди них совершенно своим. По возвращении написал подробный эмпирический доклад о жизни верблюдов. Немец, напротив, уединился в своем кабинете и стал извлекать чистую идею верблюда из глубин своего духа. Извлек. Опубликовал.

Русский дождался публикации труда своего немецкого коллеги и перевел на родной язык — с большим количеством ошибок.

Копирование образцов и имитация чужих моделей — характерная черта периферии. Однако исходные образцы не обязательно заимствованы из чужой культуры. Они могут быть и местными. В конце 70-х гг. двое венгерских диссидентов, писавших под псевдонимом «Марк Раковский», отметили странную особенность политической культуры в обществах советского типа. С одной стороны, кризис системы порождал всеобщее разочарование в коммунистической идеологии и стимулировал поиск альтернатив. Социал-демократические, либеральные и патриотические идеи становились все более привлекательны. Однако, с другой стороны, социальные, культурные, экономические условия, приведшие к развитию этих идеологий на Западе, отсутствовали в Восточной Европе. Более того, отсутствовала даже информация. Главным источником знаний о враждебных коммунизму идеях были те же коммунистические партийные учебники. В итоге, «случилось страшное»: монстры, порожденные фантазией сталинских идеологов, материализовались. И либералы, и социал-демократы, и националисты получились именно такими, какими они описаны в «Кратком курсе истории партии» — ограниченными, беспринципными, алчными и социально безответственными.

Политическая жизнь в условиях периферийного капитализма построена на имитации западных аналогов — те же партии, те же термины, но за ними неизменно скрывается совершенно особая, местная суть. Политики, которые не отдадут себе в этом отчета — проигрывают. Достаточно вспомнить меньшевиков и большевиков. Первые хотели быть социал-демократами, как в Германии. Вторые, на первых порах — тоже. Но большевики очень быстро осознали, что немцами они быть не могут. Кстати, меньшевики тоже существенно отличались от своих западных товарищей, но не хотели в этом признаться ни себе, ни окружающим. Между тем, когда идеологию большевизма перенесли на Запад, там коммунистические партии все равно получились совершенно другими. И произошло это не в эпоху «еврокоммунизма», а гораздо раньше. «Еврокоммунисты» лишь честно признали то, что было реальностью уже в 20-е гг. Партии, действующие в условиях западного общества, не могут быть такими же, как на периферии капитализма. Они могут быть оппозиционными или радикальными, но их оппозиционность и радикализм все равно будут проявляться иначе.

Да, институты, характерные для западной демократии, возникли практически во всех странах Восточной Европы, включая Россию. Другое дело, что наша политическая система удивительным образом сочетает «европейский» фасад с совершенно кондовым и вполне традиционным «азиатским» авторитаризмом. Но даже если конституционный порядок изменится, парламент получит реальную власть, а президент перестанет быть пожизненным царем, политическая система в России будет функционировать иначе, чем в Западной Европе. И дело не в наших традициях, а в том, что наше общество разительно

отличается от западного. Даже если используются одинаковые слова — за ними стоит разная практика. Это не вопрос «времени» или «опыта». Ибо и время, и опыт лишь закрепляют различия. Сегодня социальный и культурный разрыв между Россией и Европой на порядок больше, чем десять лет назад. И причина не в чьих-то ошибках, а в самом пути, по которому мы идем. За прошедшие десять лет, несмотря на поверхностные нововведения, произошла чудовищная демодернизация экономики. Мы не только производим меньше, но и отстаем гораздо больше, нежели в советское время. И это тоже нормально для периферийного капитализма.

Впрочем, когда идеологи занимаются поисками «национальной специфики», получается не лучше, чем с имитацией западных схем. Ведь идеологи пытаются найти эту специфику не через анализ конкретных экономических процессов и социальных структур, а в глубинах своего духа. В большинстве случаев ничего ценного там обнаружить не удастся. Поиски самобытности сводятся к восхвалению собственной ограниченности.

Псевдodemократы против лжепатриотов

Господство псевдodemобатов, соперничество псевдопартий — неизбежное следствие сложившейся социальной и политической практики. Ни один вопрос не может быть решен, ибо все они формулируются неправильно. Забавное дело: пока речь идет о Западе, наши комментаторы способны увидеть противостояние интересов по конкретным вопросам. Но стоит заговорить о родной стране, как борьба левых и правых вокруг вопросов социальной реформы подменяется спором «западников» и «почвенников», «демократов» и «патриотов». Но даже эти понятия не удастся сформулировать корректно.

Если предположить, что патриотизм — это не просто благопристойное название для антисемитизма, а демократизм — нечто большее, чем просто антикоммунизм, неизбежно закрадывается подозрение, что обе стороны в этом великом идейном противоборстве просто морочат голову и себе, и слушателям.

В России нет ни патриотов, ни демократов. По крайней мере в том смысле, в каком они есть на Западе. О сомнительном демократизме российских профессиональных демократов уже немало написано. На заре эпохи Просвещения Вольтер говорил: «Ваше мнение мне глубоко ненавистно, но я готов отдать жизнь за ваше право его высказать». Профессиональные демократы в России думают иначе. Они постоянно призывают кого-то запретить, разогнать, подавить, заковать в наручники (другое дело, что редко получается). Они не только призывали к разгону парламента в 1993 г., но им в принципе присущ явный антипарламентаризм. Посмотрите, с какой яростью они обрушиваются на Думу — не на коммунистическую фракцию, а именно на сам институт, на «депутатов» вообще. Для «демократической» прессы «депутат» — слово ругательное, синоним «красного». Наши «западники» охотно смирились с авторитарной конституцией 1993 г., но как только в 1998 г. в Белом доме появилось правительство, опирающееся (в соответствии с европейскими нормами) на парламентское большинство, началась паника...

За всем этим скрывается нечто большее, чем нелюбовь к «красным» — глубочайшее, почти физическое отвращение к большинству населения соб-

ственной страны, к «этим людям», которые и живут не так, как надо, и хотят не того, что требуется, а главное — безнадежно деформированы «тоталитарным прошлым». Сами демократы, видимо, не из этого прошлого выросли или выработали какой-то особенный иммунитет.

Нетрудно заметить, что подобный антидемократизм наших «демократов» тесно связан с их антипатриотизмом. Собственная страна для них не то чтобы чужая, но чуждая, неправильная. Она раздражает и пугает их. Разумеется, все эти противоречия остаются зачастую неосознанными, люди просто боятся делать логические выводы из собственных посылок, додумывать до конца собственные мысли. Именно потому они совершенно безнадежны.

Что касается патриотов, то и они глубоко заблуждаются относительно самих себя. Если судить по людям, которые ходят на «патриотические» собрания, то напрашивается вывод: «патриот» — это пожилой советский деятель, раздраженно отмахивающийся от всего иностранного, ностальгически вспоминающий о былом имперском величии. Этот «патриот» должен непременно в каждом кавказце подозревать «чеченского террориста». А уж про евреев и подумать страшно! Главным патриотом в России в конце 90-х принято считать генерала Макашова, поскольку он на каждом «патриотическом» митинге ругает евреев.

Чем меньше образования — тем лучше. Ведь со времен Грибоедова известно, что все зло — от книг, тем более если эти книги переведены с французского (или английского). Он (патриот) глубоко провинциален, консервативен и погружен в воображаемое прошлое. Настоящее историческое знание, впрочем, ему так же отвратительно, как и любые другие проявления критического мышления. Если у нашей страны действительно есть только **такие** патриоты, то дело и правда плохо! Но разве провинциальность, тупость и безграмотность являются содержанием патриотизма? Как же быть тогда с Американской и Французской революциями? Ведь именно они сформулировали патриотическую идеологию и распространили ее по миру.

Да простят меня товарищ Зюганов и господин Гайдар, но идея патриотизма такая же импортированная и «западная», как, например, идеи социализма, либерализма и демократии. Нет сомнения, что люди любили свою родину и задолго до эпохи Просвещения, но это не было ни политической программой, ни идеологией. Да и само представление о родине менялось — можно осознать себя французами, американцами и русскими, а можно просто «тутейшими» или «истинно верующими». А за свой маленький клочок земли или за свою церковь держаться можно так же отчаянно, как и за славу великой империи.

Пропагандистская война, которую ведут либеральные журналисты против всего «национального» и «патриотического», выдает как раз глубинное неприятие принципов западной демократии. Ведь со времен Американской и Французской революций демократия — это система, основанная на **ВЛАСТИ НАРОДА** в рамках **НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**. Другой вопрос, что «национальность» не имеет ничего общего со знаменитым советским «пятым пунктом». К нации принадлежит тот, кто является гражданином своей страны — вне зависимости от религии, цвета кожи и длины носа. Нацию объединяет общее гражданство и общая история. Все остальное — только разделяет. Государство, не уважающее ни собственной истории, ни собственных граждан, ничего общего с демократией не имеет.

Идеи патриотизма появляются вместе с современной демократией и являются органической частью демократической идеологии. Английский социолог Бенедикт Андерсон в книге “Imagined Communities” подметил, что первое «национально-освободительное» движение было восстанием северо-американцев против англичан, а противоборствующие стороны не отличались друг от друга ни языком, ни религией, ни цветом кожи! Просто американцы не хотели оставаться гражданами государства, где они не имели права решающего голоса. Они захотели сами выбирать свое правительство, назначать свои налоги и определять свое будущее. Короче, они всего лишь захотели ввести демократию.

Со времен Великой Французской Революции понятия «гражданин» и «патриот» были синонимами. В самодержавном государстве не может быть патриотов, есть только верноподданные. В императорской России не было русских — были великороссы. Не было нации — были «православные». Были дворяне, которых бить нельзя, мужики, которых бить можно, и инородцы, с которыми вообще можно делать все, что угодно.

Патриотическая идея заставила отказаться от деления граждан по сословному, религиозному и этническому признакам — ведь все они дети одной Родины. Патриотическая идеология не позволяет делить соотечественников на «белую кость» и «быдло», она не признает исключительных прав «титульной нации» и не делит жителей страны, как лошадей в упряжке, на «коренных» и «некоренных».

Патриотическую идеологию занесли к нам из Франции вместе с другими просветительскими и революционными идеями, которых так боялось консервативное общество. В начале прошлого века это была последняя французская мода. Помните, Онегин у Пушкина может предстать «космополитом, патриотом, герольдом, квакером, ханжой», в зависимости от того, какая маска сейчас больше ценится в образованном обществе.

Бедный генерал Макашов! Он не знает, что даже само слово «патриот» иностранного — французского — происхождения!

Республиканцы во Франции называли себя патриотами. Декабристы тоже были патриотами — ради любви к родине они требовали отказаться от таких замечательных национальных традиций, как торговля крестьянами и подавление инакомыслия. Идея патриотизма, в том виде, как она сложилась на рубеже XVIII и XIX веков, требовала обновления страны, отказа от косности, традиционализма и провинциализма, но не во имя мифического «приобщения к Западу» или к кому-либо еще, а как раз для утверждения собственного национального достоинства и независимости.

Еще американская революция показала: демократия и независимость теснейшим образом связаны между собой. Суть демократии в том, что судьбу страны решают только сами ее граждане, а не парламент в Вестминстере, куда жители Бостона не выбирали депутатов, и не Международный валютный фонд, политику которого не в Москве формулируют.

Насколько в таком случае патриотична наша «оппозиция»? Ее антидемократизм заставляет усомниться и в ее патриотизме. Да, деятели, называющие себя патриотами, постоянно кричат о великом прошлом, не желая ни понять его, ни даже по серьезному изучить. Ведь прошлое у нас не только вели-

кое, а корни позорного настоящего надо искать именно там. Нам говорят о национальных интересах, но не могут толком объяснить, в чем они состоят.

На самом деле все действующие политические группировки именно потому склонны говорить об «общенациональном», что еще не доросли до «классового» (в марксовом или веберовском смысле — не важно). Они выражают интересы очень узких групп, настолько узких, что говорить от их имени как-то неприлично. В лучшем случае у партий своя клиентелла, в худшем — несколько состоятельных спонсоров. А поскольку спонсоры у всех разные, не удивительно, что понимание общенационального у каждого свое. И с национальной идеей ничего не выйдет, ибо исторически она формируется через согласование общественных интересов. Но интересы клика согласовать невозможно. Да не стоит и пытаться.

Формирование «настоящего» левого движения в постсоветской России происходит болезненно, и вполне возможно, что в 1999 г. развал созданного зюгановскими коммунистами Народно-патриотического союза на самом деле окажется не только началом конца КПРФ в том виде, в каком мы ее знаем, но и первым шагом к появлению новых организаций на левом фланге. Эти организации смогут стать политической реальностью лишь тогда, когда они перестанут прятаться за псевдопатриотическую риторику и вернуться к «нормальным» для левых ценностям, если угодно, к «классовому подходу».

«Классовый подход» для зюгановской КПРФ такое же «табу», как и для Гайдара. Одни не решаются открыто сказать, что они опираются только на группу «новых русских», да и то не на всех. Другие не могут открыто признать, что давно уже не опираются на рабочий или какой-либо другой класс.

Нежелание откровенно говорить о своих социальных пристрастиях маскировать «национальным» проще всего. Но Гайдар и его друзья подобный шанс упустили, а потому их «Правое дело» никогда не станет настоящей правой партией, ибо в ней недостает консервативно-патриотического начала. Тэтчер же не объявляла себя противником британских национальных традиций (даже если ломала их на практике). И Коль, и Рейган апеллировали к исторической памяти, к великому прошлому.

А у Зюганова остается нерешенной фатальная проблема: как быть с большевизмом? На православные традиции, на царских политиков Столыпина и графа Уварова должен был бы сослаться Гайдар, а не лидер компартии! Деятели, украшающие президиумы портретами Ленина, не могут понять, как большевики могли выступать против собственного правительства во время войны — мысль о том, что родная страна могла вести несправедливые войны, им в голову как-то не приходит. И хотя сегодня они могут ругать президента, применительно к прошлому мысль о том, что власть и народ — не совсем одно и то же, для их сознания недоступна.

В свое время Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» говорил о необходимости разрыва с авторитарной традицией прошлого, и одновременно призывал культивировать имеющиеся у народа традиции демократического сопротивления власти. После выступления генерала Макашева против евреев западные коммунисты стали посылать КПРФ недоуменные письма, а иногда и угрожали, что прекратят с КПРФ любые отношения, если Макашов

и его единомышленники не будут исключены из партии⁶⁾. Наивные люди, они не понимали, что лидеры КПРФ как раз человека, подобного Ленину, исключили бы из партии непременно. Одни только связи Ленина с евреем Троцким чего стоят! А уж позиция Ильича в годы Первой мировой войны вообще сугубо пораженческая — как у Сергея Ковалева в годы войны чеченской. Нет, таким людям не место в рядах эгоановской компартии.

Напрашивается мысль, что и коммунисты у нас не настоящие. Настоящим оказывается только сталинист Виктор Анпилов. Он действительно последователь Сталина и не скрывает этого. Созданный им в 1999 г. сталинистский блок по крайней мере не обманывал ни себя, ни публику. Как говорится на обложках порнографических кассет, *what you see is what you get*.

Катастрофа или чудо?

Из всего сказанного легко сделать дидактический вывод, что так называемым «патриотам», чтобы соответствовать своему названию, надо стать настоящими демократами, а так называемым «демократам» — наоборот, патриотами. Да и коммунистам не мешало бы хоть на время сделаться коммунистами, а не просто «членами партии». Но не надо тешить себя иллюзиями. Такого не будет. Ведь если перестать морочить голову людям пустыми словами, придется обсуждать экономические программы. А с этим дело плохо у всех политических партий.

Перед нами проблема гораздо более глубокая, нежели просто неправильное понимание слов или поверхностно усвоенные западные теории (будь то марксизм, монетаризм или национализм). Проблема в том, что яростно споря о непонятных словах, мы все дружно продолжаем идти по пути имитационного развития. А этот путь ведет в тупик, он гарантирует накопление отсталости и зависимости.

Попытка России сойти с этого пути в 1917 г. была впечатляющей, но, как показал последующий опыт, неудачной. И даже если бы она завершилась большим успехом, это вряд ли оправдало бы в моральном плане миллионы загубленных жизней. Однако значит ли это, что, раз «вернувшись в лоно мировой цивилизации» (т. е. смирившись с ролью отсталой периферии капиталистической миросистемы), Россия не может предпринять еще одну попытку изменить себя?

Измениться в нашей ситуации значит «всего лишь» найти конкретные ответы на конкретные вопросы. Правда, это же означает радикальное изменение всей политической культуры, смену элит (включая оппозиционные) и правил игры — внешних и внутренних. Хватит ли на это сил? И нужно ли это? Не слишком ли велик риск?

Сегодня альтернатива формулируется просто: катастрофа или чудо. Сохранение нынешнего порядка вещей — тоже катастрофа. Ведь Россия в 1917 г. «сорвалась» не потому, что большевики этого хотели или война довела, а потому, что столь огромная европейская страна, обладающая столь значительным потенциалом, просто «не умещалась» в рамки имитационного развития.

⁶⁾ См., например, позицию немецкой Партии Демократического Социализма: Brief des PDS-Vorstandes an das ZK der KP der Russischen Foederation. PDS Pressedienst, 1999, Nr. 1, S. 3.

Чудо — это отказ от имитационного пути. Но кто совершит чудо, вот вопрос. Одно ясно: не поможет «ни бог, ни царь и не герой» (что ни говорите, а хорошо написано!). Основания для надежды надо искать не в речах идеологов, а в анализе социальных процессов.

В России нет классов, нет общества в полном смысле слова. Но есть очаги кристаллизации новых социальных структур. Меньше всего эти слова относятся к пресловутому среднему классу, не говоря уже о предпринимателях. Наши средние слои, по крайней мере до августа 1998 г., были по преимуществу массой преуспевших потребителей западных товаров. Страна уже не может себе позволить сохранение *такого* «среднего класса». Даже в рамках периферийного развития.

Скорее можно говорить о выжившей и проходящий болезненный процесс консолидации новой технологической элите, «спецзах», которых можно найти и в частном секторе, но больше — на предприятиях военно-промышленного комплекса. Эта модернизированная элита, как показала война в Югославии, — носитель антизападных настроений. И это тоже закономерно. Им надо работать, надо производить, надо завоевывать внешние рынки. А это уже соблазн самостоятельности.

Вопрос в том, насколько массовым окажется этот слой в России начала XXI века. Одним из следствий неолиберальной политики стал упадок образования. Формально причиной этого считалась нехватка денег в казне. На самом деле речь шла о гораздо более глубоких сдвигах, происходивших в обществе. Просветительская концепция прогресса, основанного на распространении знаний, на постоянном расширении числа образованных людей и на универсальности образования, оказалась в противоречии с идеологией и социальной практикой неолиберализма. Знание все более специализируется, становится привилегией и тайной, которую надо скрывать от непосвященных.

Образование как подрывная сила

Интеллигенты старшего поколения, глядя на выпускников постсоветских школ, возмущались упадком грамотности и распространением невежества. Но если посмотреть на общество, в котором предстояло жить молодым людям, вывод нужно было бы сделать как раз обратный. Для общества, какое сложилось в России конца 90-х гг., уровень образования у населения как раз оказался избыточным. Если большинству предстоит копаться в грязи, а меньшинству — «считать бабки», зачем нужны все эти программы по географии, истории, литературе? Зачем нужна компьютерная грамотность, если никакой массовой компьютеризации не будет? Даже в Соединенных Штатах примерно треть населения не только не имеет доступа к компьютерам, но, при сохранении нынешних социальных отношений, никогда и не получит. О чем же говорить в России? Хорошее, универсальное образование необходимо узкому слою на самом верху, входящему, кстати, в «глобальную элиту», а потому мало связанному со специфически русской культурой. Элита с середины 90-х гг. учила своих детей на Западе — и это было логично, ибо им предстояло не столько править Россией, сколько управлять потоками интернационального капитала. В то же время небольшая прослойка элитной интеллигенции гарантированно

сохраняла свои позиции вне зависимости от того, до какой степени деградирует массовое общество. Более того, позиции образованной элиты даже укреплялись. Ибо, как отмечал Тарасов, чем меньше образованных людей, тем меньше конкуренция.

Формальное существование демократических свобод, вопреки привычным стереотипам, тоже отнюдь не способствует просвещению. В условиях, когда общество расколото на нищие массы и привилегированную верхушку, дебилизация населения становится вопросом жизни и смерти для поддержания стабильности политической системы. Советская система была ориентирована на экономический рост, развитие промышленности, модернизацию. Для этого уровень образования народа нужно было постоянно повышать. А с другой стороны, чтобы народ не использовал эти знания неправильно, нужны были КГБ, цензура. Вообще цензура и инквизиция появляются вместе с книгопечатанием. Именно тогда государством осознается противоречие между необходимостью просвещения и поддержанием стабильности. Чем более народ грамотен, тем больше работы для тайной полиции. В условиях официально провозглашенной свободы все эти замечательные средства недоступны. Но при правильной «культурной политике» они и не особенно нужны. Чем больше дебильное, безграмотное и бестолковое население, тем меньше опасности, что оно сможет воспользоваться своими гражданскими правами.

Если страна вошла в мировое разделение труда как поставщик сырья и энергоносителей, если общество разделено на сверхбогатых и нищих, образование становится даже опасным. Чем меньше знаешь, тем больше ты доволен своим положением. «Челноки» с кандидатскими степенями могут очень хорошо справляться со своими новыми задачами, но они не чувствуют себя счастливыми. Должно прийти следующее поколение, для которого работа челнока будет верхом потенциальных возможностей.

Разделение общества на «черную» и «белую кость» абсолютно несовместимо с идеей всеобщего просвещения. В традиционном обществе верхи имели привилегию грамотности. Читать книги, писать сложные тексты, управлять страной — все это было привилегией джентльменов. Низы общества не могут претендовать на власть именно в силу своей необразованности. Они даже не могут понять сложных экономических и политических материй.

В ельцинской России, пишет социолог В. П. Белова, «экономическая неграмотность населения в вопросах, которые непосредственно касаются каждого, тщательно оберегается как ценное национальное достояние. Потому что неграмотный работник, который не знает своих прав и не умеет их защитить, — находка для социальных партнеров. Он не опасен даже на рельсах, где пытается вести бессмысленную экономическую войну с такими же жертвами капитализма по-русски, как и он сам. Больше, на что он может претендовать и чего может добиться, — это чтобы работодатели иногда все-таки выплачивали хоть какую-то зарплату»⁷⁾.

В Западной Европе после Второй мировой войны левые, придя к власти в большинстве стран, решили положить конец сословным перегородкам,

⁷⁾ Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. Под ред. А. М. Каувы и др. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 68.

создав систему качественного общедоступного образования, дополнив Оксфорд, Кембридж и Сорбонну, где учились дети элиты, десятками «кирпичных университетов» для выходцев из рабочих семей. Цель была с самого начала политическая: изменить соотношение сил в обществе, дать низам возможность воспользоваться демократией. Итогом оказались студенческие волнения 60-х гг. и разговоры о скором крушении капитализма в начале 70-х. С конца 70-х западные элиты планомерно проводят политику, направленную на ухудшение качества среднего образования и на ограничение доступа к высшему. И не безрезультатно. Бесплатное становится платным, дешевое дорогим. Универсализм образования заменяется специализацией, взращивающей профессиональный кретинизм — до такой степени, что любая «нештатная» ситуация ставит человека в полнейший тупик. Те, кто находится на самом низу, уже не могут использовать образование как канал вертикальной мобильности. Но многочисленный средний класс и мелкая буржуазия все еще сохраняют свои позиции.

В свое время Антонио Грамши отмечал, что на Западе перемены происходят по логике «позиционной войны», а в России все решается кавалерийской атакой. С образованием так и получилось. В 90-е гг. образование в России откатилось назад быстрее, чем в Европе и США за 20 лет. Опыт советских людей, уехавших на Запад, свидетельствует, что еще недавно люди, учившиеся у нас в стране, имели огромное преимущество перед иностранными коллегами: соединив советское образование и западные возможности, они быстро достигали профессиональных успехов. В конце 90-х это постепенно уходит в прошлое. Каждое новое поколение в России оказывается образовано хуже, чем предыдущее. Разрыв между выпускниками «хороших» и «плохих» школ существовал всегда, но теперь он многократно увеличивается, не оставляя последним никаких шансов. Короче, все приходит в норму.

Никакого «заговора» против страны или против системы образования здесь нет. Есть системная логика, есть законы развития периферийного капитализма, по которым мы живем уже по меньшей мере десятилетие. И это гораздо страшнее, чем любые «заговоры» и «происки».

И все же ситуация не безнадежна. Как известно, образование — система инерционная. В эпохи относительно благополучные мы по этому поводу сетуем. Но в современной ситуации это величайшее благо. Ибо уровень образования будет на протяжении еще по меньшей мере десятилетия превышать потребности общества, выбрасывая на рынок труда сотни тысяч, если не миллионы, потенциальных бунтовщиков. Даже плохо обученный выпускник постсоветской средней школы в культурном, социальном, психологическом плане — не то же самое, что человек, закончивший четыре класса. Да, мы варваризирующееся общество (и процесс всеобщей варваризации отражает новое место России в мире, как государства периферийного, обреченного обслуживать «цивилизованные страны»). Но в полной мере варварами мы еще не стали и, скорее всего, не станем. Мы похожи на людей, живущих в ранне средневековье, которые уже забывают классическую латынь, но все еще способны понять ее.

Поколение, умеющее грамотно читать и писать, знающее Пушкина и не совсем забывшее, когда происходили крестовые походы, пока не вымерло. Оно благополучно протянет еще несколько десятилетий, имея неплохие шансы передать свои традиции и знания если не детям, так внукам. И никакое

телевидение, никакие компьютерные программы не помешают этому. Важно другое: понимание того, зачем мы это делаем. Зачем нашим детям образование? Сегодня это не столько гарантия личного жизненного успеха, сколько шанс (именно шанс) на коллективное спасение. Сохраняя знания и культуру, мы не даем окончательно превратить себя в варваров. Это наша коллективная самозащита, наше сопротивление. Наша единственная надежда снова стать великой страной — устаревшие ракеты и ностальгические воспоминания нам не помогут.

Люди, считающие, что способны на большее, чем позволяет им общество — потенциальные бунтовщики, революционеры, подрывные элементы. Молодым людям вообще свойственна завышенная самооценка. С течением времени общество научает нас смиряться с неудачами и поражениями, но это не дается без борьбы. Неудовлетворенность своим положением в мире, чувство стыда за свою страну вместе с неясностью жизненных перспектив превращают поколение, заканчивающее сейчас средние школы, в массу людей, «опасных для общества».

Культура против капитализма

Разговорами о кризисе или даже крахе культуры сейчас никого не удивишь. Все жалуются, что денег нет — государство не дает, а «новые русские» жадничают и дают мало, не тем и не так. Еще мы постоянно слышим об отсутствии культурной политики. Все это сопровождается ссылками на то, как «у них» это делается. Одни рассказывают про то, как на Западе поддерживают высокое искусство, другие, наоборот, возмущаются потоком «низкопробной массовой культуры», который на нас хлынул из-за рубежа. И, естественно, призывают ставить всевозможные препоны, барьеры, заграды на худой конец.

Создается впечатление, что все сводится к деньгам и постановлениям. Неужели судьба культуры до такой степени в руках бюрократов? Но ведь ни для кого не секрет, что бывали времена, когда денег на культуру было еще меньше, да и условия для творчества были хуже. Сколько великих произведений написано «в стол», создано под бомбами, во времена голода и катастроф! Да и сегодня есть, например, актеры, которые спасаются от голода, строя особняки для «новых русских» или работая прислугой. И вот что удивительно: в отличие от своих более сытых коллег, произносящих на фуршетах и презентациях речи о кризисе, они играть хуже не стали.

Что же до культурной политики, то она может быть такой, что лучше бы никакой не было. У Людовика XIV, «короля-Солнце», была культурная политика. Он дал Европе классицизм и сделал французский вместо итальянского языком искусства. Правда, Франция к концу его царствования подыхала с голоду. У Сталина тоже была культурная политика. И благодаря этой культурной политике стали возможны, например, фильмы Эйзенштейна. Но вряд ли это основание, чтобы тосковать по сталинским временам.

Да, кризис культуры налицо, но причины его надо искать не в сфере финансирования и государственной политики. Перед нами проблема куда более фундаментальная. И связана она с той ролью, которую «деятели культуры» взяли на играть в нашем обществе.

Хорошо известно, что ни «высокое искусство», ни фундаментальная наука не живут по законам рынка. На самом деле — образование и здравоохранение тоже. Даже знаменитые английские закрытые школы, где с учеников берут немалые деньги, вовсе не являются коммерческими учреждениями. Да и вообще, никакое общество, даже самое капиталистическое, не может свести все свои социальные нормы к правилам купли-продажи. Требования рынка должны быть при капитализме уравновешены вне рыночными и даже антирыночными факторами. Так было со времен ранних буржуазных революций. Ведь знаменитая «протестантская этика» была необходима капитализму не потому, что поощряла обогащение любой ценой (для этого никакой этики не надо), а потому что, напротив, вводила жажду наживы в определенные рамки, ограничивала ее жесткими моральными нормами.

Именно поэтому капитализм сохранил многочисленные религиозные и культурные учреждения, оставшиеся ему в наследство от прежних эпох и вдохновленные совершенно иными традициями. Роль культуры при капитализме оказалась двойкой. Именно потому, что культура была глубоко антибуржуазна, она была необходима буржуазии как стабилизирующий и компенсирующий фактор. Ей позволено было жить по собственной логике, иначе она бы вообще была не нужна. Другое дело, что живя по своим законам, культура, как и сфера образования, постоянно выходила за рамки дозволенного. Из стабилизирующего фактора она становилась подрывным. Культура давала стимулы к сопротивлению всем тем, кто не хотел жить по общим правилам. Люди, подобные Марксу, Брехту, Сартру или Маркузе, были естественным порождением академической или творческой среды. Университеты становились рассадниками свободомыслия, а количество «красных» даже в Голливуде к концу 40-х гг. достигло таких масштабов, что сенатору Маккарти всерьез пришлось заняться этим делом. Интеллектуалов периодически ставили на место, но и без них обойтись было невозможно.

90-е гг. перевернули многое, и не только в нашей культуре. Отступление интеллектуалов от своих традиционных ценностей — явление отнюдь не специфически российское. По всему миру после 1989 г. у великого множества людей возникло ощущение, будто история окончена, а, следовательно, науке и искусству остается только одна задача — развлекать и убажывать победителей. Но все же ситуация в современной России по-своему исключительна. Как говорили герои Тарантино, «все дело в маленьких различиях». На Западе, даже в эпоху неолиберализма, никому не придет в голову публично отказаться от того, что составляет суть творчества. У нас же крах советской системы и ее ценностей полностью освободил интеллектуалов от химеры совести. Ведь вместе с официальной советской идеологией потеряла крушение вся существовавшая в этом же обществе система этических норм, включая даже диссидентскую этику, тоже вырабатывавшуюся многолетним опытом жизни при советской власти.

Ценности поколения 60-х гг., доминировавшие у нас аж до конца 80-х, ушли в прошлое. Им на место пришли не новые ценности, а лишь новые соблазны. Именно они заполнили образовавшийся вакуум, став, по сути, единственным мотивационным фактором. Деятели культуры с первого же дня преобразований поторопились стать частью новой элиты, пренебрегая не только своими менее удачливыми коллегами, но и требованиями собственного ремесла.

Они радостно принялись восхвалять законы денежного обмена, забыв, что даже во времена европейских буржуазных революций делать это публично было не принято. Великий художник Давид не писал картины, героизирующие труд лавочников. Он изображал гражданские добродетели древних римлян, с которых лавочникам предстояло брать пример.

Власть нередко героизировали и поэтизировали. Даже власть жестокую и тираническую. Многие красивейшие монументы воздвигнуты в честь правителей, мягко говоря, не отличавшихся гуманностью. Лондон буквально набит статуями генералов, выигравших какую-нибудь маленькую войну с малоизвестным африканским племенем. Но ни одного памятника не поставлено героям биржевых спекуляций.

Мещанин не может быть предметом поэзии. Брокеры и лавочники антиэстетичны. А уж чиновники — тем более. И если они господствуют в обществе, отсюда не следует, что их можно представить в качестве идеала. Западная буржуазия всегда понимала это. Но в России нет и никогда не будет настоящей буржуазии, а потому новые хозяева жизни искренне верят, что их узкий «профессиональный» взгляд на мир и есть образец для всех и вся. До классового интереса им подняться не дано. Максимум, о чем они могут заботиться, это об «имидже».

Разумеется, люди, принявшие подобный взгляд на мир, продолжают писать книги и снимать фильмы. Что из этого получается, рассказал Виктор Пелевин: «Черная сумка, набитая пачками стоцолларовых купюр, уже стала важнейшим культурным символом и центральным элементом большинства фильмов и книг; а траектория ее движения сквозь жизнь — главным сюжетообразующим мотивом. Точнее сказать, именно присутствие в произведении искусства этой большой черной сумки генерирует эмоциональный интерес аудитории к происходящему на экране или в тексте. Отметим, что в некоторых случаях сумка с деньгами не присутствует прямо; в этом случае ее функцию выполняет либо участие так называемых “звезд”, про которых доподлинно известно, что она у них есть дома, либо навязчивая информация о бюджете фильма и его кассовых сборах. А в будущем ни одного произведения искусства не будет создаваться просто так; не за горами появление книг и фильмов, главным содержанием которых будет скрытое воспевание “Кока-колы” и нападки на “Пепси-колу” — или наоборот»⁸⁾.

К искусству все это отношения уже не имеет. А искусство все же нужно. Деятели культуры, бросившиеся в объятия банкиров, так же бесполезны для капитализма, как и для сопротивления ему. Точнее, они бесполезны именно в качестве творцов, в качестве тех, кто дает жизни этическое и эстетическое измерение. Но они являются ценным приобретением для любой элиты с точки зрения пропаганды. И чем больше их реальные творческие заслуги в прошлом, чем более порядочными людьми они зарекомендовали себя в предыдущей жизни, тем ценнее они сегодня для любого злого дела.

В обмен на премии и награды люди произносят речи, угодные тем, кто эти награды дает и премии спонсирует. Начальники и спонсоры меняются: можно даже публично покаяться, что, допустим, с Ельциным ошиблись. А потом найти

⁸⁾ Пелевин В. Цит. соч. С. 116.

нового покровителя и делать все то же самое. Побочно можно еще и заниматься привычным киношным или театральным ремеслом — успех теперь не надо завоевывать, он гарантирован прошлыми заслугами и эффективной работой средств массовой информации.

Все это не ново. Так всегда работала пропаганда. Удивительно лишь то, что многие из тех, кто охотно пошел в услужение новой пропаганде, в советские времена ни за что не согласились бы на подобную роль. Разумеется, разное время, разные соблазны. Известно, что бывали люди, которые вели себя геройски на фронте, но дрожали, услышав окрик начальника. Теперь обнаружилось, что многие из тех, кто твердо и жестко отвергал соблазны советского официального признания, потеряли всякое человеческое достоинство, увидев первую же «штуку баксов». Впрочем, и советские соблазны отвергались далеко не всеми.

Перед нами, в сущности, трагедия шекспировского масштаба. Только в отличие от Макбета, никто из посетителей фуршетов и презентаций не видит за своим столом призраков и не пытается отмыть руки от крови. Они не признают за собой даже маленькой доли вины за кровь, проливавшуюся в Чечне, за голодающих сельских учителей, за детей, оставшихся беспризорниками. И дело не в том, что они самолично никого не убивали и не грабили. Просто ответственность для них понятие отвлеченное. Макбет потому и видел призраков, что в нем еще жил прежний герой. В нашем случае люди вполне успешно умудрились по капле выдавить из себя гражданина. !!

Между тем напрашивается вопрос: что будут делать наши элиты, когда деятели культуры у них кончатся? Ведь они работают с людьми, репутация которых сформировалась во времена советские. А сейчас в искусстве репутацию заработать куда сложнее. Ведь профессиональные репутации все же создаются не на трибунах съездов и не на фуршетах. Для того чтобы создать себе имя, надо трудиться. Но как раз эта сторона дела «в приличном обществе» никому не интересна. Если кто-то ставит хорошие спектакли, то значительная часть публики об этом просто не узнает. Говоря модным сейчас языком, нет средств коммуникации. Сейчас и обычные-то газеты читают гораздо меньше, а уж специальной прессы, посвященной театру или кино, почти не осталось. Телевизор прежде всего работает на пропаганду, но дело не только в этом. Прославиться каким-нибудь мошенничеством легко, а художественным достижением — труднее, ибо таковы законы жанра. Кража книг из библиотеки — новость. Публикация хорошей книги — не новость. Нечто умное и сложное трудно «продать». Трудно показать по телевизору. И тут, кстати, никто не виноват. Кrome самой системы, разумеется.

Мало того, что практически невозможно привлечь внимание публики к художественному событию, но и публики в привычном смысле слова почти не осталось. Толстые журналы в упадке, а неформальное общение в среде интеллигенции становится все менее возможным — происходит социальное расслоение. И раньше дистанция между преуспевающим московским интеллектуалом и провинциальным учителем была немалая, но сейчас между ними непреодолимая пропасть. Один сытый, другой голодный. И мысли, и интересы у них разные.

Жаль, конечно, что не хватает денег на поддержку искусства, но оно все равно выживет. Пока есть Россия, есть русский язык, сохранится и культура. То, что мы видим сегодня, есть не «крах культуры», а лишь кризис и вырождение советской культурной элиты. Зрелище, надо признать, печальное, но отнюдь не лишаящее нас надежды на будущее.

Другое дело, что становление нового типа интеллектуала, новой культурной среды потребует времени. Это процесс не только медленный, но и болезненный. Ведь иной культурной традиции, чем та, что пришла к нам из советских 60-х годов, по сути у нас нет, и это относится даже к людям, которые ту эпоху почти не застали. И все же с большой долей уверенности можно сказать, что новая традиция может родиться только из опыта сопротивления, из противостояния миру коммерческого интереса и «ценностям» «новых русских». Противостояния, продиктованного не какими-то идеологическими схемами, а самой природой творчества.

Часть II

БЕЛОВЕЖСКАЯ РОССИЯ

Глава 4

Власть и ее герои

В 30-е гг. сталинским начальством в Москве был взорван Храм Христа Спасителя. На его месте предполагалось построить Дворец Советов, грандиозный символ новой власти. Этот проект так и не был завершен. Там, где стоял собор, осталось лишь «мокрое место» — бассейн «Москва». Теперь здесь решено было восстановить собор — символ реставрации старой России.

Если в начале перестройки интеллектуалы вели затяжные дискуссии о том, «какая дорога ведет к Храму», то новый режим попытался решить вопрос раз и навсегда, соорудив грандиозный храм в центре столицы. Внутреннее убранство исторического здания давно утрачено и невосстановимо, но зато Храм должен был превратиться в грандиозный комплекс, включающий: два конференц-зала, центр множительной техники, видео-центр, двухэтажную автостоянку, пищеблок, магазины, душевые с раздевалками и туалетами. Рядом планировали построить еще две новые часовни, церковно-приходскую школу и другие сооружения.

В стране не было денег на школы и больницы, разрушались дороги. Но грандиозный план «восстановления Храма» получил одобрение. Видимо, опасаясь, что новый Храм повторит участь Дворца Советов, официальные лица торопились начать сооружение торгового центра, которому предстояло стать как бы подножием, фундаментом собора: не получится храм, построим хотя бы супер-маркет. Если Иисус Христос начал свою деятельность с изгнания торгующих из храма, то реставрация «православных ценностей» начиналась и заканчивалась появлением торговцев на месте храма.

Поражение диссидентов

Осенью 1989 г. в Европе правда восторжествовала над силой. Во всяком случае, так думали сотни тысяч участников событий в странах бывшего коммунистического блока и миллионы зрителей на Востоке и Западе, восхищенно наблюдавших за «демократическими революциями» на экранах телевизоров.

Казалось, рухнет не только Берлинская стена, но и представления, считавшиеся незыблемыми. На протяжении многих лет люди по обе стороны «железного занавеса» знали про упорную борьбу диссидентов за права и достоинство личности, против бюрократической власти. Сочувствовали этой борьбе, восхищались ее героями... и сознавали, что они обречены, ибо несколько

десятков интеллектуалов бессильны против мощной государственной машины, не могут преодолеть пассивности масс. Так же, в общем, рассуждали и сами диссиденты. Не случайно в Москве 70-х участники оппозиционных групп каждый новый год поднимали бокал «за успех нашего безнадежного дела».

В 1989 г. произошло чудо. Все увидели, что воля и совесть оппозиционных интеллектуалов оказались сильнее власти. Идолы были низвергнуты. Не только идолопоклонники, но и сами жрецы дружно отрекались. Ликующие толпы заполнили площади, радуясь неожиданной и поразительно легкой победе. Революция объявила себя «бархатной». Диссиденты из гонимых инакомыслящих превратились во властителей дум, были вознесены на вершины славы, а иногда и власти.

Правда, ненадолго.

За прекрасным сном последовало ужасное пробуждение. В странах Восточной Европы разразился жесточайший кризис. Мечты о свободе сменились страхом перед надвигающейся новой диктатурой и смутными надеждами на сильную руку, которая наведет, наконец, порядок. Федерации распались. Нет больше Советского Союза, Чехословакия прекратила свое существование, война бушует в Югославии.

Место коммунистической доктрины постепенно занимал национализм. Братство людей, вдохновленных лозунгами «бархатной революции», сменилось войной всех против всех. Власть старой бюрократии по меньшей мере гарантировала индивидуальную безопасность и социальную защищенность для всякого, кто готов был принять нормы официального конформизма. Отныне даже для сторонников власти ничего не гарантировано. Кроме одного: участия во всеобщем хаосе.

Мечта о единой Европе обернулась распадом даже тех экономических, культурных и личных связей, которые существовали между ближайшими соседями. Народы Восточной Европы, искренне верившие, что их только и ждут, чтобы принять в «клуб» богатых западных стран, неожиданно испытали на себе, что значит принадлежать к Третьему миру.

Разумеется, появились и победители. В их числе мы обнаруживаем хорошо знакомую нам партийно-государственную номенклатуру и детей номенклатуры. В 1989 г. они легко и безболезненно отдали власть, зная: они ничего не теряют. Власть менялась на собственность. Из неуклюжих советских «Чаяек» и мрачных черных «Волг» они пересели в изящные «Мерседесы» и BMW.

А что диссиденты? Где они были все это время? Что с ними стало? Увы, вряд ли большинство из них могло похвастаться особыми успехами. Деятели демократической оппозиции, занявшие государственные посты в первые «посткоммунистические» месяцы, как правило, были эффективно «вычищены» оттуда. В болгарском парламенте ко второму, «посткоммунистическому» созыву остался всего один депутат из числа основателей Союза Демократических Сил. Люди, создававшие польскую «Солидарность» в 1980 г., либо отходили от политической деятельности, либо оказались в оппозиции. Зато tecnocrаты, великолепно себя чувствовавшие и при старом режиме, при новом заняли ключевые посты.

Конечно, исторический лидер «Солидарности» Лех Валенса стал президентом, а ее идеолог Яцек Куронь — министром труда. Но это стоило им

разрыва с собственным профсоюзом. Они могли гордиться оппозиционным прошлым, но ни для кого не секрет, что оба стали заложниками новых сил, господствующих в обществе. Куронь, некогда консультировавший забастовочные комитеты, теперь занялся подавлением забастовок, причем делал с это с жесткостью, не снившейся прежним коммунистическим лидерам. Увольнение «зачинщиков» и локауты стали ответом на любые требования. Богатый опыт, накопленный Куронем и Валенсой в рабочем движении, использовался для того, чтобы это движение разгромить. В 1980–81 гг. «Солидарность» породила Валенсу, в 1991–93 Валенса повел войну на уничтожение со всеми профсоюзами, включая «Солидарность».

В Восточной Германии диссидентские организации, объединившиеся в «Союз-90», терпели поражения на выборах. Некоторые из лидеров прежней оппозиции, такие как Вольфганг Ульман, нашли в себе смелость открыто говорить о новых проблемах, о предстоящей трудной борьбе за настоящую демократию и подлинное единство Германии. Другие предпочитали жить воспоминаниями о героическом 1989 г. и требовать от избирателей, чтобы во имя признания их исторических заслуг им обеспечивали депутатские мандаты.

Александр Дубчек и его единомышленники, когда-то возглавившие попытку демократического обновления в Чехословакии, с трудом попали в словацкий парламент. Когда Дубчек умер, он был уже персонажем из прошлого, почти забытым, несмотря на свой депутатский мандат, а главное — совершенно лишенным самостоятельной роли в новой Словакии. Тем временем в Чешской республике правое парламентское большинство, объявив противозаконной всю прошлую деятельность компартии, не только отказало в признании заслуг деятелям «Пражской весны» 1968 г., но, по существу, объявило их, занимавших некогда видные партийные посты, преступниками. Это не мешало бывшим государственным функционерам приватизировать собственность, спокойно заседать в парламенте и в министерствах: ведь осуждена была партия, а не государство. Правительственные функционеры могли забавляться охотой на ведьм, зная, что им самим ничего не грозит.

Вашлав Гавел был символом надежды на свободную, единую и процветающую Чехословакию. Став из оппозиционного драматурга президентом, он говорил про «третий путь», обещал избежать крайностей капиталистического рынка, рассуждал о гуманной и честной власти. Прошло всего 3 года, и он бесславно покинул свой пост, оставив после себя развалившуюся федерацию. Как и Горбачев в Советском Союзе, Гавел много говорил о единстве страны, но когда распад федерации стал реальной угрозой, он сдался без борьбы. Он пошел даже дальше Горбачева. Тот, потеряв свой пост, смирился с ролью президента в отставке. Иное дело Гавел. Спустя всего несколько месяцев после развала Чехословакии он преспокойно принял президентский пост в новой Чешской республике из рук тех самых людей, которые развалили федерацию и свели на нет надежды на «третий путь». Когда в 1993 г. в Москве танки стреляли по зданию парламента и на улицах лилась кровь безоружных людей, Горбачев нашел в себе смелость произнести несколько осуждающих слов. Бывший диссидент Гавел тоже сделал публичное заявление. В поддержку расстрелов.

Судьба Гавела показательна. Да, власть развращает, но не всегда и не всех. Бывшие диссиденты, выдержавшие тяготы оппозиции, преследований, иногда

тюрем, не выдержали соблазнов власти. Они думали, будто власть — это награда за прошлые подвиги. На самом же деле власть — испытание. И этого самого трудного испытания они не выдержали. Тех, кого не смогли сломить тюрьмы, сломали коридоры власти.

Если в Восточной Европе диссидентов оттеснили от рычагов управления, то в России или на Украине их даже не подпустили к ним. Партийные боссы, провозгласив себя демократами, сохранили свои посты и привилегии. Символическая фигура академика Сахарова оказалась особенно удобна для власти тем, что великий правозащитник не дожил до «торжества демократии». А мертвые герои, как известно, всегда лучше живых. В Грузии режим, созданный диссидентами, отнюдь не стал эталоном демократии. Просуществовав около года, он был свергнут военным переворотом, во главе которого стоял ветеран секретных служб и партийной бюрократии, бывший член Политбюро ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе.

Глеб Якунин и Сергей Ковалев — практически единственные диссиденты, сохранившие определенное политическое влияние после 1991 г. Власти их очень ценили, пока они поддерживали правительство, призывая проводить «политику жесткой руки». Правители очень любят правозащитников, выступающих за ограничение гражданских свобод для инакомыслящих. Но когда Ковалев и Якунин опомнились и выступили с критикой власти, их очень быстро оттеснили на обочину политической жизни.

Во время чеченской войны Сергей Ковалев осознал, что «во имя борьбы с коммунизмом» он, в сущности, поддерживал воров и убийц. Но защищать права граждан от новой власти оказалось по-своему труднее, чем от коммунистов. Раньше Ковалева преследовали, сажали в тюрьму. Теперь его просто лишили поста уполномоченного по правам граждан, а затем преспокойно игнорировали, как если бы его не существовало вовсе. И в самом деле, какой может быть правозащитник без официальных полномочий?

Между тем с правами человека — полная катастрофа. Известный историк Рой Медведев констатирует: «нарушения самых фундаментальных прав человека в конце 90-х гг. в нашей стране стали гораздо более значительными и массовыми, чем в конце 60-х и 70-х гг.»¹⁾ А вдова академика Сахарова Елена Боннэр даже убеждена, что «такого массового нарушения прав человека не было со времен коллективизации»²⁾. Однако даже те, кто решается протестовать, не собираются бороться против нового режима так, как они боролись против советской власти. А главное, их борьба мало кому интересна. В 70-е гг. пресс-конференции диссидентов в СССР обсуждались всей мировой прессой. В конце 90-х, когда положение подавляющего большинства людей в России, на Украине, не говоря уже о Грузии, Казахстане или Азербайджане, стало несравненно хуже, до этого «цивилизованному миру» нет никакого дела.

Бороться против варварства, насаждаемого «цивилизованным миром», гораздо труднее, чем против советских безобразий времен Брежнева. А порой и опаснее.

¹⁾ Медведев Р. Неизвестный Андропов. С. 12.

²⁾ Общая газета, 1998, № 23. С. 6.

Поражение диссидентов оказалось полным, а главное — окончательным. И в значительной степени ответственность за это лежит на самих же диссидентах. Общие слова о революции, которая-де обязательно пожирала своих сыновей, ничего не объясняют. Диссиденты были съедены не молохом революции, не погибли в огне гражданской войны, не поднялись на эшафот, не пали жертвами репрессий. Они просто выпали из политической жизни, полностью утратив не только политическое влияние, но и моральный авторитет.

Люди, гордившиеся своей способностью говорить «нет», называвшие себя «инакомыслящими» и «нонконформистами», в новых условиях оказались неожиданно пассивны, а главное — совершенно не способны противостоять господствующим идеям, лозунгам и настроениям. Как ни парадоксально, даже видя, что творится вокруг, они больше всего боялись снова стать диссидентами.

Страх остаться в меньшинстве парализовал их. Да, под властью коммунистического режима они тоже были незначительным меньшинством, а пассивное большинство разделяло идеи и ценности режима (в России) или, по крайней мере, мирилось с ними (в Восточной Европе). Но тогда большинство просто молчало или повторяло ритуальные фразы. Теперь мощная волна новой пропаганды вывела на улицы людей, восторженно скандирующих антикоммунистические лозунги. Уличные толпы испугали либерально настроенных диссидентов, а еще больше их испугало агрессивное единодушие «свободной прессы», повторяющей по заказу властей любую чушь о величии нации, необходимости всеобщей приватизации, преимуществах религиозного воспитания над светским и платной медицины над бесплатной.

Большинство восточноевропейских диссидентов были людьми левых или лево-либеральных взглядов. В России диссиденты, как правило, были аполитичны, мало интересуясь вопросами социального страхования и экономического развития. Лишь немногие из них были страстными поклонниками Маргарет Тэтчер и тем более — генерала Пиночета. Отстояв свою духовную независимость под натиском «враждебной» партийной пропаганды, они неожиданно поддались пропаганде новой, антикоммунистической, хотя, казалось бы, их должно было насторожить уже то, что «новые» идеи с энтузиазмом пропагандируются на страницах тех же изданий и теми же людьми, которые вчера говорили о «строительстве коммунизма».

Диссиденты, осуждающие национализм, «охоту за ведьмами», несогласные с «крайностями» тотальной приватизации, готовы были перейти в оппозицию. Но только в качестве respectable политической силы. Мысль о том, что сторонникам демократии на Востоке предстоят новые длительные сражения, зачастую — в полной изоляции, казалась им столь ужасной, что почти никто не решился сделать этот совершенно очевидный вывод. Пуше всего боялись они обвинения в пробольшевистских симпатиях, отвергая любое сотрудничество с людьми из бывшего коммунистического лагеря, хотя после 1989 г., когда номенклатура выбрала капитализм, в этом лагере остались как раз наиболее искренние и порядочные (хотя далеко не всегда — разумные) люди.

В результате господствовал самый примитивный оппортунизм и конформизм. Сначала были отброшены упоминания о социализме («непопулярное слово»), потом смутные социал-демократические симпатии бывших диссидентов были «временно» отодвинуты на задний план. Критика реформ была тихой,

патологически осторожной и невразумительной. Собственное «особое мнение» если и высказывалось, то так, что невозможно было понять, чем оно отличается от господствующего.

Так, диссиденты, утратив под натиском старой и новой номенклатуры власть и политическое влияние, добровольно отказались и от роли духовной оппозиции (забавно, что органом «духовной оппозиции» провозгласила себя в России именно газета крайних националистов «День»).

Политическое поражение диссидентов было заранее запрограммировано. Иллюзии 1989 г. были достаточно очевидными с самого начала. Массы оставались пассивными, а закулисная роль технократическо-«западнического» крыла номенклатуры в «демократической революции» была ясна всякому, кто хоть немного прикоснулся к политике. Правда никогда не торжествует над силой просто так. Правда должна сама стать силой, а для этого требуются годы упорной организационной работы, требуется, чтобы миллионы людей на собственном опыте научились разбираться в политике, бороться за свои права и интересы. Восточная Европа, сорвавшая железный занавес, была еще очень и очень далека от действительного освобождения.

Коридоры власти

Когда в 1990 г. я впервые попал в здание российского парламента — знаменитый Белый дом, меня больше всего поразили бесконечные и запутанные переходы между этажами и корпусами. Требовалось провести в парламенте несколько месяцев, чтобы научиться здесь ориентироваться. Во Дворце Труда, где размещалось профсоюзное руководство, ситуация была точно такая же. Некоторые люди, непривычные к аппаратной работе, предлагали выдавать сотрудникам самокаты или роликовые коньки. После того, как в российских профсоюзах в 1994 г. власть взяла «московская команда», возглавляемая Михаилом Шмаковым, люди, обсуждая предстоящие перемены, шутили: нам ничего не удастся реформировать в профдвижении, пока мы не перестроим здание и не избавимся от длинных коридоров. Тем временем аппарат управления продолжал расплзаться по зданию. Увеличивавшееся расстояние от одного кабинета до другого прямо указывало на противоречия внутри организации.

Между этажами всегда в самом неподходящем месте располагаются двери. Новичка легко узнать: он то и дело пытается пробраться по коридору из одного корпуса в другой, не подозревая, что обязательно наткнется на запертую дверь. Впрочем, неожиданности случались и с людьми опытными. Дело в том, что двери не стояли на месте. Когда один из лидеров Всеобщей Конфедерации Профсоюзов, объединяющей профцентры бывшего Союза, перешел в российскую организацию, ему оставили прежний кабинет, но передвинули дверь, разделявшую две части здания. Потом отношения между двумя организациями несколько потеплели — дверь еще раз передвинули и, наконец, совсем убрали.

В здании бывшего ЦК КПСС, куда после 1991 г. вселилось правительство России, все было еще сложнее и запутаннее. Заблудиться здесь ничего не стоило. Всякий, кто входил сюда, понимал: коридоры власти понятие совершенно конкретное.

Впрочем, не так важны коридоры, как люди, которые по ним ходят. Добрая треть русской литературы посвящена нравам бюрократии и вряд ли после Гоголя и Салтыкова-Щедрина можно написать об этом что-то новое. Но в 90-е гг. в коридорах власти рядом с привычными фигурами серых чиновников появились новые персонажи.

После выборов 1990 г. на Олимп власти начали стремительно взбираться бывшие «неформалы». Митинговые ораторы, организаторы тусовок, активные молодые люди с Пушкинские площади стали получать всевозможные посты. Они не поднимались на высшие должности, не играли первой скрипки, но их взлет был стремительным, а потому особенно бросался в глаза.

В отличие от бюрократов старой закалки, они не потратили многих лет на то, чтобы медленно и поэтапно взбираться по служебной лестнице. На первый взгляд это говорило в их пользу — они не были заражены привычками и предрассудками бюрократической среды. Но своеобразная чиновничья этика была им чужда. Ведь у русского чиновника были четкие нормы и принципы даже в коррупции. Еще у Гоголя описано, как эти принципы строго соблюдались. Брать взятки полагалось «по чину», соблюдая «пропорцию», а главное — выполняя определенные служебные правила. Взял — значило «сделал». Масштаб взятки был четко установлен негласным обычаем. Основная работа, за которую платили государственное жалование, должна была неукоснительно выполняться, независимо от настроений чиновника.

Неформалы, придя в коридоры власти, быстро научились воровать и брать взятки, но совершенно не усвоили бюрократической этики. Возмущение старых чиновников не знало границ. «Новички» брали с заинтересованных лиц огромные суммы, а затем проваливали дело. Не по злому умыслу, а просто по некомпетентности. Лояльности к начальству не было никакой, преобладал командный дух, когда поддерживают друг друга, а не организацию.

Благодаря «переходу к рынку» взятки предлагать стали больше, а контроля над ситуацией стало меньше. Тем временем бюрократия росла как на дрожжах. Число чиновников в ельцинской России в 1993 г. стало больше, чем во всем брежневском Союзе, хотя и население, и производство, и потребление, и военный бюджет, и масштабы деятельности государства — все сократилось.

Стремительная карьера неформалов делалась не за счет их особых способностей и знаний. Просто это были активные люди, сумевшие оказаться в нужном месте в нужное время. Учиться управлять было некогда, да и неинтересно. Некоторые бывшие неформалы были неплохими активистами и даже левыми радикалами, но, попав в коридоры власти, они мгновенно потеряли связь с прежними товарищами, а вслед за этим утратили и прежние идеи.

Новые люди, попадая в аппарат, могли развернуться в меру своей фантазии. Игра в «совещания» и «принятие решений» была совершенно нелепой и почти детской. Но результатом этих невинных развлечений оказывались совершенно реальные провалы. Правда, как уже говорилось, бывшие неформалы никогда не занимали первых мест, потому и последствия их деятельности были не столь ужасны.

Куда большим был размах молодых технократов. Эти начали свою аппаратную карьеру задолго до перестройки, но при старых порядках выступали в качестве экспертов, редакторов документов, помощников, советников. Они

не принимали самостоятельных решений, не привыкли брать на себя ответственность, но привыкли считать себя элитой. И не без основания: они безусловно были образованнее и современнее своих номенклатурных начальников. Потому в какой-то момент очень хотелось потеснить старых хозяев и взяться за дело самим.

Правда, старые хозяева, хоть и уступали по части образования, имели неплохую практическую сметку, да и немалый опыт. Западных учебников по "economics" они не читали, зато знали, как у нас что делается, и неплохо представляли себе людей, которые будут выполнять их указания. А потому их решения либо более или менее успешно выполнялись, либо как-то сами собой без последствий гасли. Молодые технократы, напротив, были уверены, что все знают лучше других, а потому готовы были гнуть свою линию вопреки всему. Даже когда было очевидно, что решение невыполнимо и бессмысленно, они продолжали настаивать на «продолжении курса».

В 1992 г. эта группа взяла верх в правительстве. Вице-президент Александр Руцкой назвал их «мальчиками в розовых штанах». В отличие от западных технократов, российские никогда не возглавляли не только производственных структур, но даже банков и финансовых корпораций. Если они и попадали в руководство банков, то по большей части — после нескольких лет руководящей работы в правительстве. Их технократизм был абстрактный, «идеальный», почерпнутый даже не из западных учебников, а больше из разговоров с влиятельными американцами в дорогих ресторанах. С западными "yuppies" их роднил главным образом стиль потребления и карьеризм.

«Мальчики в розовых штанах»

Неолиберальная политика никогда не получала поддержки населения на выборах. Более того, она почти никогда не опиралась на оформленную политическую партию. На первых порах проведением в жизнь «курса реформ» занималась группа Геннадия Бурбулиса, Сергея Шахрая, Егора Гайдара. После того, как все эти деятели полностью провалились, на первый план вышла новая группа, получившая в прессе прозвище «молодых реформаторов» (Анатолий Чубайс, Борис Федоров, Борис Немцов, Сергей Кириенко). Но и в том, и в другом случае ключевой фигурой оставался Анатолий Чубайс, которого известный идеолог неолиберализма А. Ослунд восторженно назвал «потрясающим политиком, который всегда все делал правильно настолько, насколько это вообще возможно»³⁾.

Со времени революции советская элита прошла все фазы вырождения. Героев сменили злодеи, злодеев — ничтожества. «Мальчики в розовых штанах» в прямом и переносном смысле были наследниками ничтожеств. Это были преуспевающие молодые люди из элитных семей, работавшие в престижных академических институтах, ездившие на Запад и приверженные ценностям европейского комфорта. Егор Гайдар, возглавлявший в 1992 г. «правительство реформ», стал фигурой символической не только благодаря своей жесткой

³⁾ Aslund A. How Russia Became a Market Economy. Brookings Institution. Washington, D. C., 1995. P. 315.

экономической политике, не допускавшей никаких уступок реальности. Происхождение Гайдара сыграло в его блестящей карьере далеко не последнюю роль. Его дед Аркадий Гайдар сначала в рядах красной конницы рубил головы аристократам, а затем писал книги, воспитывавшие юношество в духе коммунистических ценностей; его отец Тимур стал единственным в своем роде сухопутным адмиралом, заслужив звания и награды не дальними плаваниями, а газетными статьями о вооруженных силах. Во время афганской войны он публиковал в «Правде» пространные очерки о блестящих победах советских и афганских правительственных войск, полным и окончательным разгроме «банд Масуда» в Панджшерской долине.

Егор Гайдар сделал себе имя в той же «Правде», где публиковал статьи, критикующие рыночные иллюзии. В 1989 г. он все еще доказывал, что единственно приемлемая для страны перспектива — «курс на обновление социализма»⁴⁾. Показательно при этом, что он ссылаясь на обоснования своего вывода на «реальную расстановку сил в обществе». Несколькими годами позже он же объяснял, что, «если исходить из сложившегося к концу 80-х соотношения сил», единственно приемлемой перспективой был номенклатурный капитализм... Судя по всему, под «соотношением сил» Гайдар понимал настроение номенклатурного начальства. Именно в конце 1989 — начале 1990 гг. происходит окончательный поворот основной части номенклатуры к капитализму. Гайдар «колеблется вместе с генеральной линией».

Не менее важным для его будущей карьеры стало то, что он вместе с другими людьми из «Правды» и академических институтов не раз привлекался к редактированию партийных документов. Главным образом от него требовалось забота о стиле, а не о содержании. Но улыбчивый Гайдар завязывал нужные связи, примелькался среди номенклатурных реформаторов. Точно так же делал карьеру и Григорий Явлинский, хотя его связи были не столько в партийных кругах, сколько в правительственных.

Талантливая семья Гайдаров всегда служила режиму и всегда получала за это награды. Внук писателя продолжал традицию. Кстати, это отмечает в своих мемуарах и Борис Ельцин: «И еще знаете, что любопытно — на меня не могла не подействовать магия имени. Аркадий Гайдар — с этим именем выросли целые поколения советских людей. И я в том числе. И мои дочери. И я поверил в наследственный талант Егора Тимуровича»⁵⁾. По мере вырождения режима задачи менялись. В 20-е гг. был нужен революционный пафос, в годы брежневского «застоя» — пропаганда советских ценностей. Теперь настало время «свободного рынка».

Воспитанные в среде советской элиты, «мальчики в розовых штанах» отличались от предыдущего поколения тем, что их тяготил унаследованный режимом груз социальной ответственности и идеологических стереотипов, давно уже не имевших ничего общего с их собственными ценностями и образом жизни. Если последние годы брежневской эры были временем ничтожества, то вместе с перестройкой наступило наконец желанное освобождение бюрократического ничтожества от пут породившей его системы. Новоявленный «мещанин

⁴⁾ Московские новости, 1989, № 41. С. 11.

⁵⁾ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 164–165.

во дворянстве» проникся сознанием собственной важности и морального превосходства над всеми, кому не удалось (или не захотелось) «выбиться в люди».

Когда в декабре 1992 г. Егор Гайдар вынужден был на время покинуть правительство, место главных «архитекторов реформ» заняли Чубайс, Федоров и Шумейко. Они жестко и бескомпромиссно, вполне «по-советски» проводили свою линию, не забывая и про борьбу со «старыми технократами» — бывшими директорами и хозяйственниками. Старшее поколение, представленное Черномырдиным, Поляничко и их коллегами из отраслевых министерств, прекрасно понимало, что надо хоть как-то поддерживать экономику на плаву. Аппаратчики старой закалки как могли пытались свести к минимуму последствия либеральных экспериментов. «Мальчики в розовых штанах» издевались над ними, публично обвиняли в «саботаже реформ», намекали на их некомпетентность, но сами без них не могли и шагу ступить. Всякий раз, когда возникали серьезные проблемы и нужно было решать конкретные вопросы, «мальчики в розовых штанах» как-то стушевывались, представляя «старым некомпетентным бюрократам» латать очередную дыру. «Бюрократы» ругались, но работали: ничего другого им не оставалось. Преданные системе и воспитанные в духе бюрократической этики, они даже подумать не могли о том, чтобы перейти в оппозицию, сменить работу или просто плюнуть на все и сказать: «сами заварили кашу, сами и расхлебывайте». Они просто не мыслили себя вне государства, вне системы управления. Ранее они добросовестно выполняли указания партийных органов, одновременно стремясь свести к минимуму неизбежный ущерб от собственных действий, теперь скрепя сердце подчинились новой руководящей и направляющей силе. Вместо ЦК КПСС ими командовали «группа Гайдара», представители Международного валютного фонда, окружение президента.

Западные эксперты задним числом сетовали, что ставка на Гайдара и Чубайса была ошибочной. «Решающее значение имело то, что выделив группу “реформаторов”, Соединенные Штаты сорвали многие реформы — и способствовали усилению антизападных, антиреформистских элементов, которые теперь могли сослаться на отсутствие положительных результатов для России. Поддерживая удобных для прессы, изяшных, англоговорящих представителей клана Чубайса и одновременно отказываясь от сотрудничества с другими, менее вестернизированными группами, влиявшими на политику и экономику России, специалисты по предоставлению американской помощи обидели многих в России и способствовали росту антизападных настроений», пишет Джанин Ведел⁶⁾. На самом деле здесь все перевернуто с ног на голову. «Молодые реформаторы» из группы Гайдара—Чубайса первоначально вовсе не были самой «вестернизированной» группой в политической и экономической жизни России. И уровень знания английского, и их представления о Западе, и элементарная осведомленность в вопросах современной экономической теории оставляли желать много лучшего. Как раз за счет постоянного общения с представителями МВФ, функционерами западного бизнеса и политической элиты они приобрели необходимый лоск. Западная пресса последовательно и целенаправленно формировала их имидж в качестве «просвещенных европейцев»,

⁶⁾ *Wedel J. R. Op. cit. P. 162.*

одновременно столь же старательно изображая их оппонентов в лучшем случае старомодными провинциалами. Эта группа была выбрана вовсе не по культурным причинам. Наоборот, она стала тем, чем она стала в «культурном» отношении именно потому, что она была выбрана МВФ и на протяжении многих лет занималась обслуживанием западных интересов.

Сам Ельцин, несмотря на симпатии к «мальчишкам в розовых штанах», предпочитал иметь дело с людьми, более близкими ему по культурному уровню и жизненному опыту: ветераны партийного и пропагандистского аппарата — Бурбулис, Филатов, Полторанин — без труда находили с ним общий язык, в то время как старых хозяйственников держали за людей второго сорта. Партийная номенклатура всегда презирала исполнителей, «рабочих лошадок», зато уважала «экспертов», способных простые и понятные вещи изложить сложным научным языком. В их представлении Егор Гайдар и Борис Федоров действительно выглядели выдающимися экономистами. Так либеральные ценности, усвоенные русским хамом-начальником, стали руководством к действию для российской власти.

Столкнувшись с радикализмом и напористостью неолибералов, более умеренные российские западники склонны были видеть в политике Гайдара своеобразный рецидив большевизма. «Во многих отношениях Гайдар действительно оказался “находкой”. Лишенный политического тщеславия Бурбулиса, властолюбия Шахрая, корыстолюбия многих своих подчиненных, он являл собой “чистый” тип нового большевика. Он чем-то неуловимо напоминает Бухарина и мог бы без сомнения быть назван “любимцем партии”, если бы таковая была организационно оформлена. В нем гораздо больше от его знаменитого деда по отцовской линии, чем это иногда кажется журналистам. То, что дед сражался за коммунизм, а внук — за капитализм, несущественно. Существенно то, как они это делали. Доходящая до фанатизма готовность внедрять свою “макроэкономическую модель” в жизнь, притупленная реакция на боль, отсутствие излишней шепетильности в выборе средств (достаточно вспомнить многомесячную эпопею с искусственной задержкой выплаты зарплаты как средством борьбы с инфляцией) и, конечно, синдром “великого экспериментатора” — вот то, что объединяет внука с дедом»⁷⁾.

На самом деле за поверхностным психологическим сходством скрываются два совершенно разных явления. Большевики были революционерами, ломавшими старый аппарат и крушившими старые элиты под напором протестной энергии масс. Если бы радикализм большевиков опирался только на идейные традиции интеллигенции, русская революция просто никогда не состоялась бы. Большевизм был сочетанием интеллигентской традиции со стихийным народным радикализмом и авторитаризмом. Радикал-либералы 90-х гг. были аппаратными интеллектуалами, обслуживавшими трансформацию бюрократических элит в буржуазные. Они были глубоко враждебны массам и совершенно невосприимчивы к давлению снизу. Разница (как и сходство) между большевиками и «радикалами» постсоветского либерализма точно такая же, как между революцией и реставрацией.

⁷⁾ Пастухов В. Цит. соч. С. 126–127.

«Новые русские»

Бывшие партийные аппаратчики среднего звена, комсомольские функционеры и проворовавшиеся директора предприятий с восторгом воспринимали новые идеи. Впрочем, это была лишь наиболее приличная часть новой элиты. Криминальное происхождение многих лидеров русского бизнеса не оспаривалось даже сторонниками режима. Мэр Москвы Гавриил Попов постоянно подчеркивал: в «ненормальной» стране бесчестные методы обогащения являются вполне допустимыми. К остепенившимся «ворам в законе» присоединилось множество активных молодых людей, воспринявших слова Попова как руководство к действию. Бездарные актеры, второсортные журналисты, оборотистые чиновники за несколько месяцев становились миллионерами. Но только в том случае, если им удавалось найти союзников и покровителей среди старого начальства.

Мелкие торговцы, рядовые мафиози, ларечники составили низовое звено этой люмпен-буржуазной иерархии, своего рода «субэлиты». Еще вчера они были студентами старших курсов, мелкими функционерами комсомола и партии, иногда даже рабочими. «Мускулы их покрылись жиром и потеряли форму, и облегают их теперь не спецовка, а модный спортивный костюм (хотя ларек может стоять совсем не в Лужниках). Лицо округлилось, глаза заплыли и по-прежнему ничего не выражают. Лексикон их краток по форме и убог по содержанию», — писал Николай Острожский на страницах «Солидарности». Для поиска в толпе себе подобных они пользуются сигнальными звуками типа «баксы», «бабки», «лимон», «навар».

Описание их жизни в статье Острожского напоминает фрагмент из «Жизни животных» Брема: «Могут иметь до одного-двух упитанных детенышей, которым пытаются дать образование и воспитание любыми средствами. Характерный тип поведения — агрессивный. Основной способ передвижения — автомобиль. Пешком передвигаются неохотно, неспособны маневрировать и уступать дорогу. В состоянии покоя стоят, опершись на стенку, и покручивают на пальце цепочку с ключами»⁸⁾.

Иметь дело с безразличными деньгами они не привыкли: как правило, их можно было видеть в самых неожиданных местах пересчитывающими пачки замусоленных стодолларовых купюр. В холодную погоду поверх спортивного костюма надевали турецкие кожаные куртки. Они непременно сверкали золотыми зубами и перстнями, сыпали рублиями направо и налево, катались на подержанных иностранных машинах. Иногда из-под куртки торчала рукоятка газового пистолета.

Более высокую ступень в иерархии занимали «новые русские». Это были управляющие смешанных предприятий, ревностно отстаивавшие в России интересы западных фирм, директора чековых инвестиционных фондов, не вложивших в производство ни копейки, руководители банков, не кредитовавших ничего, кроме спекулятивных операций. Они не так уж сильно отличались от своих коллег из ларьков, но повезло им больше.

«Новые русские» стали разъезжать по улицам в роскошных новеньких «Мерседесах» и BMW. Такие машины на Западе, как правило, покупают фирмы

⁸⁾ Солидарность, 1992, № 26. С. 1.

для представительских нужд. Иное дело — в России. За 1993 г. в одной лишь Москве было продано больше престижных моделей «Мерседеса» и BMW, нежели во всей Западной Европе.

С чувством юмора дело у них тоже обстояло неважно. Рассмешить эту публику могли бы лишь жлобские шутки типа «и он упал прямо мордой в грязь». Теперь они стали настоящими джентльменами и так шутить им уже не подобало. А иначе не умели.

Они переполняли кафе и рестораны, где чашка кофе стоила больше двухнедельного заработка рабочего. Ходили в театр, но лишь в том случае, если билет был не дешевле ленча в дорогом ресторане. Бедным они всегда готовы были помочь, если об этом сообщали в газете. Прическа а la Шварценеггер украшала голову, которую следовало бы стричь «под бобрик», а еще лучше — наголо. На них малиновые пиджаки, зеленые штаны и невообразимой пестроты галстуки, непременно купленные в самых дорогих магазинах Парижа и Нью-Йорка. Только «новый русский», попав за границу, из тысяч разнообразных предметов, выставленных на продажу, с неизменной точностью мог выбрать самый безвкусный. Если Пьеру Кардену один раз изменил вкус и он сделал неудачный костюм, можно быть уверенным, что уже на следующий день этот костюм украшал русского бизнесмена. Способность выбрать худшее даже из лучшего была своего рода родовым инстинктом «новых русских».

По одежде «нового русского» всегда можно было определить — с какой страной он ведет дела. На нем ярко-зеленый пиджак — значит, его партнеры в Германии. Петушинный галстук в сочетании с солидным «деловым» костюмом выдавал человека, работающего на американцев.

Обязательная часть гардероба — сотовый телефон. Его следовало повсюду таскать за собой. Не из-за ожидаемого важного звонка, а просто как украшение, свидетельство успеха, доказательство статуса. Французский дворянин носил шага, русский предприниматель — мобильный телефон.

Их женщины обильно поливали головы шампунем «Procter & Gamble», поскольку другого не знали. Они носили мини-юбки, из под которых торчали не самые изящные ноги, и старались по возможности соединить сексуальность с «деловым стилем». В результате даже вполне добропорядочные молодые дамы напоминали начинающих проституток.

Этих людей в 1992 г. можно было легко выделить на улице любого западного города, даже в многотысячной толпе. Они изо всех сил старались быть «современными», «западными», этим себя и выдавая. Иногда они недурно говорили по-английски или по-немецки, тщательно копируя интонацию, но совершенно не чувствуя духа языка. Англичанин и американец редко пытаются изображать иностранцев у себя дома. Напротив, «новые русские» даже не скрывали презрения к культуре и традициям родной страны, а своих сограждан обзывали «совками», видя в них неудачников, дикарей и «быдло», годное только на обслуживание «элиты».

Ненависть к собственной стране вполне объяснима: как бы ни старались «новые русские» изображать из себя эlegantных деловых людей и «цвет нации», у них ничего не выходило. Не признаваясь себе в этом, они смутно чувствовали: что-то не так. И ненавидели страну, которая сделала их такими, каковы они есть. Презируя всех остальных, они бессознательно ненавидели самих себя.

1992–93 гг. были временем торжества «новых русских». Позднее их отеснили на задний план олигархи, поднявшиеся в ходе приватизации при непосредственной поддержке государства. По сравнению с фантастическими состояниями олигархов барыши «новых русских» казались скромными. Тогда «новые русские» стали жаловаться, что государство не уважает их, душит налогами. Многие из них даже переквалифицировались в националистов. Но все это произошло позднее. А в 1992–93 гг. «новые русские» еще чувствовали себя хозяевами положения. Справедливости ради надо признать, что за 2 года гайдаровских реформ они многому научились. За рулем BMW все чаще можно было увидеть человека, одетого не слишком оригинально, но со вкусом. Женщины стали разбираться в тонкостях парижской моды. Привычка ездить в Париж явно пошла им на пользу. Жаль только, что за воспитанием вкуса у нескольких десятков тысяч предпринимателей должна была платить вся страна.

Роскошная жизнь «новых русских» была явным вызовом миллионам сограждан, погружавшимся в нищету. На глазах у полуголодных людей открывались казино, boutiques, клубы миллионеров. Закрывались обычные столовые, на их месте появлялись дорогие рестораны, нормальные продуктовые магазины уступали место фирмам, специализирующимся на импортных деликатесах.

Механизм «новорусского» бизнеса блистательно описал Виктор Пелевин: «Человек берет кредит. На этот кредит он снимает офис, покупает джип “чероки” и восемь ящиков “Смирновской”. Когда “Смирновская” кончается, выясняется, что джип разбит, офис заблеван, а кредит надо отдавать. Тогда берется второй кредит — в три раза больше первого. Из него гасится первый кредит, покупается джип “гранд чероки” и шестнадцать ящиков “Абсолюта”»⁹⁾.

Ясно, что так не может продолжаться вечно. «Если банк, которому человек должен, бандитский, то его в какой-то момент убивают. Поскольку других банков у нас нет, так обычно и происходит». Единственное исключение — «если человек, наоборот, сам бандит»¹⁰⁾. В этом случае все оказывается несколько сложнее, но конец, скорее всего, тот же.

К концу 1993 г. экономический спад достиг беспрецедентных в мировой практике масштабов и многие экономисты не могли удержаться от вопроса: почему бизнесмены до сих пор не прыгают из окон? В Соединенных Штатах в годы великой депрессии в первую очередь лопались всевозможные банки, посреднические фирмы, инвестиционные компании, брокерские конторы — короче, все то, что составило основу «российского бизнеса». Великая депрессия началась с краха на Нью-Йоркской бирже. В те годы обанкротившиеся бизнесмены стаями прыгали с небоскребов на головы прохожих, так что ходить по улицам надо было осторожно, поглядывая не только под ноги, но и на верхние этажи. Спад производства в 1991–92 гг., стоивший президенту Бушу его поста, сопровождался кризисом в банковских и биржевых операциях. Самоуверенные “уорри” с Уолл-стрит оказывались за воротами, как самые что ни на есть настоящие пролетарии.

Между тем на фоне обального спада производства русский бизнес процветал. Сторонники капитализма радовались его жизнеспособности, хотя процветание бизнесменов никак не способствовало оздоровлению экономики.

⁹⁾ Пелевин В. Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 20.

¹⁰⁾ Там же. С. 21.

Большинство обнищавших и обозленных «российских граждан» просто все больше ненавидело своих преуспевших собратьев, злорадствуя, когда очередной предприниматель спьяну въезжал на роскошном «Мерседесе» в каменный забор вместо открытых ворот.

В любой рыночной экономике определенное количество предприятий обречено на банкротство. Мелкие и средние бизнесмены — в первую очередь. Торговцы и банкиры должны первыми страдать от падения покупательной способности, любых негативных колебаний конъюнктуры. И первыми разоряться. Даже в «хорошие» годы в некоторых странах Запада значительная часть частных предприятий терпит крах. При плохой конъюнктуре процент банкротств подсккивал и до 10–15 % в год. Это совершенно нормальная «выбраковка» слабых, соответствующая столь любимой либеральными мыслителями «логике рынка». Если такой выбраковки не происходит, последовательный либерал должен бить тревогу: механизм естественного отбора не работает.

Нормальной процедуры банкротства в России пока нет, но есть его своеобразная замена — в духе наших нравов и традиций. Слышите стрельбу на улице? Видите, как у вас под окнами взрывается новенький BMW вместе с хозяином и секретаршей? Знайте, это скорее всего не мафиозная разборка, а самое обыкновенное банкротство. Государство не обеспечивает возврата средств, кредитор вынужден прибегнуть к собственным мерам. Если должник не платит, его уничтожают. В России невозможно с достоинством относиться к банкруту, если он не прикончил двух-трех своих клиентов.

В Петербурге предпочитали динамит, в Москве просто стреляли. Хотя довольно метко. Зимой 1993–94 гг. по столице прокатилась волна убийств. Расстреливали преимущественно банкиров, особенно тех, кто запутался в операциях по обмену старых купюр на новые. На этих операциях банки, получившие соответствующие лицензии, делали огромные деньги, но любая «недоработка» оборачивалась кровавыми разборками. В ход пошли не только автоматы Калашникова, но и гранатометы — прогресс остановить нельзя.

И все же количество подорванных, застреленных и покалеченных бизнесменов было явно ниже «нормального» процента выбраковки, необходимого для эффективного функционирования рынка. «Невидимая рука» давно должна была бы прикончить по крайней мере треть предпринимательских структур, но не делала этого. Ибо никакой невидимой руки просто не существует.

Большинство новых бизнесменов имело такое же отношение к рыночному предпринимательству, как половая щетка к ежику. Настоящие бизнесмены, конечно, появились и в России, но их оказалось не больше, чем «настоящих коммунистов» в номенклатуре КПСС. Традиционная экономическая система продолжала работать, хотя теперь ей приходилось нести двойную нагрузку, поддерживая на плаву нежизнеспособный частный сектор. Госпредприятия и новые акционерные общества, созданные на их основе, оказались на грани банкротства, но держали удар. А многочисленные коммерческие структуры благополучно развивались, паразитируя на производителях. Приватизация стала не только формой накопления капитала, она превратилась в основу жизнедеятельности. Неспособный ничего создать паразитический бизнес должен постоянно захватывать и использовать новые ресурсы. В этом секрет размаха

приватизации, ее растущих темпов в условиях, когда все экономисты дружно констатировали неудачу.

Экономисты обещали, будто приватизация создаст стимулы к труду, конкуренцию, повысит эффективность. Практики из правительства понимали суть дела куда лучше. Если не подкармливать бизнес за счет приватизации, он рискует рухнуть. Поэтому — только вперед. Кончилась собственность КПСС, возьмемся за государственную. Начнет иссякать госсобственность, возьмемся за профсоюзную. Так хозяйничали примитивные народы: оскудели пастбища — пойдем войной на соседей.

Страна огромна, добра в ней много. И все же паразитический бизнес подрывал основы собственного существования, душил и обескровливал ту самую систему, от которой питался. Легко было предсказать, что окончательный экономический крах наступит, когда будет приватизировано последнее госпредприятие и захвачен последний профсоюзный пансионат. Вот тогда-то пробил бы час великого банкротства, и бизнесмены узнали бы, что такое рынок. Однако неприятности начались значительно раньше. Даже самая лучшая полиция не может защитить от разрушающихся дорог, паралича транспорта, разваливающихся прямо в воздухе самолетов. Ничейные «приватизированные» предприятия горели синим пламенем не в переносном смысле, а в самом буквальном.

С новым бизнесом происходило то же самое, что ранее с централизованной системой. Поскольку никто не брался за принципиальные вопросы, а все проблемы пытались решить за счет новых ресурсов, можно было отсрочить крах. Одновременно происходило перераспределение ресурсов. Не в пользу тех, кто хозяйствовал эффективнее, а в пользу олигархов, соединивших бизнес с политикой. В начале 90-х власть конвертировали в деньги. В 1994–95 деньги сноваросли с властью.

Символы

В декабре 1993 г. граждане России получили рождественский подарок: указом Ельцина в стране был незаконно введен новый герб — византийский золотой орел с двумя головами и тремя коронами. Средневековая птица была извлечена из трехсотлетнего забвения, поскольку герб страны необходимо было «привести в соответствие» с современной концепцией Российской государственности.

Соответствие действительно полное: режим Ельцина никогда особенно и не скрывал стремления вернуть Россию в прошлое. После затянувшегося вырождения коммунистического режима страна переживала гротескную и жуткую комедию реставрации. Реставрировать рыночный капитализм, впрочем, невозможно: нельзя восстановить то, чего не было. Русская буржуазия всегда была беспомощна, зависима от государства и иностранцев. После революции она исчезла без следа, не оставив после себя ни доброй памяти, ни даже культурной традиции. Зато бюрократический абсолютизм, власть коррупции, беззаконие и государственная дикость имеют у нас глубокие корни. Здесь преемственность никогда не прерывалась. Сегодня вконец одичавший русский чиновник вместе с полууголовным предпринимателем мечтают закрепить свою

власть и привилегии с помощью хорошо проверенных традиционных символов самодержавия.

Одновременно происходило массовое переименование городов, улиц и площадей, включая и те, что в царское время вообще не существовали. Поскольку же переименовать все не представлялось возможным (отчасти из-за связанных с этим расходов, отчасти из-за масштабности задачи, а отчасти по обычной русской безалаберности), то старые символы соседствовали и прищудливо переплетались с новыми.

«Реставрационные тенденции, — писал Олег Смолин, — проявляются прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам: возвращение дореволюционного флага и герба; восстановление топонимов; коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а генеральных секретарей — из героев в дьяволов); восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т. п. При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, курьезный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метрополитена никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург в Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ одного из комментаторов радио “Свобода” о том, как в славном городе Старосибирске улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее парадоксально выглядит строительство новоделов на фоне продолжающегося разрушения действительно старинных храмов. Что же касается двуглавого орла, то, как известно, он был символом евразийской, точнее, полуазиатской российской монархии»¹¹⁾.

Средневековая птица Ельцина

Орлу вообще не повезло — новый герб сразу стал предметом шуток и анекдотов («шизофреническое чудовище», «чернобыльская птица» и т. п.).

В 1995 г. обнаружилось, что у России нет ни флага, ни герба, ни даже гимна. То есть вроде бы есть, но как бы и нет. Государственная символика не была утверждена Думой, а гимн вообще оказался без слов. Впрочем, это случилось уже не в первый раз: после смерти Сталина старые слова советского гимна были отменены и в течение некоторого времени оставалось одна лишь музыка. Потом все-таки догадались заменить слова «партия Ленина, партия Сталина», на слова «партия Ленина, сила народная». Но, сказать по правде, все это не имело никакого значения, ибо из всего гимна народ помнил только первый куплет про «Союз нерушимый».

После того, как Союз рухнул, предложение депутатов-коммунистов вернуть тот же гимн, в очередной раз отредактировав слова, выглядело как неудачная

¹¹⁾ Смолин О. Цит. соч. С. 29.

шутка. Однако, судя по поведению правительства, у него тоже были проблемы с чувством юмора. Мало того, что стихи на патриотическую музыку Глинки написать, кажется, в принципе невозможно, но и двуглавый орел с коронами мало похож на герб федеративной республики. С орлом, кстати, получилась неувязка. Золотая птица на пурпурном фоне всегда была гербом не России, а Византии. После падения Константинополя русские цари действительно использовали византийский герб как свой собственный, подчеркивая, что Москва есть «Третий Рим». Только позднее золотой орел был заменен черной птицей — еще более отталкивающей внешности, но зато более самобытной.

Наши «западники» идеологию «Третьего Рима» и «имперские» идеи осуждают, а вот при виде орла с коронами просто «ташатся». Достаточно вспомнить, сколько бумаги и краски перевела одна только газета «Известия», пропагандируя византийскую птицу. Возмущаясь тем, что коммунисты не поддерживают орла, журналисты совершенно серьезно утверждали, будто эта жутковатого вида средневековая птица уже стала нашим общенациональным символом, чуть ли ни единственной ценностью, которая объединяет народ. И в доказательство тому газета напоминала, что множество людей лепит наклейки с орлом на машины и еще куда-нибудь, а еще миллионы людей закрывают обложки советского «серпастого и молоткастого» паспорта корочками с изображением орла.

Но мало ли что у нас лепят?! Больше всего лепят наклейки с голыми женщинами. Может быть, это тоже объединяющий национальный символ... Во всяком случае, для мужской половины населения. Что же до обложек паспортов, то за десять лет они пообтрепались, а новые «корочки» продавались уже с орлами.

Значительная часть населения так и не смогла запомнить: в каком порядке расположены полосы на российском флаге. Время от времени то тут, то там вывешивали государственный флаг вниз головой. В Соединенных Штатах, кажется, за это сажают. Но «звездно-полосатый» флаг перевернуть вниз головой можно только по злому умыслу. А российский, как ни переворачивай, в конечном счете одно и то же получается...

Музыку Глинки не узнавали даже на официальных собраниях. Однотипные курьезы повторялись на многочисленных торжественных мероприятиях: услышав музыку, первые ряды вставали, а задние не могли понять, что происходит. Были случаи, когда из президиума в зал кричали — вставать надо, гимн ведь играют! «Какой гимн?» — спрашивали из зала.

Вообще остается неясным: если вернули орла, то почему бы не восстановить старый русский гимн «Боже, царя храни»? Можно — переписав слова. В любом случае, республиканская форма правления не помешала одеть на орла короны.

Герб России даже не попал на банкноты. На них изображен совершенно другой орел, скопированный с герба Временного правительства 1917 г. Теперь это эмблема Центрального банка России. Понять руководителей банка можно — мало ли какие гербы еще примут, да и когда это будет? А деньги печатать надо. Но и тут все получилось как-то нехорошо. Ведь до того, как попасть на новые рубли, тот же орел красовался на печально известных «керенках». Для многих поколений «керенка» стала символом обесценившихся денег.

Поднявшись на борьбу с инфляцией, Центральный банк мог бы найти и более подходящий символ.

Вообще историческая судьба российской государственной символики не вызывает особого умиления. Бесспорно национальным можно считать только андреевский военно-морской флаг. Зато коммунисты постоянно напоминают, что флаг, принятый при Ельцине, во время войны использовался армией генерала Власова, служившей фашистам. Большинство населения и на это глубоко наплевать, тем более, что «триколор» все же не Власов изобрел. Если трехцветный флаг у кого-то вызывал отторжение, то не из-за прошлого, а из-за настоящего. Ведь, в сущности, это, так же как и красное знамя — символ не национальный, а партийный. Это флаг режима Ельцина.

В конечном счете многие «партийные» символы стали национальными. Трехцветное знамя тоже не сразу стало общепризнанным символом Франции. Но после декларации прав человека и гражданина, после победоносных походов Наполеона, после того, как республика стала для французов синонимом независимости и достоинства, невозможно представить себе Францию без триколора. Советский красный флаг тоже стал чем-то большим, нежели партийным знаменем, благодаря победам во Второй мировой войне. Все-таки именно этот флаг водрузили над Рейхстагом.

Если бы ельцинская власть одержала великие победы хотя бы на экономическом фронте, можно было ожидать, что преисполнившиеся гордости за свою страну граждане полюбили бы и ее флаг. Кто знает, быть может даже и двухголовая птица перестала бы тогда ассоциироваться с Чернобылем и страшными сказками? Но, увы, ничего подобного не произошло. Над Россией развевается флаг Ельцина, и отношение народа к этому флагу в точности такое, как и к нынешней власти: их терпят (за неимением лучшего или из-за неумения отстаивать свои права), но не более того. Ельцин никогда и не скрывал, что нынешняя государственная символика — это именно его символика. Орел и трехцветный флаг объединились на президентском штандарте. Если бы Людовик XVI не произнес «Государство — это я», эти слова сказал бы Ельцин. Президент как бы приватизировал национальную символику, но одновременно она теряет шанс когда-либо стать общенациональной.

Само по себе стремление президента и его окружения во что бы то ни стало вернуть в России символику давно рухнувшей империи свидетельствует о полном отсутствии перспектив. Опору можно найти только в прошлом. Нам нечем гордиться в сегодняшней России и ничего нового мы не можем предложить миру.

Точно так же, как партия власти была обречена отстаивать орла и трехцветное знамя, думская оппозиция была обречена их отвергать, поскольку в противном случае коммунисты уже никак не смогли бы объяснить своим избирателям, чем они отличаются от правительства. Будь у них принципиальная линия по вопросам бюджета, приватизации или социальной политики, будь они способны на прямую и честную борьбу с властью, они тоже, наверное, меньше времени посвящали бы вопросам геральдики. Но критиковать птицу проще и безопаснее, нежели голосовать против бюджета. Тем более, что с птицей все равно ничего не случится.

«Наследники»

Бывшие секретари обкомов КПСС, казнокрады, торговцы наркотиками и специалисты по присвоению государственной собственности рядились в одежды царей и бояр, а правительственная партия «Выбор России» не случайно избрала на выборах 1993 г. своим символом «медного всадника». Ведь Петр I вошел в историю как один из самых страшных наших самодержцев, нарядивший азиатский деспотизм в европейские одежды. Разумеется, дворяне и царская бюрократия не только расхищали казенные деньги и подавляли народные бунты: в стране многое строилось, государство росло. Но ни тех, прежних элит, ни их наследников уже нет. А потому возврат к традициям можно только симулировать.

Смысл традиции исключительно в ее непрерывности. Королевские гвардейцы в викторианских мундирах или тюдоровские бифитеры смотрятся вполне естественно в Лондоне, поскольку они всегда так одевались. А кремлевская стража, срочно переодетая в мундиры царской гвардии, или казаки, вытаскивающие старинные мундиры из дедовских сундуков, выглядят ряжеными.

Тем не менее номенклатуре просто ничего не оставалось, кроме как пытаться изобразить себя законной наследницей старых правящих классов. Повсюду появились «дворянские собрания», «казацкие круги» и «союзы потомков купечества», где восседали бывшие комсомольские функционеры, местные начальники и молодые карьеристы, ряженные во фраки и старинные мундиры.

Коммерческие компании, созданные в начале 90-х гг., всячески старались доказать свое дореволюционное происхождение. Компания «Свиридовъ» с гордостью сообщала в своих рекламных роликах про «500 лет процветания». Купцы Свиридовы якобы после революции бежали из России в Австралию, открыли там свое дело, а теперь репатриировались. И впрямь, в Австралии и США есть фирмы с таким названием, хотя там очень удивились бы, узнав из передач русского телевидения, что именно «Свиридовъ» является «лидером австралийского финансового рынка». В своих рекламных роликах новоявленные австралийцы даже не могли правильно написать название города Мельбурн. Вдобавок ко всему основана фирма не во времена русской революции, а в конце перестройки. И стоит за ней действительно влиятельное семейство, только не старинных купцов, а вполне современных советских хозяйственников: один Свиридов был министром тяжелого машиностроения Украины, другой — директором Новокраматорского металлургического комбината. Легко догадаться и о том, откуда появились миллионы долларов, отмывавшиеся в Австралии и Америке.

Появившись на Дону, «наследники старинного купеческого рода» устроили грандиозное празднество для местных «наследников казачества». Те не остались в долгу: местных казачий есаул вручил вице-президенту компании форму, шашку и удостоверение полковника, ибо «негоже казаку без всего ходить»¹²⁾. Все это было настолько безвкусно и пошло, что покорило даже корреспондента проправительственных «Известий».

Когда государственные институты создаются с единственной целью — любой ценой закрепить власть и собственность ничтожного меньшинства,

¹²⁾ Известия, 20.08.1994.

отношение большинства к этим органам будет соответствующим. «Классики марксизма» учили, что государство есть орудие правящего класса, защитник его интересов, система организованного насилия. История много раз подтверждала эту формулу, но в то же время ни одно государство не смогло бы существовать, если бы не выполняло и других функций и, самое главное, не обеспечивало бы согласование общественных интересов. Государство стабильно, если управляемые знают, что те, кто принимает решения, будут учитывать их потребности. Благодаря этому все слои общества, пусть и не в равной мере, ощущают связь со «своим» государством. Связь, которую верхи не раз использовали для манипулирования низами.

В разных государствах эта связь проявляется по-разному. В условиях демократии речь идет о переговорах, соглашениях, «социальном партнерстве». Профсоюзы, партии, предпринимательские ассоциации, общественные движения — все добиваются прав. Каждая сторона организована, осознает свои интересы, торгуется, предъявляет требования. Но в конечном счете, когда какое-то равновесие достигнуто, заключен «общественный договор», все дружно требуют от государства соблюдать и охранять его.

Иное дело в патриархальном, деспотическом государстве, в Византийской империи или в «коммунистическом» Советском Союзе. Здесь никто не позволит социальным силам организоваться. Но интересы управляемых все равно учитываются, а связь между верхами и низами закрепляется через систему государственных символов.

«Народ и партия едины!» Что это было? Декларация? Или фиксирование взаимных обязательств? Принудительный общественный договор, который, конечно, никогда в полной мере не соблюдался и который в эпоху перестройки был окончательно расторгнут верхами в одностороннем порядке.

Язык, великолепно регистрирующий общественные явления, выразил эту связь народа и власти самооценками «мы дураки» или выражениями типа «наши идиоты», всплывавшими всякий раз, когда нормальный советский человек оценивал неприятное ему решение власти. Эти «семейные» эпитеты сменились сегодня безличными и отчужденными — «правительство», «власти», «начальство», «они». Причем не только в публицистике, но и в повседневной речи. Словечко «наши», с помощью которого журналист-«патриот» Невзоров пытался закрепить распадающуюся связь между властью и народом, ушло из повседневного обихода, сохранившись лишь как самоназвание невзоровского движения — «нашизм», «нашисты».

Возникла парадоксальная ситуация: власть, казалось бы, укрепляется, а государственность в кризисе. И правительство, и многие деятели оппозиции пытаются найти выход в восстановлении старых имперских и советских символов, не понимая, что сопутствующие этим символам отношения не восстанавливаются.

Власти, похоже, искренне думали, будто удачный подбор символов может заменить общественный договор. А потому пытались перехватить лозунги националистической оппозиции. И тех и других объединяла общая авторитарная традиция. Однако правительство, несмотря на всю свою риторику, не получало поддержки социальных слоев, составлявших опору националистов. Не имея возможности использовать советские образы, власти пытались восстановить имперскую символику. Но все эти орлы, короны, титулы и другие символы

власти неадекватны новой жизни, а потому вызывают смех. При упоминании «начальника департамента» вспоминаются лишь гротескные образы Гоголя, а при словах «Государственная Дума» почему-то на ум непременно приходит слово «разгон». Тем временем стихийно формируются новые символы, которые вполне адекватны сегодняшнему дню, но все равно вызывают несерьезное отношение: киска, которая покупает «Вискас», кока-кола, «Педдигри Пал», шоколад «Топик». Да, это и есть образ новой власти — власти денег и фирменных ярлыков. В конечном счете лозунг «у “МММ” нет проблем» ничем не хуже, чем «народ и партия едины». Но как бы ни были притягательны образы коммерческой рекламы, они не вызывают того доверия, без которого немислимо нормальное существование государства.

Это проявилось в предвыборной кампании 1993 года, когда власть пыталась агитировать народ, соединяя эстетику коммерческой рекламы с привычными образами советской пропаганды — сцены уборки урожая перемежались с изображением породистой собаки, а заканчивалось все традиционными говорящими головами. То, что все без исключения ельцинокрааты прибегали к постановочным клипам и кадрам старой советской кинохроники, далеко не случайно: в повседневной жизни людей они не нашли выразительных образов и символов, работающих на укрепление доверия к власти.

Глядя на это, граждане лишь запутывались. Видя говорящие головы, которые каждый вечер выглядывали из «ящика», избиратели смутно начинали понимать, что все эти господа стоят друг друга. Никто не чувствовал эмоционального родства с политиками. Оппозиционные «депутаты в кандидаты» (именно так представили одного деятеля за его же деньги на московском телевидении!) мало чем отличались от официальных. Все многословно разглагольствовали о том, что народ устал от речей, обещали положить конец пустым обещаниям. Коммунисты, у которых не было денег, чтобы купить эфирное время, навредили себе меньше других. И лишь один кандидат — Владимир Вольфович Жириновский — развлекал публику страшными историями про злых инородцев и рассуждениями про «гагаузов и гомосексуалистов». Только в нем обыватель готов был узнать себя — со всеми своими предрассудками и низменными инстинктами.

Это был не только крах пропаганды. Мы вновь, второй раз за какие-то 3–4 года, переживали крушение господствующей идеологии, которая уже никого не может ни мобилизовать, ни примирить с жизнью, ни объединить для общего дела. Если государство оказывается неспособно согласовывать общественные интересы, оно полностью теряет связь с народом и предстает в его глазах либо как чуждый орган, служащий интересам олигархии, либо как враждебный аппарат насилия. В первом случае ответ большинства — безразличие к жизни государства, во втором — ненависть и сопротивление. Россия 90-х гг. находится где-то между первым и вторым. Точнее, переходит от первого ко второму.

Перевороты

Ельцинский режим в России сложился в результате двух переворотов. В августе 1991 г. Ельцин защищал Белый дом и конституционный порядок против

«коммунистических путчистов», незаконно организовавших Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению (ГКЧП), а в сентябре–октябре 1993 г. тот же Ельцин сам отменил конституцию и расстреливал Белый дом (чего августовские «путчисты» сделать не решились). По существу, однако, уже в августе 1991 г. Ельцин и его окружение действовали антиконституционно. Августовский путч остается весьма загадочной страницей истории России. Его участники, вспоминая о тех событиях, постоянно противоречат друг другу и самим себе. Знал ли Горбачев о готовящемся путче заранее, одобрил ли он его в принципе, предпочтя уйти в тень, пока ГКЧП будет наводить порядок? Горбачев, естественно, утверждает, что не знал, деятели ГКЧП утверждают обратное. Роль Ельцина в тех событиях тоже остается под вопросом — слишком многое указывает на то, что он знал о готовящемся перевороте, а сами путчисты имели основания рассчитывать на сотрудничество, и его жесткое сопротивление оказалось для них полной неожиданностью¹³. Но главное все же не это. Пока ГКЧП неудачно пытался организовать свой переворот, Ельцин осуществил собственный — успешный. Власть от союзных структур, подчинявшихся Горбачеву, перешла к российской республиканской бюрократии, находившейся под контролем Ельцина. Вернувшись в Москву после августовских событий, Горбачев оказался президентом без государства. Официальный роспуск Советского Союза в Беловежской Пуше был предreshен.

Переворот 1991 г. устранил со сцены консервативные фракции бюрократии и открыл путь для широкомасштабной приватизации. Однако он не решил всех политических вопросов, стоявших перед Ельциным. У недовольных сохранялась возможность для сопротивления, продолжали существовать независимые от президента органы законодательной и судебной власти, а, следовательно, оппозиция могла быть политически эффективной. Критика политики Ельцина в Верховном Совете на первых порах была достаточно осторожной, но тем не менее она спровоцировала острейший конфликт, приведший к вооруженному противостоянию. На самом деле проблема состояла не в разном понимании экономической реформы Верховным Советом и Кремлем. Все представительные органы власти, избиравшиеся на протяжении всего правления Ельцина, были критически настроены по отношению к его экономической политике, причем порой критика была даже острее, нежели в 1992 г. Проблема была в самом существовании Верховного Совета как полноценной и легитимной законодательной власти, что было в принципе несовместимо с «курсом реформ».

Сентябрьский «Указ № 1400» о роспуске Верховного Совета действительно положил конец «двоевластию» в стране, но не в том смысле, как этот термин понимается у Ленина. Парадокс в том, что противопоставляя «всевластию» Советов либеральный принцип «разделения властей», Ельцин и его окружение добились именно того, чтобы положить конец этому разделению и вернуть Россию к тем формам демократически приукрашенного самодержавия, которые существовали между революциями 1905 и 1917 гг.

Бескровно этого сделать было невозможно, но оппозиция упорно пыталась сопротивляться мирными методами. Развязка наступила 3–4 октября 1993 г. По мнению многих политологов все произошедшее было провокацией Кремля.

¹³ См.: *Kagarlitsky B. The Square Wheels. New York: Monthly Review Press, 1995.*

3 октября совершенно неожиданно для их организаторов и участников мирные демонстрации возле заблокированного здания парламента переросли в восстание, милиция бежала, мэрия была захвачена сторонниками оппозиции, а затем тысячи людей, в большинстве своем безоружных, двинулись к телецентру «Останкино», где и произошла настоящая бойня.

Даже правая пресса признавала, что восставшие были настроены довольно мирно. «Нам рассказывают и показывают, как банды озверевших национал-коммунистических погромщиков бродили по Москве, штурмуют телецентр, мэрию и различные иные общественно нужные объекты, — писал Михаил Леонтьев, известный поклонник Гайдара, Тэтчер и Пиночета. — Однако вы не найдете ни одного сообщения о разгроме беззащитного коммерческого ларька. Ужасные коммунистические экспроприаторы, немного полежав под шквальным огнем рядом с телецентром «Останкино», отбегали в соседний киоск, ПОКУПАЛИ ЗА ДЕНЬГИ водку и шоколадки и возвращались назад, помирать за идеалы социальной справедливости. Киоски у Белого дома в «ночь беспредела» после его деблокирования, когда в городе даже с миноискателем нельзя было найти ни одного милиционера, сделали рекордную выручку»¹⁴. Еще более страшную картину рисует Л. Сухова на страницах «Независимой газеты». Столкнувшись с толпой защитников Белого дома, она не увидела «никакого неистовства, никакого фанатизма. Это были обычные, но разные люди, мои сограждане, мои земляки. Были молодые, старые, женщины, девушки... Папа с сыном лет 10... мы видели людей никем не организованных... одни помятые, поинтеллигентнее, другие повоинственней... — но шли не убивать, не мстить... Что мы видели из оружия? Пять-шесть щитов металлических, у кого-то еще кусок трубы водопроводной, а у одного мальчишки лет 15 — топорик... Никаких вооруженных боевых отрядов мы не видели»¹⁵.

3–4 октября власть преподнесла обществу кровавый урок. Сначала толпа была безжалостно расстреляна у телецентра «Останкино», затем подошедшие к зданию парламента танки открыли по нему огонь. В течение двух суток в городе проходили обыски и аресты. Одновременно начались расистские избиения милицией кавказцев. Последние к восстанию никакого отношения не имели, зато были идеальной жертвой для милиции, опьяненной вседозволенностью.

Победа исполнительной власти над парламентаризмом была полной. Она была закреплена психологически, культурно и символически, когда победившее правительство переехало в бывшую резиденцию побежденного парламента — Белый дом. А может быть, это преступники вернулись на место преступления?

По мнению Ивана Засурского «многое в октябрьских событиях остается неясным до сих пор. Например, взять тот же штурм мэрии, «Останкино» (уже отключенного — единственным вещающим каналом в те дни осталось российское телевидение, у которого есть собственный телецентр на Ямском поле), наконец, снайперы вокруг Белого дома. Начиная беспорядки, оппозиция действовала против своих интересов — если, конечно, действовала она. Больше всех в вооруженных столкновениях был заинтересован сам Ельцин: пресса все больше начинала призывать к мирному диалогу, в обществе большой поддержкой пользовался «нулевой вариант» одновременных перевыборов президента

¹⁴) Сегодня, 14.10.1993.

¹⁵) Независимая газета, 16.10.1993.

и парламента, который был благополучно забыт после того, как войска подавили бунт “красно-коричневых”. В результате была принята конституция, закрепляющая доминирующее положение президента в структуре российской власти»¹⁶⁾.

Радикальный исследователь Александр Тарасов еще категоричнее. Ни толпы восставших, ни лидеры Верховного Совета не контролировали ситуацию, они действовали именно так, как хотела власть. «Разумеется, они попались на провокацию. Но провокация — это КЛАССИЧЕСКИЙ метод политической борьбы, она существует ровно столько же, сколько политика. И даже дольше — провокация перешла в политику из опыта боевых действий»¹⁷⁾. Поражение парламента было предопределено в равной степени неопытностью масс и несостоятельностью вождей. «И если наша оппозиция хочет чему-то научиться, ей придется искать других вождей — с другим стилем мышления и другим уровнем умственного развития. А заодно оппозиционерам придется кое-что изменить и в своих мозгах тоже: в частности, перестать, наконец, думать, что если им в руки случайно попала дубина (а тем более — автомат) — это значит, что во всей России началась революция»¹⁸⁾.

Пропаганда

Советская цензура умерла на год раньше Советского Союза. Впрочем, и до того, как цензуру официально отменили, журналисты чувствовали себя достаточно свободно. А главное — пользовались огромным влиянием и авторитетом в обществе. Люди не жалели денег на газеты и журналы, ожидая очередных сенсационных разоблачений. Многочисленные «запретные» книги наводнили рынок, писатели-эмигранты выступали по государственному телевидению.

Увы, все это в прошлом. В ельцинской России мало кто читает газеты и еще меньше людей готово им верить. Унылые пропагандистские передачи по телевидению и однообразная реклама товаров для богатых заполонили телеэфир. Иногда зрителям показывают специально отобранных представителей оппозиции — либо самых беспомощных и умеренных, либо наоборот — очевидных экстремистов. На этом фоне мексиканские soap operas становятся единственной отдушиной для миллионов телезрителей. В 1992–93 гг. альтернативным источником информации для телезрителей была петербургская передача «600 секунд», где заправлял Александр Невзоров, талантливый журналист, прославлявший Саддама Хусейна и твердый порядок под властью авторитарного режима. Еще до октябрьского переворота власти намеревались закрыть невзоровскую программу, но затем испугались массовых протестов. Причем протестовали не только поклонники «600 секунд». Общественное мнение по-прежнему склонялось к мысли, что лучше такая альтернатива, чем никакой.

Пропаганда оставалась единственной сферой, где режим достиг чрезвычайных успехов. Относительная свобода печати сочеталась с жесточайшей

¹⁶⁾ Засурский И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд. МГУ, 1999. С. 85.

¹⁷⁾ Тарасов А. Провокация. Постскрипум из 1994-го. М.: Феникс, 1994. С. 47.

¹⁸⁾ Там же. С. 48–49.

цензурой на телевидении. Под руководством Михаила Полторанина государственная пропаганда сумела эффективно соединить опыт, накопленный за годы коммунистического режима, с современными методами и пропагандистскими технологиями «холодной войны», почерпнутыми из арсенала западных коллег. Поскольку же в условиях кризиса у людей практически не было средств на покупку газет, попытки оппозиции бороться с ведомством Полторанина при помощи собственной прессы напоминали усилия африканцев, сражавшихся с луками и стрелами против европейских пулеметов.

После окончательной победы над «коммунистическим тоталитаризмом» в 1991 г. российские власти провели чистку на радио и телевидении, удалив оттуда всех, заподозренных в симпатиях к «красным». Изгонялись или выживались даже представители технического персонала, в результате чего на телевидении стали происходить постоянные «накладки» — то пускали неправильную заставку, то пропадал звук, то исчезало изображение. Зато «красных» техников уже не было.

Люди, работавшие на телевидении, как и в советские времена, чувствовали себя «бойцами идеологического фронта», гордились своей особой ролью. Они даже несколько преувеличивали свое значение. «Предположим, мы ничего не будем показывать в течение трех дней, и тогда я бы хотел посмотреть на тот состав правительства, которое мы увидим после того, как включим снова телевизор», — хвастался генеральный директор Российской Телерадиокомпании Анатолий Лысенко¹⁹⁾.

Очень скоро, однако, журналисты-«демократы» выяснили, что даже искренняя ненависть к коммунистам, социалистам и любым левым не гарантирует от неприятностей. Надо не только постоянно пугать зрителей призраком коммунизма и хвалить власти, но и делать это так, чтобы власти были довольны. За неудачную передачу о событиях на Кавказе в одночасье потерял свой пост руководитель телекомпании «Останкино» Егор Яковлев. Возглавляя «Московские новости», Яковлев больше кого-либо постарался для пропаганды новой российской власти и развала Советского Союза. Но сделав свое дело, он стал не нужен. Вчера еще всемогущий властитель общественного мнения, он вдруг превратился в пожилого беспомощного человека, просящего коллег о помощи. Коллеги собрались и сделали совместное заявление в поддержку Яковлева. Президент и правительство этого заявления просто не заметили, а руководители газет уже на следующий день как ни в чем ни было продолжали расхваливать правительственные реформы.

Вслед за Яковлевым телевидение вынуждены были покинуть и другие деятели, пытавшиеся отстаивать собственное мнение. Правда, и теперь далеко не все передачи отражали точку зрения властей. Из-за хаоса в стране, неэффективности бюрократии и административного беспорядка успешно проконтролировать все, что выходит в эфир, просто не удавалось. А за деньги в России можно купить все — даже время на государственном телевидении. Телевизионные боссы не вымогали взяток, они лишь требовали «спонсорских взносов». Этим активно пользовались предприниматели, но к той же технике прибегали и профсоюзы. Одночасовая передача 4-го канала «Выбор 2000», где

¹⁹⁾ Московские новости, 1994, № 20.

выступал один из лидеров Партии Труда Андрей Исаев, обошлась московским профсоюзам сравнительно дешево — всего в несколько сот долларов.

Правительственные круги много и подробно говорили о будущем частном телевидении, но никто и не заикался о том, чтобы предоставить эфирное время тем, кто не согласен с господствующими мнениями. Частное телевидение — и этого никто даже не пытался отрицать — должно проповедовать те же идеи, что и государственное. И контролировать его будут те же люди.

Приватизация Московского телеканала кончилась тем, что большую часть акций получили представители столичной бюрократии и пропагандистских ведомств. Из высокопоставленных чиновников они превратились еще и в собственников. Приватизация телевидения, таким образом, дала те же результаты, что и все прочие русские приватизации. Та же группа людей в 1992 г. получила в собственность и контрольный пакет акций нового 6-го канала телевидения России, а «МОСТ-банк», тесно связанный с администрацией Москвы, прибрал к рукам 4-й канал, где начала вещать телекомпания НТВ. Что значит аббревиатура «НТВ», никто толком не знал — предлагались расшифровки: «независимое телевидение», «настоящее телевидение», «нормальное телевидение» и даже просто «наше телевидение». Последнее в наибольшей степени отражало подход хозяев компании. Компания НТВ стала образцом качественного вещания прежде всего потому, что в нее были вложены немалые средства. Уровень информационных программ оказался в целом выше, чем на государственном телевидении, хотя, в конечном счете, идеологическое направление было то же самое. Зато НТВ отличалось поразительным провинциализмом в содержании новостей — из их передач можно было подробно узнать биографию какого-либо второстепенного кремлевского чиновника, зато в течение недели не получить ни одного сообщения из-за рубежа.

Большинство газет зависело от правительства не меньше, чем государственное телевидение. Без прямых и косвенных дотаций, предоставляемых властями, они просто не выжили бы. Политику в области прессы и средств массовой информации в первые годы правления Ельцина координировал Федеральный Информационный Центр Михаила Полторанина. Многие даже не помнили официального названия этого ведомства, называя его просто «министерством правды». Тем временем столичные власти создали в 1991–92 гг. собственное «министерство пропаганды», поставив во главе его Павла Гусева, главного редактора бульварной газеты «Московский комсомолец». Министерство щедро помогало газетам, проповедовавшим американский образ жизни, «Кока-колу», ценности свободного предпринимательства и «сильную исполнительную власть». Короче — «идеологию демократического выбора». После нескольких скандалов министерство пропаганды пришлось реформировать, но политика в области печати осталась без изменений.

Дотации предоставляли не только власти. Предпринимательские группы, стоящие за спиной правительства, щедро субсидировали как журналистов, так и самих министров. Благодаря такой системе «перекрестного опыления» все оставались довольны.

Левая пресса не исчезла. Социалистические издания держались на плаву благодаря помощи профсоюзов. «Правда» выходила в свет на средства греческого миллионера, который, как утверждают злые языки, раньше отмывал деньги

КПСС. Коммунистическая пресса, однако, оставалась изолирована от массового читателя. Ею интересовались лишь люди, и без того поддерживавшие коммунистов. Понемногу популярность альтернативной прессы росла. Газета «Солидарность», издаваемая Андреем Исаевым на деньги Московской Федерации Профсоюзов, увеличила тираж с 5 000 в 1991 г. до 30 000 в 1992–93 гг. В масштабах России, однако, это капля в море.

В апреле 1993 г., когда очередной кризис в отношениях между Кремлем и Верховным Советом вынудил провести референдум, информационная монополия правящей группы сыграла решающую роль в исходе борьбы.

На референдум были вынесены четыре вопроса:

- 1) Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?
- 2) Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом и Правительством Российской Федерации с 1992 года?
- 3) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?
- 4) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Кремль призвал население голосовать «Да—Да—Нет—Да», а Верховный Совет — «Нет—Нет—Да—Да». При этом средства массовой информации бессовестно лгали, сообщая своим слушателям, зрителям и читателям, будто Верховный Совет во главе с Русланом Хасбулатовым призывал голосовать против досрочных выборов депутатов, тогда как на самом деле Хасбулатов настаивал на досрочных выборах обеих ветвей власти.

Референдумы вообще традиционно выгодны власти. Население повсюду, тем более в России, склонно скорее сказать «да», чем «нет». На это и рассчитывали организаторы апрельского референдума 1993 г. «Готов предположить и даже поручиться, — писал известный публицист Виктор Гущин, — что, вынашивая идею референдума, его инициаторы делали ставку и на историческую традицию, давно укоренившуюся в российской политической жизни». Покорность народа, его постоянная готовность к жертвам были важнейшим козырем власти. «Парадоксально лишь то, — но это тоже одна из особенностей российской действительности, создающая впечатление абсурдности всего в ней происходящего, — что сыграть на исторической традиции патерналистских отношений между властью и народом пытаются силы, ориентирующиеся на западный цивилизованный мир»²⁰⁾.

На публику обрушился настоящий шквал пропаганды. 85 % телевизионных передач, посвященных референдуму, представляли собой восхваление властей и призывы голосовать за президента. Кинозвезды, модные певцы и популярные писатели целыми днями повторяли с экранов телевизоров заклинание: «Да-да-нет-да!» В итоге на референдум явилось 64 % избирателей. Из них больше половины (т. е. треть от общего числа граждан имеющих право голоса) сказала «Да» по первому и второму вопросу. Зато по главным — третьему и четвертому вопросам граждане, участвовавшие в референдуме, большинством голосов

²⁰⁾ Гущин В. Цит. соч. С. 71, 72.

сказали «Нет». Иными словами, народ не поддержал ни призывов власти, ни предложений оппозиции.

Можно сказать, что в апреле 1993 г. и Кремль, и Белый дом потерпели поражение, хотя Кремль — менее тяжелое. Однако средства массовой информации находились в руках Кремля, а потому его сторонникам удалось интерпретировать это поражение как победу. В свою очередь противники президента были деморализованы. Как отмечает Рой Медведев, «в некоторых оппозиционных газетах писали даже о массовом телевнушении по какой-то американской или сионистской методике»²¹⁾.

И все же власть была вынуждена после референдума сделать вывод, что пропаганда не всемогуща. Ее предстояло подкрепить прямым насилием. «Ничто так не провоцирует усиление конфликта, — писал Гушин, — как неубедительность победы и неочевидность поражения. А итоги референдума именно такими и оказались, неубедительными и неочевидными, с какой стороны не возьми»²²⁾.

На место эйфории 1990–91 гг. пришло разочарование и апатия, за которыми, впрочем, нетрудно разглядеть признаки надвигающейся политической бури. Но на сей раз ни журналисты, ни интеллектуалы уже не могли претендовать на роль народных заступников. Сознательно или бессознательно они обманули людей, скрыв от них правду об опасностях, подстерегающих их в мире «свободного рынка». Они поддержали антикоммунистические кампании и чистки, начавшиеся в государственных структурах Российской Федерации за полгода до пресловутого августовского путча.

Пропагандистская война, однако, продолжалась и даже набирала новую силу. 21 сентября 1993 г. расправу с парламентом правительство начало с захвата его печатных органов — «Российской газеты» и журнала «Народный депутат». Контроль над телевидением ужесточили, закрыв «Парламентский час». Газета «День» также была запрещена, но быстро перерегистрировалась и снова стала выходить. Несколько дольше продержались «Правда», «Независимая газета» и петербургская телепрограмма «600 секунд», но ни у кого не было сомнения, что в случае успеха переворота их постигнет участь «Парламентского часа».

Пропаганда и лож играли в событиях той осени не меньшую роль, чем стрельба из танков на улицах. Венгерский политолог Т. Краус писал: «В отличие от августовской попытки 1991 г., для которой была характерна обращенность в прошлое, традиционализм, в 1993 г. произошел настоящий информационный путч эпохи постмодерна. Телевизионный путч»²³⁾. Главная задача телевидения и прессы состояла в том, чтобы убедить общество в правильности тезиса, на первый взгляд противоречащего здравому смыслу. А именно, что всякий, кто защищает парламентаризм, разделение властей, конституционный строй и принцип верховенства закона — фашист или коммунист. Надо сказать, что в целом ельцинские пропагандисты со своей задачей справились. основополагающие принципы демократии были в российском обществе прочно и глубоко дискредитированы.

В свою очередь для масс сторонников парламента именно телевидение стало символом зла, «империей лжи». Именно поэтому, когда восставшим

²¹⁾ Медведев Р. Капитализм в России? С. 135.

²²⁾ Гушин В. Цит. соч. С. 73.

²³⁾ Ельцинщина. Под ред. Т. Крауса. Будапешт: Венгерский Институт Русистики. 1993. С. 88.

показалось, что они овладели столицей, толпы народа двинулись к телецентру «Останкино», требуя, чтобы в эфир была передана правдивая информация о происходящем в городе.

События 3–4 октября, когда на улицах Москвы лилась кровь, были еще одним испытанием для журналистов. Разгром оппозиционных средств массовой информации шел параллельно с расстрелом здания парламента. «Правда», «Советская Россия» и сравнительно безобидная профсоюзная «Рабочая Трибуна» были закрыты моментально. Программа «600 секунд» ликвидирована.

Журналистское удостоверение никого не защищало. Пресс-секретаря Федерации Независимых Профсоюзов России Александра Сегала, задержанного на улице у здания Октябрьского районного Совета, избили в милицейском отделении, требуя признания об участии в угоне машины. Руководителю пресс-центра Моссовета Александру Попову повезло: охрана вывела его из оцепленного здания Совета. Последнее сообщение пресс-центра он дал уже с уличного телефона-автомата. Само помещение и оборудование пресс-центра немедленно было передано пресс-службе мэрии. Когда через несколько дней работников пресс-центра все же пустили в здание, многие просто не могли удержаться от слез. Все было разгромлено и загажено, бумаги разбросаны по полу, новенький, только что установленный факс сгорел.

Во время побоища в здании телецентра «Останкино» сожгли дотла радиостудию «Резонанс». Это было единственное независимое радио, однажды уже закрытое властями (на его волнах выступали Руцкой и деятели оппозиции). Незадолго до октябрьских событий радио «Резонанс» вновь позволили выйти в эфир. 4 октября оно опять замолчало.

На протяжении двух суток не прекращала вещать лишь радиостанция «Юность», которая, избегая политических оценок, регулярно давала информацию о происходящем. Журналисты постоянно попадали под огонь правительственных сил. В редакции даже прошел слух о гибели одного из коллег, но, к счастью, это оказалось ложной тревогой.

Показательно, что государственное телевидение в Останкино за несколько часов побоища почти ничего не сняло. Или не решилось показать то, что было снято. Иностранцы корреспонденты и независимые отечественные журналисты снаружи здания пытались работать, несмотря на непрерывный огонь ельцинских сил. Число жертв среди журналистов за два дня событий в Москве было, видимо, большим, чем за время войны в Афганистане. Огнем снайперов с телецентра было убито два француза и один британец, несколько человек ранено. Погибли люди и в Белом доме. Операторы западных телекомпаний и их русские коллеги, находившиеся на месте событий, были уверены, что спецназ стрелял по ним сознательно, не давая им снимать происходившую бойню. Официальные круги оправдывались, утверждая, будто из здания телецентра охрана принимала красные огоньки работающих телекамер за лазерные прицелы снайперов. Вообще поиски снайперов были любимым оправданием. Даже когда пьяный ОМОН врвался в помещения частных фирм и меняльных контор и просто грабил посетителей, это называлось «борьбой с терроризмом».

Власть сразу же сделала все возможное, чтобы не допустить полной информации о числе жертв. Все сведения об убитых были засекречены, а через несколько дней по государственному телевидению сообщили, будто погибло

всего 142 человека. Журналисты, видевшие все своими глазами, не могли сдерживать возмущения. Но в первые дни после расстрела парламента опубликовать всю информацию было невозможно. Лишь к середине октября, по мере смягчения цензуры, в прессу стали проникать подлинные факты о числе жертв московской бойни.

Уже 4 октября «в связи с чрезвычайным положением» была введена предварительная цензура. На страницах газет появились белые пятна, однако почти никто из журналистов не пошел на «конструктивную работу с цензорами». Не только далекая от правительства «Независимая газета», но и проправительственная «Сегодня» и политически бесцветная «Комсомольская правда» предпочли снять материалы, а не «исправлять» их. Аналогичную позицию заняли «Коммерсантъ-Daily», культивировавший англосаксонский стиль «объективной журналистики», и интеллигентски-резонерская «Литературная газета». Некоторые газеты поместили на месте снятых материалов объявление: «запрещено “демократической” цензурой». Номер «Независимой газеты» с белыми пятнами немедленно подскочил в цене до 300 рублей. Некоторые редакции повторно помещали снятые материалы, пока цензор не сдавался.

Из столичных газет лишь «Московский комсомолец» решился публично выступить в поддержку цензуры, но возмущение среди журналистов было столь велико, что руководство газеты пошло на попятный. Несколько дней спустя Павел Гусев вынужден был публично выразить сочувствие коллегам, пострадавшим от запретов.

Предварительная цензура была к середине октября заменена карательной. Было объявлено, что газеты, систематически нарушающие требования правительства, будут закрыты. Подтверждением серьезности этих угроз была судьба оппозиционной прессы.

«Российская газета» довольно быстро стала выходить вновь, но только... превратившись из органа парламента в орган правительства. Она сразу предупредила читателя, что отныне будет писать прямо противоположное тому, что публиковалось до октября. Характерно при этом, что большая часть журналистов осталась на своих местах.

Вышла в свет и «Рабочая трибуна». Это издание никогда не было ни чрезвычайно смелым, ни особенно интересным, и ее возвращение на прилавки газетных киосков так же мало заметили, как и ее исчезновение. Зато вокруг «Правды», «Гласности» и «Советской России» развернулась острая борьба. Власти требовали, чтобы газеты сменили название, политическую линию и руководство. Часть коллектива «Правды» готова была пойти на уступки. Издание хотели переименовать в «Путь Правды» (под этим названием газета выходила после того, как ее первый раз закрыла царская цензура), однако большинство журналистов отказалась пойти на компромисс. После месяца борьбы «Правда», вышла под прежним названием. Юрий Лучинский, руководитель цензуры (тактично названной теперь Государственной инспекцией по защите свободы печати и средств массовой информации), признавал: «то, что стала выходить “Правда” — это я считаю личным оскорблением». Хотя с профессиональной точки зрения газета оставляла желать много лучшего, первый послеоктябрьский номер «Правды» стал сенсацией. Чтобы купить его, выстраивались огромные очереди. Тираж был мгновенно распродан.

По мере того, как оппозиционная пресса стала снова вставать на ноги, обнаруживались новые проблемы. Как получать информацию, где проводить пресс-конференции? Общественные помещения, которые были доступны до октября, теперь были закрыты для оппозиции. Международный пресс-центр в Москве собирался в октябре провести встречу журналистов с оппозиционными политиками, но затем отказался от своих планов, сославшись на невозможность вмешиваться во внутренние дела России. Большую смелость проявило руководство Российско-американского информационного пресс-центра, предоставив помещение бывшему пресс-центру Моссовета и редакторам запрещенных газет.

Вообще с информацией было множество проблем. Если происходящее в столице более или менее было известно, то о событиях в провинции тщательно скрывались от публики. Глеб Павловский, возглавлявший PostFactum, первое независимое информационное агентство в России, ушел в отставку, заявив: «Я не могу работать в условиях цензуры. Не могу передавать информацию, в достоверности которой я не могу быть уверен»²⁴.

Телевидение находилось под жестким правительственным контролем задолго до 4 октября, но после разгона парламента здесь также началась охота на ведьм. Список закрытых программ пополнился передачами Александра Любимова и Александра Политковского «Красный квадрат» и «Политбюро». В отличие от «600 секунд» и «Парламентского часа», программы «двух Александров» никогда не были оппозиционными. Вина журналистов состояла в том, что ночью с 3 на 4 октября, вместо того, чтобы выражать солидарность с правящим режимом, они в прямом эфире призвали жителей столицы не выходить на улицы и не лезть под пули.

Непонятно почему была запрещена эротическая газета «Еще». В Москве, где все подземные переходы буквально завалены порнографическими изданиями, а на страницах объявлений открыто рекламируются услуги «очаровательных девушек», гонения на «Еще» выглядели по меньшей мере странно. Очевидно, кто-то разобрался с конкурентами.

В условиях, когда телеэфир был полностью монополизирован правительственной пропагандой, люди снова обращались к передачам радиостанции «Свобода». За несколько месяцев до переворота трудно было представить себе, что миллионы жителей России будут настраиваться на волну мюнхенской радиостанции, чтобы услышать голос руководителя Коммунистической партии Геннадия Зюганова. Но такова была реальность «посткоммунистического» и «постсоветского» общества.

Большинство правозащитников выступило с резким осуждением антидемократических мер власти. Объединились люди, которые еще недавно вели между собой острые дискуссии на страницах эмигрантской и российской прессы. Три лидера парижской эмиграции — Синявский, Максимов и Абовин-Егидес выступили на страницах «Независимой газеты» с совместным заявлением, осуждая Ельцина. К ним присоединился Вадим Белоцерковский — в прошлом один из наиболее популярных в России обозревателей радио «Свобода». Официальные журналисты, как и в старые времена, ответили потоком брани. В ход

²⁴ Подробнее о положении прессы во время октябрьского переворота 1993 г. см.: Засурский И. Цит. соч. Гл. 2, а также Тарасов А. Цит. соч. С. 37–38.

пошли старые обвинения — «поют с чужого голоса», «льют воду на мельницу реакционных сил», «оторвались от действительности».

Между тем критические высказывания, несмотря на цензуру, стали появляться даже в проельцинских «Известиях». Разумеется, никто не решался здесь спорить с генеральной линией правительства, но не могли не писать о «крайностях» и «отдельных фактах» нарушения прав человека.

Можно сказать, что попытка властей ввести цензуру пошла на пользу прессы. Среди журналистов крепло убеждение, что порядочному человеку в России неприлично не находиться в оппозиции к режиму. Символом борьбы за свободу слова стало сопротивление «Независимой газеты». Это издание — своего рода русский аналог французской “Le Monde” или британской “The Guardian” — было основано Московским Советом еще до августа 1991 г. в противовес коммунистической партийной печати. Первоначально газета отличалась жестким антикоммунизмом и готовностью поддерживать Ельцина, но по мере нарастания в стране угрозы нового авторитаризма «НГ» начала леветь. Уже после августа 1991 г. ее главный редактор Виталий Третьяков предупредил, что победа «демократов» в России грозит обернуться прекращением демократического эксперимента.

Правые ушли из редакции в конце 1992 г., когда газета стала критиковать монетаристский курс правительства. Отколовшаяся часть журналистов основала газету «Сегодня». Причем они не только получили деньги, ранее предназначавшиеся для «НГ», но и забрали с собой часть материалов из редакционного портфеля и список подписчиков. В течение нескольких месяцев подписчики «Независимой газеты» в Москве систематически получали бесплатно свежие номера «Сегодня». Однако переманить читателя не удалось, большинство подписчиков осталось верно своей газете. Ведь полевение «Независимой газеты» отражало общий сдвиг настроений в обществе и среди рядовой интеллигенции.

Люди, работающие в «Независимой газете», как правило, были молоды и не прошли в партийной печати школу послушания. В редакции оказалось несколько социалистов, несколько левых либералов, остальные были просто порядочными профессионалами. Никогда раньше их нельзя было заподозрить в симпатиях к коммунистам, но и правый авторитаризм они никогда поддерживать не стали бы. После октября публикации в газете стали более откровенными, тон более резким. Власти ответили на это затянкой в перерегистрации газеты (Московский Совет был упразднен Ельциным, газета осталась без учредителя и ей грозило закрытие).

Попытка заткнуть рот «Независимой газете» натолкнулась на твердость коллектива. Собрание журналистов заявило, что газета будет выходить в любом случае, даже если ее откажут перерегистрировать. То, что сделали с «Российской газетой», было невозможно повторить с «НГ». Официоз парламента безболезненно превратился в орган правительства. Журналисты «Независимой» не привыкли выполнять указания властей. На первой полосе редакция сообщила о своем решении под заголовком «Без борьбы нет победы».

Спротивление «Независимой газеты» стало символом для тех в России, кто верит в свободу печати, доказательством того, что в стране все же существует если не гражданское общество, то хотя бы журналистская корпорация со своим достоинством и профессиональной этикой. Со всего мира в редакцию

приходили письма и телеграммы солидарности. В начале ноября газета была перерегистрирована.

«Правда», выйдя в свет после длительной борьбы, вновь исчезла с прилавков, на сей раз из-за финансовых трудностей. Власти, активно дотиновавшие свою прессу, не торопились выделять дополнительные средства оппозиционной. Лучинский был по-прежнему полон сил и активно работал, разъезжал по стране, снимая своих коллег, не проявляющих достаточной бдительности. Он обещал не допускать в прессе «классовой нетерпимости» и не позволять пропагандировать «коммунизм и весь негатив с ним связанный».

Предвыборная кампания дала новый и богатый материал для того, чтобы понять, что такое «свобода печати по-русски». Ельцин запрещал кандидатам в своих выступлениях «мотать президента и Конституцию», а Шумейко требовал отменить регистрацию блоков, несогласных с конституционным проектом; эфир заполнили пропагандистские видеоклипы правительственных сил. Но после апрельского референдума это было уже повторением пройденного.

Пресса сопротивлялась. Новый опыт цензуры и противостояния — это как раз то, чего не хватало российским журналистам, чтобы почувствовать уверенность в себе. Дарованная начальством «перестроечная гласность» не пошла впрок. После первой отмены цензуры газеты заполнились дешевыми сенсациями, низкопробной эротикой, леденящими душу криминальными историями и заказными разоблачениями проклятого прошлого. Ни заказная критика, ни тупое повторение новых официальных лозунгов не завоевали прессе авторитета в обществе. Тираж газет в течение 1992–93 гг. катастрофически падал не только из-за роста цен. В стране закипало раздражение против журналистов, по указке властей обрушивших на голову обывателя очередную порцию «чернухи», доказывавших людям, что их образ жизни и они сами ничего не стоят. Вторая отмена цензуры значила несравненно больше. Люди понемногу осознавали, что такое свобода печати.

В дни октябрьского переворота 1993 г. казалось, что журналисты обрели гражданское достоинство. Создавалось впечатление, что на место «гласности» приходит настоящая свобода слова — завоеванная и выстраданная. Увы, все было не так просто. События 1993 г. показали лишь наличие среди журналистского сообщества корпоративной солидарности. До гражданской ответственности было еще очень далеко.

Глава 5

Лица власти

Вряд ли представители политической элиты «новой России» могут сами по себе быть интересны для кого-либо, кроме следователей прокуратуры и са-тириков. Портретная галерея получилась бы довольно разнообразной, включая в себя и бизнесмена Березовского, снабжающего террористов мобильными телефонами, и генерала Грачева, обещающего президенту в качестве новогоднего подарка взять город Грозный, и московского мэра Лужкова, реконструирующего столичный зоопарк в угоду своей маленькой дочке (одновременно в центре столицы выкапывалась огромных размеров яма, куда буквально зарыли миллионы долларов из городского бюджета и международных займов).

И все же есть четыре фигуры, заслуживающие особого внимания: «народный президент» Ельцин, «идеолог реформ» Гавриил Попов, популярный среди журналистов патентованный «оппозиционер» Владимир Вольфович Жириновский и «образцовый губернатор» Дмитрий Аяцков.

У каждого из них своя роль в общем сценарии, свой «участок» в негласном разделении труда. И каждый оставит собственный след в истории. Ельцина нельзя обойти вниманием уже потому, что в централизованном государстве личность правителя, даже самая ничтожная, играет огромную роль. Жириновского журналисты явно прочили в преемники Ельцину. А Попов выделяется хотя бы тем, что он, добровольно согласившись уйти в отставку, показал пример самому Ельцину. Историки будут долго обсуждать масштабы ущерба, нанесенного деятельностью профессора Попова. Экономисты, занимающиеся городским хозяйством Москвы, смогут более точно подсчитать сумму убытков. Но вряд ли кто-то из них может отрицать то, что именно Попов оказался наиболее выдающейся фигурой криминально-опереточного режима 90-х гг.

Что же касается Аяцкова, то это великолепный экземпляр, представляющий новые региональные элиты. Как известно, в прессе распространено мнение о том, что в новой России именно регионам и их лидерам предстоит играть решающую роль. Глядя на Аяцкова, можно неплохо представить себе эту категорию политиков.

Гавриил Попов: портрет на фоне руин

Этот человек войдет в историю Москвы навечно. Сколько уже было в столице градоначальников, председателей городской думы или руководителей Моссовета, а никто, кроме историков-краеведов, не вспомнит их имена. За исключением, разумеется, Хрущева и Кагановича. Эти-то оставили по себе память — они разрушили десятки монастырей, изуродовали исторические кварталы, превратили Тверскую улицу в помпезный проспект, где уцелевшие

старые здания теряются среди тяжеловесных сооружений, воплощающих в себе тоталитарные представления о прекрасном.

Тысячи чиновников, как и десятки московских градоправителей, занимавшихся своим делом до и после большевистской революции, по мере своих сил пытались решать проблемы растущей столицы, скромно воровали и умеренно брали взятки, строго соблюдая субординацию и точно зная, сколько кому «по чину положено». А город строился, рос, сохранял свой облик, выдержал нашествия татар, поляков, французов, пережил войны и революции. Не без потерь, но все же выдержала Москва и сталинско-хрущевско-кагановичевскую реконструкцию.

Теперь ей пришлось столкнуться с новой напастью.

В отличие от своих предшественников, Гавриил Попов может не бояться забвения. Во всяком случае место в одном ряду с Кагановичем ему обеспечено. В жизни миллионов москвичей Гавриил Харитонович впервые возник летом 1989 г. во время первого съезда народных депутатов СССР. Поднимаясь на трибуну, депутат Попов тихим, ласковым голосом говорил замечательно верные слова, доказывая, что эффективная экономика — лучше неэффективной, что в процветающем обществе гражданам жить лучше, нежели в бедном и отсталом, что демократические процедуры надо соблюдать. На фоне пафосных разоблачителей первого съезда Попов выглядел сдержанным и умеренным, а главное компетентным. Разумеется, он не сообщал нам, как достичь процветания и обеспечить экономическую эффективность, не уточнял, как он понимает демократию. Но по всему его виду, по его спокойному отеческому тону было понятно: он-то знает!

На съезд Попов был избран не народным голосованием. Он появился там в качестве депутата «от общественной организации». Вообще из видных демократов лишь немногие прошли по территориальным избирательным округам. Попов предпochел надежное и спокойное избрание через Академию наук, хотя сами же демократические деятели, включая Попова, совершенно справедливо заявляли, что прямое избрание «депутатов от общественных организаций» — антидемократично. Имелись в виду, правда, представители КПСС, на которых пришлась львиная доля «дополнительных» мест на съезде.

Либеральная интеллигенция, фактически получившая свою гарантированную квоту на съезде через Академию наук, точно знала кого выбирать. Физики, химики, математики дружно голосовали за экономистов, имена которых они привыкли видеть на страницах «Литературной газеты», «Московских новостей», «Нового мира» и, иногда, популярных изданий типа «Наука и жизнь». Имена диссидентов ничего никому не говорили, кроме, разумеется, имени Сахарова. Профессиональные заслуги тех или иных экономистов и социологов никого не интересовали. «Московским новостям» поручено было стать рупором нового либерализма, и они исправно выполняли эту роль, создавая репутацию будущим политическим лидерам.

У «Московских новостей», конечно, тоже были свои просчеты. Например, сразу после устранения Ельцина с поста первого секретаря московского горкома КПСС газета опубликовала программную статью Попова, где Ельцин был назван «авангардистом», мешающим перестройке. Эту тему Попов развивал и на страницах других изданий, причем «авангардизм» Ельцина сравнивался

с троцкизмом и оценивался как новая опасность, равнозначная консерватизму. Надо полагать, что будущему президенту России это не понравилось. Но подобные оплошности не могли серьезно помешать политической карьере Попова. Люди, воспитанные тоталитарной системой, не очень привыкли запоминать содержание газетных статей. Для нас куда важнее кто сказал, нежели — что сказано. Не важно, что написанное вчера противоречит сказанному сегодня: главное, чтобы лицо и имя почасе мелькали перед публикой.

У профессионалов-экономистов, знавших Гавриила Харитоновича многие годы, к нему был свой счет. Они хорошо помнили тесное сотрудничество Попова с аппаратом брежневского ЦК КПСС, его участие в подготовке документов к партийным съездам. Когда Попов занял пост декана экономического факультета Московского университета, вокруг него с неизбежностью регулярно происходили финансовые скандалы. Перечень этих скандалов вместе со списком «блатных» аспирантов из лучших партийно-правительственных семей впоследствии опубликовала неославянофильская «Литературная Россия». Депутаты новоизбранного демократического Моссовета все как один прочитали газету и, разумеется, не поверили: кто же станет верить врагам демократии!

Какие бы скандалы ни происходили вокруг Попова, он неизменно выходил сухим из воды. Самое худшее, что ему пришлось испытать, это допрос, с которого он ушел, как и пришел, свидетелем (хотя, по мнению следователя, мог бы оказаться обвиняемым). Остается только гадать, что выручало Гавриила Харитоновича: связи в ЦК, собственная изворотливость или просто счастливая звезда. Во время антикоррупционных кампаний можно было угодить за решетку очень легко, даже не совершив серьезного преступления: достаточно было попасться на финансовых нарушениях. Такие нарушения были у любого руководителя. Не могло не быть их и у Попова. Но, как говорится, не пойман — не вор.

Впрочем, коллег профессора Попова больше волновали скандалы иного рода. Во времена, когда западные книги на русский почти не переводились, Гавриил Харитонович выпускал одну за другой работы по теории управления. Наряду с традиционными пассажами о преимуществах марксистско-ленинской методологии специалисты обнаруживали там целые абзацы, которые они раньше уже где-то видели. А именно — в книгах западных исследователей, не переведенных на русский язык.

Когда провозгласили рынок, Гавриил Харитонович по должности стал главным рыночником. Не без удовлетворения я прочитал в «ЭКО» его статью, подробно пересказывавшую взгляды знаменитого чехословацкого ревизиониста Ота Шика. Книга Шика «План и рынок при социализме», изданная в Праге в 1967 г. на английском и чешском языках, есть в Библиотеке иностранной литературы, в ИНИОНе, в «Ленинке» и, наверняка, еще в дюжине других мест. Всякий желающий может сопоставить оригинал с пересказом Попова и убедиться, что совпадает все, вплоть до формулировок. Кроме одного: ни на страницах «ЭКО», ни в других статьях Попова Шик упомянут не был. По поводу публикаций Гавриила Харитоновича возникла даже интересная научная дискуссия. Одни говорили, что это плагиат, а другие им возражали, напоминая, что имя Шика все равно упоминать нельзя. Следовательно, Попов не украл идеи Шика, а просто «ввел их в научный обиход».

Справедливости ради надо сказать, что увлечение Шиком и ревизионизмом у Попова продолжалось недолго. Скоро ревизионизм повторно осудили (теперь уже как разновидность марксизма) и провозгласили либерализм, а Гавриил Харитонович со свойственным ему стремлением быть «немного впереди прогресса» стал ярым либералом. Правда, в бытность свою председателем Моссовета он несколько раз по-привычке назвал себя социалистом, но быстро исправился и обрушился на тех, кто выступает «против капитализма и рынка». Позднее, когда снова пошла мода на социал-демократию, Попов стал социал-демократом и даже возглавил список на выборах в Государственную Думу. Этот список в 1995 г. умудрился голосов получить меньше, чем подписей, необходимых для регистрации.

Когда осенью 1989 г. стало известно, что Попов собирается баллотироваться в Моссовет, коллеги Гавриила Харитоновича знали, что город ждут трудные времена. Но к одним не прислушивались, другие не решались говорить, третьих это попросту не волновало.

На весенних выборах 1990 г. в Моссовет «Демократическая Россия» одержала триумфальную победу. Позднее сторонники Попова пеняли недовольным депутатам, что ни один из них не был бы избран, если бы не листовки с подписью Гавриила Харитоновича. На самом деле попасть в Моссовет той достопамятной весной ничего не стоило. Избирательная кампания обходилась победившему кандидату в 150–180 рублей (меньше одной тогдашней средне-месячной зарплаты). Главное было ругать коммунистов и напоминать о своей беспартийности (для партийных достаточно было обещать выйти из КПСС в ближайшем будущем). Сам Попов был избран в Моссовет с трудом, при очень незначительном преимуществе. Но все же был избран и в соответствии с номенклатурными правилами оказался наиболее реальным кандидатом в градоправители. Демократический соперник Попова Сергей Станкевич «не вышел» по возрасту, о чем ему дали знать в руководстве «ДемРоссии». Станкевич, имевший преимущественные шансы на избрание, удовлетворился постом заместителя, чем поставил на своем будущем как самостоятельного политика жирный и издало видный крест. Смирившись с работой на вторых ролях, Станкевич, видимо, утешался открывшимися перед ним финансовыми возможностями. Но и здесь ему не повезло — он оказался одним из немногих чиновников, которого решились отдать под суд за взятки. Правда, осудить его не удалось. Станкевич бежал в Польшу и объявил себя политическим эмигрантом, борцом за идею...

Программа Попова в качестве кандидата на пост председателя была проста и понятна. Он напомнил депутатам, что у Москвы много проблем и обещал приложить все силы, чтобы эти проблемы решить. Как — не сказал. Зато сказал, что теперь депутаты, даже не находящиеся на работе в Совете, будут получать пособие по сто рублей на человека. Это обещание он сдержал, а последующее руководство Совета тоже исправно заботилось о депутатах, регулярно повышая пособие в соответствии с уровнем инфляции. Принцип индексации у нас неукоснительно проводится в жизнь.

Демократы, голосовавшие за Попова, знали о нем не больше, нежели их избиратели. Депутаты-коммунисты знали Гавриила Харитоновича лучше... и именно поэтому многие из них, судя по результатам тайного

голосования, Попова поддержали. Иначе трудно объяснить, почему их собственный кандидат товарищ Брячихин получил значительно меньше «положенной» ему (исходя из численности коммунистической группы) четверти голосов. Сам Брячихин после этого не впал в депрессию и не озлобился. Пережив разгон Компартии, он стал работать в администрации Москвы префектом. Назначил его, конечно, Гавриил Попов. Брячихин приватизировал собственность, вывешивал по праздникам трехцветные флаги, боролся с районными Советами, короче, делал все, что и полагается делать добросовестному администратору-демократу. Старая бюрократия вообще обойдена не была. Ветеран московской администрации Юрий Лужков стал вторым человеком в городе вместе с целой командой опытных начальников, освободившихся от пут старого режима.

Все ограничения ушли в прошлое.

Коррупция в столице была всегда. Но то, что произошло в Москве после прихода Попова к власти, как говорится, «ни в сказке сказать, ни пером описать». Старые патриархальные порядки рухнули. Брать стали кто сколько сможет и кто за что сумеет. Западные журналисты жаловались, что в Моссовете мздоимством стали увлекаться даже в пресс-центре, требуя по 200 долларов за письменное интервью с отцами города. Но Гавриил Харитонович не был бы выдающимся экономистом, если бы не попытался возвести все это в систему. Беседуя с корреспондентом газеты «Аргументы и факты», он вполне серьезно обсуждал вопрос о том, можно ли ввести в столице «тарифы за услуги, чтобы люди не мучились, кому сколько давать в лапу». И в самом деле, рассуждал градоначальник, «может быть это было бы правильно. Это была бы уже иная, более культурная система. Я всегда нервничаю, когда не знаю, кому сколько надо дать, хотя хочется за что-то отблагодарить человека. А по тарифам было бы просто: скажем, 10–20 % от стоимости сделки. В Америке так и говорят: 15 % к счету. И все довольны друг другом. Можно ли это назвать коррупцией? Можно. Но можно и дополнительной оплатой хороших услуг»¹⁾.

Москвичи очень быстро смогли по достоинству оценить экономические таланты своего правителя. Жилищная программа свертывалась, зато возникли многочисленные смешанные предприятия, получающие под застройку земельные участки по смехотворным ценам. Приватизация сопровождалась скандалами, каждый из которых достоин особой повести. Достаточно вспомнить великолепную практику оценки приватизируемой собственности по остаточной стоимости в старых ценах. Классический пример — гостиница «Центральная», где второй корпус оценили летом 1992 г. в 213 тыс. рублей (по словам некоего американского бизнесмена, одни люстры в этом здании стоили дороже).

Толкучки захватили лучшие улицы города. Гавриил Попов размышлял над поистине наполеоновским проектом превратить в толкучку стадион имени Ленина. Самый большой стадион в Европе, самая крупная толкучка в мире. Решение было принято, но, увы, этому плану не суждено было увенчаться успехом: москвичи предпочитали торговать поближе к центру.

Здания рушились, город приходил в упадок. На центральных улицах открылись роскошные магазины лучших западных фирм, жилые кварталы на окраинах все больше напоминали трущобы Гарлема. Гавриил Попов мечтал сделать

¹⁾ Аргументы и факты. 1992. № 14. С. 1.

Москву похожей на Нью-Йорк и добился своего. Недоставало только расовых волнений — по очень простой причине: наши бедняки все сплошь белые. Но волнения все же случились. Сначала пропадали сигареты и возбужденные курильщики громили табачные ларьки. Потом социальный гнев обрушился на кавказцев (никто, естественно, не вспоминал, что в отличие от южных бизнесменов, сверкающих золотыми зубами на рынках, рядовой бакинец живет еще хуже среднего москвича).

Попов требовал дополнительных прав, добивался разрешения повысить цены в родном городе раньше, чем во всей стране, а не добившись этого — грозил отставкой. Чем хуже шли дела в столице, тем чаще появлялся градоправитель перед нами на экране телевизора, ласково уговаривая москвичей потерпеть и убедительно доказывая, что во всех наших бедах виновато проклятое коммунистическое прошлое. С пережитками коммунизма в виде дешевого жилья, бесплатного образования и медицины, общедоступных детских садов и т. п. Попов действительно очень успешно боролся.

Депутаты Моссовета, избравшие Гавриила Харитоновича княжить в столице, почувствовали, что совершили оплошность. Совет начал протестовать, а потом и бороться за снятие Попова. Увы, одно дело назначить, другое — снять. Лишь очень немногие (и исключительно невезучие) политики в бывшем СССР были отстранены от занимаемой должности демократическим или конституционным путем. А главное, ни один государственный муж не действовал через два года в рамках тех полномочий, с которыми был первоначально избран. Зачем же винить Гавриила Харитоновича, который в ответ на попытки Моссовета снять его со своего поста сначала потребовал Моссовет разогнать, а затем придумал пост мэра, избираемого всеобщим голосованием жителей.

Ко всеобщему голосованию, впрочем, Попов относился без особого восторга. Еще летом 1990 г. он опубликовал в “The New York Review of Books” большую статью, где доказывал, что Россия до демократии не доросла, а выборы могут быть использованы различными популистами и демагогами, стремящимися помешать строительству капитализма. Но зная цену и выборам, и избирателям, Попов в конечном счете предпочел новые выборы разгону Моссовета. Мэр от Совета не зависит, а потому можно было обойтись и без расправы с непокорными депутатами. Реформа власти отстраняла Совет от управления, не отменяя его официально. Выборы провели быстро, не дожидаясь даже закона о Москве и поправок в Конституцию России, не определив толком полномочия мэра. Главным было не допустить реального соперничества других политических сил (не для этого же выборы назначают!). Две недели на избирательную кампанию, масса роготок для независимых кандидатов, хорошая пропагандистская работа государственного телевидения и «независимой» прессы, живущей на субсидии городского и российского правительства — вот магический рецепт, с помощью которого можно выиграть любые выборы.

Москва получила мэра, Попов — чрезвычайные полномочия. Эти полномочия регулярно расширялись и дополнялись новыми. Чем больше было у власти имущих чрезвычайных полномочий, тем хуже шли дела. Чем хуже шли дела, тем больше необходимо было прав и полномочий чиновникам. Так мы и жили.

К чести Попова надо сказать, что ему это надоело первым. Не оппозиция добилась отставки мэра, не бунт голодных горожан вынудил отца города уйти в отставку. Кто-то требовал его ухода, кто-то собирал подписи, кто-то устраивал демонстрации под окнами мэрии и Моссовета, но разве все это имело хоть какое-то реальное значение?

Попов мог и дальше сидеть в своем уютном кресле и рассказывать по секрету специально отобранным тележурналистам, что он взяток не берет. Просто ему стало скучно. Устав от чрезвычайных полномочий, Гавриил Харитонович написал прошение об отставке и уехал на конференцию в Стамбул. Президент Ельцин отставку принял, а избранного никем Лужкова назначил мэром. Надо сказать, что определенный порядок в столице Лужков навел. Невозможно утверждать, что коррупция при нем стала меньше, но по крайней мере городские структуры заработали.

Отчета о своей деятельности на посту мэра Попов ни Моссовету, ни москвичам не предоставил. Спустя несколько месяцев после отставки он опубликовал на страницах «Известий» невообразимо длинный труд, где подытожил свои политические успехи. Читатель узнал, что в целом все идет хорошо, страна развивается в правильном направлении, руководимая нерушимым блоком демократов и аппаратчиков. Подобный блок, по мнению Попова, абсолютно необходим для успеха рыночных реформ и стабильности. Правда, в нем существует и свое разделение труда: аппаратчики проводят реформы, а демократы... что же еще им делать? Борются за демократию. Отдав должное политической мудрости Ельцина, в тяжелейших условиях ведущего Россию к сияющим вершинам капитализма, Попов дал понять проницательному читателю, что главным мудрецом, стратегом и политическим мыслителем в нынешнем руководстве России является все-таки он — Гавриил Попов. Что, на мой взгляд, чистая правда.

Вот, казалось бы, и вся история.

Человеку, сумевшему дочитать бесконечные размышления Попова до конца, остается лишь задуматься над тем, кому вообще были выгодны реформы, если блок аппарата и «демократов» есть наилучший способ их реализации. А главное кому, в рамках этого блока, служат «победившие» демократы, и почему бывшим партийным боссам так понадобилась приватизация?

Ответы на все эти вопросы у Гавриила Попова были. Но, как и подобает истинному мудрецу, он предпочитал держать их про себя, чтобы не портить нам настроение. Аппаратчики становятся собственниками, старые хозяева — новыми хозяевами. Теперь у них больше прав и, несмотря на крики о демократии, больше реальной власти. Ради этого делались реформы, во имя этого проливалась и будет дальше литься кровь в стране. И все идет по плану.

Осуждать Гавриила Попова не за что. Да, он воспользовался доверчивостью москвичей и некомпетентностью депутатов. Но кто заставлял москвичей быть столь доверчивыми? Кто мешал депутатам прислушаться к трезвым голосам? Кто принуждал москвичей доверять заведомо демагогическим обещаниям? С чего, собственно говоря, они взяли, что от введения капитализма — даже под мудрым руководством Попова и Ельцина — положение могло улучшиться? А если поверили в это — получили именно то, чего заслуживали.

«Народный президент»

За тысячелетнюю историю России мало кто из ее правителей умудрился в столь короткий срок нанести стране такой ущерб, как Борис Ельцин. И все же, как бы ни протестовала оппозиция, как бы ни обострялся кризис, он постоянно выходил сухим из воды. Ельцин, иронически прозванный «гарантом нестабильности», продолжал торжественно вести страну от поражения к поражению.

Трудно представить себе политика, который бы на каждом шагу делал такое количество нелепых ошибок, как Ельцин. Любая из этих ошибок могла в другом обществе и при иных обстоятельствах стоить ему карьеры. Еще в бытность свою первым секретарем обкома Коммунистической партии в Свердловске Ельцин вызвал неудовольствие престарелого Брежнева, перестаравшись в выражении преданности. К 75-летию юбилею он преподнес Генеральному Секретарю золотой портсигар, от которого тот отказался. По тогдашним меркам — позор, скандал, но Ельцину сошло. Потом были постоянные провалы, когда Ельцин с подачи Горбачева возглавил партийную организацию столицы. За этим следовало позорное покаяние на Пленуме ЦК КПСС, отстранившем Ельцина от занимаемого поста, а после того совсем уже невообразимое: прыжок с моста в мешке и знаменитая речь в Соединенных Штатах, которую «отец русской демократии» не мог толком произнести, ибо язык у него заплетался, да и на ногах он едва стоял. Уже в бытность Ельцина президентом произошел еще более громкий международный скандал, когда руководитель России не смог выйти из самолета для встречи с премьер-министром Ирландии. По заявлению охраны — проспал. Никто, разумеется, не поверил. Позднее, когда уже отставленный шеф охраны генерал Коржаков рассказал про слишком большое количество вина, выпитого в самолете, никто не удивился²⁾.

Олег Давыдов на страницах «Независимой газеты» даже обнаружил своеобразный «феномен Ельцина», выразившейся в поразительной способности этого деятеля выпутываться из им же созданных неприятностей. Ельцин в своих воспоминаниях с восторгом рассказывал, как еще в детстве завел друзей куда-то в тайгу, где все они чуть не погибли, как он потом интереса ради бил чем-то тяжелым по случайно обнаруженной ручной гранате. Граната, естественно, взорвалась, но юный Борис Николаевич вновь уцелел, хотя потерял два пальца.

Автобиография Ельцина, написанная в 1989 г., дает немало поводов для размышлений. Как и «Целина» Брежнева или воспоминания других советских деятелей, ельцинская «Исповедь на заданную тему» исключительно «эпична». В ней нет ничего, кроме равномерного и спокойного повествования о подвигах и победах, испытаниях и назначениях. Временами текст похож на отчет о проделанной работе: «у нас проходили открытые бюро и закрытые», «я встречался с активом, с различными специалистами, с рабочими, колхозниками, сельскими жителями», «разработали мы программы по главным направлениям — серьезные, глубокие, проработанные», «постоянно пытался придумывать какие-то встречи, ярмарки, мероприятия, праздники, чтобы жители ошущали

²⁾ См.: Коржаков А. Борис Ельцин от рассвета до заката. М., 1997.

свое единение с городом, чтобы у людей все время возникало чувство гордости за свой родной Свердловск, Нижний Тагил, другие города области»³⁾. И так страница за страницей. Жаль только, мы так и не узнаем, стало ли от всех этих решений и программ людям в Свердловске и Москве жить лучше. Но это не важно, ибо значимо здесь лишь то, на что направлены в настоящий момент усилия героя. Если нужно встречаться с массами, он побивает все рекорды по количеству человеко-встреч. Если нужно создавать шахматный клуб — строится роскошное здание, организуется торжественное открытие (про то, хорошо ли там учили — ни слова, это уже вне сферы интересов героя).

Отчасти эпичность текста объясняется тем, что Ельцин, как и Брежнев до него, сам своей книги не писал, а лишь давал указания «литературным сотрудникам». Потому и текст обезличивался, а его собственные переживания и воспоминания, даже самые индивидуальные, как-то «объективизировались». И все же автобиографии Брежнева и Ельцина по-своему раскрывают нам облик этих людей.

Как и подобает в эпосе, наш герой всегда прав. Он чужд сомнений, самоиронии, рефлексии. А потому для него нет и таких понятий, как «выбор», «альтернативы», «варианты». Понятия «цели» тоже нет. Есть только множество мелких и крупных задач, кем-то поставленных или как бы «объективно данных». Он вроде как плывет по течению — от одного поста к другому, от события к событию. Все это не связано ни общими причинами, ни едиными закономерностями. Есть лишь последовательность событий. И все они равноценны — будь то школьная драка «стенка на стенку» или назначение Ельцина руководителем Свердловской области.

Герой всегда исходит из данного. Заголовок книги не случаен. В «Исповеди на заданную тему» он все еще строит социализм вместе с советскими людьми. Спустя год после выхода «Исповеди» в свет он уже будет строить капитализм. Про это он напишет новую книгу — «Записки Президента». Но всегда и во всем он остается заурядным партийным чиновником с типичными для этого слоя понятиями.

Даже про самые важные жизненные повороты рассказывает он словами из бюрократического отчета. Вот, например, как в жизнь нашего героя впервые вошел Михаил Горбачев, в то время руководитель ставропольской парторганизации: «Познакомились мы сначала по телефону, перезванивались. Нередко нужно было в чем-то помочь друг другу: с Урала — металл, лес, со Ставрополя — продукты питания. Сверх фондов он обычно ничего не давал, но по структуре «птица-мясо» помогал»⁴⁾.

При всем том внимательный читатель может обнаружить, что в книге как бы два Ельцина. Один — бесшабашный и бестолковый парень, склонный к бессмысленным авантюрам, «тридцать три несчастья», человек, с которым все время случаются какие-то нелепые и жуткие истории, но очень везучий, постоянно выпутывающийся из неприятностей. Другой — функционер, начальник, партийный деятель.

Первый гораздо привлекательнее второго. О его приключениях нельзя читать без содрогания.

³⁾ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 30.

⁴⁾ Там же. С. 33.

Для начала пьяный священник во время крещения забыл будущего президента в купели и чуть не утопил. В последний момент младенца вытащили, кое-как откачали. «Кстати, батюшка сильно не расстроился»⁵⁾. Нарек новорожденного Борисом и отпустил в мир.

В школе молодой Борис Николаевич развлекался, втыкая патефонные иголки в стул учительницы. «Учительница садилась, раздавался крик». Естественно, за подобными шалостями следовали соответствующие наказания, но школу будущий президент все же закончил и даже поступил в институт. Студентом поехал по стране. И тут же часы и всю одежду проиграл в карты уголовникам, с которыми ехал на крыше поезда. Раздев студента до трусов, его попутчики предложили сыграть еще раз: на его жизнь. Он опять сыграл — и выиграл. «После этой игры они меня больше уже не трогали, а даже зауважали»⁶⁾.

Когда учеба кончилась и начались трудовые будни, несчастья продолжались. Несколько раз молодой Ельцин вместе с тачкой летел вниз с лесов — «метра три», но почему-то всегда оставался цел. Другой раз мотор его грузовика заглох прямо на железнодорожном переезде. А потом будущий президент, работая машинистом на башенном кране, отправился домой, забыв закрепить его на рельсах. Ночью, естественно, разразилась настоящая буря, кран поехал. «Конечно, грохнулся бы он капитально», — объясняет Ельцин с некоторым даже удовлетворением. Выскочив из дому в одних трусах, будущий лидер России умудрился залезть в кабину и остановить кран в последнюю минуту — на самом краю рельсов.

Став крупным начальником по строительной части, наш герой не перестает попадать впросак: «Когда камвольный комбинат сдавали, вдруг, практически за сутки, выяснилось, что опять-таки из-за разгильдяйства, халатности не построили метров 50 подземного перехода из одного цеха в другой. Невероятно, но факт. На этот переход существовал отдельный чертеж, ну а он затерялся»⁷⁾. На том же камвольном комбинате, «когда все сдали и оборудование начало работать, корпус вдруг стал шататься, и вся эта металлическая машина с железобетонными плитами перекрытий начала ходить»⁸⁾. Так вот и строили.

Все эти и многие другие, не менее поучительные истории Ельцин сам рассказывает в автобиографии. Похоже, они играют в ней роль своеобразного советского аналога геракловых подвигов. Чем больше таких свершений, тем сильнее интерес и уважение читателя. И не важно, что по меньшей мере половина неприятностей, сыплющихся на голову молодого Бориса Николаевича, случается по его собственной вине. Вопрос о причинах и следствиях, как уже говорилось, вообще лежит за пределами эпического повествования. Победа — вот что является главным.

Но уже на первых страницах «Исповеди» перед нами возникает и другой Ельцин: безликий функционер, самодур-начальник, аппаратный хам, великолепно уживающийся с другими такими же самодурами и хамами. Отношения

⁵⁾ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 13.

⁶⁾ Там же. С. 18.

⁷⁾ Там же. С. 26.

⁸⁾ Там же. С. 23.

с руководителями и подчиненными просты и понятны. Вот, скажем, вызывает к себе Ельцина начальник, «начинает ругать последними словами: такой-рас-сякой, что-нибудь не так, хватается за стул, ну и я тоже, идем друг на друга. Я говорю: "Имейте в виду, если вы сделаете хоть малейшее движение, у меня реакция быстрее — я все равно ударю первый". Вот такие были отношения»⁹⁾.

Строитель Ельцин и работникам партийного аппарата мог нагрубить. Но тем не менее все время рос в должности и ни капельки не удивился, когда его назначили секретарем Свердловского обкома партии, а затем сделали руководителем всей области. И правильно сделал, что не удивился. Чем-чем, а жертвой системы Борис Николаевич никогда не был. Напротив, таких система всегда выделяла и поднимала. Ведь самодурство и упрямство нашего героя прекрасно уживались в нем с самым заурядным конформизмом.

Молодость Ельцина приходится на времена оттепели. Студенческие годы — на первые выступления диссидентов, несанкционированные собрания на площади Маяковского, острые дебаты о будущем социализма, скандальные публикации в «Новом мире». Всего этого наш герой просто не заметил. Даже задним числом, когда писалась автобиография. Не тем был занят. Да и вообще, ничто в тексте «Исповеди» не говорит о том, что будущий президент испытывал интерес к политике. Он жил так же, как миллионы других людей, для которых существовавшие порядки были единственно возможными и столь же естественными, как климат, смена времен года, чередование дня и ночи.

Система любила тихих конформистов, не задававших лишних вопросов. Но одновременно тщательно выращивался и поощрялся другой тип — конформиста агрессивного, напористого, самоуверенного. Первые жили по принципу «ты начальник — я дурак». Другие гордо и сразу заявляли: «я начальник — ты дурак». И были правы.

Именно сочетание напористости, агрессивности и упрямства с конформизмом считалось во времена Брежнева «активной жизненной позицией». Таких людей ценили, продвигали: в условиях застоя и полного отсутствия новых идей в руководстве они должны были придавать системе хоть какой-то динамизм. Большинство подобных деятелей в 80-е гг. стали «прорабами» перестройки. А в 70-е они просто успешно делали карьеру под поощрительные возгласы старших товарищей. Борис Ельцин был одним из них. Он в полной мере обладал всеми качествами, которые гарантировали успех. И он не упустил своего шанса.

Качества, которые помогли Ельцину выдвинуться в первые ряды партийной элиты, продолжали работать на него и тогда, когда в стране началась борьба за власть, а часть окружения Горбачева стала судорожно искать «запасной вариант» на случай, если ситуация выйдет из под контроля. Любые скандалы только способствовали популярности Ельцина. Для множества людей в России не было большой беды в том, что политический лидер злоупотребляет спиртным. Разговоры о «ядерной кнопке», каковую якобы нельзя доверять человеку в нетрезвом состоянии, на Руси никого не пугали. Рядовой гражданин видел в Ельцине «настоящего мужика», который и страной собирается управлять просто, по-мужички. На этом фоне гораздо более респектабельный Горбачев

⁹⁾ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 24.

скорее проигрывал, тем более, что либеральные интеллектуалы, казалось бы способные оценить его «европейский стиль», приходили в восторг именно от «мужицкой простоты» и «народности» Ельцина.

Трудно сказать, сознавал ли Горбачев, когда вводил пост президента СССР, что он создаст качественно новую психологическую ситуацию для сотен бюрократических карьеристов. Но, так или иначе, путь Ельцину к вершинам власти он открыл именно в этот момент. Раньше в России власть принадлежала организациям, институтам, учреждениям. Даже русский царизм был прежде всего государственным институтом. Не самодержец захватывал трон, а система гарантировала права самодержцев. Царей, выходивших из под контроля, просто убивали: не случайно в XIX веке шутили, что русское самодержавие ограничено постоянной возможностью государственного переворота. В свою очередь русские перевороты, в отличие от западных, не меняли систему, а стабилизировали ее. Когда же шапка Мономаха сама становилась призом в политической игре, когда власть можно было взять минуя институты, в России начиналась смута.

Коммунистическая партия была прежде всего системой институтов. Она требовала от своих карьеристов только одного: лояльности к организации. В этом смысле продвижение к вершинам власти в «коммунистической» системе шло по тем же законам, что и в западных демократиях. Человек должен верно служить организации, а уж организация должна обеспечить ему вознаграждение в виде парламентского мандата, министерского поста, просторного кабинета. Разница лишь в том, что успешная работа на организацию в Советском Союзе сводилась в 70-е гг. к принятию рутинных решений и повторению ритуальных формул, в то время как на Западе от политика требовалось нечто большее.

Создав в Советском Союзе пост президента, пообещав всенародные выборы самого главного начальника, Горбачев разорвал связь между верностью организации и успешной политической карьерой. Отныне привлекательная внешность и способность к демагогической болтовне значила больше, нежели годы верного служения партии. Борьба за власть свелась к захвату поста главного начальника. Тот, кто не мог стать президентом СССР, мог стать президентом чего-то еще. Каждый президент освобождался от всякой политической и моральной ответственности перед породившей его организацией (а как выяснилось позднее, и перед избирателями). Но выбирать можно было только из тех, кто уже был если не у власти, то хотя бы при власти. Ибо никого другого в стране не знали, ни у кого не было ресурсов для захвата высших постов.

К этому соревнованию карьеристов Ельцин оказался подготовлен лучше всех. Он пострадал в 1987 г. от Горбачева, несправедливо снявшего его с поста руководителя московской парторганизации. А в России любят пострадавших. Он не имел никаких принципов и вразумительных идей, а потому оказался особенно зависим от экспертов, за которыми стояли международные финансовые учреждения и теневой капитал, набравшие силу при Горбачеве. Умеренный и респектабельный «Горби» уже не годился для тех, кому нужна была сильная и не связанная никакими законами власть. Нужен был «крутой мужик». Даже если этот «крутой мужик» на деле был трусоват и не особенно активен, это было не так уж важно: ведь безвольные люди нередко становятся самыми страшными диктаторами. Короля делает двор.

Ельцин подходил на роль вождя и стремился к ней. Он был нужен и он был свободен. Свободен от остатков номенклатурной этики и чувства ответственности. Он был готов сжигать мосты, поскольку сам толком не понимал, куда и зачем идет. Он хотел власти и получил ее.

В чем заключается секрет Ельцина? Почему, несмотря на развал государства, катастрофу в экономике, политические кризисы, раздражавшиеся не реже, чем раз в два месяца, неразбериху в управлении, президент неизменно получал поддержку по крайней мере трети граждан? Почему стране оказалось так трудно сменить лидера?

Придворные журналисты пытались объяснить успех Ельцина «способностью принимать смелые и неожиданные решения», которая будто бы проявилась в ходе борьбы за власть. Трудно предположить что-либо столь же далекое от истины. Именно страх перед принятием решений всегда отличал Ельцина-политика. Еще перед выборами 1989 г., когда толпы недовольных впервые вышли на улицы столицы, скандируя его имя, Ельцин не вышел к своим поклонникам, не возглавил их, а попросту спрятался. В его офисе никого не было, двери были закрыты, телефоны отключены. На всякий случай бывший партийный лидер столицы не упускал ни одной возможности осудить «экстремистов» в своих предвыборных речах.

Отмалчивался он и в начале августовских событий. Прошло несколько часов, прежде чем он выступил с осуждением «путчистов». Лишь когда ситуация стала совершенно ясна и было видно, что ему ничто не угрожает, Ельцин появился на людях и картинно, стоя на бронетранспортере, начал раздавать ликующему народу свои указы.

В известном смысле страх перед принятием решений всегда был одним из немногих действительных достоинств Ельцина на посту президента. Каждый раз, когда советники предлагали ему очередной проект антиконституционного указа, он начинал колебаться, оттягивал подписание. Сказывалась многолетняя школа аппаратного конформизма: не торопиться с решениями, не брать на себя ответственности. Но времена изменились. Указы становились известны всей Москве, иногда за несколько недель до подписания, и в итоге часто оставались неподписанными. Страх парализовывал его и перед каждой попыткой государственного переворота.

В мировой истории нет другого президента, который бы за два с половиной года (в 1992–93 гг.) совершил три попытки государственного переворота, из них две — неудачно. Лишь поразительной слабостью конституционного порядка и отсутствием элементарного правосознания в обществе можно объяснить, что все это сходило ему с рук. Но не менее показательно, что советники президента, мечтавшие сделать из него русского Пиночета, бесспорно просчитались. Чтобы стать настоящим злодеем, нужен более твердый характер. И на роль Бонапарта свердловский партаппаратчик явно не годился.

Ельцина называли гением разрушения: он развалил Советский Союз, Коммунистическую партию, довел до краха экономику России. Некоторые видели в этом его сильную сторону. Лидер Демократической Партии России Николай Травкин, выступая в парламенте в 1993 г., говорил, что Ельцин великолепно справился с разрушительной работой, но должен уйти в отставку, когда наступит время созидания. Другие исследователи видели в Ельцине человека,

воплотившего в себе ненависть «синего воротничка» к «белому воротничку». Потому все, что разрушало систему управления, все, что противоречило нормальным, общепринятым правилам, воспринималось «на ура». Эта ненависть, писала газета «Контраргументы и факты», доходит «до готовности посадить себе на шею еще и класс собственников, лишь бы напакостить опостылевшим “захребетникам” в лице управленца, инженера, прораба, мастера, не говоря уже о политиках. Вот почему рейтинг Ельцина среди низкоквалифицированных работников становился тем больше, чем меньше этот политик соответствовал облику политика»¹⁰.

Действительно, единство деклассированного «пролетария», коррумпированного чиновника и люмпен-предпринимателя было движущей силой реформ, особенно на первом этапе. Эти силы в общем порыве свели задачу преобразования к захвату и разделу «общенародной собственности». Правда, как всегда, далеко не все получили свой кусок. А точнее — больше всего досталось не тем, кто так мечтал «все поделить», а тем, кто был ближе к месту дележа, то есть опята же начальству.

Сила Ельцина никогда не была в его политике. Сила Ельцина — в слабости гражданского общества, в невероятных предрассудках, распространившихся в «советском народе» за семь десятилетий «строительства коммунизма», в хорошо известной, но все же удивительной бестолковости русского обывателя.

Ельцин — идеальное воплощение самых отвратительных черт русской души, самых позорных черт русского национального характера: безответственности, надежды на «авось», невежества, великолепного национального хамства, соединенного с подлобостраемием по отношению к более сильному, великодержавного самодовольства, смешанного с комплексом неполноценности по отношению к Западу. Короче, всего того, что всегда мешало прогрессу, что несовместимо с европейской культурой и свободой, что всегда препятствовало успешной модернизации страны. На этом держались царизм и тоталитаризм. В течение столетий власть в России использовала, развивала и поощряла пороки народа, чтобы укрепить себя. Правда, сама власть далеко не всегда страдала этими же пороками. Как раз наоборот. Правительству порой удавалось быть «единственным европейцем в России», проявлять динамизм, организованность, ответственность.

На сей раз власть действительно стала народной в худшем смысле этого слова: в ней нет ничего, что выгодно отличало бы ее от массы подданных. Такая власть неспособна провести даже насильственную модернизацию, не может даже установить эффективную диктатуру — она может только разлагаться и усугублять кризис общества.

России избавиться от Ельцина оказалось так же трудно, как человеку избавиться от собственных дурных привычек и пороков, алкоголику отказаться от пьянства. Это можно и нужно сделать. Но как это трудно и болезненно!

Почему более трети граждан страны, придя на референдум в апреле 1993 г., голосовали за Ельцина? И почему даже среди этой трети далеко не все проголосовали за перевыборы парламента? Что руководило их действиями? Вера во «всенародно избранного»? Но почему тогда не поддерживали призыв

¹⁰) Контраргументы и факты, 1994, № 1.

к досрочным выборам? Или людьми руководил страх? Тогда — перед кем? Неужели — перед оппозицией? Нет, людьми владел совсем другой страх, куда более сильный, нежели страх перед националистической диктатурой. Они панически боялись самих себя, боялись необходимости выбора, собственной ответственности за судьбы страны. Они поддержали бы любую власть, которая избавила бы их от необходимости что-то решать и делать самим. Тот же страх перед ответственностью и переменами заставил миллионы людей голосовать за Ельцина в 1996 г.

Пусть ельцинская власть зло, пусть она неэффективна, бессмысленна, разорительна, но для огромной массы жителей России она оказывалась меньшим злом по сравнению со свободой.

Демократические порядки, свободные выборы — это всегда неизвестность и ответственность. Выборы 1991 г. были не страшны: там никаких альтернатив не было, все было известно заранее. Ельцин был единственным реальным кандидатом. Теперь предстояло совсем другое: выбрать одного из нескольких кандидатов с примерно равными шансами, выбрать парламент на многопартийной основе, разобраться в соревновании нескольких политических программ. Надо самому понять, кто прав, осознать собственные интересы, делать не то, что предлагают по телевизору, а то, что подсказывает совесть.

В 1993 г. этот страх перед свободой объединил тех, кто говорил на референдуме «да» с многими из тех, кто сказал президенту «нет» и даже с теми, кто вообще не пошел голосовать. Вопреки прогнозам Хасбулатова, говорившего о «расколе общества», страна вышла из референдума как никогда единой: единой в страхе перед свободой, в нежелании брать на себя ответственность за собственную судьбу. В 1996 то же на президентских выборах объединяло избирателей Ельцина со сторонниками Зюганова.

Режим Ельцина взялся проводить модернизацию России и бороться за торжество западных ценностей, но его режим был вполне традиционным, варварским и даже архаичным. Блок западников-реформаторов с Ельциным и окружавшими его провинциальными бюрократами дал «мальчикам в розовых штанах» то, что они ценили больше всего: власть и поддержку миллионов людей, которые их самих никогда бы не стали даже слушать.

Именно потому либерально-западническая интеллигенция так полюбила Ельцина. Ведь это был их идеал народного лидера: человек, совершенно далекий от всякой цивилизации, но готовый твердой рукой проводить реформы, предложенные ему «цивилизованными» советниками. Нечто вроде прирученного варвара.

Бывший секретарь обкома выполнял указания Международного валютного фонда с тем же рвением, с каким он раньше проводил в Свердловске очередную кампанию. Добросовестно и бестолково, не задумываясь ни о смысле своих действий, ни об их последствиях.

В этом смысле для реформаторской группировки Ельцин оказался незаменим. Если на референдуме весной 1993 г., когда народ спросили, уважает ли он Ельцина, большинство пришедших к урнам все же сказало «да», то в декабре граждане дружно провалили на выборах «Выбор России». Между этими двумя событиями произошло многое: и расстрел парламента, и попытки введения цензуры, и новый виток экономического кризиса. Но ведь в тот самый

день, когда избиратели провалили «Выбор России», они все же проголосовали за конституцию, дающую Ельцину неограниченную власть.

Разумеется, итоги выборов подтасовывались, а голосовало не больше половины граждан. Остальные предпочли в этом фарсе вообще не участвовать. И все же нетрудно увидеть, насколько сильнее было влияние Ельцина, нежели влияние реформаторов. Даже если группа Собянина полностью права в оценке масштабов фальсификации, контраст очевиден: за конституцию голосовало народу в несколько раз больше, чем за Гайдара и других либералов.

Похоже, здесь и была зарыта самая большая собака. Ведь для проведения западнической модернизации «реформаторам» приходилось сделать ставку на самые архаичные стороны русского национального сознания, на самых бесперспективных лидеров в русской политической элите, в том числе и на президента, которому не доверили бы даже должность бургомистра в заштатном европейском городишке.

Вот почему реформы были обречены на провал изначально. Всякий тактический успех оборачивался стратегическим поражением. С помощью Ельцина можно было выигрывать выборы и безнаказанно нарушать закон. Но ввести европейские порядки таким образом было невозможно. Более того, Россия с каждым днем все больше удалялась от Запада. Даже те, кто сознательно и цинично пытался превратить свое отечество в сырьевую колонию «цивилизованного мира», были разочарованы. Для поддержания порядка среди «аборигенов» нужна была хотя бы нормально работающая колониальная администрация. А выходец из свердловского обкома партии не мог подняться даже до уровня английского сагиба времен королевы Виктории¹¹⁾.

Поскольку торжество частной собственности выразилось в серии экспроприаций государственного и частного имущества, укрепление закона — в нарушении Конституции и безграмотных указах, исчислявшихся к 1994 г. уже тысячами, ни о какой стабильности и «необратимости» реформ не приходилось даже думать. Реформаторы панически искали замену Ельцину... и не могли найти ее. А «народный президент», почувствовав неладное, начал понемногу прижимать реформаторов, удаляя их из правительства одного за другим. Но друг без друга они уже не могли обойтись: «модернизаторы» и «дикари», провинциальный чиновник и столичные эксперты оказались намертво привязаны друг к другу.

А страна, между тем, действительно менялась. Прежняя власть лишила народ свободы, но гарантировала безопасность. Новая не дала свободы большинству, но безопасность отныне не была обеспечена никому. А потому гражданам России, хотели они этого или нет, приходилось самим брать на себя ответственность за свою судьбу. В этом многие западные аналитики видели «главное достижение реформы». Ошиблись они только в одном: «надеяться на самого себя» для рядового жителя России значило — сделать все возможное, чтобы положить конец прозападному режиму и его варварским реформам. И если, несмотря на экономический крах, реформы все же продолжались, то лишь потому, что значительная часть населения по привычке надеялась

¹¹⁾ В этом плане очень показательна публикация, появившаяся в декабре 1998 г. в лондонском «The Economist», где прямо предлагалось ввести в России колониальную администрацию во главе с западными представителями.

не на собственную инициативу, а на добрую волю начальства. Тем самым обрекая себя на то, чтобы оставаться материалом в нетвердых руках нетрезвого скульптора. А сам Ельцин, следуя по привычному для себя пути, обрекал страну на все новые кризисы и потрясения.

Еще до переворота 1993 г. на страницах «Независимой газеты» Олег Давыдов опубликовал статью «Вариации на “тему” Ельцина». Анализируя эпизоды, описанные в его автобиографии, Давыдов задавался вопросом: почему президент с таким упоением рассказывает нам всевозможные ужасные случаи, происходившие с ним буквально на каждом шагу? «Трудно сказать, отдает ли Ельцин себе отчет в том, что сквозной “темой” его судьбы является эта тесная связка гибели и чудесного спасения от нее. Но даже если он не отдает себе в этом полного отчета, все-таки эта “тема” маячит где-то близко к поверхности сознания президента (а иначе почему бы она так выпятилась в “Исповеди”, где такую “заданность” политичнее было бы скрыть?). Располагаясь где-то на грани сознательного поведения и бессознательной заданности, “тема” эта так или иначе определяет характер многих событий биографии Ельцина. Это, собственно, то, что называется судьбой. А с некоторых пор эта “тема” определяет не только судьбу Ельцина, но и нашу с вами судьбу, на одном из самых ужасных изгибов которой мы сейчас находимся»¹².

По мнению Давыдова, Ельцин бессознательно или полусознательно на протяжении всей своей жизни воспроизводит одну и ту же ситуацию — сначала сам провоцирует кризис, ставящий и его самого, и всех рядом с ним находящихся, а затем и всю страну на грань катастрофы, потом впадает в прострацию, и, наконец, мобилизовав все свои способности, героическими усилиями спасает себя — и только себя. Другими участниками событий часто приходится жертвовать. Заданную схему Ельцин воспроизводит, разумеется, бессознательно, но тем более неизменно. Действительно, именно по этой схеме развивались события и после знаменитого «указа 1400», и во время чеченской войны 1994–96 гг., и в ходе избирательной кампании 1996 г. Та же схема определяла поведение президента во время кризисов 1998–2000 гг., повторения чеченской войны в 1999 г. Позднее тот же Давыдов назвал это «ельцинской трехходовкой», «президентствующим коловоротом»¹³.

Давыдов связывает формирование бессознательного стремления к кризису с детством будущего президента. После того, как его отец был несправедливо арестован, мать баловала единственного сына, но затем вернулся из лагеря отец, а главным средством воспитания стали побои, прерывавшиеся только спасительным вмешательством матери. В основе поведения Ельцина «лежит элементарный психологический механизм, возникший в детстве после возвращения отца на свободу и представляющий собой наложение друг на друга двух родительских парадигм. Избалованный одинокой матерью мальчик требует к себе внимания, шалит, безобразничает, совершает “ошибки”, а потом приходит папа и больно его сечет (“кризис”). При этом мальчик как бы затаивается, молча (а может быть, даже с благодарностью) принимает удары... Но вот

¹² Независимая газета, 28.04.1993.

¹³ Независимая газета, 3.04.1997; Фигуры и лица — приложение к Независимой газете, сентябрь 1997, № 14. С. 1.

на вершине порки врывается мать, избавляющая от побоев (“спасение”). То есть во взрослом Ельцине, прокручивающем свою фирменную “трекхолодку”, повторяется “первоначальная сцена” столкновения отца и матери из-за сына¹⁴⁾.

Вообще-то психологический тип Ельцина очень советский, он, подобно герою стихов Горького, «ищет бури». Порой он сам становится для своего народа строгим отцом (наследуя Сталину и другим самодержцам), а порой — сам для себя (но не для народа) спасающей и сочувствующей матерью. «Говорят: президент непредсказуем, никому неизвестно, как он поведет себя в следующий момент, что он сделает. Почему же — не известно? Как раз очень хорошо известно! Надо только понимать его характер, видеть, в какой стадии своего трехактного цикла он в данное время пребывает. Если в нем только что закончился цикл, то надо ожидать “ошибки” (в преддверии и в момент совершения которой он обычно бодр и “весел”). Если “ошибка” уже совершена, то вместе с президентом терпеливо ждать “кризиса”, на подходе к которому (и в процессе) президент будет некоторое время тянуть и медлить, накапливая потенциал “тревоги”. И наконец, на исходе “кризиса” начнутся быстрые и решительные действия — собственно стадия “спасения”. Все это абсолютно предсказуемо, а уж из какого материала хозяин будет лепить свои деяния (то есть — что именно сделает), всякий раз можно понять, исходя из текущего контекста»¹⁵⁾.

Отношения президента к своему окружению тоже напоминали семейные. Порой он выступал в роли «любимого сыночка», опекаемого «мамочкой» — в роли «мамочки-защитницы» оказывались почему-то солидные мужики — премьер Черномырдин или генерал Коржаков. А иногда сам начинал опекать «сыночка-любимчика», каковым делался обычно молодой глава правительства — Егор Гайдар, Сергей Кириенко, Сергей Степашин, Владимир Путин. Правда, президент переменил. Роли быстро менялись, а политик, потерявший его расположение, оказывался немедленно и прочно забыт (в лучшем случае).

С легкой руки Олега Давыдова журналисты стали называть окружение президента «семьей». Это определение оказывалось тем более естественным, что после 1996 г. в кремлевской команде стала все больше задавать тон родная дочь президента Татьяна Дьяченко.

Несложно догадаться, что трагическую судьбу России в последнее десятилетие XX века определили не только психологические особенности ее президента. Социальная природа ельцинской администрации такова, что иной политика ее быть не могла. Ельцин лишь идеальный выразитель власти, опирающейся на блок люмпен-буржуазии, компрадорского финансового капитала, олигархов и коррумпированного чиновничества, своеобразную неустойчивую «коалицию клик». Здесь нет стабильных интересов, а потому и любые компромиссы завтра оборачиваются конфликтами, вчерашние друзья делаются злейшими врагами. Социальная дезорганизация общества — условие сохранения такой власти. А потому она сама периодически провоцирует кризисы, позволяющие поддерживать неустойчивый баланс сил.

¹⁴⁾ Фигуры и лица — приложение к Независимой газете, сентябрь 1997, № 14. С. 1.

¹⁵⁾ Независимая газета, 3.04.1997.

И все же трудно отделаться от мысли, что Ельцин сделал всю страну грандиозной ареной для реализации своих комплексов. Что, в общем-то, естественно для любого деспота, для любого государства, где царит система личной власти. Для страны, где воля миллионов подчинена интересам тысяч и прихотям одного.

Уход Ельцина от власти 31 декабря 1999 г. оказался таким же безответственным экспериментом над страной, как и все, что он делал на протяжении своей политической биографии. Президент покинул Кремль в тот самый момент, когда стало очевидным, что даже он со своим удивительным инстинктом власти не может удержать ситуацию под контролем. Ельцин в очередной раз вышел сухим из воды, чего нельзя сказать о России.

Большую часть своего правления Ельцин был сосредоточен на решении одного вопроса — удержании власти. Для этого годилось все, даже чувство унижения, которое страна испытывала в результате его политики. Именно апеллируя к чувству национальной гордости, Ельцин затеял две чеченские войны, лишь усугубившие национальный позор. Последние месяцы своего правления Ельцин пытался сохранить власть уже не для себя, а для своей «семьи». И это ему удалось. Но это была его последняя победа. Ради «семьи» ему пришлось оставить власть, иными словами — совершить самую страшную жертву, на которую подобный человек способен.

Ельцин обладал удивительным, почти животным инстинктом власти. Разум может ошибаться, инстинкт — никогда. А потому, пожертвовав Ельциным, семья лишилась своего самого главного козыря. Уже никто и никогда в России не сможет так органично соединить русское хамство с призывами «вернуться в цивилизованный мир», чиновное самодовольство по отношению к подчиненным с лакейским подобием перед западным начальством, авторитаризм с демократическим популизмом. А главное — сколько бы он ни говорил о «свободном мире», он оставался советским партработником. Именно в этом была его главная сила. Именно это сделало его незаменимым в качестве лидера капиталистической реставрации в России.

Человек становится свободным лишь тогда, когда его начинает тяготить прежнее состояние зависимости. Зависимости от власти, от алкоголя или от пропаганды. Когда ему становится стыдно. Свобода начинается со стыда.

В России за последние десятилетия не принято было стыдиться своего прошлого и тем более настоящего. Ругать прошлое можно сколько угодно. Но это всегда было такое прошлое, за которое мы сегодня как бы уже не в ответе. О покойниках у нас говорят плохо или ничего. Но живых трогать нельзя. Коммунисты все валили на царизм, «демократы» на коммунизм. Живые вожди — на покойных и отставных. Только в 1956 г. у нас было поколение, которое задумалось о собственной ответственности, о причастности к преступлениям сталинизма. Может этим и объясняется тогдашний культурный и духовный подъем. Но людей быстро освободили от стыда. Все списали на Сталина и его клику. Потрясение сменилось удобным сознанием всеобщей непричастности. В 80-е гг. все прошло еще легче. Ни один из антикоммунистических идеологов не покаялся за свое коммунистическое прошлое. Смена идеологических вывесок вновь позволила списать все. А раз не стыдно за прошлое, нечего стыдиться и настоящего.

Жириновский: любимый антигерой

Звездный час Жириновского был назначен на 23.00 в воскресенье 12 декабря 1994 г. Все важные люди России собрались в Кремле вокруг столов с казенной закуской и потянулись к бокалам с бесплатным шампанским. Вообще-то организаторы мероприятия собирались чествовать Гайдара, но произошла ошибка и граждане России отдали предпочтение партии Жириновского (во всяком случае те, кто, несмотря на снегопад, холод и незаконность выборов, все же удосужился явиться на избирательные участки).

Торжественная ночь 12–13 декабря действительно останется в памяти миллионов людей, сидевших тем вечером у экранов телевизоров. Ельцин и Гайдар не пришли. Диктор Тамара Максимова по инерции повторяла заученные радостные слова, но гости выглядели мрачно. Один за другим они поднимались на эстраду, чтобы облить грязью оппозицию и обругать «одуревший» народ «этой страны». Оппозицию пригласили, но слова ей не давали.

Ни один из членов правящей группы не назвал действительных причин провала. Все ссылались на раскол «демократов», хотя в условиях пропорциональной системы это скорее добавило им голоса, поскольку часть недовольных проголосовала за «Яблоко» — блок либеральной оппозиции, созданный Болдыревым, Лукиным и Явлинским. Ругали телевидение, продавшее эфирное время Жириновскому. Никто даже не подумал поздравить победителей. В 3 часа по полуночи передачу, рассчитанную на всю ночь, прекратили. Якобы отключились компьютеры, поставляющие информацию. Еще раньше объявили, что в компьютерах — вирус. Все это не могло не напомнить знаменитый случай в Мексике, где при подсчете голосов тоже отключились компьютеры, когда стало ясно, что власти проигрывают.

Нетрудно догадаться, что неудача «Выбора России» была предопределена крахом экономической политики Гайдара. Другой вопрос — почему именно Жириновский стал фаворитом предвыборной гонки.

Политическая карьера Жириновского началась как бы на пустом месте в тот момент, когда горбачевская перестройка вступила в решающую фазу. Именно тогда, весной 1990 г. провозглашается многопартийность и тут же на сцене появляется смешной человек, возглавляющий организацию с нелепым названием «Либерально-демократическая партия Советского Союза». Сразу же подцензурная печать начинает подробно рассказывать про него, его лицо начинает мелькать на телеэкране. Лидер партии постоянно дает интервью, рассказывая, что у него «мама русская, а отец юрист», путано объясняя суть научного либерализма. Он путешествует по всему миру, «налаживая политические связи». Это вызывает зависть. Соратники Жириновского по партии собирают внеочередной съезд и исключают его. Победители даже сочиняют стихотворение:

К концу подошла его драма,
Закончен в политике путь.
Истек как вода из-под крана,
Забывая кем-то заткнуть.

Но их торжество оказывается недолгим. Жириновский тут же набирает новых сподвижников и снова возглавляет Либерально-демократическую партию.

Бунтовщики рассеиваются. Все это производит забавное и жалкое впечатление, но в диссидентских кругах начинают подозревать, что партию Жириновского власти специально создали, чтобы подорвать влияние настоящих либеральных организаций. Когда эти слухи доходят до вождя либерал-демократов, он тут же обращается в КГБ и получает там справку, что не является сотрудником спецслужб.

Жириновский еще почти ничего не говорит о величии России. Больше разговоров — о частной собственности и искоренении тоталитарного прошлого. Как и у других «демократов». И все же в официальных демократических кругах его не принимают, считают провокатором.

Зато после того, как Ельцин окончательно укрепляется во главе российского руководства, Жириновский все чаще начинает выступать с критикой новой власти. Правда пока он ругает одновременно и коммунистов, и демократов. И, о чудо, российское телевидение, ведущее постоянную пропагандистскую войну с противниками Ельцина, широко открывает свои двери перед Жириновским.

Всякий, кто хоть немного отступал от официальной линии российского правительства, знает, как мгновенно захлопывались двери редакций, как недоступной мечтой становилось даже минутное появление на телеэкране. Левым потребовались годы усилий, чтобы хотя бы частично прорвать к середине 90-х информационную блокаду. Иное дело Жириновский. Чем больше он ругает демократов, тем чаще ему дают слово.

Жириновского неоднократно «подсаживали»: в 1991 г. Верховный Совет, тогда еще возглавлявшийся и контролировавшийся Ельциным, предоставил ему право участвовать в президентских выборах, хотя необходимых ста тысяч подписей он не собрал. Подцензурное государственное телевидение подробно сообщало о каждом выступлении лидера ЛДПР, а журналисты официальной прессы не упускали ни малейшего повода, чтобы процитировать его высказывания. Его, конечно, ругали, но совсем не так, как коммунистов. От такой критики лидер ЛДПР только выигрывал.

Осенью 1993 г. партия Жириновского не была запрещена ни одного дня, поскольку против расстрела парламента не возразила. Во время выборов 1993 г. Жириновскому опять помогли. Сначала его пригласили на Конституционное совещание, затем предоставили телевизионный эфир в кредит. Уже после выборов дирекция телевидения обнаружила, что за многочасовое пребывание в эфире наш герой расплачивался векселями. Никому иному этот трюк не удавался: телевидение со всех требовало денег немедленно, а коммунисты и Аграрная партия вообще не смогли вести пропаганду из-за недостатка средств.

Эти странности нетрудно объяснить. Жириновский был нужен власти. Сначала он дискредитировал демократическое движение. Потом его использовали, чтобы ослабить коммунистов и националистические группировки, внести раскол в оппозицию, спровоцировать в ее среде постоянные склоки. И если действия властей были абсурдными, а высказывания правителей зачастую просто дикими, Жириновский уравнивал это, превращая выступления оппозиции в нелепый фарс. Потому-то любой корреспондент российского телевидения на многотысячном митинге протеста снимал только Жириновского, даже если ему не давали слова.

В свою очередь Жириновский помог власти. В 1999 г., когда Центральная избирательная комиссия, придравшись к формальным ошибкам, не позволила его Либерально-демократической партии участвовать в выборах, Жириновский возмущался: какая неблагодарность, ведь именно его партия мобилизовала в 1993 г. голоса, необходимые для успеха ельцинского референдума по Конституции! Увы, в 1999 г. расклад был уже совершенно иным, и Жириновский был не особенно нужен. Впрочем, в итоге, немного пощипав, его к выборам все же допустили.

Но все это случится позже, фактически уже в другую эпоху. А в 1993–95 гг. Жириновский — любимый антигерой прессы, персонаж скандальных репортажей и по-своему самый популярный политик в стране.

Разумеется, интерес журналистов к Жириновскому объясняется не только рекомендациями влиятельных лиц. Ведь среди политических лидеров «новой России» это была самая колоритная фигура. Ни одно его выступление не обходилось без скандала. Для корреспондентов популярных изданий, которые не особенно склонны заниматься серьезным анализом, он постоянно давал свежий материал.

Журналисты и политические противники открыто называли Жириновского «фашистом». Несколько раз он подавал в суд и выигрывал дела. И справедливо: слова «фашизм», «фашист» в ельцинской России совершенно ничего не значили. Это были просто ругательства, которыми обменивались представители власти и оппозиция. Коммунисты и националисты рассуждали о «демо-фашизме», идеологи правительства постоянно говорили о «коммуно-фашистской угрозе». Никто даже не задавался вопросом о том, что такое фашизм, какова его социальная природа, есть ли для него почва в России.

Если бы кто-то удосужился взглянуть в советские учебники истории, он обнаружил бы там неоднократно повторяющийся тезис, что фашизм тесно связан с капитализмом. И правда: фашистские режимы возникали только на основе капиталистической экономики. Другое дело, что «некапиталистические» системы выработали собственные формы тоталитаризма. Но, так или иначе, идеология национализма появляется на свет вместе с ростом буржуазии и возникновением буржуазной государственности. Фашизм как крайняя форма националистической доктрины возникает, когда именно эта система оказывается в кризисе. Разрушив многонациональный Союз, заменив его рядом национальных государств, взяв курс на строительство капиталистической экономики, русские и восточноевропейские реформаторы действительно создали условия, в которых могло возникнуть и распространиться фашистское движение. Тем более, что русское национальное государство уже в момент своего возникновения оказалось в предельно униженном состоянии, а русский капитализм находился в кризисе с первого дня своего существования.

Однако, чем больше мы размышляем об угрозе русского фашизма, тем больше бросается в глаза, что к Жириновскому все это не имеет ни малейшего отношения. Во-первых, фашизм — это корпоративное государство. В России 90-х корпоративность заметна почти повсеместно, но отнюдь не в партии Жириновского. Во-вторых, фашизм — это всегда движение. Хотя фашизм использовал выборы для прихода к власти, в основе это было массовое внепарламентское движение мелкой буржуазии, озлобленной против рабочего

класса и либеральной демократии, неспособной защитить мелких собственников. А движения — как раз и нет у Жириновского. Вся его политика — *open man show*, причем его выступления были сугубо «электоральными». Ему нужны были голоса, статьи в прессе. Он никогда не пытался мобилизовать своих сторонников. Да и не было в России многомиллионной массы озверевших бюргеров, поскольку бюргеров у нас вообще не было.

Мелкие фашистские группировки, естественно, не могли не возникнуть в России, как и в западных странах. Но вес и влияние у них тоже оказались не больше, а даже меньше, нежели в Европе. Во время кризиса 1993 г. среди крайне правых произошел явный раскол: одни группы поддержали парламент, видя в нем спасение от «масонской власти», другие — сильную президентскую власть, которая больше соответствовала их идеологии, нежели парламентаризм. Об этом достаточно подробно говорил на страницах газет Дим Димыч Васильев, основатель «Памяти» и патриарх русских ультраправых, одобрявший и благословивший ельцинский переворот. В 1994–98 гг. усиливаются позиции Русского Национального Единства (РНЕ) — организации, сильно напоминающей германских «штурмовиков» 20-х гг. Но это именно отряды штурмовиков без политической партии и без массового движения, более того — без настоящего фюрера.

За мелкобуржуазными фашистскими движениями 20-х гг. в Европе стоял крупный финансово-промышленный капитал, напуганный ростом рабочих организаций и появлением антикапиталистических альтернатив. Чем более реальными были эти альтернативы, тем острее была потребность элит найти выход из кризиса фашистскими методами. Но и здесь нет ничего похожего на политику Жириновского. Русский финансовый капитал связан не с национальной промышленностью, а с торговыми спекуляциями. К промышленности финансисты относились в лучшем случае как к источнику средств.

Среди людей, избранных в Думу по списку ЛДПР, было немало средней руки предпринимателей и бандитов. Они дали Жириновскому деньги на проведение рекламной кампании. Но среди них не было никого хоть маломальски похожего на немецких промышленников, финансировавших Гитлера. Эти бизнесмены просто хотели попасть в парламент для решения собственных проблем или для того, чтобы получить депутатскую неприкосновенность. Сделка с Жириновским — деньги в обмен на будущие мандаты — позволила ЛДПР развернуть широкомасштабную кампанию в 1993 г., но не давала возможности создать сильную парламентскую фракцию. Среди политиков начались раздоры, а бизнесмены просто занялись своими делами.

Для всех деятелей ельцинской России существовал один общий рецепт успеха: манипулирование народным недовольством, использование «демократических методов» (выборов, референдумов, выступлений в печати) в сочетании с политической интригой в верхах. В этом смысле Жириновский мало отличался от Ельцина, Гайдара, Зюганова и даже таких «умеренных прагматиков», как Шахрая и Вольского.

«Сильная власть» и «народный вождь», воплощающий национальную идею — это лишь внешние атрибуты фашизма. Легко заметить, что все эти атрибуты были налицо в ельцинском движении. Однако Ельцин настоящим фюрером тоже не стал. Не получилось это и у Юрия Лужкова, хотя

его окружение старалось изо всех сил. Тем более не похож был на фюрера Владимир Вольфович. Идеологически Жириновский явно «не тянул» на фашиста. Во время предвыборной кампании он потратил немало времени, агитируя за права сексуальных и национальных меньшинств («гомосексуалистов и га-гаузов»). Книга Жириновского «Последний бросок на юг» странным образом сочетает высокопарные рассуждения о величии всего русского с призывами к терпимости и плюрализму. На первой же странице автор заявляет: «главное, чтобы не было вражды, не было господства какой-то одной нации, не было дискриминации»; «нежелательно привязать всех людей к одной партии, к одной идее, к одной концепции».

«Меньше героизма!» — обращается Жириновский к своим читателям. «Если мы все будем жертвовать собой, то кто же тогда будет жить в нашей стране?». Это уже звучит почти как брехтовское «несчастлива страна, которая нуждается в героях». Однако, выступив против фанатизма и экстремизма, Жириновский тут же призывает русских людей совершить «последний бросок на юг», выйти к Индийскому океану, обещает, что в обществе будет доминировать православие¹⁶⁾.

Концы с концами у Жириновского не сходятся, но большой беды тут нет. Фашизм, сталинизм, маоизм — это сравнительно целостные и последовательные идеологии. Тоталитаризм нуждается в последовательности. Даже в демагогии тоталитарному режиму нужна определенная логика. Другое дело, что внешне логичные конструкции тоталитарной пропаганды противоречат многосторонности и разнообразию самой жизни, сводя ее к обезличенным, а потому и ложным формулам. Демагогия Жириновского совершенно иного рода. Это демократическая демагогия, хорошо известная еще в древних Афинах. Предшественниками Жириновского можно считать популистских политиков типа Росса Перо в Соединенных Штатах, Тыминьского в Польше и, разумеется, Бориса Ельцина в России.

Манипулируя общественным недовольством и одновременно избегая конфронтации с властью имущими, Жириновский сумел добиться в декабре 1993 г. сенсационного успеха. Правда, в этом ему помогли другие оппозиционные силы. Коммунисты вели кампанию вяло, колеблясь между попытками набрать очки на патриотических лозунгах и стремлением доказать свою респектабельность. Социальные проблемы почти полностью исчезли из их пропаганды. Добившись определенного успеха, компартия упустила шанс стать ведущей оппозиционной силой. Правоцентристская «Партия Российского Единства и Согласия» вообще не могла вразумительно объяснить, за что и против чего она выступает. Центристский «Гражданский Союз» провалился.

Голоса протеста почти полностью отошли к Жириновскому, хотя его партия не имела структур на местах, не предложила четкой альтернативы. Зато избирательная кампания «либеральных демократов» привлекла разочарованных и запутавшихся поклонников Ельцина.

Жириновский больше всего похож на лидеров «демократов», какими они были, когда шли к власти. В этом смысле любопытно сравнить его книгу «Последний бросок на юг» с автобиографией Ельцина «Исповедь на заданную

¹⁶⁾ Жириновский В. Последний бросок на юг. М., 1993.

тему». Разумеется, книга Жириновского поживее. В ней много говорится про интимную жизнь автора, тем более, что предполагаемый спаситель России на первой же странице вполне по Фрейду связывает становление своих взглядов с сексуальной неудовлетворенностью в юности.

Ельцин — в гораздо большей степени пуританин, он человек иного поколения. И текст в целом куда более казенный; в конце концов у Ельцина даже и не скрывается, что книга составлена специально приглашенным журналистом. А Жириновский, похоже, писал сам.

И все же очень многое схоже. Оба пытаются вызвать симпатию читателя рассказами о своем нелегком детстве, оба сводят свою политическую биографию к истории личной карьеры, совершенно не пытаясь осмыслить свою действительную роль в истории, механизмы своего успеха. Оба посвятили книгу самовосхвалению. И оба уверены, что главное — заставить публику любить себя. Идеи, принципы, социальные интересы — все это воспринимается исключительно через призму собственной личности.

Именно такие черты делают человека действительно удачливым демагогом. Но блестящий демагог — не всегда сильный политик. Ведь как бы мы ни изощрялись в обмане ближнего, всегда найдется кто-то, кто умеет морочить голову публике еще лучше. С одной стороны, демагоги учатся друг у друга, набираются опыта и каждый новый этап политической жизни порождает новый, более изощренный и развязный «демократический» тип. А с другой стороны, публика тоже становится более изощренной и требовательной, она не хочет, чтобы ей морочили голову по-старинке, ей нужны новые идеи и неожиданные образы.

Автобиография Жириновского — трогательная история мальчика, которого все обижали, провинциала, отторгаемого самоуверенной столицей. «Так что у меня с детства было ущемление во всем, и социальная вражда, и вражда между родственниками. Я рос в такой обстановке, где не было никакой теплоты, ни с чьей стороны — ни со стороны родственников, ни со стороны друзей и родителей. Я был каким-то лишним всегда, мешал всем, был объектом критики. Меня почти не хвалили, чаще “склоняли” в отрицательном смысле»¹⁷). Дальше — в том же духе: и девушки его не любили, и друзей не было, и декан в институте ругал, и с квартирой были проблемы, и работу предлагали не очень подходящую. А еще он всегда страдал от плохого питания, плохого отдыха, переутомления и беспартийности.

И все же на жертву системы он совершенно не похож. Беспартийность не помешала ему ни на одном этапе карьеры. Несчастный, всеми обижаемый провинциал как-то поступает в элитный Институт восточных языков, а после службы офицером на Кавказе получает возможность работать за границей. Потом — работа референтом в Советском Комитете Защиты Мира, поездки во Францию, Швейцарию, Бельгию (здесь Жириновский впервые признает, что ему повезло: ведь могла быть вакансия референта по Африке, а общаться с черными явно не хотелось).

Читая автобиографию Жириновского, невольно вспоминаешь десятки других провинциальных молодых людей, которые явились «завоевывать столицу». Русскую культуру и науку, как правило, двигали вперед провинциалы. Но эти

¹⁷⁾ Жириновский В. Последний бросок на юг. М., 1993. С. 27.

не жаловались на судьбу, а наоборот, считали себя счастливыми просто потому, что у них появилась возможность заниматься любимым делом. У них всегда было много друзей, и они редко думали о том, кто кого обошел на пути успеха. И в то же время из числа провинциалов пополнялась когорта молодых карьеристов, которые постоянно жаловались на несправедливость, добивались сочувствия окружающих, требовали к себе внимания, а тем временем деловито теснили своих сверстников, занимая все новые должности.

По советским меркам тех лет у Жириновского на редкость успешная карьера. Но все равно наш герой постоянно недоволен. Кооперативная трехкомнатная квартира — слишком дорогая. Служба в армии — не в России (а где еще мог служить специалист с турецким языком?). «Плохой отдых» сводится к постоянным поездкам на черноморские курорты, о которых он то и дело упоминает.

Видимо, именно неудовлетворенность условиями отдыха сыграла важную роль в формировании социально-политической концепции и геополитической стратегии Жириновского: «Последний бросок на юг. Как я мечтаю, чтобы русские солдаты омыли свои сапоги теплой водой Индийского океана и навсегда перешли на летнюю форму одежды. Легкие ботинки, легкие брюки, гимнастерки с короткими рукавами, без галстука, с открытым воротом, легкие пилочки. И маленький современный русский автомат, выпускаемый Ижевским заводом. Эти автоматы намного лучше, чем “Узи”. Чтобы любой взвод русских солдат мог навести порядок на любом пространстве. А еще лучше, чтобы не было в этом необходимости. Надо навсегда успокоить этот регион. Чтобы на берегах Индийского океана и Средиземного моря были базы отдыха, лагеря для молодежи, санатории, профилактории. Огромные пространства можно освоить для отдыха. Весь юг мог бы стать сплошной зоной санаториев, домов отдыха для промышленного севера и для людей всех национальностей. Всех»¹⁸.

Предел геополитических амбиций советского провинциала — в том, чтобы все побережье южных морей превратить в некое подобие крымских профсоюзных курортов 50-х гг. Эта тема постоянно возвращается в книге Жириновского, как бы преследуя автора. Еще он обещает построить, наконец, по всей России дороги. «Хорошие бетонные дороги, с мощной разделительной полосой и через три километра на пути — телефон. И станции техпомощи, и везде бензозаправки, и все освещено, и везде указатели, развилки, виадуки. В космосе мы это уже сделали»¹⁹.

Подобные благие пожелания идут вперемешку с бранью в адрес «южан» — алжирцев, кавказцев, турок, азербайджанцев, которые «как мухоморы, как тараканы» лезут в Европу, наводнили Россию, испортили жизнь в Париже. И в Южной Африке обязательно Россия должна помочь созданию «белой республики». Короче, густой поток расистской демагогии, замешанной на бытовых предрассудках русского (и европейского) мещанина. Все то же самое, что вы найдете на страницах русских эмигрантских газет на Западе, в публикациях «либеральной» российской прессы 90-х гг., которая каждый день страшит читателя «черной угрозой» и призывает спасать европейскую цивилизацию от исламского нашествия.

¹⁸) Жириновский В. Последний бросок на юг. М., 1993. С. 66.

¹⁹) Там же. С. 115.

Скандалный расизм русской прессы знаменит во всем мире. «Общая газета» называла активистов Африканского Национального Конгресса в Южной Африке «черными племенными террористами»²⁰⁾, «Собеседник» публиковал на первой полосе расистскую карикатуру, направленную против кавказцев, и даже «Независимая газета» дважды публиковала статьи, где авторы сетовали, что расовая терпимость губит Америку. От этой теории очень легко было перейти к практике, когда мэр столицы Юрий Лужков принял выселять из города кавказцев, а русская мафия терроризировала своих чеченских конкурентов, вызывая к «патриотизму».

Все это характерные черты «новой демократии», как ее трактовали господствующие в стране группировки. Жириновский лишь выразил эти настроения.

В соревновании демагогов Жириновский обошел Ельцина, тем более, что на выборах в декабре 1993 г. ему противостоял не сам «народный президент», а лишь его любимчики из «Выбора России». Эти люди, сделавшие карьеру в коридорах власти, так и не научились убедительно врать на митингах.

Лозунги Жириновского оказались хорошо знакомы публике по ельцинским выступлениям — антикоммунизм, сильная исполнительная власть, президентская республика, возрождение русской государственности, нападки на соседей (бывшие «братские республики») и инородцев, рассказы о будущем процветании. Он раздавал налево и направо безответственные обещания (в том числе те, что уже дали, но не выполнили Ельцин, Гайдар и К^о). Не случайно он использовал ту же либерально-демократическую символику. Избиратели Жириновского и «Выбора России» в 1993 г. оказались примерно одни и те же. В Жириновском они увидели «Ельцина сегодня». Правительство России и его друзья с изумлением обнаружили, что они уже не располагают монополией на популистскую демагогию. То же оружие, что они использовали против Горбачева и коммунистов, теперь было успешно обращено против них.

Спохватившись, идеологи режима начали пугать людей «фашистской опасностью». Политологи стали выступать с многословными публикациями о «русском фашизме». Но было уже поздно: демагогия начала 90-х гг. обернулась против тех, кто первыми начал проповедь сильной власти, национального государства и расовой нетерпимости. Как писал один из читателей в «Общую газету», слово «фашист» звучит теперь для него не как обида, а «как храбрый русский человек и патриот». И добавлял: «знаешь, как другое слово хунта у нас ругалось, а теперь говорят опыт Чили, мудрость Пиночета». Если Жириновский «фашист», продолжал автор письма, «считайте меня фашистом» и «я буду голосовать за тех кто защитит русских, кто воровство и бандитство прекратит, я хочу, чтобы по улицам ходили патрули с собаками, а не пьяные бандиты, я хочу, чтобы на улицах вешали бандитов»²¹⁾.

Пропагандистская машина российского государства обрушила на голову отечественного обывателя, который вообще никогда не знал правды, потоки новой лжи, сумела внушить ему, что нет ничего хуже коммунизма, но так и не смогла убедить его, будто от победы над коммунистами жизнь стала лучше. Вот и приходится искать новых виновников. Ими могут стать «черные»,

²⁰⁾ Общая газета, 11–17.02.1994.

²¹⁾ Общая газета, 21–27.01.1994.

иностранцы, масоны, евреи, американцы, сами «демократы». От сознания окончательно запутавшегося и обозлившегося обывателя пока остается скрыто самое главное: что его беды не следствие чьих-то происков, а закономерный результат сложившейся системы. Пока обыватель ищет злодеев, системе не грозит ни революция, ни реформа. Но сами идеологи и политики, ставшие «отрабатанным материалом», могут быть принесены в жертву.

Призывы Жириновского «навести порядок» в мировом масштабе отражали не только потребность русского обывателя в безопасности и стабильности. Мировой хаос, нарастающий по мере того, как Соединенные Штаты и их союзники доказывают свою неспособность справиться с ролью «новых хозяев» планеты, говорит сам за себя. Вот почему призывы Жириновского перекликаются с заявлениями западных политиков. И в Соединенных Штатах, и в Западной Европе, и в бывших странах советского блока набрали силу новые правые движения. И хотя подобные силы, например во Франции и Италии, оказались куда влиятельнее, нежели ЛДПР Жириновского, никто в этих странах не бил тревогу, ибо стратегическим интересам Запада не угрожали ни Национальный Фронт Жана-Мари Ле Пена, ни итальянская Лига Севера (Lega Nord).

Аморфные и паразитирующие на структурах буржуазного парламентаризма, эти движения пока не могут, в отличие от настоящего фашизма, реально претендовать на власть. Но они опасны. Не только потому, что их рост показывает, что кризис «нового мирового порядка» подрывает демократию, но и потому, что пока их демагогия «работает», миллионы людей воюют с призраками, верят в безумные рецепты спасения и они обречены оставаться заложниками тех самых порядков, которые сами искренне ненавидят.

Думская практика партии Жириновского заслуживает особого разговора. Вокруг факции ЛДПР постоянно разражались скандалы совершенно неполитического свойства. Драки в зале заседаний, помощники депутатов (а порой и сами депутаты), разьежающие на джипах и попадающие в перестрелки между бандами. Но все это было далеко не главным. На протяжении всего существования первой (1993–95) и второй (1995–99) ельцинской Думы именно фракция Жириновского была политическим резервом правительства. Всякий раз, когда голоса были нужны для вынесения вотума доверия кабинету, принятия бюджета или особенно важного закона, «твердые оппозиционеры» от ЛДПР дружно поддерживали правительство. О том, сколько и кто за это платил, журналисты могли только догадываться. В Думе парламентская коррупция стала нормой, а фракция Жириновского — своего рода эталоном.

Если в первой Думе фракция ЛДПР господствовала, то во второй она уже существенно уступала коммунистам и находилась примерно в равном положении с либеральным «Яблоком». Однако правила «депутатской этики», типичные для жириновцев, стали уже общими: им следовали и коммунисты, и либералы, и консерваторы. Депутаты «оппозиционных партий» не просто полюбили деньги, но и рвались в «антинародное правительство». Во второй Думе это стало просто болезнью. Все фракции поставляли своих министров, причем оппозиционные — особенно активно. Аман Тулеев и Юрий Маслюков пришли в правительство из компартии, Михаил Задорнов из «Яблока», Сергей Калашников из ЛДПР. Теоретически на думское большинство опиралось лишь правительство Евгения Примакова в 1998–99 гг. Между тем «министры-

оппозиционеры» пошли во власть либо до того, как кабинет Примакова был сформирован, либо остались там после того, как Примаков был отставлен.

Как заметил Виктор Пелевин, «история парламентаризма в России увенчивается тем простым фактом, что слово “парламентаризм” может понадобиться разве что для рекламы сигарет “Парламент” — да и там, если честно, можно обойтись без всякого парламентаризма»²²). Любовь к деньгам и власти объединяла депутатов разных фракций куда больше, нежели политические принципы. И это неудивительно. Бессильная и бесправная Дума не была местом, позволявшим решить проблемы страны. Но она была идеальным местом, где депутаты могли решить личные проблемы. Каков парламент, таковы и депутаты.

В формировании политической культуры ельцинского парламентаризма именно Жириновский сыграл решающую роль. Самоуверенность, беспардонность, наглость и жадность, отсутствие стремления по-настоящему овладеть властью при постоянном желании пристроиться к ней поближе, тщеславие, совершенно лишенное честолюбия — вот идеальные черты парламентария ельцинской эпохи. Такой «парламентаризм» вполне подходил для режима, расстрелявшего парламент, единственный раз в истории страны попытавшийся стать полноценной законодательной властью.

Взлет «либерального демократа» Жириновского доказывал, что альтернатива Ельцину есть. Те, кто сеяли ветер, пожинали бурю. Предложив «демократически одобрить диктаторскую конституцию», они получили «демократию» не только без демократов, но и без законов, институтов и гарантий. Единственной гарантией был и оставался Ельцин. Не «гарантом стабильности», а гарантией неприкосновенности банковских счетов и награбленной собственности. И не удивительно, что, по словам автора письма в «Общую газету», «народ голосовал за диктатора президента ведь все демократы кричали, что президент будет как царь. Вот мы все проголосовали за президентскую конституцию и за Жириновского, который его сменил, а за демократов голосовали барыги, спекулянты, продавцы и банкиры»²³).

Разрушив основы права и подорвав всякое уважение к правде, российская элита должна была разбираться с последствиями собственных деяний. И веселый карьерист Жириновский на этом фоне оказывался лишь наименьшим злом, лишь напоминанием о реальной угрозе, знаком беды, симптомом болезни. Болезни, имя которой — «капитализм по-русски».

Просто Аяцков

Скорее всего, саратовский губернатор Дмитрий Аяцков заслужил широкую популярность в стране своими странными высказываниями. Каждое его появление на телеэкране вызывает повышенный интерес: что он скажет на этот раз? И в самом деле, без работы он журналистов не оставляет. То сравнит Черномырдина с «бубновым тузом» (каторжным?), которого Ельцин достал «из кармана» (шулер, значит). То, возвращаясь со встречи с Клинтонем, назовет американского президента крутым мужиком и добавит, что завидует

²²) Пелевин В. Цит. соч. С. 44.

²³) Общая газета, 21–27.01.1994.

Монике Левински (в сексуальном плане?). Или расскажет на всю страну про аквариум с пираньями, куда он якобы заставляет провинившихся чиновников совать руки и другие части тела. Во время августовского долларового кризиса он грозил ввести в Саратове собственные денежные знаки и обозвать их по старой традиции «керенками», благо глава Временного правительства баллотировался в Думу от этой губернии. А уж развернутая Аяцковым дискуссия о том, что открытие публичных домов поможет поднять экономику депрессивных райцентров, никак не могла оставить журналистов равнодушными.

Между тем в столичных газетах Дмитрий Аяцков регулярно публикует пространные статьи, создающие совершенно иной образ. Перед нами рассудительный политик-государственник, несколько многословный, в меру консервативный, очень солидный, чуждый всякой экстравагантности. Сопоставление двух Аяцковых — того, что мы видим по телевизору, и того, что предстает перед нами на страницах газет, само по себе может вызвать недоумение: который из них настоящий? Легко предположить, что статьи губернатора готовят профессионалы, и в них отражается не столько его, сколько их стиль. Но ведь профессионалов этих губернатор наверняка подбирает сам, а их работа ему очевидно нравится.

Чем больше узнаешь про этого человека, тем менее логичная получается картина. Руководить Саратовской областью назначил его Ельцин. Аяцков решительно поддерживал президента на летних выборах 1996 г., да и сам получил его поддержку в сентябре того же года на выборах губернатора. Мало кто из руководителей регионов удостоился такой мощной поддержки московского начальства. Как-то само собой получилось, что Саратов стал чуть ли не единственным регионом России, где «партия власти» на тот момент смогла консолидироваться.

Президентская администрация выражала солидарность, и начальник управления по работе с территориями Сергей Самойлов специально приезжал в Саратов посмотреть, все ли в порядке с выборами. Юрий Лужков тоже приехал и тоже всячески демонстрировал симпатию. Сразу за ним явился Виктор Черномырдин — тоже хотел помочь. В день выборов, 1 сентября, в Саратове сидел заместитель главы администрации президента Александр Казаков, а на церемонию инаугурации победившего губернатора прибыл сам Анатолий Чубайс, в то время глава президентской администрации. Все эти люди друг друга не особенно жалуют. Если у них и есть что-то общее, так это, видимо, любовь к Аяцкову.

Помню, как той осенью аналитики из «партии власти» на очередной политологической тусовке расхваливали Аяцкова совершенно в стиле «пикейных жилетов»: «О, Аяцков — это сила! О, это такой губернатор! О!» Ничего более определенного выудить из них мне тогда не удалось. Зато бросалось в глаза, что поддержка Аяцковым президента России в Саратовской области не слишком помогла Ельцину — здесь его результаты оказались довольно посредственными. А сам Аяцков постоянно публикует свои пространные рассуждения в оппозиционной прессе — тут и газета «Правда», и журнал «Обозреватель», публикуемый близким к КПРФ движением «Духовное наследие». Геннадий Зюганов о саратовском губернаторе говорит только хорошее, хвалит его за «серьезную работу

по экономическому развитию региона», а его программу называет «не только разумной, но и выигрышной».

Правда, у коммунистов был в Саратове свой кандидат — Анатолий Гордеев. Но вот какой парадокс: в сельских районах области 16 из 38 организаций КПРФ работали не на своего кандидата, а на губернатора! И вообще список его сторонников получился какой-то странный. «Наш дом — Россия» к работе по выборам не привлекался (якобы потому, что за несколько месяцев до того провалил избирательную кампанию Ельцина в Саратове). Зато среди организаций, активно поддерживавших Аяцкова, соседствовали Общероссийский координационный совет (ОКС) демократов, аграрии, товаропроизводители, местные профсоюзы, Совет ветеранов и т.д.

Что это — саратовская политическая аномалия? Всеобщая непоследовательность? Торжество прагматизма?

Сам Аяцков тоже не раз мог показаться непоследовательным. Например, про Владимира Шумейко, тогда еще спикера Совета Федерации, в феврале 1995 г. он говорил корреспонденту «Правды»: «Спрашивается, кому нужен такой спикер, который знает только две дороги — то в Кремль, то за границу?»²⁴⁾ Но прошло всего несколько месяцев, и Шумейко предложил Аяцкову поучаствовать в движении «Реформы — новый курс». И саратовский политик не только согласился, но и принял в создании движения самое активное участие, вошел в Совет и Исполком РНК, возглавил его местное отделение. Но это — только до губернаторских выборов. После них про работу Аяцкова с движением Шумейко больше никто не слышал.

Впрочем, является ли саратовский губернатор исключением? Может быть, перед нами как раз достаточно типичный региональный политик? А то, что кажется странным московским журналистам и политологам, на самом деле — нормальная ситуация в доброй половине российских регионов?

Как и многие нынешние общественные деятели, Аяцков пришел в политику из советской хозяйственной бюрократии. Весь его трудовой путь связан с сельским хозяйством. Начинал он механизатором-электриком колхоза им. Калинина все в той же Саратовской области, после армии закончил саратовский сельскохозяйственный институт, работал в нескольких колхозах и совхозах — всюду главным агрономом и всегда в родной области. Последняя хозяйственная должность — заместитель директора производственного объединения «Саратовптицепром». Директором этого же объединения являлся Юрий Китов. 6 июня 1992 г. Ельцин назначил Китова главой администрации Саратова. Вслед за ним во власть пришел и агроном Аяцков. С июня 1992 по апрель 1996 г. он был первым заместителем городского головы.

Довольно скоро Китову пришлось пожалеть о том, что он привел в политику своего подчиненного. В декабре 1993 г. Аяцкову предлагали баллотироваться в Госдуму, но он предпочел Совет Федерации, куда уже нацелился Китов. Набрав 29,6 % голосов, наш герой опередил своего шефа и стал депутатом. Победу себе Аяцков гарантировал прежде всего за счет голосов села. Быть может, здесь он все еще оставался «своим парнем», но более вероятно то, что Аяцкову помогла открытая поддержка тогдашнего губернатора области Юрия

²⁴⁾ Правда, 1.02.1995.

Белых, который с Китовым не ладил. После провала на выборах Китов был снят со своего поста указом президента. Спустя 16 дней он покончил с собой. Теперь, когда должность мэра была свободна, наш герой вполне мог рассчитывать на то, чтобы стать единоличным хозяином города. Однако Белых слова не сдержал и Аяцкова не назначил. С этого момента бывшие партнеры стали врагами.

В любом случае после избрания в Совет Федерации нашему герою дальнейшая карьера была гарантирована. В Москве энергичный провинциальный чиновник немедленно обрастает новыми связями, попадает на глаза влиятельных людей. Недавняя цель — стать главой областного города — уже начала казаться мелкой. Перед Аяцковым открылись новые горизонты. Коль скоро союз с Юрием Белых распался, почему бы самому не попытаться стать губернатором?

Исход этой борьбы был легко предсказуем. У Белых не было такого напора, как у Аяцкова, который готов был использовать для достижения своей цели практически любые доступные средства. По мнению аналитиков, Белых на такое способен не был «в силу психологических ограничений». Региональные средства массовой информации, располагавшиеся в Саратове, находились под явным влиянием мэрии. Теперь они превратились в мощный рупор пропагандистской кампании Аяцкова. Любое его выступление в Совете Федерации подробно освещалось. Он выступал и как хозяйственник, привлекающий в область капиталовложения, и как эффективный и смелый депутат, публичный политик, и как идеолог. Именно тогда и сложился «литературный образ» Аяцкова — немного консервативного демократа-государственника, трезво относящегося к московским лидерам, но твердо стоящего за правильно понимаемые реформы. Другим, напротив, импонировал телевизионный персонаж — свой парень, крутой мужик, простой русский человек. У каждого жанра свои законы, и эти законы были быстро и эффективно усвоены Аяцковым (или его командой).

Поскольку в Саратове, как и во многих других регионах, областная Дума не особенно жаловала назначенного из Москвы губернатора, Аяцков нашел в ее лице политического союзника. Вместе с большинством областных депутатов он осуждал губернатора за отсутствие демократизма, за нежелание провести выборы в местное самоуправление. А в качестве депутата Совета Федерации посещал Северный Кавказ, резко критиковал кремлевских «дилетантов», в первую очередь, конечно, Сергея Шохрая). Все это людям нравилось.

По ходу дела Аяцкову пришлось столкнуться еще с одним противником. Им оказался Анатолий Зотов — другой заместитель городского головы. В декабре 1993 г. Аяцков обвинил его в злоупотреблении служебным положением и фактически отстранил его от занимаемой должности. Зотов издал аналогичное постановление в отношении Аяцкова, после чего оба чиновника попытались опечатать друг другу кабинеты. И на сей раз победа осталась за Аяцковым. В марте Зотов был арестован по обвинению во взятках и хищениях. И тут наш великодушный герой пожалел поверженного врага. Он направил в суд ходатайство с просьбой об освобождении заключенного из-под стражи — под свою личную ответственность.

15 апреля 1996 г. мечта нашего героя воплотилась в жизнь: указом Ельцина он был назначен на пост губернатора. Близились президентские выборы и главе

государства в Саратове был нужен надежный человек, который сможет идти к намеченной цели, не особенно церемонясь с противниками. В свою очередь Аяцков пообещал президенту «вырвать Саратовскую область из красного пояса».

Итоги голосования за Ельцина по области, как уже говорилось, были не особенно впечатляющими, но это не испортило отношений Аяцкова с московскими элитами. Ведь Ельцин так или иначе победил в масштабах страны, а разбираться с частностями было некогда. Для того чтобы отношения с Ельциным оставались теплыми, в Саратовской области для президента была построена роскошная летняя резиденция на берегу Волги. Посетил ее Ельцин всего один раз, но слухи о предстоящей поездке президента на Волгу распространяются в средствах массовой информации ежегодно.

На самом деле летом 1996 г. Аяцкову, по большому счету, было вообще не до президентских выборов: надо было подготовить и провести выборы губернатора и стать из московского назначенца демократически избранным региональным лидером.

Тут наш герой разворачивает бурную деятельность. Его избирательная кампания фактически начинается с первого же дня пребывания на посту губернатора. По мнению аналитиков, это был «откровенно спринтерский забег». Каждый день губернатор что-то обещал, за что-то брался. В область потекли капиталовложения. В поддержку местного лидера было собрано 200 тыс. подписей вместо положенных 42 тыс. Жители области должны были понять, что не столько они выбирают губернатора, сколько великий человек оскластивил их своим присутствием. «Область достойна сильного губернатора!» — кричали плакаты Аяцкова. Оставалось только, чтобы, говоря словами Брехта, народ оправдал доверие правительства.

Саратовцам было обещано, что реформы будут «скорректированы», а их город, где до сих пор плохо с телефонной связью, будет превращен в «технополис». Были приняты программы «Саратовский троллейбус», «Саратовский автобус», «Саратовский автомобиль», призванные оживить простаивающие заводы военно-промышленного комплекса и включить их в единую технологическую цепочку — в рамках области. Всем местным политическим силам было предложено подписать договор об общественном согласии, что и было сделано всеми, кроме коммунистов. Вскоре после этого в области были смещены и заменены назначенцами Аяцкова более 60 % глав районных и городских администраций.

Саратову было обещано, что он станет «лучшим регионом России», а его жителям будут завидовать, «как завидуют сегодня москвичам». Губернатор обещал построить сразу два международных аэропорта, поднять предприятия агрокомплекса. Была провозглашена стратегическая задача: в среднесрочной перспективе сделать Саратов официальной столицей Поволжья, а в долгосрочной — переместить сюда столицу России.

На всякий случай Анатолию Гордееву, главному сопернику действующего губернатора, было предложено снять свою кандидатуру. В качестве отступного, по сведениям местных журналистов, предлагалось место заместителя главы администрации по промышленности. Верный партийному долгу, коммунист Гордеев отказался, но Аяцкова, похоже, это не особенно расстроило. Перевес сил был явно на его стороне.

«Штурм и натиск, которые демонстрировал Аяцков с момента назначения, ни один нормальный человек не способен выдержать сколько-нибудь долгое время», — отмечал аналитик Дамир Фаритов²⁵). Однако награда была достойна усилий. 81,35 % избирателей поддержали Аяцкова. Его соперник Анатолий Гордеев набрал всего 16,29 %. А один из соискателей губернаторского кресла вообще умер во время предвыборной гонки.

Сразу по окончании выборов Аяцков собрал пресс-конференцию и заявил, что «объявляет амнистию своим политическим противникам и приглашает их за стол переговоров». Как мы уже видели, саратовский губернатор умеет прощать поверженных врагов.

После выборов, по словам Фаритова, «Аяцков превратился в персонафицированный центр местной политической жизни, подчинив себе единственный имеющийся в области орган законодательной власти, поставив под контроль СМИ, дезорганизовав или расколов потенциальную оппозицию. Последней, впрочем, довольно слабо противостоявшей ему силой остались коммунисты. Поражение Гордеева на выборах губернатора окончательно деморализует их»²⁶).

«Партия власти» торжествовала победу, но и думская оппозиция не особенно печалилась. Ведь при соблюдении правил с саратовским губернатором всегда можно найти общий язык — главное не посягать на его власть. Часть московской прессы и независимые аналитики исходили желчью. По их мнению, Аяцков многие свои представления вобрал из криминально-предпринимательской среды, в которой немало времени вращался; его называли человеком, который все готов решить с помощью денег или силового воздействия. Движение «Яблоко» напоминало, что Аяцков «не зарекомендовал себя как чистоплотный политик». В «Независимой газете» писали про торжество союза региональной посткоммунистической элиты с местными финансовыми структурами. Но среди «серьезных политиков» Аяцков был принят и стал одним из равных. В новом составе Совета Федерации он оказался влиятельным и авторитетным деятелем. Губернаторы уважают и ценят Аяцкова по очень простой причине: он мало отличается от них. У каждого был свой путь к власти, но немного среди них таких, кто может похвастаться полной независимостью от местных «номенклатурных кругов» или «финансовых элит». Вот почему имя Аяцкова уже всплывало в связи с возможным назначением премьер-министра, а некоторые даже прочат ему президентское кресло.

Последнее, впрочем, несколько преждевременно. Сильный региональный лидер редко становится у нас общенациональной фигурой. Коллеги-губернаторы не слишком радуются, когда кто-то из них поднимается над общим уровнем.

А особых загадок в Аяцкове нет. По крайней мере их не больше, чем в самой сегодняшней России. Конечно, он демократ, но только в специфическом русском смысле, когда под аплодисменты либеральной общественности можно разгонять парламент, издавать бездарные указы и затыкать рот недовольным. Целая плеяда правителей-демократов в центре и на местах усвоила простое

²⁵) Саратовская область в июле 1996 г. Политический мониторинг ИГПИ, 21.08.1996. Цит. по: www.nns.ru/restricted/persons/ayatckov7.html — 1.09.1998.

²⁶) Там же.

правило «политической свободы по-русски»: «вы, подданные, можете ругать власть, можете называть себя хоть либералами, хоть коммунистами, но все решения принимать будем мы». И не дай Бог оказаться у таких людей поперек дороги.

Аяцков демократ просто потому, что в ельцинской России чиновникам, составляющим «партию власти», положено быть «демократами» и «реформаторами» как бы по должности. Это не обижает и оппозицию, ведь политическая конъюнктура переменчива. Если надо быть «своим парнем», он им будет. Если надо будет стать интеллектуалом, не сомневайтесь, Аяцков им завтра же делается. Саратовский губернатор показал себя надежным партнером для центра. Может, и не выполнит того, что от него ждут, но мешать Москве точно не будет. На протяжении своей политической карьеры Аяцков не раз вступал в конфликт с вышестоящим чиновником. Но при этом непременно заручался поддержкой другого начальника, стоящего еще выше: губернатора против мэра, президента против губернатора.

Такие люди нужны власти. Любой власти.

Глава 6

Народ

Говорят, что каждый народ получает такое правительство, какого заслуживает. Идеологи новой российской власти постоянно жаловались, что им не повезло с народом. Вот если бы у нас люди были такие как, например, в Западной Европе, если бы не эти отвратительные «совки», населяющие шестую часть земного шара, тогда бы дело пошло на лад. Между тем жаловались они зря. Ведь именно неспособность людей к самоорганизации, неразвитость классового и даже корпоративного сознания позволяли режиму еще кое-как выживать. Пользуясь выражением Сталина, «любой другой народ прогнал бы такое правительство». Но в постсоветской России на первом плане были не организованные народные силы, не рабочий класс или крестьянство. Столкнувшись с рынком, люди не способны были сразу осознать свои интересы и объединиться.

Сознание постсоветского общества безусловно является переходным. Но именно эта «переходность» и определила характер происходивших конфликтов, странную и неадекватную реакцию большинства людей на происходящие события, нашу беспомощность и наши неприятности.

Человек толпы

Человек, выходящий на улицу с портретом вождя, отобравшего у него последнюю копейку, восторженно приветствующий ту самую власть, которая отнимает будущее у его детей, может казаться смешным. На самом деле он социально опасен. К нему надо относиться серьезно. И его надо понять.

Референдум о доверии президенту и его политике, проведенный в апреле 1993 г., оказался грандиозным исследованием общественного мнения. Он показал, что вопреки ходячим стереотипам Ельцина по-настоящему поддерживали только его жертвы. «Народный президент» добился успеха среди безработных, неквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих. Женщины, как выяснилось, его очень любят, особенно если они бедные. В депрессивных районах, разоренных ельцинской политикой — успех потрясающий. Более благополучные регионы Поволжья, сравнительно обеспеченные социальные и профессиональные группы отнеслись к власти куда более скептически — среди них было куда больше не голосовавших или сказавших власти «нет».

Люди, сделавшие миллионы на приватизации, по своей природе далеко не борцы. Не секрет, что половина из них в любой момент была готова уехать на Запад вслед за своими капиталами, а остальные пойти на компромисс с любой властью. На баррикады такие люди не идут. Другое дело — верные

президенту полугодные пенсионеры и разоренные им домохозяйки. Эти не бросят в беде любимого вождя. И здесь нет ничего специфически русского.

В Бразилии жители трущоб голосовали за миллионера Коллора, а квалифицированные рабочие и благополучная городская интеллигенция поддерживали социалиста Лулу. Когда же Коллор проворовался, студенты из обеспеченных семей митинговали на улицах под красными флагами, требуя импичмента, а в трущобах недоумевали. Это нормально — самые бедные не обязательно самые радикальные. И уж во всяком случае эти люди далеко не всегда способны постоять за свои права.

С самого начала крайне узкую социальную базу неолиберальных реформ в России компенсировала поддержка толпы. Сознание «человека толпы», стоящего на стороне «всемирно избранного президента», не имеет ничего общего с «психологией рынка». Наоборот, ельцинская толпа совершенно не рыночная и никаких перспектив у нее в условиях свободного рынка нет. «Человек толпы» не задумывается о своих интересах, он следует за вождем, в которого верит и который (вопреки логике рынка) пообещал счастье и процветание для всех сразу. Если эти обещания не выполняются, неважно: у «человека толпы» короткая память, но сильная и преданная любовь.

«Человек толпы» не верит идеям и не интересуется программами. Он верит личностям и готов голосовать даже за президента, чью политику не одобряет. Противники Ельцина напоминали, что президент нарушил свои обещания, отказался от своей программы, забыл собственные лозунги. Но это не имеет никакого значения для «человека толпы». Он не вникал в смысл лозунгов даже тогда, когда верил им. Он и в новых лозунгах не очень разбирается, заучивает и повторяет их бессмысленно, как ритуальные формулы. Ему не важно, что говорится, ему важно, кто говорит.

Ельцин привлек широкие слои общества на свою сторону антигорбачевской и объективно антирыночной демагогией, выступая как «истинный коммунист» против испорченных привилегиями аппаратчиков. Потом он повернул людей в сторону капитализма. Не теряя поддержки толпы, он мог совершить и новые радикальные повороты. Правда, на сей раз такого не допускало его «реформаторское» окружение. Оно-то прекрасно понимало свои интересы! Контролируемый Ельцин для правых либералов действительно оказался незаменимой фигурой. Для тех, кто стремился продолжать «реформы» по Гайдари и МВФ, стало ясно: «Ельцину нет альтернативы». При другой (в десять раз более компетентной) фигуре удержать фанатов на своей стороне не удастся. Никто не собирался поддерживать реформы, если бы их возглавили Шахрай, Гайдар или Шумейко. Поддерживали Ельцина.

«Человек толпы» в принципе не воспринимает парламент. Дискуссии депутатов, соотношение сил между фракциями, тонкости законодательства — все это слишком сложно. Ему нужны герои и злодеи. Опальные герои легко могут стать злодеями, но фигура главного героя остается неизменной. Тухачевский из «красного генерала» за одну ночь превращается в «немецкого шпиона», Хасбулатов из соратника Ельцина в борьбе против коммунизма — в коммунистического агента. Так даже интереснее. Борьба должна быть постоянной. «Человек толпы» мало интересуется реформами, но его увлекает «борьба за реформы». Строительство коммунизма или переход к капитализму — не имеет

значения. Главное знать, что мы идем к светлому будущему. Какое это будущее, как оно будет называться, разве это важно? Цель — ничто, движение — все.

Если бы реформы Ельцина шли гладко, он смог бы консолидировать свою социальную базу, но утратил бы преданную любовь толпы. «Человеку толпы» нужен кризис, нужны великие потрясения. Вождь должен снова и снова вести его на бой. Но вождь должен постоянно выигрывать. Или хотя бы создавать видимость победы.

Победа и поражение для «человека толпы» очень конкретны. Это не экономический успех, не рост производства, не повышение жизненного уровня, даже не присоединение новых территорий к державе, наведение в ней порядка. Важно столкновение героя и злодея. Лишь личная победа «главного героя» над очередным злодеем может быть настоящим торжеством.

Вчерашний второстепенный герой — лучший кандидат на роль завтрашнего злодея (особенно, если предыдущий злодей удален со сцены). Пока есть герой, будут и злодеи. «Человек толпы» и его вождь великолепно понимают друг друга. И вождь никогда не оставит своих поклонников без наркотика борьбы.

«Человек толпы» помнит политические события не более двух с половиной месяцев. Именно поэтому эффект референдумов в России оказывается столь краток. Через три месяца человек сам уже вряд ли способен сказать, как был сформулирован вопрос, за что он голосовал и почему. Потому-то для сохранения власти так важно контролировать средства пропаганды. Вот почему самая страшная бойня произошла в октябре у телецентра в Останкино.

Без телевидения власть не выиграла бы референдум. И не потому, что телепередачи кого-то убедили, а потому, что телепропаганда является для начальства единственным надежным средством общения с толпой. Если «человеку толпы» не рассказывать про новые победы начальника два-три месяца, он может просто забыть, о чем речь. «Человеку толпы» надо постоянно напоминать, кто начальник, а кто дурак.

Дискуссия в мире пропаганды недопустима, ибо дезориентирует «человека толпы». Можно ругать власть из-за угла, можно писать про директора матерные надписи в курилке, но начальник никогда не унижается до прямой и равноправной дискуссии с оппонентами. Если он сделал это хоть раз, любовь толпы потеряна для него навсегда.

На митингах 1989–90 гг. (сначала на Пушкинской площади, потом в Лужниках) всеми организаторами владел один и тот же страх: как бы кто-то не увел «нашу» толпу. «Народный Фронт» боялся «Демократического Союза», «Демократический Союз» — «Памяти», а «Память» — сталинистов. Толпа же металась от одних к другим — бестолково, но с возрастающим энтузиазмом. Точно так же ельцинисты всегда по-настоящему боялись, что «толпу уведут». Или она просто рассеется. И тогда власть вообще никому будет защищать. Там, где сходит на нет эффект толпы, торжествуют организованные социальные силы, а это — конец существующего режима. И начало демократии. К счастью для России и к несчастью для Ельцина даже после десятилетий тоталитарного воспитания «человек толпы» все же составлял в стране меньшинство. Поэтому, раскручивая маховик политического кризиса, власть не могла не подрывать сама себя.

Человек мифа

Латиноамериканский поэт рассказывал, что путешествуя по Колумбии, он столкнулся с безграмотным крестьянином, который говорил с ним на языке Сервантеса и жил в какой-то совершенно особой, мифологической, гомеровской реальности — пещера в скале вполне могла оказаться убежищем дракона, местный водяной постоянно подрывал плотину, с лесным и лесными духами нужно было поддерживать сложные и опасные отношения. Увы, для того чтобы попасть в мир мифов, совершенно не обязательно пускаться в далекие путешествия или брать интервью у полинезийских туземцев. Вполне грамотные люди, регулярно слушающие радио, читающие газеты, не пропускающие ни одной политической программы по телевидению, тоже могут жить в мире мифов.

Эти мифы не столь романтичны, как крестьянские мифы древности. Это «опиум интеллектуалов». Мифологическая реальность порождена некритическим восприятием пропаганды. Раз погрузившись в нее, человек не так уж легко способен выбраться. Живя в мире мифов, человек способен по-своему «критически» воспринимать информацию, отсеивая все, что противоречит его видению мира, по-своему интерпретируя любые события. Все происходящее в мире лишь подтверждает правоту его взглядов. Коммунистическая идеология стала мифом для миллионов людей, и крушение этого мифа вызвало тяжелое интеллектуальное похмелье, зачастую вообще лишавшее людей способности думать. Ведь человек с мифологическим сознанием склонен размышлять о происхождении, давать оценки, делать прогнозы. Это интеллектуал и философ, в отличие от «человека толпы». Правда, результат его размышлений ровно такой же, как если бы он и не думал вовсе. «Человек толпы» и «человек мифа» действуют одинаково, хотя мотивы у них разные.

Когда господство коммунистического мифа сменилось в России соперничеством националистических и либеральных идей, каждая из них породила свою мифологию. Прежде всего надо помнить, что враги — повсюду. Русалки, лесные ведьмы, сионисты, коммунистические агенты, лешие и домовые подстерегают вас на каждом шагу. Это они наводят порчу на скот, подстрекают к забастовкам, саботируют реформы, разваливают страну, продают секреты иностранцам, устраивают наводнения и крадут луну с неба. Западники видели повсюду происки антисемитов и националистов. Националисты обнаруживали на каждом шагу проявления еврейского заговора. Когда националисты назвали свой еженедельник «День» (с 1993 г. «Завтра») газетой «духовной оппозиции», многие интеллектуалы возмущались. А ведь это было правильное название в том смысле, что авторы «Дня» жили и боролись не в реальном мире, а в мире духов. Впрочем, на другом конце политического спектра газета «Сегодня», ревностно отстаивавшая идеи вчерашнего дня, или гротескно провинциальная «Столица» тоже занимались духоборчеством и охотой на ведьм.

Сатанинские силы всегда активны и глобальны, их проявления повсеместны. А потому любому провалу, любой неприятности или ошибке всегда найдется простое и убедительное объяснение. Утонченный и детализированный анализ требуется для того, чтобы понять, какие именно злые силы и каким именно способом навредили в данном конкретном случае. Кто подготовил зловещий заговор с целью развала Советского Союза, через каких именно «агентов

влияния» удалось масонам, империалистам и сионистам захватить контроль над Россией, кто саботирует экономические реформы, кто препятствует нам войти в мировую цивилизацию? Надо быть всегда начеку: силы зла постоянно готовят новую провокацию. Сирены воют на скалах, заманивая путешественников, сионисты планируют похищение очередного христианского младенца, русалки всегда подстерегают неосторожных купальщиков, а коммунисты постоянно готовят новый путч.

Демократ-западник искренне видел в собственной стране «империю зла» и оплот сатанинских сил, которому противостоит светлая сила на Капитолийском холме в Вашингтоне. Националист, напротив, точно знал, что на «святую Русь» ополчился весь мир, который только и мечтает о ее гибели. Мифы никогда не бывают плодом чистой фантазии. Сталинские репрессии, стремление правящих кругов Запада подчинить Россию — это реальность прошлого или настоящего. Но все происходило и происходит совершенно не так, как представляет себе «человек мифа». Потому даже тогда, когда он говорит о подлинных проблемах и конфликтах, он понимает их совершенно фантазмагорически.

В отличие от «человека толпы», который постоянно уверен в успехе, «человек мифа» глубоко несчастен: он сознает, насколько ужасны космические силы зла, чувствует свою беспомощность. Евреи, коммунисты и иностранные агенты — везде. Они проникают в любые организации, от них невозможно укрыться. Как монстры в фильмах ужасов, они неистребимы, и после любой победы над ними эти черные силы возникают в новом обличье. «Человек мифа» понимает мир лучше всех, а потому он не только склонен размышлять, но и постоянно готов делиться с окружающими своими знаниями. У него богатая духовная жизнь. В отличие от пропагандистов, которые сознательно и цинично морочат голову публике, он верит в то, что говорит, ужасается собственным открытиям.

Счастье для «человека мифа», если он оказался близок к средствам массовой информации. Тогда он всегда может обратиться к единомышленникам. Если представляется возможность, эти люди делятся своими сокровенными мыслями с читателями «Московских новостей» или «Дня». Когда же такой возможности нет, они постоянно общаются друг с другом, пугая собеседника страшными сказками и сами пугаясь. Как ни странно, у них никогда не иссякают темы для разговоров, хотя они повторяют одно и то же бесцельное число раз. И чем страшнее становится жизнь, тем богаче ее мифология.

Русский Гамлет

Исследователей творчества Шекспира всегда волновало, почему принц Гамлет не убил короля в первом же действии? Скорее всего потому, что в таком случае драматург не смог бы написать «полнометражную» трагедию. Вот он и заставил своего героя целые пять актов мучиться сомнениями. Так или иначе, но Гамлет раздвоен — он колеблется между потребностью действовать и неуверенностью в своей правоте. Рассказа призрака о злодеянии короля ему явно недостаточно. Быть может, призрак выражает то, что происходит в подсознании героя, или наоборот — объективную реальность, те самые упрямые факты, которые мы далеко не всегда знаем и еще реже хотим знать.

Принцу нужны новые доказательства, новое обоснование, чтобы перерезать королю глотку. И все же Гамлет никогда бы не сделал этого, если бы сам король Клавдий, запутавшись в собственных интригах, не создал безвыходную ситуацию.

Изучая общественные настроения в ельцинской России, нельзя было не заметить, что практически каждый третий взрослый житель страны страдает комплексом Гамлета. Он недоволен, но бездействует. Он чувствует потребность в борьбе, но не видит в ней смысла. Он не ходит на митинги и даже не идет голосовать. Он не верит телепередачам, но не выключает телевизор. Его раздражает реклама, но он запоминает названия фирм. Он жалуется на дороговизну, но находит деньги, чтобы свести концы с концами. Русский Гамлет может быть младшим научным сотрудником, а может оказаться директором завода. Таких немало и среди депутатов, и среди рабочих. Если кто-то думает, будто комплекс Гамлета чужд профсоюзным лидерам, он жестоко ошибается.

Русский Гамлет в душе социалист, но боится в этом признаться даже самому себе, ибо средства массовой информации убедили его во вредоносности социалистических принципов. К своим социалистическим симпатиям он относится как к тайной и постыдной привычке, от которой нельзя избавиться. Он считает себя прагматиком, его равно пугают толпы, размахивающие триколорами или красными флагами, он много рассуждает о вреде экстремизма, но в глубине его души живет потребность в какой-то великой идее или хотя бы целостной непротиворечивой идеологии. Этого он тоже стесняется. Потребность защитить собственные интересы парализуется отсутствием четких принципов и последовательных взглядов. Без идей он не может действовать. А идей, которые бы вдохновили его на действия, у него нет. Именно эта раздвоенность парализует его.

Он сваливает свое бездействие на отсутствие вразумительной альтернативы, привлекательных лидеров, но политики, поверившие ему и стремящиеся завоевать его расположение центристским прагматизмом, не находят в его душе сочувствия. Они сами страдают комплексом Гамлета, а это совсем не то, что нужно, чтобы разрубить узел. Гамлет не может просто восстать против господствующего порядка, хотя прекрасно осознает, что этот порядок прогнил насквозь. Ему нужен толчок. И Гамлеты-политики менее всего способны дать толчок Гамлетам-гражданам. Если идеологическая конъюнктура переменится и в обществе распространятся какие-то новые идеи, которые будут благоприятствовать действию, колебаниям русского Гамлета придет конец. Но как может идеологическая конъюнктура измениться сама собой?

Нетрудно предсказать, что развязку, как и в шекспировской пьесе, приближит сам «король Клавдий». То есть сама власть. Именно Клавдий ставит Гамлета в невыносимые условия и тем самым заставляет преодолеть паралич собственной воли. Ведь для власть имущих ситуация тоже по-своему невыносима. Невозможно же постоянно находиться на грани краха! Сколько времени могут верхи жить на дымящемся социальном вулкане? Для активиста оппозиции молчание русского Гамлета — знак пассивности массы. Для власть имущих то же молчание — знак скрытой угрозы. Им хочется что-то сделать, чтобы переломить ситуацию, чтобы уж раз и навсегда избавиться от опасности.

Если народ страдал комплексом Гамлета, то власть оказалась поражена комплексом Клавдия. Политические инициативы Ельцина и его окружения были вполне в духе придворных интриг Эльсинора. То президент пытался ввести особый порядок управления страной, то обещал разогнать парламент и называл точные сроки, когда он собирается нарушить Конституцию, то правительство отказывалось от Генерального и отраслевых тарифных соглашений с профсоюзами, то устраивало нелепый и неподготовленный обмен денежных знаков. Просто надо было что-то предпринять, добиться перелома.

Сентябрьско-октябрьский переворот 1993 г. был лишь звеном в этой цепи. Как все предыдущие акции власти, он не решил ни одной проблемы. В этом же ряду стоят решения, приведшие и к двум войнам в Чечне за пять лет. Власть добивалась того же, что и Клавдий в шекспировской трагедии, своими действиями лишь приближая развязку.

В финале шекспировской трагедии на сцене четыре трупа. В октябре 1993 на улицах Москвы и в Белом доме лежали сотни убитых. Сколько трупов насчитают историки, когда подойдет к концу эпоха «реформ»?

Избиратели

Как бы ни относились мы к Горбачеву, невозможно отрицать, что именно в годы его правления жители России впервые за 60 лет узнали, что такое «свободные выборы». На избирательные участки мы ходили регулярно, но лишь в 1989 г. на месте унылых официальных плакатов появились самодельные листовки, кандидаты стали приставать к прохожим на автобусных остановках, призывая поддержать свою программу, а на улицах и площадях стали происходить предвыборные митинги.

Игра в выборы оказалась увлекательной. Смотреть на кандидатов ходили целыми семьями, как в зоопарк. Толпы собирались у станций метро прочитать листовки, в которых демократы ругали коммунистов (в 1989 и 1990 гг.) или коммунисты демократов (в 1991 и 1993).

Выборы 1989 г. больше всего понравились публике. Хотя их не назовешь ни вполне свободными, ни честными, они все же резко отличались от всего того, что было раньше. В итоге возник неработоспособный Съезд народных депутатов Советского Союза (конституционная импровизация Горбачева, который вполне справедливо боялся прямых выборов в парламент). Ничего толком не решив, Съезд несколько недель добросовестно развлекал телезрителей бурными дебатами, которые тогда смотрели не менее увлеченно, чем мексиканские мыльные оперы 3 года спустя.

Выборы 1990 г. были гораздо более свободными и серьезными. И хотя в них не участвовали политические партии, налицо было четкое противостояние двух блоков — «коммунистов» и «демократов». Народ выбрал демократов, хотя не очень четко представлял себе, что это такое. Справедливости ради надо сказать, что сами рядовые депутаты-демократы разбирались в этом не лучше: спустя 3 года бывшие соратники по избирательной борьбе оказались в буквальном смысле слова по разные стороны баррикады.

Затем настало время референдумов и выборов «первых лиц». Вопрос на референдумах формулировался нарочито двусмысленно, а результаты трак-

товались самым бессовестным образом или просто игнорировались, но все равно это было увлекательно и ново. Тем временем каждая уважающая себя республика в составе СССР и буквально каждая автономия в составе России выбирала себе президента, а в городах появились всенародно избранные мэры.

Уже в этот момент люди начали чувствовать, что их просто морочат. Все кандидаты были на одно лицо, оппозиционеры превращались в правительственных чиновников, коммунисты в демократов, демократы в патриотов, патриоты в центристов, центристы в левых, левые в правых. Во время президентских выборов 1991 г. многие голосовали за Жириновского из «хулиганских побуждений». Очень популярен стал лозунг «Стране дураков — достойное правительство!». А в 1993 г. всеобщее восхищение вызвал Владимир Прибыловский, учредивший движение «Субтропическая Россия» и «Всероссийское Бруновское Движение».

С каждым выборами количество граждан, явившихся на избирательные участники, сокращалось. На довыборы вообще не ходили, а поскольку в России еще действовал советский закон, требовавший явки 50 % избирателей в день голосования, многие места так и оставались вакантными.

Падение интереса к выборам продолжалось и после переворота 1993 г. На всякий случай правительство изменило правила, потребовав явки всего 25 % избирателей. Западные наблюдатели не могли понять, почему «первые многопартийные выборы в истории России» оставили людей совершенно равнодушными. На самом деле люди не чувствовали ни интереса к официальным партиям, ни связи с ними. Около половины избирателей все же явилось. Но как они голосовали?! Если политологи строили сложные схемы, разбираясь, кто правее, а кто левее, противопоставляя «демократический блок» блоку «коммунистического реванша», то граждане зачастую просто выбирали из политиков кого-нибудь посимпатичнее. Социологические опросы уже в последние дни выборов показали, что многие не знали, предпочесть ли «симпатичного Гайдара» или «веселого Жириновского». Лидер коммунистов Геннадий Зюганов и антикоммунист Явлинский имели массу общих поклонников, а «Женщины России» были избраны только потому, что они — «не мужчины».

Поскольку каждый избиратель получил по несколько бюллетеней (количество варьировалось в разных регионах, но при любом раскладе выходило никак не меньше четырех), некоторые окончательно запутавшиеся граждане пользовались этим, чтобы свести концы с концами: одним бюллетенем голосовали за «Выбор России», другим за коммунистов, а в Совет Федерации двигали самого известного из местных начальников. Самые веселые вместо обычного крестика рисовали на бюллетене фиги, цветочки, елочки и слоников. Иногда добавляли матерные слова, называли политиков козлами или просили отремонтировать свой дом.

Перед голосованием активисты «Выбора России» обзванивали знакомых, советуя им голосовать за этот блок. Такой способ агитации оказался одним из наиболее эффективных. Наблюдатели на петербургском избирательном участке записали такой характерный разговор:

«— Где тут “Выбор России”? Мне наши женщины с работы позвонили и сказали за него голосовать...

— Значит вы за демократов?

— Я не за демократов, пропади они пропадом! Мне на работе сказали, за кого. За Конституцию и “Выбор России”¹⁾.

Весной 1994 г. прогайдаровская газета «Сегодня» констатировала, что по данным социологов почти каждый пятый избиратель, проголосовавший за «Выбор России», раскисался в своем поступке. Что касается сторонников Жириновского, то здесь число «признавших свою ошибку» было еще значительнее — более 60%.

Разумеется, многие избиратели гораздо более четко сознавали, за кого и почему они голосуют. Если «русский Гамлет» обходил избирательные участки стороной, то «человек толпы» и «человек мифа» проявили подобающую им гражданскую активность.

«Первыми с самого утра на участке появляются бабушки, — сообщают петербургские корреспонденты “Солидарности”. — Средняя питерская бабуля — существо чрезвычайно законопослушное. Не лезет без очереди, не ездит зайцем и считает выборы общественным долгом. Иных приводят под руки родственники. Бабушки возмущаются ценами, но всегда голосуют за власть. Они уже спасли Ельцина на апрельском референдуме и теперь выносят на своих плечах “Выбор России” с Конституцией, о которой не имеют ни малейшего понятия»²⁾.

К ужасу власть имущих, местные выборы весной 1994 г. не спасло даже законопослушание бабушек. Недоверие к политической системе достигло критической отметки. Окончательно потеряв интерес к профессиональным политикам, население «проголосовало ногами». Когда власти Петербурга обнаружили, что на участки не явилось и четверти избирателей, мэр города своим приказом продлил выборы еще на один день. Увы, и этого оказалось недостаточно: было избрано менее половины депутатов, а все блоки вместе взятые получили менее четверти мест. Городское Собрание не могло собраться, а прежний городской Совет был предусмотрительно разогнан мэром еще за несколько месяцев до того. В других регионах пришло ненамного больше людей. Проголосовав за директоров предприятий и умеренных противников Ельцина, люди удовлетворенно разошлись по домам.

Халява

29 июля 1994 г. на Варшавском шоссе в Москве можно было видеть необычное для этих мест зрелище: толпа народа с самодельными плакатами и портретами малоизвестного человека в очках выкрикивала невразумительные лозунги, что-то скандировала, ругалась с милицией. Это была не оппозиционная демонстрация, а собрание акционеров компании «МММ». В этот день руководитель компании Сергей Мавроди, обвиненный в уклонении от уплаты налогов, сославшись на «притеснения» государственных чиновников, постановил снизить курс акций со 105 тыс. рублей до 1 тыс., а затем и вообще прекратил продажу акций. Логично было бы предположить, что тысячи разоренных им

¹⁾ Солидарность, 1993, № 24. С. 7.

²⁾ Там же.

акционеров попытаются разгромить офис компании. Но на Варшавском шоссе происходило прямо противоположное: большинство акционеров требовали от государства возместить им ущерб, освободить «МММ» от уплаты налогов и клялись в преданности Сергею Мавроди.

Говорить, будто Мавроди «уклонялся от уплаты налогов», было бы вопиющей несправедливостью. Подобно другим русским бизнесменам, он просто иногда делился с государством, отдавая столько, сколько считал нужным. По Москве упорно ходили слухи о том, что лидеры «МММ» и налоговые службы на сей раз просто не договорились о сумме взятки. Но в любом случае кризис «МММ» был явно связан с бюджетным кризисом России. Приватизировав все доходные предприятия, не имея возможности собирать налоги с обнищавшего населения, правительство пыталось заставить бизнесменов уплатить хотя бы часть того, что следовало. Мавроди увидел в этом личное оскорбление, а заодно и великолепный повод избавиться от всех обязательств перед акционерами. Конфликт быстро приобрел политическую окраску. Акционеры оставались верны Мавроди, что бы он с ними ни делал, но и правительство «пошло на принцип». Ведь победа Мавроди в этой ситуации означала бы, что отныне ни один предприниматель не будет считать себя обязанным платить налоги, а правительство вынуждено будет компенсировать акционерам любых компаний каждое понижение курса ценных бумаг.

Компенсации акционерам «МММ» правительство платить отказалось, а Мавроди был арестован за сокрытие от налогообложения доходов в особо крупных размерах.

Произвольно «уронив» курс своих акций, «МММ» не только разорил сотни тысяч своих вкладчиков, но и дестабилизировал рынок ценных бумаг. Игра, начатая «МММ», затрагивала множество компаний и банков. Эфир был заполнен рекламой фирм, предлагавших покупать свои акции, облигации, векселя или класть деньги под немислимые проценты. Формально обещание 400 или даже 1 000 % в год оправдывалось ссылками на высокую инфляцию. Но на самом деле эти непомерные проценты стали обещать лишь после того, как инфляция снизилась до 8–10 % в месяц. К тому же по долларowym вкладам финансовые компании обещали не менее грандиозные выигрыши — до 80 % годовых!

Все прекрасно понимали, что курсы завышены, что деньги делаются из воздуха, что рано или поздно курс акций упадет. Компании работали по принципу пирамиды, когда старым вкладчикам деньги платят за счет средств, внесенных новыми. Почти все фирмы рассказывали небылицы о своих инвестиционных проектах, но спекуляция собственными и чужими ценными бумагами оставалась единственным видом деятельности, приносившим им прибыль. Любому специалисту известно, что периоды биржевого ажиотажа заканчиваются резким спадом. Но никто не знал, когда это случится, а миллионы мелких акционеров, ничего не понимающих в законах рынка, надеялись, что это будет длиться если не бесконечно, то так долго, как хочется.

В 1992–93 гг. на фоне катастрофического спада экономики в России возникли и процветали сотни новых фирм. Это были не только биржевые спекулянты и организации, занимавшиеся перераспределением собственности. Переход к капитализму и западной модели потребления неизбежно создавал «новое пространство бизнеса». Как грибы после дождя росли биржи и банки, развивалось

индивидуальное жилищное строительство, сфера услуг, производство рекламы и т. п. Если вчера в Москве вообще почти не продавали дорогие западные марки машин, то сегодня появились не только автомагазины, но и станции техобслуживания. Открывались рестораны, казино, турагентства. Вместе с новыми услугами создавались и новые рабочие места. Люди, работавшие в этом «новом секторе», получали сносную зарплату.

Процветание «нового сектора» было зыбким. Эффективность была крайне низкой. Высокие прибыли и хорошая зарплата были возможны лишь до тех пор, пока речь шла просто о заполнении вакуума, а каждая новая фирма по существу была монополистом. Если потребление «новых русских» росло за счет разрушения «традиционного» государственного сектора, то тем самым «старые» отрасли косвенно субсидировали «новые». Можно говорить даже о своеобразном «буме на фоне спада». Локомотивом, вытаскивающим экономику из депрессии, эти отрасли служить не могли, но некоторые фирмы могли процветать. На этой основе стал возможен и биржевой бум. Ситуация резко изменилась в 1994 г. «Новые рынки» достигли насыщения, а затем конъюнктура здесь тоже начала ухуляться под воздействием общего спада производства.

В «новом секторе» возник кризис перенакопления капитала. Перспектив роста не было никаких. Экспортировать было нечего, привлечь иностранный капитал было нечем: выросшая за эти годы сфера услуг в России отличалась не только крайне низким качеством, но и неимоверной дороговизной (не случайно по данным западных экспертов в 1994 г. Москва заняла третье место в мире среди самых дорогих городов).

Мелкие бизнесмены и рядовые сотрудники новых фирм не могли позволить себе роскоши «новых русских», но у них был свободные средства. Все последующее строго соответствовало классическим марксистским схемам. Как и в Америке конца 20-х гг., начался массовый рост числа мелких акционеров, за которым последовало их не менее стремительное разорение.

В начале 90-х гг. книжные прилавки страны были буквально завалены различными самоучителями с выразительными названиями типа «Капитализм — это просто», «Как преуспеть в бизнесе» и т. д. Разумеется, следовать рекомендациям подобного рода пособий — самый надежный способ разориться. Но авторы и издатели подобных книг на самом деле и не ставили перед собой цели чему-то учить. Их задача была куда проще: внушить рядовому советскому обывателю иллюзию, будто он, не обладая ни связями, ни капиталом, ни специальными знаниями, может преуспеть при капитализме.

Подобная пропаганда в 1994 г. уже не работала. Немногочисленная порода мелких бизнесменов с трудом сводила концы с концами. Фермеры разорялись. Стремительно падало и доверие к власти. Человек толпы был разочарован, дезориентирован и начинал сомневаться в честности политиков. Но вера в сказочное обогащение оставалась. И вот тут-то подоспел очередной миф.

Авторы самоучителей доказывали читателю: *ты можешь сделать это*. Руководство компании «МММ» сказало своим клиентам: *ничего делать не надо*. Главное — «ставьте на лидера», «мы заработали деньги для себя, мы заработаем их и для вас». Короче, просто доверьтесь нам, и не ударив пальцем о палец вы станете богатыми людьми.

Рекламная кампания «МММ» была проведена талантливо и с размахом. «МММ» создала собственную киностудию, которую возглавил режиссер Бахыт Килибаев. Рекламные клипы превратились в своеобразную «мыльную оперу»: зритель быстро привык к постоянно повторяющимся персонажам. В отличие от других фирм, стремившихся привлечь знаменитых актеров для рекламы своей продукции, «МММ» сделала ставку на совершенно новые, никому не известные лица. Главное, чтобы люди, появляющиеся на экране, выглядели натурально, как будто только что пришли с улицы.

Герои клипов «МММ» были людьми ничем не выдающимися, не обладающими никакими талантами. Особенно удался Ленья Голубков. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба провинциального актера, исполнявшего эту роль, он себя обессмертил.

Ленья Голубков откровенно глуп, злоупотребляет алкоголем, ни на что не годен. Зато он добродушен, любит жену и брата. Миллионы людей узнали себя в Лене Голубкове, столь же недалекой «одинокой женщине Марине Сергеевне» и других персонажах клипов «МММ». И вслед за ними побежали вкладывать деньги в акции компании.

Один из секретов успеха «мыльных опер» в том, что необычайные события начинают происходить с обыванными персонажами. Сначала Ленья Голубков, Марина Сергеевна, молодожены Игорь и Юлия приходят на пункт продажи акций «МММ». Потом они начинают стремительно богатеть. Предстающие перед нами картины все менее правдоподобны, появляются условные декларации, но это уже не важно, ибо зрители поверили. Теперь они с нетерпением ждут нового клипа, где будет рассказано про новые успехи наших героев.

Наконец одинокая Марина Сергеевна находит себе мужчину, Ленья Голубков с братом Иваном едет в Сан-Франциско на чемпионат мира по футболу. А напоследок к героям рекламного сериала приходит «Просто Мария» — героиня модной мексиканской «мыльной оперы». Мексиканская актриса Виктория Руффо растерянно смотрит на акционеров «МММ», бестолково кивает и повторяет «Si, si». Короче, становится ясно, что и она вполне достойна своих собеседников. Нет никакого секрета: надо только довериться президенту «МММ» Сергею Мавроди, а дальше — «это просто, Ленья!».

Впрочем, клипы «МММ» были не только рекламой компании. Они пропагандировали определенные ценности и принципы. Причем довольно открыто и даже назойливо.

Рядом с Ленией Голубковым появился его брат Иван — воплощение традиционной морали. Брат Иван за стаканом водки пытался доказать, что деньги надо зарабатывать собственным трудом. И, естественно, каждый раз оказывался посрамлен. Конфликт между братьями разрешался, когда на стадионе в Сан-Франциско Иван плакал, сокрушаясь, что прожил жизнь зря: он всю жизнь работал, но ничего не достиг, а «Ленька-оболтус» подсутился с акциями, вложил деньги в «МММ» и теперь может запросто купить билеты на чемпионат мира в Америке.

Все это выглядело очень убедительно в стране, где честные труженики едва сводили концы с концами, а бездельники и уголовники разъезжали на дорогих автомобилях. Правда, в какой-то момент идеологи «МММ» спохватились и дали обратный ход, заставив Ленью Голубкова выступить с самокритикой. Вместо

графика роста потребления, который был объявлен «неправильным», зрителю был представлен «график направления инвестиций». Ленья Голубков обещал исправить и стать мелким предпринимателем. Все это выглядело нелепо и показано было по телевидению уже через два дня после краха «МММ».

Между тем именно в рассуждениях «брата Ивана» впервые прозвучало слово, мгновенно прилипшее к новоявленным акционерам: «халявщик». Действительно, в этом и была суть дела. «МММ» обещала своим вкладчикам «халяву» — незаработанное благополучие, буржуазный образ жизни без западной эффективности и протестантской этики, потребление, никак не связанное с трудом.

Компания «МММ» как бы взяла на себя роль «заботливого государства», от которой правительство отказалось. В этом секрет феноменальной личной популярности лидера «МММ» Сергея Мавроди, в котором тысячи акционеров видели «вождя и заступника», своего рода капиталистическую реинкарнацию пропагандистского образа Сталина. И в то же время пропаганда «МММ» полностью освободила своих последователей от веры в труд. «Куль труда» был сознательно и последовательно низвергнут средствами массовой информации, а личный опыт Лени Голубкова подсказывал ему, что при новых порядках своими руками вообще ничего не добьешься. Остались только паразитические ожидания, воплощенные в идеологии «МММ».

«МММ» была не единственной компанией, соединившей биржевую игру с пропагандой халявы. Вслед за «МММ» свои собственные «мыльные оперы» стали создавать другие фирмы. Но с «МММ» могла состязаться лишь «Система Теле-маркет». В отличие от героев «МММ», персонажи клипов «Теле-маркета» были похожи на интеллектуалов, на экране то и дело появлялись компьютеры, книги, бумаги. Реклама внушала: клиенты «Теле-маркета» — люди развитые, а не придурки, к которым апеллируют конкуренты. «Теле-маркет» — вложение денег «для тех, кто понял», «для тех, кто умеет считать». Но в конечном счете идеология «Теле-маркета» была та же, что и у «МММ»: «мы сидим, а денежки идут». Пользуясь советско-оружелловским жаргоном, можно сказать, что «МММ» — халява для «пролов», а «Теле-маркет» — халява для «интелей».

Игра с акциями была начата «средним классом» в «новой экономике», но очень скоро в игру втянулись миллионы бедняков. Они вложили деньги позже представителей средних слоев и пострадали больше. Играли они от отчаяния, пытаясь накопить денег не на поездку за границу, а на лишнюю пару обуви. Кончилось это тем, что люди стали продавать и закладывать квартиры, спуская последнее имущество в надежде на мифический выигрыш.

Обнищавшие и неспособные ни сопротивляться разорвавшей их системе, ни даже осознать свои интересы, они — вместо того, чтобы бороться — играли. И, естественно, обречены были проигрывать.

Если накануне западной «Великой депрессии» в биржевую игру были втянуты независимые мелкие собственники и «рабочая аристократия», которые были самостоятельными фигурами на рынке, то русские акционеры могли быть только «халявщиками». Крах старой производственной системы и социальных гарантий уже оставил их без средств к существованию, но бум на рынке ценных бумаг давал им надежду.

Играть — значило подражать «новым русским». Казино, как и игра на бирже, стали символами нового предпринимательства. Характерно, что буржуазная

этика эпохи первоначального накопления категорически осуждала игру. Карты, рулетка — все это были занятия вырождавшейся аристократии, на которую суровые предприниматели смотрели с презрением и ненавистью. Но в России никакого первоначального накопления не происходило: под лозунгами «строительства капитализма» полным ходом шло вырождение номенклатурной системы. Легко понять, почему не труд, а именно игра стала идеологическим принципом элиты. Несостоявшийся русский средний класс, как и полагается, старался во всем подражать элите. Бедняки — среднему классу.

Результат не заставил себя долго ждать. Крах игры, начатой Сергеем Мавроди, поставил под сомнение будущее его конкурентов. И хотя даже после ареста Мавроди эфир был по-прежнему заполнен его рекламой, бум сменился кризисом.

Прекрашая скупку своих акций, Мавроди, естественно, обвинил во всем государство и обратился к своим сторонникам с открытым письмом. «В настоящее время, — провозглашал создатель “МММ”, — мы планируем выход на фондовые рынки практически всех стран мира. С крупнейшими юридическими фирмами мира уже проработаны юридические аспекты проблемы отдельно для каждой страны. В США и Германии в тех же типографиях, где печатаются доллары и марки, напечатаны десятки миллионов билетов “МММ”. По сути нас приостановили накануне грандиозного прорыва, после которого Россия, по нашим прогнозам, должна была в самом ближайшем будущем стать богатейшей страной мира, практически все россияне, акционеры “МММ” — обеспеченными людьми, а акции “МММ” росли бы теми же темпами в валюте»³⁾.

Человек, немного знакомый с русской литературой, читая эти строки, немедленно вспомнит речи Хлестакова из знаменитой «сцены вранья» в гоголевском «Ревизоре». С той лишь разницей, что Хлестаков врал спьяну и относительно бескорыстно, а Мавроди тщательно рассчитывал свои шаги. Но и в том, и в другом случае эффект был достигнут. Чем более откровенным и нелепым было вранье, тем более восторженно ему верили. Вслед за «МММ» прекратил выдачу денег «Русский Дом Селенга», затем приостановил выплату дивидендов концерн «Тибет». За ними последовали «Теле-маркет», «Чара», «Властилия» и многие другие. Как и в случае с «МММ», даже крах фирмы не мог остановить рекламную кампанию, бушевавшую на волнах эфира. Время было скуплено заранее на много месяцев вперед, а лопнувшие фирмы подобно телевизионным привидениям продолжали преследовать обезумевшего обывателя.

Модель политических кризисов была воспроизведена с точностью до мелочей. Нищие опять дружно поддерживали тех, кто их обокрал. «Человек толпы» не верил больше в политику, но все еще верил в «халяву». Акционеры впервые в своей жизни начали организовываться. Но не для того, чтобы защитить свои права, а для того, чтобы вырывать «благодетеля» Мавроди!

Эмблемой фирмы были три заглавные буквы М, которые иногда заменяли изображением трех бабочек. Никто не обращал на это внимания — за несколько лет людей приучили к самым разным символам. Но когда грянул скандал, когда фамилия Мавроди была у всех на устах, выяснились кое-какие подробности: оказывается, «финансовый лидер» патологически любит бабочек. Акция

³⁾ Независимая газета, 2.08.1994.

властей по аресту Мавроди приобрела гротескно-зловещий оттенок. Бойцы спецназа в масках, по веревкам проникшие в его квартиру с верхнего балкона, ожидали увидеть там невероятную роскошь. Но их ожидал сюрприз: посреди неприбранного, вполне обшарпанного холостяцкого жилища братьев Мавроди единственной настоящей ценностью была лишь огромная коллекция бабочек. Как говорят специалисты, коллекция Мавроди — богатейшая в стране, и многих всерьез заботило: что станет с экспонатами, пока их хозяин будет находиться в тюрьме «Матросская Тишина». Газеты сообщали, что Мавроди — некрасивый, полный человек с плохой дикцией, застенчивый, с массой комплексов. Бабочки были чуть ли не единственной его привязанностью; даже рубашки он всегда выбирал с изображением этих насекомых. Во всем этом было что-то зловещее, некоторым на ум даже пришли параллели с фильмом «Молчание агнят». Как известно, страшный маньяк-убийца считал бабочек символом обновления.

Мавроди удалось повторить эффект Ельцина. Он был последним, кого беззаветно, бессмысленно и безответно полюбил «человек толпы». Но это уже не могло выручить ни самого Мавроди, ни «новых русских», ни «политику реформ». Кризис «МММ» углублялся. Акционеры так ничего и не получили. Рассеивались последние (и, надо сказать, самые нелепые) иллюзии Марины Сергеевны и Лени Голубкова. Сейчас эти люди не просто теряли последние сбережения. Рушилась навсегда их надежда стать «средним классом».

Биржевой кризис поставил на грань катастрофы и немногих еще действующих в стране мелких и средних бизнесменов, пытавшихся с помощью биржевой игры пополнить оборотные средства. Система как будто задалась целью в максимально короткий срок ознакомить нашего человека со всеми прелестями капиталистического кризиса: инфляция, безработица, неконтролируемая преступность, спад производства, политическая нестабильность, парламентский идиотизм, избирательные фарсы, военные перевороты. Недоставало только финансового краха. И он случился.

Теперь на сцену выходит новая и незнакомая нам фигура, которую некогда Маркс окрестил «закусившим удила мелким буржуа». Эта фигура существенно отличается от наивного и добродушного «совка», с которым при должной пропагандистской обработке можно было делать что угодно.

Разговоры о «русском бунте» были в 1992–93 гг. абсолютной чепухой. Люди, воспитанные по-советски, на это неспособны. «Бессмысленный и беспощадный бунт» — всегда бунт озверевших и обнищавших мелких собственников. Если в Лос-Анджелесе во время массовых волнений толпы крушили все подряд, то в Москве в октябре 1993, по признанию прессы, со стороны защитников Белого дома практически не было ни одного случая покушения на собственность. Иное дело акционеры «МММ». Не простояв на Варшавском шоссе и двух дней, они уже начали переворачивать машины.

Мелкий буржуа в подобных ситуациях предельно агрессивен, возбудим, переменчив и склонен к левому или правому радикализму. Как он будет себя вести, предсказать трудно, но ясно, что радикализация в той или иной форме неизбежна. Проблема в том, какая радикальная идеология сможет овладеть этой массой. Если успеха не добьются левые, закономерна фашизация.

Разговоры о «Веймарской России» и фашистской угрозе в нашей стране были полной чепухой в 1992–93 гг., пока у нас не было массы разоренных мелких

собственников. Именно такие люди составляют опору правого популизма и фашизма. Теперь движения фашистского типа могли найти свою массовую базу.

Интеллектуалы

Квалифицированный труд в советском обществе ценился не особенно высоко. Если Советский Союз и был рабочим государством, то лишь в том смысле, что любой неквалифицированный рабочий чувствовал себя на производстве увереннее любого инженера. Доступность высшего образования была поразительная, но заработки специалистов были позорно малы. Государство как бы говорило интеллигентам: вы пользуетесь привилегией комфорта, вам не нужно таскать тяжести, спускаться в шахту и уже за это вы должны быть нам благодарны.

Кульмис неквалифицированного труда раздражал образованную часть общества. Технократы, ученые, артисты, даже рабочие высокой квалификации чувствовали себя ущемленными, обобранными. Они прекрасно знали, каковы заработки их коллег на Западе. Справедливо или нет, они были убеждены, что их квалификация — не ниже, а следовательно, и заработки должны быть такими же.

Потребность в свободе, социальная ущемленность, оппозиционные традиции — все это превратило интеллигенцию в опору реформаторских, а затем и антикоммунистических движений конца 80-х гг. К этому надо добавить еще одно важное обстоятельство, предопределившее дальнейший кризис интеллигенции: хотя между академической или творческой элитой и массой рядовых учителей, инженеров, научных работников существовала значительная дистанция, интеллигенция воспринимала себя как однородную группу. И в самом деле — их образ жизни не так уж различался. Советская уравнилельно-стандартизирующая система делала свое дело. Все они читали одни и те же газеты и журналы, смотрели одни и те же фильмы и телепередачи, читали одни и те же книги. Разрыв в зарплатах академика и рядового учителя, как бы значителен он ни был, воспринимался менее болезненно, чем общая отчужденность от власти или недооценка творческого труда, от которой одинаково страдали и тот и другой. Интеллектуальная элита воспринималась не как привилегированная группа, а как ряд «лучших людей», образцы для подражания, властители дум.

Среди технической интеллигенции одно время чувствовалось определенное раздражение против гуманитариев, но дело не шло дальше споров о «физиках и лириках» в газетах 60-х гг. или разговоров на кухне. Даже те, кто считал, будто все писатели или философы «продались режиму», видели только профессиональные различия и никогда не ставили вопрос о социальных. Короче говоря, в культурном смысле интеллигенция была однородной массой.

Именно эта однородность интеллигенции помогла в конце 80-х гг. академической и творческой элите успешно манипулировать массой своих «рядовых» коллег. «Верхи» прекрасно отдавали себе отчет в том, что рыночная реформа ничего не даст интеллигенции как таковой. Но точно так же они сознавали, что у них появляется доступ к власти и собственности. Получив пропуск в Кремль, приватизировав имущество творческих союзов, начислив себе заработную плату,

в сотни раз превышавшую доходы большинства интеллигентов, они продолжали призывать «образованную часть общества» поддерживать реформы.

Противоречия между низами и верхами интеллигенции обострялись, а «интеллектуальная элита» 70-х гг. к 90-м понемногу становилась образованной частью господствующей мафии. Писатели переставали сочинять романы, а если что-то и публиковали, то выходило из рук вон плохо. Режиссеры больше интересовались театральными зданиями, нежели спектаклями. Сатирики появлялись на презентациях банков и перед ломящимися от яств столами объяснялись в любви к власти. Хорошим тоном стало подшучивать над бедностью, рассказывать анекдоты про побежденных, публично сожалеть, что в Белом доме расстреляли слишком мало коммунистов.

В октябре 1993 г. элитные интеллектуалы, подписавшие обращения в поддержку переворота, ссылались на то, что народ получит право выбрать новый парламент. Когда же итоги выборов оказались неудовлетворительными, элита заговорила по-другому. Наиболее последовательно высказалась Валерия Новодворская в «Столице»: «голосование за левых было спровоцировано отнюдь не прагматическими соображениями», — заявила она. Просто получив свободу, Россия всегда «выбирает зло, созвучное ее природе». Девять десятых населения «этой страны», по ее словам, выродки и «динозавры», которые не достойны жить на земле и «мы должны помочь им вымереть любыми средствами»⁴⁾. Можно применять пушки, можно быть более «тактичными», но цель должна быть достигнута.

Высказывания Новодворской не только не вызывали протеста среди интеллектуальной элиты, но и оказались вполне созвучны настроениям этой среды. «Престижные» газеты и журналы были полны почти площадной брани в адрес собственного народа и кровожадных призывов. Даже поэт-гуманист Булат Окуджава, некогда воспевавший «комиссаров в пыльных шлемах», рассказывал, как он радовался расстрелу 4 октября, прибавляя, что никакой жалости даже к безоружным жертвам не испытывает.

Публицисты помоложе, своего рода упрries от культуры, добавили к этому новую тему: пора с корнем вырвать вредные интеллигентские традиции и утвердить идеалы мещанства. Именно мещанство работает и двигает вперед прогресс, а интеллигенты двести лет только болтали и ставили палки в колеса власти. Это было уже трудно переварить деятелям старшего поколения, но они не протестовали, тем самым окончательно давая понять, что ничего общего с интеллигенцией в обычном смысле слова уже не имеют.

Могло ли такое продолжаться бесконечно? Вопреки призывам модных публицистов, большинство интеллигенции оставалось верно своим традициям и образу жизни. Раскол был налицо, а противостояние элиты и массы становилось все более жестким. Учителя и врачи оказались на грани голода. Без государственной поддержки научные учреждения не могли обеспечить людей ни заработком, ни интересной работой. Доля расходов на образование в бюджете России упала до 2,5–3 %.

Опросы начала 90-х гг. показывали: чем выше уровень образования, тем меньше ценилось богатство и тем важнее было «сохранить достоинство»⁵⁾.

⁴⁾ Столица, 1994, № 4. С. 3.

⁵⁾ Известия, 23.10.1993.

Немногие преуспевшие выходцы из интеллигенции по сути дела порвали со своей средой. Делалось это даже не по злому умыслу: таково было требование обстоятельств. Чтобы преуспеть, надо было отбросить старые привычки, связи и ценности: «Не захочешь менять, не получишь эту работу, — объясняет один из «удачливых» на страницах «Московских новостей». — А заработки такие, что сразу отрывают тебя от привычного для тебя и друзей уровня потребления, возникают сложности в поддержании прежних связей»⁶⁾. В свою очередь ущемленное большинство говорило про «неподобающее интеллигенту поведение» и «ненастоящую жизнь» своих бывших коллег, преуспевших во власти и бизнесе.

Характерно, что успеха добивались не лучшие ученые, не самые талантливые артисты. Как и в прежнее время, преимущество имели люди, обладавшие связями и «умевшие крутиться». Свобода от любых моральных ограничений была другим важным условием успеха. Короче говоря, победителями оказались именно те, кто в наименьшей степени были способны остаться интеллигентами.

К этому добавился разрыв между поколениями. В 1993–94 гг. либеральные профессора все чаще обнаруживали, что студенты уже не доверяют им, враждебно встречают разговоры о «реформах». Андрей Немзер в газете «Сегодня» с возмущением рассказывал про студентов-первокурсников 1975–76 гг. рождения, которые говорили ему, «что при коммунистах не все было скверно»⁷⁾. На собраниях оппозиции все чаще можно было увидеть прилично одетых молодых людей.

Большинство русской интеллигенции, еще недавно увлекавшейся неолиберальными идеями, обнаружило, что эти идеи несовместимы с ее традициями и интересами. Естественная ситуация любой интеллигенции — работа с нерыночными ценностями в культуре, образовании, фундаментальной науке. Там, где логика прибыли вытесняет или отодвигает назад все остальное, наступает кризис, чреватый распадом самого общества. В таких условиях невозможна никакая эффективная экономика, в том числе и частнопредпринимательская. Короче, чем больше в обществе распространяется жажда наживы, тем более оно нуждается в силах, не связанных с логикой рынка и прибыли. А следовательно, приходится терпеть оппозиционно настроенную группу интеллектуалов, исповедующую социалистические или традиционные ценности. Насколько радикальна интеллигенция — вопрос другой. Она может колебаться от умеренного социал-демократизма до революционных идей — в зависимости от того, что творится в стране, но если она не оппозиционна рынку, она не нужна даже капиталистам.

Российский парадокс в том, что приняв идеологию рынка, наша интеллигенция оказалась совершенно неприспособлена к встрече с ним. «Левизна», «социалистичность» для интеллигенции — нормальное условие профессиональной деятельности в «рыночной» системе, а профессиональный крах многих «элитных» интеллектуалов оказался не более чем следствием их веры в неолиберальные ценности.

Открывая для себя все это, наши интеллектуалы понемногу осознавали и глубокий фундаментальный антидемократизм неолиберальной идеологии.

⁶⁾ Московские новости. 1994. № 10.

⁷⁾ Сегодня. 25.03.1994.

Причем не только в ее «русском варианте». Ведь если «социалистическим» структурам отказано даже в роли «стабилизатора» рыночной системы, единственной гарантией порядка остается государственное насилие — последний довод власть имущих. И расстрел российского парламента из танковых орудий — лишь частный случай. Даже в Британии «реформы» Тэтчер ухудшили положение в области гражданских свобод. В России с ее слабым гражданским обществом, выбирать приходится однозначно: или отказ от свободного рынка, или отказ от демократии. Убеденные поклонники генерала Пиночета без труда делали выбор. Но вряд ли их можно называть интеллигенцией или культурной элитой: скорее надо говорить о «бывших интеллектуалах», перешедших в ряды крупных собственников. И защищали они не право на творчество, а счета в западных банках.

Неолиберализм в России оказался привлекателен для интеллигенции именно потому, что рыночного опыта не было. Неприятие коммунистической идеологии толкало людей вправо, зачастую вопреки собственным очевидным интересам. И даже когда коммунисты стали оппозиционной партией, они вряд ли могли привлечь интеллигенцию, квалифицированных рабочих и остатки средних слоев, переживших гайдаровскую реформу. Но недовольство росло. Для того, чтобы выразить протест, защитить интересы этих слоев, требовались новые политические силы, не обремененные грузом тоталитарного прошлого.

Новые прагматики

Любимая история идеологов «беловежской России» — про то, как Моисей 40 лет водил народ по пустыне. Кажется, из всего Ветхого Завета они запомнили только это место. Оно и понятно: все безобразия и подлости «новой эпохи» списываются, как и положено, на «проклятое прошлое» — теперь уже «коммунистическое» и «советское». А все несбыточные надежды и несостоявшиеся достижения относятся по ведомству «светлого будущего». И раз уж зашла речь о светлом будущем, то в нем обязательно должен быть «новый человек», не испорченный «старыми порядками».

Бедный Моисей! Библейское сказание понадобилось лишь для того, чтобы по-новому упаковать и заново продать публике старую схему из советских учебников истмата.

Между тем, пока идеологи обещают нам вывести в капиталистических оранжереях новое поколение «не-советских» людей, это поколение уже все более заметно заявляет о себе. Это и в самом деле «дети реформы». Многие из них никогда не состояли в комсомоле, а некоторые не были и пионерами. Перестройка началась, когда младшим из них было 10–12 лет, а старшие заканчивали школу. Белый дом расстреливали, когда они только-только достигли совершеннолетия или первый раз устраивались на работу. В декабре 1993 г. они впервые в своей жизни НЕ пошли голосовать.

Сталин для них такая же история, как Александр Македонский или Иван Грозный. Брежнев — воспоминание детства, своего рода сказка, как Красная Шапочка или Илья Муромец. Либерализм — навязшая в зубах официальная доктрина, которую исповедуют унылые бюрократы и штатные пропагандисты.

Марксизм — полузапретная западная теория, помогающая понять, почему все вокруг так скверно.

Это молодые профессионалы, великолепно знающие чего они хотят. Компетентные, квалифицированные, динамичные, раскованные, они уже вполне адаптированы к «рыночным условиям» — других они просто не видели. «Западный стиль» поведения, свободное владение языками...

Казалось бы либеральные идеологи должны радоваться: вот оно новое поколение, о котором они столько мечтали. Но, увы, именно это поколение не принимает ценностей «новых русских», смотрит на них со смесью презрения, отвращения и недоумения. Не принимает это поколение всерьез и государственность «беловежской России», а разговоры про «свободное предпринимательство» вызывают у них в лучшем случае циничные шутки.

Они привыкли к полным прилавкам, заваленным некачественными товарами по недоступным ценам. Их не обманешь призраком «потребительского рая». В отличие от своих родителей, которые мечтали натащить в дом побольше импортных вещей, молодые прагматики больше думают о профессиональном самоутверждении.

Значительная часть молодых профессионалов уезжает на Запад. Эта эмиграция в 90-е гг. почти поощрялась властью. Историк Рой Медведев совершенно справедливо пишет, что тем самым снижается политическое напряжение в стране. «Сегодня Россия терит важные и нужные для нее кадры, но она избавляется и от многих тысяч потенциальных участников оппозиции»⁸⁾. Однако далеко не все находят за границей подходящую и постоянную работу. Многие возвращаются, причем, как правило, с гораздо более левыми настроениями, чем когда уезжали.

Предыдущее поколение дало себя заморочить рассказами о западном процветании. Это процветание должно было немедленно наступить, как только страна введет у себя частную собственность, биржи и спекуляцию недвижимостью. Теперь миллионы людей недоуменно смотрят на витрины дорогих магазинов, пересчитывая свои жалкие гроши. Но если старшие были одурочены, то их дети и младшие братья многому научились на их примере. Новые прагматики умеют анализировать события, они уже догадались, что став периферией Запада, мы никогда не вырвемся из заколдованного круга отсталости и зависимости, а европейский комфорт не является высшей ценностью. И они достаточно реалисты, чтобы понимать: ничего хорошего на основе нынешнего варварского капитализма не вырастишь, сказки про то, как мы строим «нормальную страну» — *опиум для идиотов*.

Именно поэтому поколение новых прагматиков глубоко враждебно порядкам, складывающимся в России. Они знают, что торжествующий «русский рынок» не оставляет им никакой надежды реализовать в полной мере свои знания и возможности. Именно потому, что они много знают и умеют, они не могут с этим смириться.

Они не хотят торговать в ларьках, воровать казенную собственность и брать взятки, «ловить рыбку в мутной воде». Они хотят хорошо, на «западном» уровне работать, делать то, что им нравится, достигать результатов, они хотят, чтобы

⁸⁾ Медведев Р. Капитализм в России? С. 286.

эта работа достойно оплачивалась и открывала им перспективы роста. Они хотят жить у себя дома, а не бежать в поисках заработка за океан. В этом смысле они — «патриотичны». Но квасной патриотизм славянофильской оппозиции вызывает у них лишь горькую усмешку.

Это совсем молодые журналисты, никогда не работавшие в партийной печати, но знающие на собственном опыте цену «свободе», ограниченной волей спонсоров. Это компьютерные специалисты высочайшего класса, которым не надо доказывать, что политика, разрушающая научный потенциал страны, лишает их будущего. Это юристы, которым неинтересно работать в условиях правового беспредела.

Молодым профессионалам нужны государственные программы научного и технологического развития: они знают, что никакая частная инициатива не создаст им условий для успеха. Им нужно бесплатное здравоохранение и образование — не потому, что у них нет средств, а потому, что они (в отличие от «новых русских») хорошо умеют считать деньги.

Может быть появились наконец в России люди с чувством собственного достоинства? И во всяком случае — осознающие свои интересы и не позволяющие безнаказанно морочить себе голову. Пока их очень мало, но с каждым днем становится все больше. Пока они не очень радикальны, но с каждым днем становятся все более левыми.

Пропаганда еще пугает население «возвратом к тоталитаризму». Молодые профессионалы понимают: возврата в 70-е не будет, хотя многое очень хотелось бы вернуть. А вот мерзость новых порядков — совершенно реальна и с ней надо бороться. В этом они ужасно похожи на своих сверстников и коллег из Нью-Йорка, Мехико-сити, Праги и Дели. У них общие интересы и общая неприязнь к «политиканам», «бюрократам» и «буржуям».

Для нашей страны этот тип совершенно новый, но подобное уже было в Латинской Америке. Под западным влиянием, в результате капиталистических реформ в обществе выросло поколение новых профессионалов, которое бросило вызов Западу и господствующим порядкам. Не обездоленные пролетарии штурмовали казармы Монкада на Кубе. Это были молодые представители среднего класса, уверенные, что без революции не будет модернизации.

Поколение новых профессионалов в России 90-х — прагматично. Они не идеалисты, а потому у них нет своей идеологии и они не могут ее выработать сами. Некоторые даже называют себя «потерянным поколением». Они не хотят отождествлять себя ни с одной из действующих сил. Но в то же время — левеют. Их беда, и беда всего общества, что массового политического движения, предлагающего действительную альтернативу, в стране нет. Пока нет.

Не случайно то, что очень часто группы новых прагматиков собираются в организациях, где заправляет очередной «русский Гамлет». Критическое отношение к действительности и неприятие готовых ответов роднит их. Но молодым нужно действовать, они не могут просто погружаться в рефлексии и тоску. Они судорожно ищут выхода.

Молодые прагматики знают: они уже никогда не станут процветающими буржуа. Это еще не поколение революционеров, но уже потенциальные кадры будущих радикальных движений.

Революция стыда

Многokrатно обманутый советский обыватель понемногу осознал, что его обвели вокруг пальца, но так и не испытал по этому поводу должного стыда. А ведь российские либералы не просто манипулировали незрелым массовым сознанием, не просто пользовались неопытностью людей, не знающих законов рыночной экономики. Они изначально апеллировали к самым темным и низменным сторонам человеческой натуры — жадности, зависти, самоуверенности, жестокому пренебрежению участью слабых и расистскому равнодушию к судьбе других народов. Да, те, кто в 1989 г. считали себя «сильными» и потенциальными победителями, на самом деле оказались «слабыми» и проигравшими. Но с моральной точки зрения их позиция не стала бы более приемлемой, даже если бы дела сложились несколько иначе. В целом советские люди получили именно то, чего заслуживали. Маркс был совершенно прав, когда заявил: «У неразумного народа не может вообще быть речи о разумной государственной организации»⁹⁾. Ни стоны разоренных вкладчиков, ни даже жалобы полуголодных учителей или ярость обманутых шахтеров не могут вызывать сочувствия до тех пор, пока сами люди не пытаются изменить свое положение. Борьба не всегда ведет к победе, но без борьбы не может быть не только победы, но и элементарного уважения к себе.

Задним числом обыватель начинает искать виноватых — ими оказываются американцы, евреи, русские националисты, журналисты, чеченцы, коррумпированные чиновники, короче кто угодно, только не он сам. При этом обывательское сознание по-прежнему остается полностью свободно от малейшего чувства ответственности за происходящее, а следовательно и от стыда. Там же, где нет стыда, нет ни свободы, ни даже надежды на освобождение.

Для того, чтобы изменить свое положение, «россиянин» должен переделать себя, превратившись из жертвы в борца, из обывателя в гражданина, из обманутого потребителя в сознательного пролетария. Превращение далеко не простое и тем более болезненное, что оно требует резкого разрыва с собственным прошлым опытом. Но другого пути нет.

«Надо заставить народ ужаснуться самого себя, чтобы вдохнуть в него отвагу», — писал молодой Маркс¹⁰⁾. Речь идет в данном случае не только о смелости людей, готовых безоружными выйти навстречу армии и полиции, — такой бесшабашной и безответственной удали в России всегда было довольно. Речь идет об отваге политического действия, о способности к самоорганизации, о готовности отвечать за *собственные* поступки, не полагаясь на указания «начальства» и поучения интеллектуальной элиты.

Может быть, этот моральный и психологический рывок произойдет вместе со сменой поколений. Может быть, он не произойдет никогда. Но это единственный выход.

⁹⁾ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. I. С. 285.

¹⁰⁾ Там же. Т. I. С. 417.

Глава 7

Оппозиция

Чем хуже шли дела в экономике, тем активнее правительство и его идеологи искали «врагов», виноватых в происходящем. Так было не впервые, но российским властям в 90-е гг. повезло куда больше, нежели их советским предшественникам: на сей раз врагов не пришлось выдумывать. Враги были настоящие, их становилось с каждым днем больше. Провалы реформ толкали в лагерь оппозиции людей, вчера еще восторженно поддерживавших власть. С Коммунистической партией все закончилось быстро и просто: когда ее разгоняли, ни один из ее лидеров не сопротивлялся. Зато появилась новая оппозиция.

Непримиримые

Рано утром 7 ноября 1991 г. в Москву приехал тридцатилетний рабочий Татаренко. С собой он не привез ничего кроме красного флага и революционного энтузиазма. Сразу с вокзала наш герой отправился на Красную площадь. Здесь было тихо и безлюдно. Встав на подходе к площади, Татаренко развернул красный флаг и начал выкрикивать антиправительственные лозунги. Спустя несколько минут его уже окружала кучка прохожих, затем собралась толпа. Скоро здесь были тысячи людей, многие с красными флагами и транспарантами. Мощная демонстрация двинулась на Красную площадь.

Татаренко не знал, что демонстрация была заявлена сразу несколькими организациями, а люди собирались из разных концов столицы по призыву множества групп и партий. За окружившей его массой людей тридцатилетний провинциальный рабочий не видел никаких других организаторов кроме самого себя. Покидая вечером столицу, он не мог отделаться от ощущения, что именно он создал толпу и двинул ее на Красную площадь.

Анонимный хронист коммунистического движения из газеты «Контраргументы и Факты», рассказавший эту историю, считает именно 7 ноября 1991 г. переломным моментом, когда непримиримая оппозиция захватила улицу. И хотя многочисленные коммунистические группы существовали уже давно, политической силой они стали лишь теперь.

Весной 1991 г., выступая перед кучкой людей возле Парка Культуры, лидер «молодых коммунистов» Игорь Маляров предрекал, что после повышения цен под его знамена придут тысячи. «Объединенный Фронт Трудящихся», «Инициативный съезд коммунистов России» и движение «большевиков-ленинцев» во главе с Ниной Андреевой в Ленинграде уже несколько лет вели безуспешную борьбу с либеральными идеологами внутри и вне Коммунистической партии.

Проиграв идейную борьбу более опытным и изощренным демагогам из партийной элиты, они надеялись изменить соотношение сил теперь, когда массы на собственной шкуре почувствуют, что такое рынок.

Непримиримая оппозиция в очередной раз ошиблась, хотя на первый взгляд казалось, что ее прогнозы подтверждаются. Осенью 1991 г., через полтора—два месяца после августовского путча и распада официальной Коммунистической Партии Советского Союза можно было видеть быстрый рост народного недовольства. Новые коммунистические партии росли как грибы. В октябре Московская Федерация Профсоюзов организовала многотысячный митинг протеста против экономического курса властей. Манежная площадь была запружена народом. Несмотря на холодную погоду люди не хотели расходиться. Массовые выступления 7 ноября подтверждали ту же тенденцию. Но все это происходило еще до того, как власти всерьез взялись за проведение реформ. Освобождение цен в январе 1992 г., стремительное падение жизненного уровня и резкое изменение условий жизни привели к совершенно не тем результатам, на какие надеялись лидеры неокommunistов. «Шоковая терапия» парализовала волю и сознание людей. На несколько месяцев нормальную работнику стало вообще не до политики. Всех волновало только одно: как выжить? Надо было хоть как-то приспособиться, хотя бы понять, что происходит. Что значат новые, ежедневно меняющиеся цены, почему за 1,5 тыс. сегодня можно купить меньше товаров, чем два месяца назад за 150 рублей? Советский человек, совершенно не приученный жить в условиях рынка, оказался брошен в неуправляемую стихию. Не понимая, что творится вокруг, каждый пытался выплыть в одиночку.

Неокommunistические организации не желали считаться с этими настроениями. Каждые две или три недели они проводили очередной митинг. Злые языки поговаривали, что у их лидера Виктора Анпилова есть расписание митингов и демонстраций до 2000 г. На митингах было много людей: по сравнению с «доавгустовским» периодом движение заметно выросло. Но вскоре рост прекратился. Митинги становились как бы ритуальным сбором одних и тех же товарищей.

Не менее характерно, что на улицах сначала почти не было людей средних лет. Власть утверждала, будто протестуют только пенсионеры. Это было ложью. На улицы выходило немало молодежи. Красные флаги и комсомольские значки снова были запретны, а потому привлекательны. Но люди среднего возраста, обремененные семьей, необходимостью кормить и одевать детей, пытавшиеся сохранить работу и хоть как-то поддерживать привычный образ жизни, на митинги не ходили.

Пока коммунистические группы митинговали на улицах, в парламенте все более явно звучал голос «патриотической оппозиции». В большинстве своем «русские патриоты» из числа народных депутатов были не только антикоммунистами, но и просто правыми. Они черпали вдохновение в воспоминаниях о славном прошлом православной империи. Октябрьская революция виделась ими как национальная трагедия, кризис 90-х — как новый этап распада, продолжение и усугубление кошмара, начавшегося в 1917 г. И все же оба течения постоянно сближались, в конце концов создав единую организацию — «Фронт Национального Спасения».

Что объединяло «лево-правую», «красно-белую» оппозицию? Многое. Социальная база и видение мира было примерно одинаковым у обеих группировок. Они верили в возможность вернуть великое прошлое и страдали от унижения державы. Они не склонны были анализировать текущие события, разбираться в сложных проблемах.

В газете «Контрагументы и факты» зимой 1994 г. были приведены интересные наблюдения, характеризующие психологию непримиримых. Участники движения все еще верили, будто живут в советской стране среди единого и могучего советского народа. Дифференциация интересов, социальные сдвиги, произошедшие на протяжении 80-х и 90-х гг., оставались незамеченными зачастую просто потому, что самих митингующих эти сдвиги непосредственно не касались. Протестующая многотысячная толпа создавала впечатление, будто весь народ — на улицах. Но на следующий день, выходя на работу, участники митингов видели вокруг себя безразличных, а иногда и враждебных людей, которые не хотели бороться за идеалы великого прошлого, не думали ни о чем, кроме заработка и покупок.

Поскольку сам народ винить ни в чем было нельзя, все объясняли проблемами мирового капитала, американских шпионов или «евреев». «Вообще тема “масонов”, “сионистов”, “жидов”, или просто “евреев”, неизменно была на устах участников этого движения независимо от того, к какому идейному направлению они сами себя относили. При этом было бы ошибкой считать, что в этом движении процветал “бытовой антисемитизм”. Представление о “евреях-сионистах” было для участника движения необходимым и удобным именно как абстракция. Чтобы это понять, необходимо еще раз обратить внимание на то странное и двойственное положение, в котором оппозиционер оказывался в обществе. Любовь к своей стране и к своему народу, гордость за его историю, чувства оскорбления и дискомфорта в связи с развалом СССР и униженным положением России, возмущение происходящим “ограблением народа” (которое он как лицо со скромным достатком хорошо видел и ощущал на себе) — все это вступало в странное противоречие с благодушным настроением большинства окружающих. Феномен этого благодушия, того, что любимый народ позволил столь легко развалить любимую державу, требовал объяснений помимо “зомбирующего телевизора”, требовал образа сверхчуждого и сверхковарного вездесущего врага. Не обнаружив такого в реальной жизни, каждый представитель оппозиции поневоле начинал выискивать понятие-символ вроде “нечистой силы”, каковым и становилось абстрактное заклинание о “сионизме”¹⁾.

Идея «сионско-масонского заговора» понемногу стала одним из объединяющих принципов движения, позволяя собрать вместе сталинистов и монархистов. Враждебность к Западу и либеральным идеям была равно свойственна и «правой» и «левой» группировкам непримиримых. Азарт борьбы против общего

¹⁾ Контрагументы и факты. 1994, № 1. Калининградский «Вестник “Солидарности”» писал, что «русским патриотам» свойственно странное пренебрежение русской же культурой и историей: «Русские патриоты читают очень странные книги — Тору, Каббалу, Талмуд (но и в руки не возьмут русских гениев Толстого или Горького), знают, когда и как праздновать хануку, не пропускают проповедь заезжего раввина, рисуют, где могут, “исконно русские” виффлемские завитушки». (Вестник «Солидарности», ноябрь 1999, № 11. С. 3.)

врага захватывал настолько, что все мировоззренческие разногласия отодвигались на задний план.

Во время митингов «непримиримых» постоянно возникали курьезные ситуации. То неокommунист Анпилов лично срывал со стен листовки с красной звездой, в которой его коллеги увидели «масонскую пентограмму», то «русская партия» выходила продавать свою газету, призывающую выкинуть тело Ленина из Мавзолея, прямо у музея Ленина. Газету охотно раскупали рьяные коммунисты.

Прибывший из Парижа модный писатель «Эдичка» Лимонов был здесь в своей стихии. Собирая в одной аудитории панков и казаков, листовки с явной фашистской символикой и копии антифашистских советских плакатов времен Великой Отечественной Войны, он превращал свои выступления в эффектный постмодернистский performance, политический «хэппенинг», позволявший «оттнаться» после парижской скуки.

Все это напоминало какой-то горячечный бред. И толпа, охваченная подобным бредом, вела себя соответственно. Кто управлял событиями? Лидеры движения? Но она сами очень слабо отдавали себе отчет в том, что происходит. Провокаторы из специальных служб ельцинского режима? Возможно, но они не смогли бы многого добиться, если бы движение не запуталось в собственных противоречиях. Несмотря на кажущуюся напористость и агрессивность, «непримиримые» беспомощно метались из крайности в крайность. Они были неспособны к стратегической инициативе и лишь реагировали на внешние раздражители. То призывали отправить Руцкого и Хасбулатова под суд, то выполняли их указания, то видели в российском Белом доме символ всех несчастий страны, то шли его защищать. В любом случае, такое движение было исключительно благодатным материалом для всевозможных манипуляций — извне и изнутри. А в манипуляторах недостатка не было.

«Непримиримых» постоянно провоцировали, а те неизменно поддавались на провокацию. На улицах столицы происходили настоящие сражения. Первый раз это произошло 23 февраля 1992 г., когда милиция избивала демонстрантов, пытавшихся возложить цветы к могиле Неизвестного солдата. Демонстранты ответили яростным и организованным сопротивлением, в нескольких местах прорвали оцепление. Появились первые раненые — пока главным образом со стороны митингующих.

Вторая уличная битва, затмившая первую, произошла 1 мая 1993.

Почему из множества оппозиционных демонстраций кровопролитием закончились именно эти — праздничные, когда люди, собственно, шли не протестовать и бороться, а скорее просто отметить свой праздник? Власти явно стремились превратить традиционные советские праздники в повод для кровавых разборок. Первомайское побоище 1993 г. явно должно было стать поводом для очередного завинчивания гаек. Столкновения на улицах и площадях столицы были прелюдией к танковым залпам по зданию парламента. И роль, которую сыграла во всех этих событиях «непримиримая оппозиция», — далеко не только героическая.

Итоги референдума оказались неприятным сюрпризом и для правительства и для непримиримых. Власти при всем старании не могли скрыть того факта, что «всенародно избранного президента» поддержала лишь треть населения.

Но и непримиримая оппозиция потерпела неудачу. До 25 апреля она могла говорить от имени всего народа. Референдум показал, что это не так. «Партия неголосующих» впервые в России оказалась самой крупной. Она явно была не с президентом, но никак не на стороне «непримиримых».

Тактика непримиримых, оттолкнув миллионы людей, фактически сработала на Ельцина. Но положение дел могло измениться по мере роста новой оппозиции. Эта новая оппозиция, представленная относительно умеренными депутатами, директорами предприятий, профсоюзными лидерами и в некоторых случаях демократическими левыми, способна была привлечь на свою сторону «партию неголосующих», окончательно изменив соотношение сил не в пользу Ельцина. Если в 1992 г. на первомайский митинг профсоюзов явилось не более 10 тыс. человек, то в 1993 г. по Тверской улице прошла внушительная 25-тысячная колонна.

Власть сознавала, что сомнительных итогов референдума было явно недостаточно для разгона парламента или для того, чтобы ввести чрезвычайное положение. В правящих кругах развернулась острая дискуссия между сторонниками «жестких мер» и «умеренными», которые призывали хотя бы формально оставаться в рамках законности. 1 мая сторонники «жесткой линии» сказали свое слово.

Драка была заказана. Еще до того, как на Гагаринской площади пролилась первая кровь, в Москве начали происходить «странные» события. Московская Федерация Профсоюзов получила от мэрии предварительное разрешение на митинг на Красной площади и объявила об этом по своим членам. Организационная машина была запущена, по городу были расклеены листовки с призывами выйти на первомайский митинг, формировались колонны. Но в последний момент, когда ничего сделать было уже нельзя, власти неожиданно запретили митинг на Красной площади, предложив другие места.

Было сделано все, чтобы профсоюзная демонстрация кончилась столкновениями с силами порядка. Надо отдать должное руководству МФП, которое нашло выход из ситуации. Митинг состоялся на Манежной площади, отгороженной от Кремля не только милицией, но и профсоюзными дружинниками.

Коммунистическая демонстрация на Октябрьской площади началась довольно мирно. Когда милиция преградила демонстрантам путь в центр, они покорно повернулись и пошли в обратном направлении, хотя перед ними не было ни водометов, ни бойцов ОМОНа в бронежилетах. На Крымском мосту демонстрантов вновь встретила милиция, на сей раз гораздо лучше оснащенная. Коммунистические колонны вновь развернулись и пошли в ту сторону, куда толкала их милиция. Они шли по Ленинскому проспекту, очищенному от транспорта, шли спокойно и организованно, пока у входа на Гагаринскую площадь, на самом узком месте, когда нельзя было уже ни развернуться ни уйти в сторону, их встретил ОМОН. Остановить 70-тысячную толпу, разогнавшуюся на проспекте, было уже невозможно.

Когда при Горбачеве демонстранты из «Демократической России» в марте 1991 г. пытались прорваться к центру, милиция остановила их на Пушкинской площади, оставив людям возможность уйти по бульварам или разойтись и сесть в метро. И хотя здесь тоже были экстремисты, пытавшиеся прорвать ограждения, были водометы и войска в бронежилетах, все обошлось

благополучно если не считать нескольких помятых курток и разорванных в сутолоке брюк.

На сей раз все было сделано наоборот. Организаторы демонстрации, в отличие от лидеров МФП, не попытались избежать столкновения или остановить толпу. Но даже если бы они и пошли на это, у них бы ничего не вышло. Толпа на полном ходу врзалась в цепь ОМОНа. Итог хорошо известен: более 500 раненых, один убитый.

Любопытно, что Лужков, возглавлявший в 1991 г. Исполком Московского городского Совета, прекрасно мог изучить мартовскую операцию. И став вице-мэром, а затем мэром, сделал все возможное, чтобы подобный мирный исход не повторился 23 февраля 1992 и 1 мая 1993 г. Поскольку именно Лужков не раз публично выступал как сторонник самых жестких мер против оппозиции, а контролируемая им столичная пресса по своей агрессивности превосходила даже пропагандистские органы центрального правительства, здесь нетрудно заметить некоторую логику.

Лидеры непримиримых немедленно объявили произошедшее преднамеренной провокацией Ельцина. Но судя по реакции российских властей, те тоже были обескуражены. Вечером 1 мая вице-премьер Сергей Шахрай и выступавший от имени президента Сергей Филатов выглядели растерянными. Шахрай даже пообещал, что скорее всего правительство падет к осени, а затем добавил, что предпочел бы победу коммунистов на выборах, а не на баррикадах. Напротив, ведущий программы «Итоги» Евгений Киселев вел себя очень агрессивно, обвинял власти в нерешительности и попустительстве «красным», грозил, что Ельцин утратит поддержку своих сторонников, если не предпримет чрезвычайных мер. Программа «Вести» призвала: не дадим распоясавшимся революционерам превратить Москву в Лос-Анджелес! Дикторы телевидения даже не отдавали себе отчета в том, что после нескольких лет пропаганды «американского образа жизни» это заявление звучало несколько странно.

Как только Ельцин появился перед своими сторонниками в Зеленограде, из толпы раздались крики о том, что надо расстрелять 26 коммунистов, арестованных 1 мая. Радостно улыбнувшись, Ельцин пообещал, что суд разберется. Но это не вызвало в его стане одобрения. 4 мая «Московский Комсомолец» и «Куранты» поместили на первой полосе статьи с резкими нападками на Ельцина. Президента обвиняли в трусости, слабости, потворстве «коммунистическим бандитам». Если президент не примет мер, грозили в один голос «радикальные демократы», он утратит нашу поддержку и доверие; не надо бояться чрезвычайного положения, надо немедленно запретить оппозицию, ограничить деятельность профсоюзов, закрыть антиправительственные газеты.

Вряд ли все это было сказано самим Ельциным. Скорее можно говорить о мощной кампании давления на Ельцина и умеренных в руководстве России. Осознавая, что сохранение демократических свобод неминуемо сведет на нет все завоевания «демократов», часть правящих кругов пыталась вынудить Ельцина на крайние меры. К их величайшему разочарованию, правительство, «обжегшееся» на двух попытках нарушить Конституцию, теперь предпочитало выждать.

9 мая оппозиционная демонстрация, несмотря на распространявшиеся прессой и телевидением слухи о предстоящем новом побоище, удвоилась. Лужков вновь привел в боевую готовность ОМОН, но в последний момент сами

же российские власти вынудили его удалить силы порядка с улиц. Шествие прошло мирно. Хотя официальные запреты были нарушены и колонны демонстрантов вышли на Красную площадь, никаких эксцессов не было. Телевидение вынуждено было констатировать идеальный порядок на улицах.

9 мая был проведен своеобразный «следственный эксперимент». Демонстранты были настроены далеко не добродушно. Но там, где не было ОМОНа, не было и драки. Еще раз было доказано то, о чем уже не раз говорили и оппозиционные журналисты и разумные люди в самой милиции: появление ОМОНа на улицах не только не гарантирует безопасность граждан, а наоборот, создает риск для жизни и здоровья населения. Даже там, где нарушается порядок проведения митингов, все обходится благополучно до тех пор, пока правительство Москвы не «принимает меры».

Вечером 9 мая в «Итогах» Киселев даже не пытался скрыть своего раздражения тем, что все обошлось мирно. Он сожалел, что власти не решились применить силу, грозил российской демократии участием Веймарской республики. Угроз в адрес президента больше не было. Журналисты неожиданно и дружно затихли.

Антиельцинская толпа вела себя поразительно похоже на ельцинскую. Кризис — жизнь «непримиримых». А для режима постоянное провоцирование политического кризиса было единственным способом скрыть свои постоянные экономические провалы и сдержать эрозию своей социальной базы. В этом смысле и «непримиримая» оппозиция и «реформаторская» власть были едины и нуждались друг в друге. Но и вечно это продолжаться не могло. Рано или поздно должна была наступить развязка.

События 3–4 октября были высшей точкой, кульминацией борьбы для уличной оппозиции. Тогда в течение нескольких часов город принадлежал им. Или во всяком случае так казалось митингующим. За это время они показали, что не способны ни стать властью, ни победить власть. Героическая защита Белого дома, где засели депутаты, отнюдь не симпатизировавшие уличной оппозиции, была последним эпизодом в истории этого движения. Оно было разгромлено просто потому, что не могло выиграть. Но крах непримиримых оказался и крахом центризма, поражением «умеренных» и концом первой парламентской оппозиции.

Центризм?

Какие бы ошибки и глупости ни совершало российское правительство, у него всегда был надежный союзник: беспомощная и непривлекательная оппозиция. Для того чтобы реформы могли успешно продолжаться, оппозиционные силы должны были выглядеть еще хуже, нежели власть.

Май 1993 г. в России вошел в историю подготовкой конституционно-го совещания и широкомасштабной попыткой создания центристского блока. Одно с другим тесно связано: пока шла парламентская борьба, центр усиливался, но в марте Ельцин добился референдума, свел все вопросы к простому «Да»—«Нет» и центр как бы исчез из поля зрения. Когда после референдума на первый план вышел вопрос о Конституции, власти вынуждены были

в течение какого-то времени хотя бы для вида что-то с кем-то обсуждать, центристы вновь стали заметны.

Первый вариант центристского блока был создан в 1992 г. Аркадием Вольским под названием «Гражданский Союз». За спиной у политиков стояли «красные» директора из «Российского Союза Промышленников и Предпринимателей». Основные кадры активистов должна была дать Народная партия «Свободная Россия», больше известная как «партия Руцкого».

Результаты деятельности «Гражданского Союза» оказались не особенно впечатляющими. Лидеры ГС, так и не решившись на открытое противостояние с властью, говорили о «пунктирной оппозиции». Политические «генералы» выясняли отношения между собой, а осторожные директора не торопились вкладывать деньги в политику. Руцкой, к ужасу своих союзников, все более радикализировался, Вольский по-прежнему был сверхосторожен, рядовые активисты не знали толком что делать.

На совещании центристских сил 20 мая 1993 г. много говорилось о том, что слабый центр — беда русской политической культуры, что поляризация сил ведет к гражданской войне, что пора создавать сильный центр, но никто не задал ни одного вопроса о том, почему центр в России всегда был слаб.

Поляризация сил вовсе не ведет автоматически к гражданской войне. Для политической культуры Англии и Франции характерна очень явная поляризация, причем не только партийная (левые—правые), но идеологическая и классовая. Тем не менее партия, приходящая к власти, по большей части сдвигается к центру. Причем настолько, что зачастую теряет собственное лицо, утрачивая поддержку избирателей. Это было всегдашней бедой социал-демократических партий.

В России же все обстояло иначе. Силы, рвущиеся к власти, претендовали на умеренность, на защиту общенародных интересов. Захватив власть, они немедленно начинали проводить куда более радикальную политику, доходя до экстремизма. Большевики в 1916 г. не так радикальны, как в 1918. А вспомним «демократов» 1990 г.! Это же сама умеренность. Сверхскоростной приватизацией даже не пахнет, о развале СССР ни слова.

В России, с ее слабым гражданским обществом, источником экстремизма является сама власть, ее неконтролируемость. А также нестабильность общества. Потому центристские лозунги — еще не гарантия сбалансированной политики. Гораздо важнее — борьба за демократизацию структур власти и создание широко организованного общественного движения, сознающего свои интересы. Без контроля со стороны такого движения власть всегда будет безответственной.

А тем временем «центр» все больше превращался в прибежище провалившихся интеллектуалов и обиженных властолюбцев. На центристских собраниях царил разноречивый: от правых либералов до неокommunistов. Здесь были видны хорошо знакомые лица людей, еще недавно поднимавших антикоммунистическую волну, а еще раньше составлявших очередные проекты программы КПСС.

Слабость «Гражданского Союза» была, во-первых, в том, что это было верхушечное объединение, а во-вторых, в том, что лидеры ГС пытались противопоставить Ельцину право-центристскую политику. Почувствовав угрозу, Ельцин немного сдвинулся к центру, подорвав позиции ГС, а затем вновь повернул вправо. Правый центр ничего такому маневру противопоставить не мог.

Центризм как попытка балансировать между правыми и левыми был обречен. Поляризация сил возрастала: чем больше социальная безответственность власти, тем более радикальна оппозиция. Если нет западного среднего класса, то «не проходит» ни умеренный вариант социального либерализма, ни такая же умеренная, центристская социал-демократия.

По мере того как обострялся конфликт между центристами и ельцинской властью, сами центристы превращались в заложников «непримиримой оппозиции». Они неспособны были мобилизовать социальные слои, на которые пытались опереться. Невнятный центризм Вольского не мог привлечь никого. Центризм Руцкого, смешавшийся с экстремизмом Анпилова и суперпатриотизмом Астафьева, был не более привлекателен. И если люди шли к зданию парламента 3–4 октября по призыву Руцкого, то не потому, что их убеждали идеи «Гражданского Союза».

Декабрьские выборы 1993 г. закончились для «Гражданского Союза» позорным провалом. Еще раньше русский центризм потерял свои самые привлекательные фигуры: Руцкой и Хасбулатов, защищавшие Конституцию и парламент, были брошены в Лефортовскую тюрьму.

Их крушение было трагичным, хотя их действия оказались далеко не безупречны с моральной точки зрения. Вряд ли кто-то вправе упрекнуть Руцкого за то, что, пообещав сразаться в Белом доме до конца, он сдался и этим сохранил жизнь себе и своей охране. И все же капитуляция Руцкого выглядела скорее провалом, нежели героическим падением. Выйдя из тюрьмы в результате принятой Думой амнистии, Руцкой был уже страдальцем и жертвой, но не мог сплотить людей вокруг себя: слишком многие помнили его бессмысленные заявления и безответственный призыв к вооруженной толпе идти штурмовать телецентр в Останкино. Его политическая карьера не кончилась, а как бы «сместилась» на другое поле. Впоследствии ему предстояло стать губернатором Курской области, а затем, в 1999 г., одним из организаторов блока «Единство» («Медведь»), фактически поддерживавшегося Ельциным.

Поражение Руцкого и Хасбулатова свидетельствовало не только о неудаче их личной политики, но и о бесперспективности русского центризма. Для того чтобы защищать свои принципы, они вынуждены были призвать народ к уличным выступлениям и забастовкам. Они начали действовать как радикалы, не имея ни радикальной программы, ни идеологии, ни доверия людей, склонных к радикализму. Провал «Гражданского Союза» на декабрьских выборах был своеобразным подведением итогов.

Между тем большинство населения России вовсе не было склонно к экстремизму. Кто-то водил трамвай, лечил и учил людей, работал на предприятиях, чудом преодолевая последствия «шоковой терапии». Однако этот «народный центризм» не имел ничего общего с центризмом политической элиты. Еще весной Андрей Исаев на страницах «Солидарности» писал, что единственным действительно «центром» в России могут быть только демократические социалисты.

Левый центр оказывался возможен как соглашение компетентных технократов и левых активистов, как формула сотрудничества профсоюзов, политических лидеров и радикальной интеллигенции, соединение радикальной стратегии и прагматичной тактики.

Судя по опросам общественного мнения, в стране существовало одновременно два большинства. Одно — демократическое большинство — верило в политическую демократию и боялось возврата к старым «коммунистическим» порядкам. Другое большинство — социалистическое (в самом широком смысле слова) — верило в коллективную солидарность, социальные гарантии, было убеждено, что крупные промышленные предприятия должны оставаться в общенародной собственности. Причем, как показали опросы 1992–93 гг., по мере «развития реформ» эти настроения в обществе только усиливались.

Как получилось, что в одной стране было сразу два большинства? Дело в том, что ценности демократии и социализма противопоставлялись друг другу только в официальной пропаганде. Для значительной части людей они по-прежнему оставались не только совместимы, но и равнозначны.

Два большинства совпадали лишь отчасти. Многие из тех, кто испытывал ностальгию по коллективистским ценностям, отнюдь не были привержен демократии. Что касается «демократов», то 3 года их пребывания у власти показали: демократический избиратель может беспокоиться о своих социальных гарантиях, но демократический министр совершенно не интересуется социальной защищенностью своего избирателя.

Тактика правящих кругов была предельно проста: мобилизовать на свою сторону поддержку демократически настроенной части общества, а затем использовать полученные голоса для того, чтобы провести социально-экономическую программу сплошной капитализации. Для колеблющихся всегда наготове было объяснение, что без свободного рынка и частного предпринимательства демократии быть не может, а потому, раз выбрали демократию, получите и «сопутствующие товары» — безработицу, рост социального неравенства, коррупцию и т. п.

Правда, даже если признать, что политическая свобода предполагает свободу деятельности для частника, отсюда еще не следует, будто необходимо во что бы то ни стало разрушать и разворовывать государственный сектор. Неудивительно, что политики, для которых развитие «свободного предпринимательства» является единственным мерилom общественной свободы, завели общество в тупик диктатуры. Однако, чем меньше правящие круги связывали себя демократическими «формальностями», тем сильнее была их изоляция. Они противопоставляли себя не только сторонникам социальных гарантий и общественной собственности, но и всем, кто искренне верил в демократию.

Беда в том, что настроения масс лишь в незначительной степени влияли на расстановку политических сил. Политические группировки разбирались между собой, пытаясь по возможности вовлечь народ в драку, но мало задумываясь о том, что ему нужно.

Левые в поисках себя

Мало кто поверил в миф о крахе социалистических идей так же искренне, как сами левые идеологи во всем мире. Поражение коммунизма воспринималось ими как полное и окончательное торжество капитализма. Впереди открывалась в лучшем случае лишь длительная перспектива осторожной работы по усовершенствованию и облагораживанию буржуазных отношений.

Миллионы людей, отвергших старую советскую систему, рассуждали совершенно иначе. Они редко размышляли о «социализме» и «капитализме». Люди просто хотели жить без постоянной слежки и очередей, в обществе, где социальная защищенность сочетается с полными прилавками и современными технологиями. Сторонники неолиберальных реформ обещали это, и им верили потому, что очень хотелось верить. Когда массы увидели, что их обманули, настроения резко изменились.

На фоне разговоров о победе Жириновского в декабре 1993 г. незамеченным осталось другое сенсационное событие — успех независимых левых кандидатов. Хотя Партия Труда и левые социал-демократы не выдвигали своих списков, ряд их сторонников баллотировался по территориальным округам. Председатель Партии Труда Олег Смолин был избран в Совет Федерации, левые депутаты были избраны в шахтерских округах Кемеровской области, на Урале, в Волгограде. Даже в Москве, где в целом «Выбор России» сохранил свои позиции, в округах, где баллотировались левые, они получили 8–10 % голосов, выйдя на вторые или третьи места и опередив коммунистов.

Гайдар и его команда тешили себя иллюзиями, будто проиграли выборы из-за бездарных видеоклипов и плохо нарисованных плакатов. На самом деле кризис неолиберализма в 90-е гг. носил глобальный характер, как и его наступление в 80-х. Начавшись в Западной Европе и Соединенных Штатах, неолиберальная волна захлестнула Латинскую Америку, страны Азии, Восточную Европу, Россию и, наконец, даже бастион социал-демократии — скандинавские страны. Повсюду приватизировали государственность, сворачивали социальные программы, боролись с инфляцией любыми средствами, не боясь падения производства, роста безработицы, нищеты и преступности. Мировое господство было завоевано, но не какой-то державой, не мифической «масонской ложей», а вполне реальными финансовыми группами, стоявшими за Международным валютным фондом.

Увы, праздник длился недолго: неолиберальная политика, решив некоторые второстепенные проблемы, породила такие противоречия, что мировую систему охватил тяжелейший кризис. Приватизация не создала новых стимулов для экономического роста и повышения эффективности. Противостояние «верхов» и «низов» повсюду приобрело невиданную остроту. По всей Европе с середины 90-х наблюдается электоральное «возрождение» левых партий, включая коммунистические и посткоммунистические. Другое дело, что сами эти партии страдают тяжелейшей формой политического невроза. Они боятся собственных традиций и ценностей, они не решаются проводить в жизнь даже минимальные требования собственной программы и повсеместно предают своего избирателя²⁾.

Нарастающее противостояние власти и общества в России ставило в порядок дня вопрос о радикальной альтернативе. Левые партии не были к этому готовы. Самой массовой из них оставалась возрожденная Коммунистическая партия Российской Федерации. Выборы 1993 г. были для нее лучшим временем. Став гонимыми, коммунисты вновь оказались привлекательны. Партия еще не успела натворить ошибок, она смотрелась как влиятельная традиционная

²⁾ Об этом подробнее см.: *Kagarlitsky B. New Realism, New Barbarism. London: Pluto Press, 1999.*

сила. Миллионы людей голосовали за нее вообще не задумываясь о проводимой партией политике — просто по традиции. Даже среди банковских уюриес кое-кто голосовал за коммунистов — из пижонства или из желания насолить властям. Брань в газетах и по телевидению скорее пошла ей на пользу. Миллионы пенсионеров готовы были поддерживать партию просто в силу традиции, присоединялась к ней и молодежь. Бас нового лидера коммунистов Геннадия Зюганова звучал солидно и весомо.

На самом деле все обстояло куда менее идилически. Получив голоса на выборах, коммунисты не имели ни четкой стратегии, ни ясного плана действий. Куда идти, к какому обществу стремиться? Никто не мог дать ответа. С прошлым тоже далеко не все было ясно. На фоне провала капиталистических экспериментов советское прошлое выглядело привлекательнее, а потому критический анализ пройденного пути лидеры компартии предпочитали отложить до лучших времен. В то же время они сами стали частью новой элиты, заседали в Государственной Думе, у них были собственные «красные» капиталисты, нагревшие руку на приватизации. В итоге идеологический традиционализм соединялся с откровенными попытками приспособиться к новому порядку.

Медлительность была как бы «стилем» компартии. Основательные и солидные, ее лидеры постоянно упускали тактическую выгоду. Невнятность политической линии заменялась «патриотической» риторикой. Зюганов сделал своим коньком патриотизм. Социальные проблемы отошли на второй план, о классовой борьбе ни слова нельзя было услышать. Эта умеренность не вознаграждалась публикой: как бы ни старались лидеры компартии доказать свою «респектабельность», страшно далеки были они от образа «настоящей» современной социал-демократии. Да и на поприще патриотической деятельности можно было найти политиков, которым удавалось делать заявления куда круче Зюганова.

Идеология левых в России неизбежно оказывается эклектичной, соединяя элементы «тред-юнионизма», «социал-демократизма» и «марксизма», ибо неоднородно само движение трудящихся. Но объединяющей основой его идеологии является противостояние реставраторской стратегии неолиберализма. Компартия зюгановского образца не смогла ни найти эффективного способа соединить различные течения в одной организации, ни стать последовательной оппозицией. А потому ее успех в 1993 г. был лишь преддверием будущих неудач.

Часть III

ОТ СТАБИЛИЗАЦИИ К КАТАСТРОФЕ (1994–1998)

Глава 8

Слово и дело

После переворота 1993 г. начинается период институционализации ельцинского режима. Ельцинская конституция в целом соблюдалась. Давалось это не без труда, власть постоянно оказывалась на грани «выпадения из правового поля», слухи о новом «перевороте сверху», отмене выборов, запрете оппозиционных партий сопровождали русскую политическую жизнь на протяжении всего этого периода. И все же до конца 1999 г. Кремль старался соблюдать правила игры. Насильственными методами российская власть действовала только в Чечне в 1994–96 гг. Эта война воспринималась обществом крайне негативно, но то, что происходило в Чечне, по сути уже не было частью внутривнутриполитической жизни страны.

Закон и беспорядок

Ельцинскую конституцию соблюдали не потому, что она была лучше или менее противоречива, чем последняя «советская» конституция, расстрелянная танками в октябре 1993 г. Она была хуже. Ее текст изобилует «темными местами», несообразностями и противоречиями. Как, например, быть с «разделением властей», если губернаторы являлись по совместительству и сенаторами, заседавшими в Совете Федерации? Как быть с многочисленными правами, провозглашенными, но не гарантированными? Более убедительным объяснением того, что конституция более или менее работала, было ее соответствие целям и задачам тех, кто ее сочинил. В сущности, конституция была сделана Ельциным «под себя».

Основной закон Российской Федерации, принятый в 1993 г., был весьма своеобразен. Например, «вотум недоверия правительству» трактовался в нем совершенно уникально: после первого вотума недоверия не происходит вообще ничего, если в течение двух недель правительству выносят второй вотум недоверия, опять не происходит ничего, зато после третьего вотума недоверия распускается парламент. Правительство, которому депутаты выразили недоверие, разумеется, остается.

Президент получил возможность постоянно шантажировать Думу разгромом. Однако применять эти угрозы на практике не требовалось. Депутаты, понявшие урок 1993 г., много ругали правительство с трибун, но когда дело

доходило до голосования, вели себя исключительно послушно. Это был парламент напуганных, ассамблея побежденных. После 1993 г. главная «гарантия» стабильности, по признанию Пастухова, — «неуверенность для оппозиции в том, что к ней не будут применены репрессии»¹⁾.

Основой политической системы в России после 1993 г. (точно так же, как в Казахстане, в Белоруссии или в Грузии) стала «сильная президентская власть». Формально Россия встала в один ряд с президентскими республиками Запада, но на практике речь идет о весьма специфическом явлении, не находящем аналогий в странах развитого капитализма.

«Российская президентская система не должна смешиваться ни с американской, ни с французской, поскольку она, несмотря на все “институциональное тождество или сходство”, имеет совершенно другую социальную базу, историческую функцию, психологию», — пишет венгерский исследователь Тамаш Краус. «Естественно, российская президентская власть — это особый авторитарный режим, и Ельцин стоит ближе к Пиночету, чем к Рейгану или Тэтчер. В то же время речь идет о новом историческом явлении, поскольку оно представляет собой такую своеобразную смесь определенных элементов буржуазной демократии, политической диктатуры и самодержавия, которая позже сама станет источником аналогий для настоящего и будущего развития стран, осуществивших смену режима. В этом состоит историческая оригинальность ельцинщины как президентской системы»²⁾.

Специфика ельцинского президентства объясняется его исторической и социальной ролью. Интегрируясь в капиталистическую миросистему, страны бывшего Советского Союза сталкивались с почти неразрешимым противоречием. С одной стороны, раздел собственности, резкое усиление имущественного неравенства и перераспределение ресурсов в пользу мирового капиталистического центра создавали такое социальное напряжение, что поддерживать демократические институты было практически невозможно. Буржуазная традиция предполагает, что многочисленный средний класс является основой стабильной демократии. Насколько верно это суждение — вопрос другой, но бесспорным фактом является крайняя слабость и малочисленность среднего класса в России, на Украине или в Казахстане времен капиталистической реставрации. Наиболее адекватен такому состоянию общества оказывался авторитарный режим. Но с другой стороны, интеграция бывших советских республик в мировую систему требовала принятия целого ряда стандартов, в том числе и правовых. Без уважения к праву не может быть эффективно функционирующей частной собственности.

Попыткой разрешить это противоречие были сверхпрезидентские конституции в России и других постсоветских странах. Они благословляли режим личной власти, сводя к минимуму возможности общества влиять на политический процесс, но в то же время создавали для личной власти президента определенную «правовую» основу и придавали ей «демократическую» форму.

Запад вполне терпимо относился к такой разновидности демократии при условии, что экономическая и внешняя политика режима соответствовала

¹⁾ Пастухов В. Цит. соч. С. 143.

²⁾ Конец ельцинщины. С. 154, 155.

его интересам. Когда президенты Казахстана и Узбекистана продлили свои полномочия путем референдума, официальные лица в Вашингтоне не сочли это особым нарушением гражданской свободы. Точно также преследования оппозиции в этих республиках и в Грузии оставались совершенно незамеченными в Западной Европе и США. Осудив бомбардировки в Чечне, западные дипломаты сделали все возможное, чтобы эти декларации не имели для России никаких практических последствий. Зато когда в Белоруссии президент Александр Лукашенко продлил свои полномочия таким же способом, как его коллеги в Средней Азии, на Западе поднялась буря негодования.

На самом деле в качестве президента Лукашенко был не лучше и не хуже других. По сравнению с лидерами Казахстана, Грузии или Узбекистана он даже мог бы выглядеть демократом. Но на свою беду он осмелился пойти против воли Международного валютного фонда, отвергнув его экономические рецепты и отказавшись приватизировать промышленность. Worse того, он отказался и от геополитического партнерства с Западом, пытаясь возродить связи с бывшими «братскими республиками» СССР.

Лукашенко, как и Ельцин, разогнал неугодный ему парламент и переделал конституцию. На Западе это встретили с возмущением, которое было столь же интенсивным и единодушным, как поддержка точно таких же мер Ельцина. Между тем в Белоруссии, как и в России, после установления нового порядка оппозиция была лишена всякого влияния на принимаемые решения, а руки у президента развязаны. После этого можно было сколько угодно клясться в верности конституционным нормам — они уже не противоречили принципу единовластия.

И все же главной причиной того, что в России правовые нормы в 1994–99 гг. более или менее соблюдались, была экономическая стабилизация, достигнутая правительством Виктора Черномырдина. Это была странная стабильность, поскольку производство продолжало падать. Но в то же время система обрела некоторую устойчивость.

На смену «новым русским» пришли олигархи. Основные ресурсы страны были поделены, сложились крупные финансово-промышленные группы, под контролем которых оказались почти все финансовые потоки и наиболее прибыльные производства. Лидеры этих групп не случайно получили в прессе название «олигархов». Их влияние обеспечивалось не только огромными финансовыми возможностями, но и тесной близостью с властью. По определению одного из московских журналистов, олигархи — это капиталисты, которые «целиком и полностью зависят от государства»³⁾. Поскольку инвестиционная активность олигархов была минимальной, именно правительство в конечном счете обеспечивало воспроизводство сложившейся модели. Но и власть, в свою очередь, зависела от олигархов, лоббировавших свои интересы, оплачивавших политические и пропагандистские кампании официальных политиков, а зачастую просто содержавших «нужных» чиновников.

Можно сказать, что коррупция стала функциональной частью системы, формой связи между бюрократией и ведущими экономическими группами интересов, без которой невозможны были бы ни развитие предприятий, ни принятие

³⁾ Власть, 17.08.1999, № 32. С. 29.

решений в государстве⁴⁾. В свою очередь коррупция «упорядочилась», «нормализовалась». Борьба с коррупцией *в такой системе* становится не только бессмысленной, но и вредной — любая серьезная попытка такой борьбы немедленно дезорганизует хозяйственные связи, приводит к управленческому параличу. Можно сказать, что не порушив всю логику «капитализма по-русски», невозможно радикально снизить уровень коррупции. Что же до ее полного искоренения, то до тех пор, пока будет существовать бюрократия и власть, будет в какой-то форме и коррупция.

Русский Люксембург

Важным отличием 1994–99 гг. от предыдущего периода было появление в России некоего подобия нового среднего класса. Это были уже не «халышки», собиравшиеся вокруг «МММ». Возникшая в крупных городах новая социальная группа несла на себе явный отпечаток специфики периферийного капитализма. Теоретически к «среднему классу» следовало бы отнести мелких предпринимателей, но с ними все как раз обстояло неважно. В 1998 г. социологи отмечали, что многие из мелких предпринимателей «едва сводят концы с концами и по своему уровню жизни не могут быть отнесены к среднему слою»⁵⁾. В 70-е гг. социологи писали про «Бельгию в Индии»: это был даже не средний класс в западном смысле слова, а просто люди, занятые в наиболее модернизированных и преуспевающих секторах экономики, как правило, связанных с экспортом, импортом и услугами для богатых, люди, получающие зарплаты, сопоставимые с европейскими. По социальному статусу они вроде бы не выше своих прозябающих в нищете коллег. Просто секретарша, работающая в транснациональной корпорации, оказывалась обеспечена в несколько раз лучше, чем такая же точно девушка, служащая у мелкого провинциального начальника. Сегодня есть уже не только «Бельгия в Индии», но и «Люксембург в России». Здесь есть и свои предприниматели, и свои рабочие. Свои «верхи» и «низы». Но какая пропасть отделяет их от громадного большинства сограждан!

В 1994–98 гг. население «русского Люксембурга» существенно не выросло, зато его материальное положение заметно улучшилось. «Новые русские» просто не могли всё проесть, пропить и вывезти. Начиналось стихийное перераспределение в пользу нижестоящих. Для того, чтобы увидеть это, достаточно было побродить по магазинам, где покупают не одни только «новые русские», или посмотреть на улицу, где рядом с роскошными «Мерседесами» появились в огромном количестве менее дорогие, но тоже вполне приличные машины. Представители нового среднего класса покупали компьютеры, подключались к Интернету, подписывались на «глянцевые» журналы. Поскольку большая часть «русского Люксембурга» находится в Москве, Петербурге и нескольких

⁴⁾ К числу наиболее влиятельных и оформленных групп интересов в 1994–99 гг. относили финансово-компрадорскую буржуазию, военно-промышленный комплекс, аграрную бюрократию, топливно-энергетический комплекс. К ним можно добавить информационно-пропагандистский комплекс (см. ниже), региональные группы интересов (московскую, петербургскую, татарстанскую и др.), а также специфические клиентеллы, формировавшиеся вокруг политических партий.

⁵⁾ Свободная мысль, 1998, № 7. С. 31.

крупнейших городах, легко догадаться, насколько важна была для власти их лояльность.

Как и в странах «третьего мира», «новый средний слой» пополнялся за счет менеджеров транснациональных корпораций, порой за счет рабочих, ориентированных на экспорт отраслей. Показательно, что при крайне низкой цене рабочей силы в России (5–10 % от западного уровня), расходы компаний на управление и маркетинг зачастую превосходили его. С одной стороны, раздутый и чрезмерно дорогой управленческий аппарат снижал эффективность компаний (это в равной степени относится к предприятиям как отечественного, так и транснационального капитала). Но с другой стороны, он же способствовал расширению социальной базы ельцинского режима. Создавалась и видимость возникновения внутреннего рынка.

И все же решающую роль в развитии нового среднего слоя сыграл рост спроса на различные услуги для богатых. Услуг в самом широком смысле — от обслуживания счетов в коммерческих банках до идеологического обслуживания в прессе и на телевидении. Производственно-менеджерские группы, в отличие от Запада, в русских средних слоях были представлены слабо.

Хотя жители «русского Люксембурга» получают свои доходы в конечном счете от тех же «новых русских» или того же государства, сами они, будучи в большинстве людьми динамичными, образованными и профессиональными, уверены, что своим преуспеянием обязаны только самим себе, а не «системе». О том, что всё в обществе взаимосвязано и «честные» доходы неотделимы от «бандитских» расходов, они предпочитают не думать. И в самом деле, разве хороший парикмахер, повар или программист обязаны знать, откуда деньги у их клиентов? Мало того, что жители «русского Люксембурга» считают, что творящиеся в «большой России» безобразия к ним никакого отношения не имеют, они не испытывают к власти никакой благодарности и постоянно жалуются на царящую в государстве «коррупцию», «неэффективность» и «бюрократию». В свою очередь власть до определенной поры могла спокойно относиться к подобному брюзжанию, понимая, что люди на самом деле великолепно вписаны в существующую систему, а потому в переменах по большому счету не заинтересованы.

Именно средние слои считали себя «гражданским обществом», именно на них все больше обращали внимание политики, на их вкусы ориентировалась реклама товаров и политическая пропаганда.

В 1998 г. крах рубля ударил именно по этим слоям, лишив их счетов в прогоревших банках, приведя к закрытию многочисленных «проектов» в самых разных областях, кормивших целую армию специалистов. Но до того «средние слои» чувствовали себя довольно уверенно и искренне считали себя выигравшими в результате реформ. Тем самым они оказывались социальной базой режима.

Выборы 1995 года

Если победа ЛДПР и коммунистов на выборах 1993 г. стала сенсацией, то успех компартии на парламентских выборах 1995 г. никого не удивил. Он произошел на фоне общего полевения в странах Восточной Европы, брюзжания

средних слоев и усиливающегося раздражения провинциальных масс против кремлевского режима.

Понимая ситуацию, кремлевские аналитики пытались искусственным образом создать двухпартийную систему из контролируемых президентом партий. Правое крыло должно было представлять движение «Наш дом — Россия» (НДР). Построить и возглавить это сооружение срочно поручили премьеру Виктору Черномырдину. На «левом» фланге наспех был создан блок спикера Государственной Думы Ивана Рыбкина. С самого начала было ясно, что из этой затеи ничего не получится. Провинциальное начальство дружно записалось в партию Черномырдина, оставив Рыбкина на произвол судьбы. За НДР немедленно закрепился ярлык «партии власти». «Блок Ивана Рыбкина» отличился только телевизионными рекламными клипами про бычка Ваню, который, видимо, должен был ассоциироваться со спикером Государственной Думы. Поскольку единственной задачей этого «левого» блока была поддержка правой политики власти, его имиджмейкеры и пропагандисты никак не могли объяснить публике, за что именно Рыбкин выступает.

Впрочем, закономерный крах Блока Ивана Рыбкина сопровождался не менее впечатляющим провалом движения Черномырдина, которое еле смогло перейти 5-процентный барьер, требуемый законом, а в территориальных округах провалилось почти повсеместно. В период 1996–99 гг. число избирательных фальсификаций и нарушений будет нарастать стремительно — прямо пропорционально росту влияния местного начальства. А в 1995 г. губернаторы еще не чувствовали себя полновластными хозяевами положения, многим из них предстояли собственные выборы. В результате голоса подсчитывались довольно честно — с катастрофическими для «партии власти» последствиями.

Полной катастрофой оказались выборы для Егора Гайдара и его сторонников. Население отвергло неолиберализм и «архитекторов реформ». Их не только не пропустили в Думу, они даже получили меньше голосов, чем ультра-левые. Провалился и Конгресс Русских Общин, созданный Юрием Скоковым и генералом Лебедем как некая новая, центристская оппозиция. Идеологически Скоков и Лебедь достигли немалого успеха — их лозунги были усвоены и коммунистами, и поздние партии «Отечество» московского мэра Юрия Лужкова. Но сами они воспользоваться плодами своего успеха не могли — у них не было ни опытных организаторов, ни сильных структур. На президентских выборах 1996 г. Лебедь сумеет занять третье место, но в 1995 г. людям предлагалось голосовать не за харизматического генерала со зловещим голосом и полковым юмором, а за толпу безликих функционеров-кандидатов, к тому же постоянно ссорящихся друг с другом.

Бесчисленные мелкие группы вообще не имели никаких шансов, хотя всем почему-то казалось, что получить 5 % ничего не стоит. В итоге избирателю были предложены сразу несколько либеральных организаций, около дюжины левых и левоцентристских, псевдофеминистская коалиция «Женщины России» и даже совершенно невероятный избирательный блок работников жилищно-коммунального хозяйства. Для того, чтобы участвовать в выборах требовалось собирать подписи. Соответственно те, у кого были структуры на местах или деньги на оплату сборщиков подписей, легко могли попасть в избирательный бюллетень. В этом плане работники жилищно-коммунального хозяйства

оказались просто в идеальном положении — кто же откажет в подписи людям, от которых зависит, как работает в твоей квартире канализация? Единственное, чего не учли сборщики подписей, это того, что голосование было тайным. Поставив свой автограф под подписным листом какой-нибудь невыразительной партии или блока, избиратель, запершись в кабинке, ставил крестик рядом с эмблемой ЛДПР или компартии. Маленькой сенсацией выборов стал результат «социал-демократического» блока, возглавлявшегося бывшим столичным мэром Гавриилом Поповым. Мало того, что Попов специально под выборы умудрился из либерала переквалифицироваться в социал-демократа, он еще и голосов умудрился получить меньше, чем собрал подписей.

Впрочем, успех КПРФ нельзя преувеличивать. Парадоксальным результатом нового, разработанного по инициативе кремлевских аналитиков избирательного закона оказалось то, что компартия получила почти абсолютное большинство мест в Думе, не набрав и четверти голосов. Из более сорока соперничавших блоков и партий требуемый законом 5-процентный барьер прошли лишь 4 — КПРФ Геннадия Зюганова, ЛДПР Владимира Жириновского, либеральное движение «Яблоко» Григория Явлинского и «Наш дом — Россия» Виктора Черномырдина, суммарно получившие чуть более 50 %. То же самое произошло в одномандатных округах, где для победы достаточно было простого большинства. Некоторые кандидаты проходили, получив 12–15 % голосов. Коммунисты получили явное преимущество как самая крупная партия, имевшая стабильное влияние во всех регионах страны. Их уровень поддержки колебался от 15 % в «белых» регионах (Москва, Петербург, Нижний Новгород и т. д.) до 30 % в «красных» (нечерноземная Россия). Поддержка других партий в зависимости от региона колебалась значительно.

Коммунисты пришли в Думу 1995 г. крупнейшей партией с президентскими амбициями. Однако парламентские выборы в условиях ельцинской «второй республики» ничего не решали. Настоящая борьба должна была развернуться в 1996 г. вокруг выборов президента. И здесь власть проигрывать не собиралась.

Война

В 1995 и 1996 г. режим Ельцина явно ставил своей целью доказать, что Конституция работоспособна, что власть можно удерживать с помощью выборов, а оппозиционный парламент держать под контролем, не прибегая к стрельбе из танков. В целом эта задача была решена успешно, но фоном для избирательных баталий оказались кровопролитные сражения в горах Чечни. Более или менее демократические процедуры в столице дополнялись бомбардировками деревень и бесправием российских солдат на Кавказе.

Война в Чечне была начата накануне парламентских выборов 1995 г. Она призвана была стать той «маленькой победоносной войной», после которой стремительно поднимается рейтинг власти. Победителей не только не судят, им прощают все — и стрельбу по парламенту, и развал экономики, и обнищание народа. Победоносной войны не получилось. Тем не менее, по-своему чеченская война сработала на укрепление ельцинского режима — хотя и не таким образом, как первоначально планировали в Кремле.

Если бы за год до начала первой чеченской войны какой-нибудь зарвавшийся аналитик предположил, что поклонники Гайдара вместе с последователями Анпилова будут скандировать на Пушкинской площади «Банду Ельцина — под суд!», его бы заподозрили в приступе маниакального бреда. Но российская жизнь богаче любого бреда: мы не только кошмарные сны сделали явью, но и наворотили такого, что и в кошмарном сне не привидится.

В конце 1994 г. правительство Черномырдина преподнесло неожиданные подарки деловым кругам и населению. 2 декабря агенты Главного управления охраны (ГУО), своеобразной личной спецслужбы президента Ельцина, более часа избивали у дверей московской мэрии сотрудников «МОСТ-банка» — одного из самых влиятельных финансовых учреждений страны. Затем сотрудники ГУО затеяли драку с агентами ФСК (бывшего КГБ). После протестов банкиров президент пообещал разобраться и действительно разобрался — уволил в отставку начальника московского ФСК.

Спустя десять дней 40-тысячная танковая колонна вторглась на территорию мятежной Чеченской республики, по дороге обстреляв мирные села и убив министра здравоохранения соседней Ингушетии. Бомбардировщики и артиллерия обрушили тонны бомб и снарядов на столицу Чечни город Грозный, построенный в XIX веке русскими генералами для устрашения чеченцев.

Несмотря на пропагандистскую кампанию на телевидении, антивоенное движение стало быстро набирать силу. Не оправдалась и надежда правительства сыграть на предрассудках русских против чеченцев. Напротив, судя по опросам, отношение русских к чеченцам, ставшим жертвами агрессии, изменилось в лучшую сторону. Немаловажную роль сыграли и сообщения прессы об артиллерийских обстрелах и бомбежках, от которых больше всего пострадало русское население Грозного.

Война против Чечни была тем более нелепа, что правительство России в течение трех лет позволяла правившему там генералу Джохару Дудаеву делать все, что ему вздумается. Со своей стороны Дудаев, провозгласив независимость от Москвы, ничего не предпринимал, чтобы сделать ее реальной. На территории Чечни продолжали действовать российские законы, имел хождение российский рубль. Не было ни пограничного контроля, ни собственной таможи. Жители Чечни оставались российскими гражданами, решавшими свои проблемы через соответствующие структуры Российской Федерации. Налоги из Чечни не поступали, но периодически отказывались платить налоги и другие российские регионы.

Единственное, что сделал Дудаев, это создал вооруженные формирования, подчиненные ему лично, точно так же, как это сделали Ельцин и мэр Москвы Юрий Лужков. Кроме того, к радости филателистов, была выпущена серия чеченских марок с портретом Дудаева, по качеству напоминающая этикетки со спичечных коробков.

Совершенно ясно, что Дудаев стремился не столько к независимости, сколько к тому, чтобы добиться особого статуса для Чечни в рамках России или будущего Евразийского Союза, про необходимость которого чеченский генерал повторял неоднократно. В свою очередь московские политики без особой тревоги смотрели на происходящее в Чечне. Полунезависимая республика

была прекрасным местом для отмывания украденных в столице миллионов и контрабанды оружия, на чем грели руки люди из московских правящих кругов.

Но кризис режима, экономический развал и неизменные провалы во всех сферах внешней и внутренней политики заставляли окружение Ельцина искать пути спасения. Проваливая любую конструктивную деятельность, политические кризисы ельцинское правительство неизбежно выигрывало. Чем более явной становилась перспектива поражения на выборах, тем более необходимо было спровоцировать кризис.

Маленькая победоносная война выглядела привлекательным способом поднять популярность власти, подавить оппозицию, а заодно, возможно, отсрочить выборы и избавиться от слаботервных в собственных рядах.

Как и следовало ожидать, после того, как второй раз за полтора года в стране начались военные действия, у многих «демократических» политиков нервы сдали. Особенно нервничали те, кто был связан с Дудаевым по прежним делам.

Запротестовали Гайдар и большинство фракции «Выбор России». Неожиданно для себя они оказались в одном лагере с левыми и коммунистами. Но все происходящее было закономерно. Радикальные либералы типа Гайдара уже сделали свое дело, и победившей олигархии они были уже не нужны. Их предстояло сбросить за борт, как политический балласт.

12 декабря на Пушкинской площади были все — от сторонников Анпилова до последователей Гайдара. Но преобладали красные знамена, и думские либералы чувствовали себя неуютно. В Государственной Думе на первых порах против войны выступили коммунисты и группа Явлинского, но ни те, ни другие не готовы были возглавить внепарламентское антивоенное движение. Правда, по мере того, как стихийное недовольство войной росло, в политических кругах желание критиковать ее убавлялось: Геннадий Зюганов и возглавляемая им Компартия РФ никогда не отличались особым интернационализмом. Солидарность с военными начальниками, обещавшими разгромить чеченские «бандформирования», была для них важнее и естественнее солидарности с солдатскими матерями, требовавшими вернуть домой их сыновей. Социал-демократические политики вообще предпочитали отмалчиваться и не показываться на митингах, а руководство ФНПР даже не решилось осудить бомбардировки Чечни, ограничившись выражением «озабоченности». Инициаторами внепарламентской антивоенной кампании оказались радикальные демократические и пацифистские группы, активисты Партии Труда, троцкисты и анархисты.

Зато Ельцина, уже не в первый раз, поддержал Жириновский. О солидарности с правительством заявил и Александр Баркашов, лидер наиболее известной в стране неофашистской группы «Русское Национальное Единство». В 1993 г. присутствие баркашовцев у «Белого дома» оказалось достаточным основанием, чтобы официальное телевидение обвинило всех сторонников парламента в «фашизме». А полтора года спустя Баркашов уже выступал по государственному телевидению в поддержку Ельцина. Зато резким нападкам властей подверглись «демократические» средства массовой информации, в октябре 1993 г. дружно поддерживавшие Ельцина.

История справедлива. Неужели господа, полтора года до того ратовавшие за сверхпрезидентскую конституцию, неограниченные полномочия начальства

и применение танков, не догадывались, что раз запущенный механизм уже сам не остановится? По какой-то психологически непонятной причине они были уверены, что разгром парламента, стрельба по демонстрантам и презрение к закону никак не отразится на их собственных правах. Они не нашли ничего предосудительного ни в том, что войска палили из пушек в собственной столице, ни в том, что представительные органы сделали бессмысленным придатком бесконтрольной исполнительной власти. И лишь увидев по телевизору танки в Чечне, они возмутились по поводу государственного насилия и произвола начальников.

Парадокс в том, что на сей раз, в отличие от 1993 г., Ельцин действовал строго в рамках своих конституционных полномочий. Эти полномочия отстаивали, в первую очередь, либералы Егор Гайдар и Сергей Юшенков. Они, конечно, думали, что все это будет применено только против коммунистов и левых. Но справедливость восторжествовала. Пора, наконец, понять, что перед полицейской дубинкой все головы равны.

Единственный из деятелей режима, кто, похоже, действительно почувствовал острый приступ угрызений совести, был Сергей Ковалев. В годы брежневского режима диссидент-правозащитник, он в 1993 г. не произнес ни единого слова против разгона парламента, нарушения конституции и военного положения. Но после начала чеченской войны, Ковалев неожиданно для властей покинул Москву и переехал в Грозный. Каждый день он сообщал оттуда про бомбардировки жилых кварталов и гибель мирного населения. А власти, еще вчера превозносившие Ковалева как «истинного правозащитника», обвинили его в необъективности и непонимании ситуации.

Сценарий чеченского кризиса не оригинален. Власть пользовалась старыми заготовками, хорошо зарекомендовавшими себя в 1993 г. Постепенная эскалация напряженности и насилия, провоцирование уличных выступлений, накачка истерических эмоций в лагере оппозиции. Повторялись даже мелкие детали: кашу опять заварили в выходные дни. Разница была лишь в том, что в октябре 1993 г. и силовые меры, и политический кризис разворачивались в Москве. А на сей раз два параллельных процесса были разведены в пространстве: танки ездил по Чечне, блокировали Грозный, а политическая истерика разворачивалась в столице.

Поразительно, что Гайдар, Юшенков и другие либералы из президентского окружения, которые сами участвовали в подготовке прежних провокаций, оказались столь беспомощны, когда провокация оказалась направлена против них. Их быстро и привычно загнали в ту же ловушку, куда уже угодили прежние «парламентские оппозиции».

Необходимость постоянной борьбы против внешних и внутренних врагов заложена в самой природе авторитаризма. Вот почему вчерашние союзники и попутчики рано или поздно становятся жертвами. Круг постоянно сужается: сначала победили коммунистов, потом выкинули за борт колеблющихся демократов, теперь дошла очередь до самих приватизаторов-«западников».

Характерно, что сохранившие власть и деньги «серьезные люди» из партии Гайдара немедленно отсоединялись от своего вчерашнего кумира. Продали его и мультимиллионер Бойко, и министр иностранных дел Козырев. Отмолчался главный приватизатор Чубайс. Отмежевдался от Гайдара и другой «видный

экономист» — Борис Федоров, ожидавший серьезных назначений по финансовой части. Они не могли рисковать своим положением ради политических игр в безвластном парламенте. Козырев и Бойко даже не попытались обратиться к членам партии, в руководство которой их только что избрали! Они спокойно ушли оттуда, не удосужившись даже хлопнуть дверью.

Против войны выступила и либеральная пресса, все еще верившая в ею же созданный миф о «четвертой власти». На протяжении предыдущих лет либеральные журналисты постоянно разоблачали советский империализм и русский национализм, которые были, по их мнению, тесно связаны с «коммунизмом». С началом первой чеченской войны значительная часть либеральных журналистов просто не успела переориентироваться, тем более, что власть даже не удосужилась провести с ними предварительную «разъяснительную работу» (эта ошибка была исправлена при подготовке второй чеченской войны).

«После того, как солидарно занятая российской печатью и телевидением позиция не привела ни к каким переменам в политике властей, — пишет ведущий исследователь российской прессы Засурский, — пресса оказалась перед серьезной дилеммой. Нужно было либо признать верховную власть президента, граничащую с диктатурой, — и тем самым признать, что эта диктатура была создана усилиями “демократической” печати и ТВ. Либо — показывать власти, кто в доме хозяин, то есть доказать, что “демократическая” пресса по-прежнему обладает реальным влиянием на политику властей, а диктатура получилась как минимум просвещенная.

В результате “Известия”, “Комсомольская правда”, “Аргументы и факты”, “Московский комсомолец”, а также российское государственное телевидение РТР и НТВ сменили лояльное отношение к президенту на резко оппозиционное. Лояльность сохранили только первый канал “Останкино” и “Российская газета”.

Так началось противостояние прессы с властью, которое продолжалось почти 2 года. И несмотря на то, что средствам массовой информации удалось нанести серьезный урон партии власти, в конце концов “четвертая власть” вышла из этого противостояния побежденной, хотя со стороны могло показаться, что получилась ничья»⁶⁾.

В конечном счете войну остановили не статьи и телерепортажи, не протесты солдатских матерей, а катастрофические поражения армии на поле боя. Военные постоянно объясняли свои неудачи тем, что политики в Москве, журналисты и пацифисты мешали им воевать. На самом деле именно постоянные провалы армии подогревали антивоенные настроения в России и заставляли политиков искать компромиссные решения. Имея более 1,5 млн людей под ружьем, Россия не смогла сконцентрировать в Чечне более 25 тыс. солдат одновременно. Причина — в низкой боеспособности войск, проблемах снабжения и организации.

«Первой причиной поражения России в Чечне была неспособность военных двинуть на поле боя достаточно сил, чтобы подавить сопротивление и контролировать территорию, — отмечает военный обозреватель “The Moscow

⁶⁾ Засурский И. Цит. соч. С. 92–93.

Times” Павел Фельгенгауэр. — Второй причиной была слабая подготовка войск»⁷⁾.

Небоееспособность армии — деморализованной, плохо обученной и совершенно не понимающей, почему надо воевать против граждан собственной страны, дополнялась коррупцией в армейском руководстве. Солдаты шли в бой под дулами автоматов спецназа, дезертировали, мародерствовали, отказывались исполнять приказ. В это самое время в прессу просачивались сведения об офицерах, вступающих в коммерческие сделки с неприятелем, о высокопоставленных чинах, продающих повстанцам оружие и боеприпасы, а иногда и собственных сослуживцев — в плен. Войска зимовали в открытом поле. Деньги, выделенные на восстановление экономики в контролируемых армией районах, бессовестно разворовывались. Танки вязли в болотах. В первые же дни боевых действий в плен сдались несколько полковников. Несколько военных чинов подало в отставку. Группировка, двигавшаяся на Грозный с востока, после первых стычек с чеченцами прекратила наступление и окопалась. Практичные местные жители угнали часть танков и бронетранспортеров, чтобы использовать их в сельском хозяйстве. Солдаты и офицеры начали брататься с населением. Бойцы русской армии стали часто появляться на барахолке в пригороде Грозного, где осажденные подкармливали их и угощали сигаретами. Военные специалисты иронически назвали чеченскую операцию «Бурей в болоте». Наконец, «сверхточные» лазерные прицелы то и дело выходили из строя, бомбы и ракеты пролетали мимо цели — иногда на несколько километров, падая на территории соседних с Чечней российских республик. В этом плане единственной удачей военных, применявших высокотехнологичное оружие, было убийство генерала Дудаева. Чеченского лидера убили ракетой, наведенной по сигналу сотового телефона, когда он вел какой-то важный разговор — предположительно, с кем-то из российских чиновников о предстоящем перемирии. В результате гибели Дудаева решающее влияние в рядах чеченцев приобрели радикалы, настроенные по отношению к России куда более враждебно.

Не сумев взять Грозный с ходу, командование российских войск постоянно обстреливало город. Число жертв росло с каждым днем. Одним из первых авиационных налетов по Грозному была разрушена улица Московская, где не было ни одного военного объекта. Пострадали и журналисты, находившиеся в зоне боев. И хотя весь мир, включая жителей России, видел по телевидению русские самолеты, сбрасывающие бомбы на город, официальная пропаганда заявляла, что ничего не знает о бомбежках, а чеченцы сами себя бомбят и обстреливают. Эту пропаганду удалось превзойти лишь во время второй чеченской войны, когда Российское телевидение со ссылкой на официальные военные источники сообщило: чеченцы закладывают фугасы в машины, следующие в колоннах беженцев, и при виде российских самолетов сами их взрывают.

В последние дни 1994 г. Ельцин пообещал прекратить бомбардировки чеченской столицы. Сразу же после окончания его речи, когда жители Грозного, обнадеженные этими обещаниями, вышли из бомбоубежищ, начался самый мощный за все время войны авианалет. Затем последовало массированное наступление танков и войск.

⁷⁾ The Moscow Times, 23.09.1999. P. 9.

Новогодний штурм Грозного обернулся одним из самых позорных поражений в истории русской армии. Прорвавшиеся в город танки были немедленно отсечены от пехоты и уничтожены. Десантники, высадившиеся в районе железнодорожного вокзала, окружены. Армия потеряла половину брошенной в бой техники, сотни убитых и пленных. Войска беспорядочно отступали, в то время как официальная пропаганда уже сообщила на весь мир о взятии города и захвате президентского дворца.

После этой неудачи федеральные войска начали систематическое разрушение Грозного. Не имея возможности овладеть центром города, осаждающие огнем артиллерии планомерно сносили квартал за кварталом, пытаясь постепенно продвигаться к президентскому дворцу. Тем временем бои охватили почти всю территорию республики. Стычки стали происходить и в соседнем Дагестане. Затяжная осада Грозного позволила чеченским ополченцам развернуть партизанскую войну в тылу российских войск.

Чеченские ополченцы воевали самоотверженно и профессионально, чего нельзя сказать про российскую армию. Солдаты не только дезертировали, но порой даже переходили на сторону чеченцев. Журналисты сообщали, что по ночам военнослужащие режут штыками колеса собственных бронетранспортеров. По сообщениям чеченских источников более 20 солдат российских войск было расстреляно за попытки покинуть боевые порядки. То, как правительственные источники постоянно повторяли, что «пораженческих настроений» в войсках нет, а солдаты «готовы выполнить любой приказ», косвенно подтверждало, что в войсках зреет недовольство. Роптали не только рядовые и младшие офицеры. Генерал-полковник Эдуард Воробьев, заместитель командующего сухопутными войсками России, прибыл на Кавказ и, ознакомившись с обстановкой, подал в отставку. С публичной критикой чеченской войны выступил заместитель министра обороны генерал Громов. Затем телевидение на всю страну показало командующего воздушно-десантными войсками России генерала Подколзина, произносящего антивоенную речь на похоронах полковника, убитого в Грозном.

Подобные заявления военных в воюющей стране — явление почти неизвестное в мировой практике, но вполне естественное в России 1994–95 гг. После того, как правящие круги на протяжении пяти лет в угоду Западу разрушали, унижали и разоряли собственную армию, они с большим удивлением обнаружили, что эта армия уже не умеет и не хочет воевать. Правда, к концу 1995 г. в армии навели порядок. Генералов, критиковавших войну, убрали. Другое дело, что боеспособность войск от этого не выросла.

Переломом в войне оказался набег чеченского полевого командира Шамиля Басаева на Буденновск, когда его разведывательно-диверсионный батальон захватил в качестве заложников сотни мирных жителей провинциального русского городка. Заложников затем обменяли на журналистов, выступивших в качестве живого щита. Буденновск стал, по словам одного из участников событий журналиста Анатолия Баранова, смесью «национального унижения и запоздалой русской смелости, государственной беспомощности и государственного же лицемерия»⁸⁾. Генералы прятались от журналистов и откровенно врали, а Басаев раздавал интервью, иронично комментировал происходящее

⁸⁾ Правда, 23.06.1995.

и позировал перед камерами. Для прессы и для значительной части самого русского общества, ненавидевшей власть, он стал «чеченским Робин Гудом», героем, символом решимости к сопротивлению. Образ Басаева, созданный прессой, был абсолютно идеализирован, но он зажил на экранах телевизоров и в сознании масс собственной жизнью. После победного возвращения Басаева в Чечню для всех в России стало более или мене ясно, что выиграть войну невозможно. Даже те, кто не решались это признать открыто, создавали это в глубине души.

За позором Буденновска последовало нелепое поражение возле столицы Первомайская, где возглавляемая тремя министрами федеральная группировка численностью до бригады, использовавшая танки, артиллерию, авиацию, не смогла справиться с чеченским батальоном Салмана Радуева. Отсюда был уже прямой путь к августовской катастрофе 1996 г., когда чеченские отряды под командованием Аслана Масхадова взяли Грозный, блокировав там остатки федеральных подразделений. Российским генералам не оставалось ничего другого, кроме как грозить чеченцам, что они используют всю свою артиллерийскую и авиационную мощь, сотрут город с лица земли (вместе с блокированными там собственными солдатами). Понятно, что осуществить это не было никакой возможности — ни технической, ни политической. Когда угрозы не действовали, у федерального центра не осталось иного выхода, кроме фактической капитуляции, закрепленной Хасавюртскими мирными соглашениями.

Бывший полковник советской армии Аслан Масхадов был избран президентом Чечни и официально признан российской властью. В 1996 г. всем казалось, что на этом война закончена. К сожалению, это было не так.

Насилие и пропаганда

В начале 90-х большая часть российской прессы была «демократической». Это значило, что она поддерживала капитализм «не за страх, а за совесть», порой бескорыстно, порой не очень, но в обоих случаях достаточно искренне. События 1993 г. подорвали у значительной части журналистов веру в «демократическую миссию» Ельцина и его режима. После расправы над толпой у «Останкино» и расстрела Белого дома даже многие из тех, кто ранее горячо выступали за жесткие меры, начали пересматривать свои позиции. Однако на место искренним симпатиям к власти быстро пришла материальная зависимость от нее и от тесно связанных с нею олигархов.

Журналисты ратовали за свободный рынок и частное предпринимательство. К середине 90-х обнаруживалось, что свободной прессе выжить при капитализме не так уж просто. С одной стороны, резко выросли цены на бумагу, с другой — упали тиражи. Население нишало и читать дорожающие издания не могло. В 1990–91 гг. пресса получила от государства безвозмездно или за бесценок здания, где размещались редакции, оборудование, полиграфические мощности. К 1993–94 все это было уже по максимуму использовано и частично обесценилось. Для того, чтобы оставаться на современном уровне, необходимо техническое перевооружение, а для этого не было инвестиций. Телевидение, которое могло приносить реальный доход, тоже нуждалось в привлечении внешних инвесторов.

Средства массовой информации независимо от направления несли огромные убытки уже в 1992 г. — 15 млн рублей у проельцинской «Комсомольской правды», 6 млн рублей у оппозиционной «Советской России». Долги типографии «Пресса» достигли 200 млн рублей. Газета «Известия» получила от правительства Гайдара огромное здание на Пушкинской площади, что позволяло ей сводить концы с концами, но к 1993 г. даже ей пришлось туго. Дорожает доставка прессы. Люди, раньше подписывавшиеся на центральную прессу, предпочитают теперь более дешевые местные издания. В 1993 г. «Известия» сохранили только 25 % подписчиков, «Комсомольская правда» — 15 %, «Независимая газета» — 39 %, а еженедельник «Аргументы и факты», являвшийся крупнейшим не только в России, но и в Европе, сохранил 35 % подписчиков, потеряв за год почти 17 млн читателей! Время общероссийских газет уходит в прошлое, отныне единство информационного поля обеспечивается телевидением.

Либеральные журналисты, ратовавшие за отмену субсидий и дотаций для всех отраслей экономики, одновременно требовали дотаций и субсидий для себя. Между тем централизованно субсидировать пропаганду, как в советские времена, государство уже не могло. Более того, оно было в этом не заинтересовано. Советский опыт показал, что при отсутствии прямой цензуры пресса легко может пользоваться дотациями и одновременно критиковать правительство, эти дотации выделяющее. Попытки введения цензуры в 1993 г. провалились. Впоследствии пресса очень болезненно реагировала на любые поползновения государственных чиновников вмешиваться в творческий процесс. Контроль со стороны частного капитала был гораздо жестче и одновременно оказался гораздо более приемлемым идеологически и психологически. Переход средств массовой информации к олигархам создавал условия для восстановления политической цензуры при полном сохранении формальных демократических свобод.

Трагической была история «Независимой газеты». В 1993 г. она была символом сопротивления цензуре и борьбы за свободу печати. Газета выдержала прямую конфронтацию с властью, но не экономический кризис. В мае 1995 г. газета перестала выходить. В редакции произошел раскол. Часть журналистов объединилась вокруг заместителя главного редактора Александра Гагуа, который на общем собрании был провозглашен новым руководителем. Основатель газеты Виталий Третьяков, казалось, смирился с произошедшим. Но решение Гагуа получить деньги на возобновление издания у бизнесменов, поддержавших Конгресс Русских Общин, спровоцировало новый кризис, на сей раз уже политический. 12 сентября 1995 г. помещение редакции было захвачено сотрудниками частной охранной фирмы, нанятой Борисом Березовским. Гагуа был смещен, а Третьяков восстановлен на своем посту. Газета стала выходить вновь, но уже на деньги Березовского.

Надо отдать должное Виталию Третьякову, который сумел сохранить репутацию «Независимой газеты» как серьезного и авторитетного издания даже после ее захвата Березовским. И все же это была уже не та «НГ», к которой привыкла московская интеллигенция в 1993–95 гг. Влияние Березовского, малозаметное в повседневной жизни газеты, вдруг резко возросло каждый раз, когда в стране возникал политический кризис, затрагивавший интересы магната. Так было после прихода к власти правительства Примакова в 1998 г. —

против него Березовский начал настоящую войну, и «НГ» не могла остаться в стороне. Так было и осенью 1999 г., когда газете пришлось защищать Березовского от обвинений в связях с террористами. Так было и во время второй чеченской войны, когда изданию Третьякова фактически пришлось стать рупором российского Генерального штаба.

Захват Березовским «Независимой газеты» был только одним из серии скандальных захватов известных изданий «политизированным капиталом». Аналогичный конфликт привел к потере независимости газеты «Известия». Без особого сопротивления подчинилась воле «внешних инвесторов» и «Комсомольская правда». После неудачных попыток сохранить независимость та же судьба постигла «Новую газету».

Итак, в 1995–96 гг. на сцену выходит «политизированный капитал». Его цель, как отмечает Засурский, не столько в получении прибыли от продажи газет и рекламы, сколько в том, чтобы увеличить свое политическое влияние. «Антирыночное» и, на первый взгляд, нерациональное поведение российских бизнесменов объяснялось достаточно просто: политическое влияние давало в это время доступ к распределению ресурсов (приватизация) в таком масштабе, по сравнению с которым весьма скромные возможные прибыли российских СМИ казались несущественными. После 1996 г. мотив получения собственности трансформировался в стремление ее удержать⁹⁾. Пресса снова становится, как и в советское время, инструментом пропаганды, но не правительственной, а частной. При этом все средства массовой информации делятся на две группы, в зависимости от решаемых ими задач. Одни ведут пропагандистские кампании, ориентированные на массы. Другие пытаются воздействовать на политические элиты. Это, по выражению Засурского, «газеты влияния».

Возникают мощные медиа-холдинги. Некоторые из них оформляются открыто, как группа «Медиа-МОСТ» Владимира Гусинского, другие предпочитают на первых порах этого не делать, как «ОНЭКСИМбанк» Владимира Потанина или группа, подконтрольная Борису Березовскому. Последнюю журналисты вообще называли «теневым холдингом», поскольку сам московский миллиардер предпочитал делать вид, будто никакого влияния на прессу не оказывает. Тем не менее, именно он занял решающие позиции на телевидении, установив контроль над крупнейшим телеканалом ОРТ, не говоря уже о многочисленных газетах. У Березовского, пишет Засурский, все «проходило по модели “русской приватизации”, отработанной новыми русскими финансистами на промышленных предприятиях с так называемыми “красными директорами”». Смысл этой стратегии состоит в том, чтобы покупать работников, а не предприятие. Вероятно, именно этой цели (помимо бегства от налогов) служила система двойных заработных плат на телеканале, размер которых у важнейших сотрудников определялся лично Березовским или его ближайшим ставленником Бадри Патаркацишвили¹⁰⁾. Такая политика позволяла Березовскому, имея сравнительно небольшие пакеты акций, а порой вообще не оформляя своих отношений с партнерами, устанавливать почти тотальный контроль на предприятиях своего

⁹⁾ Засурский И. Цит. соч. С. 156. О судьбе «Независимой газеты» и других изданий см. там же. С. 71–79.

¹⁰⁾ Там же. С. 148.

холдинга. Впрочем, журналистская элита в накладе не осталась. Контролируя крупнейшие предприятия информационно-пропагандистского комплекса, она не только обслуживала олигархию и власть, но и предъявляла им свои условия. Так в 1999 г. журналист Сергей Доренко, по данным газеты «Московский комсомолец», запросил с Бориса Березовского 1,5 млн долларов США (или 125 тыс. долларов в месяц) и получил эти деньги! А Татьяна Кошкарева, формальный руководитель информационной службы телеканала ОРТ, шефствовавшая над Доренко, вынуждена была довольствоваться «всего» 20 тыс. долларов в месяц. В связи с этим газета иронически заметила, что при таком разрыве в оплате «вряд ли Доренко ожидает режим “наибольшего благоприятствования”»¹¹⁾.

Сколь бы ни был значителен политический интерес олигархов, журналистская и управленческая элита ведущих газет, радиостанций и телеканалов имела свой собственный. К тому же наряду с медиа-холдингами политизированного капитала складывались и коммерческие (один из них сложился вокруг газеты «Московский комсомолец», другой вокруг англоязычной «The Moscow Times»). Политизированные холдинги вовсе не отказывались от зарабатывания денег, тогда как коммерческие были отнюдь не в стороне от политики. Более того, политика в конечном счете оказывалась наилучшим источником денег.

Совместно пропагандируя ценности либерального капитализма, средства массовой информации и стоящие за ними олигархи, как отмечает Засурский, одновременно конкурировали на «рынке влияния». Временами эти конфликты принимали характер настоящих информационных войн, причем для самих их участников эти войны оборачивались настоящим золотым дождем.

Фактически к середине 90-х в России сложился информационно-пропагандистский комплекс с собственными интересами и пользовавшийся серьезным влиянием на положение дел в стране. Наряду с аграрным, топливно-энергетическим и военно-промышленным информационно-пропагандистский комплекс лоббировал свои интересы через парламент и правительство. Используя средства массовой информации в своих целях, олигархи одновременно вынуждены были способствовать их развитию, как правило, за счет других отраслей экономики.

Если в большинстве отраслей производство падало, то здесь, несмотря на огромные трудности, оно росло. Увеличивалась заработная плата, занятость, происходило стремительное технологическое обновление (открывались новые издания, радиостанции, телеканалы, расширялась зона вещания, запускались спутники). Увеличивавшийся и богатеющий новый средний класс стал потреблять возрастающее количество медиа-продукции, тем самым сделав ее вновь коммерчески выгодной. К 1995–96 структурная перестройка отрасли в целом закончена. Если в 1992–93 «советская» модель прессы потерпела крах (а вместе с ней и надежда на появление по-настоящему свободной журналистики), то в 1995–96 складывается новая модель. Реклама коммерческая и политическая становятся одним целым. И ту, и другую делали одни и те же люди, используя одни и те же средства. Более того, нередко коммерческая реклама несла в себе идеологическую функцию, а в политических сообщениях скрывалась заказанная кем-то коммерческая информация.

¹¹⁾ Московский комсомолец, 30.09.1999.

Это очень хорошо выразил из героев романа Виктора Пелевина «Generation П»: «Мы ведь с тобой идеологические работники, если ты еще не понял. Пропагандисты и агитаторы. Я, кстати, и раньше в идеологии работал. На уровне ЦК ВЛКСМ. Все друзья теперь банкиры, один я... Так я тебе скажу, что мне и перестраиваться не надо было. Раньше было: “Единица — ничто, коллектив — все”, а теперь “Имидж — ничто, жажда — все”. Агитпроп бессмертен. Меняются только слова»¹²⁾.

В своей книге о российской журналистике Иван Засурский отмечает «дух корпоративности», присущий пресс-элите. В основе этой корпоративности лежит ее привилегированное положение. Другие авторы отмечают «попытки СМИ узурпировать под свой контроль кадровые решения президента и отстроить механизм управления ими»¹³⁾. Другое дело, что и в 1994–95, и в 1997–98 гг., когда медиа-сообщество пыталось в той или иной мере давить на Кремль, эти попытки успехом не увенчались. Виктор Пелевин пошел дальше, назвав режим, опирающийся на элиту пропагандистских ведомств, «медиакратией». Демократией его можно назвать только по аналогии с термином “demo-version”¹⁴⁾. Чем более привилегированным было положение пресс-элиты, тем ниже были требования профессиональной этики. Обычным делом стали «заказные материалы» и «черный PR». За небольшую мзду от ста до нескольких тысяч долларов журналисты размещали в своем издании нужное кому-то сообщение. Читатель, естественно, не информировался о том, что сообщение кем-то оплачено. Если это сообщение было еще и заведомо ложным, оно стоило дороже — на журналистском жаргоне это почему-то получило название «джинсы».

«Вообще, феномен коррупции в журналистике заслуживает отдельного разговора, — пишет Иван Засурский. — Во всероссийских изданиях он встречается в самых разнообразных проявлениях — начиная с репортажа из регионов, написанного за 1 000 долларов по заказу, и заканчивая проплаченными через отделы рекламы репортажами о новых скидках операторов сотовой связи. “Черный PR” или “джинса” является серьезной проблемой для любой редакции. Однако еще больше беспокоит феномен институционализации коррупции во всероссийских СМИ. Общеизвестно, что именно в них работают пресловутые 2 % журналистов, заработная плата которых превосходит доходы занятых в региональных СМИ в десятки, а то и сотни раз. Разумеется, большое значение для уровня зарплат в столице имеет дефицит квалифицированных кадров и огромное количество изданий. Но если принять во внимание тот факт, что высокие зарплаты являются также характерным атрибутом “газет влияния”, то картина получается несколько иная. Тем более, что до сих пор многие высокооплачиваемые сотрудники получают зарплату в конвертах, причем уровень заработка определяется индивидуально и не оговаривается в трудовых соглашениях. В условиях экономического кризиса такое положение вещей лишает многих московских журналистов способности отстаивать собственное мнение или иметь независимую позицию»¹⁵⁾.

¹²⁾ Пелевин В. Цит. соч. С. 139.

¹³⁾ Со-общение, 1999, № 2. С. 15.

¹⁴⁾ Пелевин В. Цит. соч. С. 119.

¹⁵⁾ Засурский И. Цит. соч. С. 118–119.

Информационно-пропагандистский комплекс не просто стал важной экономической силой, он имеет собственное видение развития страны. Оптимальное, с точки зрения его интересов, положение дел представляло бы собой перманентную избирательную кампанию, перемежающуюся террористическими актами, войнами, естественными катастрофами и криминально-сексуальными скандалами. Если для рядового обывателя предпочтительна стабильность и размеренное течение жизни, то для прессы это смерть. Напротив, всевозможные потрясения являются ее идеальным материалом. Голодающее население, разбомбленные дома и сгоревшие заводы могут выглядеть вполне живописно, а потому лозунг «хлеба и зрелищ!» современный информационно-пропагандистский комплекс заменяет недоуменным вопросом: «зачем вам хлеб, если у нас есть зрелища?». Идеологическая функция средств массовой информации проявляется прежде всего в том, что рассказы о бедствиях сегодняшнего дня дополняются обещанием процветания в будущем, которое непременно наступит при условии соблюдения требований либерального капитализма. Другой темой пропаганды было противопоставление собственной ушербной и неправильной страны «цивилизованному миру» Запада. В этом случае идеал находился не в будущем, а просто в другом месте, а возможность его достичь становилась сугубо индивидуальной. Парадоксальным образом постоянные славословия западному образу жизни сочетались с почти полным отсутствием международной информации. Если в советское время, например, ей уделяли от трети до половины времени в программах телевизионных новостей, то в ельцинской России обычным делом стали передачи новостей, где не было ни одного международного сюжета!

Идеолог новой медиакратии Глеб Павловский цинично заявлял, что главное даже не продавать газеты, главное — торговать политическим влиянием. «Отсюда рентабельность медиабизнеса измеряется рентабельностью продажи собственником своего ресурса медийного давления на власть — обычно самой же власти (шантаж) либо претендующей на власть оппозиционной группировке (“верхушечный переворот”). СМИ как политический посредник материально заинтересованы в максимизации политических рисков (выше риск — выше норма прибыли на рынке “политических денег”, или “денег влияния”). Их задача — не обслуживать коммуникацию политических сил, а наоборот — запутывать, дезинформировать и держать ситуацию в искусственно взвинченном, стрессовом состоянии неопределенности». Во всем этом Павловский не видит ничего предосудительного, ибо такое поведение объясняется «простыми рыночными мотивами»¹⁶⁾.

Главным достижением информационно-пропагандистского комплекса ельцинской России был именно синтез западной и советской пропагандистской культур, на основе которого возникала своего рода **тотальная пропаганда**. Обработку сознания средствами массовой информации оппозиционная пресса назвала «зомбированием». Суть «зомбирования» состоит в том, что исчезает дистанция между сообщением и его восприятием, сознание радиослушателя и телезрителя как бы растворяется в потоке пропагандистских образов. Эти образы сами по себе возникли из синтеза коммерческой рекламы и политической пропаганды. Реклама была насквозь идеологизирована, а пропаганда

¹⁶⁾ Со-общение. 1999, № 2. С. 15.

использовала рекламную технологию. Создавался новый контекст, в который оказывалось постоянно погружено массовое сознание. Телевизионные картинки, рекламные щиты на улицах, повторяемые политиками слоганы должны были сформировать у не склонного к рефлексии обывателя нечто вроде системы искусственных рефлексов — как у знаменитой собаки Павлова.

«Это похоже на состояние одержимости духом; — писал Виктор Пелевин, — разница заключается в том, что этот дух не существует, а существуют только симптомы одержимости. Этот дух условен, но в тот момент, когда телезритель доверяет съемочной группе произвольно перенаправлять свое внимание с объекта на объект, он как бы становится этим духом, а дух, которого на самом деле нет, овладевает им и миллионами других телезрителей»¹⁷⁾. Разумеется, фиктивная реальность пропаганды не может заменить настоящей, но может преобразовать ее восприятие. В какой-то момент человек выключает телевизор. «Но возникает эффект, похожий на остаточную намагниченность. Ум начинает вырабатывать те же воздействия сам. Они возникают спонтанно и подобны фону, на котором появляются все остальные мысли». В итоге в сознании «возникает своеобразный фильтр», через который и воспринимается реальность»¹⁸⁾.

И все же пропаганда не всесильна. История ельцинской России — это не только летопись успешных манипуляций массовым сознанием, но и история того, как применяемые приемы постепенно теряют силу. Для того, чтобы удерживать внимание и контролировать сознание, приходилось все время повышать дозу пропагандистского воздействия, тогда как массы постепенно вырабатывали своеобразный иммунитет к информационным технологиям. Чем менее эффективными были манипуляции, тем более правящим кругам приходилось полагаться на прямое насилие или, по крайней мере, на угрозу насилия.

Насилие само по себе — ценнейший информационный товар. Оно зрелищно. Оно вызывает эмоции. В этом плане война в Чечне была настоящим подарком для информационно-пропагандистского комплекса. Более того, активная критика власти в телевизионных передачах и в газетах вернула им доверие населения. Именно это доверие было использовано для новых манипуляций во время президентских выборов 1996 г. Если бы средства массовой информации не атаковали Ельцина так яростно в 1995 г., они не могли бы столь успешно повышать его рейтинг год спустя. После краткосрочного конфликта медиа-элиты с властью по поводу Чечни начинается их новое сближение. С одной стороны, медиакратов поставили на место, показав, что они не могут самостоятельно определять политику. С другой стороны, Кремль и олигархия подтвердили их привилегированный статус. Олег Смолин совершенно прав, когда замечает, что ельцинский режим использовал прессу и телевидение «в качестве главного средства управления», заменяющего «прямое насилие»¹⁹⁾. В ходе избирательной кампании Ельцина 1996 г. происходит непосредственное сращивание «частного» информационно-пропагандистского аппарата с государственным. Характерным примером может быть назначение Игоря Малащенко, руководителя «независимого» телеканала НТВ, ответственным за создание «имиджа»

¹⁷⁾ Пелевин В. Цит. соч. С. 105.

¹⁸⁾ Там же. С. 112, 113.

¹⁹⁾ Смолин О. Цит. соч. С. 173.

президента. Именно НТВ наиболее жестко критиковало Кремль в 1994–95 гг. Та же телекомпания в 1996 г. становится главным рупором его пропаганды.

Президентские выборы 1996 г. стали триумфом пропаганды. Все решали телевидение, пресса, всевозможные шоу, организованные властью. Информационно-пропагандистский удар, обрушившийся на население, был такой силы, что реальность подлинная была в какой-то момент в сознании многих людей отодвинута виртуальной. Иван Засурский назвал это «медиатизацией политики»²⁰⁾.

Решающую роль в пропагандистской войне играло телевидение. В стране, где люди не могли купить общенациональных газет, именно оно обеспечивало единство информационного пространства и, до известной степени, связь между гражданами и государством. Исходя из этого, идеологи предвыборной кампании Ельцина поставили перед собой задачу — «создание образа, то есть символического образа нужной, однако практически неосуществимой (в сжатые сроки) реальности. Чудес не бывает — проблемы останутся, после выборов их надо будет решать обычными средствами. Чтобы сохранить шанс на победу, необходимо создать образ “начавшегося решения всех проблем”. Иными словами, **мы инсценируем то, на создание чего у нас нет времени и возможностей...**» (выделено авторами)²¹⁾.

Авторами этих циничных слов были Глеб Павловский и группа интеллектуалов, объединившаяся вокруг Фонда Эффективной Политики (ФЭП). Показательно, что значительная часть сотрудников ФЭП вовсе не была сторонниками режима, да и сам Павловский в своих публичных выступлениях был, скорее, его критиком. Сочетание «интеллектуальной» критики власти с ее ежедневным небескорыстным обслуживанием — классический пример продажности и беспринципности, воцарившихся среди представителей «медиакратии». Применявшиеся методы также не отличались особой чистоплотностью. Так, например, представители ФЭП с гордостью рассказывали своим коллегам, как им удалось срывать пресс-конференции кандидата коммунистов Геннадия Зюганова — в результате журналисты приезжали на встречу с Зюгановым то на два часа раньше, то на час позже. ФЭП занимался и распусканьем всевозможных слухов: «Иногда в массмедиа запускалась самая, казалось бы, невероятная информация. К примеру, о том, что в случае победы Зюганова будут отменены все телесериалы. Или о том, что причиной вражды Зюганова и Ельцина стало “золото КПСС”, найденное Юрием Лужковым во время реконструкции Манежной площади»²²⁾.

На самом деле, однако, работа по созданию «позитивного имиджа» Ельцина дала весьма скромные результаты. Обливание грязью коммунистов и распространение нелепых слухов-«пугалок» начало давать обратный эффект. Кампания по обработке молодежи, затеянная Сергеем Лисовским в рамках акции «Голосуй или проиграешь!» тоже дала весьма скромные результаты. Лисовский за огромные деньги нанял популярных исполнителей и провез их по стране, превращая концерты поп-музыки в проельцинские митинги. Телевидение постоянно рекламировало эту акцию. Увы, затраты не оправдались. «Напрасно

²⁰⁾ Засурский И. Цит. соч. С. 109.

²¹⁾ Цит. там же. С. 100.

²²⁾ Московские новости, 16.06.1996.

Лисовский выгреб из бюджета на эту акцию кучу денег, напрасно заставил инфарктного президента глупо скакать по сцене под попу, — констатирует Александр Тарасов. — Основными посетителями акции «Голосуй или...» были подростки 14–16 лет, а они, как известно, в выборах не участвуют. В Волгограде и Астрахани, как выяснилось из опросов год спустя, подавляющее большинство молодых избирателей, которые присутствовали на концертах Лисовского, не ходили голосовать вообще. А те, кто ходили, голосовали в основном за Лебеда, Жириновского, Зюганова или против всех. Они проголосовали — и проиграли»²³⁾.

Возникла прямая угроза поражения на выборах, чего режим ни при каких обстоятельствах допустить не мог. Надо было менять пропагандистскую стратегию. И здесь на первый план выходит группа американских консультантов. Именно этой группе, по утверждению журнала «Тайм», принадлежит в 1996 г. сомнительная честь «спасения Бориса»²⁴⁾.

Ключевыми моментами пропагандистской кампании отныне стали запугивание народа гражданской войной, апелляция к традиционному послушанию и начальстволюбию российского обывателя. Если интеллектуалы из ФЭП пытались представить ельцинский режим носителем чего-то нового и современного, то американцы обратились именно к самым традиционным, консервативным, авторитарным стереотипам массового сознания. Они агитировали именно тех людей, которых ФЭП записал в сторонники Зюганова. Как и следовало ожидать, американская команда достигла куда большего.

Страх перед гражданской войной стал решающим фактором, предопределившим победу Кремля в 1996 г. Фактически речь шла о прямом шантаже. Избирателю откровенно дали понять, что в любом случае Ельцин никуда не уйдет. Просто в случае своей победы он останется у власти мирным и «законным» путем, а в случае победы Зюганова он все равно останется, но путем государственного переворота. Планы государственного переворота действительно были, что позднее подтверждали приближенные к президенту генералы Коржаков и Куликов (первый их отстаивал, второй, напротив, в них сомневался).

Так или иначе, угроза репрессий и гражданской войны, выглядевшая вполне реально после событий 1993 г., оказала решающее воздействие на сознание масс. Что особенно важно, страх перед переворотом парализовал политическую волю оппозиции, которая в глубине души предпочитала проиграть, чем стать в очередной раз жертвой репрессий. Наконец, свою роль сыграла и альтернатива «или Ельцин, или коммунисты». На эту альтернативу средства массовой информации активно работали уже в первом туре. Описывая выборы 1996 г. в Воркуте, социолог В. И. Ильин отмечает: в общественном сознании удалось сконструировать дилемму: либо Ельцин, либо коммунисты, которых ассоциировали исключительно со сталинизмом, который у воркутинцев вызывал воспоминание о «городе-концлагере»²⁵⁾. И все же, несмотря на активное промывание мозгов средствами массовой информации, примерно половина воркутинцев голосовать

²³⁾ Континент. март 1999. № 12. С. 4.

²⁴⁾ См. *Kramer M. Rescuing Boris. Time International. 15.07.1996.*

²⁵⁾ Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 254.

не пошла. Из тех, кто все же решил голосовать, большинство принимали решение по принципу «пусть даже Ельцин, но только бы не коммунисты»²⁶⁾.

Пропагандистская победа Кремля и медиакратии была пирровой. Дозы информационного воздействия в ходе выборов оказались столь огромными, что после них «избирательные технологии», применявшиеся в меньших масштабах, уже не действовали. Результатом этого стала серия поражений «партии власти» на выборах губернаторов в 1996–98 гг. В промышленных регионах нечерноземной России сложился так называемый «красный пояс». Другое дело, что победившие кандидаты оппозиции были вовсе не радикалами, стремящимися к «походу на Москву», а умеренными прагматиками, готовыми торговаться с Кремлем по поводу субсидий и политического влияния. Не став политическим вызовом Кремлю, «красный пояс» все же вынудил президентское окружение скорректировать свою политику в регионах и пойти на уступки по целому ряду вопросов (замедлились темпы и масштабы приватизации, в некоторых областях произошла фактическая ренационализация заводов в пользу местной власти). Региональные элиты стали самостоятельным центром силы наряду с московскими олигархами, правительственными чиновниками и медиакратами.

Вторым следствием выборов 1996 г. стали информационные войны между олигархами. Как отмечает Засурский, «на президентских выборах 1996 г. был сформирован *новый класс медиа-управленцев, прошедших в ходе кампании школу манипуляции общественным мнением*». Мало того, что эти люди ничего другого делать уже не умели, но и *«репутация прессы упала так низко у всех изданий, что бояться этической конкуренции больше не было смысла»*²⁷⁾. Между тем единый блок бюрократов и олигархов, победивший на выборах 1996 г., распался. Причиной тому было не только ощущение избыточной уверенности в себе, наступившее после того, как стало ясно, что ни со стороны оппозиции, ни со стороны масс ждать неприятных сюрпризов не приходится, — не менее важным было и то, что ресурсы, потребляемые олигархией, истощивались. Все меньше оставалось неприватизированных предприятий, все меньше свободных средств, которые можно было бы перераспределить в свою пользу и проесть. За оставшиеся государственные пакеты акций прибыльных компаний началась острая борьба.

Раскол единого олигархо-бюрократического блока вовсе не означал противостояния частных собственников и государства. Скорее, можно говорить о том, что различные группы чиновников заключили альянсы с различными конкурирующими группами олигархов. Раскол происходил тем самым внутри самого государственного аппарата. Как следствие этого, борьба также велась прежде всего политическими методами. Важнейшим из них стала публикация в прессе компрометирующих материалов — «компромата» — друг против друга. «В отличие от американских разгребателей грязи начала века, российские коллеги в большинстве случаев не ориентируются на публику, — пишет Засурский. — Основной целью является направленное воздействие на политизированную элиту»²⁸⁾. Нужно подорвать позиции своих противников в аппарате власти и поддержать своих друзей. На смену централизованным информационно-пропагандистским кампаниям пришли информационные войны.

²⁶⁾ Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 257.

²⁷⁾ Засурский И. Цит. соч. С. 106, 108.

²⁸⁾ Там же. С. 111.

Сначала компания НТВ на всю страну заявила о «государственном перевороте», когда охрана задержала имиджмейкеров президента, пытавшихся вынести из Дома правительства коробку из-под ксерокса, набитую неучтенными долларами. Затем еще более масштабная война разразилась в 1997–98 гг., когда «ОНЭКСИМбанк» Владимира Потанина не без помощи Анатолия Чубайса за бесценок получил приватизировавшийся пакет акций компании «Связьинвест». Березовский и Гусинский предприняли акции «информационного возмездия», реально ослабившие позиции Чубайса в структурах власти. Затем издания, близкие к Юрию Лужкову, начали кампанию по дискредитации вице-премьера Бориса Немцова, в котором Лужков на тот момент видел опасного для себя соперника на президентских выборах. Отчасти за этим конфликтом скрывалась борьба московского автозавода АЗЛК с нижегородским ГАЗом за правительственные заказы. Нижегородец Немцов продвигал ГАЗовскую «Волгу» в качестве отечественного автомобиля, на который нужно «пересадить» чиновников. У Лужкова были собственные проекты престижных автомобилей. Сами чиновники, однако, вообще не собирались «пересаживаться» на отечественные автомобили, предпочитая немецкие «Audi» и «Мерседесы».

Наконец, после августа 1998 г. развернулась информационная война между Березовским и Лужковым. Впрочем, это уже был конфликт иного рода. Если до того все конфликты заканчивались примирением сторон, то теперь началась война на уничтожение.

За годы ельцинского правления средства массовой информации полностью дискредитировали себя в качестве «четвертой власти», точнее, доказали, что эта власть не менее (а может быть даже более) коррумпирована, чем все остальные. Своими рекламно-пропагандистскими кампаниями они фактически разрушали единое информационное пространство, дезориентируя, дезорганизуя и разобщая людей. Но они же сами оказались жертвой собственной политики. Теряя моральный авторитет, они утрачивали и свою ценность в глазах бюрократии и политизированного капитала. И тем самым создавали почву для перехода к новым «управленческим технологиям», основанным на цензуре и применении прямого насилия.

Глава 9

Корпоративная модель и социальный конфликт

В 90-е гг. Россия утратила не только статус великой державы. Перемены затронули весь образ жизни людей. Миллионы наших сограждан впадали в нищету на фоне стремительного обогащения «новых русских». О масштабе социальных диспропорций в ельцинской России говорит статистика, приведенная в исследовании, сделанном экспертами банковской группы «Менатеп» в 1996 г. По уровню потребления все жители страны делились на четыре категории: «новые русские» составляли 1 % населения, «средний класс» — 8 %, «рабочий класс» — 66 %, остальные 26 % — просто «бедные»¹⁾.

Индустриальная община

Неудивительно, что большинство левых ожидало нового подъема классово-вой борьбы. Радикальные авторы предсказывали: «шоковая терапия» приведет к «становлению собственной идеологии рабочего класса», «осознанию своего нового положения наемных работников у формирующегося капиталистического класса», а затем — к мощным пролетарским выступлениям²⁾. Однако нуники пролетариев, совершивших Октябрьскую революцию, проявляли невиданное терпение и пассивность. Забастовки то и дело вспыхивали, но затем гасли, не переходя в массовое движение. Типичной формой рабочего протеста стала голодовка, зачастую переходящая в попытку коллективного самоубийства. Люди были доведены до отчаяния и все же неспособны к борьбе.

Социальное партнерство, о котором много писали поклонники социал-демократии, тоже осталось на бумаге. Государство создало трехстороннюю комиссию с участием правительства, профсоюзов и предпринимателей. Комиссия регулярно заседала. Никаких ощутимых результатов эти заседания не давали.

Не оправдались и прогнозы относительно социальной базы новых порядков. Либеральные социологи делили трудящихся на две категории: квалифицированных, образованных, молодых людей, выступающих «за рынок», и противостоящих им неквалифицированных, малообразованных, старых «противников рынка»³⁾. То, что рынок, в принципе, благоприятствует «хорошим»,

¹⁾ Эксперт, 25.11.1996, № 45. С. 24.

²⁾ *Ракитская Г. Я.* На пути к собственной идеологии. М., 1993. С. 11. Очень похоже рассуждают и авторы коллективной работы левых социологов, опубликованной в Англии. По их мнению, после приватизации в России наконец возникнет «естественная» почва для рабочего движения, которое выразится в усиливающейся борьбе рабочих «внутри предприятия». Исходя из этой предпосылки, авторы, не являющиеся сторонниками обвальнй приватизации, одновременно настаивали, что ее нельзя рассматривать ни как победу, ни к к поражение для рабочих. См. *Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P.* What About the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia, Lnd., 1993. P. 241.

³⁾ На пути к социальному партнерству / Под ред. Л. А. Гордона. Спец. приложение к бюллетеню «Конституционный вестник», М., 1993. С. 76–78.

наиболее динамичным, грамотным и подготовленным работникам, казалось либералам настолько самоочевидным, что они даже не обсуждали эту посылку. Социологи также верили, что в России существуют устойчивые профессионально-квалификационные группы рабочих, у которых есть четкие социальные интересы, равно как и способность осознать и защищать эти интересы.

На практике наибольший ущерб от политики «свободного рынка» понесли именно квалифицированные рабочие, связанные с наукоемкими производствами, хотя на протяжении 1991–96 гг. список «пострадавших» и «выигравших» приходилось неоднократно пересматривать. Наоборот, именно наименее квалифицированным и наименее «рыночным» группам трудящихся в наибольшей степени были свойственны необоснованные потребительские ожидания. Именно они стали энтузиастами рыночной утопии. Опросы 1990–93 гг. показывают, какая путаница царил в массовом сознании. Одни и те же люди «одновременно высказываются и за свободные цены, и за их регулирование, поддерживают возможность обогащения и выступают против большой разницы в доходах»⁴⁾. Чем ниже был уровень образования, чем меньше люди знали о мире, тем больше они зависели от средств массовой информации, контролировавшихся «реформаторской» властью. Впрочем, не имея перспектив выиграть от развития капиталистического рынка, неквалифицированные работники не являлись и по определению «проигравшими». Дешевизна неквалифицированного труда в условиях примитивного рынка и дефицит инвестиций создали своеобразное «преимущество лопаты над компьютером». 90-е гг. стали временем массовой «переквалификации» promышленных специалистов в мелких торговцев, охранников или прислугу «новых богатых». Благодаря своим знаниям и квалификации они даже достигали известных успехов на новом поприще, но редко становились от этого более счастливыми.

Сплетение интересов делало практически каждого человека «рыночником» и «анти-рыночником» одновременно. Практически любая группа в процессе «рыночных реформ» что-то выигрывала и одновременно что-то проигрывала. Проблема лишь в том, что соотношение «плюсов» и «минусов» постоянно менялось. По официальному прогнозу на первых этапах «реформы» должны были сказаться ее отрицательные стороны (падение уровня жизни, ужесточение требований к работнику). Зато на втором этапе должны были выявиться в полной мере «преимущества рыночного механизма». В жизни все произошло наоборот. На первых порах люди заметили некоторые положительные сдвиги: исчез хронический дефицит, появились качественные иностранные товары (особенно в Москве и Петербурге). Падение зарплаты компенсировалось возможностью участвовать в «неформальной экономике», причем — без потери «официального» рабочего места. О масштабах вовлеченности населения в «теневую» и «неформальную» экономику свидетельствует следующий факт: по данным Госкомстата РФ только за первый квартал 1997 г. граждане потратили на триллион рублей больше, чем заработали, а их сбережения не сократились. Причем речь идет о деньгах, израсходованных на продукты и одежду, иными словами, не о тайных операциях мафии, а о потреблении простых тружеников.

⁴⁾ Социальная и социально-политическая ситуация в России: состояние и прогноз (1992) / Под ред. Г. В. Осипова, М., 1993. С. 43.

Газета «Век», опубликовавшая эти данные, недоумевала: «откуда у россиян взялся лишний триллион»⁵⁾. На самом деле ответ был прекрасно известен и журналистам и читателям. Без широкого развития «неформального сектора» официальная экономика просто рухнула бы под тяжестью нерешенных проблем и социальных противоречий.

Поскольку никакой официальной статистики «неформального сектора» не существует, о масштабах его развития можно судить по косвенным показателям. Одним из них является то, что при спаде промышленного производства наполовину, выработка электроэнергии уменьшилась лишь на 25 %. Отчасти это связано с падением эффективности, произошедшем повсеместно в ходе приватизации (производительность труда падала, энергоемкость продукции росла, поскольку даже при меньших масштабах производства надо отапливать цеха по-прежнему и т. д.). Однако лишь отчасти. Вторым фактором является потребление электроэнергии неформальным сектором. В условиях, когда администрация не могла платить рабочим, она не могла противиться тому, чтобы рабочие на заводском оборудовании изготавливали какие-либо предметы для собственного потребления или на обмен. Произведенная «неофициально» продукция нигде не учитывалась, а издержки частично или полностью «вешались» на формальный сектор. Тем самым «официальные» производители косвенно субсидировали неформальную экономику, но это оказывалось для них выгоднее и проще, чем оплачивать рабочим полную стоимость рабочей силы.

Массу мелких торговцев, «челноков», курсирующих между Россией, Польшей, Китаем и Турцией, а иногда и между разными областями России, коммунистическая «Гласность» назвала «пролетариями бизнеса»⁶⁾. Это парадоксальное определение тем более справедливо, что многие из подобных людей продолжали числиться рабочими и инженерами на своих предприятиях, а порой и работали на них большую часть времени.

До 1993 г. сохранялась полная занятость, бесплатная медицина, образование и дешевые коммунальные услуги. Ситуация начала меняться после государственного переворота 1993 г. Теперь правительству никто не мешал выполнять свою социальную программу. В результате за несколько лет политической стабильности экономический спад углубился, развал наукоемких производств стал необратимым. Товары на прилавках уже не вызывали восхищения (наступил «эффект привыкания»), зато возникла угроза безработицы, начала разваливаться привычная система социальных гарантий.

Поскольку «пользователями» этой системы был каждый, ее развал ударил практически по всем социальным слоям кроме узкой группы «новых богатых». Даже рост зарплаты в преуспевших фирмах порой не позволял компенсировать потери. Соответствующие службы (в сфере отдыха, здравоохранения, образования) были созданы именно как общественные, часто — на основе предприятий. Коммерциализация дезорганизовала их, сделав неработоспособными.

Недовольство росло повсеместно. Однако это не сопровождалось массовыми народными выступлениями. Протест остался пассивным, выражаясь, главным образом, в голосовании за бессильную парламентскую оппозицию

⁵⁾ Век. 1997, № 13.

⁶⁾ Гласность, 11.10.1996.

и регулярно повторяющихся требованиях к власти, чтобы она выполняла собственные законы и обещания. Противоречие «работник — работодатель» («пролетарий — буржуа», «наемный труд — частный капитал») воспринималось массовым сознанием лишь как одно из многих противоречий, причем — не центральное. Неприязнь к власти сочеталась с готовностью принять ее как данность, как плохую погоду или суровый северный климат.

Иллюзорным оказалось и представление, будто работники имеют четкие и однозначные интересы на уровне повседневного бытия. Положение работника на советском производстве было крайне противоречиво, а потому значительная часть трудящихся вообще не в состоянии была четко сформулировать, в чем состоит ее интерес. В качестве потребителей рабочие стремились к одному, в качестве производителей к другому, в качестве наемных работников к третьему, в качестве участников корпоративного блока (вместе с директорами, инженерами и даже министрами) к четвертому. Эта принципиальная неспособность определить собственный тактический и стратегический интерес порождала крайне противоречивые и непоследовательные действия, зачастую — во вред себе.

Можно сказать, что практика опрокинула все прогнозы, как официальные, так и оппозиционные, как оптимистические, так и пессимистические.

На первых порах и левые, и правые разделяли общую иллюзию. Они верили, что распространение «западных» форм частной собственности автоматически вызовет соответствующую трансформацию всех производственных и трудовых отношений по западному образцу. На деле происходило совершенно иное. Несмотря на добросовестные попытки копирования американских и европейских схем, западные формы стихийно трансформировались, адаптировались к постсоветской реальности, все менее соответствуя своим исходным прототипам.

Характерной особенностью трудовых отношений постсоветской эпохи стала хроническая задолженность по выплатам зарплаты. Это явление наблюдалось и в государственном секторе, и на частных предприятиях, как созданных заново, так и на приватизированных. Не были исключением и предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу, хотя здесь число подобных случаев было меньше. Эпидемией задолженности были охвачены все регионы и все отрасли экономики. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других постсоветских республиках — в Казахстане, на Украине, в меньших масштабах — в Белоруссии. К июлю 1998 г., когда в России разразилась волна массовых протестов, общая сумма задолженности по стране достигала 69 971 млн рублей (т. е. около 6,5 млрд долларов), причем в производственных отраслях — 56 431 млн рублей. На отрасли бюджетного финансирования (т. е. здравоохранение, образование и т. п.) приходилось 17,8 % общего долга.

В целом невыплата заработной платы объясняется эпидемией взаимных неплатежей между предприятиями, дефицитом наличных денег из-за жесткой финансовой политики государства, когда взаимные расчеты приходилось осуществлять с помощью бартера и различных денежных суррогатов. Однако среди неплательщиков были высокорентабельные предприятия нефтяной и газовой отрасли. Невыплата зарплаты не всегда свидетельствовала об отсутствии средств. Например, одно из предприятий РАО «Газпром» — богатейшей

российской транснациональной компании — при общей задолженности по зарплате в 121 тыс. рублей было потрачено 112 тыс. на закупку офисной мебели, 41 тыс. на участие в футбольном турнире, 20 тыс. на закупку пиротехнических изделий, 15 тыс. на концерт и 4 тыс. на закупку воздушных шариков⁷⁾. Можно сказать, что, несмотря на острый социальный кризис, администрация предприятия в буквальном смысле слова пускала деньги на ветер!

Социологи справедливо сравнивают практику невыплаты зарплаты со сталинской системой принудительного кредитования власти населением в 40-е гг. Однако, «если в сталинской системе работникам предлагалось кредитовать государство путем “добровольной” подписки на государственные займы, сейчас согласия работников не требуется даже формально. При этом, в отличие от иностранных кредиторов и отечественных предпринимателей, которые одалживают государственные средства под огромные проценты, работники вынуждены кредитовать государство и работодателей, не получая даже минимальной компенсации моральных и материальных потерь». Мало того, что подобное положение дел оказывалось крайне выгодным и власти и собственникам, «не иметь долгов по зарплате, с точки зрения работодателя, просто нерационально и даже небезопасно, поскольку свидетельствует о наличии у предприятия “лишних” денег»⁸⁾.

Проблема, однако, не в том, выгодно или нет было сложившееся положение для власти и корпоративной верхушки (при очевидных «плюсах» оно было связано и с определенными минусами). Гораздо важнее ответить на вопрос о том, почему такой порядок вообще мог существовать, почему трудящиеся продолжали ходить на работу. Как отмечает социолог В. П. Белова, подобное положение дел «ни в социалистической, ни в рыночной экономике невозможно по определению». При социализме это «противоречило бы не только идеологии, но и самим основам плановой экономики», при капитализме или смешанной экономике «это означало бы фактическое банкротство»⁹⁾. Описывать же данное явление как «переходное» значит ничего не сказать ни о его причинах, ни о его природе.

На самом деле невыплата заработной платы оказывалась специфической формой борьбы с инфляцией и повышения конкурентоспособности компаний в обществе, где, несмотря на явный поворот к капитализму, на уровне предприятия господствовал корпоративный коллективизм. По отношению к «внешним» рынкам российские предприятия выступали как капиталистические, но не по отношению друг к другу и уж точно не по отношению к своим работникам. Люди продолжали трудиться, ибо к рабочему месту их привязывала не только зарплата. Вместо отношений свободного найма господствовали отношения патернализма и личной зависимости.

События 90-х гг. были не разрывом с советской историей, а ее продолжением. Бессилие и разобщенность трудящихся имели глубокие корни именно в советском опыте. До 1989 г. производственные объединения в СССР не только поставляли государству запланированную продукцию. Они обеспечивали социальные гарантии своим сотрудникам. Через предприятие решались вопросы жилья, детских дошкольных учреждений, летнего отдыха и даже распределения

⁷⁾ Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 64.

⁸⁾ Там же. С. 64, 65.

⁹⁾ Там же. С. 66.

дефицитных товаров. Предприятия, трудовые коллективы были самой эффективной формой социальной организации в разобщенном обществе. Предприятие стало своеобразной *индустриальной общиной*. Не удивительно, что поведение российских «потомственных пролетариев» и формы их борьбы в годы неолиберальных реформ больше напоминали крестьянские бунты начала века, нежели европейское рабочее движение.

Становление корпоративной модели началось в стране задолго до рыночных реформ. Многочисленные ограничения, распространявшиеся не только на передвижение по стране, но порой и на выбор профессии, дали возможность социологам говорить о «полукрепостном» характере трудовых отношений. Бывший заместитель министра труда П. М. Кудюкин писал, что в советские времена «наемный труд, и то с ограничениями, существовал только в крупных промышленных центрах»¹⁰⁾.

Отсутствие полноценного рынка труда имело и другую сторону. Американский социолог Дональд Филтцер отмечает, что поскольку отношения работодателя и работника не строились на основе рыночного соглашения, а цена рабочей силы, выраженная в заработной плате, далеко не всегда отражала реальную стоимость ее воспроизводства, трудовые отношения приобретали черты своеобразного «обмена услугами»¹¹⁾. Рабочие были обязаны трудиться, но были защищены от безработицы, имели низкую зарплату, но субсидированное дешевое жилье, гарантированный доступ к важным для них элементам социальной инфраструктуры и т. д. В той мере, в какой предоставление услуг зависело не от государства в целом, а от администрации предприятия, эти отношения становились неформальными и даже межличностными. Каждый рабочий в значительной мере мог контролировать то, как он работает, управленцы терпели такой частичный «рабочий контроль», поскольку это было гарантией предсказуемости и надежности со стороны коллектива.

Система трудовых отношений была пронизана неформальными связями, которые успешно работали. Так решались вопросы, неразрешимые с помощью командных методов. Это оборачивалось склонностью администрации мириться с низкой трудовой дисциплиной, а со стороны рабочих — готовностью к постоянным сверхурочным, «штурмовщине», «работе на энтузиазме», отсутствию полагающихся условий труда. Наряду с интересами и целями, декларированными официально, существовали многочисленные «неофициальные» интересы, зачастую неоформленные, а порой и не вполне осознаваемые участниками производственных процессов, но тем не менее — вполне реальные.

«С формальной точки зрения, — пишет П. М. Кудюкин, — администрация предприятий не имела свободы действий в определении условий труда, будучи включенной в жесткую командную систему. Однако в реальности директор, по крайней мере с середины 60-х гг. (после косыгинской реформы), обладал немалыми легальными, а чаще полулегальными возможностями предоставления своим работникам дополнительных социальных благ. Естественно, данные блага и их распределение были мощнейшим средством манипулирования работниками. Умелый и умный директор без особого труда мог играть роль

¹⁰⁾ Вопросы экономики, 1994, № 5. С. 74.

¹¹⁾ Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. Pluto Press. Lnd. etc., 1986. P. 260.

“отца-командира” и “доброго барина”, опекающего подчиненных. Но горе было тому работнику, который пытался “искать правду”. На основе связи директор—профсоюзный комитет формировался местный корпоративный патернализм. “Односторонне командные” трудовые отношения дополнялись “административно-корпоративным патернализмом”¹²⁾.

Профсоюзы: «традиционные» и «альтернативные»

Неформальные трудовые отношения предопределяли и роль профсоюзов в советской системе. Сказать, что они вообще ничего не делали для рабочих было бы неверно. Но их деятельность имела мало общего с профсоюзной работой в привычном смысле слова. Они занимались вопросами социального страхования, охраны труда, организации отдыха трудящихся, помогали обеспечивать работников потребительскими товарами. Профлидер был неофициальным заместителем директора по социальным вопросам. Перестройка практически не затронула профсоюзы. Они продолжали заниматься привычным делом, распределяя льготные путевки и дефицитные товары.

Лишь в 1990–91 гг. в профдвижении начались серьезные перемены. После шахтерских забастовок 1989 г., вызванных, в основном, традиционными трудностями в угледобывающей промышленности и монопродуктивностью шахтерских регионов, ситуация для профсоюзов резко усложнилась.

Забастовки стихийно охватывали одну шахту за другой, став неожиданно для администрации, так и для профсоюзных функционеров. В ходе этих стачек появились свои лидеры, шахтеры почувствовали уверенность в себе. И хотя многие из тех, кто тем «жарким летом» возглавлял бастующих, впоследствии проявили себя не лучшим образом, было положено начало подлинному рабочему движению. Именно поэтому профсоюз угольщиков позднее не боялся конфликта с властью ни в 1993, ни в 1994 г. К тому же шахтеры считали: уголь нужен будет всегда. Даже если правительство пойдет на закрытие отдельных шахт, оно не может допустить остановки отрасли.

Шахтерские забастовки летом 1989 г. показали, что старые профсоюзы неработоспособны в новых условиях. В переговорах с бастующими профсоюзы участвовали на стороне администрации. При этом, однако, стачки не сопровождалась массовым выходом рабочих из «официальных» профсоюзов или попытками создания новых. Трудящиеся видели в профсоюзах распределительную организацию, не имеющую отношения к трудовым конфликтам. Лишь полгода спустя лидеры забастовочных комитетов осознали предназначение профсоюзов. Часть активистов шахтерского движения заняла руководящие посты в традиционных профсоюзах, большинство же стало создавать новую организацию.

В 1989–90 гг. во всех шахтерских регионах СССР возникли рабочие комитеты. Как и во всем мире, это первое поколение независимого рабочего движения породило множество надежд, обернувшихся жестокими разочарованиями. И в Донецке, и в Прокопьевске, и в Карагане забастовщики говорили

¹²⁾ Вопросы экономики, 1994, № 5. С. 74.

не только о своих профессиональных проблемах, но и о проблемах общества, однако всячески старались сохранить чисто шахтерский характер движения. «Таким образом, с самого начала, возможно неосознанно, шахтеры взяли на себя роль выразителей интересов большинства населения, в то же время изолировав себя от этого населения, — пишет историк и профсоюзный активист Вадим Борисов. — В дальнейшем обнаружилось, что “шахтерское движение, перетянув на себя функцию выразителя общих интересов (и переоценив свои возможности в противостоянии с правительством), выступило фактором, тормозящим развитие забастовочной активности и формирование стачкомотивов и независимых профсоюзов в других отраслях”¹³⁾. Даже позднее, когда шахтеры на своей шкуре убедились, чего стоят “реформы по-русски», они очень редко шли на совместные действия с другими отрядами труящихся и практически никогда не предпринимали каких-либо акций солидарности, когда бастовали представители других профессий. Подозрительно относясь к интеллигенции, руководители рабочих комитетов затем легко подчинялись правительственным чиновникам и местным популистским лидерам, использовавшим шахтеров в своей политической игре. Многие руководители стачечных комитетов стали за несколько лет преуспевающими бизнесменами и государственными администраторами. Лозунг «рабочее движение — вне политики» обернулся отказом от самостоятельной рабочей политики, а затем подчинением рабочих комитетов политике Ельцина и его окружения. По мере того, как социальные последствия этой политики становились очевидными, рабочие комитеты теряли свое влияние.

Появление «альтернативных» профсоюзов было первым серьезным вызовом для традиционных структур. «Альтернативные» профсоюзы возникли в огромном числе после 1989 г. и к ним примыкали рабочие активисты, недовольные бюрократизмом и бездеятельностью старых профсоюзов. В основном эти организации были микроскопическими (численностью в несколько десятков или сотен человек). Объединиться в масштабах страны им оказалось крайне трудно. Самым известным из новых профсоюзов был Независимый профсоюз горняков России (НПГ). Как общероссийская организация НПГ был создан в ноябре 1991 г. на учредительном съезде в Южно-Сахалинске и первоначально объединял 14,3 тыс. членов. К концу 1992 г. численность НПГ выросла до 55 тыс. Устав НПГ допускал членство в профсоюзе только для рабочих и только работающих под землей. Из общего числа таких работников на шахтах России в НПГ к 1993 г. уже состояла четверть. После ожесточенной внутренней борьбы, продолжавшейся в течение 1989–91 гг., председателем НПГ стал Александр Сергеев.

Другими известными и политически активными объединениями новых профсоюзов были Конфедерация свободных профсоюзов России (КСПР) и СОЦПРОФ. КСПР была создана в Москве в июне 1990 г. и с самого начала заявила себя как жестко антикоммунистическая и антисоветская организация. Будучи, как и другие «альтернативные» профсоюзы, настроена против Горбачева, КСПР, в отличие от проельцинского большинства в новых профсоюзах, критиковала и Ельцина. Причем — справа, рассматривая его как недостаточно

¹³⁾ Рабочая политика. 1996. № 4. С. 8. 9.

жесткого антикоммуниста. К середине 1993 г. численность КСПР достигла 70 тыс. человек, после чего рост рядов прекратился. КСПР смогла закрепиться в основном в строительной и металлургической промышленности, в том числе, например, серьезно потеснив «официальные» профсоюзы на Череповецком металлургическом комбинате (ЧМК), одном из крупнейших в России. После короткой закулисной борьбы политику профцентра стал определять Председатель КСПР Александр Алексеев.

СОЦПРОФ существовал первоначально как всесоюзная структура и официально расшифровывался как «Объединение социалистических профсоюзов СССР». В начальный период большую роль в СОЦПРОФе играли левые социалисты, социал-демократы и анархо-синдикалисты. Затем СОЦПРОФ стал править. Слово «социалистические» в его названии было заменено на «социальные», а позже аббревиатура СОЦПРОФ и вовсе перестала расшифровываться. Из руководства СОЦПРОФа были «вычищены» все левые, лидер СОЦПРОФа Сергей Храмов из социал-демократа превратился в либерала. Лидеры СОЦПРОФа утверждали в 1992 г., что у них 200 тыс. членов, но проверить это было невозможно: регистрация не велась, профсоюзные взносы не собирались. Независимые эксперты полагали, что в СОЦПРОФе состояло тогда около 40 тыс. человек.

Новые профсоюзы повели яростную борьбу против традиционных, видя в них своих главных противников. Критикуя старую профбюрократию за связь с государством, они сами стали обращаться к правительству, надеясь получить поддержку против более крупных «официальных» конкурентов. После распада СССР, когда правительство России взяло курс на широкомасштабную приватизацию, лидеры «альтернативных» профсоюзов выступали в поддержку решений российских властей, не обращая внимания на недовольство трудящихся. В свою очередь правительство предоставило «альтернативным» профсоюзам непропорциональное их численности количество мест в Российской трехсторонней комиссии по трудовым отношениям, руководящие органы СОЦПРОФа были размещены в государственных зданиях (например, в Моссовете), правительственные средства массовой информации их постоянно рекламировали. Получали они и существенную поддержку от американского профцентра АФТ-КПП (AFL-CIO).

Новым профсоюзам не удалось привлечь на свою сторону большинство работников. Даже там, где наблюдался значительный выход из старых профсоюзов, люди не торопились вступать в новые. Достоянием гласности стали многочисленные финансовые скандалы, расколы и политические чистки в «альтернативных» профсоюзах. В прессе сообщалось о деньгах (50 млн рублей только в адрес отделения НПГ в Воркуте, насчитывавшего тогда всего 50 человек), полученных НПГ от российского правительства на организацию антигорбачевской забастовки весной 1991 г. (любопытно, кстати, что «посредником» между властью и «альтернативщиками» выступило в тот момент руководство «старых» профсоюзов). Члены НПГ публично обвиняли свое руководство в коррупции и присвоении денег. В частности, выяснилось, что лидеры НПГ разворовали в 1991 г. как минимум 6 млн рублей. Аналогичные скандалы происходили в СОЦПРОФе и в других «альтернативных» профсоюзах.

Деклассированный пролетариат

«Традиционные» профсоюзы сохраняли влияние на предприятиях, поскольку трудовые коллективы оставались стабильны. При относительно высокой занятости, для постсоветского общества 90-х гг. характерен стремительный рост скрытой или частичной безработицы. «В формировании скрытой безработицы, — отмечают эксперты, — заинтересованы как администрация предприятия, так и сами работники. Директора предприятий широко используют административные отпуска, приостанавливая открытое сокращение штатов, или официальное высвобождение кадров, поскольку у них нет средств на выплату высвобождаемым работникам выходного пособия и заработной платы на период трудоустройства в соответствии с трудовым законодательством. Статистика показывает, что объемы высвобождения кадров в 1993 г. составили 60 % от уровня 1992 г. Однако, начиная с III квартала 1993 г., тенденция увеличения объемов высвобождения стала восстанавливаться и в 1994 г. она достигла 86 % от уровня 1992 года». Рост скрытой безработицы сопровождался вовлечением трудящихся в сферу «неформальной» или «теневой» экономики. Исследователи отмечают: «Практически все работники предприятий, пребывающие сегодня в административных отпусках или занятые неполный рабочий день, находят себе работу в так называемом неформальном секторе экономики. Лишенные возможности зарабатывать на своем предприятии, они вынуждены заниматься частным нелегальным бизнесом, и инициативное осуществление этого вида деятельности на условиях «вторичной» занятости их весьма устраивает»¹⁴.

Таким образом, вместо формирования классического пролетариата европейского типа и устойчивого рынка труда, реформы привели к массовой социально-профессиональной маргинализации наемных работников. Однако участники российской неформальной экономики радикально отличаются от латиноамериканских маргиналов — не только уровнем образования и профессиональной квалификации, но и тем, что сохраняют связь с традиционным индустриальным сектором.

Противоречивость положения работников вела к параличу социальной воли. Именно это, наряду с дополнительными (и скрытыми от официальной статистики и налогов «вторичными доходами»), стало одной из причин того, что всеобщее недовольство не переросло в социальный взрыв.

Получая доходы в неформальном секторе, работники были заинтересованы и в сохранении своего основного рабочего места. Это была гарантия стабильности, социального статуса, пенсионного обеспечения. В подобных обстоятельствах люди не только не склонны противопоставлять себя директору, но, напротив, пользуются всякой возможностью, чтобы, объединившись вокруг администрации, добиваться выживания своего предприятия.

Как отмечал Кудюкин, «корпоративно-патерналистская тенденция» с началом гайдаровских реформ даже усилилась. «Зависимость от предприятия возрасла как с обострением ситуации на рынке труда, так и с резким ослаблением социальной защиты со стороны государства. Не стоит сбрасывать со счетов и значение полученных предприятием по бартеру товаров, распределяемых

¹⁴ Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень // Проблемы регулирования рынка труда. Зоны социального бедствия, М., 1995. С. 97, 98.

среди работников по ценам ниже рыночных»¹⁵⁾. Широко практиковавшаяся в 1993–95 гг. расплата с работниками продукцией собственного предприятия также усилила зависимость трудящихся от своего завода. Наконец, массовое акционирование предприятий, сопровождавшееся раздачей акций работникам, вовсе не способствовало становлению свободного труда. Не получая значительных дивидендов и фактически не участвуя в принятии решений, работник так и не стал совладельцем средств производства. Зато акция стала дополнительным способом прикрепления работника к конкретному предприятию. Ни пресса, ни профсоюзные информационные отчеты, ни исследования не зафиксировали ни одного случая, когда бы работники приватизированных «в пользу трудящихся» предприятий отказались бы от забастовки, мотивируя это своими интересами в качестве собственников. Зато причиной отказа от стачки постоянно назывались страх перед потерей работы и перед репрессиями.

Теперь руководитель предприятия становился одновременно руководителем коллектива собственников и полномочным распорядителем совместного имущества. Поскольку доступ к информации о реальном положении дел у администраторов несравненно больше, нежели у работников, это давало директорам дополнительные возможности косвенного контроля за поведением «собственников»¹⁶⁾.

Официальные авторы, как и в советское время, все списывали на «трудности переходного периода» и «пережитки прошлого». На деле происходило другое. На протяжении 1992–93 гг. наблюдалось не движение к «западной модели», а отдаление от нее. В 1990–91 гг. патернализм часто оказывался как бы «за скобками» конфликта, поскольку вопросы социальной защиты были так или иначе решены в рамках советской системы. Зоной конфликта, как и на Западе, оказывались вопросы заработной платы и охраны труда, часто — профсоюзные права (в случае создания новых профсоюзов). В итоге трудовой конфликт образца 1990–91 гг. практически не отличался от западного.

С 1992 г. нагрузка на патерналистскую модель стремительно возрастает, но одновременно становится очевидным и отсутствие альтернатив. Реальный выбор, стоящий перед трудящимися — не между патернализмом и свободой, а между социальной защищенностью и ее отсутствием. У рабочего нет возможности выбрать: жилье от предприятия, муниципальное жилье или, наконец, жилье по доступным ценам на рынке. Выбор совершенно иной: жилье, детские учреждения, отдых от предприятия или отсутствие всяких шансов получить что бы то ни было.

В свою очередь, руководство предприятий уже не подчинялось партийному контролю, но продолжало культивировать корпоративные связи внутри своей отрасли. «Свято место пусто не бывает», местная администрация, зачастую опиравшаяся на бывший аппарат областных комитетов партии, стала все

¹⁵⁾ Вопросы экономики, 1994, № 5. С. 74. См. также: *Пронин С. В.*, Условия формирования российского рабочего и профсоюзного движения 90-х годов и его задачи // Доклады и сообщения ИСПРАН, М., 1994.

¹⁶⁾ Авторы книги «What About the Workers?» также отмечают, что крушение КПСС в 1991 г. вместо того, чтобы сделать профсоюзы на уровне предприятия независимыми, лишило их прежней возможности маневрировать между партийными и хозяйственными органами, тем самым поставило в большую зависимость от администрации (*Clarke S. et al. Op. cit. P. 191*).

более активно вмешиваться в дела расположенных на ее территории компаний. Если в советское время секретарь обкома использовал свое политическое влияние в Москве, чтобы «выбивать фонды», доставать дефицитное оборудование и товары ширпотреба, то теперь, в условиях хронического дефицита инвестиций, местная власть стала совладельцем, кредитором, спонсором и защитником предприятий. Защита эта, впрочем, нередко напоминала рэкет. Тех, кто не хотел дружить с местной властью, отдавали на расправу мафии.

Трудающиеся оказались в двойной зависимости — от администрации предприятий и от региональной власти. В свою очередь и те, и другие старались показать, что в отличие от столичного финансового капитала готовы «заботиться о людях», решать социальные проблемы. Другое дело, что в большинстве регионов для этого не было ни средств, ни возможностей.

«Касикизм» по-русски

В условиях, когда корпоративизм все больше становился решающим фактором социальной организации, он не мог не проявиться и в политике, особенно на уровне местной власти. В Латинской Америке это явление принято называть — «касикизмом».

«Касик» — слово, некогда обозначавшее индейского вождя в Мексике, — уже прочно вошло сначала в испанский язык, а потом и в международный политический лексикон. Когда местные администраторы превращаются в полновластных хозяев своих регионов, в Латинской Америке это называют «касикизмом» и видят в этом одно из проявлений политической коррупции. У нас то же самое называется «развитием федерализма», и мы видим в этом проявление демократии.

На самом деле ни с демократией, ни с децентрализацией «касикизм» ничего общего не имеет. Речь идет просто о проявлениях административного произвола на местах, с которыми центральная власть мирится, поскольку сама нуждается в поддержке регионального начальства. Права и политические возможности различных регионов не одинаковы — они, в конечном счете, зависят от влияния того или иного «касика» и, разумеется, от экономического веса стоящих за ним группировок.

Происходило все это в Латинской Америке, в годы, когда она была, прежде всего, сырьевым придатком Запада, когда местный рынок был слабо развит, а экономика предельно зависима от иностранного капитала. Слово появилось в Мексике, но явление оказалось достаточно распространенным. Яркие примеры «касикизма» можно было найти в Бразилии, Колумбии, Боливии. В сегодняшней России, несмотря на все различия, мы видим те же тенденции.

Современные российские регионы очень слабы экономически, но сильны политически. Слабы они потому, что почти ни один из них не является самодостаточным. Они относительно малы. Нарезаны административные границы были в основном при Сталине — для удобства централизованного управления. Например, Кемеровская область была специально организована для более эффективного управления угольной промышленностью. После 1991 г. она стала одним из 89 «субъектов федерации».

Экономическая слабость регионов приводит к тому, что ресурсы перераспределяются через Москву, здесь же происходит накопление капитала. К тому же столица — окно на Запад, что предельно важно в зависимой стране. Но совершенно естественно, что при такой системе региональные элиты будут пытаться за счет политических действий компенсировать свою экономическую слабость. Концентрируя власть на местах, они получают возможность торговаться с центром, выгодно продавая свою политическую поддержку. В 1999–2000 гг., когда вся страна живет ожиданием смены президента, такая сделка стала особенно выгодной.

Децентрализованный авторитаризм допускает больший произвол, нежели централизованный. В первом случае гражданам приходится иметь дело с одним самодуром, а во втором — с восемью десятками. В первом случае власть главного начальника сдерживает бесчинства начальников местных, во втором — дополняет их.

Совершенно закономерно, что при нынешнем государственном устройстве России на местах происходит то же, что и в центре. Под разговоры о федерализме мы получили странное соединение централизованного государства и конфедерации, соединяющее недостатки обеих систем, но не их достоинства. В регионах мы имеем 89 местных самодержцев, чья власть так же бесконтрольна, как и власть кремлевского Большого Брата. Единственным ограничением произвола удельных князей в регионах является такая же неограниченная власть президента в центре. В конечном счете, все определяется соотношением сил. Формируются авторитарные режимы в масштабах одной отдельной взятой провинции — будь то Калмыкия, Башкирия или Татарстан. Тут уже не очень заботятся о «западных» формальностях — на выборах единственный кандидат, а его оппонентам лучше сидеть тихо, репрессивные органы всегда на чеку. Некоторые губернаторы являются просвещенными самодержцами, большинство — не очень. Выборность губернаторов, бесспорное благо с точки зрения теории, в реальной политической жизни России вовсе не обязательно означает демократию, ибо в сложившихся обстоятельствах выборы совершенно не обязательно будут свободными. Масштабы проблемы варьируются в зависимости от того, идет ли речь о Москве или Элисте, но в любом случае никто не смог пока заставить губернаторов играть честно, если сами они того не хотят. Система личной власти на местах не может быть ликвидирована до тех пор, пока тот же принцип торжествует в центре.

Губернаторы оказались далеко не едины ни в применявшихся ими методах управления, ни в уровне своего авторитаризма (демократизма). Разным был и их политический стиль. Тем не менее, можно четко выделить несколько групп. Это немногочисленные «демократы»-западники, пытающиеся воспроизводить в своем окружении европейские политические ритуалы (но, как правило, не их содержание) и открыто ориентирующиеся на Кремль, лидеры «красного пояса», формально Кремлю оппозиционные, но на практике с ним сотрудничающие, и, наконец, «удельные князья» — наиболее типичные представители «касикизма». Последние с Кремлем также активно сотрудничали, но постоянно пытались навязать ему собственные условия.

Типичным примером «красного губернатора» считался Юрий Горячев в Ульяновске. «Несмотря на некоторое стремление соответствовать европейски-

рованному культурному эталону, Горячев все же с самого начала интуитивно связывал эффективность и эффектность своей власти с народными ожиданиями, со справедливостью, — пишет политолог А. Магомедов. — Регулярно организуемые осенние и весенние ярмарки на центральном рынке, дни открытого письма в районах (встречи с населением в сельских клубах) стали событиями, утверждающими собственное губернаторское видение местной политической реальности. Они поддерживают веру Горячева в то, что большинство населения лояльно по отношению к нему. Вера эта искренняя и основана на интересе ульяновского лидера к нуждам простых людей. В общении и контактах с ними он нашупал оптимальный стиль реализации своего образа. Вот Горячев в кругу инсценированного народного гуляния на ярмарке, в одежде ничем не выделяющей его из массы граждан. Вот он ходит по торговым рядам и справляется о ценах. Вот он в магазине в окружении пожилых покупателей. Вот он осматривает сельхозтехнику в поле...»¹⁷⁾. Ни о каких компромиссах с политическими оппонентами речь идти не может. Политическая жизнь становится one-man-show.

Что касается «удельных князей» или «русских касиков», то большая часть из них возглавляла в 1993–99 г. автономные республики в составе Российской Федерации. Невразумительный статус автономии позволял местному авторитаризму развиваться до максимальных пределов, допускаемых конституцией, и далеко за эти пределы. Президент Минтимер Шаймиев в Татарстане или калмыцкий «хан» Кирсан Илюмжинов с оппозицией не особенно церемонились. Выборы с единственным кандидатом, подавление оппозиционной прессы, а в Калмыкии и политические убийства стали обычной практикой. Однако принадлежность к национальным меньшинствам, давая определенные преимущества «ханам», одновременно ограничивала их политические амбиции. Вот почему наиболее влиятельным из «удельных князей» стал все же мэр Москвы Юрий Лужков. Хотя политическая практика в столице не доходила до таких крайностей, как в автономиях, все политические наблюдатели дружно признавали, что правит он в своей вотчине «твердой, порой даже очень твердой рукой»¹⁸⁾. В политической практике Лужкова было многое от «красных губернаторов». Та же ставка на патернализм, демонстративная забота о социальных программах, та же публичность и «народность» власти — мэр самолично открывает чуть ли не каждое новое здание, построенное в городе, он позирует в кепке среди восторженной толпы, он постоянно рассказывает о том, как заботится о бедных. В столице развивался своеобразный муниципальный госкапитализм, при котором городская администрация оказывалась и главным инвестором, и основным заказчиком многочисленных проектов, порой весьма прибыльных. Однако, в отличие от «красных» губернаторов, делавших ставку на сохранение остатков промышленности, лужковская империя основывалась на своеобразной финансовой ренте.

Как всегда бывает в условиях периферийного капитализма, взаимоотношения между глобальным «центром» и «периферией» естественным образом воспроизводились внутри страны. Точно так же, как по отношению к России

¹⁷⁾ Свободная мысль. 1994. № 11. С. 113.

¹⁸⁾ Свободная мысль. 1996. № 4. С. 40.

«центром» выступали Западная Европа и США, по отношению ко всей России финансовым и деловым центром была Москва. Стихийная централизация капитала гарантировала постоянное перераспределение средств в ее пользу. В 1993–96 гг. на Москву приходилось порядка 50 % иностранных инвестиций. По мере нарастания инвестиционного кризиса эта диспропорция только усиливалась. «В 1997–1998 г. для России был характерен не только общий спад инвестиционной активности отечественных инвесторов, — пишет Ирина Богачева, — но и дальнейшая концентрация прямых иностранных инвестиций в Москве. В 1997 г. в столице было сосредоточено около 80 % общего годового объема прямых иностранных инвестиций...»¹⁹⁾.

Большая часть отечественного финансового капитала была также сосредоточена в столице. Именно в столице находились штаб-квартиры основных корпораций, тут они и платили налоги. Строительство и операции с недвижимостью стали важнейшими отраслями муниципального бизнеса, а городская бюрократия развила своеобразный симбиоз с частным сектором, кормившимся от ее заказов и подкармливавшим ее различными «пожертвованиями». Здесь же был достигнут своеобразный «трипартизм» — профсоюзы и предприниматели в равной степени оказались подчинены жесткому контролю аппарата, который поощрял «своих» и ставил на место непослушных.

Все русские «касики» в той или иной форме контролировали политическую жизнь своей территории. Демократия в таких условиях невозможна по определению. Неравенство регионов означает неравенство их граждан. Формальные демократические свободы, провозглашенные в центре, имеют мало смысла в условиях существования авторитарных режимов на местах. Связь между местным криминалом и местной же властью — тоже хорошо известная черта «касикизма». На общенациональном уровне построить такие отношения технически очень сложно. В этом плане превращение России в «бандитскую демократию» нам не грозит. Но на местах, где все друг друга знают и у всех состоятельных людей полно общих интересов — сколько угодно.

Классическим спутником «касикизма» в Латинской Америке были избирательные фальсификации. В России тоже накоплен по этой части немалый опыт.

«Неважно, как они голосуют. Важно, как мы считаем». Эту мудрую фразу молва приписывает товарищу Сталину, но повторить ее готовы многие российские губернаторы. В 1999 г. массовые волнения в Карачаево-Черкессии привлекли внимание к тому, что тихо происходило в России уже на протяжении нескольких лет — фальсификации выборов.

Отличие Карачаево-Черкессии от многих российских регионов не в том, что там фальсификация была более грубой, а в том, что здесь проигравшие не смирились. Граждане, уверенные, что у них отняли их законное право, вышли на улицу. Тем не менее, официально факт фальсификации так и не был

¹⁹⁾ Россия на пороге XXI века: социально-экономический кризис и пути его преодоления. С. 34. По данным Юрия Лужкова, в 1996 из 4,8 млрд долларов иностранных инвестиций на Москву пришлось 4,29 млрд. Всего в стране было лишь 7 регионов из 89, не получавших дотаций из федерального бюджета — в том числе Москва. На самом деле столица могла финансировать федеральный бюджет лишь потому, что сама вытягивала финансовые ресурсы из всей России (см. Неделя, 1997, № 19).

признан. В результате кризис только углубился, ибо группировка В. Семенова, формально одержавшая победу, сочла себя обиженной федеральным центром. И в самом деле, почему Ельцину можно, а Семенову нельзя? Ельцин победил в 1996 г., другое дело — с каким счетом и какими средствами. Здесь не избежать неприятных вопросов. Ведь и Семенов в 1999 г., видимо, набрал больше голосов, чем его соперник. Просто это сопровождалось таким количеством нарушений и подлогов, что назвать это выборами просто не поворачивается язык.

Обвинения в подтасовке итогов выборов выдвигались то там, то здесь, но никто и никогда не пытался в этом разобраться. В России, в отличие от Латинской Америки, пострадавшие в большинстве случаев проявляли почти демонстративное безразличие к проблеме. Нарушения избирательного законодательства и прямые фальсификации результатов голосования постоянно обсуждаются в прессе, некоторые частные случаи признаны официальными органами, но до сих пор ни один местный начальник за это не пострадал.

Если результаты выборов и отменяются, то не потому, что местное начальство их подтасовало, а потому, что избрали деятелей, неугодных областным лидерам — как было в Нижнем Новгороде и Ленинске-Кузнецком. Избрали там, разумеется, людей с криминальным прошлым, но вовсе не это было причиной вмешательства власти. В конце концов, такая же точно «братва» заседает в самых разных выборных органах. Беда была лишь в том, что кто-то из местного криминала попытался взять куш «не по рангу». И был тотчас поставлен на место.

Выборы 1996 г. в Москве, когда Лужков получил около 90 % голосов, поставили социологов в тупик — мэр был популярен, но все же не настолько. Еще более «странными» были выборы московской городской Думы год спустя, когда во всех округах с примерно одинаковым результатом побеждали зачастую никому неизвестные ставленники мэрии, иногда даже не удосуживавшиеся вести избирательную кампанию. На сей раз проигравший блок бывшего председателя Моссовета Николая Гончара впрямую заявил о многочисленных нарушениях и возможной фальсификации, но расследование дела потонуло в недрах Государственной Думы²⁰⁾. Окончательные и полные итоги выборов так и не были вообще обнародованы. Спустя еще год «красный губернатор» Аман Тулеев провел выборы местного законодательного собрания таким же точно образом, не отдав оппозиции или независимым ни одного места.

Безнаказанность администраторов, которые сами формируют избирательные комиссии, сами же продвигают кандидатов, сами же предоставляют (или не предоставляют) им доступ к средствам массовой информации, рано или поздно должна была сказаться и на общероссийских парламентских выборах, однако на первых порах избирательные фальсификации компенсировались *плюрализмом начальства*. Иными словами, одни подправляли выборы в пользу левых, другие в пользу правых, третьи вообще пускали все на самотек, а в итоге получалась картина примерно соответствующая действительности. К тому же губернаторы своих протеже проталкивали в территориальных округах,

²⁰⁾ Подробнее об этом см.: Kagarlitsky B. Moscow's Strange Vote // The Moscow Times, 25.12.1997. См. также «Независимую газету», 19.12.1997. Обзор «странностей» московских выборов был дан также в журнале «Итоги».

а на партийные списки смотрели без особого интереса. К тому же губернаторы по совместительству являлись сенаторами и сами могли законодательствовать.

Ситуация изменилась в 1998–99 гг., когда стало ясно: без участия губернаторов трудно будет решить вопрос о том, кто победит в Москве. В известном смысле Россия пережила реальную децентрализацию власти. Беда лишь в том, что от перераспределения полномочий и политического влияния в пользу местных элит большинству народа жить не стало ни лучше, ни свободнее.

Корпоративно-политическая борьба

За 7 лет, прошедших от начала «эпохи гласности» до расстрела парламента, рухнуло почти все, что было привычно для русского и советского человека. Лишь одна структура оставалась устойчивой: профсоюзы. Нельзя сказать, что их авторитет и влияние заметно выросли. Вряд ли профсоюзное движение могло похвастаться грандиозными успехами. Но тем более поразительна была их жизнеспособность в условиях, когда все вокруг рушилось и когда на Западе профдвижение переживало не лучшие времена.

Не удивительно, что традиционные профсоюзы, тесно связанные с администрацией, обрели в начале 90-х гг. «второе дыхание». На них работал корпоративизм, господствовавший в трудовых отношениях. В условиях хронического инвестиционного дефицита и кризиса неплатежей, характерных для российской экономики 90-х гг., «выбивание» средств для отрасли стало общей заботой трудящихся и администрации, хотя каждая сторона использовала свои методы: профсоюзы — коллективные действия, а директорский корпус — лоббирование.

Рыночная реформа в целом и приватизация в частности, с одной стороны, давление «альтернативных» профсоюзов — с другой, инициировали робкие перемены в «официальных» профсоюзах. Первоначально профсоюзная бюрократия надеялась, что удастся обойтись простой сменой вывесок. Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) был преобразован во Всеобщую Конфедерацию Профсоюзов (ВКП), после распада СССР превратившуюся в «международное объединение». Российские профсоюзы были объединены в Федерацию Независимых Профсоюзов России (ФНПР) во главе с Игорем Ключковым.

ФНПР сохранила на протяжении периода 1991–96 гг. черты типичной советской, насквозь бюрократизированной, громоздкой, неповоротливой, консервативной и переполненной синекурами организации, не поспевающей за быстрыми переменами в обществе.

События августа 1991 г., поражение ГКЧП, запрет КПСС и последовавший за этим расвал СССР застали руководство ФНПР врасплох. Опасаясь распространения антикоммунистических репрессий на свой руководящий аппарат и возможной конфискации собственности, руководство «официальных» профсоюзов во главе с Ключковым постоянно повторяло, что «профсоюзы — вне политики» (этот тезис был введен в официальные программные документы ФНПР). На практике в 1991–92 гг. ФНПР перешла к «критической поддержке» российской власти.

Между тем новая ситуация открыла перед профсоюзной бюрократией неожиданные возможности. После августа 1991 г., когда распались союзные структуры и была ликвидирована КПСС, профсоюзы остались единственной массовой организацией в стране. Более 80 % их членов сохранили верность своим организациям. На фоне хаоса и коррупции, воцарившихся в России, профсоюзная бюрократия того времени, привыкшая к четкому соблюдению традиционных норм, выглядела образцом порядочности. Однако у профсоюзного руководства не было ни четкой стратегии, ни полного понимания собственной силы.

Первой попыткой использовать новую ситуацию стало обсуждение «Новой идеологии профсоюзов», выдвинутой Московской Федерацией Профсоюзов в 1991–92 гг. Эта «новая идеология» предусматривала: превращение аппарата профсоюзов в орган, определяющий совместно с работодателем условия и оплату труда наемных работников; установление аппаратом профсоюзов шкалы престижности для специалистов, работающих по найму (что, естественно, сказывалось бы на их зарплате и спросе на них); участие аппарата профсоюзов в определении пропорции, по которой доход распределяется между государством, работодателем и работополучателем — с тем, чтобы работополучатель (член профсоюза) получал львиную долю дохода; установление контроля профсоюзов над всеми импортными и экспортными операциями в стране, инвестициями в производство, науку, сферу обслуживания, образование, социальное обеспечение, информационные технологии, техническое перевооружение и т. п., а также контроль за распределением государственных, общественных и частных средств и использованием фондов; контроль профсоюзов над процессом приватизации; контроль профсоюзов за положением на рынке труда — с тем, чтобы максимально сдерживать безработицу, так как армия свободной рабочей силы, естественно, была средством давления работодателя на наемных работников, средством снижения стоимости рабочей силы.

Воплощение этой ультра-корпоративистской концепции в жизнь влекло бы за собой установление в стране абсолютной диктатуры проаппарата, с чем ни государственные структуры, ни работодатели никогда бы не согласились. Однако в качестве пропагандистской идеи или утопии, эта концепция придавала профсоюзным аппаратчикам новую уверенность в себе. И все же большинство профсоюзного начальства отвергло «новую идеологию», тем более, что пропагандистская кампания московских профсоюзов в значительной степени была направлена против руководства ФНПР.

Пока московские профсоюзы боролись с российскими, а они вместе — с «альтернативными», трудящиеся оказались предоставленными самим себе. Распространенным явлением стали «дикие» забастовки, которые сплошь и рядом терпели поражение, так как не были подготовлены. Из ФНПР начался отток наиболее активной части трудящихся. Сами руководители ФНПР и МФП, ссылаясь на данные своих аналитических служб, утверждали, что из «официальных» профсоюзов за 2–3 года вышло не более 3–4 % членов и что трудящиеся в основном верны им. На самом деле ФНПР всего за год после распада СССР потеряла 8 % своих членов, и в дальнейшем этот процент все возрастал (выявилась устойчивая тенденция уменьшения численности ФНПР на 5,5 млн человек в год). Многие оставались в профсоюзе по инерции, так как это не требовало

от них никаких действий: профвзносы высчитывались из зарплаты автоматически, через бухгалтерию предприятия, а для того, чтобы выйти из профсоюза, нужно пройти хлопотную процедуру с подачей заявления в профком и бухгалтерию. Там, где профком или централизованная бухгалтерия оказались далеко от основного места работы (например, на нефте- и газоразработках в Сибири), такие действия затруднительны для рабочих. Даже опросы, проводимые социологами МФП, показали, что 41 % членов профсоюзов состоит в них «по привычке», а «по убеждению» — только 6,8 %.

Слабость профсоюзов привела к тому, что решающую роль в организации коллективных действий все чаще играли представители директорского корпуса. «Директорские стачки» стали наиболее типичной и массовой формой коллективных действий в России 90-х гг. Обосновывая необходимость сотрудничества с директорами, газета ФНПР «Солидарность» писала: «борьба профсоюзов за права конкретного труженика — одновременно и борьба за всю страну, за ее будущее. И здесь союзником профсоюзов являются так называемые “красные директора”»²¹⁾. Даже в шахтерской забастовке 1989 г., которая считалась наиболее стихийной, имели место случаи участия директоров в забастовочных комитетах²²⁾. Участвовали директора и в организации коллективных действий вместе с профсоюзами ФНПР в 1992–93 гг. Во время выступлений работников оборонной промышленности «Вести ФНПР» отмечали: «На большинстве предприятий действия профсоюзных организаций были поддержаны директорским корпусом. Местные органы власти проявили нейтралитет. Исключение составила администрация Владимирской области, запретившая подачу гудков (сирен) на предприятиях»²³⁾. Порой доходило до курьезов. Так, в Иваново директор АО «Шуйские ситцы» В. Тихонов, член Коммунистической партии Российской Федерации, самолично возглавил забастовочный комитет, требовавший от дирекции повышения заработной платы. «Профсоюзное обозрение» ехидно заметило по этому поводу, что «председатель забастовщиков В. Тихонов, требующий повышения зарплаты от директора В. Тихонова, позиция, которая может заинтересовать специалистов по расщеплению сознания»²⁴⁾. На самом деле «случай Тихонова» лишь выявлял в крайней форме общую закономерность, состоящую в явной противоречивости и неоднозначности отношений между трудящимися и администрацией. Нередко коллективные действия, начатые по инициативе или с одобрения администрации, выходили из под ее контроля. Однако до тех пор, пока под вопросом было выживание отрасли, подобное «социальное партнерство» оставалось весьма устойчивым.

Хотя альтернативные профсоюзы осуждали связь ФНПР с директорами, они сами понемногу начали устанавливать подобные связи. По словам «Профсоюзного обозрения» альтернативные профцентры в 1994 г. поставили перед собой непривычную задачу: выдвинуть своих людей на руководящие

²¹⁾ Солидарность, 1994, № 16. С. 13.

²²⁾ См. Социалистический Донбасс, 8.08.1989. Обзор случаев участия администрации в шахтерских выступлениях см. в ст. *Friedguil Th., Siegelbaum L., Perestroika from Below: The Soviet Miners Strike and its Aftermath* // *New Left Review*, May/June 1990, № 181. P. 13.

²³⁾ Вести ФНПР, 1994, № 7. С. 34.

²⁴⁾ Профсоюзное обозрение, 1994, № 9. С. 13.

посты предприятий, чтобы «обеспечить свободным профсоюзам более широкие возможности для действий»²⁵⁾. Однако в отличие от «старых» профкомов, «альтернативные» профсоюзы в большинстве случаев не имели опыта взаимодействия с управленческими структурами, а потому делали ставку на новых людей. Это, естественно, вызывало сопротивление менеджеров.

Вопрос о том, в чьих руках находится административный контроль над производством, приобретал особую остроту из-за отсутствия четкой законодательной базы трудовых отношений. Вопросы, которые раньше решались на основе неписанных норм и обычаев, в изменившихся обстоятельствах вставали по-новому, в зависимости от того, как складывается соотношение сил на предприятии²⁶⁾.

Роль директоров в отраслевых конфликтах 90-х гг. особенно важна потому, что участники коллективных действий зачастую добрались не новых средств или льгот, а всего лишь требовали выплатить обещанное, дать то, что предусмотрено законами, правительственными программами и ранее заключенными соглашениями. При этом ФНПР, как правило, солидаризировалась с директорами, предъявляя требования правительству, а «альтернативные» профсоюзы утверждали, что виновниками неуплат являются сами директора. Представители «СОЦПРОФа» заявляли, что по их мнению «задержка зарплаты и неплатежи являются своеобразным видом взаимного кредита директоров предприятий»²⁷⁾. Это было подтверждено во время забастовок на «АвтоВаЗе» и на новосибирском заводе «Тяжстанкогидропресс», где безо всякой помощи государства директора смогли выплатить задерживаемую по несколько недель зарплату на следующий же день после начала стачки. И все же, несмотря на все манипуляции директоров с финансами предприятий, «кризис неплатежей» носил структурный характер и порожден был политикой правительства, стремившегося таким своеобразным способом сдерживать инфляцию.

Отраслевые выступления были сугубо оборонительными и «минималистскими». И трудящиеся, и администрация не пытались добиться от властей каких-либо серьезных уступок или провести определенные изменения в избранной политике, они лишь настаивали на элементарном соблюдении своих прав. Постоянно повторявшиеся призывы к «корректировке курса реформ» в силу их абстрактности оставались не более чем общей декларацией и эмоциональным фоном массовых выступлений. После каждого серьезного выступления трудящихся власти выделяли средства на латание дыр, работники получали заработную плату, предприятиям предоставлялись определенные средства, но уже через несколько месяцев кризис повторялся.

Начиная с 1992 г. каждую осень по России прокатывалась волна трудовых конфликтов. В период, когда Федерацией Независимых Профсоюзов России руководил Игорь Ключков, его недоброжелатели склонны были объяснять эти «осенние наступления» тем, что лидер российского профцентра после посещения Японии решил повторить опыт страны восходящего солнца.

²⁵⁾ Профсоюзное обозрение, 1994, № 7. С. 1.

²⁶⁾ См. Пронин С., Столповский Б. Проблемы хозяйственной демократии. Профсоюзы и реформы в России. 90-е гг. М., 1994. С. 82–101, 111–130, 139–143; Социальные конфликты в современном обществе. С. 66–109, 122–130.

²⁷⁾ Профсоюзное обозрение, 1994, № 7. С. 6.

Но и после ухода Ключкова с поста председателя ФНПР именно осенью обострялись конфликты между профсоюзами и правительством. К этому времени деньги и у правительства и предприятий кончались²⁸⁾.

«В отличие от многих стран Запада, — отмечают исследователи, — сезонные колебания забастовочной активности в России слабо связаны с проведением коллективных переговоров или иных институционализированных событий в сфере трудовых отношений, но прежде всего они отражают сезонную динамику российского экономического кризиса, необходимость подготовки к осенне-зимнему периоду в рамках “экономики выживания” и нарастания инфляционных ожиданий»²⁹⁾. Каждый год летнее расслабление (сезон отпусков) и зимняя консолидация (борьба за выживание предприятия), сменялись «сезонами социальной борьбы».

Если первой реакцией западных профсоюзов на программы капиталистической рационализации 80-х была попытка защищать каждое рабочее место на каждом предприятии, то ФНПР была постоянно готова обсуждать альтернативные варианты модернизации. Беда в том, что в условиях инвестиционного голода никакой модернизации в большинстве отраслей не проходило, а обсуждать было нечего.

С каждым «циклом спада» ситуация становилась все более драматичной, ибо все новые и новые отрасли втягивались в воронку кризиса. Происходило постепенное накопление проблем: отраслевые конфликты перерастали в «межотраслевые узлы противоречий», а в перспективе маячил глобальный конфликт производителей с новыми собственниками.

Неолиберальная модель экономической реформы предполагала сохранение в условиях промышленного спада определенных точек роста. К числу отраслей, которые должны были бы выиграть от проводившейся политики, можно (наряду с новыми коммерческими и банковскими структурами) в первую очередь отнести строительство, энергетику, добывающую промышленность. Сырьевые отрасли легче могли «конвертировать» свою продукцию для валютного экспорта, их бесперебойная работа оставалась гарантией социально-политической стабильности и относительной жизнеспособности экономики в целом.

К числу проигравших относились прежде всего работники обрабатывающей промышленности, причем не только военно-промышленного комплекса. Текстильные производства и предприятия, производившие потребительские товары для внутреннего рынка, разваливались даже быстрее, поскольку страдали одновременно и от сужения внутреннего рынка (население беднело, сбережения были «съедены» инфляцией), и от иностранной конкуренции. Исключением оставались предприятия, временно защищенные от иностранной конкуренции (например — производители легковых автомобилей среднего класса). Кто-то

²⁸⁾ Анализ массовых выступлений советского периода, проведенный В. Пономаревым, свидетельствует о схожих тенденциях: большая часть зарегистрированных и изученных общественных волнений приходится на «осенний период» (начиная с середины августа и кончая серединой ноября) или на «весенний период» (с марта по июнь). Если учитывать не количество выступлений, а число участников, прослеживается та же тенденция (*Пonomarev В. Общественные волнения в СССР: от XX Съезда КПСС до смерти Брежнева. М., 1990*).

²⁹⁾ *Каца А. М., Патрушев С. В.* Трудовые конфликты и забастовки (октябрь 1993 – сентябрь 1994) в сб. Рабочее движение и политика реформ, № 5–6 // Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. М., 1994. С. 20.

даже выиграл от распада Союза (особенно — производители оборудования для добывающей промышленности, которые смогли расширить свою долю рынка за счет прекращения поставок с Украины и из Белоруссии).

Спад в обрабатывающей промышленности предопределил «географию протеста». С одной стороны — текстильщики Иваново, с другой — оборонщики Урала. Традиционно высокой оставалась и стачечная активность шахтеров. В 1994 г. «лидерами» по числу потерянных в результате стачек «человеко-дней» оказались «угольные» регионы — Кемеровская, Челябинская, Ростовская области, Красноярский край и Республика Коми. Однако повсюду, за исключением Ростовской области, не было массового участия трудящихся в коллективных действиях. Общая же численность забастовщиков оказывалась не намного больше, нежели в регионах, считавшихся «спокойными»³⁰⁾.

В условиях спада коллективные действия малоэффективны, тем более, что центральные власти заранее планировали свертывание, а возможно и полную ликвидацию некоторых отраслей. Гибнущие отрасли не бастовали из-за того, что не могли, а в немногих растущих отраслях люди могли бастовать, но для этого не было особых поводов. До весны 1994 г. практически не было выступлений в добывающей промышленности, а горняцкие лидеры грозили забастовками в поддержку правительства — т.е. **ПРОТИВ** недовольных коллег-рабочих в других отраслях. В 1995–97 гг., когда массовые протесты охватили горняцкие регионы, остальные трудящиеся смотрели на это без особого сочувствия.

Дефицит солидарности

Отсутствие солидарности между работниками различных отраслей было вызвано объективными причинами. Порой уровень заработной платы, если ее вообще платили, различался между предприятиями и регионами в десятки раз при приблизительно одинаковом количестве и качестве труда. Традиционная же культура рабочего движения была подорвана как советским опытом, так и либеральной идеологической гегемонией в начале 90-х гг. Это предопределило политическую слабость рабочего движения. «Спрашивается, при таком масштабе различий экономических и иных условий, в которых оказались предприятия и целые отрасли, на какой основе профсоюзы могут сформировать какие-то общие для всех требования? — недоумевает социолог В. П. Белова. — Сила профсоюзов именно в том, что они могут выступить единым фронтом, выдвигая работодателям общие условия. Для нас это нереально»³¹⁾.

В сельском хозяйстве правительство «реформаторов» делало ставку на быстрое социальное расслоение и поддержку со стороны преуспевающих хозяйств (как из числа фермеров, так и созданных за счет приватизации). Но кризис инфраструктуры, подорожание топлива и техники сделали невозможным возникновение «точек роста». Вместо расслоения усилилось корпоративное единство. Противоборство фермеров и колхозного начальства сменялось совместными действиями по выбиванию средств из государства. Контролируя столь важный ресурс как продовольствие, аграрники имели гораздо больше

³⁰⁾ См. Рабочее движение и политика реформ. № 5–6. С. 23.

³¹⁾ Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 71.

шансов повлиять на власти, нежели текстильщики или работники оборонной промышленности. Однако разовые «вбросы» денег не могли остановить развал инфраструктуры села.

Для добывающих отраслей ситуация начала меняться ранним летом 1994 г. Развал внутреннего рынка, последовавший за кризисом промышленности, резко сократил внутренний спрос на продукцию добывающих отраслей в то самое время, когда их возможности на внешнем рынке были исчерпаны, а бывшие союзные республики увязли в долгах. За этим последовал углубляющийся кризис инфраструктуры. Без государственных инвестиций разрушалась транспортная система, выходили из строя трубопроводы. Общий дефицит инвестиций в стране сказывался и на отраслях «победителях». Фактическое прекращение государственных инвестиций не смогло заменить ни вливания западного и отечественного частного капитала, ни самофинансирование предприятий.

«Снижение государственной поддержки отрасли не компенсируется ростом цен (с 1991 г. — в 450 раз) на уголь, поскольку стоимость горно-шахтного оборудования, все производство которого оказалось за пределами России, возросла в 1 400 раз», — отмечала «Независимая газета». — 55 % шахт эксплуатируются более 40 лет. Выбывшие мощностей в угольной промышленности в три раза превышает ввод новых. Качество добываемого угля ниже всякой критики, однако закрытие крупной шахты — такой, как «Хальмер-Ю», — правительству просто не под силу, ибо потребует затрат, оцениваемых приблизительно в 40–43 млрд рублей. Угольщики требуют минимум — социальных гарантий и активных преобразований в отрасли, угрожая правительству осенними забастовками³²⁾.

Из-за кризиса транспорта российское сырье неожиданно оказалось слишком дорогим именно на внутреннем рынке. Это породило в отдаленных районах дополнительный рост цен, от которого резко отставала заработная плата. «Новыми проигравшими» оказались, в первую очередь, шахтеры и нефтяники, по которым ударила и политика сдерживания инфляции на основе «жесткой бюджетной экономии», и рост региональных диспропорций. Выступления трудящихся начались в конце 1993 г. в Печорском угольном бассейне, но в 1994 г. акции протеста распространились по всему северу. Острые конфликты возникли и в лесной отрасли. В феврале 1994 на 700 предприятиях была прекращена отгрузка продукции. В акции участвовало более 800 тыс. человек по всей стране³³⁾. Протестовали летом 1994 и работники атомной энергетики, но здесь из-за специфики отрасли забастовку заменили символическими действиями («накопление персонала»). В 1997 г. кризис энергетики привел к полному параличу экономики Приморского края.

Разобщенность трудящихся по отраслям и регионам усиливала роль корпоративной солидарности внутри предприятия и отрасли. Но границы и противоречия этой корпоративной солидарности слишком очевидны. Оказываясь заложником патернализма, рабочее движение не смогло реализовать свой потенциал. Забастовки, голодовки и демонстрации стали частью повседневной жизни и ... все оставалось по-старому.

Тем временем директорский корпус постепенно утрачивал прежнее единство. В нем наблюдалось явное расслоение. Часть высших административных

³²⁾ Независимая газета, 1.09.1994.

³³⁾ См. Пронин С., Столповский Б. Цит. соч. С. 132.

кадров вошла в состав новой «обуржуазившейся» номенклатуры, сосредоточив в руках огромную собственность и власть. Другая часть административного персонала и даже директоров, напротив, оказалась более тесно связана со своими работниками в общем противостоянии «новым порядкам».

Тот факт, что коллектив сталкивается в одно и то же время с разными типами конфликтов, надолго предопределил сосуществование двух типов профсоюзов. Зачастую одни и те же люди состояли в двух профсоюзах сразу или постоянно переходили из одного в другой. Шахтеры раньше и лучше других поняли необходимость совместных действий конкурирующих профсоюзов. В Киселевске летом 1994 г. во время стачки на шахте № 12 рабочие потребовали от обоих профсоюзов объединить действия горняков Киселевска и Прокопьевска, чтобы совместными усилиями «давить» на правительство. Контакты и совещания представителей обоих шахтерских профсоюзов на местах стали обычной практикой, несмотря на сохраняющееся соперничество. Показательно, что и руководство компании «Росуголь» вместо того, чтобы противопоставлять друг другу и этим ослаблять профсоюзы, склонно было вести с ними совместную работу в рамках общетраслевого корпоративного сотрудничества.

Ослаблению «альтернативных» профсоюзов способствовала и их «прорывная» идеология, которая, ориентируя их на «западные» образцы поведения, делала их абсолютно неготовыми решать проблемы реально существующего постсоветского рынка. По мере нарастания проблем в «альтернативном» профдвижении усиливался идеологический кризис. Стачки и «рабочие комитеты», возникшие в 1990–91 гг., тоже не смогли развить свой успех. Большая часть их кадров либо покинула ряды рабочего движения, либо составила основу «альтернативной» профбюрократии. В 1992–93 гг. возникло большое количество новых стачконов, главным образом, по инициативе профсоюзов, входящих в ФНПР. Но и эти стачкомы не всегда можно было считать выразителями «низовой» инициативы. Они создавались профсоюзом как прикрытия для того, чтобы избежать непосредственного столкновения с властью или репрессий при проведении стачки. Порой они обретали самостоятельность и даже вступали в конфликт с «родным» профсоюзом. Так было во время выступлений медиков и учителей в 1992 г. Иногда возникали противоречия между стачкомами «самостоятельными» и «бумажными» — как в Нефтегазстройпрофсоюзе в 1994 г. Профсоюз угольщиков первым в ФНПР отказался от «стачковых прикрытия», заявив в 1993 г., что забастовки должны проводиться открыто самим профсоюзом.

На протяжении 1991–93 гг. ФНПР показала себя способной эффективно и жестко вести переговоры по Генеральному, региональным и отраслевым тарифным соглашениям, защищая рабочие места и заработную плату. Слабым местом федерации оставалась неспособность мобилизовать людей на активные действия. Исходя из этого, власти выработали собственную тактику. Они шли на уступки в ходе переговоров, а затем не выполняли взятых на себя обязательств. Принятый в 1991 г. закон об индексации зарплаты, который профсоюзы считали своим главным достижением, не выполнялся. По данным профсоюзов, Генеральное соглашение 1992 г. выполнялось обычно не более чем на 50–60 %. В 1992 г. ФНПР оказалась бессильна что-либо противопоставить этому.

Осенью 1992 г. ФНПР организовала всероссийские коллективные действия, требуя от правительства корректировки курса реформ. Несмотря на радикаль-

ные настроения значительной части профсоюзного актива, эти коллективные действия окончились неудачей. Многочисленные собрания и митинги напоминали очередную пропагандистскую кампанию прошлых лет. Не было ни четких общероссийских требований, ни ясной программы дальнейших действий. Власти просто не реагировали на выступления ФНПР, а профсоюзы оказались не в состоянии перейти от митингов к более серьезным мерам.

Провал последующего «осеннего» и «весеннего» наступлений 1992 г. углубил кризис в «официальных» профсоюзах. Выработка единой позиции затруднялась тем, что ФНПР представляла собой объединение отраслевых и территориальных структур. Соотношение сил между ними определяло выбор политики. «Территориалы» более радикальны и склонны были выдвигать жесткие требования к правительству. Отраслевники, руководство которых располагается в Москве, склонны были прибегать к прямым переговорам с министерствами.

Профсоюзы постоянно отставали от развития событий. ФНПР потеряла почти год, не решаясь заявить об оппозиции правительству. Московская Федерация Профсоюзов сразу же заняла нишу конструктивной оппозиции, а общероссийский профцентр пытался проводить линию критической поддержки реформ — в то самое время, когда Гайдар и его команда занимались реализацией программы МВФ, направленной, помимо всего прочего, на разгром профсоюзов. На собственном опыте профсоюзные деятели России обнаружили цену ошибки. В 1993 г. ФНПР повторяла путь, пройденный московскими профсоюзами в 1992 г. Зато Московская Федерация Профсоюзов к тому времени уже стала куда менее радикальной. Критики обвиняли руководство МФП в коррупции. В любом случае ее лидеры оказались заложниками собственного успеха: жесткими выступлениями 1991 и 1992 гг. они добились от руководства столицы серьезных уступок и теперь должны были заботиться о сохранении достигнутого, предпочитая «не раскачивать лодку».

Перестраиваться «на ходу» было тяжело, тем более, что давление со стороны властей возрастало. Радикализация ФНПР происходила на фоне тактических неудач и внутренних конфликтов. Профсоюзы выдвигали более жесткие требования, но не было массового участия рядовых членов в жизни организации.

Левым активистам и политикам, которые по инициативе лидера МФП Михаила Шмакова стали появляться в профсоюзных структурах, пришлось испытать на себе прессинг «аппарата». Подобную школу неплохо было бы пройти и многим западным интеллектуалам. Это было тяжелое испытание, требовавшее крепких нервов. Бюрократия царил дикая. Лучшие люди оказывались погребены в кабинетах, завалены горами бумаг. Для подготовки решения в ФНПР требовалось собрать 8–10 подписей, для того, чтобы приступить к исполнению уже принятых решений требовались новые подписи, иногда больше дюжины. Бегать из кабинета в кабинет, собирая подписи у людей, совершенно не заинтересованных в решении вопроса, называлось на аппаратном языке «придаться бумаге ноги». Число совещаний вообще не поддавалось учету.

Впрочем, бюрократия до поры ограничивала коррупцию. Потратить даже небольшую сумму денег без множества согласований было почти невозможно. Это не значит, будто в профдвижении коррупции не было, но на общем фоне структуры ФНПР, безусловно, выглядели «чистыми».

Историческое поражение ФНПР

Летом 1993 г. ФНПР смогла добиться первого заметного успеха: была создана Российская Ассамблея социального партнерства (РАСП). В РАСП объединились ФНПР, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) во главе с А. Вольским (лидером «Гражданского союза»), Российский конгресс деловых кругов и другие менее крупные организации. На практике под названием «предприниматели» в этих объединениях выступали, в основном, «красные директора» — управленческие кадры бывших государственных предприятий. Они согласовали с ФНПР совместную позицию по борьбе за сохранение производства. ФНПР получила мощных союзников в Трехсторонней комиссии, где «официальные» профсоюзы смогли теперь противостоять блоку правительства с «альтернативными» профсоюзами и частью работодателей. Таким образом, правительство лишилось инструмента «цивилизованного» давления. Одновременно руководство ФНПР в своем противостоянии с правительством все более сближалось с руководством Верховного Совета и органами представительной власти на местах, в которых традиционные профсоюзы видели естественных союзников.

Вторым успехом ФНПР стали массовые акции летом 1993 г. Правительство само спровоцировало конфликт с профсоюзами, сорвав, как и в 1992 г., выполнение Генерального тарифного соглашения с ФНПР. В ответ ФНПР смогла поднять на активные действия только в первые десять дней 1,5 млн человек. Во многих случаях стачки были поддержаны руководством предприятий, а местная администрация в Приморском крае использовала социальный конфликт, чтобы выдвинуть собственные требования к центру.

Полной неожиданностью для правительства стало то, что традиционные профсоюзы смогли поднять миллионы своих членов на активные действия. Нарушая Генеральное соглашение, власти не ожидали натолкнуться на серьезное сопротивление. Настроения на местах были гораздо более радикальны, чем в центральном аппарате ФНПР. Там, где стихийно складывалась предзабастовочная ситуация, структуры ФНПР видели свою задачу в том, чтобы обеспечить законный характер выступлений, собрать, обобщить и передать наверх требования, провести по этим требованиям переговоры с правительством. Напротив, сроки и масштабы коллективных действий зависели, как правило, от состояния дел на местах, хотя ФНПР всегда подчеркивала свою координирующую роль. Однако к сентябрю центральный аппарат стал утрачивать контроль над акциями протеста, а к концу сентября они фактически сошли на нет. Политический кризис осенью и сентябрьско-октябрьский государственный переворот положили конец профсоюзным выступлениям.

В октябрьских событиях 1993 г. ФНПР потерпела серьезное поражение. Коллективные действия в августе разворачивались в основном стихийно, а в сентябре так же стихийно начали затихать. События подтвердили самые худшие ожидания. В августе я писал о двух сценариях — оптимистическом (профсоюзы овладевают ситуацией и становятся важнейшей общественной силой) и пессимистическом (профсоюзы теряют контроль над событиями, оказываются неспособны эффективно действовать и это приводит к тяжелым последствиям как для самих профсоюзов, так и для демократии в России).

Все развивалось точно по пессимистическому сценарию. Коллективные действия фактически прекратились на фоне московских политических конфликтов. Клочков оказался перед выбором: если профсоюзы не пригрозят забастовками в защиту Конституции, с их заявлениями никто не будет считаться. Если призовут к забастовкам, то не смогут их успешно организовать. В результате была принята двусмысленная формула «вплоть до забастовок», которая никого ни к чему не обязывала и никого не напугала. Власти, увидев бессилие ФНПР, предприняли очередной натиск, пригрозили роспуском ФНПР. На самом деле полная ликвидация ФНПР была правительству не нужна, ведь множество текущих проблем власти без помощи профсоюзного аппарата просто не могли решить. Но запугать профсоюзных лидеров удалось. После расстрела Белого дома среди руководства ФНПР началась настоящая паника. Правительство конфисковало у профсоюзов фонд социального страхования, в некоторых регионах власти попытались захватить профсоюзную собственность.

В октябре 1993 состоялся съезд, избравший новое руководство. ФНПР возглавил Шмаков. Новый лидер открыто дал понять, что придется идти на уступки, избежать лобового столкновения с властью. В организации царили конфликты. Выходцы из МФП натолкнулись в структурах ФНПР на вязкий бюрократический саботаж. Простейшие вопросы не решались месяцами, неожиданно возник дефицит средств. Молодые люди из «московской команды» стали жаловаться на кошмарные сны и неврозы. Попытки реформировать аппарат чисто аппаратными методами давали в профсоюзах те же результаты, что и в стране в целом. У новых лидеров недовостало решимости переломить ситуацию, отсутствовала четкая стратегия. Но даже если бы она была, в бюрократическом болоте все равно тонули любые инициативы, будь они радикальные или умеренные, левые или центристские.

«Мины замедленного действия», заложенные во времена Клочкова или еще раньше, рвались одна за другой. Отраслевые профсоюзы не ладили с территориальными федерациями. Страх потерять собственность парализовал многих лидеров. Надо было выбирать: что главное — борьба или управление собственностью? Выбирать не хотелось. И хотя власть понемногу отнимала собственность, ее оставалось достаточно, чтобы было из-за чего осторожничать.

Московский опыт «социального партнерства» толкал лидеров ФНПР на повторение тех же шагов в масштабах России. Однако это было невозможно, поскольку правительство России не имело тех ресурсов, которые московские власти могли бросить на решение социальных проблем в столице. Чем больше профсоюзы проявляли готовности к переговорам, тем меньше к этому было готово правительство. Когда зимой 1994 г. Гайдар ушел с поста вице-премьера, в профсоюзах появилась надежда, что теперь все проблемы удастся решить. Но «соколы Чернобырдина» не могли справиться с наследством Гайдара, а «новый реализм» лидеров ФНПР накладывался на растущий радикализм рабочих.

Весна 1994 г. была объявлена президентской командой временем национального примирения. Между тем социальные конфликты лишь обострялись. Новая волна коллективных действий поднялась из-за задержек с выплатой зарплаты. С февраля 1994 г. число трудовых конфликтов России ежемесячно увеличивалось в среднем на 18 %. Шахтеры, рабочие атомных электростанций пикетировали здание правительства. На Дальнем Востоке прошла всеобщая

стачка водителей — впервые в истории России. В Надыме (Восточная Сибирь) в ходе всеобщей стачки забастовщики взяли власть в свои руки. Шахтеры выдвинули политические требования, всекузбасская конференция трудовых коллективов выразила недоверие Ельцину, и начала сбор подписей в поддержку досрочных президентских выборов. Поскольку центральный аппарат ФНПР демонстративно ничего «не замечал», решающая роль в этих событиях принадлежала отраслевым профсоюзам, часто согласовывавшим свои действия с руководством предприятий. Между тем директорский корпус был вовсе не заинтересован в развертывании движения протеста. Он лишь использовал выступления трудящихся в качестве своеобразного инструмента лоббирования.

28 апреля 1994 г. ФНПР подписала Договор об общественном согласии, который обязывал участников воздерживаться от выступлений протеста. Одновременно Министерство труда России решило провести через Государственную Думу новый Кодекс законов о труде, который резко сужал права профсоюзов и наемных работников по сравнению с советским законодательством. ФНПР, связанная октябрьским соглашением и Договором об общественном согласии, могла противопоставить этому лишь лоббирование парламентских фракций и правительства. Поскольку невозможно было полностью избежать конфликтов, политика руководства ФНПР, начиная с осени 1993 г., состояла в переносе центра тяжести с общероссийских коллективных действий на выступления на местах. Сходные тенденции прослеживались и в «альтернативных» профцентрах.

Летом 1994 г. стало очевидно, что правительство вновь игнорирует Генеральное тарифное соглашение. ФНПР протестовала на Трехсторонней комиссии — и только. Российский профсоюз машиностроителей пошел дальше, отозвав свою подпись под Договором об общественном согласии. Свои подписи стали отзывать и другие отраслевые профсоюзы. Никаких серьезных последствий это тоже не имело. Лидеры ФНПР были вынуждены вновь прибегнуть к коллективным действиям.

Осенью 1994 г. руководство ФНПР сделало основную ставку на митинги и пикеты, пытаясь, насколько это возможно, не допускать забастовок. Это объяснялось, помимо прочего, финансовыми причинами. Несмотря на то, что пикеты обходятся очень дорого профсоюзному бюджету, они стоят дешевле стачек. Децентрализация профсоюзных средств в середине 80-х гг. практически сделала невозможным создание крупных фондов солидарности и забастовочных фондов. В случае стачки профсоюзы должны быть либо уверены в быстрой победе, либо надеяться на энтузиазм работников. Пикетирование же могло дать ощутимые результаты лишь в том случае, если бы власти сознавали, что за пикетами последуют стачки. Это было очевидно в случае с шахтерами летом 1993 г. и ранней весной 1994 г. Профсоюзы, которым удалось «подверстать» свои акции к шахтерским выступлениям, тоже добились результатов. Но когда пикеты стали выстраиваться у Дома правительства практически каждый день в течение весны 1994 г., они стали совершенно неэффективны. Такими же неэффективными оказались «дни протеста», проводившиеся ФНПР ежегодно. Пресса открыто иронизировала над символическими жестами профсоюзных лидеров, сводивших борьбу за права рабочих к однодневным символическим акциям. Серьезные столкновения с властью не укладывались в новую стратегию федерации,

«предлагающей себя в качестве респектабельной, стабильной организации, готовой сразу выступить в качестве элемента госуправления экономикой»³⁴⁾.

Каждый отраслевой профсоюз все более замыкался в собственной жизни, ориентируясь, скорее, на «своих» директоров, чем на «товарищей» по рабочему движению. Впервые за все время своего существования ФНПР столкнулась с финансовым кризисом. Многие отраслевые профсоюзы перестали платить взносы. Расходы на аппарат существенно росли, его эффективность катастрофически падала. Увеличивающиеся расходы покрывались доходами от приватизации профсоюзной собственности. К концу 1995 г. лишь 5 % бюджет ФНПР покрывалось за счет членских взносов. В результате резко ослабели связи между профсоюзами и их членами. Усилились противоречия между «богатыми» и «бедными» организациями, причем «богатство» или «бедность» не зависели непосредственно ни от численности профсоюза, ни от благосостояния его членов.

Руководство профсоюзов все более становилось не только независимо от рядовых членов, но незаинтересовано в своей непосредственной «уставной» деятельности. Ее заменяли всевозможные политические интриги и коммерческие операции. На этом фоне в профсоюзах стремительно росла коррупция. Либеральная пресса с удовольствием констатировала: «наиболее мобильные профессиональные союзы сегодня сближаются с бандитами»³⁵⁾. К сожалению, это была отнюдь не инсинуация. Сотрудничество коррумпированных профсоюзных лидеров с мафиозными структурами стало достаточно распространенной практикой как в «старых», так и в «новых» организациях. Однако еще более распространенным явлением стало банальное разворовывание профсоюзных средств.

Не имея возможности ни конструктивно сотрудничать, ни бороться с властью, профсоюзы все более становились зависимы от ее подачек. В начале 90-х гг. профсоюзы России получили исторический шанс, который был безвозвратно упущен. ФНПР вновь становится официальным профцентром, занимающимся проблемами трудящихся на правительственном уровне. Корпоративная солидарность между трудовыми коллективами и директорами оказалась гораздо сильнее, чем солидарность организованного рабочего класса. Но корпоративный протест противоречив и консервативен. А следовательно, обречен.

Конец 90-х гг. оказался временем, когда старая корпоративная солидарность постепенно разрушалась, а новая, классовая, никак не могла сложиться из-за разобщенности трудовых коллективов, неоднородности экономики и сохраняющихся корпоративных барьеров. Психологическое состояние масс оставалось близким к депрессии. «Нормой поведения становится крайний индивидуализм, жесткая конкуренция за получение рабочего места, растет взаимная отчужденность людей, которых еще недавно объединяли общие корпоративные интересы, — сетовали левые социологи. — Все чаще приходится сталкиваться с фактами равнодушного отношения тех, кто трудится на относительно благополучных предприятиях, к бедственному положению родственников коллективов. Иногда групповой эгоизм проявляется в том, что рабочие отдельных, сохранивших работоспособность предприятий, демонстрируют откровенную

³⁴⁾ Независимая газета, 16.03.1996.

³⁵⁾ Время-MN, 11.10.1999. С. 3.

незаинтересованность в улучшении ситуации в других коллективах, так как видят в них конкурентов на рынке труда и сбыта продукции»³⁶⁾.

Рынок разлагал индустриальную общину так же, как за сто лет до того он разложил общину крестьянскую. Уникальный шанс использовать корпоративные связи для демократического и коллективистского преобразования экономики, существовавший в 1990–93 гг., был упущен. Поражение Верховного Совета, пытавшегося опереться на корпоративные структуры в противовес центральной бюрократии и «компрадорам», означало и решающее поражение общинного начала в экономике. С продолжением неолиберального курса индустриальная община не была уничтожена, но утратила прежнюю органичность и устойчивость.

Между тем в наиболее модернизированных регионах — Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, представлявших своего рода «анклавы» капиталистического центра, тоже нарастало недовольство. Новое поколение видело в существующих порядках тормоз для развития страны. Однако между растущим недовольством трудящихся модернизированного сектора и отчаянием представителей индустриальной общины или новых маргиналов не было связи. Не было и общественных или политических организаций, способных скоординировать разные формы протеста.

Борьба нарастает

Директора предприятий и профсоюзные руководители так или иначе сумели решить свои проблемы. Они успешно находили свое место в постсоветском истеблишменте. Между тем положение большинства населения продолжало ухудшаться. Как и во многих странах, практиковавших неолиберальную модель, некоторое улучшение макро-экономических показателей (стабилизация рубля, замедление спада производства и т. д.) сопровождалось в 1994–97 гг. углублением социального кризиса. Все большим становилось число «диких» забастовок, голодовок. В Сибири и на Дальнем Востоке доведенные до отчаяния люди выходили на улицы, перекрывали дороги, останавливали движение поездов. Учителя и шахтеры совершали публичные самоубийства. В мае 1997 г. «Независимая газета» писала про настоящую «эпидемию самоубийств» в Кузбассе, сопровождавшую «реструктурирование угольной отрасли» по программе Мирового Банка: «главная причина этой трагедии — отчаяние людей, не только не получавших денег за тяжелый, опасный и некогда почетный труд, но и полнейшая безысходность и полное отсутствие какой-либо перспективы»³⁷⁾.

В Кемерово шахтерами стали создаваться «комитеты спасения», фактически бравшие на себя некоторые функции местной власти. Происходило это несмотря на противодействие руководства профсоюзов, повторявшего, что подобные органы не нужны, поскольку «все функции, которые пытаются взять на себя рабочие комитеты и комитеты спасения, четко прописаны в Конституции и в законе» и должны выполняться государством. Надо лишь добиваться «влияния на эту власть»³⁸⁾.

³⁶⁾ Рабочая политика. 1996. № 5. С. 16.

³⁷⁾ Независимая газета. 17.05.1997.

³⁸⁾ Момент истины. 1996. № 2. С. 3.

И администрация предприятий, и профсоюзы постепенно утрачивали контроль за событиями. В Государственной Думе раздавались голоса, предупреждавшие: «Шахтер в следующий раз будет обматывать нитку динамита не вокруг себя, а вокруг линии электропередач», ибо «когда у человека остается выбор умереть от голода или от пули, он выбирает пулю»³⁹⁾. Растущая радикализация масс, однако, еще не означала подъема классовой борьбы. Выступления доведенных до отчаяния людей больше напоминали традиционные для России крестьянские бунты, чем рабочее движение. Во Владивостоке, где люди месяцами не получали зарплаты, где отключалось электричество и отопление, люди требовали прямого президентского правления, надеясь, что чиновники, присланные из Москвы, будут лучше местных. В других регионах протестующие выдвигали путанные, противоречивые требования и расходились по домам, выслушав очередную порцию лживых обещаний.

Ни заседавшие в Думе левые партии, ни профсоюзы, ни радикальные левые, увлеченные академическими дискуссиями и критикой оппортунизма парламентариев, не могли повлиять на ситуацию. Между тем углубление социального кризиса заставляло трудящихся самих искать выход. Ответом на политику властей стала разразившаяся летом 1998 г. «рельсовая война». Потерявшие терпение рабочие стали перекрывать крупнейшие железнодорожные артерии страны. Эта форма борьбы оказалась неожиданно эффективной. Миллионные убытки, понесенные государством и экспортными отраслями экономики, заставили правительство пойти на уступки. Положение дел с выплатой зарплаты в угольной отрасли улучшилось. С июня по октябрь на Горбатов мосту у Дома правительства стоял шахтерский пикет, требовавший отставки президента Ельцина. Лидеры НПГ, прежде поддерживавшие либеральные реформы, начали ругать капитализм и произносить революционные речи. Профсоюзы Воркуты потребовали национализации угольной промышленности.

Если в 1991 г. именно среди горняков были сильнее всего либеральные настроения, то в 1998 г. социологи уже дружно отмечали «конец шахтерского либерализма»⁴⁰⁾. В конце 90-х гг. растущая оппозиционность наблюдалась и в настроениях менеджеров низшего звена. Сохранение неолиберальной модели воспринималось ими как угроза самому существованию промышленности. Показательно, что разочарование в либерализме охватило не только шахтеров, но и представителей «среднего класса». Показателем этого стал резкий рост численности профсоюзов в банковском секторе и других предприятиях «нового частного бизнеса». Деловая газета «Ведомости» писала про «призрак профсоюза в банках», появившийся после 1998 г.: «Получающие хорошую зарплату банковские работники вряд ли задумались бы о том, чтобы последовать примеру шахтеров и горняков, если бы не кризис и сокращение штатов и зарплат, уже случившиеся и ожидаемые в связи с реструктуризацией банковской системы»⁴¹⁾. Список выигравших и проигравших в ходе реформы в очередной раз нужно было пересматривать. Среди жителей «русского Люксембурга» появились свои левые.

Обострение социальных конфликтов и финансовый крах августа 1998 г. привели к падению неолиберального кабинета Сергея Кириенко. Последовали

³⁹⁾ Момент истины, 1996, № 2. С. 1.

⁴⁰⁾ Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 262.

⁴¹⁾ Ведомости, 11.10.1999. С. Б6.

первые с 1991 г. попытки серьезной корректировки курса. Однако для того, чтобы изменить направление развития страны, стихийных протестов оказалось недостаточно. После краткого перерыва, вызванного приходом к власти правительства Евгения Примакова осенью 1998 г., социальные конфликты снова стали нарастать. Отставка Примакова в мае 1999 г. была воспринята значительной частью общества как доказательство того, что никаких перемен к лучшему от властей ждать не приходится. Между тем, в условиях возрастающего расслоения старой административной элиты, «директорская забастовка» начала 90-х гг. сменилась новой формой корпоративного массового действия, когда одна часть администрации компании использовала рабочих против другой, одни претенденты на собственность — против других. «Использование данного законом права на забастовку также стало весьма популярным методом борьбы за собственность», — возмущалась праволиберальная газета «Время-MN». «Рабочие коллективы постепенно превращаются в орудие передела собственности — такое же, скажем, как арбитражный суд, пластиковая бомба и контрольный выстрел в голову. Схема использования недовольных масс в собственнических интересах в течение последнего года была отработана во многих регионах страны. На Выборгском целлюлозном комбинате рабочие не допустили собственников к управлению. В Оренбурге на химическом предприятии «НАСТА» ведомые директором, отстраненным акционерами от руководства, пролетарии блокировали здание заводоуправления и вступили в сражение с милиционерами, прибывшими исполнять решение арбитражного суда. Некоторые якобы трудовые конфликты остаются незамеченными, однако при желании гнев пролетариата можно усилить, излив его на телеэкраны и газетные страницы. Так, например, совсем недавно и было на Ачинском глиноземном комбинате, рабочие которого заступились за своего директора, на которого покусился Александр Лебедь»⁴²⁾.

В данном случае либеральные журналисты правы. В большинстве подобных конфликтов трудящимися манипулировали. Их выступления не только не имели ничего общего с классовой борьбой, но порой и противоречили собственным интересам рабочих. Однако у этих конфликтов была и другая сторона. Уже то обстоятельство, что решение вопросов собственности стало зависеть от рабочих выступлений, полностью противоречило «нормальной логике» капитализма. Когда решение арбитражного суда может быть отменено действиями рабочего комитета, это ставит под вопрос само существование буржуазного права и вводит явочным порядком своеобразный рабочий контроль на производстве — пусть и в интересах одной из соперничающих групп собственников. Конфликты сопровождались насилием, столкновениями с милицией, из которых рабочие нередко выходили победителями. Это меняло психологическую ситуацию в трудовых коллективах. Почувствовав за собой силу, рабочие начинали применять ее не только в интересах своих «покровителей», но и в собственных интересах.

Первой ласточкой стала судьба Ломоносовского фарфорового завода. После того, как акции предприятия скупили американцы, трудовой коллектив взбунтовался и добился ренационализации завода. Однако по-настоящему переломным оказался конфликт вокруг Выборгского целлюлозного комбината. Здесь рабочие не пускали на завод представителей английской компании Alscem

⁴²⁾ Время-MN, 11.10.1999. С. 3.

UK Ltd., опасаясь, что новые хозяева проведут массовые сокращения. На протяжении нескольких месяцев перед столкновением рабочие фактически сами управляли комбинатом, назначив собственную администрацию. И управляли эффективно — повысилась рентабельность, начала регулярно выплачиваться зарплата, ликвидированы были долги (в том числе и по налоговым сборам). Но именно успех рабочего самоуправления ускорил конфликт — ценность предприятия резко возрасла. После решения арбитражного суда власти отправили на завод спецподразделение «Тайфун», попытавшееся взять предприятие штурмом. Рабочие сопротивлялись. Началась настоящая рукопашная схватка, и спецназ открыл по толпе огонь на поражение. Несколько человек были ранены, но рабочие не отступили. В результате спецназ вынужден был забаррикадироваться в заводской столовой, захватив семерых заложников. Теперь служители закона требовали только одного — чтобы их выпустили с территории комбината живыми. Что и было обеспечено после длительных переговоров.

По словам газеты «Сегодня», схватка в Выборге «опрокинула все прежние представления» о трудовом конфликте, а судебные власти вынуждены были смириться с унижительным поражением, подписав «акт о невозможности исполнения решения суда»⁴³⁾. Еще более категорична была деловая газета «Ведомости»: «Рабочие, загнанные в угол или сами себя туда загнавшие, способны не только перекрывать железнодорожные пути и брать директоров в заложники, они могут попробовать управлять предприятием. И не только Выборгским ЦБК...»⁴⁴⁾.

«Рельсовая война» 1998 г. и побоище в Выборге в 1999 г. показали, что времена меняются, а сопротивление трудящихся властям и собственникам может быть эффективным. Однако до настоящего перелома далеко. Радикальное преобразование общества невозможно без массовой самоорганизации трудящихся. В этом плане российское общество все еще не в состоянии решить собственные проблемы.

⁴³⁾ Сегодня, 15.10.1999.

⁴⁴⁾ Ведомости, 21.10.1999.

Глава 10

Постсоветские левые

Начало 90-х гг. было для левых в России, как и во многих других странах, временем больших надежд и больших разочарований. После 1989 социалисты верили, что начинающаяся новая эпоха породит новое левое движение, свободное от пороков старых партий, динамичное и жизнеспособное. Социал-демократы ожидали, что традиционная приверженность масс ценностям социальной справедливости в сочетании со всеобщим стремлением к капитализму превратит именно их в ведущую политическую силу. Наконец, ортодоксальные коммунисты были убеждены, что столкнувшись с ужасами капитализма, рабочий класс осознает свои ошибки и немедленно поднимется на борьбу. Последовавшие события опрокинули надежды и левых, и правых. Несмотря на перманентный кризис постсоветской России, нового подъема левого движения не было.

Радикалы перестройки

После распада Советского Союза в России действовало несколько левых организаций, зародившихся в среде молодежных неформальных движений. Идеологический спектр их был довольно широк — от сверх-революционных марксистов, до поклонников шведской социал-демократии. На крайнем левом фланге заметны были Конфедерация Анархо-синдикалистов (КАС), вышедшая из студенческого клуба «Община», и Марксистская Рабочая Партия — Партия Диктатуры Пролетариата (МРП-ПДП). Более умеренные социалисты и марксисты, которых не устраивали догматические установки МРП-ПДП, нашли себе место в рядах Социалистической партии. Правее всех стояла Социал-демократическая партия Российской Федерации. Эта организация была весьма разношерстной, включая в себя многочисленные фракции и группы, фактически дублирующие весь левый спектр, но руководство ею, за исключением нескольких месяцев 1993 г., постоянно оставалось в руках правых.

Левые партии вобрали в себя очень большую часть актива неформальных объединений «перестроечной эпохи» 1986–90 гг. Не следует забывать, что всевозможные «экологические союзы», «народные фронты» и публичные дискуссионные клубы, предшествовавшие появлению настоящих политических организаций, были в большинстве своем левыми. Лозунгом неформального движения была не рыночная экономика, а участие общества в принятии решений. «Произошло смещение акцентов — от оборонительной самоорганизации к творческому участию в происходящих процессах, от пассивной реакции на события — к активному ведению кампаний», — отмечают исследователи. Сторонники неформальных групп в те годы «прежде всего исходили

из не-экономических, моральных критериев»¹⁾. Участники экологического движения заявляли в своем манифесте, что для них «недопустимо превращение этой работы в модное развлечение, политическую приманку или средство наживы»²⁾.

Если для некоторых участников подобных движений левизна была не более, чем маскировкой «переходного периода», то большинство активистов относилось к провозглашаемым идеям совершенно серьезно, что и предопределило их последующую эволюцию — в октябре 1993 г. основная масса бывших московских неформалов вновь встретилась на баррикадах, защищая парламент.

Тем более велико было разочарование активистов 80-х гг., когда обнаружилось, что в изменившихся условиях 90-х гг., не имея доступа к телевидению и прессе, без денег, помещений и платного аппарата, из реальной политической силы они за считанные месяцы превращались в изолированные и недееспособные группы.

Слабы оказались не только левые партии. Все организации партийного типа оказались в «новой России» нежизнеспособными. И это было закономерно. Вопреки широко распространенному предрассудку, партии вовсе не являются ровесниками парламентаризма и демократии. Слово «партия» употреблялось еще в древнем Риме, но современная многопартийность возникла лишь в самом конце XIX века. Ранее парламенты, как и в сегодняшней России, состояли преимущественно из элитных фракций и «независимых» политиков, получавших свои мандаты благодаря большим деньгам или способности контролировать ситуацию на местах. Парламентские группировки прекрасно обходились без связи с массами, зато, даже находясь в оппозиции, поддерживали связь с властью.

«Плюрализм элит» позволял капитализму первоначального накопления сохранять либеральные институты власти, одновременно не допуская участия масс в политике. Взаимодействие жесткой и авторитарной структуры исполнительной власти с парламентской элитой — вот рецепт идеального олигархического правления, характерного для «чистых» форм либерально-рыночного капитализма XIX века.

Именно эту систему с 1990 г. сознательно и целенаправленно пытались воссоздать российские реформаторы. Формирование либерально-авторитарного режима идеально соответствовало как целям русской коррумпированной бюрократии, стремившейся завладеть бывшей общественной собственностью, так и интересам западных элит, которые были заинтересованы в жесткой и твердой власти, способной подавить любое сопротивление народа реформам, но не хотели нести ответственность за поддержку «экссессов» открытой диктатуры латиноамериканского типа. Наконец, это соответствовало русским традициям. Зародыши либеральных институтов всегда существовали в составе русского авторитарного государства, будь то эпоха царизма или поздняя советская эпоха. Но эти институты и отношения были не более чем дополнением к системе, которая никогда не была демократической.

Массовые партии сыграли в Европе огромную роль именно потому, что сумели подорвать принципы либерального порядка и вынудили правящие круги

¹⁾ Cities of Europe. P. 371.

²⁾ Манифест Движения Дружин по охране природы. Опубликовано в спецвыпуске бюллетеня «Охрана дикой природы», декабрь 1996, № 11. С. 13.

ограничить свою свободу и свои права в угоду требованиям масс. Эти партии появились в эпоху, когда ценности либерального капитализма были поставлены под сомнение. Первые массовые партии современного типа возникли в большинстве стран именно на основе рабочих организаций или мелкобуржуазных «народных» движений.

Массовые партии возникают тогда, когда значительная часть народа окончательно осознает: «элитные» политики, заседающие в парламентах, являются не представителями избирателей, а их злейшими врагами. Партии должны, перефразируя Ленина, дать возможность «кухарке» (т. е. непрофессионалу, обычному человеку) управлять государством, участвуя в повседневной работе политической организации, контролировать политиков «снизу», влиять на их решения, требовать отчета, смещать их. Отличие партийной политики от парламентской в том и состоит, что взаимозависимость между «кухаркой» и «государственными мужами» здесь не ограничивается одноразовым опусканием бюллетеней в урну для голосования.

Антиэлитарная, а следовательно — антилиберальная природа политических партий хорошо известна. И не удивительно, что партии сыграли огромную роль не только в переходе от парламентской олигархии к современной демократии, но и в становлении тоталитарных режимов. Формирование партий было составной частью «восстания масс».

Для правящих элит создание массовых партий всегда было вынужденным ответом на давление «слева и снизу». Для плюрализма верхов парламентских фракций, различных клубов и бюрократических группировок было вполне достаточно. Они уже у власти, и чем меньше приходится отчитываться за свои действия, чем меньше участвует «посторонних» людей в принятии решений — тем лучше. Вот почему, несмотря на все разговоры о создании в России «демократической» или «президентской» партии, никто этой партии, находясь у власти, так и не создал и создавать не собирался. Для проведения приватизации и дележа собственности мог бы еще пригодиться парламент, если бы он послушно принимал законы, закрепляющие «священные права» новых собственников. Но партии были не нужны.

Разговоры о партиях были среди сторонников «либеральных реформ» не более чем данью западным стереотипам. Не случайно группа Егора Гайдара попыталась создать партию лишь в 1994 г., когда эти люди почувствовали, что их оттесняют от рычагов реальной власти.

Иное дело — социалисты. Для любого социалистического проекта именно партия, как механизм связи «политиков» и «масс» является ключевым вопросом. Не случайно все размежевания и переломы в истории социалистического движения сопровождались изменением подхода к партии (именно по этому вопросу раскололись в 1903 г. большевики и меньшевики, а в 60-е гг. эти же проблемы играли не меньшую роль в размежевании между коммунистами, социал-демократами и «новыми левыми» на Западе).

В России социалисты, социал-демократы и коммунисты, недовольные порядками, царившими в КПСС, стремились к созданию партии задолго до того, как многопартийность была официально разрешена. Организация партии считалась более важным делом, нежели борьба за должности и мандаты,

которой увлеченно занималось большинство «демократов». Характерно, что в 1990 г. большинство лидеров и активистов левых не стало баллотироваться в народные депутаты России. Некоторые стали депутатами и городских, и районных Советов, надеясь, что это поможет объединить своих сторонников на местах.

Однако в сложившихся условиях ни Социал-демократическая, ни Социалистическая партии не смогли стать массовыми. Социал-демократы пытались идти в фарватере президентской команды, все больше лишаясь собственного лица. А когда в 1993 г. левое крыло партии выступило против политики приватизации, разгона Советов и сверхпрезидентской конституции, в партии произошел раскол, поразительно точно повторивший все параметры «классического» раскола РСДРП в 1903 г. К концу 90-х параллельно существовало сразу несколько социал-демократий, которые продолжали размежевываться и раскалываться подобно левяцким сектам на Западе.

Что касается Социалистической партии, то она с момента своего создания вела борьбу на два фронта — против «старой и новой номенклатуры». В результате социалистам был плотно закрыт доступ к любым средствам массовой информации. Эфир был заполнен пропагандой приватизации, а газеты доказывали, что нужно либо все поделить, либо все оставить по-старому, и никто не дал слова людям, предлагавшим обсудить иные варианты. Все мрачные прогнозы, сделанные социалистами в 1989–91 гг., подтвердились (документы социалистов того времени читаются сегодня как «воспоминания о будущем»). Но самим социалистам от этого лучше не стало.

Разумеется, неудачи социалистов и социал-демократов объясняются не только их политическими ошибками или бойкотом в средствах массовой информации. На протяжении 1989–93 гг. в России потерпело поражение гражданское общество. В конце 80-х рост неформальных объединений и массовое участие людей в «малой политике», когда темой дискуссии становилось строительство очистных сооружений, вырубка парков или отвод земли под детскую площадку, свидетельствовали о возникновении у нас гражданского общества. Эти объединения были единственно органичными, выросшими снизу без подсказки телевидения, пропагандистских кампаний и вмешательства армии платных чиновников. История 1989–91 гг. обычно рассматривается как история борьбы за власть «демократов» и «коммунистов», но есть и вторая история тех лет: история борьбы бюрократических «элит» за контроль над массовыми движениями. Победа любой из соперничающих сил означала конец гражданского общества. С 1990 г. по мере продвижения «демократов» к реальной власти, слабеют и отмирают народные инициативы. Вместе с ними терпят неудачу и попытки создания «снизу» широкой левой партии.

В этом смысле неудача социалистов символична. Она демонстрирует неудачу демократического процесса в России. Трагизм ситуации в том, что на протяжении всего периода 1989–94 гг., при всех разговорах о «переходе к демократии», базовые условия для демократического развития не только не укреплялись, а наоборот, разрушались. Там, где нет самоорганизации граждан, парламентаризм оборачивается фарсом, выборы — соревнованием коррумпированных властолюбцев, законы — произволом законодателей.

«Умеренные» наследники КПСС

В условиях распада гражданского общества традиционалистские идеи оказывались особенно притягательными. После ликвидации КПСС возникло несколько новых коммунистических организаций, стремившихся либо «вернуться к истокам», либо, напротив, выработать современную доктрину, но все они апеллировали преимущественно к старым членам партии.

Особое положение занимала Социалистическая партия трудящихся (СПТ). После разгона и запрета компартии в 1991 г. эта организация претендовала на роль ее официального наследника. Численность партии достигла 80 тыс. человек, главным образом, за счет бывших коммунистов. Взяв первоначально на вооружение проект программы КПСС, который был подготовлен, но так и не принят при Горбачеве, руководство партии пытались повторить путь восточноевропейских коммунистов, создавших социал-демократические партии на базе старых структур. Лидером СПТ стала Людмила Вартазарова, принадлежавшая к числу людей, выдвинувшихся в аппарате КПСС в последние годы перестройки, но среди идеологов партии был и знаменитый диссидент Рой Медведев.

Идеологически СПТ так и не смогла найти собственного лица, однако на первых порах имела важное стратегическое преимущество, поскольку выступала в качестве своего рода моста между умеренной частью коммунистов и некоммунистическими левыми. СПТ обладала определенными материальными ресурсами. Хотя, в отличие от бывших «неформалов», члены СПТ были не очень активны, партия обладала работоспособным аппаратом. Вокруг СПТ мог сложиться широкий блок левых сил. Первый шаг в этом направлении был сделан осенью 1992 г., когда состоялся Конгресс демократических левых сил. Однако развития эта инициатива не получила из-за попыток руководства СПТ подчинить участников Конгресса.

Претензии СПТ на доминирующую роль в левом лагере были подкреплены тем, что ни одна другая организация на тот момент не обладала полноценной партийной бюрократией. Но это же предопределило и неудачу СПТ. Сделав ставку на аппаратные методы работы, лидеры СПТ не смогли предложить своим партнерам никакой четкой стратегической перспективы. Сама СПТ постоянно колебалась — от готовности сотрудничать с «умеренными силами» в правительстве, до блокирования с националистами, казаками и монархистами из «Союза Возрождения». Поскольку другие левые категорически отказывались повторять подобные политические зигзаги, напряжение между этой партией и всеми остальными левыми непрерывно возрастало, пока СПТ не оказалась в полной изоляции.

Положение усугубилось соперничеством с коммунистами. После того, как Конституционный суд России разрешил воссоздание компартии «снизу», туда стали уходить целые организации СПТ. Не решаясь заявить открыто ни о размежевании с коммунистами, ни об объединении с ними, лидеры СПТ заняли двусмысленную позицию: участвовать в восстановлении компартии, но не входить в нее. Это предопределило развал низовых организаций СПТ.

Совершая одну ошибку за другой, лидеры партии постоянно повторяли, что их политика была на каждом этапе единственно правильной и единственно

возможной, отказываясь даже обсуждать причины своих неудач. Результаты такой политики не могли не сказаться. За 2 года партия превратилась из серьезной политической силы в малоактивную группу, утратившую всякое влияние на ход событий в стране. В 1995 г. лидер СПТ Людмила Вартазарова вошла в руководство Конгресса Русских Общин, который даже при самом богатом воображении невозможно представить себе в качестве левой организации. Фактически это означало конец СПТ в качестве самостоятельной левой партии.

Взлет и падение «профсоюзной оппозиции»

Наиболее серьезной попыткой новых левых создать массовую политическую организацию был проект Партии Труда. Идея партии «лейбористского типа» дискутировалась еще в 1989–90 гг., причем зачастую ее сторонники вдохновлялись не британским или канадским опытом, а успехами бразильской Партии Трудящихся. Легко, однако, догадаться, что для реализации подобной концепции недоставало малого: политически активных профсоюзов.

В 1991 г. Социалистическая партия, объединившись с частью КАСа и группой «Марксизм XXI», ранее действовавшей в составе КПСС, преобразовалась в Партию Труда. Новая партия объединила несколько идеологических течений — от социал-демократов до революционных марксистов, но различия между идеологическими платформами внутри ПТ были не так важны, как разнообразие взглядов по вопросам текущей политики. В отличие от социал-партии 1990–91 гг., ПТ была тесно связана с традиционными профсоюзами и стремилась стать политическим выразителем их интересов, однако внутри профсоюзного движения не было единства по вопросу о том, нужна ли вообще такая партия.

По мере того, как социальные издержки реформ становились все более очевидными, ФНПР радикализировалась. Начав с «критической поддержки» правительства России, федерация постепенно превратилась в его жесткого критика. Стремясь покончить с господством коммунистической идеологии в профдвижении, лидеры ФНПР постоянно подчеркивали, что профсоюзы должны дистанцироваться от политических партий, но обострившийся конфликт с правительством показал, что остаться вне политики не удастся.

Быстрее всего это поняли в Московской Федерации профсоюзов, возглавлявшейся тогда Михаилом Шамаковым. Лидеры МФП стремились как можно быстрее порвать с прошлым «официальных» профсоюзов. Они принесли с собой новый стиль и новые идеи. Именно Шамаков первым в профсоюзном движении России пошел на диалог с молодыми радикалами из неформальных организаций. Левые активисты, еще недавно яростно нападавшие на «старую профсоюзную бюрократию», оказались в числе ее консультантов. Оптимисты надеялись, что новые люди и идеи преобразуют старую структуру, а пессимисты предсказали, что структура все это «переварит», развратит и интегрирует левых. Опыт последующих двух лет показал, что в известном смысле сбылись оба предсказания. Структуры менялись, но менялись и люди.

Одним из первых перешел на работу в профсоюзы Андрей Исаев — бывший лидер московских анархистов, идеолог КАС и организатор первых

оппозиционных митингов 1987–88 гг. Сменив красно-черное знамя на красное главного редактора профсоюзной газеты «Солидарность», он за несколько месяцев превратил ее из скучного ведомственного листка в живое и оригинальное издание. Привлечение в «Солидарность» молодых и талантливых авторов — представителей «неортодоксальной левой» — сделало эту газету в первой половине 1992 г. заметным органом оппозиции, который квалифицированно освещал не только профсоюзные вопросы, но и вопросы экономики, политики, культуры, международной жизни. Тираж вырос с 5 тыс. в августе 1991 до 25–30 тыс. в 1993 г., среди ее читателей оказались не только профсоюзные функционеры и активисты, но и молодая интеллигенция. Публиковаться в «Солидарности» стало для левых престижным, несмотря на то, что МФП финансово третировала газету, тираж газеты, случалось, падал с 20 тыс. до 5 (из-за отсутствия финансирования), и главному редактору приходилось для поддержания газеты «на плаву» продавать часть редакционного оборудования или брать займы в банках на собственное имя. Сотрудники газеты работали «за идею», довольствуясь нищенской зарплатой. Однако среди ее авторов были журналисты, параллельно работавшие на «Независимую газету», «Правду» и т. д.

В то же время ФНПР, формально располагавшая двумя национальными газетами («Труд» и «Рабочая трибуна»), все в большей степени утрачивала контроль над ними. Газеты превращались из профсоюзных в «издания для домашнего чтения». А «Труд», поставивший в СССР рекорд тиража ежедневной газеты (в 1989–1990 гг. тираж «Труда» доходил до 20 млн экземпляров), практически не подчинялся ФНПР и игнорировал профсоюзную тематику. «Рабочая трибуна», ставшая совместным изданием профсоюзов и директорского корпуса, несмотря на сугубо «пролетарское» название, была рупором директоров. Несмотря на совпадение интересов между профсоюзами и «красными директорами», это вызывало недовольство у части профсоюзных работников.

Обосновывая позицию профсоюзов, Исаев выдвинул тезис о необходимости «левого консерватизма». Анализируя последствия неолиберальных реформ в России и Англии, бывший идеолог анархизма пришел к выводу, что левые уже не могут быть революционной силой. «Крушение системы “государственного коммунизма” и коммунистического движения с одной стороны, и победоносное шествие неолиберализма, разрушающего социальные гарантии и принципы общественной солидарности во имя эффективности индустриального производства, — привели к тому, что “левые” во всем мире (а не только в России и Англии) оказались в роли консерваторов, защищающих островки социализма, давно уже ставшие частью мировой цивилизации.

Роль консерваторов для “левых” вынужденная. Она связана с оборонительной позицией, которую “левые” занимают. Наступать им некуда, ибо собственные общественные идеалы оказались дискредитированы: государство в роли регулятора всех процессов жизни оказалось не слишком эффективным; а проекты анархистов, “новых левых”, зеленых, так и остались пока экзотикой.

Но “левые” ценности — социальная защищенность людей, общественный сектор экономики, свободный труд — не только осуществились во множестве общественных институтов, но и стали частью мировой культуры. Как

и подобает консерваторам, левые встали на защиту культурных ценностей от технократического подхода новых «прогрессистов»³⁾.

На протяжении 90-х гг. стремление соединить социалистическую идеологию и консервативные ценности все больше овладевало левыми на территории бывшего Советского Союза. Владимир Шилов на страницах «Свободной мысли» писал про «широкий спектр сил, которые можно отнести к социалистическому реформистскому консерватизму», подчеркивая, что консервативные ценности должны «присутствовать в обществе не менее сильно, чем либеральные ценности свободы и самовыражения»⁴⁾. Идеология «левого консерватизма» вполне устраивала профсоюзные верхи и до известной степени была созвучна настроениям масс. Однако выразителем «левого консерватизма» в российской политике стали не профсоюзы, а восстановленная компартия. Профсоюзы были слишком связаны с государством и директорским корпусом, а потому были не в силах выработать собственную идеологию. Коммунисты в своем консерватизме были гораздо честнее и последовательнее. Но сама по себе идеология «левого консерватизма», сводившаяся к минималистским и оборонительным требованиям, в конечном счете обрекала движение на неудачу.

В условиях России 90-х гг. задача «сохранения завоеванного» все более уступала место задаче нового радикального преобразования. Режим Ельцина быстро разрушил не только «социальные завоевания трудящихся», но подорвал и элементарные основы цивилизованной жизни для большинства населения. Следовательно, все предстояло создавать заново. Концепция «левого консерватизма» должна была логически перерасти в стратегию «социального рванша трудящихся».

Радикализация профсоюзов однозначно толкала их в оппозиционный лагерь и тесно связывала их судьбу с судьбой русских левых. Но сверхинерционная профсоюзная система постоянно отставала от развития событий. Пытаясь наверстать это отставание, лидеры ФНПР выступали с жесткими заявлениями, но не могли подкрепить угрозы действиями. И не потому, что рядовые члены профсоюзов их не поддерживали — требования профсоюзов отражали настроения большинства их членов, что подтверждается не только множеством резолюций заводских и цеховых собраний, но и социологическими опросами. Просто неэффективная бюрократия ФНПР была не способна организовать массы, а тем более вести их за собой.

Лидер ФНПР Игорь Клочков и его окружение сначала высказались в поддержку центристского «Гражданского Союза», а затем стали все более склоняться к Партии Труда. Однако ПТ была слаба, а в ФНПР не было решимости всерьез взяться за создание политической организации. Лишь аграрный профсоюз принял твердое решение и начал действовать самостоятельно. В результате Аграрная Партия России заняла четвертое место на выборах 1993 г.

Переворот сентября — октября 1993 г. был не только поражением оппозиционных сил, но и началом острого кризиса ФНПР, который не мог не затронуть Партию Труда и рядов левых, связанных с «лейбористским проектом». После расстрела Белого дома перепуганные руководители федерации вынудили своего

³⁾ Исаев А., Шубин А. Демократический социализм — будущее России. М., 1995. С. 57.

⁴⁾ Свободная мысль, 1995, № 3. С. 74, 77.

лидера подать в отставку. В октябре 1993 был созван чрезвычайный съезд. Председателем ФНПР стал Шмаков. Он оказался у руля организации, раздираемой противоречиями, потерявшей перспективу и веру в себя. Сам Шмаков уже не был похож на задиристого радикала, каким он был в конце 80-х.

В течение лета — осени 1992 г., пока руководство ФНПР медленно левело, руководство Московских профсоюзов правело. После ухода с поста мэра столицы скандально известного профессора Гавриила Попова и замены его профессиональным администратором Юрием Лужковым, профсоюзы все более становились частью городской системы управления. Впоследствии эта тенденция получила своеобразное «материальное» воплощение: в 1994 г. руководство МФП разместились в здании Московской мэрии. Такой поворот стал возможен благодаря улучшению социальной ситуации в столице. Высокооплачиваемые трудящиеся в Москве становились все более умеренными, в то время как в провинции быстро нарастало недовольство.

По мнению нового руководства ФНПР время забастовок и баррикад кончилось. Газета «Солидарность» начала отстаивать идеи «социал-демократии с русской спецификой», более радикальные авторы понемногу покинули ее. Она стала утрачивать оригинальный стиль, некогда обеспечивший ее успех. Газета скучнела, в редакции начались раздоры. Кульминацией кризиса стала попытка группы сотрудников газеты создать независимый профсоюз. Проявив неожиданную твердость, руководство газеты железной рукой подавило бунт. Обе стороны в этом конфликте показали себя не самым лучшим образом: и те, и другие давно утратили первоначальный идеализм и чувство солидарности. Радикальный задор 80-х гг. уступал место стремлению к респектабельности. Издание понемногу возвращалось к тому состоянию, в котором оно находилось до прихода Исаева. Тираж опять упал до 5 тыс., распространители-добровольцы разбежались, газета окончательно исчезла с улиц и предприятий, став чтением для профсоюзной бюрократии.

Большинство активистов ПТ уже не скрывало своего разочарования политикой Шмакова. Отчужденность усилилась после того, как на II съезде ПТ председателем партии был избран депутат Совета Федерации Олег Смолин, известный своей независимостью и твердостью. В мае 1994 г. Олег Смолин в присутствии Шмакова, выступая перед профсоюзным активом своего родного города Омска, заявил, что если политика ФНПР не изменится, придется начинать борьбу за смену руководства профсоюзов. Конфликт, назревавший в течение нескольких месяцев, вырвался на поверхность.

В то время как лидеры традиционных профсоюзов старались быть респектабельными и осторожными, стремительный рост забастовочного движения весной 1994 г. показал, что массы, несмотря на слабую способность к самоорганизации, не желают и пассивно мириться со своей участью. Как бы ни призывало руководство ФНПР к умеренности, низовые профсоюзные структуры, реагируя на требования своих членов, все чаще выступали с политическими требованиями. Чем больше пытались лидеры профсоюзов успокоить людей, тем больше недовольство оборачивалось против них самих.

На декабрьских 1993 г. выборах руководство ФНПР не выступило отдельным профсоюзным списком и отказалось поддерживать какой-либо список. На практике это вылилось в поддержку профсоюзными структурами на местах

и отраслевыми профсоюзами различных избирательных блоков, к которым они тяготели в силу корпоративных связей, в первую очередь — «Гражданского союза». Но «Гражданский союз» потерпел на выборах сокрушительное поражение. Более успешно действовал профсоюз работников агропромышленного комплекса, который поддержал Аграрную партию России (АПР) и провел в Государственную Думу трех своих представителей (включая Председателя ЦК профсоюза А. Давыдова). По списку АПР прошел и свергнутый лидер ФНПР Игорь Ключков. Поскольку АПР по сути была «аграрным сектором КПРФ», такая позиция Агропрофсоюза выглядела как демонстрация оппозиционности руководству ФНПР во главе со Шмаковым.

Декабрьские выборы символизировали разрыв «команды Шмакова» с Партией Труда. Как и многие другие оппозиционные организации, Партия Труда выборы бойкотировала. Однако она не смогла стать серьезной силой внепарламентской оппозиции. К началу 1994 она окончательно распалась. Часть активистов партии продолжала группироваться вокруг журнала «Альтернативы» и в группе поддержки Олега Смолина, избранного в 1995 г. в Государственную Думу.

Такой финал был огорчительным, но закономерным. Крах неформального движения и резкое изменение «правил игры» в 1991–92 гг. не давали возможности для успешной работы по созданию партийных структур. Не имея собственных организационных ресурсов, радикальные левые оказались заложниками профсоюзной бюрократии. К тому же социальная база «новых левых», пытавшихся выразить настроения наиболее модернизированных слоев трудящихся в крупных городах, оказалась существенно уже, чем у традиционалистов, которые на какое-то время оказались единственной серьезной левой оппозицией.

Корпоративная «социал-демократия»

Работа центральных ФНПР структур была надолго парализована борьбой между «людьми Ключкова» и «людьми Шмакова» за кресла и кабинеты. В конце концов «команда Шмакова» в целом одолела «команду Ключкова», изгнав из аппарата большое количество старых сотрудников. В ряде случаев этот процесс сопровождался громкими скандалами и даже судебными разбирательствами. Вместе со «старыми кадрами» из аппарата выбыли и «новые левые» — кроме экс-анархиста Андрея Исаева, прекрасно вжившегося в роль профсоюзного начальника.

Парламентские и президентские выборы 1995 и 1996 гг. дали профсоюзным верхам новый шанс заявить о себе. Нельзя упрекнуть руководство ФНПР в том, что оно не готовилось к выборам. Но из-за собственной непоследовательности ФНПР вынуждена была каждый раз отказываться от достигнутого и начинать все сначала. В 1994 г. велись переговоры с социал-демократическими группами о создании «Союза Труда», но руководство ФНПР так и не сумело принять решение. В 1995 г. Шмаков предпринял новую попытку создать политическое объединение вокруг профсоюзов. 17 февраля 1995 г. Исполком Генсовета ФНПР проголосовал за создание движения «Профсоюзы России — на выборы». По существу речь шла о попытке консолидировать профсоюзную

элиту. Учреждая профсоюзный избирательный список, лидеры ФНПР пытались предотвратить «растаскивание» членских организаций по разным блокам. Сохранить единство, однако, было невозможно. Независимый профсоюз угольщиков создал собственную организацию «Шахтеры России», которая получила поддержку администрации отрасли. Аналогичным образом занялись формированием отраслевого списка и профсоюзы автодорожников и даже работников коммунального хозяйства. Профсоюз агропромышленного комплекса сохранил верность АПР, что не удивительно, если учесть, что структуры партии на две трети совпадали со структурами профсоюза. Ряд территориальных профсоюзных федераций были представлены в списке Конгресса Русских Общин. Исполком ФНПР вынужден был принять решение о том, что на местах профсоюзы имеют право самостоятельно выбирать себе партнеров.

Страх перед усилением влияния компартии стал одним из главных мотивов, которыми руководствовалась «профсоюзная элита», принимая свои дальнейшие решения. Но вместо того, чтобы противопоставить противоречивой политике КПРФ собственную — более компетентную и последовательную, а потому и более отвечающую настроениям масс, профсоюзное руководство больше заботилось о том, чтобы продемонстрировать свою «умеренность» правительству. ФНПР образовала избирательный блок «Профсоюзы и промышленники России—Союз труда», объединившись с Российским союзом промышленников и предпринимателей и Объединенной Промышленной партией. Первоначально велись переговоры со спикером Государственной Думы Иваном Рыбкиным, которому Ельцин поручил создать проправительственный «левый» блок. Переговоры сорвались из-за несогласия по поводу количества профсоюзных работников в списке. Хотя участники «Союза труда» в декабре 1995 г. критиковали Ивана Рыбкина за недостаточную левизну и оппозиционность, год спустя и Рыбкин, и РСПП, и лидеры московских профсоюзов единодушно поддержали переизбрание Ельцина на пост президента.

Избирательная компания «Союза труда» была впечатляюще провалена. Для целей предвыборной борьбы продали часть профсоюзного имущества (санатории и профилактории), причем расходование денег от этих продаж не контролировалось. Профсоюзные социологи публиковали «результаты опросов», из которых следовало, что 43,3 % членов профсоюзов (которые все еще составляли большинство работающего населения страны) твердо решили поддержать блок «Союз труда», а еще 37,9 % колеблются, но могут поддержать в принципе, или лишь 9,4 % будут голосовать за другие партийные списки. Результат оказался прямо противоположен предсказаниям. Блок «Профсоюзы и промышленники России—Союз труда» получил на выборах лишь 1,55 % голосов. Это впечатляющее поражение, если учесть, что в ФНПР состояло 46 млн человек, а всего в выборах 1995 г. приняло участие 69 млн избирателей.

Многие ожидали, что поражение на выборах станет началом перемен в профсоюзах, но никто в ФНПР, несмотря на остроту внутренних разногласий, не осмелился «раскачивать лодку». Руководство федерации заявило: «поражения в декабре 1995 г. не было!»⁵⁾ Результаты голосования были оценены как великолепные. В то же время неудача на выборах была использо-

⁵⁾ Рабочая политика, 1996, № 4. С. 42.

вана для инициирования кампании по ужесточению централизма в структуре ФНПР и, в первую очередь, по переподчинению всех финансов профсоюзов центральному аппарату в Москве. Исполкомом ФНПР была принята резолюция о профсоюзном единстве, резко ограничивавшая права членских организаций. 14 марта 1996 г. Генеральный совет ФНПР поддержал резолюцию 77 голосами против 21. Одновременно было решено преобразовать движение «Профсоюзы России — на выборы» в политическое движение «Союз труда». Председателем союза вместо Шмакова стал первый зампред ФНПР Вячеслав Гончаров. В последующие месяцы «Союз труда» не проявил особой активности, что вполне понятно: приближались президентские выборы, а лидеры ФНПР не решились ни выступать против Ельцина, ни открыто заявить о союзе с ним.

Шмаков торжествовал. Хотя внутренняя оппозиция не решилась на серьезную борьбу, лидеры ФНПР предупреждали, что всякое инакомыслие будет жестко наказываться. «Кто поднял меч раскола, тот должен знать, что от этого меча погибнет его собственное профобъединение»⁶⁾. В декабре 1996 г. прошел III съезд ФНПР, укрепивший позиции руководства. Одновременно усилился выход трудящихся из «традиционных» профсоюзов.

Тем временем «альтернативные» профсоюзы разделились на несколько группировок. В 1995 г. некоторые объединения заявили о неучастии в выборах. Лидер НПГ Александр Сергеев вошел в «Блок Ивана Рыбкина». Учитывая прошлое НПГ, это свидетельствует о резком полевении профсоюза. До сих пор НПГ рассматривался не просто как проельцинский, но и как «либеральный профсоюз». СОЦПРОФ поддержал на выборах блок В. Полеванова «За Родину!».

Выборы 1995 г. стали и исторической победой партий над профсоюзами. Несмотря на свое болезненное становление, политические партии оказались способны выразить настроения общества гораздо лучше, нежели сохранившиеся от прошлого профсоюзные организации. Выборы также показали, что корпоративизм, остававшийся социальной реальностью постсоветского общества, не стал в нем господствующим политическим фактором.

Неудача профсоюзов на парламентских выборах 1995 г. предопределила их низкую активность в ходе выборов президентских. Региональные структуры ФНПР, поддерживавшие в 1995 г. КРО, были деморализованы, и активной работы в пользу Александра Лебеда не вели. Положение для них усугублялось тем, что профсоюзное крыло КРО было ориентировано, скорее, на Юрия Скокова, нежели на Лебеда. После раскола между ними, профсоюзные функционеры оказались фактически вне игры.

Сторонники компартии в ФНПР не проявили большой активности, а партия не демонстрировала большой заинтересованности в профсоюзах. Серьезную работу с профсоюзами вела лишь администрация президента Ельцина. В результате «альтернативные» профсоюзы неофициальным порядком рекомендовали своим членам голосовать за действующую власть, одновременно избегая прямых заявлений о ее поддержке — слишком хорошо было件件но, что проблемы зарплаты и социального кризиса эта власть решить не может. Руководство ФНПР также предпочло не делать официальных заявлений, но и его симпатии были полностью на стороне действующей власти. С этой

⁶⁾ Независимая газета, 16.03.1996.

властью ФНПР все прочнее связывал механизм «социального партнерства», постепенно превращавшийся в новую версию коммунистических «приводных ремней», упрощенную «круговой порукой» коррупции.

«Союз труда» потребовал от всех кандидатов подписать заявление о признании ряда общих условий и требований. Ни один из кандидатов не удосужился не только подписать обязательства, предложенные профсоюзами, но даже формально ответить на их предложения.

Не решаясь открыто поддержать Ельцина, лидеры ФНПР сделали это через МФП. В 1996 г. впервые с советского времени первомайский митинг в Москве из митинга протеста и солидарности превратился в митинг в поддержку городского и российского начальства. Однако в рядах самого начальства вскоре наметился раскол. Мэрия Москвы поссорилась с Кремлем, а Юрий Лужков стал все более открыто заявлять о своих претензиях на кресло президента. Руководствуясь привычными корпоративными связями, «команда Шмакова» поддержала Лужкова, с которым сложились тесные отношения. В очередной раз перечеркнув собственные организационные усилия, профсоюзные начальники присоединили «Союз труда» к движению Юрия Лужкова «Отечество». И опять просчитались: Кремль оказался сильнее московской мэрии.

Возвращение коммунистов

Попробовав прелестей реформ, рядовые избиратели с ностальгией вспоминают о гораздо более благополучной жизни при «коммунистическом режиме». К тому же демократические свободы были введены во многих странах бывшего советского блока еще под властью коммунистических партий. Теперь все больше людей стремилось вернуться назад. Но не в сталинское прошлое, а в то почти идеальное «промежуточное» (или — нормальное) состояние, когда цензуры и слежки уже нет, а приватизация и развал еще не начинались. Реформированные посткоммунистические партии выглядят в подобной ситуации почти идеальным выбором. Но на самом деле, они не имеют ни стратегии, ни желания восстанавливать систему социальных гарантий.

Если в Венгрии, Литве и Польше посткоммунистические партии и не предложили обществу реальной альтернативы, они хотя бы оказались в состоянии использовать перемены в настроениях избирателей и вернуться к власти на гребне «левой волны». Правда, с приходом «левых» правительств в жизни большинства населения ничего не менялось, а потому долго удержаться у власти посткоммунистические партии не смогли. В то же время вместе с «обновленной» партбюрократией в парламент неизменно попадало хотя бы небольшое число левых активистов, готовых выдвигать более радикальные требования. В России же крупнейшей левой силой оставалась Коммунистическая партия Российской Федерации. В отличие от других бывших «братских» партий, КПРФ не смогла ни обновиться, ни расколоться, ни даже сохранить свои традиции. Судьба официальной «левой» оппозиции в Государственной Думе оказалась, несмотря на появление после выборов 1995 «левого парламентского большинства», весьма похожа на судьбу традиционных профсоюзов. А после поражения на президентских выборах 1996 г. эта «оппозиция» все чаще выступала в качестве опоры правительства.

Как справедливо отмечал политолог Павел Кудюкин, КПРФ являет собой «замечательный образец политического кентавра» — по своей реальной политике она является правонационалистической консервативной партией, выражающей интересы «наиболее заскоружлых слоев бюрократического капитала». Но при этом в своих идеологических построениях она претендует на «левизну» и действительно «привлекает поддержку традиционалистски-левого, а отчасти даже демократически-левого электората (последнего — за отсутствием лучшего)». Став исключительно парламентской, компартия сохранила все черты бюрократической организации и в результате «так и не стала выглядеть цивилизованной оппозицией, но зато оказалась вполне внутрисистемной»⁷⁾.

Подобные противоречия предопределили зигзаги и виражи «партийной линии». Показательно отношение КПРФ к Сталину. С одной стороны, лидеры партии подтвердили верность решениям XX съезда КПСС и постановлению ЦК КПСС от 30.06.1956 г., осудившим сталинские репрессии. Но с другой стороны, они видели в этих репрессиях «трагические заблуждения и борьбу за власть», одновременно отдавая должное роли Сталина как «великого государственника»⁸⁾. Объясняя причины крушения коммунистической системы в Советском Союзе, они заявляли, что в КПСС «сложились два крыла, а по сути два течения»⁹⁾. Одно, плохое, ответственно за бюрократизацию и неэффективность экономики, антидемократическую практику и репрессии. Другое, хорошее, способствовало великим успехам советского народа (индустриализация, победа в войне, развитие образования и социальных гарантий). КПРФ, естественно, является продолжателем традиций хорошего крыла.

Эта концепция «two in one» позволяла КПРФ отмежеваться от прошлого, не осуждая его. Общие ссылки на противоречивость исторического процесса давали возможность удовлетворить сталинистов и антисталинистов, коммунистов-реформаторов и догматиков, одновременно избегая серьезного анализа истории. В результате крайне противоречивыми становились программные установки и практика самой КПРФ. Вопреки риторике, именно в новой партии складывалось два или несколько течений с весьма разными представлениями о перспективах, целях и задачах организации.

Геннадий Зюганов, избранный лидером на восстановительном съезде, пытался соединить умеренную политику в духе польских и венгерских коллег с националистической риторикой, равно отталкивавшей как радикальных левых, так и умеренных избирателей, пугавшихся дружбы Зюганова с русскими шовинистами.

Поворот части коммунистических лидеров к национализму вполне понятен на фоне распада мирового коммунистического движения. Коммунистическая партия в России уже не могла представлять ядро международного политического течения. Об этом открыто заявляли и идеологи КПРФ. Отвечая на вопрос о том, почему из программы партии изъят лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», они писали, что этот лозунг «сегодня не отражает реальную готовность международного рабочего и коммунистического движения к массовой

⁷⁾ Пантинтер, январь 1997, № 2. С. 3.

⁸⁾ 60 вопросов к Компартии Российской Федерации. Воронеж, 1995. С. 25, 26.

⁹⁾ III Съезд КПРФ 21–22 января 1995 г. (материалы и документы). М., 1995. С. 106.

солидарности»¹⁰⁾. По правде сказать, во времена Маркса, когда впервые прозвучал лозунг пролетарского единства, практическая готовность к солидарности была еще меньше. Но Маркс и Энгельс исходили из принципиальных позиций, тогда как Зюганов и его окружение — из бюрократических представлений о «реальной политике».

Скорее, идеологи КПРФ могли черпать вдохновение в «русской специфике». Однако успех КПРФ в действительности был предопределен вовсе не особенностями «загадочной русской души», отвергающей буржуазный прогресс, а неудачей неолиберальной модели капитализма. Причем эта неудача оказалась повсеместной, глобальной. Тем самым возникала как раз потребность в совместных действиях левых разных стран, в новом интернационализме. Потребность, которую руководство компартии не могло и не хотело удовлетворить.

Идеологи правого крыла компартии объединились вокруг организации «Духовное Наследие», группировки, которая, по ироничному замечанию журналиста Анатолия Баранова, «получила свое наследие в виде сугубо денежных средств, корни которых произрастают не столько из “золота партии”, сколько из группы московских банков»¹¹⁾. «Духовное наследие» объявило себя наследником «невиданной русской цивилизации»¹²⁾. По мнению лидера движения Алексея Подберезкина, патриотизм есть «биологический защитный механизм — естественное состояние любого индивида»¹³⁾. Согласно теории Подберезкина, на основе патриотизма должна произойти консолидация элит, а левая оппозиция должна интегрироваться во власть для того, чтобы предотвратить «стихийный бунт» оголодавшего населения, когда «толпа делает лидеров». В условиях экономического и социального коллапса общества, по мнению Подберезкина, быть радикалом «очень недальновидно»¹⁴⁾.

Консолидация элит, в соответствии с представлениями национал-коммунистов, вовсе не должна вести к устранению капитализма. Проблемой является не капитализм, а засилье иностранцев: «Мы спасем частную квартиру от грабителя, а торговую лавку — от рэкета. Мы защитим коммерческий русский банк от иноземного “Чейз Манхеттен” или “Баварского банка”»¹⁵⁾. Если на первых порах альянс Зюганова и Подберезкина мог казаться тактическим, то понемногу начинала вырисовываться новая стратегическая линия. Даже после того, как между КПРФ и «Духовным наследием» произошел разрыв, линия партии не изменилась. Скорее наоборот, она стала еще более националистической. Руководство КПРФ констатировало, что в условиях глобализации «главное — не противоречие между трудом и капиталом», а «более широкое противоречие сил космополитизма и патриотизма»¹⁶⁾. В свою очередь космополитизм не сводился идеологами партии к банальному еврейскому заговору, Зюганов и его окружение заговорили о «мировой закулисе», которая, вдохновляясь идеями «мондиализма»,

¹⁰⁾ 60 вопросов к Компартии Российской Федерации. С. 56.

¹¹⁾ Экономика и жизнь. Февраль 1996. № 5. С. 5.

¹²⁾ Духовное наследие. 1996. № 5. С. 3.

¹³⁾ Духовное наследие. 1996. № 4. С. 1.

¹⁴⁾ Независимая газета. 28.12.1996.

¹⁵⁾ Духовное наследие. 1996. № 5. С. 4.

¹⁶⁾ Век. 1997. № 4. С. 4.

строит козни против России уже на протяжении нескольких столетий. И еврейско-масонский заговор, и большевистский «экстремизм» (воплощенный, прежде всего, в Троцком) и неолиберальные преобразования — все это не более, чем различные проявления подрывной работы «мировой закулисы».

И все же политика Зюганова и Подберезкина сталкивалась с той же проблемой, что и «новый реализм» в Западной Европе. Левые могут получить маленький кусочек власти, но в условиях, когда система не работает, компромисс с правыми кругами не породит сколько-нибудь серьезных социальных реформ. Для этого нет ресурсов. Старые элиты не пойдут на жертвы, особенно если оппозиция не представляет реальной угрозы. В итоге «левые», оказавшиеся у власти или, скорее, «при власти», вынуждены продолжать курс правых. Отличие русского «реализма» от английского или французского состояло лишь в том, что здесь «реалистический» курс левой оппозиции не только объективно способствовал росту фашиствующего национализма, но и был с ним органически связан.

Идеологическая линия Зюганова находилась в явном противоречии не только с задачами объединения левых, но и с историческими традициями самой-компартии. Фактически лидер КПРФ признал это, когда называл в качестве своих теоретических источников труды «представителей так называемого “консервативно-охранительного” лагеря Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева», а также Вл. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова и других религиозных мыслителей рубежа веков¹⁷⁾. Наряду с русскими дореволюционными источниками своей идеологии, Зюганов называет и ряд западных. Первым из них является О. Шпенглер. Но не только. «Следует, на наш взгляд, внимательно отнестись к ключевым положениям всемирно известной теории исторического развития человечества Арнольда Тойнби, а также к концепции “конца истории” Френсиса Фукуямы»¹⁸⁾. Из авторов советского периода упоминается только идеолог новых правых Лев Гумилев¹⁹⁾.

Большинство перечисленных мыслителей были открыто враждебны марксизму и социализму, не говоря уж о большевизме. Зато в публикациях Зюганова невозможно обнаружить никаких следов работы с книгами западных марксистов, восточно-европейских ревизионистов или представителей антидогматической традиции в советском марксизме. Впрочем, подобное философствование вообще характерно лишь для «раннего» Зюганова. После 1995 г. его ключевой идеей стала борьба с «мировой закулисой», которая ответственна за все беды России и человечества. В сущности, это некое социальное воплощение Сатаны, вездесущее и неуловимое. Капитализм как таковой перестает быть серьезной проблемой, даже еврейско-масонский заговор воспринимается лишь как частное проявление вселенского зла. И лишь русский народ стоит на страже добра и света, а потому подвергается постоянным притеснениям и издевательствам.

Поворот от социалистической традиции к национал-консерватизму требовал и отказа от концепций классовой борьбы. В бывших советских республиках

¹⁷⁾ Зюганов Г. А. Россия и современный мир. М., 1995. С. 16.

¹⁸⁾ Там же. С. 18.

¹⁹⁾ О взглядах Л. Гумилева и их связи с фашистской расовой теорией см. подробнее Kagarlitsky B. The Thinking Reed. London: Verso, 1988.

и России, по мнению Зюганова, борьба ведется не между основными классами и социальными слоями, а «между правящими режимами, опирающимися на узкий слой либо компрадорской, либо националистической “ворократии”, стремящейся к слову евразийской цивилизации в лице России, и остальным населением: между объединительными тенденциями развития России и субъективными, волюнтаристскими устремлениями захватившей в стране власть узкой корпоративной группы»²⁰⁾.

Ностальгическое отношение к советскому прошлому вполне уживалось в руководстве КПРФ с неприятием любых революционных традиций. И это закономерно. Ведь ностальгию вызывал не антибуржуазный натиск большевиков, а консервативный брежневский порядок. «Многие из тех, кто в общем отвергает социализм, — пишет венгерский исследователь Тамаш Краус, — испытывают ностальгию по такой системе, которая больше всего напоминает брежневское “государство всеобщего благоденствия”. В парадоксальной формулировке это означает “коммунизм без коммунистов”. (Это явление, между прочим, отчетливо наблюдается в Венгрии, где люди хотят “кадаризма без коммунистов”, причем подобные социальные устремления, конечно, могут служить основой и для политики крайних правых сил)»²¹⁾.

И Брежнев, и Кадар воспринимались многими не как лидеры коммунистических партий, а как государственные деятели, при которых у всех была работа и зарплата. Беда в том, что возврата к этому прошлому уже не может быть. Воспоминания важны для сохранения символической связи между партией и массой ее традиционных сторонников, но никак не для практической политики. А потому ностальгия по сытому советскому прошлому сочеталась у лидеров КПРФ с беспринципным приспособлением к ельцинскому настоящему.

Для многих членов партии это было уже слишком. Активист КПРФ, скрывшийся за псевдонимом П. Алеев, писал в журнале «Альтернативы», что критиковать Зюганова за отход от марксизма нельзя, ибо он «марксистом никогда не был и, следовательно, марксизму никогда не изменял»²²⁾. На III съезде КПРФ лидер московских коммунистов Александр Шабанов напомнил, что рядовые члены партии требуют «дать анализ основных противоречий современной эпохи, противоречий между трудом и капиталом, современной расстановки классовых сил»²³⁾. Разумеется, этот призыв не произвел на лидеров партии никакого впечатления.

Программные документы, принятые в январе 1995 г., отражали политические и идеологические противоречия партии. С одной стороны, программа КПРФ повторяла многое из документов неортодоксальных левых 1989–92 гг. Социалистическая перспектива общества связывалась не только с исторической миссией рабочего класса, но и с экологическими задачами человечества и появлением новых производительных сил (и новых трудовых слоев). С другой стороны, здесь повторялись привычные для Зюганова положения об особом пути России, «державности» и «духовности». Критикуя режим Ельцина, лидеры КПРФ напоминали, что по существу речь идет о реставрации старого

²⁰⁾ Зюганов Г. А. Цит. соч. С. 23.

²¹⁾ Конец ельцинщины. С. 157.

²²⁾ Альтернативы, 1994, № 1. С. 79.

²³⁾ III Съезд КПРФ 21–22 января 1995 г. (материалы и документы). М., 1995. С. 47.

самодержавного государства с «законосовещательным» парламентом²⁴⁾. Но в то же время сами призывали к возрождению традиции старой (дооктябрьской) государственности и предрекали, что «демократия» в своем нынешнем проявлении «неизбежно будет заменена на социально-экономическую и политическую систему, соответствующую национальному духу народа. Суть ее: державность, народность, патриотизм и интернационализм»²⁵⁾. Такие понятия, как свобода, самоуправление или представительная власть в лексикон Зюганова не вошли.

Столь же противоречивой оказалась и практическая политика КПРФ, колебавшейся от голосования за бюджет в 1994 г. до требования отставки правительства в 1995, от призывов к союзу левых сил до альянса с «патриотической буржуазией». После того, как осенью 1995 г. национально-консервативная группировка внутри российского истеблишмента оформилась политически вокруг Конгресса Русских Общин, положение компартии стало еще более двусмысленным. КРО фактически заимствовала значительную часть идеологии и программы КПРФ, но придала им последовательно прокапиталистическую направленность. Лозунг союза с «национальной буржуазией» естественно толкал КПРФ в лагерь КРО, а традиционные обязательства и настроения собственных активистов диктовали прямо противоположные действия. Верхушка КРО, прекрасно понимая слабости своего партнера-противника, успешно использовала помощь компартии при решении собственных проблем, не давая ничего взамен. Поражение КРО на парламентских выборах 1995 г. временно сняло остроту проблемы. Жалкие результаты выразители «патриотического капитала» должны были навести лидеров партии на переосмысление действительности. Однако положение КПРФ было слишком прочным, чтобы ее лидеры испытывали потребность в самокритике. Более того, партийное руководство продолжало сдвигаться вправо, не задумываясь о том, насколько пропагандируемые партией лозунги поддерживаются ее социальной базой. Как нечто само собой разумеющееся, предполагалось, что избирателю все равно деваться некуда и он сохранит верность партии, что бы ни вытворяло ее руководство.

«Левый центр» на правом фланге

Рост влияния КПРФ в 1993–96 гг. сопровождался попытками возрождения централизма. Одна за другой проходили дискуссии и конференции о необходимости создания сильной социал-демократии в России. Среди выступающих неожиданно появились не только представители социал-демократических групп, но и люди, ранее никакого отношения к ним не имевшие: идеолог перестройки А. Н. Яковлев, «серый кардинал» ельцинского режима Геннадий Бурбулис, бывший мэр Москвы Гавриил Попов, а затем и сам Михаил Горбачев.

Интерес этих людей к социал-демократическим лозунгам не случаен. Социал-демократические идеи однажды уже были использованы в России в начале «эпохи реформ» как прикрытие для партийно-государственной номенклатуры, стремившейся спокойно и безболезненно освободиться от собственного прошлого и идеологических обязательств. Вопрос о том, можно ли вообще

²⁴⁾ III Съезд КПРФ 21–22 января 1995 г. (материалы и документы). М., 1995. С. 49.

²⁵⁾ Там же. С. 54.

применить в России методы «рыночного регулирования», практиковавшие-ся в Швеции или Австрии, мало кого волновал, поскольку на деле никто и не собирался их применять. Чем менее пригоден был этот опыт на практике — тем лучше, ибо тем легче сделать следующий шаг в сторону открыто капиталистической идеологии и политики.

Возрождение интереса к социал-демократии в 1994 г. связано было уже с провалом реформ. Теперь, когда недовольство нарастало, а бесперспективность избранного курса стала очевидна всякому мыслящему человеку, правящие круги искали выхода из кризиса, но опять — на уровне смены лозунгов. Если в 1991 г. социал-демократическая риторика должна была прикрыть поворот к неолиберальному курсу, то теперь замена либеральных лозунгов социал-демократическими или социал-патриотическими была необходима для того, чтобы создав иллюзию перемен, на деле избежать резкого пересмотра экономической политики, заморочить голову населению, а заодно спасти конкретных политиков и их клиентуру.

И в том, и другом случае именно практическая нереализуемость идей социал-демократии на русской почве делала эти идеи особенно привлекательными. Лозунг «социал-демократии с российской спецификой» изначально утопичен. Мало того, что в России нет условий, которые породили западную социал-демократию (этих условий, кстати, во второй половине 90-х уже нет и на Западе), в России есть как раз прямо противоположные условия. Политика регулирования и перераспределения доходов возможна лишь в эффективно работающей рыночной экономике. Социал-демократические партии развились в странах «центра» и повсеместно проваливались на периферии, они отражали настроения рабочего класса в обществах со стабильной политической системой, более или менее устойчивыми демократическими институтами и традициями. Многие из социал-демократических партий пережили периоды острых общественных конфликтов, но их становление всегда приходилось на эпохи стабильности.

«Идейные социал-демократы» в России остались небольшими группами интеллектуалов, а роль умеренно-реформистской партии также выпала на долю КПРФ. Лидеры этой партии с удовольствием готовы были признать себя единственными «настоящими» социал-демократами, при условии, что они же оставались единственными «настоящими» коммунистами и патриотами. Лозунг модернизации и социального партнерства механически соединился у них с призывами бороться за «русскую идею», сохранять верность православию и защищать ленинские традиции.

Президентские выборы 1996 г. оказались переломными. Если Зюганов и коммунистическая партия вели свою предвыборную кампанию крайне вяло и осторожно, доказывая свою приемлемость для новых элит, то администрация Ельцина с самого начала давала понять что смены президента не допустит. В России все еще не было сложившегося правящего класса, который мог бы себе позволить эксперименты со сменой правительства.

Представители номенклатурной касты, господствовавшие и в правительстве, и в оппозиции, прекрасно сознавали, что смена власти чревата непредсказуемыми последствиями, даже несмотря на крайнюю умеренность оппозиции. «В Варшаве бывший коммунист средней руки победил бывшего электрика

с гданьской судовой верфи. У нас же наверху еще не оказывался не только рабочий, но даже средний представитель номенклатуры», иронически заметил Анатолий Баранов²⁶⁾.

Зюганов — кандидат в президенты

Не желая экспериментировать с властью, правящие круги консолидировались вокруг Ельцина. На Зюганова была обрушена вся мощь государственной пропагандистской машины. Левое крыло оппозиции и рядовые активисты компартии оказались совершенно неподготовленными к такому повороту событий. «Линия на то, чтобы никого не оттолкнуть, не навредить, больше всего навредила самому кандидату оппозиции», жаловался обозреватель близкой к партии газеты «Советская Россия». «Явно недоставало и левизны. Зюганов совершенно сознательно выступал как фигура не узкопартийного, а общенационального значения, ориентирующаяся, в отличие от Ельцина, не на раскол, а на объединительные, центростремительные общественные тенденции. И в общем и целом это было совершенно правильно. Проблема оказалась в другом — в том, как понимать в наше время такую объединительную общенациональную идею. Есть ли это некоторое усреднение бытующих взглядов и настроений, либо это есть вполне конкретное мировоззрение вполне конкретных социальных слоев, интересы которых наиболее полно выражают объективные потребности страны и общества в целом?»²⁷⁾

Ответа у Зюганова и его партии не было и не могло быть. Активисты КПРФ жаловались на «неизбывную готовность людей верить в тех, кто стоит наверху» и рассказывали про полуголодных старух, голосующих за Ельцина. «Это почти парадокс: многие из тех, кто получил от нынешнего режима только ухудшение своего положения, у кого казалось бы, нет оснований мириться с существующими порядками, поддерживают Ельцина»²⁸⁾. Между тем партия ничего не сделала, чтобы объединить этих людей осознанием собственных интересов, создать новые традиции солидарности, гражданства и взаимопомощи.

Итоги выборов 1995 и 1996 гг. опровергли как вульгарные «марксистские» представления об электорате левых сил, так и либеральные мифы о предполагаемых социальных базах «коммунистического реванша» и «партии реформ». КПРФ получила большую поддержку в деревне, чем в городе, в малых городах — большую, нежели в крупных. В то же время либеральные «Московские новости» растерянно констатировали: «за Борис Ельцина голосовали те, чья продолжительность жизни ниже, а смертность, денежные доходы и преступность в их регионах — выше»²⁹⁾. В регионах с более благополучной социальной ситуацией за левых голосовали активнее, чем в совершенно разоренных областях. Исключение составляли столичные города — Москва и Петербург, где сосредоточены государственные чиновники, административный персонал крупных

²⁶⁾ Экономика и жизнь, февраль 1996, № 5. С. 5.

²⁷⁾ Пантинтер, январь 1997, № 2. С. 3.

²⁸⁾ Независимая газета, 1.07.1996.

²⁹⁾ Московские новости, 1997, № 7. С. 6.

фирм и «новые русские», а также наиболее модернизированная часть средних слоев, напуганная заскорузлой пропагандой «национальной идеи». Коммунистический кандидат лидировал и среди представителей среднего возраста от 30 до 50 лет). За него голосовала деревня. Ельцин лидировал среди молодежи, но не очень уверенно — большая часть молодых граждан вообще не пошла голосовать, что было вполне естественно. А вот со старшим поколением все получилось не так, как ожидали лидеры КПРФ. «Невероятно, но факт: действующего президента поддержало большинство ветеранов,» — с ужасом констатировало коммунистическое руководство³⁰⁾.

При подсчете голосов были замечены многочисленные нарушения, и, скорее всего, Ельцину было приписано изрядное количество голосов. Но главное все же было не в этом. Зюганов полностью заслужил свое поражение.

КПРФ, представлявшая себя одновременно как консервативную и левую партию, не учла, что чем консервативнее те или иные слои населения, тем более они враждебны любым переменам (включая даже возврат в милое им прошлое), тем более склонны они поддерживать действующую власть и существующий порядок. Опросы, проводившиеся в середине 90-х гг., фиксируют стремительно возросшую буквально во всех слоях общества «потребность в социальной опеке». Социологи отмечали «заметное усиление в массовом сознании и “державнических” тенденций, и настороженности по отношению к Западу, и ностальгии по доперестроечным временам». 65 % опрошенных в 1996 г. считали, что «отношение власти к людям ухудшилось» и только 4 % видели перемены к лучшему. Социологи отмечают также, что важнейшим критерием при оценке власти оказалась «интенсивность и эффективность государственного патернализма»³¹⁾.

Вопреки ожиданиям лидеров Компартии, эта ностальгия толкала людей не в лагерь оппозиции, а в лагерь правительства. Оппозиционность вообще не является традицией советской политической культуры. Чем больше массы нуждались в государственной поддержке, тем больше они возлагали надежд именно на действующую власть, которая должна осознать свои ошибки, измениться, повернуться лицом к людям и т. д. Напрасно интеллектуалы иронизировали по поводу того, что если нынешняя власть повернется к народу своим лицом, вид будет еще омерзительнее. Ориентация на патернализм и борьба против власти психологически несовместимы, даже если большинство недовольно своим положением.

Чем больше Коммунистическая партия Зюганова осознавала себя в качестве консервативно-традиционалистской силы, тем более стремилась она к соглашению с властью. После неудачи на президентских выборах лидеры КПРФ говорили уже не о смене руководства в стране, а о «консолидации элит». Оппозиционная часть номенклатуры явно сделала выбор в пользу «худого мира», который будет лучше «доброй ссоры» с компрадорскими группировками. При этом лидеры партии были искренне убеждены, что подобная политика пойдет на пользу их социальной базе: войдя во власть, бывшие оппозиционеры смогут обеспечить для нее патерналистские меры. Идеи Подберезкина стали официальной партийной линией, хотя самого Подберезкина из фракции «вычистили». На фоне общей эволюции партийного руководства он

³⁰⁾ Диалог. 1996. № 10. С. 34.

³¹⁾ Полис. 1996. № 4. С. 68.

уже оказывался слишком левым... Фракция коммунистов проголосовала в Думе за доверие премьер-министру Черномырдину, а затем и за неолиберальный бюджет. В 1998–99 гг. коммунисты регулярно выражали доверие предлагавшемуся Ельциным правительству, поддерживали бюджет, принимали законопроекты, лоббировавшиеся частными компаниями и иностранными деловыми кругами. Зачастую причины такого поведения лежали вообще вне сферы политики: лоббизм по-русски мало отличается от обычного взяточничества. На выборах губернаторов кандидаты от возглавляемого коммунистами народно-патриотического блока всячески подчеркивали свою умеренность и профессионализм. Остальные левые могли лишь растерянно наблюдать «правый марш» Зюганова и его окружения, не имея ни собственной организации, ни массовой поддержки.

Зюгановщина

«Коммунистическую партию трудно считать оппозицией», констатировала в конце 1996 г. «Независимая газета». Политика партии нацелена не на смену власти, а на ее улучшение: «часть прежней бюрократии, вынужденно оказавшейся в так называемой “оппозиции”, видимо, почувствовала, что многие из тех бывших товарищей, кто находится в исполнительной власти, угнетены отсутствием перспектив роста, к которым они привыкли раньше, и удручены качеством нового чиновничества, которое все больше ворует. Это создает возможность объединения всех, кто раньше был единым целым»³²⁾.

Думская фракция КПРФ постоянно критиковала правительство, но поддерживала его при решающих голосованиях. Именно голосами коммунистов каждый раз проходил неолиберальный бюджет. Именно их голосами были утверждены правительства и Сергея Кириенко, и Сергея Степашина, и Владимира Путина в 1998–99 гг.

В 1999 г., когда трудящиеся во многих регионах страны просто голодали, а доведенные до отчаяния работники здравоохранения и образования выходили на улицы, партийные лидеры заявляли, что политическая жизнь в стране «теряет черты опасного антагонизма». Партия видела свою задачу не в защите интересов трудящихся, а в том, чтобы сплотить «силы, отстаивающие приоритет национально-государственных ценностей, сильную и на благо всей страны ориентированную экономику, а также идею возрождения великой России во всех ее ипостасях»³³⁾. Каковы будут основы этой экономики, партийные лидеры предпочитали не сообщать.

Напротив, правительство Евгения Примакова, пытавшееся за свои восемь месяцев хоть как-то скорректировать курс в интересах непривилегированных слоев населения, укрепить государственный сектор и подтолкнуть рост промышленности, не получило со стороны КПРФ должной поддержки. Хотя член руководства партии Юрий Маслюков отвечал в правительстве за экономическую политику, лидеры КПРФ относились к этому правительству без особого энтузиазма и не пытались сопротивляться, когда Ельцин отправил его в отставку.

³²⁾ Независимая газета, 21.12.1996.

³³⁾ Независимая газета, 13.01.1999.

Между тем надежды населения на более эффективный патернализм были заведомо несостоятельны. Специфика «нового капитализма» в России в том, что какие-либо классовые компромиссы на его основе просто невозможны. Даже если бы русская буржуазия не состояла преимущественно из преступников и мерзавцев, она все равно не смогла бы идти на уступки массам, ибо для этого нет ресурсов.

Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах» писал про партии, которые были созданы в одну эпоху, а затем сталкиваются с проблемами другой. Если партия не может найти ответов на новые вопросы и организовать в соответствии с новыми задачами, она «мумифицируется». Партийная бюрократия превращается в «сплоченную солидарную группу, которая существует сама по себе и чувствует себя независимой от партийной массы, а сама партия в конце концов станет анахронизмом и в периоды острого кризиса потеряет свое содержание и уподобится пустой оболочке»³⁴⁾. Однако такая мумифицированная организация может существовать годами и даже сохранять массовую поддержку до тех пор, пока не наступит «момент истины». Российская КПРФ, не имея ни политики, ни стратегии, оставалась крупнейшей партией в стране просто потому, что общество не могло породить ей альтернативу, а власть готова была ее терпеть в качестве «внутрисистемной оппозиции». В сущности, история КПРФ не уникальна. Разве не то же самое происходило с западной социал-демократией в 90-е гг.?

«Давайте посмотрим на себя самокритично, — призывал один из представителей думских левых. — Сегодня мы радеем о судьбах нации в приличном зале, в благоприятных условиях. Оппозиция вовсе не страдает, ни тюрьма, ни полицейские преследования ей не угрожают». В то время, как для большинства жителей страны положение становится невыносимым, «лидеры оппозиции вполне удовлетворены тем состоянием, в котором они находятся»³⁵⁾.

Парламентский кретинизм КПРФ вызывал все большее раздражение в обществе. «Разрыв между радикализирующимися массами, требующими немедленного улучшения своего положения, и умеренными и безрезультативными действиями руководства КПРФ предопределяет глубокий кризис левой оппозиции», — писала газета «Век». «Пока протест населения носил пассивный характер, увлечение КПРФ парламентаризмом выглядело вполне оправданным. Но сейчас ситуация в стране резко меняется. Забастовочное движение находится на подъеме, его требования радикализируются. В чем же причина продолжения КПРФ соглашательской линии?» Страх перед роспуском Государственной Думы парализовал политическую волю лидеров партии, которые по всем серьезным вопросам соглашались с правительством. Это предопределило падение популярности партии и, как следствие этого, еще больший страх перед досрочными выборами. «Правда состоит в том, — продолжают «Век», — что партаппаратчики уже давно не являются корпорацией профессиональных революционеров. Они боятся массовых движений протеста в не меньшей степени, чем представители нынешней властвующей элиты. В восприятии современных вождей КПРФ, как

³⁴⁾ Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. С. 176 — Тюремные тетради. замечание о некоторых сторонах структуры политических партий в периоды органических кризисов.

³⁵⁾ Момент истины. 1996. № 2. С. 1.

и их предшественников из КПСС, “колонны трудящихся” могут играть только одну роль — фоновой массовки перед начальственными трибунами. Во всех остальных случаях эти колонны становятся ненужными»³⁶⁾.

Новая волна?

В коммунистическом движении четко обозначился разрыв поколений. Руководство партии могло доверять лишь лояльным пенсионерам, не задававшим лишних вопросов и не выдвигающих лишних инициатив. «У партии на уровне первичных организаций сейчас два основных метода работы: собрания и митинги, — констатировал один из функционеров КПрФ. — Однако партсобрания надоели даже самому пожилому партактиву, а тех, кто помоложе, туда и на канате не затащишь. С митингами еще хуже — зачастую партийца надо доставлять к месту борьбы на носилках и потом отпаивать валидолом»³⁷⁾. В молодежные секции партии решено было принимать всех, кто был моложе пятидесяти лет. Весной 1997 г. такая политика привела к открытому бунту Российского Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ). «Партийные начальники хотят иметь свою молодежь, но такую, которая совершенно похожа на них, — возмущался секретарь РКСМ Игорь Малахов. — С одной стороны, мы видим молодых людей, сформировавшихся в постсоветскую эпоху (и именно поэтому они стали левыми), а с другой стороны, мы видим партийных функционеров, которые смотрят на компьютер как на страшное чудовище и для которых “кока-кола” остается символом буржуазного вырождения. Разве они могут найти общий язык?»³⁸⁾

Резкое неодобрение комсомольцев вызвала и националистическая политика Зюганова. Как отмечали представители РКСМ, пенсионеры могут быть антисемитами и коммунистами одновременно, но если молодой человек проникается националистическими идеями, он идет не к коммунистам, а к фашистам. Резкое неприятие вызвал и лозунг «консолидации элит». Накануне IV съезда КПрФ руководство комсомола опубликовало в газете «Правда 5» открытое письмо к партийному руководству, под заголовком «Закончилось время “приводных ремней”». «В преддверии съезда, — говорилось в письме, — партия стоит перед выбором: поддержать реально существующий комсомол или продолжать изображать молодежь в партийных секциях, молодежных комиссиях, никого не представляющих оргкомитетах; иметь реального союзника и молодежный резерв или утешать себя фикциями? Выбор за делегатами»³⁹⁾. Однако делегатам такого выбора не предоставили. Малахову, как и другим оппозиционерам, даже не дали выступить на съезде. Результатом обструкции со стороны партийного руководства стал открытый разрыв между КПрФ и РКСМ.

Впрочем, взбунтовавшийся комсомол не стал и не мог стать массовой альтернативой зюгановской партии. Противостояние КПрФ и РКСМ являлось, скорее, симптомом кризиса зюгановской политики, нежели способом

³⁶⁾ Век, 1997, № 11.

³⁷⁾ Правда 5, 1997, № 15. С. 2.

³⁸⁾ Green Left Weekly, 23.04.1997. P. 19.

³⁹⁾ Правда 5, 1997, № 15. С. 6.

разрешить этот кризис. Молодое поколение левых активистов, сформированное опытом 90-х гг., не находило себе места в зюгановской партии и не имело собственного политического движения. Однако такое положение дел не может длиться бесконечно. Рано или поздно в России, как и в других странах, появятся левые «новой волны». Спрос на радикальные и социалистические идеи прямо пропорционален растущему разочарованию в итогах капиталистической реставрации. Вопрос лишь в том, как долго будет происходить формирование обновленной левой в стране, где население разобщено, интеллигенция потеряла свою традицию, а классовая борьба развивается в рамках корпоративного общества. Однако в значительной степени это зависит от нашей способности извлечь политические, организационные и моральные уроки из предшествующих поражений, соединить политику, выражающую потребности модернистских «новых средних слоев» с активной защитой интересов «корпоративных» и «маргинальных» масс.

В известном смысле рубежом стали массовые выступления трудящихся в мае – июне 1998 г. Их психологическое воздействие на российское общество сравнимо с тем, какое оказала французская забастовка декабря 1995 г. на Западную Европу. Перекрыв железнодорожные и автомобильные магистрали, взбунтовавшиеся шахтеры сделали правительство неожиданно уступчивым, но волнения не прекращались даже после того, как начали выдавать задержанную зарплату. Протестующие требовали уже не только возврата денег, но и отставки президента. Ненависть к власти была столь всеобщей, что даже умеренные лидеры Независимого профсоюза горняков вынуждены были поддерживать это требование.

Разумеется, выступления 1998 г. были похожи, скорее, на стихийные крестьянские бунты, чем на организованные действия революционного пролетариата. Известный левый публицист Вадим Белоцерковский совершенно справедливо писал в «Независимой газете», что «нельзя одновременно требовать от власти отставки и зарплат». Шахтерское движение не может добиться «настоящей солидарности» со стороны других отрядов трудящихся, ибо само остается корпоративным, не осознает своей ответственности перед всеми трудящимися⁴⁰⁾. И тем не менее, именно шахтерские бунты, совпавшие со студенческими волнениями, спровоцировали волну выступлений солидарности — в оборонной промышленности, среди автостроителей, работников академии наук. Даже если среди трудящихся не было подлинного классового единства, о котором мечтали левые, в нем возникало общее настроение. Процессы, происходившие в разных социальных группах, входили в «резонанс», создавая новую ситуацию. Это признает и Белоцерковский. Несмотря на дефицит «настоящей солидарности», начавшееся в мае противостояние «все-таки произвело серьезные перемены в психологическом климате страны, и эти перемены могут иметь далеко идущие последствия. Майская волна протеста по сравнению с предыдущими волнами поднялась значительно выше, была мощнее, упорнее, организованнее, и тем самым она поколебала уверенность властей и капитала в том, что народ российский в результате воздействия старого и нового режимов утратил способность к самозащите, к восстанию, и с ним поэтому

⁴⁰⁾ Независимая газета, 26.06.1998.

можно делать все, что требует теория монетаризма, МВФ, форсированное строительство капитализма»⁴¹⁾.

Массы научились сопротивляться. При этом, выходя на рельсы под красными знаменами, шахтеры прогоняли представителей КПРФ и других партий. Студенты также отвергали представителей «официальных» партий — влиянием здесь иногда пользовались комсомольцы Игоря Малярова и живописные национал-большевики «Эдички» Лимонова, на основе постмодернизма соединяющие в своей пропаганде левый и правый радикализм. Официальные «левые» политики были дискредитированы и уже не воспринимались массами как «свои». Это были в лучшем случае союзники. Новая ситуация требовала перемен в самом левом лагере. Но перемены происходят медленно и, в конечном счете, будущее левых зависит от самих масс, от их способности к последовательной борьбе, от появления новых лидеров.

Пытаясь объяснить причины собственных неудач, идеологи левых ссылались на информационный террор, который развернуло против них правительство. Александр Бузгалин считает корнем зла «конформизм большинства населения страны». Этот конформизм, «сформированный десятилетиями застоя, едва поколебленный годами перестройки», в условиях капиталистической реставрации лишь слегка изменил форму. Чтобы противостоять ему, левые должны уподобиться «садовникам», выращивающим нового, способного к самоорганизации человека в «саду» массового демократического движения⁴²⁾. Этот подход, весьма близкий к западному постмодернистскому марксизму, не мог не получить распространения среди левых, деморализованных не только событиями 1989—91 гг., но и чередой поражений в 1993—96. К тому же, как ни парадоксально, он вполне соответствовал и просветительским традициям русской интеллигенции. Однако «конформизм» постсоветского общества порожден определенными социальными условиями, которые не могут быть просто преодолены воспитанием. Проблема в том, чтобы объединить и организовать людей такими, каковы они есть, исходя из их реальных проблем и потребностей. Задача, решить которую российским левым к середине 90-х оказалось не под силу.

И все же идеологический и социальный кризис режима капиталистической реставрации открывает для левых определенные перспективы. Происходит смена поколений, накапливается новый политический опыт, а главное, в самом обществе, несмотря ни на что, консолидируются групповые и классовые интересы. Этот процесс идет чрезвычайно медленно, создавая своего рода островки новой политизации, но как бы ни были они малы, именно здесь единственный реальный шанс не только для возрождения левого движения, но и для демократического развития страны.

Кризис 1989—91 гг. заставил многих социалистов отказаться от своих первоначальных идей и ценностей. Начался болезненный поиск новых ориентиров для левого движения. Психологически это напоминает блуждание в потемках. Но заблудились мы на хорошо знакомом месте. Крах коммунистических государств Восточной Европы не столько создал новую мировую ситуацию, сколько восстановил старое положение вещей, существовавшее до 1917 г.,

⁴¹⁾ Независимая газета, 26.06.1998.

⁴²⁾ Бузгалин А. Белая ворона. М., 1993. С. 174. 204.

когда капитализм был единой мировой системой. Капитализм 90-х гг. гораздо более традиционен и примитивен, нежели система, существовавшая в 60-е или 70-е гг. Конфликт «Север—Юг» тоже не нов для социалистов, хорошо знающих дискуссии о «колониальном и восточном вопросе» в начале века. Не нова для России и ситуация, когда развитие капитализма сочетается с сохранением докапиталистических порядков, а недовольство модернизированных слоев — с протестом «общинных» трудящихся.

Каждая ситуация требует соответствующих ей подходов и методов. Там, где требуется пинцет, непригоден гаечный ключ. И наоборот. Ирония истории в том, что именно деятели, которые размахивали гаечным ключом на протяжении 70-х и 80-х гг., сегодня упорно предлагают пользоваться пинцетом. Между тем, на грубую силу надо отвечать грубой силой, на политику приватизации — политикой экспроприации. Можно ли действовать по другому? Можно. Но тогда нужно заранее быть готовым к неизбежному поражению.

Если мы действительно хотим стать выразителями интересов масс, не плестись за ними в хвосте и не претендуя на роль самозванного авангарда, левая политика должна быть «пограничной». Иногда «в системе», иногда «вне системы». Иногда парламентская, иногда внепарламентская. Быть непримиримыми в одном и идти на компромисс в другом. Отстаивать стратегические принципы, но проявлять тактическую гибкость. И главное — постоянно прислушиваться к тому, что происходит вокруг, критически оценивая каждый сделанный шаг. Нам предстоит постоянный трудный выбор, сомнения, риск, тяжелая моральная ответственность за каждый поступок, каждое решение. Очень легко сорваться, ошибиться, сойти на один из «простых» путей. Но лишь так можно добиться действительных перемен в обществе.

Люди, находящиеся сегодня у власти в России, могут радоваться, что в стране, несмотря на все их экономические провалы, не возникло привлекательной левой оппозиции. Но вряд ли им предстоит радоваться долго: там, где не возникает демократических альтернатив, перемены все равно происходят. В форме «великих потрясений».

Глава 11

Путь к дефолту

Неолиберальная модель в России, как и в других странах, была построена на двух фундаментальных принципах: приватизация и финансовая стабилизация. К началу 1998 г. казалось, что обе задачи успешно решены. Рубль был стабилен, а оставшиеся государственные предприятия можно было пересчитать по пальцам. Почти вся промышленность была акционирована и государство распродало последние сохранившиеся у него пакеты акций.

Начавшись поздней осенью 1991 г. вместе с распадом СССР, неолиберальная «реформа» российской экономики прошла две фазы. Первый период 1991–94 был временем «бесплатной» или «ваучерной» приватизации и гиперинфляции. Второй период — 1994–98 гг. — в можно было объявить эпохой полной победы капитализма. Крупные финансовые империи и частные корпорации уже вполне сформировались. Большая часть народного достояния была поделена между ними. Инфляция была подавлена, а приватизация завершилась. Государство отдавало последнее, но уже за деньги. Увы, именно в тот момент, когда неолиберальные экономисты, казалось бы, должны были торжествовать историческую победу, разразился беспрецедентный финансовый кризис, поставивший под вопрос будущее капитализма не только в России, но и во всем мире.

Откуда взялись олигархи?

Если в первый период «реформ» рубль стремительно обесценивался, то во второй период он даже рос в цене. Покупательная способность доллара на российском рынке упала. Рубль оказался даже слишком дорогим.

С формальной точки зрения все это могло показаться триумфом неолиберальной политики. Не случайно в конце 1997 г. российские чиновники обещали скорое начало экономического роста, а западная деловая пресса была полна пророчествами о предстоящем бурном подъеме в России. Однако уже весной 1998 г. оптимизм сменился паникой, курсы акций стали падать, а капитал начал бежать из страны. В августе произошел финансовый крах.

На самом деле такой итог был закономерным и неизбежным результатом политики, проводившейся все эти годы. И уже события 1992–93 гг., когда у власти был наиболее ортодоксальный либеральный кабинет Егора Гайдара, предопределили дальнейшее развитие.

Хотя неолиберальные экономисты в России постоянно твердили про борьбу с инфляцией, на первом этапе обесценивание рубля было важнейшим элементом проводимой ими реформы. Потеряв власть, Егор Гайдар и другие либеральные деятели постоянно напоминали, что в России никогда не было бездефицитного бюджета, а потому жаловаться на жесткую финансовую политику, проводимую ими, совершенно неправильно. Напротив, продолжали они,

проблема была как раз в том, что финансовая политика была недостаточно жесткой, недостаточно монетаристской. Надо было еще больше сокращать расходы государства, полностью прекратить финансирование здравоохранения, образования, поддержку промышленности и обеспечение продовольствием северных регионов. Тогда бы все были счастливы.

Эти «необходимые, но непопулярные меры» не были проведены, а потому и экономику оздоровить не удалось. Отсюда и все проблемы. И в самом деле, именно при Гайдаре дефицит бюджета был рекордным — порядка 30 %. Лишь позднее, когда у власти оказались менее последовательные монетаристы, дефицит бюджета сократился до 7 %. В действительности, сокращение государственных расходов при Гайдаре было совершенно чудовищным. Беда лишь в том, что вместе с государственными расходами начали падать и доходы. В результате, чем больше сокращали бюджет, тем больше становился его дефицит. Между тем инфляция и обесценивание рубля не особенно пугали правящую верхушку. Практически во всех странах, где проводились неолиберальные меры, первым следствием борьбы за финансовую стабилизацию оказывался именно рост инфляции. Обесценивание рубля было необходимо для успеха приватизации. Вместе с рублем падала цена основных фондов, перераспределявшихся в пользу «новых русских». На этапе финансовой стабилизации произошло новое перераспределение — от мелких и бестолковых контор «новых русских» к крупным империям олигархов.

Произошло то, что предсказывал один из героев романа В. Пелевина «Generation П»: «пройдет год или два, и все будет выглядеть иначе. Вместо всякой пузатой мелочи, которая кредитуетя по пустякам, люди будут брать миллионы баксов. Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова на Тихом океане. Вместо вольных стрелков будут серьезные конторы. Но суть происходящего в этой стране всегда будет той же самой»¹⁾.

Жизнь мало отличалась от фантазий Пелевина. В декабре 1996 г. московский еженедельник «Итоги» опубликовал восторженную биографию Бориса Березовского — одного из самых могущественных бизнесменов страны, ставшего к тому времени заместителем секретаря Совета Безопасности России. Текст этот ужасно напоминал историю Чичикова, описанную Гоголем в «Мертвых душах».

«Березовский создал акционерное общество “ЛОГОВАЗ” и поначалу просто торговал “Жигулями”. Но скоро ему стало тесно. Амбиции математика уже не уместались в рамках ассортимента Волжского автомобильного завода. И даже приобретение статуса привилегированного дилера “Мерседеса” и ряда других престижных марок автомобилей ненадолго развлекло его. Он задумал построить свой завод и наладить выпуск отечественного “народного автомобиля”. Ради этого был основан Автомобильный всероссийский альянс (АВВА), и Березовский стал его генеральным директором.

“Народный автомобиль” требовал немалых денег, причем именно народных же, а не бюджетных. Недостатка в доверчивых вкладчиках тогда не ощущалось. Россиянам пообещали, что вложив свои трудовые накопления, они получат хорошие дивиденды и дешевый автомобиль в придачу. Народ выстроился

¹⁾ Пелевин В. Generation П. М.: Вагриус. 1999. С. 22.

в привычные очереди. Прошло три года. Завод, как утверждает автор этой затеи, строится в Финляндии, акционеры же AVVA пока не получили ничего. Теперь недруги обвиняют Березовского в создании банальной "финансовой пирамиды" и "обогащении за счет народа". Березовский огрызается: он, мол, и не обещал вкладчикам немедленной отдачи, а дело идет туго еще и потому, что их прежние взносы съела инфляция.

Впрочем, за это время интересы гендиректора AVVA успели перерасти рамки автомобильного бизнеса. В 1994 г. он стал первым заместителем председателя АО "Общественное российское телевидение", а фактически — хозяином первого, "останкинского", телевизионного канала.²⁾

Не правда ли, все это поразительно похоже на гоголевские истории про церковь, которая «начала строиться, да сгорела» или казенное здание, которое не было завершено, хотя у организаторов строительства в другом конце города появились особняки гражданской архитектуры? Однако на сей раз все было гораздо серьезнее.

Олигархи отличались от «новых русских» не только размерами своего состояния. Гораздо важнее была их органическая связь с властью. Олигархи, писал обозреватель московского делового журнала, это капиталисты, которые «целиком и полностью зависят от государства». Стратегическими инвесторами они быть неспособны, ибо у них «нет ни своих денег, ни приличной кредитной истории»³⁾. Если на первом этапе приватизации государство теоретически отказывалось от собственности, то на втором огосударствление происходило по-новой, но не за счет национализации, а за счет сращивания государственной бюрократии и олигархического капитала, которые друг без друга жить уже не могли. Показательно, что в 1999 г. именно партнер Березовского по AVVA, Александр Волошин, стал главой администрации президента.

Подобное развитие событий вполне типично для периферийного капитализма и логично для российской политической экономики. Раздел собственности открывал грандиозные возможности для бюрократического произвола. В конечном счете никаких рациональных критериев в подобном процессе быть не могло. Да и предприятия были изначально организованы таким образом, что без государства им не выжить. Экономическая эффективность в качестве критерия успеха приватизации была отвергнута в тот самый момент, когда было решено отказаться от продажи собственности по рыночным ценам. В данном случае логика «строительства капитализма» победила логику капиталистической рациональности. Понятно, что процессом должны были управлять бюрократы и они управляли им в собственных интересах. Это привело к бурному росту управленческого аппарата на фоне сокращения роли государства в экономике. При Леониде Брежневe, в знаменитую «эпоху застоя», управленческий аппарат в СССР составлял около 12 млн человек. После того, как Михаил Горбачев затеял борьбу с бюрократией, аппарат вырос до 18 млн. Но при президенте Борисе Ельцине в одной лишь «независимой России» число государственных чиновников оказалось больше, чем при Горбачеве во всем Советском Союзе.

Легко догадаться, что раздел собственности в таких масштабах не может не сопровождаться бурным ростом коррупции и других видов преступности.

²⁾ Итоги, 3.12.1996. С. 24.

³⁾ Власть, 17.08.1999, № 32. С. 29.

Задним числом либеральные экономисты, особенно западные, постоянно жаловались, что успеху реформ препятствовала всеобщая криминализация общества, рост мафии и тотальное неуважение к закону. Однако они предпочитали не затрагивать вопрос о том, откуда все это произошло.

Специфика русского капитализма, однако, была не в широком распространении коррупции, а в ее неэффективности с точки зрения экономического развития. *Stony capitalism* («капитализм круговой поруки») и олигархия господствовали во многих «периферийных» странах. Однако, если в обществах Восточной Азии подобные формы капитализма были совместимы с промышленным ростом и технологическим развитием, то в России все сложилось иначе. Олигархия у нас возникла не в ходе модернизации, а напротив, в процессе разложения советской системы. Она создала свои капиталы не за счет строительства новых предприятий, а за счет перераспределения собственности. Она оказалась антинациональной. Иными словами, если олигархический капитализм в Азии был выразителем своего рода «пассивной революции», то в России — социальным продуктом реставрации.

Коррупция стала единственным рациональным критерием для принятия решений. Однако старая номенклатура, многое получив от раздела собственности, все же вынуждена была потесниться. Заводы, недвижимость и месторождения полезных ископаемых уходили в руки шустрых менеджеров, которых на первых порах партийных и государственных чиновники подобрали на роль доверенных лиц. На практике именно эти менеджеры присвоили себе львиную долю собственности, хотя и старая номенклатура не осталась в накладе. Так появились «олигархи» — четыре десятка сверх-богатых людей, взявших под свой контроль большую часть экономики бывшей советской сверх-державы. Рядом с олигархами паслись «новые русские» — предприниматели помельче, которым тоже удалось урвать свой кусок, но не обладавшие реальной властью. Появились бизнес-политические кланы, объединяющие чиновников, общественных деятелей и предпринимателей. Борьба за раздел собственности между этими кланами стала главным содержанием политической жизни, основной формой конкуренции. Тот же «политизированный капитал» взял под свой контроль большую часть средств массовой информации, как государственных, так и частных. Под крики о свободе слова в большинстве средств массовой информации была фактически восстановлена цензура. Причем цензура официально как бы несуществующая, частная, на которую, в отличие от времен советских, жаловаться было некуда.

Игры с рублем

Разумеется какой-то официальный механизм приватизации был все же необходим, равно как и какие-то цены. Вот тут-то и выяснились преимущества обесцененного рубля. Стоимость основных фондов приватизируемых объектов была подсчитана по старым советским ценам и заморожена. Тем временем реальный рубль обесценился в 100, а к концу периода 1992–93 гг. — в 1 000 раз. Гражданам страны были выданы нелепые бумажки — ваучеры — которые надо было куда-то инвестировать. Рядовой гражданин не имел для этого никакой возможности. Официальная цена ваучера составляла 10 тыс. рублей,

а реально он продавался за бутылку водки или за 3 тыс., что по курсу 1993 г. составило не более 3 долларов. Не удивительно, что ваучеры были скуплены инвестиционными фондами, которые были созданы при поддержке официальных структур и принадлежали будущим олигархам. В свою очередь ваучеры были обменены на акции приватизируемых предприятий. Большая часть объектов уходила за 1,5–2 % от их реальной стоимости, однако интересный парадокс: чем важнее был объект и чем больше потенциальная прибыль, тем дешевле он обходился будущему хозяину.

После первого, ваучерного этапа приватизации начался второй, когда предприятия продавались за деньги. Именно на этом этапе олигархи фактически сменили «новых русских» в качестве решающей силы. В ходе второго этапа приватизация достигла своего пика. За 3 года (1993–95) было приватизировано 20 из 27 тыс. государственных предприятий, однако по подсчетам западных экспертов «доходы от приватизации упомянутых предприятий составили примерно 10 % от стоимости их основных и оборотных фондов»⁴⁾. В действительности, результаты, скорее всего, были еще хуже.

«На госпакеты акций нет серьезных стратегических инвесторов, — констатировала «Независимая газета». — Есть лишь небольшое число конкретных заинтересованных лиц, которым нужен контроль за финансовыми и товарными потоками той или иной российской компании. И эти люди согласны приобретать госпакеты акций только по бросовым ценам, дабы эффективность сделки (измеряемой отношением потенциальной прибыли от контроля над продукцией и потенциальными же доходами к затратам на приобретение акций) была высокой.»⁵⁾

В 1995 г. в бюджет страны от приватизации поступило около 800 млн долларов, что составляло менее 2 % от его доходной части. Даже в 1996 г., когда приватизацию уже проводили по новым ценам и даже с «аукциона», в бюджет государства от продажи собственности поступило всего 1 трлн рублей, т. е. менее 200 млн долларов. Это составляло менее 1 % от доходной части бюджета. Нередко на приобретение госсобственности тратились деньги, предварительно взятые займы у государства же. А ведь проданы были ценнейшие объекты добывающей и обрабатывающей промышленности, приносившие казне немалую прибыль. Либеральная пресса, отстаивая правильность проводимой политики, открыто заявляла: «отечественный бизнес, во-первых, заплатить больше тогда просто не мог, а во-вторых, даже если бы и мог, ему это было бы абсолютно невыгодно»⁶⁾. При этом никто из официальных деятелей даже не смел публично предложить оставить предприятия в государственной собственности. Когда в 1995 г. вновь назначенный руководитель Госкомимущества Владимир Поливанов рисковал обнародовать данные об экономической неэффективности приватизации, он был немедленно снят со своего поста⁷⁾.

Конечно, «открытые» издержки олигархов и «новых русских» представляли лишь часть общих расходов на приватизацию. Надо было еще заплатить большие

⁴⁾ Конец ельцинщины. С. 50.

⁵⁾ Независимая газета, 12.11.1996.

⁶⁾ Коммерсантъ-Власть, 1998, № 46. С. 31.

⁷⁾ См. Полеванов В. Разрушение российской государственности. Свободная мысль, 1995, № 6.

взятки чиновникам всех уровней, занимавшихся этим процессом. А новые хозяева на самом деле были не так уж богаты. У них не было средств на инвестиции, на развитие производства, а затраты на приватизацию нужно было немедленно вернуть. Потому предприятия стали не более, чем источником ресурсов. Если они могли производить что-то ценное, они должны были работать до тех пор, пока не развалятся машины. Если они не могли выгодно продать свой товар на рынке, их можно было использовать как резервуары металлолома. О том, чтобы модернизировать или реструктурировать предприятия, не могло быть и речи.

«Действовали олигархи в такой ситуации двумя способами, — отмечает московский деловой еженедельник. — Первое их соображение состояло в том, что даже если завод и не приносит реальной прибыли, он пока работает, все равно приносит какую-то выручку. Потому ее можно куда-нибудь (лучше в заграничный офшор) спрятать до лучших времен — например до тех, когда промышленные инвестиции в России начнут вдруг давать отдачу. Ну, а пока это время еще не наступило, часть дохода вполне естественно направить на удовлетворение личных нужд.

Второе соображение было более оригинальным. Единственная остающаяся еще возможность преобразовать существующие предприятия в “западные” — это прямая поддержка властей. Несмотря на все сделанные авансы и пресловутую “дешевизну” залоговых аукционов»⁸⁾. Однако у государства денег не было именно потому, что все лучшие объекты были уже приватизированы по дешевке. Возникла парадоксальная ситуация — чем больше предприятий приватизировалось, тем больше становилась осознаваемая самими бизнесменами потребность в государственном вмешательстве. И чем больше была потребность в государственных инвестициях и кредитах, тем меньше денег на эти цели было у правительства.

В итоге эффективность падала, энергоемкость и другие издержки производства росли. При сокращении прибылей увеличивалась нагрузка на окружающую среду. Даже если все это не очень радовало новых хозяев, изменить они уже ничего не могли — такова была логика системы.

Поскольку перераспределение собственности — не только первичное в 1991–93, но и вторичное в 1994–95 гг. — происходило не по рыночным принципам, то и ценовой механизм в полной мере работать не мог. С одной стороны, предприятия, испытывавшие дефицит финансовых средств, прибегали к бартеру, взаимозачетам, использовали всевозможные денежные суррогаты. Все оказывались должны всем. А с другой стороны, огромные средства проходили мимо рынка. Они либо циркулировали в коррупционно-политических структурах, либо концентрировались в финансовых учреждениях, кредитовавших государство и друг друга. «В рамках этой экономики, — пишет экономист Андрей Колганов, — возникает и своеобразный механизм ценообразования, потому что цены на товары, продаваемые за “живые” деньги, и цены на товары, продаваемые за долговые обязательства, это совершенно разные цены. Причем цены на товары, продаваемые за долговые обязательства, определяются не текущей рыночной конъюнктурой, а специфическими взаимоотношениями между конкретными контрагентами. Уровень этих цен может колебаться в совершенно

⁸⁾ Коммерсантъ-Власть, 1998, № 46. С. 32.

немыслимых пределах, причем установить эти пределы невозможно. Здесь существует многослойный механизм сокрытия реального содержания этих отношений. И криминальная сторона, здесь, конечно, играет весьма существенную роль.»⁹⁾

Описанный механизм мало чем отличается от того «серого рынка», который существовал между предприятиями в конце советской эпохи. Разница лишь в том, что в конце 80-х либеральные экономисты утверждали, что с проведением приватизации и либерализации цен все эти явления исчезнут сами собой. Произошло же прямо противоположное — сфера «серого» и «черного» рынка начала стремительно распространяться, подчиняя своим законам все остальные элементы экономики.

Еще одним важным результатом второго этапа приватизации оказалось то, что неэффективный частный бизнес оказался полностью на содержании государства. Резко сократившийся государственный сектор показывал гораздо лучшие экономические результаты, нежели приватизированный. По подсчетам экспертов к концу 1996 г. «88 % промышленных предприятий перешло в частные руки, при этом производимая ими продукция составляла лишь 22 % от общей, и работало на них 26 % всех занятых в промышленности. В то же время предприятия, сохранившие долю государственной собственности, они же крупнейшие производители, выпускали 65 % общего объема продукции, давая работу 57 % занятых, составляя при этом лишь 6 % от общего числа промышленных предприятий. Находящиеся в безраздельной государственной собственности предприятия составляли всего 2,6 % от общего числа, с долей в производстве 4, а в общей занятости — 2 %»¹⁰⁾. Государственные и полугосударственные предприятия отличались и более высокой производительностью труда, и более высокой производственной дисциплиной. Массовые увольнения имели место при всех формах собственности. Существенно, однако, то, что происходило в полугосударственных предприятиях. Если инвестиции поступали туда почти исключительно за счет правительства, то прибыли распределялись в пользу частных акционеров. В ряде случаев государство вообще отказывалось от своей доли прибылей. Так, в крупнейшей российской компании «Газпром» правительство не только отказалось от своей доли дивидендов (ради инвестирования этих средств в развитие отрасли), но и передало свой пакет акций (35 %) в траст администрации компании (фактически — частным акционерам).

Сырьевая экономика

Поскольку госсектор не справлялся с возрастающей нагрузкой, а аппетиты частного сектора постоянно росли, правительство вынуждено было повышать налоги. В России при отсутствии прогрессивного налога на большие и сверхбольшие доходы облагалась налогами даже минимальная заработная плата, не обеспечивающая работникам даже физического выживания. Мелкий бизнес был бы полностью удушен налогами, если бы просто не перестал их платить. Поскольку уклонение от налогов стало общенациональным спортом, не могла

⁹⁾ Россия в конце XX века. С. 180.

¹⁰⁾ Конец ельцинщины. С. 51.

не усиливаться коррупция государственного аппарата. Государство ослабевало, а функции поддержания порядка и регулирования жизни все больше приватизировались различными сообществами (от мафии и землячеств, до местной администрации и тех же государственных служащих, действующих неофициальным образом).

Задним числом западные эксперты сваливали вину за экономический спад на некомпетентных российских чиновников и «мафию». Между тем, в российском опыте нет ничего уникального. Все страны, последовавшие рецептам МВФ, пережили развал промышленности, работающей на внутренний рынок. Напротив, страны, отвергшие неолиберальные рецепты, будь то Китай или Белоруссия, достигли в те же годы высоких темпов экономического роста. Причем, сохранив предприятия, работающие на внутренний рынок, они смогли и резко увеличить свой промышленный экспорт.

Развал внутреннего рынка увеличивал заинтересованность новых хозяев России в рынке международном. С другой стороны, Международный валютный фонд уже в 1990 г., еще до распада СССР не скрывал своего желания интегрировать Россию в мировую экономику прежде всего как поставщика сырья и энергоносителей для Западной Европы. Промышленность могла быть конкурентоспособной лишь в том случае, если бы в нее вкладывали деньги. Но денег не было, и конкурентоспособность промышленности за годы неолиберальных реформ неуклонно снижалась. В то же время нефть и газ можно было вывозить независимо от уровня эффективности производства. На самом деле он тоже падал, росли потери сырья, измерявшиеся миллионами тонн «протитой» нефти и газа, ушедшего на «отопление неба». Нарастивать экспорт можно было двумя способами — увеличить производство или сократить спрос на внутреннем рынке. Первый способ требовал огромных капиталовложений, второй не стоил практически ничего. Легко догадаться, какой был сделан выбор. Именно второй период «реформ», начавшийся в 1994 г., стал временем одновременно укрепления рубля и роста экспорта. На первый взгляд это кажется противоречием, ведь удорожание рубля должно было ударить по экспортерам. Но это было время, когда мировая капиталистическая экономика находилась на подъеме, а цены на нефть, газ, цветные металлы росли в любом случае. Более того, они росли быстрее, чем цены на промышленные изделия. Зато дорогой рубль помогал подавить отечественную промышленность. Производимые ею товары оказались непомерно дорогими даже на внутреннем рынке. Производство сокращалось. Соответственно высвобождались ресурсы для экспорта. А на вырученные деньги ввозились импортные потребительские товары. Дорогой рубль сделал импорт дешевым. Экспортеры вкладывали свои деньги и в импортные операции, и в сферу услуг, наживая дополнительную прибыль. А в Москве и Санкт-Петербурге рос и процветал новый средний класс, потребляющий эти товары, обслуживающий новых господ. Олигархии нужны были грамотные менеджеры и хорошие парикмахеры, специалисты по ремонту «Мерседесов» и лояльные идеологи, надежные охранники и ангажированные журналисты. Все они, в свою очередь, становились клиентами друг у друга. Улицы Москвы заполнились тысячами превосходных западных автомобилей, расцвели бутики, а курорты Средиземноморья заполнились русскими туристами. В то время как в провинции большинство семей вынуждены были отказаться от подписки

на ежедневные общенациональные газеты, бурный рост переживал рынок элитных «глянцевых журналов». Телевидение показывало новейшие голливудские ленты, оплаченные за счет рекламы импортных товаров.

Подобное процветание, однако, наблюдалось лишь в нескольких городах, ставших «центром» системы. Что касается «периферии», то там царил запустение и нищета. В Москве оказалось сконцентрировано около 80 % финансового капитала, около 12 % приходилось на долю Петербурга и лишь 8 % на всю остальную страну. Но и этот оставшийся капитал, как легко догадаться, был распределен крайне неравномерно. В 1998 г. 21,7 % населения страны по официальным данным имели доходы ниже прожиточного минимума. Зато 10 % населения, по большей части находившиеся в столице и крупных деловых центрах, получали около трети всех денежных доходов.

Экспорт сырья и захват государственного имущества приносили немалые доходы новым элитам. Этого капитала было явно недостаточно для крупномасштабных инвестиционных проектов, но слишком много для личного потребления. В то время как предприятия страдали от недостатка инвестиций, собственники столкнулись с кризисом перенакопления капитала. Огромные средства олигархов и «новых русских» были сконцентрированы в банках. Это были весьма своеобразные банки, неохотно оказывавшие услуги клиентам, но скупающие недвижимость и средства массовой информации, нанимающие бывших сотрудников разведки в «аналитические службы» и финансирующие политиков. Банков было много, ибо каждый олигарх и даже предприниматель средней руки стремился иметь свой собственный. Банки прежде всего хранили капитал своих хозяев. Но куда его пристроить? Как обеспечить его возрастание?

Тем временем правительство отчаянно боролось с нарастающим финансовым кризисом. После приватизации оно лишилось основных источников пополнения бюджета. Дохода от госсобственности больше не было, а налоги не поступали. Мелкий бизнес просто не мог платить налоги — надо было откупаться от рэкетиров, давать взятки чиновникам. Серьезные налоги можно было взять лишь с небольшого числа экспортеров, которые не могли скрыть прибыль, но и эти компании не торопились платить. Они обладали политическим влиянием, предпочитая расходовать деньги на подкуп чиновников и пропаганду. Они оправдывали свое нежелание платить налоги тем, что им, в свою очередь, много задолжали предприятия, работающие на внутреннем рынке. Правительство пыталось компенсировать дефицит бюджета за счет увеличения налогов, в результате чего, как и следовало ожидать, платить стали еще меньше. Короче, деньги в бюджет не поступали.

Жизнь займы

Эксперты Международного валютного фонда настаивали на том, что решать проблему бюджетного дефицита за счет эмиссии бумажных денег — недопустимо. Но, согласно тем же экономистам, деньги можно было просто взять в займы. На самом деле рост государственного долга представляет собой лишь законсервированную или отложенную инфляцию, но именно такое решение выгодно финансовым институтам. Парадоксальным образом интересы

западных биржевых спекулянтов, российского правительства и банкиров-олигархов совпали. С конца 1994 г. стабильность рубля поддерживалась за счет постоянно возрастающих государственных заимствований. Краткосрочные государственные ценные бумаги (ГКО) выпускались в рублях и обеспечивали баснословные проценты их держателям. Это должно было сделать рубль более привлекательным по сравнению с долларом, гарантировать банкам надежное и прибыльное вложение капитала и обеспечить постоянный приток денег в казну. ГКО действительно пользовались феноменальным успехом среди инвесторов. В Россию хлынули миллионы долларов западного спекулятивного капитала. Проблема в том, что одновременно инвестиции в промышленность, и без того ничтожные, фактически прекратились, а кредит стал недоступен не только для мелкого, но и для среднего бизнеса. Ни одно предприятие на финансовом рынке не могло конкурировать с правительством.

Между тем, чем больше становился долг, чем глубже был спад в промышленности, тем слабее были позиции рубля. Для того, чтобы поддерживать завышенный курс, правительство вынуждено было постоянно повышать проценты по ГКО. Государственный долг рос по принципу пирамиды. Новые кредиты были необходимы не для решения реальных проблем экономики, а для обслуживания прежнего долга. К началу 1998 г. было очевидно, что до трети государственного бюджета пойдет на эти цели. На период 1999–2000 гг. прогнозировалось, что на обслуживание долга будет уходить до 2/3 бюджета.

Учетные ставки достигали от 20 до 60 % годовых. После того, как разразился азиатский кризис и инвесторы стали проявлять нервозность, процентные ставки еще больше взлетели вверх. К весне 1998 г. правительство довело процентные ставки до 200 % годовых. На поддержание курса рубля Центральный Банк весной 1998 г. тратил около 500 млн долларов в день. В это же время врачи и учителя месяцами не получали зарплату, а предприятия, совершенно лишенные наличных денег, вынуждены были выживать за счет бартера. В результате стали стремительно сокращаться золото-валютные резервы центрального банка. В 1996 г. они достигали 40 млрд долларов, но к весне 1998 сократились до 17–18 млрд. Несмотря на новые кредиты, предоставленные МВФ, к концу лета резервы сократились до 13 млрд. Западные и российские валютные спекулянты подсчитывали прибыли, но система уже была обречена. Весенний кризис 1998 г. был последним предупреждением. И хотя на стене уже были начертаны огненные письмена, пиршество финансового капитала продолжалось.

Разумеется, катастрофа не наступила бы так быстро, если бы мировой капитализм в целом не начал входить в фазу кризиса. В отличие от времени экономического роста, в период кризиса цены на сырье и энергоресурсы падают быстрее, чем цены на промышленную продукцию. Цены на продукцию российских экспортеров сырья и энергии в 1997–98 падали столь стремительно, что предприятия не успевали приспособиться к новой ситуации. Нефть подешевела на 34 %, медь на 34 %, никель на 25 %.

«Газпром» и нефтяные компании, ранее не особенно страдавшие из-за чрезмерно дорогого рубля, неожиданно почувствовали себя припертыми к стенке. Российские бизнесмены проиграли не только абсолютно, но и относительно. У них было меньше валюты, а импорт стал дороже. Экономический крах стал лишь вопросом времени.

Почувствовав неладное, кремлевское руководство пошло привычным бюрократическим путем: политические и экономические проблемы пытались решать с помощью кадровых перестановок. Вместо многоопытного бюрократа Виктора Черномырдина, тесно связанного с «Газпромом», был поставлен молодой Сергей Кириенко, не скрывавший близости с московскими банкирами. Иными словами, была подтверждена решимость власти удерживать курс рубля любой ценой. Но для этого уже не было ни ресурсов, ни времени.

Известный журналист Олег Давыдов, напоминая о ранних этапах карьеры будущего премьер-министра в советском комсомоле, назвал его «виртуальным комсомольцем». Как и положено комсомольскому деятелю советского периода, Кириенко сочетал дисциплинированность и лояльность по отношению к «старшим товарищам» с полнейшей безответственностью. «Впоследствии он много и путано объяснял, чего он хотел и чего не смог. Но главного — почему он даже не попытался сразу принять те антикризисные меры (девальвация и т. д.), которые по его же словам были необходимы, — он так и не объяснил. Все только твердил, что от весенней девальвации все бы очень пострадали. Как будто никто не пострадал от осеннего дефолта... Впрочем, разбираться в том, чем было скоротечное премьерство Кириенко — чьей-то попыткой оттянуть неизбежное или операцией по спасению милых какому-то сердцу финансовых структур? — дело правоохранительных органов и историков экономики»¹¹⁾. Что же касается личных мотивов премьера, то их исследование, по мнению Давыдова, стоило бы предоставить психоаналитикам.

Катастрофа

В конце 1997 г. западная деловая пресса была полна оптимистических прогнозов о предстоящем экономическом подъеме и даже «буме» в России. Вместо этого наступил катастрофический спад. Задним числом либеральные экономисты пытались представить дело таким образом, будто финансовый кризис, вызванный неверными политическими решениями, спровоцировал падение производства. В действительности все обстояло совершенно наоборот. Именно развал производства, оказавшийся закономерным следствием неолиберальной политики, сделал неизбежным крах рубля. Уже в первом полугодии 1998 г., когда правительство России и МВФ продолжали делать оптимистические прогнозы, валовой внутренний продукт сократился по сравнению с тем же периодом прошлого года на 2 %, промышленная продукция на 2,5 %, сельское хозяйство упало на 3 %. Причем не следует забывать, что спад в России уже задолго до того превысил масштабы Великой депрессии в США.

К лету половина предприятий в стране была убыточной. Задолженность по зарплате в масштабах страны выросла на 60 %. При этом 11 % трудоспособного населения были фактически без работы, а большая часть из них не получала и пособий. Даже тем, кому пособия полагались официально (не более четверти от общего числа людей, сидевших без работы), не платили в срок. У Государственного фонда занятости не было денег, пособия задерживались на полгода и больше. Поступления в бюджет стремительно падали, ибо налоги

¹¹⁾ Фигуры и лица (приложение к «Независимой газете»), 18.11.1999, № 18. С. 2.

было собирать не с кого и не с чего. Август вообще оказался катастрофическим: спад промышленного производства составил 11,5 % по отношению к тому же периоду прошлого года, а сельское хозяйство упало на 22,9 %! Газета «Известия» вынуждена была констатировать, что «спад в промышленности и сельском хозяйстве бьет рекорды»¹²⁾. Одновременно продолжался обвальный спад производства в нефтяной отрасли, скважины закрывались одна за другой. Компания «ЮКОС» даже предложила местным властям, если они хотят сохранить рабочие места, национализировать в свою пользу убыточные скважины.

17 августа 1998 г. рубль рухнул. Попытки удержать курс рубля провалились. К сентябрю, как отмечала «The Moscow Times», рубль «падал быстрее, чем любая другая национальная валюта за последние годы... Индонезийские деньги обесценились на 84 % за 12 месяцев, а российский рубль потерял 66,7 % за три недели»¹³⁾. Правительство Сергея Кириенко, просуществовавшее всего пять месяцев, сделало все то, что оно должно было предотвратить. Оно признало девальвацию рубля, ввело 90-дневный мораторий на выплату российскими фирмами долгов западным партнерам, а обслуживание ГКО было прекращено. В один день были уничтожены многомиллионные состояния. К финансовому кризису добавился политический.

Большинство нелиберальных комментаторов объяснило российских банковский кризис местной спецификой. Авторы, длительное время восхищавшиеся успехами приватизации в России, неожиданно открыли для себя «олигархический капитализм» и заговорили о том, что подлинное частное предпринимательство в России так и не родилось. Знаменитый финансовый спекулянт Джордж Сорос был более откровенен, признав, что «русский обвал выявил некоторые стороны международной финансовой системы, на которые раньше не обращали внимания»¹⁴⁾. Чем более сложными оказываются цепочки взаимных обязательств, чем более они свободны от внешнего контроля, тем больше риск того, что ошибки одних приведут к краху других, в конечном счете разрушив всю чрезвычайно сложную и запутанную систему.

Олигархический характер экономики, сложившейся в ельцинской России, не подлежит сомнению. Парадокс, однако, в том, что в 1998 г. в России рухнул как раз наиболее глобализированный, наиболее «модернизированный» (по стандартам нелиберальных идеологов) и наиболее рыночный сектор. Западные финансовые спекулянты показали себя в этой истории не лучше русских олигархов. Крах 1998 г. был не только русской катастрофой. Он был поражением международных финансовых институтов.

Под развалинами компрадорского капитализма оказались погребены и многие русские компании, ранее неплохо нажившиеся на разорении собственной страны, международные финансовые спекулянты, которые из жадности продолжали играть на рынке ГКО, несмотря на очевидные признаки надвигающейся катастрофы. Один лишь Дж. Сорос потерял около 3 млрд долларов. Большинство российских банков оказалось на грани банкротства. Валютные счета были заморожены, банкоматы перестали выдавать наличность. Встал вопрос о национализации банков.

¹²⁾ Финансовые известия. 22.09.1998.

¹³⁾ The Moscow Times. 8.09.1998.

¹⁴⁾ Soros G. The Crisis of Global Capitalism. Public Affairs. New York, 1998. P. XIII.

С 1 августа по 14 сентября цены выросли на 56 %, зарплату, однако, не увеличивали, а то и не платили вовсе. Правительство категорически отказывалось прибегать к дополнительной эмиссии наличных денег, ибо гнева Международного валютного фонда боялось значительно больше, нежели голода в собственной стране. Однако удержать ситуацию под контролем уже не было никакой возможности.

Ельцин предложил заменить провалившегося Кириенко испытанным Черномырдиным, но большинство населения прекрасно помнило, что именно при Черномырдине была создана пирамида ГКО, именно он руководил развалом экономики. Государственная Дума оказалась меж двух огней — с одной стороны Кремль, грозящий парламенту разгоном, с другой — разъяренное население. Депутаты уперлись, отказываясь утверждать Черномырдина, несмотря на то, что эта кандидатура первоначально была согласована с руководителями крупнейших фракций. Военные не гарантировали Ельцину лояльность своих подразделений. Кремль в спешном порядке пытался реорганизовать вооруженные силы и создать Федеральную гвардию — элитные подразделения для борьбы с волнениями и мятежами в армии. Но времени уже не было. Региональные лидеры, чувствуя, что Москва парализована, стали принимать решения самостоятельно, не оглядываясь ни на конституцию, ни на законы. Им нужно было предотвратить голод. В областях вводился контроль над ценами и создавались собственные таможи, чтобы предотвратить вывоз дешевого продовольствия. В начале сентября страна находилась на грани хаоса.

В таких условиях Кремлю не оставалось ничего другого, кроме как пойти на компромисс. Вместо ненавистного обществу Виктора Черномырдина, премьер-министром был назначен Евгений Примаков. Новое правительство было сформировано с участием левых и при поддержке парламента. Было торжественно объявлено о смене курса.

Часть IV

ЗАКАТ «ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Глава 12

Левый дрейф

В 1999 г. в России разразился кризис элит. Естественно, не одни лишь элиты были в кризисе. Но на политической жизни трудности, переживаемые населением, сказываются мало. Иное дело — когда проблемы у начальства. На самом деле, впрочем, немного несправедливо говорить просто про «российский» кризис. Это не так. Кризис является мировым. И хотя у нас, как и положено, все происходящее имеет «национальную специфику», это — не более, чем часть гораздо более глобального процесса.

«Розовое» правительство

До того, как стать премьером, Евгений Примаков руководил министерством иностранных дел, где ему удалось обеспечить если не независимую внешнюю политику, то, по крайней мере, определенную автономию по отношению к Госдепартаменту США. Еще раньше Примаков руководил Службой внешней разведки. В качестве специалиста по арабскому миру он был действительным членом Российской академии наук. К тому же по возрасту он принадлежал скорее к поколению советников Горбачева, чем к поколению молодых ельцинских карьеристов. Вторым человеком в правительстве стал коммунист Юрий Маслюков, прежде руководивший советским Госпланом. Парадокс в том, что Маслюкова в правительство пригласил еще Кириенко (и Маслюков согласился). Ясно, однако, что именно рядом с Примаковым, в одной связке с ним, Маслюков мог реально претендовать на серьезную руководящую роль.

Резко изменилась политика Центрального Банка, куда вернулся Виктор Геращенко, ранее смещенный под давлением западных финансовых институтов и отечественных либералов. Вопреки общепринятым теориям именно эмиссия наличных денег стабилизировала курс рубля и снизила инфляцию. Дело в том, что огромные товарные запасы, накопившиеся у импортеров в период кризиса, не могли быть проданы ни по старым, ни по новым ценам. Население просто неспособно было что-либо приобретать. По оценкам Ассоциации российских банков, в обороте катастрофически не хватало денег, из-за чего 70 % расчетов осуществлялось с помощью бартера и взаимозачетов. По признанию самих банкиров, денежная эмиссия была необходима, а «политика монетаризма себя

дискредитировала»¹⁾. После того, как печатный станок был запущен и выплачена часть долгов по заработной плате, рынок ожил. Однако Центробанк действовал осторожно, денег в обороте все равно было мало. Продавцы начали снижать цены, инфляция сократилась, а падение рубля замедлилось.

Краткосрочная стабилизация, достигнутая в октябре 1998 г., дала новому правительству небольшую передышку, но ключевые вопросы оставались нерешенными, диспропорции в экономике сохранялись. Правительство было слишком слабо, чтобы пойти на радикальные меры, но без них оно не имело никакой перспективы. В России началась борьба за новый курс.

Крах неолиберальной модели поставил в порядок дня вопрос об альтернативе. Российский кризис является лишь частью глобального краха неолиберальной экономической модели. Падение рубля немедленно отразилось на Wall street. Нестабильность на мировых финансовых рынках вызвала изменения в экономической политике большинства стран. Все недавние «отличники» Международного валютного фонда переживают тяжелые времена. Мало того, что производство падает, а безработица растет, но и знаменитая «финансовая стабилизация» обернулась таким же кризисом национальной валюты, какой мы наблюдаем в России. Иными словами, «последовательно» ли или нет проводились «реформы», результат всегда один. За Россией последовала Бразилия. На очереди была Аргентина. Более слабые латиноамериканские государства быстро девальвировали свои валюты.

В России не потому рухнул рубль, что пирамида ГКО стала невообразимо большой, а наоборот, пирамиду ГКО оказалось невозможно поддерживать из-за того, что мировой кризис опустил цены на нефть и дезорганизовал работу международного финансового рынка. Россия благодаря своим замечательным реформам стала страной со слабой и одновременно чрезвычайно открытой экономикой. Сочетание катастрофическое: в условиях мирового кризиса именно таким странам приходится тяжелее всего. Но разве не хотели наши люди поскорее получить капитализм, причем обязательно в форме «свободного рынка»? Получили именно то, чего хотели: кризисы, безработицу, банкротства.

Запад отвык за послевоенные годы от крупномасштабных кризисов. В сущности, с западным обывателем произошло то же, что и с российским. Все хотели свободного рынка. И все забыли за годы кейнсианского государственного регулирования, что свободный рынок решает проблемы с помощью кризисов и социальных катастроф. Спихватившись, теперь все дружно требуют антикризисной политики. Слово «национализация» возвращается в экономический лексикон. Даже на страницах «Financial Times» можно прочитать предсказание, что поскольку приватизация крупных предприятий была «формально» незаконной, «любое постельцинское правительство вынуждено будет эти предприятия ренационализировать под давлением общественного мнения и здравого смысла»²⁾. Социологические опросы, проведенные в самой России в конце 1998 г., свидетельствовали: «треть общества категорически против частной собственности, четверть — за, а две пятые не требуют ее уничтожения, одновременно выступая за преимущественное развитие государственно-общественной

¹⁾ Бек, 17.09.1998.

²⁾ Financial Times. 15.09.1998.

собственности. При этом можно добавить, что большинство населения готовы поддержать национализацию банков и крупных предприятий, хотя около двух третей из них считают нужным сохранить в частной собственности мелкие и средние предприятия, в первую очередь в сфере услуг и производстве товаров народного потребления»³⁾.

Таким образом, можно сказать, что народ в целом сделал свой выбор — граждане России после 7 лет неолиберального эксперимента в большинстве своем выступают за смешанную экономику с доминирующим общественным сектором. Вообще-то настроения масс не так сильно изменились с 1991–92 гг. Если с определенными оговорками можно говорить, что жители бывшего Советского Союза в начале 90-х хотели капитализма, то большинства, поддерживавшего неолиберальную модель, не было никогда. Большинство населения, приветствуя внедрение рынка, всегда отрицательно относилось к приватизации крупных заводов. По сравнению с теми временами общественное мнение лишь полевело и радикализировалось еще больше.

Крах неолиберальной модели в 1998 г. поставил страну перед необходимостью начинать процесс экономических реформ как бы заново, только в значительно худших условиях. Несмотря на призывы средств массовой информации по второму разу пройти весь курс шоковой терапии и либерализации по рецептам Международного валютного фонда, совершенно очевидно, что политические силы, пытающиеся вести страну в этом направлении, были полностью деморализованы, а их социальная база подорвана. Кризис 1998 г. разорил средние слои, а олигархов поставил на грань финансового краха. Единственным реальным выходом оставалась политика, нацеленная на возрождение промышленности, а единственной силой, способной ее проводить — государство.

Удешевление рубля в принципе создало более благоприятные возможности для отечественного производства. И в самом деле, предприятия неожиданно обнаружили, что их товары, которые еще вчера были никому не нужны, за два-три дня вдруг сделались невероятно конкурентоспособными. Импорт упал и российская промышленность без боя завоевала новые рынки. Падение импорта улучшило торговый баланс, что в принципе должно было содействовать стабилизации российской валюты. Но предприятия были обескровлены многолетним отсутствием инвестиций, уходом квалифицированных кадров. Хозяйственные связи между регионами были разрушены. Аналогичным было и положение на селе. Крупный рогатый скот был давно забит, поля заросли сорняками, техника развалилась. В итоге не удавалось наращивать производство даже тогда, когда на товар был бешеный спрос.

Спасти ситуацию могло только вмешательство государства. Промышленности требовались крупные общественные инвестиции для модернизации и завоевания рынков. Огромный технологический потенциал военно-промышленного сектора все еще мог быть использован для мирных целей, но лишь при условии, что средства, поступающие от продажи нефти и газа, стали бы направляться на конверсию. Для наведения порядка требовалась жесткая борьба с коррупцией и четкое выполнение принимаемых решений. Без контроля над капиталовложениями обеспечить все это было невозможно, а без устранения со сцены

³⁾ Независимая газета, НГ-сценарии, № 12, декабрь 1998. С. 7.

олигархов и национализации их собственности не могло быть и контроля за капиталовложениями.

Правительство Евгения Примакова, первоначально возникшее как компромисс между коммунистами и парламентским правым центром, быстро превратилось в правительство левого центра. Правые политики либо покинули его, либо оказались подчинены представителям левых — вице-премьеру Юрию Маслюкову и главе Центробанка Виктору Геращенко. В то же время и по отношению к руководству компартии правительство все больше выступало как самостоятельная сила. Руководство КПРФ, имея большинство в парламенте, дискредитировало себя непоследовательностью, соглашательством и своими попытками прикрыть отсутствие принципиального курса националистической риторикой. Большинство населения, возмущенное результатами правления неолибералов и не доверяющее коммунистам, возлагало надежды на кабинет Примакова. Рейтинг премьера стал стремительно расти. Другой вопрос, могло ли правительство эти надежды оправдать? Официальными целями правительства были объявлены «поддержка населения, социальная переориентация рынка, возрождение реального сектора и на этой основе — ускоренное восстановление конкурентоспособности России»⁴⁾. Кабинет обещал усилить государственное регулирование, одновременно гарантировав, что «потрясений не будет». Не будет и передела собственности — «ни в форме повального ускоренного банкротства, ни в форме повальной национализации»⁵⁾.

Легко заметить, что левоцентристская программа, вырисовывающаяся из заявлений и первых шагов нового российского правительства, легко ложится в общий контекст перемен, происходивших в Европе, где повсюду наблюдалось разочарование в правых и возвращение к власти социал-демократии. Однако точно так же повсеместно левый центр, придя к власти, оказывался не в состоянии обеспечить желанные перемены. Обещания социал-демократических лидеров все улучшить и исправить, ничего радикально не меняя, могут реализоваться лишь с помощью чуда. Но чуда не может произойти ни в Британии, ни в Германии, ни тем более в России. Реальная попытка улучшить экономическую структуру и подавить коррупцию поставила бы правительство Примакова перед необходимостью проводить именно те меры, от которых оно принципиально отказалось — национализировать одни финансово-промышленные группы и признать банкротство других. В свою очередь олигархи почти открыто взяли курс на дестабилизацию кабинета Примакова. Начиная с декабря 1998 г. правительство ежедневно подвергалось атакам средств массовой информации, по-прежнему монопольно принадлежавших олигархии, а политические противники Примакова получили щедрую финансовую поддержку и с каждым днем вели себя агрессивнее.

Понимая, что без государственной поддержки им не выжить, финансово-промышленные группы пытались заставить государство оплачивать их долги, одновременно защитив их священное право собственности. Другой вопрос, как выжать деньги на спасение богатых из совершенно обнищавшего народа. Любое правительство, которое пойдет на это, совершит политическое самоубийство.

⁴⁾ Век, 1998, № 46. С. 7.

⁵⁾ Там же.

А кабинет Примакова превращаться в клуб самоубийц был явно не намерен — даже ради прекрасных глаз банкиров.

Россия и мировой кризис

Начавшись в Азии и захватив Россию, волна экономических катастроф прокатилась по Латинской Америке. Западная Европа почувствовала приближение экономического спада, а в Соединенных Штатах стали обсуждать, сколько времени может продолжаться рост производства в одной отдельно взятой стране.

Привычная вера в собственную «исключительность» мешала российским интеллектуалам понять, что с нами происходит. Эта вера равно присуща и «почвенникам», и «западникам», с той лишь разницей, что последние видят в «русской специфике» одни лишь пороки и недостатки, отклонение от «магистрального пути человечества». Но мы сегодня вовсе не в стороне. Ни сейчас, ни в прошлом мы из мировой истории не «выпадали», просто Россия все делала с размахом, немислимым для европейского обывателя. Если национализировать, так все до последнего гвоздя. Если уж поворачиваться к рынку, то так, что само слово «план» становится запретным.

При всем том международные финансовые институты и транснациональные корпорации страдают почти всеми болезнями советского сверхцентрализованного планирования. «Свободный рынок» по Адаму Смиту как саморегулирующийся механизм в современных условиях ни технически, ни экономически не возможен. «В подобной ситуации, — писал известный азиатский экономист Мартин Хор, — нет никакого «свободного рынка» в классическом смысле слова, когда одновременно действует множество продавцов и покупателей, каждый из которых контролирует лишь незначительную долю рынка и никто не может изменить общую ситуацию, манипулируя ценами.

Напротив, немногие крупные компании или предприниматели могут контролировать столь значительную долю производства, продаж и закупок, что они могут определять цены и даже в течение определенного времени произвольно понижать или повышать их».

Мировая экономика, подчиненная сверхцентрализованным корпорациям, живет по принципу олигополии. «То, что происходит сейчас на финансовых рынках — типичный пример олигополии и манипуляции. Несколько крупных фондов, зачастую специализирующиеся на спекулятивных портфельных инвестициях, контролируют значительную часть денежных потоков (как в виде наличности, так и в виде кредитов), и они изучили все трюки, позволяющие им обогащаться с помощью любых финансовых инструментов.

Они могут манипулировать курсом валют, ценами акций и банковскими ставками, в результате порождая финансовую нестабильность и экономический хаос»⁶⁾.

Неолиберальный экономист как всегда ответит на подобную критику, что все перечисленные проблемы возникают не из-за «свободного рынка», а как раз от недостатка рыночного самоконтроля в экономике. Но в том-то и беда,

⁶⁾ Third World Resurgence, November 1998, № 99, P. 29.

что чем более экономику либерализуют, чем более проводится политика дерегулирования, тем более она становится монополизированной, олигополистической и централизованно-бюрократической. «Свободный рынок» на рубеже XX и XXI веков является идеологической фикцией, существующей только в сознании идеологов и распропагандированных ими масс. Иными словами, политика, направленная на проведение «рыночных реформ», независимо от того, насколько успешно она проводится, просто не может дать обещанных идеологами результатов, ибо подобные результаты недостижимы в принципе. Зато она неизбежно даст иные результаты — укрепит власть международных финансовых институтов и транснациональных монополий (ради чего, вообще-то, она и проводится).

18 лет глобального укрепления транснациональных институтов (примерно с 1980 по 1998 г.) дали примерно те же результаты, что и 18 лет брежневской стабильности в СССР. Глобальные элиты, сконцентрировав в своих руках грандиозные ресурсы, не просто понемногу теряли чувство реальности, но и начали позволять себе все более грубые ошибки, ибо немедленного «наказания» за эти ошибки не следовало. При столь огромной власти создается ложное ощущение, будто справиться можно практически с любой неприятностью, а потому нет необходимости беспокоиться из-за накапливающихся нерешенных проблем. Одновременно резко падает качество управления, снижается компетентность руководящих кадров, нарастает коррупция в системе. Чем больше корпорация, тем сильнее в ней развиваются внутренние групповые интересы, вступающие в конфликт друг с другом. Отказываясь реформировать себя, система не только затрачивает все больше средств на самоподдержание, но и действительно становится *нереформируемой*, создавая условия для собственного краха. Попытки реформ в подобной системе, разумеется, возможны и даже неизбежны, более того, они почти непременно будут инициированы сверху, но приведут они, как и советская перестройка, не к стабилизации, а к развалу.

Можно сказать, что в 90-е гг. XX века глобальный капитализм пережил своего рода «эффект Брежнева», за которым в первое десятилетие XXI века логически должен следовать «эффект Горбачева» со всеми вытекающими для системы последствиями.

Новый этап в истории мировой экономики?

К 1998–99 гг. даже апологетам буржуазного порядка стало ясно, что капиталистическая мировая экономика переживает системный кризис. Крупнейший валютный спекулянт мира Джордж Сорос произнес в Конгрессе США горячую речь о том, что существование капитализма под угрозой, а политика свободного рынка потерпела поражение. При этом он то и дело шокировал своих слушателей, используя марксистскую терминологию.

Потрясения лета–осени 1998 г. заставили западные финансовые институты отчасти пересмотреть свои приоритеты. Лидеры Мирового Банка выступили с критикой Международного валютного фонда. После периода борьбы с инфляцией начался период снижения учетных ставок центральными банками, в обращение была вброшена дополнительная денежная масса. Правительство Японии совместно с оппозицией даже приняло решение о национализации одного

из крупнейших банков — LTCB. В Гонконге правительство скупило акции ряда крупнейших компаний. В Малайзии был введен контроль над движением капиталов. Лозунг пересмотра итогов приватизации принес успех оппозиции на выборах в Словакии, причем выдвигали его не левые, а правый центр. Чили, некогда любимая страна либеральных экономистов, и на сей раз оказалась в первых рядах: там были введены жесткие меры государственного контроля над рынком капиталов. Никто не сомневается, что и на сей раз «чилийский опыт» получит широкое распространение в регионе. Английский экономист Джон Росс назвал это «пьяной оргией кейнсианства»: мероприятия, типичные для кейнсианской концепции регулирования, бессистемно и безответственно применялись монетаристами, которые сами толком не отдавали себе отчет в том, что делают.

В конечном счете эта политика сработала — на короткий срок. Какковы будут ее долгосрочные последствия, еще предстоит выяснить. Сегодня можно сказать с уверенностью лишь одно: впервые в истории кейнсианское регулирование было применено тактически — не только как средство спасения капиталистической системы как таковой, но и для спасения неолиберальной экономической стратегии. В этом плане правительство Евгения Примакова оказалось вполне на своем месте в мировом процессе. И его первоначальный успех, и его политическое поражение и вынужденный уход (когда острота кризиса миновала) — вполне закономерны.

Культ «глобализации», «гибкости» и «финансовых инструментов» создал у международных элит совершенно ложное представление о последствиях собственной политики и своих возможностях. Не будучи гуманистами и вполне осознанно допуская разрушение целых стран и регионов, они все же далеко не всегда готовы были предсказать все негативные последствия своих решений.

Главным достижением неолиберальной глобализации можно считать повышение гибкости системы — прежде всего на уровне отдельных корпораций. Парадокс в том, что это же оказалось и главной проблемой. Чем более «гибкой» (flexible) является любая бизнес-структура, тем более она склонна концентрироваться на краткосрочных задачах, жертвуя долгосрочными (и наоборот). Иными словами, повышение «гибкости» бизнеса на всех уровнях сопровождалось упадком стратегического планирования. Если бюрократический централизм имел свои серьезные недостатки, то система гибкого рыночного управления капитализмом — свои, возможно не менее серьезные. Сочетание корпоративной централизации, разворачивавшейся в небывалых масштабах на мировом уровне, с внедрением «гибкого» подхода означало и соединение недостатков, органически присущих обоим типам структур. Итогом этого стала беспрецедентная самодестабилизация капиталистической системы. «Отдельные спекулянты, корпорации, брокерские конторы, пенсионные фонды и т. д. получают от системы огромную выгоду, но в то же время они не могут заботиться о ее воспроизводстве, даже если они в этом кровно заинтересованы, — писала Сьюзан Джордж. — Все участники рынка действуют рационально и на этом все построено. В финансовой сфере, однако, преобладают краткосрочные, мгновенные решения, а краткосрочная выгода противоречит долгосрочному интересу, реализация личных возможностей каждого оператора на рынке противоречит задаче поддержания его стабильности, без чего этим же операторам

не выжить. В такой ситуации разве можно избежать опасного поворота событий или предотвратить глобальный крах?»⁷⁾

Кризис 1998 г. выявил принципиальные пороки монетаризма, сделав их наглядными. Впереди новые кризисы и новые конфликты. Мировая экономика стоит на пороге нового цикла, а вместе с ним придут и перемены в идеологии и политике. Победы социал-демократов в ведущих странах Западной Европы в конце 90-х оказались проявлением тех же общих сдвигов. Ситуация сложилась беспрецедентная, ибо социал-демократические партии одновременно оказались у власти во всех ведущих странах Евросоюза — Великобритании, Франции, Италии и Германии. Прекратился и упадок социал-демократии в ее традиционной вотчине — Скандинавии. Если в конце 90-х социал-демократы теряли голоса на выборах в национальные парламенты, то главным образом — в пользу партий, которые находились еще левее. В большинстве западноевропейских стран наметилась новая тенденция: слева от социал-демократии появилась влиятельная посткоммунистическая или социалистическая партия. Традиционных компартий больше нет при сохранении старых названий, но коммунистические избиратели не отошли к социал-демократам даже там, где «Социалистический Интернационал» представляют вчерашние коммунисты (как это, например, произошло в Италии). Слева от социал-демократии в Европе появилась новая сила. Это Партия демократического социализма в Германии, Партия коммунистического возрождения (Rifondazione) в Италии, «обновленная» компартия во Франции, Левая партия Швеции и т. д. Даже в Англии с ее неколебимой двухпартийной системой, в рамках Лейбористской партии усилилась группа Campaign, фактически тождественная по своей идеологии немецкой ПДС или итальянской Rifondazione, а на выборах в шотландскую ассамблею прошел представитель троцкистов. Кстати, электоральные успехи партий, прежде относившихся к «ультралевым» — тоже показательный симптом 90-х гг. на Западе — в Голландии, Дании и Франции появились парламентарии, представляющие троцкистские и экс-маоистские группы.

Значит ли это, что под влиянием кризиса неolibеральный «консенсус» сменяется социал-демократическим? Отнюдь нет. Прежде всего этому противоречит сама политика социал-демократии, которая ничего определенного предложить не может. Ее правительства плывут по течению, в значительной мере продолжая политику своих либеральных предшественников. А кризис тем временем становится глубже. Избиратели хотят перемен, но политики не могут их предложить. В итоге нынешние успехи левого центра могут обернуться тяжелыми поражениями в самом ближайшем будущем. Выборы в Европарламент летом 1999 г. стали своего рода рубежом. Добившись уникального успеха в 1997–98 гг. на национальных выборах, социал-демократия на европейских выборах потерпела сокрушительное поражение, впервые за многие годы утратив большинство.

От социал-демократии ждут того, что она сегодня не в состоянии дать. Она утратила свою историческую миссию, ее социальная база трансформировалась, ее идеология отвергнута ее же собственными лидерами. Это умирающая политическая сила. Если идеям демократического социализма предстоит играть

⁷⁾ The Lugano Report. On Preserving Capitalism in the Twenty-first Century. With an Appendix and Afterword by S. George. Pluto Press, London: 1999. P. 26.

существенную роль в будущем, то путь к этому лежит через кризис «реально существующей» социал-демократии. Канадский социолог Лео Панич говорит о начале эпохи распада старых и формирования новых политических партий. Отдельные партии смогут выжить и даже возродиться, но как международное движение социал-демократия не имеет будущего.

Резко изменить курс никто не решается, тем более, что этому противодействуют мощные группы интересов. Но и продолжать по-старому невозможно. Начинается поиск компромиссов, который на самом деле не даст ничего, точнее — лишь подготовит общество психологически и идеологически к более радикальным переменам.

В этом плане правительство Примакова великолепно вписывалось в мировой контекст. Точно так же не являлись «аномалией» его медлительность и колебания, в конечном счете приведшие его к краху. Большинство правительств во всем мире перед лицом кризиса вели себя не лучше. Что бы ни говорили либеральные идеологи, Россия в XX веке всегда была органической частью мира. В первой половине века повсюду росла экономическая роль государства, создавался общественный сектор, усиливалось перераспределение доходов. Это было неизбежным условием, без которого, как показал кризис 1929–32 гг., невозможен был переход к новым индустриальным технологиям и массовому конвейерному производству. К концу 70-х модели развития, основанные на «сильном национальном государстве», исчерпали себя, причем произошло это и в «коммунистическом блоке», и на Западе, и в «третьем мире». Лишь в Юго-Восточной Азии была найдена специфическая модель, которая продержалась до начала нынешнего мирового кризиса. В этот период либеральные экономисты стали постоянно ссылаться на статистику, показывающую, что в странах с сильным госсектором и развитой системой социальной поддержки населения производство растет медленнее, нежели в более «рыночных» системах. За два десятилетия до того похожий аргумент приводили сторонники активного государственного вмешательства, тоже ссылаясь на статистику. На самом деле в мировой экономике происходили очередные технологические сдвиги, развивались международное разделение труда и социальная структура. В результате этих сдвигов изменилось и соотношение сил в капиталистическом обществе. Профсоюзы и левые партии, опиравшиеся на традиционный рабочий класс, ослабели, а средние слои увидели для себя перспективу в развитии свободного рынка.

Советская перестройка и крушение «коммунизма» в СССР были следствием общего кризиса государственно-ориентированных экономических моделей. И в свою очередь события на Востоке обеспечили успех неолиберализма в мировом масштабе. Не победив в России, МВФ никогда бы не добился своих целей в Восточной Европе, в Африке и Азии. Тем самым мы опять оказались не на периферии истории, а, напротив, на самом ее «острие». Между тем торжество неолиберализма оказалось недолгим. Выполнив разрушительную работу по демонтажу старых моделей государственной экономики, он оказался неспособен к созиданию. Неэффективность «большого государства» в том виде, в каком оно сложилось к 70-м гг., была очевидна, но рыночные модели не решали проблему, они лишь создавали институциональный вакуум, который заполнялся в лучшем случае частным планированием, частной бюрократией, а в худшем случае — коррупцией, международной преступностью

и национальными мафиями. Даже там, где приватизация дала экономический рост, этот рост был крайне нестабилен и быстро сменился стагнацией или спадом. Социальные противоречия обострились, а технологическое развитие замедлилось. Начался мировой кризис. Его первыми проявлениями стали азиатский спад 1997 г., российская и бразильская финансовые катастрофы.

Сегодня вопрос о государственном регулировании и воссоздании общественного сектора стоит не только перед Россией, — это глобальная перспектива развития. Однако это не означает возврата к прошлому, будь то советские порядки у нас или социал-демократическое кейнсианство на Западе. Такой возврат не только нежелателен, но и невозможен. Технологические сдвиги необратимы, как и последствия глобализации, сделавшей практически все экономики открытыми. Кстати, именно эти перемены и вызвали на определенном этапе новую потребность в регулировании и социализации, только в значительно больших масштабах, нежели раньше. Регулирование сегодня должно быть тесно связано с региональной интеграцией, а государственные компании должны быть включены в долгосрочные международные проекты. Управлению предстоит стать более «прозрачным» и демократичным — не только в правительстве, но и в экономике. В противном случае нам не избежать подъема протекционизма на Западе (что уже происходит под вывеской «антидемпинговых» процедур) и новых торговых войн. Последствия такого поворота событий для капитализма будут не менее драматическими, нежели в начале XX века, когда сложилась аналогичная ситуация.

Массовая неприязнь к неолиберальным международным институтам, охватившая практически все страны мира, в 1999 г. вылилась в многотысячные демонстрации протеста, из-за которых было сорвано открытие встречи Всемирной торговой организации (World Trade Organization) в Сиэтле. Демонстрации, сопровождавшиеся настоящими сражениями с полицией и введением в городе комендантского часа, стали темой репортажей и комментариев на первых полосах газет повсюду, кроме России.

Мировой кризис не может быть преодолен быстро. Мы наблюдаем лишь его первые симптомы. Точно так же нет никаких оснований думать, будто из МИРОВОГО кризиса Россия сможет выбраться в одиночку. Однако она может сыграть огромную роль в преобразовании мировой экономики, выручая себя и одновременно влияя на других.

Вызов и задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы найти новые формы социализации. Более того, речь идет о глубоких изменениях в самой структуре и природе государства. Парадоксальным образом, именно острота кризиса у нас в стране, как и полная дискредитация существующего у нас государственного устройства создают почти идеальные предпосылки для того, чтобы успешно вписаться в новый виток мирового экономического развития. Страна с более стабильной экономикой и устойчивыми государственными институтами глобальная перестройка будет даваться тяжело. Нам же, как говорится, терять нечего.

Но это, так сказать, «объективные факторы». С «субъективными» все гораздо хуже. До тех пор пока в мышлении политиков преобладают стереотипы прошлого, надеяться на успех не приходится. В этом смысле параллели

с перестройкой тоже бросаются в глаза. Недостаточно просто провозглашать «новое мышление», нужна смелость для того, чтобы идти вперед.

Только в России экономисты-западники продолжают как заклинание повторять, что генеральная линия была безупречно верна, реформы были прерваны в самый лучший момент, а все неудачи объясняются отдельными ошибками и «непоследовательностью». Похоже, чем более открытой страной становится Россия, тем более провинциальными делают ее элиты. Да и общество, полностью занятое собственными проблемами, фактически не реагирует на происходящее в окружающем мире. Общественное мнение России явно не готово к пониманию всего масштаба стоящих перед нами проблем. Думская оппозиция в 1995–99 гг. так и не выработала комплексной программы и предпочитала говорить языком лозунгов. Что касается либеральных средств массовой информации и стоящих за ними кругов, то вместо серьезного анализа сложившейся ситуации мы находим лишь рассказы о новых магических рецептах, заимствованных из латиноамериканского опыта. Ссылки на блестящие достижения далекого континента неизменно прикрывают беспомощность и невежество отечественных идеологов. И чем хуже идут дела у нас, тем более фантастическими представляются нам успехи за рубежом. До недавнего времени наши либеральные публицисты увлекались Чили и генералом Пиночетом. Сегодня в Чили вводят контроль за иностранными капиталовложениями и исправляют «перегибы» рыночных реформ. А у нас появилось новое увлечение — Аргентина.

Аудитор Счетной палаты РФ Вениамин Соколов, побывав в этой замечательной стране и поговорив с тамошними чиновниками, обнаружил, что у нас приватизацию провели неправильно, а у них — правильно и эффективно. Хотя технологией строительства потемкинских деревень владеет любой русский чиновник, но такие же точно потемкинские фазенды кажутся ему невероятно правдоподобными, если украшены пальмами.

Вообще применять латиноамериканские меры в северной стране могло прийти в голову только людям либо крайне злонамеренным, либо не имеющим элементарных понятий об истории и географии. Как ни крути, а затраты на воспроизводство рабочей силы получаются не такие, как в Латинской Америке. Поразительно, насколько сегодня у нас уровень дискуссии не соответствует серьезности положения, в котором мы находимся. Вместо того, чтобы проанализировать ситуацию, повторяют привычные заклинания о рыночной экономике и о вреде «административно-командных» методов, которые «вообще» неэффективны. Если так, то откуда они взялись? Почему после мирового кризиса 1929–32 г. их стали применять почти повсеместно? Нет и не может быть методов, которые могли бы быть одинаково пригодны в любой ситуации и на любом историческом этапе. Командно-административные (или «мобилизационные») методы эффективны, когда нужно осваивать новые территории, в условиях хозяйственной разрухи, расстроенного денежного обращения, разрушенных рыночных и технологических связей, социального хаоса, войны, наконец. Англичанин Дж. М. Кейнс увидел все это в Европе после Первой мировой войны и сделал вывод о непригодности для этой ситуации рыночного подхода. Потребовались еще десять лет и еще один мировой кризис, чтобы эту истину осознали политики. Напротив, советский опыт показал, что в условиях стабильной, развитой экономики со сложной системой взаимосвязей командные

методы теряют эффективность. Потребительское общество нуждалось в рынке точно так же, как индустриализация требовала командных методов. Именно успех Советского Союза, ставшего благодаря применению этой «мобилизационной модели управления» развитой индустриальной державой, в послевоенные годы поставил в повестку дня вопрос о рыночных реформах.

Если уж у нас модно стало приводить в пример Латинскую Америку, то нелишне вспомнить, как она развивалась на самом деле. Отечественные публицисты сейчас при каждом удобном случае рассказывают о том, как неэффективно там работал государственный сектор, как плохо управляли «популистские» правительства, пытавшиеся добиться экономической независимости. Но вот в чем парадокс: именно в тот период была создана более или менее современная инфраструктура, проведена индустриализация, возник средний класс. Тот самый средний класс, который затем радостно поддержал идеи приватизации и либерализма. Даже в Соединенных Штатах к западу от Миссисипи именно государство создавало в XIX веке железнодорожную сеть, именно оно в эпоху Рузвельта организовало строительство знаменитых «хайвеев», без которых нельзя представить современную Америку, именно оно в недрах военно-промышленного комплекса создало Интернет. Все это не имело к «рыночным стимулам» никакого отношения.

Можно понять тоску среднего класса отсталой страны по более высокому уровню потребления, но сегодня перед Россией стоит совершенно другой вопрос. Для большинства населения проблема сейчас сводится к тому, чтобы выжить. Бессмысленно пугать «гиперинфляцией» людей, которые месяцами не видят денег. Временная стабилизация, обеспеченная политикой Примакова, не решила ни одной структурной проблемы, точно так же, как «оргия пьяного кейнсианизма» не сняла противоречий мировой экономики. Более того, кризис постоянно напоминает о себе то внезапно охватившими страну перебоями с бензином, то паническим ожиданием нового краха рубля. Рост цен на нефть позволил стабилизировать российские финансы. Но одновременно мы увидели, насколько слабой, зависимой и уязвимой стала наша экономика. Достаточно небольшого колебания рыночных цен на один вид товара, чтобы обрушить огромную страну в хаос. Даже действия обычных спекулянтов на топливном или валютном рынке могут оказаться для России катастрофическими. Заговор Запада здесь не при чем: жадность и безответственность опаснее любых заговоров.

Финансовая система так и не была реконструирована, а предлагаемые МВФ меры в этой области на самом деле трусливы и непоследовательны (опыт 1998 г. в Японии показал, что без национализации банков государство не может эффективно проводить оздоровление финансовой системы). Управляемость в экономике постоянно под вопросом. А в условиях хозяйственного хаоса рыночные методы в принципе неприменимы. Делать на них ставку — все равно, что пытаться тушить пожар керосином. Что самое страшное, так это упорство идеологов, каждый раз доказывающих, что пожар разрастается исключительно из-за того, что керосина вылитو недостаточно.

За кажущейся нелогичностью выступлений политиков и идеологов стоят совершенно конкретные интересы. Те, кто приватизировали самые доходные куски госсобственности, прекрасно знают, как решить проблему. Только это им невыгодно. Даже американский эксперт Джефффри Сакс, поработав в России

несколько лет, заговорил о необходимости национализировать «Газпром». После этого Джеффри Сакса приглашать перестали.

Казалось бы, за национализацию должны были бы ратовать коммунисты. Но коммунисты боялись (или уважают) олигархов, пожалуй, даже больше, нежели представители других партий. Когда Сергей Кириенко в ходе недолгого своего премьерства завел речь о том, что государство должно забрать собственность «Газпрома», являющегося у нас в стране самым злостным неплательщиком налогов, именно коммунисты в Государственной Думе подняли бурю возмущения. Законопроекты, позволяющие национализировать банки, «коммунистическое» большинство в Думе тоже потопило.

Национализация естественных монополий и прежде всего «Газпрома», а также нефтяных компаний и металлургии обеспечила бы немедленный приток средств непосредственно в бюджет. Если к этому добавить настоящую государственную монополию на производство водки, проблема наполнения бюджета окажется не столь уж сложной. Тогда, кстати, государство сможет позволить себе и понизить налоги, и стимулировать рост малого бизнеса. Что касается национализации прогорающих банков, то это уже просто пожарная мера, которая позволит лишь свести к минимуму ущерб, нанесенный экономике от их коммерческой деятельности. Вместо этого болезнь стали загонять вглубь, не допуская ни массовых банкротств, ни широкой национализации.

Можно написать хоть пятьдесят налоговых кодексов, можно даже понизить налоги, но собрать их все равно не удастся. Можно сколько угодно пугать детей «невидимой рукой рынка», но частные инвестиции все равно не придут до тех пор, пока государство само не запустит механизм экономического роста. Можно, наконец, долго рассуждать про врожденные таланты нашего народа, но специалисты будут все равно толпами бежать за границу, если правительство не начнет вкладывать деньги в развитие науки и новые технологии. Да, ввести мобилизационные методы в экономике легче, чем избавиться от них. Но пока мы никак не можем вырваться из тупика «рыночных решений».

Либеральные идеологи правы в одном: законы экономики обойти нельзя. Именно поэтому, кстати, либеральные эксперименты в России так блистательно проваливаются, а Международный валютный фонд, учивший полмира как реорганизовать народное хозяйство, сам не может свести концы с концами. В том состоянии, в котором находится сегодня Россия, избежать инфляции невозможно, а эмиссия является единственным средством навести порядок в денежном обращении. Не «хорошим» или «плохим», а просто единственным. В этот тупик страну загнали именно либеральные реформаторы.

Эффект Примакова

Вопреки всем монетаристским теориям, резкое падение курса рубля оказалось на экономику благотворное действие. Этот промышленный подъем «The Moscow Times» метко назвала «экономическим бумиком»⁸⁾. Товары российских производителей стали конкурентоспособны на мировом и внутреннем

⁸⁾ The Moscow Times. 14.08.1999.

рынке. Угольная отрасль, считавшаяся бесперспективной, неожиданно сделалась прибыльной. Сталь, произведенная в России, заполонила мировой рынок настолько, что западные страны, ратующие за свободу торговли, начали в срочном порядке возводить протекционистские барьеры. Западные компании, ранее ввозившие потребительские товары в Россию, стали создавать на ее территории собственные производства, используя предельную дешевизну рабочей силы. Но главное, экономическое оздоровление в странах Восточной Азии привело к новому подъему мировых цен на нефть.

Кризис 1998 г. ударил главным образом по среднему слою. Поскольку практически во всех компаниях расходы на управление и маркетинг были завышены, именно за счет их сокращения предприятия пытались преодолеть свои трудности. Московские и петербургские «яппи» оказались выброшены на улицу. Они же потеряли свои сбережения в банках. Резко подорожали типичные для их потребления импортные товары. И все же наметившийся экономический рост позволил большинству из них снова встать на ноги. Появились новые рабочие места в растущих компаниях. Жить теперь приходилось скромнее, но в целом новые средние слои удержались на плаву.

Парадокс в том, что начавшийся экономический рост лишь усилил кризис системы в 1999 г. Обнаружилось, что экономическая структура, создававшаяся ельцинским режимом на протяжении предшествующих 8 лет, в принципе не приспособлена для экономического роста. Увеличение промышленного производства привело к энергетическому кризису. Поскольку в течение длительного времени «нерентабельная» угольная отрасль систематически свертывалась, а все производители сырья переориентировались на экспорт, промышленность столкнулась с острым дефицитом ресурсов, особенно в энергетике. Летом 1999 разразился бензиновый кризис. Вскоре затем начались проблемы с электроэнергией. Анатолий Чубайс, возглавивший к тому времени РАО «Единая Энергосистема России», заявил в сентябре, что положение «беспрецедентно тяжелое»⁹⁾. Этот кризис, как и все предыдущие, был прямым результатом проводившейся прежде политики. Чтобы преодолеть его, требовались серьезные перемены, затрагивавшие интересы олигархов.

Еще более серьезная проблема была связана с дефицитом инвестиций. «Насколько я могу себе представить, — писал в 1999 г. известный экономист Андрей Колганов, — единственная отрасль, которая в состоянии потенциально мобилизовать ресурсы для модернизации, это газовая отрасль». Спрос на продукцию есть, а средств для обновления оборудования и расширения производства — нет. «Вполне возможно, что некоторое время будет продолжаться небольшой прирост валового внутреннего продукта за счет использования ныне простаивающих мощностей, но пока в этой экономике не просматривается никаких механизмов, которые бы позволяли мобилизовать инвестиционные ресурсы для ее модернизации, а без этого условия через какое-то время станет невозможен дальнейший экономический рост»¹⁰⁾.

Промышленность требовала капиталов, а их не было. Как отмечал журнал «Власть», олигархи стратегическими инвесторами быть не способны, ибо

⁹⁾ Независимая газета, 18.09.1999.

¹⁰⁾ Россия в конце XX века. С. 183, 182.

после августа 1998 г. у них «нет ни своих денег, ни приличной кредитной истории»¹¹⁾. Государство же не имело средств, ибо все ресурсы были отданы олигархам. Для того чтобы обеспечить поток инвестиций в промышленность, необходима была экспроприация олигархов. Поскольку же левая оппозиция была либо сломлена, либо коррумпирована, единственная перспектива состояла в экспроприации одних олигархов другими. Чтобы удерживать ситуацию под контролем, необходима была консолидация элит, но единственным способом достичь ее было пожирание слабых сильными.

Первой жертвой обострившейся борьбы за власть стало правительство Примакова. Россия — странная страна, где предстоящие государственные перевороты обсуждаются публично, а их сроки назначаются почти официально. Весной 1993 г. Ельцин пообещал совершить переворот осенью того же года и слово свое сдержал. Весной 1999 г. Ельцин промолчал, но московская пресса с начала мая была полна прогнозов относительно предстоящего переворота, а влиятельные политики на страницах прессы обсуждали его сроки. Известный правый политик Александр Шохин назвал даже дату: 13 мая правительства не станет.

Формально причиной кризиса стало обсуждение в Государственной Думе импичмента президенту Ельцину. На самом деле все прекрасно понимали, что при действующей конституции отстранить президента от власти практически невозможно. Но, подняв вопрос об импичменте, коммунистическое большинство Думы дало Ельцину повод начать политическое контрнаступление.

Примаков просил депутатов отказаться от голосования по импичменту или перенести его на другую дату, что однажды уже было сделано. Но тут уже депутаты и особенно фракция КПРФ обнаружили, что отступать невозможно — в противном случае они будут выглядеть просто комично. К тому же часть руководства компартии явно было не прочь «подставить» кабинет Примакова. Стремительно растущая популярность премьера раздражала не только Кремль, но и многих лидеров оппозиции.

Окружение Ельцина давно мечтало избавиться от кабинета Примакова. Строго говоря, это правительство для Кремля никогда не было своим. Назначение Примакова премьером было вынужденной мерой в условиях катастрофического кризиса, охватившего страну в августе. Мало того, что никто из либеральных политиков не имел в тот момент достаточной поддержки, чтобы взять управление в свои руки, но главное, никто и не готов был взяться за это. Кандидатов в министры воспринимали как политических самоубийц.

Между тем за несколько месяцев правительство Примакова сумело смягчить остроту кризиса. Обещанной катастрофы не наступило, голода удалось избежать, рубль стабилизировался, начался экономический рост. Заработную плату стали платить более аккуратно. Несмотря на систематическую травлю правительства в прессе, его популярность неуклонно росла.

В Кремле стала нарастать решимость избавиться от премьера. Популярность правительства не просто угрожала Кремлю, теряющему рычаги политической власти, но создавала условия, когда Примаков мог начать предпринимать более решительные шаги. Пошли разговоры о национализации части нефтяной промышленности, ряд крупных предприятий сами попросились назад

¹¹⁾ Власть, 17.08.1999, № 32. С. 29.

в государственный сектор, а уже принятые программы приватизации как-то сами собой заморозились. Одновременно правительство пыталось приостановить разворовывание ресурсов страны олигархами, усилив контроль над экспортно-импортными операциями и движением капиталов.

Изменилась внешняя политика России. Решительный жест Примакова, развернувшего самолет над Атлантикой и отказавшегося от визита в США в ответ на американские бомбардировки Югославии, получил массовую поддержку. Война на Балканах выявила масштабы антиамериканских настроений в российском обществе, особенно — среди молодого поколения, которое западные журналисты по инерции продолжали обзывать опорой либеральных реформ. Причина тому не в солидарности с «братьями славянами» и уж тем более не в православной вере — большинство молодых людей в России и креститься правильно не умеют. Война в Югославии лишь дала им возможность выразить то, о чем они давно уже думали. На протяжении десяти лет Россия совершала односторонние уступки в обмен на обещание быть принятой в «цивилизованный мир» (как будто раньше мы были дикарями). В итоге мы получили нищету, унижение, упадок экономики и варваризацию общества. Все прекрасно помнят роль Запада в ельцинском перевороте 1993 г. Помнят и роль США в позорных выборах 1996 г., ставших циничным издевательством над демократией. Для молодежи либеральные реформы означают дефицит хороших рабочих мест, дорогое, но тем не менее некачественное образование, невозможность экономического роста и отсутствие жизненных перспектив. А главное, людям надоело, когда их постоянно унижают.

Тухлые яйца и чернильницы, полетевшие в здание американского посольства, сигнализировали, что в стране произошел психологический перелом. Люди устали от чувства бессилия, от стыда за самих себя. Им хочется действовать, им хочется совершить что-то такое, чем можно гордиться. Неудачи американцев на Балканах стали предметом шуток — раньше в России шутили только над собственным правительством. Русские хакеры начали систематические атаки на официальные сайты в США, о чем с симпатией писала молодежная пресса. Бульварная пресса является мощным индикатором общественного мнения. Один из бульварных еженедельников поместил на первой полосе портреты Клинтона и Милошевича с подписью «по ним плачет тюрьма». Другой даже опубликовал головоломку — по яичным пятнам на стене надо определить, какое из окон американского посольства попало в перекрестье оптического прицела. Корреспондент либеральной «Новой газеты» на Балканах признался, что мечтает о том, чтобы Черноморский флот вошел в Адриатическое море, хотя сознает: это означает войну.

Правительство Примакова прекрасно уловило смену настроений. С одной стороны, оно опиралось на менеджеров военно-промышленного комплекса, оставшегося в государственном секторе, а потому и не развалившегося, в отличие от приватизированной промышленности. С другой стороны, Примаков, в прошлом известный специалист по арабским странам, был первым из видных политиков в России, отдававшим себе отчет о значении «третьего мира». На практике это означало, что, оппонируя США, Россия могла завоевать поддержку большинства человечества. Ведя переговоры с МВФ о списании части российского долга, правительство Примакова создало важнейший прецедент

для стран-должников. Разрабатывая дешевое, но эффективное оружие и поставляя его в развивающиеся страны, российский военно-промышленный комплекс мог не только зарабатывать валюту для государства, но и дать бедным странам шанс успешно противостоять агрессии богатого и избалованного высокими технологиями Запада.

Россия уже не сверхдержава, не мировая империя, но именно это дает ей огромные преимущества. Отные страны «третьего мира» могут говорить с ней на равных. Перестав быть империей, Россия не только избавилась от комплекса вины, но и стала потенциально куда более удобным партнером для народов Африки, Азии и Латинской Америки. Мы уже никому ничего не можем навязать. Но мы можем успешно сотрудничать и решать общие проблемы. Главная из них — обеспечить реальную независимость от Запада и США.

Падение «розового премьера»

Финансовая олигархия, живущая за счет разграбления собственной страны, просто не могла найти себе места в новой ситуации. Элита, сформировавшаяся за годы правления Ельцина, почувствовала себя неудобно. С каждым новым успехом правительства рос страх. В Кремле прекрасно понимали, что дальше так продолжаться не может. Двоевластие должно было закончиться. Правительство левого центра сделало свое дело, ему пора уходить.

Именно в этот момент на политической сцене вновь появился Черномырдин. Формально — в роли специального представителя президента Ельцина по Югославии. Зачем вообще нужен такой представитель, было на первых порах не вполне понятно. Все министерство иностранных дел занималось в эти дни почти исключительно Балканским кризисом. Министр иностранных дел Игорь Иванов и сам премьер Примаков были опытными дипломатами, прекрасно владевшими ситуацией. Напротив, Черномырдин никогда Балканами не занимался, дипломатического опыта не имел — даже в годы премьерства он мало интересовался внешней политикой, которая находилась в ведении команды президента. К тому же Черномырдин имел в России прочную репутацию человека, который непременно проваливает любое дело, за которое берется. Правда... не без выгоды для себя.

Сперва циничные московские наблюдатели расценили назначение Черномырдина просто как попытку Кремля саботировать работу министерства иностранных дел и сорвать посреднические усилия России (тем самым подыграв друзьям из Вашингтона). Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что перед Черномырдиным стояли и другие задачи.

По мере того, как выяснялась несостоятельность американской стратегии на Балканах, руководство США объективно все более нуждалось в помощи России, чтобы выбраться из неприятностей, которые само для себя создало. Черномырдин, в отличие от Примакова и Иванова, человек вполне лояльный к интересам США, чего не скажешь об интересах собственной страны. Однако у него и у Ельцина были и собственные интересы.

К весне 1999 г. Черномырдин был единственно приемлемым для Запада и окружения Ельцина кандидатом на пост нового президента России. Проблема

в том, что он оказался абсолютно неприемлем для населения собственной страны. Его возвращение во власть могло бы стать возможно лишь в случае, если будут резко изменены правила игры. Демократическими процедурами такого достичь нельзя. Но если демократическими формальностями на некоторое время все равно предстояло пожертвовать, то Черномырдин уже не мог считаться идеальным лидером — нужен был кто-то более жесткий и сильный. Кремль находился в поисках.

12 мая, точно в соответствии с опубликованными в прессе прогнозами, правительство Примакова было отправлено в отставку. Думе предлагают утвердить новую кандидатуру — министра внутренних дел и главного полицейского страны Сергея Степашина. Черномырдин остается в резерве, а депутатам напоминают, что если они три раза подряд проголосуют против, правительство все равно будет назначено, зато Думу разгонят. Оппозиция сначала обещала уличные протесты, а затем стала обсуждать заведомо непроходной импичмент. Впрочем, понять депутатов можно: они боялись не только разгона Думы, но запрета оппозиционных партий и такого изменения избирательного закона, чтобы никто из опасных противников Кремля в новый парламент не прошел. Ельцинская конституция позволяет сделать это вполне законно. Фактически она предоставляет президенту право раз в 2 года совершать государственный переворот. Планы эти обсуждаются в печати вполне открыто и сочувственно. Ведь российская либеральная пресса обожает государственные перевороты и расправы над инакомыслящими.

Черномырдину действительно было что обсуждать в Вашингтоне. Американской администрации пришлось выпутываться из Балканского кризиса. Кремль мог надавить на Белград, сделать его сговорчивее — хотя бы настолько, чтобы Клинтон мог хоть что-то предьявить общественному мнению в собственной стране. А Черномырдину и Ельцину нужны были гарантии Запада при решении собственных проблем. Прогнозировались массовые волнения и даже восстания, депутаты могли отказаться разойтись, и речь шла о применении силы. Необходимо было, чтобы демократический мир все это одобрил, поддержал и оказал, по возможности, материальную помощь.

Семь с половиной месяцев правления Примакова подошли к концу. В течение этого времени Россия получила в первый раз правительство, которое без большой натяжки можно назвать «розовым» или социал-демократическим. Причем не в понимании Блэра и Шредера, а во вполне традиционном смысле. Технически это правительство было компетентным и эффективным, но политически потерпело полный крах. После августовского кризиса, когда олигархи были деморализованы и находились на грани банкротства, можно было подорвать их силу, национализировав нефтяные компании и банки. Можно было использовать власть для расширения политической базы правительства, мобилизации его сторонников. Ничего подобного сделано не было.

Люди из окружения Примакова и Маслюкова прямо говорили про «двоевластие» в стране. Но это двоевластие не имело ничего общего с двоевластием времен революции, когда одна власть опиралась на бюрократический аппарат, а другая на народное движение. В 1992–93 гг. Верховный Совет, пусть непоследовательно и трусливо, но все же пытался опереться на массы в борьбе за власть.

В 1998–99 обе конкурирующие силы вели чисто бюрократическую игру. Легко догадаться, что на этом поле у Кремля было огромное преимущество.

Чувствуя угрозу, правительство Примакова начало отступать. Самое забавное, что именно его кабинет в принципе мог протолкнуть через Думу несколько законопроектов, которые должны были бы ублажить Международный валютный фонд. Ради сохранения у власти лево-центристского правительства часть парламентского большинства готова была пожертвовать интересами своих избирателей. В свою очередь Примакову пришлось бы взять на себя ответственность за непопулярные меры, принятые под давлением МВФ. Западные банкиры требовали увеличения налогового бремени, и без того практически подавившего экономику, сокращения социальных дотаций. Жертвами сокращений должны были стать образование, медицина, культура и даже инвалиды Чернобыльской катастрофы. Но в Кремле желание избавиться от «левого» правительства пересилило даже стремление угодить МВФ. Тем более, что в качестве компенсации за отстранение «левых» от власти МВФ со своей стороны мог бы сделать определенные уступки, смягчив свои требования.

После отставки Примакова «черная работа» по разорению собственного населения в угоду МВФ досталась следующему кабинету (который, к счастью, с ней тоже не справился). А у населения остался светлый миф о хорошем левом правительстве, которое пыталось защитить интересы народа и было за это отправлено в отставку. Как и все мифы, он не вполне соответствует действительности, но создал его сам Ельцин.

Если Примаков остался в героях, то Коммунистическая партия, не сумевшая и не пожелавшая защитить «розовый кабинет», была еще больше дискредитирована. Престиж Примакова и до отставки был значительно выше, чем у депутатов и партийных лидеров. Теперь разрыв еще больше увеличился.

Ельцин, как всегда, победил своих соперников, но новому правительству оставалось либо продолжать по инерции курс Примакова, либо повернуть руль вправо. В последнем случае страну ожидало резкое обострение социального кризиса, а возможно, и повторение августовского финансового краха. Возникла патовая ситуация. Управлять ею Сергей Степашин мог, выйти из нее — нет. А потому, буквально с первого дня, для Кремля было ясно, что эта фигура переходная. Не просидев в кресле премьера и трех месяцев, Степашин был вынужден уступить его бывшему руководителю госбезопасности Владимиру Путину.

Впрочем, эти несколько переходных месяцев не прошли совершенно пустую. Соглашение по Югославии, принятое министрами иностранных дел России и G7, тоже ничего не решало, но давало Западу спасительный шанс. Теперь у Кремля появлялась возможность давить на Белград, не провоцируя слишком большого недовольства в собственной стране, ведь формально предполагались роли и для Организации Объединенных Наций, и для самой России. И даже упоминалось сохранение территориальной целостности Югославии. Правда, дело подпортили натовские пилоты, разбомбившие китайское посольство в Белграде. Мало того, что волна антиамериканских протестов прокатилась по Китаю, она вновь подогрела антиамериканские настроения. А главное, всем в очередной раз стало ясно, что, как говорят в России, «не так страшен черт, как его малюют». Если при всей своей мощи Соединенные Штаты два месяца подряд не могли справиться с маленькой Сербией, одновременно

демонстрируя, по словам одного из либеральных (!) депутатов Думы, полнейшую безответственность и разгильдяйство, почему мы в огромной России так боимся американцев? До недавнего времени в России считали бестолковость и неэффективность исключительно нашей национальной чертой. Сегодня мы видим, что мировой лидер — ничем не лучше. Следовательно, у нас появляются причины относиться с большим уважением к самим себе.

Время Ельцина и его окружения подходило к концу. И дело не только в сроке его власти — до 2000 г. Дело и не в его ухудшившемся здоровье, хотя рано или поздно природа должна взять свое. Дело в полном банкротстве неолиберальной экономической модели — в России и по всему миру. Ресурсов для продолжения расточительной неолиберальной политики просто нет. Именно вынужденное признание этого факта Кремлем в сентябре 1998 г. привело к власти Примакова. В 1999 г. возникла иллюзия нормализации, но возврат к старой политике уже был объективно невозможен.

Наконец, настроение в обществе изменилось. Люди больше не хотят быть просто жертвами. Депутаты, наученные опытом 1993 г., не готовы были сопротивляться. Правительство Примакова безропотно подчинилось решению президента. Но миллионы людей в России мало думали о конституционных полномочиях президента. Они просто ненавидели Ельцина и его американских покровителей.

Многие революции начинались с попыток старой власти сместить умеренно реформистское правительство. В итоге общество сравнительно быстро получало новых лидеров, куда более радикальных. В окружении Ельцина отдавали себе отчет и в этом. Нужно было создать видимость перемен — для того, чтобы все осталось по старому. Нужно было дистанцироваться от Запада для того, чтобы сохранить выгодные транснациональным монополиям экономические структуры. Надо было поставить на место олигархов, дабы те своими выходами не приближали собственное крушение. Надо было защитить воров от правосудия — под предлогом борьбы за «наведение порядка» в правоохранительных органах. Необходимо было создать видимость обновления политики и руководящих кадров, сохранив преемственность. Наконец, нужна была жесткая и жестокая фигура, способная осуществить все это на практике и удержать ситуацию под контролем.

Такой фигурой для Кремля в 1999 г. стал Владимир Путин.

Глава 13

Война за кремлевское наследство

Видимо закономерно, что разговоры о возможной отмене выборов у нас в стране начинаются всякий раз, когда избирателям предстоит решать судьбу президента. В 1996 г., когда Ельцину предстояло бороться за сохранение своего поста с Зюгановым, а рейтинг действующего главы государства был не более 6 %, прогнозы об отмене голосования выглядели очень убедительно. Бывший министр внутренних дел Анатолий Куликов после отставки со своего поста признался, что в марте 1996 г. уже и решение об отмене выборов было готово, и указ о запрете Компартии был написан, короче — предстоял новый государственный переворот по полной программе. Но в последний момент президент передумал. Выборы состоялись в срок, а вместо танков применили «избирательные технологии» — и результат получили ничуть не хуже: Ельцин остался в Кремле, а олигархия при деньгах.

В 1999 г. Кремль столкнулся с теми же проблемами, с которыми имел дело в 1996, но при гораздо менее благоприятных обстоятельствах.

Дилеммы «семьи»

В 1996 г. никто не собирался отменять выборы просто из нелюбви к избирателям. Вопрос перед кремлевской верхушкой стоял совершенно в иной плоскости: как обеспечить сохранение власти для Ельцина и его окружения? Если это можно сделать через выборы, законным порядком — почему бы нет? Но не менее существенно другое. В Кремле твердо знали, что *ни при каких обстоятельствах* команда президента власти не отдаст.

Дело здесь было не в страхе перед коммунистами, а в трезвом понимании того, что смена власти повлечет за собой катастрофические последствия.

И в 1996 г., и 4 года спустя суть проблемы была сформулирована предельно откровенно: стране грозит «предел собственности». Сколько бы ни рассуждали либеральные экономисты о построении рыночной экономики, собственность и власть в России остаются теснейшим образом переплетены. В Восточной Европе за время либеральных реформ удалось создать некое подобие правящего класса. Эта группировка устойчива и самодостаточна. Она не только может благополучно пережить смену власти, но и способна успешно управлять ею в своих интересах. Когда антикоммуниста Леха Валенсу на посту президента Польши сменил бывший коммунист Квасьневский, люди, контролирующие финансовый капитал, спокойно продолжали свои дела. Сменяющие друг друга правительства должны были сами искать у них одобрения.

В России ситуация сложилась иначе. Войдя в капиталистический мир в качестве сырьевого придатка Запада, наша страна так и не смогла сформировать собственную национальную буржуазию. Вместо единого, более или

менее структурированного правящего класса — многочисленные группировки, клики, банды, «семьи». Внутренний рынок слабо интегрирован, наиболее динамичные производства работают на экспорт, но выжить без остальной страны они не могут. Поддержанием экономической и политической устойчивости занимается государство, оно же не дает обществу окончательно распасться на соперничающие группировки.

Без государства ни одна деловая империя в России 90-х не возникла и не выжила бы. Многие «первопроходцы рынка» быстро сошли со сцены именно потому, что не поняли этой простой истины. Отношения с государством строятся не на формальном договоре, а на личных связях, взаимопомощи и взаимном доверии между определенными группами предпринимателей и чиновников. Это уже не коррупция, а система, без которой не может существовать ни государство, ни бизнес. Описывая отношения между дочерью Ельцина Татьяной Дьяченко, банкиром Александром Мамутом, нефтяным магнатом Романом Абрамовичем, политиком Анатолием Чубайсом и олигархом Владимиром Потаниным, деловая газета «Ведомости» писала: «Что это, если не классическая *old boy network* по английскому образцу? Все вместе учились, все друг друга доверяют (поэтому, например, Мамут не верит в кремлевскую коррупцию, а Татьяну Дьяченко называет великой альтруисткой). Все вместе пьют кофе в парижских кафе, катаются на лыжах в Швейцарии». Это продолжение традиций, сложившихся еще в конце советской эпохи. «В каждом московском поколении были “золотые” мальчики и девочки с дорогими машинами и папами во Внешторге или адвокатских кругах. “Хорошие семьи” всегда держались вместе. Вот и Мамут женат на бывшей жене внука Брежнева. Мало кто из отпрысков этих семей нищенствует или бунтует. Особенно к 40 годам»¹⁾.

Группировка, сложившаяся вокруг президента, получила название «семья» не только потому, что центральной фигурой в ней является Татьяна Дьяченко, дочь Ельцина. Гораздо важнее, что сами отношения между партнерами здесь строятся совершенно неформально, по-семейному. Здесь не все друг друга любят, но все друг с другом неразрывно связаны. Приход во власть нового человека немедленно разваливает систему. И не столь уж важно, кто этот новый человек — Зюганов, Лужков или Лебедь.

Практически все деловые группировки зависят от перераспределения ресурсов. Тот, у кого власть, обеспечивает господствующее положение своей «семье». За помощь на выборах надо расплачиваться. Ресурсов в стране мало, а претендующих на них много. Организовать полноценный и устойчивый экономический рост такие элиты неспособны. Специалисты по захвату собственности просто не могут стать эффективными руководителями производства — у них совершенно другой тип мышления.

Бывшую всенародную собственность поделили незаконно, а потому передел всегда возможен. Более того, он необходим — события августа показали, что в стране слишком много олигархов. Экономика, резко сократившаяся в объеме за время реформ, уже не может обеспечивать благополучное существование такому большому количеству «деловых людей». Концентрация капитала становится настоящей необходимостью, но единственно доступным механизмом

¹⁾ Ведомости, 11.10.1999.

остается экспроприация. Вопрос в том, кто кого будет экспроприировать? К тому же в России мирно уйти редко кому удастся. У нас в стране из большого бизнеса уходят, как правило, на кладбище. Поскольку реальной рыночной инфраструктуры нет, а правовые основы режима сомнительны, перераспределение сфер влияния просто не может пройти гладко. Тут государственное вмешательство может даже оказаться наиболее мирным способом разрешения конфликтов между собственниками.

В такой ситуации любая смена власти оборачивается потрясениями и, в той или иной форме, насилием, даже если будет соблюдена демократическая процедура. В 1996 г. крупнейшие олигархи, понимая это, предпочли договориться между собой. В 2000 г. сделать это оказывается уже труднее — ресурсы исчерпаны, соперничество обострилось. А главное, в прошлый раз предстояло договориться о сохранении статус кво, который не всех устраивал, но был все же лучше неопределенности. На сей раз речь уже шла об уходе Ельцина и появлении нового лидера. Нужно было заключить новый договор, а это куда сложнее. К тому же нет гарантии, что договор будет выполнен.

Добровольно отдать власть при таком положении дел может только самоубийца или идиот. Отсюда вовсе не следует, что кремлевская «семья» только и мечтала об отмене выборов или перевороте. Главная проблема была не в том, что Ельцин, по выражению генерала Лебеда, решил «умереть президентом». Просто для кремлевской «семьи» все труднее оказывается удерживать свои позиции без сохранения действующего президента. Ельцин сам сделал все, чтобы не допустить появления наследника. В любой политике из своего окружения, способном стать ему заменой, он видел опасность для себя. К 2000 г. стали очевидны плоды этой политики. «Семья» с удовольствием поддержала бы «ельцинизм без Ельцина» — но поздно.

При «нормальном» развитии событий удобного для «семьи» политика раскрутить и избрать на пост главы государства за оставшийся до выборов год было уже невозможно. Время упущено. Допустить избрания чужого человека на ключевой пост — смерти подобно. А тем временем натиск на позиции «семьи» усиливался. Трагично лишь то, что нападали на власть не возмущенные массы, а ее же собственные недавние союзники и сообщники, которые не только ничем не лучше действующей власти, но во многих отношениях даже хуже. Впрочем, в современной России вообще нет борьбы между властью и оппозицией. Нет даже борьбы за власть. Есть только борьба внутри власти.

С приходом к власти Евгения Примакова в правоохранительных органах оживились попытки хоть как-то ограничить разгул коррупции. Генеральный прокурор Юрий Скуратов попатился за это своим креслом (причем премьер Примаков не только не выступил на его защиту, но и солидаризировался с Кремлем). Поскольку Ельцин не мог открыто объявить об истинных причинах отставки, ее мотивировали «неэтичным поведением» прокурора, которого уличили в свидании с двумя легкомысленными девицами. Доказательством прокурорского грехопадения служила видеозапись, сделанная скрытой камерой. Та же видеозапись, однако, служила и доказательством заранее спланированной провокации. Проблема была в том, что согласно конституции отстранение Скуратова требовало одобрения Советом Федерации. А сенаторы-губернаторы заартачились. 17 марта 1999 г. они отказались утвердить указ президента

о смещении генерального прокурора. Как отмечал обозреватель газеты «Континент» Сергей Обухов, Совет Федерации «подавляющим большинством влил пощечину кремлевскому клану»²⁾. В ответ власти продемонстрировали скандальную пленку по телевидению (в первый раз, правда, в сокращенном виде). В отличие от Соединенных Штатов в России подобные методы оказались совершенно неэффективны, вызвав скорее симпатию к жертве провокации. А государственное телевидение, продемонстрировавшее порнографическую пленку, поставило себя в весьма шекотливое положение.

Против Скуратова возбудили уголовное дело, которое с треском провалилось, но попытки прокурора вернуться в свой кабинет пресекались охраной здания. Не имея возможности назначать и снимать генерального прокурора, Ельцин стал назначать и снимать исполняющего обязанности руководителя прокуратуры. В итоге Россия на много месяцев получило сразу двух генеральных прокуроров — одного законного, но не действующего, другого действующего, но незаконного. Смена правительств в этой ситуации ничего не изменила. Евгения Примакова на посту премьера сменил Сергей Степашин, затем Степашина — Владимир Путин, а генерального прокурора в стране все не было. В 1999 г. таким же образом сместили и близкого к Лужкову руководителя столичной милиции генерала Николая Куликова. Отставленный генерал жаловался в суд на незаконное решение, но это никого особенно не смущало.

Мечта Лужкова о Кремле

Раскол внутри власти обострился из-за президентских амбиций Ю. М. Лужкова. Для этого ему необходимо было политически перерасти границы своего «удельного княжества». Но любая попытка консолидировать региональные элиты помимо Кремля означала автоматическое нарушение хрупкого политического равновесия, на котором держалась ельцинская «Вторая республика». Ситуация московского градоначальника напоминала старый грузинский анекдот. Таксист едет на красный свет и объясняет перепуганному пассажиру: спокойно, я мастер. И вдруг, увидев зеленый, резко жмет на тормоза: вдруг там другой мастер едет?

В этой обстановке Лужков сделал, как ему показалось, наиболее естественный и правильный ход. Он решил договориться с наиболее «сильными» региональными лидерами, собравшимися в блоке «Вся Россия». Здесь объединились типичные российские «касики», к тому же — настоящие специалисты по выборам. Лужков избрался на пост мэра в 1996 г., получив 90 % голосов — никто из серьезных политиков даже не решился баллотироваться. Деятели из «Всей России» шли тем же путем. Минтимер Шаймиев, грубо нарушив закон о выборах, сделал себя единственным кандидатом на пост президента в республике Татарстан. Народ поддержал, как в советское время — 90 % голосов! В том же 1996 г. прессу обошла замечательная стенограмма селекторного совещания башкирского лидера М. Рахимова с районными начальниками. Республиканский лидер внедрил тогда новую избирательную технологию: пообещал отключить отопление и электричество в районах, где за Ельцина будет отдано недостаточно голосов. Районное начальство, естественно, постаралось.

²⁾ Континент, март 1999. № 12. С. 3.

Выборы в городское собрание Петербурга, проведенные мэром Владимиром Яковлевым, тоже всем хорошо запомнились. Убийство, подлоги, чего только не было! В общем выборы прошли успешно. В Питере получилось очень хорошее законодательное собрание, где заседает несколько известных всему городу бандитов. За городом закрепилась слава «криминальной столицы». Мэр не скрывал, что вполне доволен своими депутатами.

То, что все эти губернаторы объединились в одной команде, совершенно не удивительно. Гораздо интереснее задуматься о том, что объединило их с Лужковым. Ведь, в отличие от московского мэра, у деятелей, создавших «Всю Россию», президентских амбиций не было. Большинство из них уже и так были президентами — в автономных республиках.

Традиционно лидеры автономий не отличались державным патриотизмом. А уж Шаймиев вообще грозил выйти из состава России. Он ведь, в некотором роде, «субъект международного права». Лидер Ингушетии Руслан Аушев тоже не самый отчаянный сторонник «единой и неделимой». Если все они дружно решили поддержать одного из кандидатов в российские президенты, то в этом явно должен быть какой-то интерес. Между тем Лужков делал ставку на имперскую риторику, его сравнивали с московским князем Иваном Калитой, «собирателем земли русской», Лужков требовал от Украины возвратить Севастополь, а кавказцам — соотечественникам Аушева создал в столице совершенно невыносимые условия. Все это, казалось бы, должно было отпугивать лидеров национальных автономий. Но на практике дела пошли иначе. Правительства автономий явно не верили ни слову из того, что говорил московский мэр. И именно поэтому готовы были его поддержать.

И все же решение Лужкова о союзе с группировкой Шаймиева свидетельствовало о глубоком кризисе первоначального политического проекта столичного мэра. Надежда на то, что опираясь на московский опыт и деньги можно будет получить массовую поддержку в стране и создать крепкую власть, явно не оправдывались. Московский мэр оставался по-прежнему неспособен влиять на события за пределами своей вотчины. Создав собственное движение «Отечество», Лужков не сумел превратить его в настоящую всероссийскую политическую силу. Не только за пределами столицы, но даже в Москве эта организация не могла функционировать без помощи мэрии. Вместо того, чтобы стать опорой Лужкова, его партия сделалась обузой — нужно было содержать совершенно бесполезный, но невероятно прожорливый и насквозь коррумпированный политический аппарат.

Политическая база губернаторов — классическая «клиентелла» латиноамериканского типа. Личная преданность вождю вознаграждается доступом к общественным ресурсам и неформальным влиянием в среде себе подобных. Эта модель отношений весьма устойчива (по крайней мере до тех пор, пока деньги не кончатся). Но у нее есть и свои минусы, которые обнаружились при партстроительстве. В «Отечестве» оказалось много начальников разного ранга, но не было активистов. Политическая борьба для нового партхозактива — в новинку. Вывести некоторое количество добродушных обывателей на площадь таким образом можно. Мобилизация масс происходит привычными методами — прислали автобусы, отпустили людей с работы, проконтролирова-

ли, чтобы не разбежались по дороге. На выборах это не работает. А главное, за пределами Москвы начальники играют в ту же игру, только — в свою пользу.

Почувствовав, что Лужков может стать новым лидером страны, к нему стали стягиваться карьеристы всех мастей, обиженные Ельциным чиновники кремлевской администрации, несостоявшиеся министры. Вокруг него вилась целая туча льстецов и «интеллектуалов», воспевавших великие заслуги мэра и непрерывно кланчивших деньги. Театральный критик Инна Вишневская описывает одну из встреч Юрия Лужкова с «интеллигенцией». Сначала к мэру вышла Наталья Дурова, руководитель Театра зверей. «На шее у нее бантом был завязан пятнистый удав, все норотивший достать жалающим своим языком глаз мэра. “Накормите театр зверей!” — сказала Дурова. Мэр немедленно согласился, увертываясь от горжетки-гадюки. Из рядов вывели большого медведя, который попросил у мэра повышенной пенсии». Лужкову ничего не оставалось, как выписать чек. Но это было только начало. «Сказав еще на прощание, что тараканы узнают ее по голосу, сверкая роскошной камеей, мушкетерской шляпой и зелено-бурой змеей, Дурова удалилась. На смену ей стали выбегать уже и вовсе “теоретики”, обобщающие театральный наш опыт — директора, главные режиссеры и главные актеры неких театров под общим названием “Видогонь”. Борцы за культуру просили: расширить помещение для театра “Аквариум”, потому что уже сами плавают в этом аквариуме, построить им дворец, потому что, как говорили классики, театр — это храм, и, наконец, перечислить пять лампочек по 60 свечей, так как старые, ввинченные еще Лениным, — перегорели. Юрий Михайлович покорно все записывал в блокнот». Затем вся публика ринулась в зал с накрытым столом, как принято в таких случаях, — «после собрания, симпозиума, премьеры, — обязательно увидите сотни спин, лежащих животами на “фуршете” и шуршащих полиэтиленовыми мешочками, куда еще во время войны, учил нас один из вахтанговских актеров, нужно сливать с банкетных столов подсолнечное масло. Вы должны лечь на лежащих и, балансируя тарелкой, схватить без вилки скользкий гриб...»³⁾

Вся эта публика умела только выпрашивать, растрчивать и разворовывать деньги — никакой политической выгоды для Лужкова от подобных мероприятий не было. Иметь дело с провинциалами было надежнее. Не очевидно, что дружба Лужкова с Шаймиевым прибавила московскому мэру авторитета в Казани, но не это главное. В Казани умеют считать. Не зря же там трудился сам Лобачевский, открывший пересекающиеся параллельные прямые!

Как известно, у нас, чтобы договориться, надо поделиться. Блок московского правителя с другими удельными князьями фактически означал отказ от претензии на царскую власть. В обмен на поддержку региональных лидеров Лужков должен был, по крайней мере, пообещать своим коллегам такую меру независимости, что сама должность кремлевского президента рисковала превратиться в чисто номинальную. Разумеется, эти обещания, как и любые другие, могли быть впоследствии нарушены, но сделать это было бы не так-то просто, ведь автономные президенты тоже не лыком шиты.

По мере того, как становилась ясна цена компромисса, пост президента стал терять привлекательность для Лужкова. В то же время все более очевидной

³⁾ Дом Актера, 1999, декабрь-январь. С. 14.

становилась необходимость искать политически удобную фигуру, пользующуюся влиянием не только в столице. Это вынудило Лужкова совершить новый шаг в сторону от первоначального проекта — пост лидера ОВР был предложен отставному премьеру Евгению Примакову, который после некоторого колебания согласился. Все опросы общественного мнения показывали, что после отставки Примаков оставался самым популярным политиком в стране. Более того, после отставки рейтинг бывшего премьера продолжал расти. Объяснялось это прежде всего тем, что Примакова считали независимым политиком, не связанным ни с одной элитной группировкой, думающим об интересах страны и простых людей. В этом плане появление Примакова во главе блока «Отечество—Вся Россия» было сильным предвыборным ходом для этого блока. Но одновременно это было и серьезным просчетом Примакова, который утратил репутацию независимого политика. Более того, соединившись с Лужковым и Шаймиевым, бывший «розовый премьер» утратил поддержку в левых кругах.

На протяжении всех 90-х гг. политики и журналисты пугали друг друга призраком распада России (который естественным образом должен был последовать за распадом СССР). Но Российская Федерация сохранилась. Точнее, период полураспада России оказался исключительно долгим. Формой распада стало не создание новых государств, а именно развитие «касикизма» по-русски. Но политический процесс вступил в 1999–2000 гг. в новый цикл. Замена Ельцина на Горбачева стоила нам потери Союза. Ясно, что борьба за власть в Кремле была не единственной, даже не главной причиной этого, но именно она подтолкнула окончательный развал. Логика здесь проста. Политик, удерживающий власть, стремится сохранить целостность страны, ибо это его владения (пожалуйста, не надо искать иных причин). Напротив, политик, борющийся за власть, вполне может пожертвовать частью земель, ведь они еще не стали его личными вотчинами.

Борьба за передел власти, начавшаяся в 1999–2000 гг., снова сделала угрозу распада страны актуальной. Лужков всегда был прежде всего лидером московской деловой группировки и в борьбу за президентское кресло он вступил не только из-за личных амбиций. Интересы этой группировки надо было охранять, в том числе и от кремлевских олигархов, и от «жадных провинциалов», которые могут захотеть использовать государство для перераспределения ресурсов в свою пользу. Находясь в Москве, легко говорить об общих интересах, но по отношению к стране в целом столичная элита — одна из самых своекорыстных и «сепаратистских». Разумеется, сепаратизм Москвы имеет определенные пределы. Благополучие столицы зиждется на перекачивании финансовых ресурсов с периферии в центр — это логика капиталистического рынка (по той же логике финансовые ресурсы России аккумулируются на Западе). Централизация капитала позволяет эти ресурсы выгоднее использовать. Ясное дело, Лужков был всегда заинтересован в том, чтобы единое экономическое пространство до известной степени сохранилось. Парадокс в том, что команда Ельцина в 1991 г. рассуждала точно так же. Исходя из очевидных экономических преимуществ России по отношению к ее политической периферии, эта команда готова была допустить распад Союза в глубокой уверенности, что «республики от нас все равно никуда не денутся». Между тем логика политической дезинтеграции требует иного, а локальные финансовые центры начинают

напрямую работать с западными. От бывшей метрополии стараются удалиться даже себе во вред, ибо бюрократия не всегда думает об экономике.

Превращение Российской Федерации в некое современное подобие Священной Римской Империи или поздней Киевской Руси — далеко не единственная опасность, связанная с консолидацией региональных лидеров. Как известно, плюрализм — залог демократии. Английские пуританские секты, селившиеся в XVII веке в Америке, были отнюдь не демократичны. Но их было много и они уравнивали друг друга. Отсюда знаменитое американское понимание демократии как системы сдержек и противовесов. Не удивительно, что из всех демократических принципов в России прижился именно этот.

Объединение региональных элит и их попытка поставить под свой контроль нижнюю палату означала нарушение сложившегося равновесия. В Америке нарушение равновесия между региональными элитами привело в XIX веке к гражданской войне. В России политический конфликт принял первоначально форму «информационной войны», но для всех участников событий с самого начала было ясно, что пропаганда и насилие (или угроза насилия) неотделимы друг от друга. Региональные элиты, не вошедшие в блок «Отечество—Вся Россия» (ОВР), тоже стали объединяться. Кремль оказал им в этом поддержку. После некоторого колебания большинство близких к президенту губернаторов объединилось в межрегиональное движение «Единство» (Блок «Медведь»). Плюрализм избирательных нарушений в 1994–98 гг. оставался в России единственной реальной гарантией свободы выбора. Чем более консолидированы местные элиты, тем меньше плюрализма, тем меньше зависит от воли граждан. В свою очередь Кремль, предвидя возможные неприятности, предпринял меры для того, чтобы свести к минимуму подтасовки в пользу ОВР, одновременно гарантировав безнаказанность тем, кто постарается в пользу «Медведя». В Москве началась спешная замена состава избирательных комиссий, показавших себя инструментом Лужкова в 1996 и 1997 гг. В регионах, поддержавших Кремль, подобных «чисток» не проводилось.

Ясно, что пока региональные элиты фактически бесконтрольны, в России не будет ни полноценной демократии, ни настоящего федерализма. Борьба за власть внутри самой власти не может кончиться ничем хорошим. Более того, враждующие элиты все меньше интересуются проблемами страны, а народ для них — не более, чем электорат, на который нужно воздействовать пропагандистскими технологиями, да и то лишь в той мере, в какой нельзя применить фальсификацию и прямое принуждение.

Беда в том, что попытки призвать к порядку региональных автократов сами по себе не всегда укрепляют демократию. Расцвет «касикизма» в Латинской Америке пришелся на первую половину нашего столетия. И, что греха таить, военные диктатуры, утвердившиеся на континенте в 60-е и 70-е гг., оказались наиболее эффективным орудием для борьбы с этим злом. Армия как единственная организация с общенациональной структурой была заинтересована и способна подавить «касикизм». Правда — ценой одновременной ликвидации гражданских свобод. Потому появление во главе правительства бывшего начальника госбезопасности Владимира Путина стало вполне закономерным ответом Кремля на политику Лужкова.

Безликие левые

К концу политического цикла 1995–2000 гг. оппозиция подошла не в лучшем состоянии, нежели власть. В 1995 г. возрожденная коммунистическая партия претендовала на роль выразителя массового недовольства. В ней видели политическую силу, способную принести стране перемены. Она получила для этого все возможности. Массовое голосование за оппозицию на думских выборах 1995 г. свидетельствовало о том, что страна левее и хочет перемен. Но ельцинская конституция 1993 г. фактически не давала возможности оппозиции парламентским путем прийти к власти. Бессильная Дума могла стать политической трибуной, но не инструментом политической и социальной реформы.

Интегрировавшись в думские структуры, приняв правила игры, парламентская оппозиция все более коррумпировалась — и в политическом, и в моральном, и даже в прямом, уголовном смысле. Она быстро утрачивала решимость к борьбе, связь со своими сторонниками на местах. Аппаратная грызня привела к выдвиганию на первый план людей бесцветных, но лояльных по отношению к руководству. Лидеры КПРФ все менее походили на левых. Геннадий Зюганов всегда симпатизировал национализму, с подозрением относился к «западничеству», с которым тесно связана русская революционная и марксистская традиция. Но в 1995 г. еще можно было провести четкое различие между консервативно-почвенническими настроениями Зюганова и партийной идеологией. В период 1995–99 гг. Зюганов и его окружение проигрывали власти в любом конфликте. Единственное, в чем они преуспели, это в подавлении внутренней оппозиции. Теперь можно было с полной уверенностью сказать, что идеология Зюганова стала идеологией партии. Социалистические идеалы сменил «державный патриотизм», на самом деле — обычная идеология провинциального консерватизма. С такими идеями партия была бессильна предложить стране программу модернизации, она не могла привлечь на свою сторону молодое поколение, просто образованных людей, жителей крупных городов. В рабочих районах «красного пояса» популярность КПРФ стремительно падала. И дело было не в том, что массы недостаточно патриотичны, а в том, что любовь к родине несовместима с бездарным почвенническим консерватизмом. Патриотические лозунги становятся пустой бессодержательной риторикой, за которой скрываются безынициативность, беспринципность и оппортунизм.

После августовского финансового краха общественное мнение в России явно «полегло». Но за 4 года работы в Думе руководство компартии себя дискредитировало, а лидеры двух других «левых» фракций (аграрии и группа «Народовластие»), полностью подконтрольные КПРФ, вообще потеряли собственное политическое лицо. Если в 1995 г. голосование за коммунистов было единственным способом выразить недовольство системой, то в 1999 г. компартия сама воспринимается как часть системы, причем далеко не лучшая. Недовольство властью дополняется неприязнью к оппозиции. Геннадий Зюганов уже не воспринимается как единственная альтернатива Ельцину. Более того, предав в мае левоцентристское правительство Примакова, руководство КПРФ еще больше подорвало доверие к себе избирателей. В течение лета и начала осени 1999 г. популярность оставленного Примакова продолжала

расти, а популярность КПРФ падала. Коммунисты в Думе даже не решились полностью отвергнуть пакет мер, предложенных властью по согласованию с МВФ. Вместо решительного «нет» прозвучало нечто невнятное: все, что полезно для страны, примем, а вредное отвергнем (хотя сами лидеры КПРФ ранее объясняли: ничего полезного для России от МВФ ждать не приходится).

В течение 90-х гг. число людей, воздерживающихся от голосования или голосующих против всех, постоянно возрастало, но большинство граждан страны все же является на избирательные участки. Теоретически кризис КПРФ в сочетании с полевением общества давал шанс на возрождение в России демократических левых. На самом деле, однако, все обстояло гораздо сложнее. Партии и движения демократических левых, весьма активные в период 1991–93 гг., впоследствии пришли в упадок или распались, не выдержав совместного давления ельцинской власти и зюгановской КПРФ. Партия Труда распалась. Социалистическая партия трудящихся резко сократила свою численность и влияние. В преддверии выборов возникла коалиция четырех небольших организаций: Социалистической партии трудящихся во главе с Л. Вартазаровой, Союза Труда и Народовластия, возглавляемого генералом А. Николаевым, Партии Самоуправления Трудящихся под руководством С. Федорова и Союза Реалистов—Движения за новый социализм, созданного Ю. Петровым. В совместной декларации они заявили о намерении не только вместе идти на выборы, но и создать впоследствии Объединенную Социалистическую партию. Лидером блока был назван генерал Андрей Николаев, бывший командующий пограничными войсками России. Несмотря на почти революционные названия, все эти организации весьма умеренные, пытающиеся завоевать доверие западной социал-демократии. Политическое лицо коалиции осталось неясным, лозунги невнятными, никакой связи с массами у нее не было. На выборы объединившиеся социалисты пошли под названием «Блок генерала А. Николаева и академика С. Федорова». Пропаганда блока призвала голосовать за «людей твердого слова и честного дела». Политическая и экономическая программа этих хороших людей так и осталась для большинства избирателей тайной.

Попытка создавать новое левое движение в России не может увенчаться успехом, если будет основываться на умеренности. Левые сегодня обречены на радикализм, если, разумеется, они серьезно хотят играть роль в политической жизни. Именно консерватизм и оппортунизм подорвали позиции КПРФ. Занять позицию «справа от КПРФ» вряд ли кому удастся. Нет такой позиции. Другое дело, что современный радикализм не может основываться на идеях вчерашнего дня. Нужно говорить о национализации крупнейших сырьевых монополий — этого, судя по опросам, хочет большинство народа. Но невозможно мечтать о возврате в прошлое. Можно и нужно требовать увеличения государственного вмешательства в экономику, но невозможно поддерживать ельцинское государство — насквозь коррумпированное, неэффективное и по сути своей антинародное. Оно должно быть радикальным образом преобразовано. Можно и нужно добиваться децентрализации — но не путем передачи власти самодурам губернаторам и алчным местным элитам. Как раз наоборот — смысл децентрализации в распространении демократии на места, т. е. в политическом и социальном разгроме местных элит.

Такую программу пока не готова выдвинуть ни одна политическая сила. Более того, на протяжении ельцинского периода массы оказались настолько деморализованы (и отчасти деклассированы), что трудно было ожидать мощного стихийного давления «снизу». У населения появилось некоторое понимание противоречий между собственными интересами и интересами элит (включая «оппозиционные» и «местные»), но нет ни навыков самоорганизации, ни веры в собственные силы. Перед страной стоят проблемы, для решения которых нужна, в сущности, настоящая революция, однако не было особых оснований для надежды ни на «революцию сверху», ни на революционный подъем «снизу». И все же патовая ситуация не может сохраняться бесконечно. Политическая апатия тоже не может продолжаться вечно. Малейшие признаки экономического роста обнажают социальные конфликты.

Страна на пороге нового политического цикла, который даст толчок к появлению новых политических организаций и новых лидеров. Ждет ли нас возрождение или окончательный развал страны — покажет будущее.

Стратегия дестабилизации

К осени 1999 г. всем стало ясно, что время Ельцина в России кончается. И дело не в том, что конституция 1993 г. запрещает президенту баллотироваться на третий срок. Политическая и экономическая модель, созданная в результате октябрьского переворота 1993 г., полностью исчерпала себя. В стране просто нет ресурсов для поддержания системы олигархического капитализма. Нет средств на инвестиции, нет возможности содержать паразитические элиты и разваленный ими средний класс. Единая команда олигархов, порой соперничавших между собой, но совместными усилиями контролировавших страну, распалась на соперничающие группировки, ведущие войну на уничтожение.

«После 17 августа 1998 власть и крупный бизнес друг другу более не доверяют, совместные дела вести не будут. Эпоха олигархического капитализма в России закончилась», — констатировал журнал «Власть». Увы, это заявление было явно преждевременным. Как признавал тот же журнал, несмотря на крушение финансовой системы, олигархи сохранили контроль над крупнейшими сырьевыми предприятиями страны. «Пока в Ханты-Мансийском округе есть нефть, а в Курской области — магнитная аномалия, будут живы и олигархи»⁴⁾.

И все же первоначальная олигархическая модель управления действительно развалилась. Власть раскололась на две группировки. С одной стороны — окружение Ельцина, так называемая «семья», объединившаяся вокруг дочери президента Татьяны Дьяченко, банкира Бориса Березовского, нефтяного магната Романа Абрамовича и аппарата президентской администрации. С другой стороны — лидеры местных элит, собравшиеся вокруг мэра Москвы Юрия Лужкова. Конфликт между ними становился все более острым, и к началу осени стало ясно — идет борьба на уничтожение.

Информационная война, разразившаяся в России летом 1999 г., была далеко не первой. Но на сей раз, в отличие от предыдущих, она была объявлена

⁴⁾ Власть. 17.08.1999. № 32. С. 29.

совершенно официально. Еще до того, как газеты и телестанции, принадлежавшие двум олигархам — Владимиру Гусинскому и Борису Березовскому — обрушили на голову читателей и слушателей очередную порцию грязи, журналисты всех направлений несколько недель смаковали предстоящее сражение, цинично обсуждая его причины и пытаясь предсказать результаты.

До того, как в 1998 г. рухнул рубль, положение основных олигархических групп в стране казалось довольно стабильным. Большинство таких групп имело однотипную структуру, включая в себя компанию, экспортирующую сырье на мировой рынок, банк, аккумулирующий прибыли, и средства массовой информации, пропагандирующие преимущества либерального капитализма. За счет продажи сырья импортировались потребительские товары с Запада, которые покупал растущий средний класс (он же была основным читателем общенациональных газет и социальной базой режима). Из тех же средств выделялись деньги на подкуп чиновников, политиков и журналистов.

Все группировки представляли собой ту или иную форму симбиоза чиновников и предпринимателей. Но формы их взаимодействия были различны. В одних случаях денежные мешки контролировали коррумпированных чиновников. В других, напротив, чиновники командовали предпринимателями. Последние группы складывались вокруг сильных региональных лидеров. Влияние губернаторов определялось их способностью контролировать ресурсы на своей территории и управлять волеизъявлением граждан во время голосования. Чем более откровенной была практика фальсификации выборов, тем более тесными оказывались отношения местной власти и бизнеса. Как уже говорилось выше, наиболее сильные территориальные группы сложились в Москве и Татарстане. Региональные лидеры создавали свои банки и финансовые группы, устанавливали контроль над местной прессой.

Особняком стояла группа Гусинского, которая специализировалась на развитии средств массовой информации и культивировании отношений с политиками. Имея собственную финансовую структуру («МОСТ-банк»), традиционно связанную с московской городской администрацией, она не имела серьезных позиций в сфере сырьевого бизнеса. В группу Гусинского («Медиа-МОСТ») вошли телекомпания НТВ, радиостанция «Эхо Москвы», ежедневная газета «Сегодня», еженедельники «Семь дней», «Общая газета», «Итоги», спутниковый канал «НТВ +».

В 1996 г. все средства массовой информации развернули мощную кампанию в поддержку Ельцина. После победы над коммунистами единый блок олигархов распался, поскольку началась борьба за раздел остатков государственной собственности. Тогда разразилась информационная война между «ОНЭКС-ИМбанком» и Березовским. «ОНЭКСИМбанк» опирался на газеты «Русский телеграф» и «Известия» (позднее слившиеся). Березовский сосредоточил в своих руках крупные пакеты акций двух телевизионных каналов (ОРТ и ТВ-6 — 16 % и 26 % соответственно). Он же спонсировал «Независимую газету» и журнал «Огонек», дал гарантии под кредит убыточных «Новых Известий». При этом Березовский никогда не пытался приобрести издания целиком или даже контрольный пакет. Его власть покоилась на личных отношениях с редакторами и журналистами. Как выразился один московский предприниматель, «Гусинский покупает газеты, а Березовский покупает людей». Сам Березовский

постоянно подчеркивал, что в качестве акционера никогда не вмешивается в работу средств массовой информации.

Борьба Березовского с «ОНЭКСИМбанком» окончилась примирением, но крупные пакеты акций бывших госпредприятий отошли к «ОНЭКСИМ-банку». После этой неудачи Березовский стал культивировать свои отношения с Кремлем. Он все больше сближался с дочерью и советником Ельцина Татьяной Дьяченко, а в 1999 г. администрацию президента возглавил Александр Волошин, в прошлом партнер Березовского по бизнесу. Вместе они собрали деньги населения на производство «народного автомобиля». Ни одного автомобиля так и не было произведено, зато Березовский и Волошин стали заметно богаче.

Крах рубля в августе 1998 г. резко изменил положение дел. Финансисты оказались на грани банкротства. Обнаружилось, что в России слишком много олигархов. Ресурсы, казавшиеся безграничными, были исчерпаны. Колебание цен на нефть продемонстрировало уязвимость сложившейся экономической модели, а денег на инвестиции в промышленность (включая топливную) не было — они были растрчены или вложены в недвижимость за границей. Инвестиционные средства надо было где-то достать, лучше всего взять у олигархов-соперников. Топливо-финансовые группы существенно ослабели, территориально-бюрократические усилились. Увеличились амбиции местных лидеров. Если раньше они довольствовались тем, что Кремль не вмешивался в их дела, то теперь они стремились посадить своего человека в кресло президента. Когда было достигнуто соглашение о единстве между Лужковым и Шаймиевым, обслуживанием интересов этого блока занялась мощная информационная система, включающая практически все городские издания в столице, канал «ТВ-Центр», спутниковый канал «Метеор-ТВ» и ряд региональных газет. Сюда же примкнул «Московский комсомолец» — это не просто крупнейшее в Москве «полу-бульварное» издание, но и целая сеть «дочерних» газет в провинции. Лужков создал даже собственную метео-службу: по его мнению прогнозы погоды, готовящиеся соответствующей общенациональной службой, фальсифицировались. «Медиа-МОСТ», не имевший собственных ресурсов, примкнул к Лужкову.

Наступление Лужкова на Кремль не могло не встретить отпора со стороны Березовского. Готовясь к информационной войне, он купил контрольный пакет акций газеты «Коммерсантъ» и сменил ее главного редактора. В союзе с Березовским выступили государственные средства массовой информации, подконтрольные администрации президента. Против неприятеля применялись такие неординарные меры воздействия, как внеочередная налоговая проверка (в условиях России это равносильно стихийному бедствию). Наконец, вновь созданное Министерство печати, телевидения и средств массовой коммуникации во главе с Михаилом Лесиным стало своего рода силовой структурой информационной войны. Чего можно добиться с помощью дружественно настроенных чиновников, показали события 2 сентября 1999 г., когда министерство просто отключило Петербургское телевидение, осмелившееся издеваться над предвыборными мероприятиями правых.

На публику обрушился очередной поток грязи. Участники информационной войны не стеснялись даже разыгрывать антисемитскую карту — издания, близкие к Березовскому, напоминали об еврейском происхождении бывшего

премьера Евгения Примакова, примкнувшего к «Отечеству», а издания, ориентирующиеся на Лужкова, не забывали упомянуть о национальности самого Березовского. Вновь всплыла и история о несостоявшемся «народном автомобиле». Телевизионные «аналитические» шоу потрясли даже выдавших виды российских зрителей. На экране показывали, как неугодный Кремлю генеральный прокурор Юрий Скуратов занимается любовью с двумя проститутками, как чеченские боевики рубят голову пленному и даже как производится хирургическая операция, похожая на ту, что сделали Примакову в Швейцарии. В последнем случае эти тошнотворные кадры явно показывались с единственной целью вывести из равновесия одного конкретного зрителя — самого Примакова. Что и было достигнуто. Вzbешенный экс-премьер начал звонить в эфир конкурирующей информационной программы и жаловаться. «Грязные медиа-войны, которые ведут политически ангажированные телемагнаты через своих продажных журналистов, давно уже стали нормой на российском телевидении, — писал Андрей Золотов в “The Moscow Times”. — То же можно сказать о сценах насилия и секса, которые никогда не увидишь в Соединенных Штатах или Европе». И все же, продолжает Золотов, на этот раз «так называемые серьезные телепрограммы еще больше опустились»⁵⁾.

Большая информационная война

Самый большой выброс компрометирующих материалов произошел все же не в российской, а в западной прессе. В августе 1999 г. в “New York Times”, “Corriere della sera” и других западных изданиях началась публикация статей об огромных масштабах коррупции в Кремле, отмывании грязных денег через американские банки и т. п. Российская пресса начала цитировать, однако для российского читателя здесь не было практически ничего нового. Почти все эти сведения и оценки в той или иной форме у нас уже публиковались (достаточно вспомнить историю с бесследным исчезновением 500 млн долларов первого транша «угольного» кредита, предоставленного России Мировым Банком). На протяжении многих лет подобная информация была вполне доступна также для западных журналистов и дипломатов, которые ее демонстративно игнорировали. Неожиданный интерес на Западе к коррупции в Кремле сопровождался странными утечками данных из российской и швейцарской прокуратур и из соответствующих органов в США. Если в России любую информацию можно просто купить, то аналогичные утечки в Швейцарии выглядели несколько странно.

Показательно, что еще во время Балканской войны весной 1999 г. обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Томас Фридман писал: «Даже полумертвый и смертельно пьяный Борис Ельцин все еще представляет огромную ценность для США. Никто из российских лидеров сегодня не обладает такой лисьей хитростью и медвежьей хваткой, как старина Борис. Нам его будет не хватать».⁶⁾ К лету настроения в американских политических кругах стали меняться. Все большее число политиков и государственных чиновников задумывалось о том,

⁵⁾ The Moscow Times, 26.10.1999.

⁶⁾ The New York Times, 15.04.1999. P. A25.

как строить отношения с Россией после Ельцина. А это значило, что надо заранее устанавливать связи с будущими победителями. Другое дело, что в Вашингтоне не могли толком понять, кто таким победителем станет. Более того, после дефолта 1998 г. Запад практически не обладал эффективными рычагами для воздействия на ситуацию в России. Связанные с ним группировки были ослаблены и скомпрометированы, а новые связи устанавливались медленно.

Американские политики и журналисты вдруг «открыли» в России факт массового казнокрадства и нелегального вывоза капитала. Западная пресса, по аналогии с уотергейтским скандалом 70-х гг., заговорила про Russiagate. Признано было даже то, что приватизация в России была по сути разворыванием народного достоинства. Редакционная статья «The Moscow Times» констатировала, что все это сплошное лицемерие: «На самом деле американцы поддерживали российскую приватизацию как свою собственную политику»⁷⁾.

Российская публика, порядочно уставшая от потоков грязи в газетах и на телеэкранах, на американские разоблачения реагировала вяло. Правда, было несколько забавно, что западная и наша либеральная пресса фактически доказывали правильность обвинений, выдвигавшихся коммунистами против Ельцина и его окружения в 1995–96 гг. Обвинений, которые те же газеты ранее яростно отвергали. В целом же доверие населения к прессе падало, все участники информационных войн вызвали одинаковую неприязнь.

Зато в Кремле публикации, появившиеся на Западе, были расценены как политический сигнал. Чем бы ни были вызваны статьи в «New York Times» на самом деле, для русских начальников это был знак того, что в Вашингтоне ищут замену Ельцину. Однако Ельцин и его команда уходить не собирались. Березовский и «семья» президента оценили кампанию в западной прессе как «антироссийскую». Вашингтон поддерживал Ельцина и тогда, когда тот развалил Советский Союз, и тогда, когда расстреливал собственный парламент, и тогда, когда бомбил мирных жителей в Чечне. Смену настроений на Западе воспринимали в Кремле как предательство.

Таким образом, попытки западных политиков отмежеваться от русской коррупции лишь усугубили кризис в России. На Кремль «предательство» американцев действовало весьма своеобразно. Перспектива ареста счетов в западных банках стала совершенно реальной. Чиновники и олигархи из ельцинского окружения внезапно обнаружили, что бежать им, в случае чего, некуда. До сих пор многие «демократические» черты российской власти были необходимы для того, чтобы доставить удовольствие Западу. Теперь поняли, что угождать Западу не обязательно. Начав антиельцинскую кампанию, западная большая (mainstream) пресса фактически подтолкнула окружение Ельцина к отказу от конституции.

Описывая войну, разразившуюся между соперничающими «финансово-политическими группами», журнал «Власть» писал: «Победители получают шанс обратить большие долги в большие деньги, а проигравших ждет неминуемое банкротство и уход со сцены. Это в лучшем случае. А скорее всего — судебный процесс. Эмиграция в приличную страну с остатками капитала исключена.

⁷⁾ The Moscow Times, 7.09.1999.

За кордоном проигравших ждет незавидная доля виновников Russiagate. Столь громкий скандал не может тихо закончиться. Победителей, как известно, не судят, тем более, когда они во главе ядерной страны. А проигравшие станут той жертвой, которая смое с России клеймо “бандитской страны”, которым ее наградили западные масс-медиа»⁸⁾.

О том, что перед выборами разразится политический кризис, который, скорее всего, закончится резким изменением правил игры, все знали заранее. Неизвестной была лишь форма предстоящего кризиса. «У “семьи” почти не осталось выигрышных ходов в рамках закона», констатировал обозреватель “The Moscow Times” Джонас Бернстайн в начале августа⁹⁾. Спустя менее месяца после этого началась война в Дагестане, а затем в Москве прозвучали взрывы.

Война в Дагестане, террор в Москве

Война в Дагестане велась между теми же противниками, что и чеченская война в 1994–96 гг., но характер противостояния радикально изменился. На сей раз чеченские боевики нападали, а российская армия оборонялась. В 1994 г. чеченцев возглавлял советский генерал Джохар Дудаев, который отстаивал принципы светского государства и верил в возможность построить в республике собственную модель «социализма», а Шамиля Басаева в те времена «Московские новости» называли «стихийным чеченским социалистом»¹⁰⁾. Даже в условиях оккупации Чечня пыталась сохранять более или менее управляемую армию и хотя бы видимость собственного «конституционного порядка».

В 1999 г. в Дагестан вторглись вооруженные формирования из Чечни, не подчиняющиеся никому кроме собственных командиров и спонсоров, финансировавших вторжение. За годы, прошедшие после фактического получения независимости, проект создания в Чечне собственного национального государства потерпел явную неудачу. Вместе с ним потерпела поражение и дудаевская идеология светского национализма. Радикалы, отказавшись от последних остатков левой идеологии, перешли на позиции исламского фундаментализма, а генерал Масхадов, будучи официальным президентом, по существу утратил контроль над страной. Республика была поделена на фактически самостоятельные зоны. Чеченская верхушка, установившая после окончания войны неформальные связи с кремлевскими элитами, все более коррумпировалась. Неопределенность политического статуса республики, вызванная в первую очередь нежеланием Москвы признать ее независимость, способствовала формированию в Чечне криминальной экономики. Что вполне устраивало московских олигархов, проворачивавших здесь свои «неофициальные» дела.

Пресса отмечала, что вторжение чеченцев в Дагестан накладывалось на борьбу за контроль над каспийской нефтью. Овладев Дагестаном, можно было контролировать нефтяные потоки, идущие на Запад. Все это происходило на фоне борьбы арабских и российских производителей за повышение цены

⁸⁾ Власть, 21.09.1999, № 37. С. 19.

⁹⁾ The Moscow Times, 6.08.1999.

¹⁰⁾ Московские новости, 1996, № 47. С. 8.

нефти на мировом рынке. Еще до начала боевых действий Чечня закрыла нефтепровод, по которому на север поступала азербайджанская нефть. С началом войны был перекрыт и второй маршрут — через Дагестан. Это способствовало росту цен на сибирскую нефть, поставляемую Березовским, Потаниным и другими российскими олигархами.

Война в Дагестане наложилась и на противостояние интересов в самом российском нефтяном бизнесе. С одной стороны, принадлежавшая Березовскому «Сибнефть» была заинтересована в том, чтобы азербайджанское топливо поступило в Европу как можно позже и стоило бы как можно дороже. При любом раскладе себестоимость добычи на севере куда больше, чем на юге, а поток нефти из Азербайджана будет способствовать падению цен на рынке. В то же время компания «Транснефть», занимающаяся строительством и эксплуатацией трубопроводов, была заинтересована в азербайджанской нефти, разумеется при условии, что ей достанется соответствующий контракт. Показательно, что боевые действия в Дагестане совпали с обострением борьбы за контроль над «Транснефтью». Здесь противоборствующие стороны тоже применяли силу — был смещен президент компании Дмитрий Савельев, центральный офис был захвачен полицейским спецподразделением. По сведениям, просочившимся в прессу, Березовский финансировал дагестанский поход Басаева на паях с саудовскими спонсорами, которые тоже стремились перекрыть поток нефти с Каспия. Если эта информация верна, то можно сказать, что в Дагестане «Сибнефть» сражалась против «Транснефти»: первая использовала чеченских боевиков, а вторая — российскую регулярную армию.

Война 1999 г. не имела ничего общего с освободительной борьбой. Чеченские полевые командиры утверждали, что их позвали сами дагестанцы. Учитывая коррупцию, этнические и социальные противоречия в Дагестане, исламисты рассчитывали получить здесь массовую поддержку. Вместо этого против них поднялся буквально весь народ. «Люди в Дагестане действительно не любят власть, констатировал корреспондент «Общей газеты». — Но чужаков с оружием не любят еще больше»¹¹⁾. Надо отметить, что столь явное неприятие массами националистической и фундаменталистской пропаганды стало полной неожиданностью и для властей в Москве и Махачкале.

Ответом на вторжение боевиков в августе 1999 г. стало массовое вооружение дагестанцев. Люди продавали скот и машины, чтобы купить автоматы. Как сказал один из ополченцев московскому журналисту, взявшись за оружие людей заставил «наш дагестанский интернационализм»¹²⁾. Призывы раздать оружие народу вызвали панику среди местного начальства. Руководство республики не решалось ни отказать населению, ни принять его требования. Как отмечал корреспондент «Общей газеты», на заседании Госсовета Дагестана никто не решался выступить по существу. «Впечатление такое, что собравшиеся умышленно вязли в пустых и, в сущности, ненужных формулировках»¹³⁾. Нежелание властей вооружать массы вполне понятно, но народ начинал терять терпение. Между властями и отрядами самообороны происходили конфликты.

¹¹⁾ Общая газета, 12–18.08.1999, № 32. С. 3.

¹²⁾ Власть, 17.08.1999, № 32. С. 21.

¹³⁾ Общая газета, 12–18.08.1999, № 32. С. 3.

В районе Бабаюрта, где чеченские боевики повредили железную дорогу, около 300 местных жителей перекрыли федеральную трассу Махачкала—Астрахань, требуя оружия.

Потери армии в боях были невероятно большими — некоторые подразделения потеряли до 20 % своего состава убитыми и ранеными при том, что, в отличие от противника, российская армия применяла артиллерию, авиацию, танки. Летчики, не имевшие достаточного опыта из-за отсутствия горючего для тренировочных полетов, сбрасывали бомбы мимо цели, артиллерия была по своим.

При таком положении дел одержать победу без массовой поддержки местного населения было бы невозможно. Хотя генералы не желали этого признавать, именно участие в боях ополченцев обеспечило успех федеральных сил. В отличие от солдат, ополченцы превосходно знали местность и были психологически приспособлены к боям в горах. Смешиваясь с мирным населением, они отслеживали передвижение боевиков там, где бессильна была армейская разведка. Чеченцами командовали Шамиль Басаев и иорданец Хаттаб, успешно воевавшие раньше против российских войск. На сей раз их партизанская тактика оказалась совершенно негодной из-за того, что население было им враждебно. Несколько иначе сложились дела в селах Карамахи и Чабанмахи, где исламисты опирались на поддержку местных жителей. Здесь мощная армейская группировка завязла на две недели, понеся тяжелые потери. Но благодаря многократному перевесу в живой силе и технике войска все же сумели занять обе деревни. К середине сентября поражение чеченцев было полным.

Между тем в Буйнакске, Москве, а затем в Волгодонске прозвучали взрывы. Взрыв в военном городке Буйнакске воспринимался как продолжение боев в Дагестане. Ельцин распекал своих министров. «Почему бомбы взрываются именно в хорошо охраняемых военных городках?» — возмущался президент. Судя по всему, террористы учли критику президента. Сначала взлетел на воздух зал игровых автоматов в подземном комплексе «Охотный ряд» — буквально в двух шагах от Кремля. Затем последовало уничтожение в Москве двух домов со спящими жителями и взрыв в Волгодонске, оставивший без крова целый микрорайон. Около 1000 человек погибло в результате террористических актов. Общество было потрясено.

Власти сразу же обвинили чеченцев. Ни одно обвинение доказано не было, да никто и не собирался их доказывать. В средствах массовой информации началась настоящая расистская истерия. Наиболее откровенно эти настроения выразил известный либеральный публицист Михаил Леонтьев, заявив, что «чеченцы хотят только одной независимости — от Уголовно-процессуального кодекса»¹⁴⁾. В качестве рецепта решения чеченской проблемы Леонтьев предлагал применять газовое оружие, напалм и ковровые бомбардировки. Бывший председатель Совета Федерации призывал «перестрелять террористов как бешеных собак», при этом явно не делая особых различий между понятиями «чеченец» и «террорист»¹⁵⁾.

С точки зрения пропагандистов за действия полевых командиров Басаева и Хаттаба в Дагестане и за неизвестно кем подложенные бомбы в Москве

¹⁴⁾ Власть, 21.09.1999, № 37. С. 2.

¹⁵⁾ Там же.

должен был расплачиваться весь народ Чечни. «Что-то новое и непоправимое случилось с нами за годы “демократических и либеральных” реформ, — писал Андрей Пионтковский в “The Moscow Times”. — Десять лет назад никто в России не решился бы призывать к физическому истреблению целого народа. Гитлеровский фашизм нанес нам больший ущерб, чем мог бы любой Хаттаб. И тем не менее, даже в годы Второй мировой войны никто в России не призывал истребить весь немецкий народ. “Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается”, повторяла наша пропаганда»¹⁶⁾.

Волна национальной вражды, растиражированная телевидением, была беспрецедентна даже для средств массовой информации «демократической» России. Время от времени делались лицемерные оговорки, что далеко не все чеченцы — террористы и надо отличать верующих мусульман от фундаменталистов, но эти оговорки лишь прикрывали расистскую пропаганду точно так же, как антисемитская пропаганда прикрывается борьбой с «сионизмом». По интенсивности эмоционального накала сентябрьские телепередачи напоминали знаменитые «пятиминутки ненависти» из романа Дж. Оруэлла «1984». Пресса и не скрывала своих целей. «Чтобы победить врага, его надо ненавидеть — таков закон войны конца XX века, которая только тем и отличается, что ей предшествует информационная артподготовка», — цинично рассуждали журналисты «Московского комсомольца». Безо всякого осуждения они рассказывали, как был «быстрыми темпами создан образ врага». Журналисты получили твердые ориентиры, чего в 1994–95 гг. не было. «Во главе этого движения встало вновь созданное Министерство печати, которое фактически ввело в эфире частичную цензуру»¹⁷⁾.

Население призвали дежурить в своих подъездах, дабы не пустить туда террористов. Никакой практической пользы от этого быть не могло — бомбы никто не складывал в подъезды, взрывчатка находилась либо в подвалах, либо в припаркованных автомобилях. Но дежурства должны были приобщить все общество к борьбе с терроризмом. Журналисты подстрекательски обсуждали возможности стихийного начала антикавказских погромов, но никаких погромов не последовало. Психологическая обработка обывателя не дала ожидаемых результатов.

Перспективы чрезвычайного положения открыто обсуждались как в прессе, так и по телевидению. На улицах городов появились военные и милициские патрули. Все это слишком явно напоминало стратегию дестабилизации, применявшуюся правящими кругами накануне военных переворотов в Латинской Америке и Турции в 70-е гг. В сущности, все споры либеральных публицистов между собой сводились к одной большой дискуссии: какая диктатура нужна России?

Государственное телевидение обвинило Лужкова в полном развале правоохранительных органов в столице, из-за чего, якобы, и стали возможны террористические акты. Сторонники Лужкова, напротив, обвиняли Кремль в разрушении государства, ослаблении силовых структур и беспринципном сотрудничестве с чеченскими бандитами. Близкий к Лужкову руководитель столичной милиции Николай Куликов был снят со своего поста.

¹⁶⁾ The Moscow Times, 23.09.1999. P. 8.

¹⁷⁾ Московский комсомолец. 30.09.1999.

Официальные лица в Кремле и Белом доме сразу после террористических актов обвинили в их организации *чеченских и арабских террористов*, настаивая на том, что организаторы московских взрывов имеют прямую связь со знаменитым арабским миллионером бен Ладеном, ответственным за многочисленные террористические акты против граждан США. Никакими данными участие бен Ладена в организации московских взрывов подтверждено не было, но с пропагандистской точки зрения для российского начальства было предельно выгодно показать такую связь. В то время как Запад жаловался на коррупцию русских правителей, сами эти правители героически защищали «свободный мир» от происков «международного исламского терроризма».

Все эти события повергли официальный Грозный, как отмечала газета «Известия», «в состояние, близкое к панике». Чеченские власти заявили о создании собственной оперативно-следственной группы, пообещали выдать любого гражданина республики, вина которого будет доказана и обещали «оказать федеральным властям практически любую помощь»¹⁸⁾. Президент Масхадов встречался с главами пограничных российских регионов, просил о встрече с Ельциным. Однако Кремль не реагировал на предложения из Грозного.

Москва непрерывно обвиняла Масхадова в слабости, бездействии и неспособности навести порядок. В самой Чечне президента постоянно критиковали за его не особенно скрываемые пророссийские симпатии (последнее, впрочем, относилось и к первому лидеру независимой Чечни генералу Дудаеву). Сам же Масхадов настаивал, что «при условии юридического признания чеченского государства мне было бы легче остановить тех, кто мутит воду». Кадровый советский военный, генерал Масхадов мечтал о союзе с Россией против НАТО, обещал, что Чечня станет «надежной опорой для России на ее южных рубежах»¹⁹⁾.

Представители чеченских боевиков отрицали свою причастность ко взрывам и связь с бен Ладеном, заявляя, что «Москву взрывают московские политики». Помимо общих слов о недопустимости таких методов, боевики задавали резонный вопрос: «как можно везти в такой охраняемый закрытый город, как Москва, около тонны взрывчатки?»²⁰⁾ Аналогичные вопросы задавали и газеты, близкие к столичной мэрии. «Московский комсомолец» прямо обвинил Кремль и Березовского в организации взрывов. Даже если исполнителями были чеченцы, казачиками выступали люди из окружения президента. Эти же люди подтолкнули своих чеченских друзей к вторжению в Дагестан. В прессе появились стенограммы перехваченных разговоров Березовского с чеченскими политиками и полевыми командирами, и сам олигарх не отрицал, что подобные связи имели место. Однако по заявлению Березовского, он занимался исключительно освобождением в Чечне пленных и заложников. В ответ на это «Новая газета» ехидно замечала, что Березовский совсем не похож на альтруиста. С чеченскими неформальными лидерами его могут связывать только «общие интересы». Надо искать не только террористов, не только тех, кто заказал им взрывы, но и «тех, кто оплатил заказ»²¹⁾.

¹⁸⁾ Известия, 15.09.1999.

¹⁹⁾ Власть, 21.09.1999, № 37. С. 16.

²⁰⁾ Независимая газета, 18.09.1999.

²¹⁾ Новая газета, 1999, № 35. С. 3, 1.

Издания, близкие к Березовскому, возражали, что такой замечательный человек просто не может быть заказчиком террористических актов. «Не думаете же вы, в самом деле, что Березовский на такое способен?» — вопрошали «Независимая газета» и «Известия». В ответ «Московский комсомолец» провел опрос своих читателей, которые дружно утверждали — да, именно так мы и думаем²²⁾. Президент Чечни Аслан Масхадов не только подтвердил подлинность сведений о переговорах Березовского с боевиками, но и добавил, что московский миллионер «лично оплачивал мобильную связь лидерам боевиков»²³⁾. В октябре спонсируемая Березовским «Независимая газета», подтвердив факт его контактов с чеченскими полевыми командирами перед войной, продолжала доказывать, что такой кристально честный человек, как Борис Абрамович, ничего плохого замыслить не мог. Затем «Независимая газета» вынуждена была сменить аргументацию, и стала объяснять, что хотя договоренности с боевиками, видимо, имели место и их действительно подстрекали из Москвы к вторжению в Дагестан, но во всем виноват не Березовский, а российские спецслужбы, использовавшие московского олигарха «втемную»²⁴⁾. Возникает, однако, законный вопрос: если даже все это правда, зачем это надо было российским спецслужбам? Кто приказал им провоцировать кровопролитие в Дагестане? В чьих это было интересах?

Дело осложнилось еще больше, когда сотрудники ФСБ были пойманы с поличным в Рязани при попытке заложить взрывчатку в подвале жилого дома. Агенты спецслужб тут же объяснили, что речь шла об учебном мероприятии с целью проверить бдительность местных жителей. Правда, они так и не смогли растолковать, зачем надо было использовать боевой взрыватель для «учебного мероприятия». Показательно, что в ноябре–декабре, когда российская авиация и артиллерия в Чечне сметали с лица земли целые деревни вместе с их жителями, когда счет жертв войны шел уже на тысячи человек, в Москве или Петербурге не прозвучало ни одного взрыва. Объяснить это хорошей работой столичной милиции было невозможно, ибо как раз в это время ее начальник Николай Куликов был снят со своего поста за недостаточно активную борьбу с несуществующими террористами.

К зиме террористов просто перестали искать. Многочисленных подозреваемых отпустили (как выяснилось, ими оказались состоятельные кавказцы, у которых, по утверждению журналистов, милиция просто вымогала взятки). «Чеченская версия» взрывов фактически лопнула. Но это уже не имело никакого значения, ибо на Кавказе уже шла полномасштабная война. Организаторы осенней подрывной кампании явно достигли своей цели.

К середине октября версия относительно присутствия в Чечне бен Ладена и других международных исламских террористов также лопнула, но к тому времени российская армия уже вторглась в Чечню. А «эксперты», близкие к военным кругам, могли открыто заявлять: «есть в Чечне Усама бен Ладен или нет, это значения не имеет. Россия вынуждена продолжать широкомасштабную антитеррористическую операцию, чтобы лишить возможности Хаттаба и Радуева, Басаева и Масхадова вести террористическую войну в Чечне и за ее

²²⁾ См.: Независимая газета, 17.09.1999; Московский комсомолец, 21.09.1999.

²³⁾ Московский комсомолец, 21.09.1999.

²⁴⁾ См.: Независимая газета, 15.10.1999; The Moscow Times, 22.10.1999.

пределами»²⁵⁾. Показательно, что в число «террористов» вместе с признанными экстремистами Хаттабом, Радевым и примкнувшим к ним Басаевым был записан и Масхадов, законный президент Чечни, которого никто даже не обвинял в организации террористических актов.

Чеченский поход «семьи»

К ноябрю 1999 г. информационная война достигла такой интенсивности, какой Россия не знала со времен расправы Ельцина над парламентом в 1993 г. Разница была лишь в том, что в 1993 г. масс-медиа была консолидирована вокруг власти. Теперь соперничающие элитные группировки, восхваляя мудрое руководство армии и решимость правительства на Кавказе, параллельно призывали к расправе друг над другом. Все это происходило на фоне постоянно циркулирующих слухов о болезни или о предстоящей отставке Ельцина. На сей раз об отставке говорили не противники президента, а люди из его ближайшего окружения, ведь досрочная и добровольная отставка гарантировала, что Кремль сможет контролировать процесс передачи власти, а премьер-министр Путин до выборов и без выборов займет место президента. Слухи эти то опровергались Кремлем, то снова распускались близкими к «семье» людьми, повергая всех в полнейшую растерянность.

Пытаясь успокоить Кремль, Лужков начал «давать задний ход», напоминая, что он еще не заявлял о намерении баллотироваться в президенты и, скорее всего, делать этого не станет, а поддержит Евгения Примакова. К тому же на декабрь были назначены выборы мэра столицы. На этот срок их перенес сам Лужков (точнее, подконтрольная ему городская Дума), стремясь развязать себе руки перед летними президентскими выборами. В результате же Лужкову пришлось воспользоваться городскими выборами как поводом для публичного отказа от президентских амбиций. На предвыборных собраниях мэр объяснял москвичам, что никогда их не бросит и никакая должность кроме нынешней ему не нужна. Тем временем чиновники из окружения московского мэра повторяли, что сотрудничество с Примаковым допустимо «только до декабря», т. е. до парламентских выборов. А в президенты пройти самостоятельно «он не в состоянии»²⁶⁾. В окружении московского мэра усиливались конфликты.

Однако остановить информационную войну таким способом было уже невозможно. С явной подачи Кремля на пост мэра выдвинулся заведующий делами администрации президента Павел Бородин (ранее фигурировавший в целом ряде скандальных дел с сомнительными многомиллионными денежными переводами) и бывший премьер-министр Сергей Кириенко. Телевидение ежедневно расхваливало их невероятные достоинства. Подконтрольный Березовскому первый канал телевидения так же ежедневно поливал столичного мэра грязью, публично называя его «вором», «лицемером» и т. д. Даже выигранные Лужковым судебные иски не остановили деятелей первого канала, среди которых особо отличался Сергей Доренко, прозванный среди журналистов «самураем Березовского»²⁷⁾.

²⁵⁾ Независимая газета, 21.10.1999. С. 3.

²⁶⁾ Власть, 21.09.1999, № 37. С. 22.

²⁷⁾ Об отношениях Доренко и Березовского см. в кн.: Засурский И. Цит. соч. С. 149.

Лагерь Лужкова казался все более растерянным, кремлевская «семья» наступала, но двигал его уже не азарт, не возбужденная жажда победы, даже не стремление к власти и обогащению, как в 1991 и 1993 гг., а обыкновенный страх. Политическая система, построенная на крови после октябрьского переворота 1993 г., разваливалась на глазах вслед за неолиберальной экономической моделью. Процесс уже вышел из-под контроля. Остановить войну элит, достичь мирного соглашения было невозможно.

Кремлю нужна была только победа. Параллельно с кампанией по политическому уничтожению группы Лужкова «семья» сделала ставку на военную победу в Чечне. Опять, как и в 1994 г., считалось, что успешная военная кампания может списать все экономические катастрофы, воровство, достигшее фантазмагорических масштабов, некомпетентность, фальсификацию выборов, отсутствие внешней политики. Чечня в 1999 г. так же идеально подходила для «маленькой победоносной войны», как и за пять лет до того. С одной стороны, у Кремля не было стратегии развития отношений с Чечней, а с другой, неразрешенный конфликт на юге страны мог использоваться во внутриполитических играх. К тому же царившие в Чечне порядки не вызывали сочувствия у российской публики.

«Что бы ни творилось — заполыхала война, разразилось землетрясение, налетело цунами, наступил голод, страну охватила чума, накрыло радиоактивное облако, — но, если это идет на пользу сохранения власти семьи, она все примет безропотно, даже с благодарностью, ибо уверена, что все эти беды ее не коснутся, а другие люди не в счет», — писал коммунистический депутат на страницах газеты «Ведомости»²⁸⁾. А антикоммунистический «Московский комсомолец» констатировал: власть «хочет с помощью десантно-штурмовых операций смахнуть с политической шахматной доски абсолютно все фигуры и начать свою, новую партию, вместо той, которая складывается сейчас»²⁹⁾.

И это Кремлю удалось. По сообщениям прессы, уже 28 сентября Ельцин одобрил подготовленный военными план нового вторжения в Чечню. На сей раз генералы обещали не повторять ошибки, совершенные в 1994–95 гг. Впрочем, сомнение в способности военных учиться на собственных ошибках вызывали их же собственные заявления. По телевизору непрерывно показывали разгромленных в первой чеченской войне генералов, которые рассказывали изумленному зрителю, что и прошлый раз они почти выиграли — только непоследовательность политиков помешала им добить врага. Теперь им пообещали, что подобной непоследовательности больше не будет (никто не будет, например, препятствовать истреблению мирных жителей или ковровым бомбардировкам жилых кварталов).

С первого же дня боев генералы начали врать. Они в десятки раз завышали потери неприятеля и скрывали свои собственные. Они рассказывали, что в северной Чечне ими блокирован Шамиль Басаев, который тем временем давал пресс-конференцию в Грозном. На востоке есть пословица — «не хвались, едучи на рать». Ельцинским генералам эта пословица явно была неведома. Не выиграв ни одного сражения, не вступив даже в серьезный бой с неприятелем, они буквально заполнили прессу и телевидение заявлениями о своих

²⁸⁾ Ведомости, 11.10.1999. С. А2.

²⁹⁾ Московский комсомолец, 1.09.1999.

великих победах. То они сообщали о тысячах убитых боевиков (признавая, правда, что тел погибших найти не удалось), то демонстрировали совершенно неповрежденные чеченские окопы, рассуждая о невероятно высокой эффективности артиллерийского огня. «Мы не повторим прошлых ошибок», — как заклинивание повторял генерал Виктор Казанцев, которому поручили командовать операцией. Он даже обещал захватить Чечню, не занимая населенных пунктов и не штурмуя Грозного: «Что в нем такого ценного?»³⁰⁾ Для прикрытия вранья была введена военная цензура. За бахвальством военных скрывался непреодолимый страх перед неприятелем.

Сравнительно легкое продвижение войск по равнине северной Чечни, где население в принципе настроено пророссийски, было объявлено доказательством возросшей эффективности армии, хотя в 1994 г. ту же северную Чечню войска прошли не только быстрее, но и с существенно меньшими потерями. «Российские лидеры дураки, если они думают, будто начинающаяся война будет легкой прогулкой, что нынешнее слабое сопротивление чеченцев — предлюдия к краху их движения за независимость», — писал военный обозреватель «The Moscow Times» Павел Фельгенгауэр. — Сегодня чеченцы организованно отступают, но за этим последует не капитуляция, а яростные и хорошо спланированные контратаки. Чеченский президент Аслан Масхадов — известный мастер военной тактики — согласно имеющимся данным, снова координирует действия чеченских сил. В войне 1994–96 его руководство обеспечило чеченцам победу»³¹⁾.

Генералы настаивали, что их единственной ошибкой было недостаточное использование авиации и артиллерии в первой чеченской войне. На этот раз авиацию стали использовать активнее. Результат: если за всю чеченскую войну 1994–96 гг. российская армия потеряла один самолет, то за первую же неделю боев второй чеченской войны — сразу два (и один в Дагестане). Увы, главной «ошибкой» была сама война. И ее-то как раз не только не собирались признать или исправить, но, напротив, готовы были усугубить. Увеличив вдвое численность войсковой группировки и нагнав на передовую толпы необученных рекрутов, генералы надеялись за счет превосходства огневой мощи и дешевой солдатской крови избежать повторения чеченского позора 1996 г.

Итак, 2 октября 1999 г. российская армия повторно пересекла границы Чечни и вторглась в республику. Чеченский поход «семьи» начался.

«Опять на те же грабли», — мрачно констатировал «Московский комсомолец»³²⁾

Милитаризм элит

Главный вывод, который российские генералы сделали из своего позорного поражения 1996 г., состоял в том, что им очень мешали пресса и колеблющиеся политики-либералы в тылу. На сей раз это не должно было повториться. Наша военная бюрократия по-своему интерпретировала и уроки косовской кампании

³⁰⁾ Известия, 16.10.1999.

³¹⁾ The Moscow Times, 7.10.1999.

³²⁾ Московский комсомолец, 1.09.1999.

НАТО. Фактически единственный урок, который она извлекла из этих событий, сводился к тому, что перед началом боевых действий нужно добиться единодушной поддержки среди политических элит и заткнуть рот всем недовольным. На российского обывателя обрушилась волна пропаганды, а противники войны почти не имели на первых порах доступа к средствам массовой информации.

Вторая чеченская война, в отличие от первой, получила единодушную поддержку российского «политического класса». Егор Гайдар, считавшийся в 1994 г. «голубем», вдруг сделался решительным «ястребом», заодно совершенно в почвенническом духе осудив Запад, который, дескать, не может понять Россию. Рой Медведев выступил в поддержку войны на страницах правой прессы. Те, кто не поддерживали войну, не решились открыто выступить против. Так спикер Государственной Думы Геннадий Селезнев, напомнив, что он «категорический противник» войны в Чечне, тут же добавил: «Я поддерживаю действия Правительства, когда речь идет о разгроме бандформирований, на какой бы территории они ни находились»³³. Показателем того, что случилось в обществе, является позиция Комитета солдатских матерей. В 1994–96 гг. это была одна из главных сил антивоенного движения. На сей раз представители комитета заявили, что они, в принципе, конечно, против войны, но коль скоро предотвратить ее не удалось, комитет будет бороться за то, чтобы солдатам, воюющим в горах, хорошо платили — не менее тысячи баксов в месяц.

Премьер Владимир Путин, переходя на блатной жаргон, обещал «замочить в сортире» чеченских «террористов». Среди политической элиты и либеральной интеллигенции это вызвало бурю восторга. «Теракты в Москве и Волгодонске, военная операция в Дагестане, а затем в Чечне качественно изменили общественные настроения в России, причем во всех ее регионах, — писала газета «Трибуна». — Произошла милитаризация массового сознания. Это самое существенное, что отличает сегодняшний день от предыдущих. Сегодня все — и политики, и те, кто далек от их таинств, вынуждены произносить и комментировать то, что за день до них сказал или сделал Путин. Любое критическое слово, сказанное в адрес премьера или по поводу руководимой им военной операции на Кавказе, воспринимается как предательство национальных интересов России, как нож в спину тех российских солдат и офицеров, что сражаются в Чечне за наш покой и нашу безопасность. Милитаризованное общественное сознание рождает качественно иную потребность в политических лозунгах. И в этом смысле у Путина неоспоримое преимущество, ибо невозможно представить Примакова, Лужкова, Явлинского или Зюганова, дающими рекомендации «замочить» или «перестать сопли жевать»³⁴.

Официальную «оппозицию» не смутило даже то, что война совершенно явно была заказана кремлевской «семьей» под выборы. Хоть и стреляли в чеченцев, но целились явно в Лужкова и других критиков Кремля. Война парализовала оппозицию, которая по инерции продолжала ругать Ельцина, но не решалась ни слова сказать против Путина. А именно на Путина и была сделана главная ставка кремлевской камарилы. Другой вопрос — насколько оправданной была эта ставка в стратегическом плане.

³³) Панинтер, ноябрь 1999. С. 1.

³⁴) Мир за неделю. 20–27.11.1999. № 13. С. 3.

«Хотя это и странно — подозревать Бориса Абрамовича в отсутствии коммерческого смысла, но я думаю, что он все же излишне потратился по предвыборной части, — писал близкий к анархистам провинциальный журналист. — Громоздкая кавказская пиротехника, трудоемкие воинские массовки требуют больших денег. При тотальном контроле над основными СМИ можно было бы поднимать рейтинг Путина с минимальными затратами. Бодрящие новости с Кавказа вполне могли бы уступить место сюжетам из жизни “председателя правительства”: “Путин раздает похлебку неимущим”, “Путин наставляет заблудшего банкира”, “Путин порет на псарне казнокрада”. Что-то в этом роде, впрочем, имеется на ТВ: “Путин дает отпор Западу”, “Путин повышает пособие пенсионерам”. Конечно, все это слишком пресно для наших любителей моченого. Но опыт предыдущей чеченской кампании (когда многие СМИ демонстрировали неизъяснимое человеколюбие) показал, что кровожадные инстинкты не слишком укоренены в русском народе»³⁵.

На самом деле изменения в общественном сознании были куда меньшими, чем полагали политические элиты. Опросы общественного мнения самым наглым образом фальсифицировались, чтобы доказать стремительный рост рейтинга премьера. Телевидение утверждало, что после начала войны его поддерживало 47 % населения, однако предшествующая история уже не раз показывала, чего стоят телевизионные рейтинги. Те же рейтинги показывали, что поддержка правительства составляла всего 12 %. Разумеется, личный авторитет премьера может быть выше, чем у возглавляемого им кабинета, но не в четыре же раза! Массовое сознание вовсе не было милитаризовано, а война отнюдь не вызвала народного энтузиазма. По различным опросам 42–47 % населения в ноябре высказывались за немедленное начало мирных переговоров с чеченцами. В это же время политики за исключением Григория Явлинского требовали «войны до победного конца».

Не народ поддержал войну, а «оппозиция» в очередной раз предала народ. Полностью дискредитировавший себя «политический класс» и утратившие всякие моральные стандарты средства массовой информации не имели воли для того, чтобы пойти против течения. Разрыв между «политическим классом» и массами продолжал углубляться, и война лишь усилила его.

Когда Григорий Явлинский рискнул высказаться за переговоры с чеченцами, на него обрушился шквал обвинений. Виталий Третьяков на страницах «Независимой газеты» заявил, что «Яблоко» — это «антигосударственническая» и «безответственная» структура³⁶. Анатолий Чубайс пошел еще дальше. «В Чечне происходит возрождение российской армии, — заявил он, — утверждается вера в армию, и политик, который так не считает, не может считаться российским политиком. В этом случае есть только одно определение — предатель. И возможные попытки Явлинского оправдаться сути не меняют»³⁷. А Геннадий Селезнев напомнил, что сам же Явлинский недавно призывал «совершать акты

³⁵) Вестник «Солидарности», ноябрь 1999, № 11. С. 1.

³⁶) Независимая газета, 10.11.1999.

³⁷) Известия, 13.11.1999. С. 1.

возмездия» и прокомментировал: «Это что же получается: у нас взрывают дома, значит, и мы должны там взрывать дома с мирными жителями?»³⁸⁾

На самом деле армия именно это и делала, только не закладывала взрывчатку в подвалы жилых домов, а бомбила чеченские города и села с воздуха и обстреливала из реактивных установок. Протестовать против этого никто из политиков не осмелился. Лишь «Новая газета» публиковала репортажи с фронта, рассказывая о том, что творится на самом деле, и военный обозреватель Павел Фельгенгауэр решился заявить на радио «Эхо Москвы», что «анти-террористическая операция превращается в террористическую»³⁹⁾. Журналист Анна Политковская, вернувшаяся из Чечни, писала «о бойне исключительно мирного населения, о гибели детей, беременных и стариков». В «освобожденных» деревнях жителям приказом генерала Шаманова было запрещено выходить на улицы. «Командование распорядилось просто: гражданское население имеет право покидать подвалы только с 11 до 13 часов, держа в руках белый флаг, если без флага — стрельба по движущейся цели с очевидными последствиями, если с 13 до 14 — тоже...» В Алхан-Юрте погибло 23 крестьянина, из них лишь 3 во время бомбежки, остальные — при «зачистке» села. И так — буквально всюду. Даже в северной Чечне, где традиционно симпатизировали России, зрели гроздыя гнева. В селе Горагорское журналист видела снесенную военными до основания мечеть. «Молчаливым ответом горагорцев, приветливо улыбающихся всем «лицам славянской национальности», заезжающим теперь в село, стало ночное обезглавливание скульптурного изображения неизвестного солдата, как водится, находившегося на центральном «пятачке». Голову спилили аккуратно, автогеном — и она исчезла. Горагорцев, упрятавших внутрь пружину ненависти и мести, не остановило даже то, что среди сельчан — ветераны Великой Отечественной войны»⁴⁰⁾.

По мнению Фельгенгауэра, и военные, и политические лидеры, которые ими руководят, являются военными преступниками. Среди военных преступников он назвал Анатолия Чубайса, руководившего в тот момент энергосистемой России и отключившего еще до начала боев электричество в Чечне. В результате обесточены оказались больницы, родильные дома, структуры, обеспечивающие элементарное жизнеобеспечение в городах. «Отключение электро- и газоснабжения Чечни, которое было сделано в октябре, было прямым нарушением 4 статьи второго Женевского протокола 1977 г.»⁴¹⁾

Провозгласив целью государства «борьбу против терроризма» (как и латиноамериканские генералы-«гориллы» 70-х гг.), российская власть сама не могла уже действовать иными методами кроме террористических. На российской территории, писал Фельгенгауэр, «беженцев притесняют у всех на виду. В Грозном и на юге Чечни, куда войска еще не дошли, российских граждан уничтожают без всякого разбора ракетами, бомбами и снарядами. При этом нет особой

³⁸⁾ Панинтер. ноябрь 1999. С. 1.

³⁹⁾ Текст размещен на 1 декабря 1999 на сайте радио «Эхо Москвы» по адресу: www.echo.msk.ru. а так же 1–2 декабря на сайте Кавказ-центра по адресу: www.kavkaz.org и др.

⁴⁰⁾ Новая газета. 1999. № 47. С. 11.

⁴¹⁾ Текст размещен на 1 декабря 1999 на сайте радио «Эхо Москвы» по адресу: www.echo.msk.ru. а так же 1–2 декабря на сайте Кавказ-центра по адресу: www.kavkaz.org и др.

надежды на то, что это безобразие вскоре приведет хоть к какому-нибудь результату»⁴²⁾.

Столичные политические элиты в своем единодушном милитаризме сами себя загоняли в ловушку. Никто из них даже не попытался просчитать варианты, подумать о том, что делать, если армия в очередной раз потерпит поражение. Поразительно наивное доверие политиков к генералам можно объяснить лишь тем, что элиты ельцинской «Второй республики» окончательно потеряли чувство реальности. Занятые своими интригами, составлением хитроумных политических сценариев и взаимными нападками, они уже смутно представляли себе мир, в котором живут. Тем временем события в Чечне развивались совершенно не так, как планировали в Москве. С самого начала операция была неправильно спланирована и бездарно проведена. «Нынче войну затеали на зиму глядя, когда солдаты десятками попадают в госпитали с пневмонией и нефритами от переохлаждения, — писал Павел Фельгенгауэр. — Сверх того, на пороге Грозного военные вынуждены начать дембель наиболее обученных за два года сержантов и солдат. Уверен, что вскоре передовые части на треть обновятся вчерашними школьниками, которых полгода готовили воевать в учебках. Естественно, что войско, состоящее из солдат-недорослей, только и может, что неприцельно бомбить издали чеченские города. Счет пострадавших женщин, детей и стариков уже идет на тысячи. А удалось ли “замочить” хоть одного настоящего террориста, неизвестно»⁴³⁾. Кое-как обученные за шесть месяцев пехотинцы представляли собой жалкое зрелище. Военный комиссар города Москвы жаловался, что среднестатистический призывник к боевым действиям совершенно непригоден: «В массе своей он откровенно хиловат, физически не развит. Вес зачастую не соответствует росту. В этом году медики выявили больше двухсот человек с таким дефицитом веса, что сочли за благо не просто дать отсрочку, а вообще освободить их от службы»⁴⁴⁾. Все это происходило в благополучной Москве — в других регионах положение было еще хуже. Хорошо откормленные мальчики из «приличных семей» от службы в армии откупались. Взятничество стало обыденной нормой в аппарате военкоматов. Представители «золотой молодежи» тоже гибли тысячами, но не под пулями чеченских боевиков, а в автомобильных катастрофах или от передозировки наркотиков.

Необученные войска и на поле боя вели себя соответственно. Чеченцы характеризовали боевые порядки российской армии как «скопища». Журналистка «Новой газеты», не раз уже посещавшая «горячие точки», с ужасом наблюдала, как солдаты в полный рост стояли на передовой или рассаживались на бронемашинах «таким образом, что никак не в состоянии наблюдать за территорией противника»⁴⁵⁾.

Корреспондент «Новых известий» Валерий Яков, попав в ноябре 1999 г. в зону боевых действий, обнаружил там хорошо знакомую по первой чеченской войне картину: «Войска занимают позиции вдоль трасс, располагаясь по правую и левую стороны на километр-другой и создавая тем самым видимость

⁴²⁾ Интерфакс-время, 11–17.11.1999, № 46. С. 4.

⁴³⁾ Там же.

⁴⁴⁾ Метро, 15.12.1999, № 226. С. 3.

⁴⁵⁾ Новая газета, 1999, № 47. С. 11.

повсеместного присутствия. На самом же деле многие километры перелесков, полей и холмов никем реально не контролируются, и боевики при желании могут совершенно спокойно перемещаться в любом направлении, с легкостью игнорируя «санитарный кордон». Единственная задача — оставаться незамеченными с воздуха на тот случай, когда в небе появится разведывательный самолет или вертолет». С наступлением холодов в горах спустился туман, и авиационная разведка стала совсем неэффективной. Боевики то появляясь, то исчезая, наносили удары по малоподвижным соединениям федеральных сил. «В зоне безопасности, активно разрекламированной федеральными спецпропагандистами, они чувствуют себя абсолютно свободно, совершая вылазки в тылы войск, в селения, которые уже не один день находятся под армейским контролем». Армия все более втягивалась в затяжную позиционную войну с «невидимым» неприятелем, «когда враг повсюду, а наступающие подразделения вынуждены переходить к круговой обороне»⁴⁶⁾. По другим каналам из зоны боев приходили сообщения об авиации, которая бомбит своих, о беспорядке в организации простейшей работы, об усталости и растерянности войсках.

Пропаганда продолжала морочить голову обывателю в тылу, но в самой Чечне российская армия имела дело не с виртуальным, а с реальным противником. Еще ни одну войну не удалось выиграть с помощью пропаганды, тем более — когда эта пропаганда воздействовала не на неприятеля, а на собственное население. Поражения на поле боя можно было скрыть, но их нельзя было избежать.

Война без победного конца

Стратегический замысел генерала Грачева в 1994 г. состоял в том, чтобы одним мощным броском, используя перевес в технике, за кратчайший срок прорваться к Грозному, взять город, разгромить чеченские военные и политические структуры, пока те не успели организовать для ведения партизанской войны. К тому же первоначальный план Грачева как раз предполагал сведение к минимуму потерь среди мирного населения, неизбежно возрастающих в случае затяжной борьбы.

Преимущество регулярной армии перед партизанами и ополчением состоит исключительно в возможности стремительного маневра крупными силами (это обнаружил еще британский генерал Робертс во время Англо-бурской войны). Начиная боевые действия, Грачев учел опыт Афганистана. Он пытался максимально использовать свои козыри раньше, чем чеченцы успеют опомниться. Этот план вовсе не был ни безумным, ни «преступным», как потом говорили журналисты. Более того, с военной точки зрения он был единственно разумным. Но, как всегда, исполнение оказалось ниже всякой критики, предновогодний штурм Грозного потерпел неудачу, началась затяжная осада города, которая дала возможность президенту Дудаеву подготовить в горах южной Чечни военно-политическую базу для длительного сопротивления.

План генерала Грачева провалился в первую очередь из-за предшествующей деятельности политика Грачева, который унизил и деморализовал армию,

⁴⁶⁾ Новые известия, 10.11.1999. С. 4.

заставив ее выступить в роли орудия государственного переворота в 1993 г. Свои действия в Чечне год спустя после расстрела парламента значительная часть солдат и офицеров воспринимала как продолжение войны против собственного народа. В свою очередь значительная часть российского общества видела в чеченском сопротивлении не только попытку создать собственное государство, но и борьбу против режима Ельцина.

Так или иначе, неудача первоначального плана обрекла российскую армию на затяжную войну в горах, выиграть которую при имевшемся количестве сил и средств было в принципе невозможно. Многочисленные позорные эпизоды 1995 и 1996 гг. были лишь следствием этого стратегического провала.

Между тем решения, принятые в 1999 г., оказались в стратегическом смысле не только не лучше, чем в 1994, а даже хуже. Армия на сей раз продвигалась к Грозному медленно, не ввязываясь в крупные сражения. Боевики «выдавливали» с занимаемых позиций артиллерийскими и авиационными ударами. После каждого такого удара (а во многих случаях — до него) боевики отступали с занимаемых позиций. Военные рапортовали об успехе, продвигались еще на несколько километров, пока не наталкивались на очередной узел сопротивления. Артиллерийские удары имели бы какой-то эффект, если бы чеченцы всерьез пытались держать фронт по правилам Первой и Второй мировых войн, но они вели партизанскую борьбу, а единственная их цель состояла в том, чтобы замедлить и осложнить продвижение войск — что и достигалось. Генералы рассуждали о том, что берегут своих людей. Огромные и бессмысленные потери, которые армия стала нести в декабре, показали, чего стоили эти заявления. Напрашивается вывод, что тактика российского командования в Чечне объясняется не военным расчетом или тонким стратегическим замыслом, а глубочайшим страхом перед противником.

Разумеется, генералы, командовавшие кампанией в Чечне, не читали трудов Мао и Че Гевары о партизанской войне. Судя по их заявлениям, они и про Клаузевица никогда не слышали. Но они не могли не проходить в академиях историю кампании 1812 г., в которой русская армия разгромила Наполеона. Кстати, эту историю великолепно знал и, судя по всему, хорошо помнил чеченский командующий Аслан Масхадов, тоже представитель советской военной школы.

В 1812 г., как известно, французы медленно продвигались вглубь России, а более слабые русские армии под предводительством Барклая де Толли и Кутузова медленно отступали, избегая решающего сражения. После того, как французы заняли Москву и сочли себя победителями, по всей занятой ими территории началась партизанская война. Бросив сгоревшую и непригодную для жизни Москву, французский император бежал. Разница со второй чеченской кампанией лишь в том, что Наполеон, понимая ситуацию, пытался навязать русским генеральное сражение, в то время как теперь российские генералы боялись сражения еще больше, нежели чеченцы. Ясное дело, что Масхадов не смог бы без боя сдать Грозный или Бамут по той же причине, по которой Кутузов не мог без боя уступить Москву. Но Грозный, как и Москву в 1812 г., никто не собирался удерживать любой ценой. И в том, и в другом случае единственная задача обороняющихся состояла в том, чтобы нанести нападающим максимальный ущерб. В свою очередь российская армия вынуждена

была штурмовать Грозный не считаясь с потерями, ибо это — единственный способ доказать свою победу. Проблема в том, что, с одной стороны, неудачи при штурме города имели глубочайший деморализующий эффект для армии, а, с другой стороны, взятие города на общем ходе войны не могло отразиться никак — чеченцы заранее запланировали, что город будет взят неприятелем. В этот раз из-за медлительности федеральных сил оборона Грозного для чеченцев была даже менее важна, нежели в 1994 г. В южной Чечне к ноябрю все уже было готово для продолжения борьбы. Защита столицы — чисто символическое действие, как бой при Бородино, который дал Кутузов французской армии.

Российские генералы начали войну, не задумываясь ни о технических проблемах снабжения, ни о трудностях, с которыми сталкивается авиация, ни о том, что войска несут потери от обычного переохлаждения. У обученных за 2 года сержантов и солдат закончился срок службы. На передовую стали бросать необученных новобранцев, которых в репортажах торжественно называли «свежими войсками». В ноябре–декабре под Аргунем, Урус-Мартаном и Грозным армия натолкнулась на упорное сопротивление и начала нести катастрофические потери, которые на первых порах удавалось скрывать от российской общественности благодаря военной цензуре. Бессмысленные лобовые атаки сменялись бездарно спланированными обходными маневрами, в результате которых российские передовые колонны оказывались отрезанными от собственных частей и уничтожались. Артиллерия и авиация как всегда били по своим, солдат было нечем кормить, а на рынках «освобожденных» федералами районов солдаты оживленно торговали с повстанцами. Боевики приобретали оружие, боеприпасы и горючее в обмен на еду и водку. Мародерство и дезертирство стали обычными явлениями. Армия разлагалась на глазах.

Генералы почему-то считали, что чеченцам будет трудно зимовать в горах (хотя зимы 1994–95 и 1995–96 гг. дудаевские боевики, гораздо менее подготовленные к партизанской войне, чем отряды Масхадова, все же пережили без большого труда). При этом никто не задумывался о том, как будут зимовать в Чечне сами российские подразделения. Коммуникации находились в ужасающем состоянии (куда хуже, нежели в 1994 г.), а разрушенный Грозный — точная аналогия сожженной Москвы в 1812 г. — не был приспособлен для зимних квартир огромной армии. Замысел Масхадова оказался прост и понятен всякому, прошедшему начальную военную подготовку. Партизаны, действующие малыми группами, не вступая в бои с крупными армейскими частями, дезорганизуют снабжение. Дело довершает коррупция, которой давно славится ельцинская армия. Не разгадали этот замысел только профессиональные полководцы, руководившие российскими войсками.

Военная пропаганда повторяла, что на сей раз мирные жители встречали армию гораздо более дружелюбно, чем в 1994 г. Это очередная передержка. В северной Чечне, где разместилась большая часть российских сил, и в 1994 г. преобладали пророссийские настроения. Более того, в 1994 г. значительная часть территории северной Чечни находилась в руках антидудаевской оппозиции, которая в начале войны даже поддерживала федеральные силы с оружием в руках. На этот раз подобных сил в северных районах Чечни не было, а это значит, что психологически и политически положение армии оказалось даже хуже.

Нетрудно поверить, что 3 года «независимой Ичкерии» сильно разочаровали население. Дудаев обещал людям, что Чечня будет демократическим, светским, социалистическим и процветающим государством. К 1999 г. чеченцы получили нищету, беспорядок, власть бесконтрольных и коррумпированных полевых командиров, наступление религиозного экстремизма, которому Масхадов делал уступку за уступкой. Видимо, в Кремле полагали, что по сравнению со всем этим российская власть будет выглядеть более привлекательно. Но хаос, который российские военные сумели за несколько дней создать на контрольно-пропускных пунктах между Чечней и Ингушетией, коррупция и расизм наших гражданских и военных властей отталкивали от армии даже симпатизирующих России чеченцев. Кстати, помнили в Чечне не только безобразия трех последних лет «независимости», но и кошмар предшествующего российского вторжения. Эксцессы со стороны армии еще больше оживляли эти воспоминания. Напротив, боевики, уйдя в подполье, снова выглядели героями. Российские власти не могли ни восстановить Чечню, ни создать там рабочие места. Они лишь продолжали разрушение. А это значит, что у молодежи даже в северной Чечне просто не оставалось других занятий, кроме стрельбы по движущимся мишеням, одетым в форму российской армии. Война 1994–96 гг. заменила дудаевскую советизированную военную элиту в Чечне на полевых командиров типа Басаева, не прошедших советской выучки и не обладавших военной этикой Дудаева и Масхадова. С новой войной должны были появиться и новые полевые командиры, не несущие ответственность за произвол своих предшественников.

Несмотря на крики о тщательной подготовке кампании, поведение военных свидетельствовало о полном отсутствии сколько-нибудь внятного плана. «Почему сейчас командиры “берегут жизни военнослужащих”, а в Ботлихском и Новолакском районах Дагестана это их совершенно не заботило? — спрашивал “Московский комсомолец”. — Потом, в сентябре, заговорили о надежной защите границы с Чечней, но никто не собирался идти вглубь ее территории. Прозвучало название будущей операции федеральных сил: “создание санитарного кордона”. Почему планы изменились? Почему “санитарный кордон” решили создавать на северных территориях Чечни, а не за ее пределами? Почему “санитарной зоны” оказалось мало, и войска двинулись в глубь Чечни? Почему сейчас говорят о штурме Грозного, хотя еще месяц назад об этом речи не было.

Такое впечатление, что ходом боевых действий дирижирует какой-то оголтелый тип, который сам не знает, что ему надо. Или, наоборот, очень хорошо это знает, но его “надо” очень далеко от тех целей, которые публично декларируют власти»⁴⁷⁾.

Журналисты «Московского комсомольца» были убеждены, что на самом деле за войной в Чечне скрывалась борьба за контроль над транспортировкой каспийской нефти. Эффективный контроль над Чечней требовался для обеспечения «северного транзитного маршрута» через Россию (либо по старой советской трубе, идущей под чеченской территорией, либо по новому трубопроводу через Дагестан). Изменения в поведении российских военных на Кавказе

⁴⁷⁾ Московский комсомолец, 15.11.1999.

странным образом совпадали с изменением обстановки вокруг «Каспийского проекта». В конечном счете, однако, Россия проиграла конкурентам. Во время европейского саммита в Стамбуле 18–19 ноября Азербайджан при посредничестве США подписал соглашение с Грузией и Турцией о строительстве трубопровода по «южному маршруту». Тем самым война в Чечне была проиграна вне зависимости от того, как складывалась обстановка на поле боя.

С точки зрения борьбы за каспийскую нефть продолжение боевых действий отныне теряло всякий смысл. Но война имеет собственную инерцию и логику, особенно для генералов, журналистов и политиков, которые сделали ставку на «победоносный поход». Кровапролитие должно было продолжаться просто потому, что уже никто не решился признать свои ошибки (и заплатить за это своей карьерой). К тому же в российских элитах наступило самоотравление пропагандой. Восторги интеллектуалов по поводу осенних «побед» превосходили даже бахвальство военных. Любопытно, что все «певцы» чеченской войны, не сговариваясь, запели не только об одном и том же, но даже одними и теми же словами. Стоило Чубайсу сказать про «возрождение» армии, как традиционно критиковавшая его «Независимая газета» написала, что «армия возрождается на глазах»⁴⁸⁾.

Показательно, что все эти восторженные репортажи писались в Москве за тысячи километров от линии огня, в то время как в самих войсках царили совершенно иные настроения. Но если солдаты и младшие офицеры в очередной раз задавались вопросом о том, зачем их послали умирать, генералы уже чувствовали себя победителями — если не в войне с чеченскими боевиками, то уж во всяком случае, в противоборстве с «неблагонадежными» журналистами. Пресса и телевидение соревновались в лести по отношению к военному начальству, расхваливали «грамотную подготовку» кампании, «о которой еще каких-нибудь полгода назад побоялись бы говорить даже самые активные сторонники силовой операции»⁴⁹⁾. Лишь немногие журналисты решились искренне писать о том, что видели на поле боя. Что хуже всего, спустя несколько месяцев генералы, похоже, начали верить собственному вранью, убедив себя, что все идет превосходно и их стратегический замысел гениален. А это было залогом новых грубых ошибок.

Путинщина

Российскому начальству мир в Чечне в 2000 г. не был нужен. Военная победа тоже была не обязательна. Требовались репортажи о победах. Ссылки на эти победы позволяли объяснить фантастические рейтинги Путина, а затем прикрыть этими рейтингами сомнительные результаты выборов. Беда лишь в том, что события на Кавказе развивались по собственной логике, независимо от замыслов кремлевских пропагандистов. В итоге мы получили бессмысленную войну, оборачивающуюся дипломатической катастрофой. Сделав первый выстрел, Россия уже потерпела тяжелейшее поражение в геополитическом плане. Начнем с того, что война в Чечне, судя по социологическим опросам, стала

⁴⁸⁾ Независимая газета. 10.11.1999.

⁴⁹⁾ Независимая газета. 18.11.1999.

главным фактором, отталкивающим белорусов от союза с Россией. В братской республике не хотели получать цинковые гробы с Кавказа. Та же война поссорила Россию с мусульманскими государствами и вызвала ненависть к нам в странах «третьего мира». Наши «патриоты» — по сути расисты, они уверены, что нам никто не нужен — сами с усами. Они все еще живут в XIX веке, не сознавая, что американскому давлению можно сегодня противостоять, только найдя партнеров в других странах «периферии». И наконец, Россия помогла западным политикам «отмыться» после Косова. Только стали поступать сообщения о масштабах натовского вранья, только публика в Европе заметила, что после «победы» в Косове продолжаются этнические чистки, как появилась новая тема, куда более впечатляющая: война в Чечне. Разумеется, никакого морального права ругать «русских» у западных политиков нет. Но непонятно, чему мы так радуемся? Если мой сосед, который меня ругает, сам вор и убийца, значит ли это, что я получаю моральное право грабить и убивать?

Уже к декабрю 1999 г. стало ясно: если война не закончится настоящей, не виртуальной победой в течение ближайших двух-трех месяцев, дипломатическое и моральное поражение дополнится политическим. Олигархия, следившая ставку на Путина, должна была консолидировать политический режим в кратчайшие сроки, чтобы затем никакие военные поражения уже не могли пошатнуть ее власть.

Война в Чечне стала полигоном, на котором явно и почти открыто обкатывались методы установления военной диктатуры в самой России. Находящееся в Моздоке командование контролировало телевизионные передачи, оценивало действия политиков, при этом категорически запрещая кому-либо оценивать эффективность (точнее — неэффективность) собственных операций. «Власть военных здесь безгранична как в любой банановой стране, где произошел военный переворот и установилась диктатура полковников, — писал Валерий Яков. — Военные контролируют потоки беженцев, военные раздают пенсии, военные открывают школы и создают комендатуры. Закон молчит, Конституция отдыхает, о введении чрезвычайного положения хотя бы в рамках санитарного cordona ничего не слышно. А генералы уже диктуют свою волю не только беженцам, покорно бредущим по кругу, но и обществу. Казанцев, Шаманов и прочие полководцы каждый вечер появляются на телеэкранах, превосходя по частоте появлений самого премьера, и пугают своим ультимативным тоном встревоженных сограждан: «Да если нас остановят...», «Да если мы снова не добьем...», «Да если вздумают начать переговоры...» И озадаченные сограждане теряются в догадках, у кого же теперь в стране власть: у Москвы или у Моздока?»⁵⁰⁾

Демократический фасад «второй республики» рушился на глазах. Либеральная экономическая модель тоже. С этим фактически смирились на Западе. «Экономические и политические реформы должны быть проведены в ограниченный срок, — писал Newsweek. — В России такая возможность была в начале 90-х, когда формировалась новая система, когда убежденные либеральные реформаторы были у власти, когда Борис Ельцин был здоров телом и душой, когда можно было открыто симпатизировать Западу. Соединенные

⁵⁰⁾ Новые известия, 10.11.1999. С. 4.

Штаты имели огромное влияние на Россию, которая искала свое новое место в мире. Но мы сами все испортили. Теперь остается заботиться лишь о том, чтобы свести ущерб к минимуму. Запад должен смириться с мыслью, что попытка превратить Россию в либеральную демократию провалилась. У Соединенных Штатов есть теперь только один интерес в России — безопасность все еще огромного советского ядерного арсенала»⁵¹⁾.

Американский журналист несколько лукавил. Во-первых, именно «убежденные либеральные реформаторы» (dedicated liberal reformers) при полной поддержке и одобрении Запада заварили кашу, которую западные лидеры теперь не желали расхлебывать. Во-вторых, что гораздо важнее, интересы Запада в России не сводятся к охране ядерного арсенала. Не менее (а на самом деле — более) важно сохранение России на периферии миросистемы в качестве сырьевого придатка «центра» и рынка сбыта. И все же главное было сказано откровенно: даже на уровне политических деклараций и риторики правящие круги Соединенных Штатов готовы отказаться от демократических принципов в отношении России. Если интересы Запада в России будет охранять националистическая или даже террористическая диктатура, в этом нет ничего страшного. Если Путин и мог покоробить западную публику своими методами, то «реальные политики» в Вашингтоне понимали, что при данных обстоятельствах лучшего союзника в Москве у них все равно не будет.

Демократические институты ельцинской «второй республики» могли существовать лишь до тех пор, пока их неэффективность была стопроцентно гарантирована. В условиях, когда население заведомо не имело возможности воспользоваться своими правами, когда у народа никакого выбора не было, могла сохраняться видимость политической свободы. Как только такой выбор появляется, сохранять конституционно-демократическую законность становится невозможно. И не важно, что представляемый народу выбор на самом деле — между несколькими олигархическими группировками, чьи интересы равно далеки от интересов масс. Но даже такой выбор подрывает основы ельцинского режима, основанного на равновесии сил между соперничающими группами, поддерживаемом Кремлем.

В России сформировалась элита со специфической криминально-бюрократической психологией. Наивно полагать, будто люди, подобные Борису Березовскому, Татьяне Дьяченко или Анатолию Чубайсу отдадут власть и собственность мирно, согласятся уважать демократические процедуры и смирятся с неблагоприятным для них исходом политической борьбы, не прибегая к насилию. Не менее наивно было бы ожидать уважения к демократии от «русских касиков», от насквозь коррумпированных региональных элит.

Все это происходит на фоне «ползучей» милитаризации общества, когда государство все более утрачивает монополию на насилие: наряду с вооруженными формированиями, формально подчиненными власти, в стране действуют многочисленные охранные структуры, не говоря уже просто о бандитских формированиях и широком распространении оружия среди «мирных граждан». Главное, однако, в том, что само государство утрачивает единство, и вооруженные отряды, подчиненные бюрократическим группировкам разного уровня,

⁵¹⁾ Newsweek, 27.09.1999. P. 6.

уже не являются в полной мере частями одной системы. Этот «плюрализм» не имеет ничего общего ни с демократией, ни со «всеобщим вооружением народа», о котором мечтали ранние социалисты и анархисты. Скорее это похоже на зарождение феодальных дружин. Для того чтобы гарантировать минимально мирное развитие общества, государству необходимо восстановить монополию на насилие, но сами по себе попытки власти навести здесь хоть какой-то порядок могут обернуться эскалацией конфликтов, а главное — эффективная «демилитаризация» страны может сопровождаться введением диктатуры под лозунгом «защиты мирных граждан». Другим психологически допустимым оправданием диктатуры (с точки зрения сегодняшнего массового сознания в России) становится «борьба с терроризмом». Обывательское сознание вполне готово принять диктатуру в надежде на то, что вместе с ней придет «порядок», прекратится «воровство» и «бандитизм». Но обыватель, как всегда, заблуждается. В диктатуре заинтересованы именно те, кто хочет сохранить существующее в России положение дел. Точно так же, как возведенный в политический принцип русский национализм не только не будет способствовать восстановлению независимости России, но напротив, углубит ее зависимость по отношению к Западу, так и «твердая власть во имя порядка» будет стоять на страже коррупции. В современных российских условиях диктатура необходима прежде всего для защиты воров от порядочных людей.

Разумеется, любая политика имеет свою инерцию, и ужесточение власти может иметь неожиданные последствия для тех, кто эту политику заказал и подготовил. В этом плане ничье будущее не гарантировано, ничьи интересы не защищены. Экономическая ситуация делает перемены неизбежными, но любые перемены в сложившихся условиях чреваты потрясениями. Поддержание хрупкого политического равновесия, на котором была основана в России видимость демократии и законности, становится невозможным. «Вторая республика» агонизирует. Под грохот взрывов, пальбу в Дагестане и Чечне, под залпы информационной войны уходит в прошлое и эпоха «либеральных реформ».

Национал-консерватизм Владимира Путина стал логическим и неизбежным завершением ельцинской эры либеральных реформ. Впрочем, либеральные реформы в России всегда именно так и кончались — закреплять их результаты приходилось с помощью консервативной реакции. Проблема власти была лишь в том, что разложение государства достигло невиданных масштабов. Стабилизировать систему с помощью пропагандистского шума и кадровых перестановок было уже невозможно. Более того, судорожные попытки власти как-то изменить ход событий сами оказывались дестабилизирующим фактором.

После громких пропагандистских криков о том, что армия не будет штурмовать Грозный, войска были брошены на приступ. Опять повторилось то же, что и в 1994–95 гг. — горы солдатских трупов на улицах, сожженная и брошенная бронетехника, упорные бои за каждый дом. Разница была лишь в том, что на сей раз армия действовала с жесткостью, поражавшей даже на фоне событий первой чеченской войны. Жилые кварталы, где прятались русские женщины, старики и дети, обстреливали из систем залпового огня «Град» и «Ураган», реактивных огнеметов, бомбила стратегическая авиация.

Осадив Грозный, генералы оказались перед выбором — или начать штурм (чего и ожидали чеченцы), или, блокировав столицу, бросить основные силы

на горные районы юга Чечни, где находились основные базы Масхадова. Второй вариант был бы в военном отношении более удобен, ибо наступления на юг чеченцы не ожидали. Однако армия сделала то, чего не предполагал никто: распылив силы, она начала в декабре наступление сразу на обоих направлениях. Это был настоящий новогодний подарок неприятелю. Поскольку боеспособных войск было мало, добиться перелома ни на одном из направлений было невозможно. Хуже того, огромные массы плохо обученных солдат и скопления бронетехники лишь создавали дополнительные проблемы для самих наступающих. Войска надо было кормить и снабжать, а для этого ничего толком не было организовано. Плохо обученные новобранцы только мешали воевать более опытным подразделениям.

Ошибка военных, впрочем, на сей раз была вынужденной. Поскольку война велась прежде всего ради пропаганды, руководство страны вынудило генералов в декабре высадить десант в южных горах под грузинским селом Шатили — якобы для перекрытия стратегической дороги с Грузией. На самом деле никакой дороги на Шатили не было, ее начали строить в 1997 г., но затем бросили. Но московским политикам перед выборами нужна была победная реляция, тем более что из Грозного стали просачиваться сведения о потерях. Бессмысленно выброшенный десант сразу оказался в окружении. Эвакуировать или снабжать его было крайне трудно из-за нелетной погоды. Чтобы выручить его, войска должны были пробиваться через горные ущелья на юг, не закончив бои в Грозном. Штурм города стал захлебываться. В конце декабря чеченские подразделения встретили наступающие колонны у входа в Аргунское ущелье, где началась настоящая бойня.

Поддержав войну во имя возрождения армии и государственности, российские элиты, включая «интеллектуалов» и «оппозиционеров», взяли на себя ответственность за политику, неизбежно ведущую к развалу армии и дальнейшему разложению государства. Они выступили соучастниками провокаторов, взрывавших жилые дома, они стали идеологами и пропагандистами диктатуры. Рано или поздно за это придется ответить перед собственным народом. В том числе — перед детьми рабочих и крестьян, одетыми в армейскую форму.

Ставка на Путина была сделана московскими элитами от отчаяния. Политический ресурс «путинщины» слишком ограничен, чтобы на этом могла быть построена долгосрочная политика. Стремясь найти разрешение объективным историческим противоречиям с помощью пропаганды и фальшивых рейтингов, власть загнала себя и всю страну в очередную катастрофу. К зиме 1999–2000 г. это было уже свершившимся фактом.

Провал военной кампании накладывался на неотвратимо надвигающийся новый спазм экономического кризиса. Производство, получившее в 1998–99 гг. неожиданный импульс благодаря девальвации рубля, сокращению импорта и ослаблению контроля со стороны столичных олигархов, уже задыхалось без инвестиций. К концу 1999 г. темпы роста вновь начали падать, импорт стал опять расти быстрее экспорта и только высокие цены на нефть на мировом рынке помогали поддерживать статистическую видимость благополучия. Хуже того, вновь обострился финансовый кризис государства. После победных реляций о том, что поступления в бюджет существенно превышают запланированные, власти к началу 2000 г. вновь столкнулись со знакомой проблемой —

ожидаемые доходы не поступали. Все дополнительные средства, которые могли быть использованы на инвестиционные программы, были съедены войной и предвыборными мероприятиями. Вдобавок советское «наследство» было практически проедено. Из-за многолетней инвестиционной паузы в стране стал ощущаться недостаток уже не в финансовых, а в материальных ресурсах, включая трудовые. Расширять производство было уже некому — не доставало квалифицированных рабочих и грамотных управленцев. Все многочисленные курсы подготовки менеджеров, открытые в стране за десять лет либеральных реформ, оказались совершенно бесполезны для общества, ибо управленческий персонал, способный развивать производство, там не готовили. Трудоспособные молодые люди продолжали погибать в Чечне. Тем временем предприятия сталкивались с дефицитом газа, электроэнергии, горючего. В некоторых регионах России отключали к зиме 2000 г. не только неплательщиков, но и всех подряд, ибо электричества просто не было.

Конфликт в Чечне был по всем признакам «маленькой» войной (хотя командование умудрилось бросить в эту бессмысленную бойню до 200 тыс. человек и несколько тысяч единиц бронетехники). Но для слабой российской экономики даже такая война оказалась роковым ударом.

Чем больше войск отправлялось на Кавказ, тем труднее было их содержать, тем хуже они были обучены и накормлены, тем больше средств разрывалось, тем большим было разложение армии. В окопах чеченской войны, пусть и в меньшем масштабе, повторялось то же, что уже один раз произошло с русской армией — в траншеях Первой мировой, в 1916 г. А как известно, за 1916 г. логично и неизбежно пришел 1917-й.

Русские революции и реформы всегда начинались с проигранных войн, и в этом смысле чеченский поход 1999–2000 гг. не стал исключением. Он дал толчок к новым потрясениям в России. Именно видимость «единодушной» поддержки армии со стороны населения и политического класса делает неизбежным глубочайший политический кризис, когда поражение окончательно станет политическим фактом. События в Выборге, как и общая статистика забастовочного движения, свидетельствовали, что психологическая ситуация в стране меняется. Неудача в войне может вызвать перелом в общественном сознании, когда люди от апатии перейдут к протесту и сопротивлению.

Возможно, впрочем, что российское общество, покорно пережившее многие унижения, смиритсЯ и с этим.

В ожидании Союза

Последним решением Государственной Думы перед выборами 1999 г. была ратификация договора о Союзе Белоруссии и России. Эра Ельцина началась с разрушения Советского Союза. Заканчивалась она попытками хотя бы частично восстановить его.

Показательно, однако, что инициатива восстановления союзного государства исходила не от России, а от Белоруссии. Противники президента Лукашенко утверждали, будто он пытается осуществить «аншлюс» Белоруссии, а на Западе среди левых шли разговоры о возрождении русского империализма и экспансионизма. Между тем на практике именно российские элиты

постоянно вставляли палки в колеса интеграции. Мало того, что московский финансовый капитал использовал все свое влияние, чтобы затормозить принятие договора о Союзе и выхолостить его, — на российские деньги в Белоруссии действовали оппозиционные партии, выступающие против сближения с Россией. Те же партии и группировки получали поддержку от американского посольства и Фонда Сороса.

Ничего странного или парадоксального в поведении российских элит не было. Экономическая политика Александра Лукашенко была основана на принципах, диаметрально противоположных тем, на которых строилась российская. Широкомасштабной приватизации в Белоруссии не произошло. Отдельные предприятия были проданы, но лишь при условии, что инвесторы готовы были прийти с серьезными стратегическими проектами и вложить значительные средства в развитие производства. В отличие от политики, ориентированной на укрепление национальной валюты в соответствии с рекомендациями МВФ, белорусские власти допускали высокий уровень инфляции и позволяли местному рублю обесцениваться, тем самым удешевляя промышленный экспорт.

Если до Александра Лукашенко белорусская экономика падала так же, как и в других странах бывшего СССР, то с приходом нового президента ситуация резко изменилась. С 1996 г. спад был преодолен и начался быстрый экономический рост. В 1997 г. белорусская экономика достигла 10 % роста, что позволило экспертам, сравнивая эту республику с азиатскими тиграми, называть ее «славянской рысью». В 1998 г. из-за российского дефолта темпы роста в Белоруссии несколько упали (на Россию приходилась значительная часть экспорта, к тому же с падением рубля подешевели товары российских конкурентов). Но белорусская промышленность выстояла. За счет дешевой, дисциплинированной и квалифицированной рабочей силы Белоруссия продолжала наращивать экспорт. Низкая (в долларовом исчислении) заработная плата сделала импорт потребительских товаров невыгодным. Местные производители сохранили свои традиционные рынки и начали завоевывать новые. В то же время западные компании, стремившиеся освоить белорусский рынок, начали создавать предприятия непосредственно на территории республики. Сельское хозяйство в целом сохранило свой потенциал, обеспечивая 90 % местного продовольственного рынка (в то время как в России местные производители были задавлены импортом).

Низкая заработная плата компенсировалась сохранением социальных гарантий, низкой безработицей и государственной политикой сдерживания роста цен на ряд продовольственных товаров. В то же время в Белоруссии, как и в странах Юго-Восточной Азии, формировалась достаточно авторитарная политическая система. Лукашенко не был жестоким диктатором, каким его изображали политические оппоненты, но не был он и демократом западного толка. В этом плане параллели между «славянской рысью» и «азиатскими тиграми» тоже напрашиваются. Формально оппозиционные партии и газеты не были запрещены, а на территорию республики вещало российское частное телевидение, постоянно нападавшее на режим Лукашенко. Но назвать сложившуюся систему демократической просто невозможно. Все ключевые решения принимались лично президентом и его ближайшим окружением. Здесь

процветал самый настоящий фаворитизм, как при дворах «просвещенных» монархов XVIII века. Политические партии находились на обочине общественной жизни. Избранный народом парламент был президентом распущен, после чего из лояльных депутатов был сформирован новый, абсолютно контролируемый исполнительной властью.

Полномочия президента были подтверждены референдумом, и опросы регулярно показывали, что политика «бабки» Лукашенко пользуется поддержкой подавляющего большинства населения. На самом деле, однако, картина оказывалась несколько сложнее. Лукашенко почти безоговорочно поддерживали в сельской местности и в малых городах. Рабочий класс относился к власти двойственно. С одной стороны, в Белоруссии все прекрасно видели, что произошло в соседних России и Украине, а потому не могли не радоваться сохранению социальных гарантий, работающей промышленности и высокой занятости. С другой стороны, политика сдерживания заработной платы вызывала непрерывные конфликты с профсоюзами. При этом власть действовала грубо и прямолинейно, постоянно прибегая к запугиванию рабочих активистов и социальной демагогии.

Находясь в конфликте с Западом, выдерживая постоянное давление российской олигархии, белорусская бюрократическая элита культивировала советские традиции, формируя своего рода менталитет осажденной крепости. В Белоруссии напоминали, что само название страны появилось в Средние Века, когда южные и восточные части Руси оказались под татарами и только Северо-Запад сохранил «белую» чистоту русской культуры. Тем самым белорусы воспринимали себя как единственных «настоящих» русских, а власть Ельцина в России — как некое подобие второго татарского нашествия. Восстановление единого славянского государства оказывалось своего рода белорусской национальной идеей.

Стремление к единству, однако, имело и более прагматические причины. Россия была для белорусской промышленности и главным рынком сбыта, и важнейшим источником сырья, а также комплектующих деталей. В 60–70-е гг. в составе СССР Белоруссия формировалась как «сборочный цех страны». Объединение с Россией позволило бы белорусской промышленности сохранить высокие темпы и закрепиться на международном рынке. Российские элиты по вопросу интеграции были разделены. Финансовый капитал, компрадоры, топливно-энергетический и информационно-пропагандистский комплекс были категорически против. Промышленники, напротив, мечтали об интеграции.

В принципе ни один политик в России не мог публично заявить, что он против объединения с братской республикой. Потому борьба против интеграции велась двумя путями. С одной стороны, либеральная пресса использовала классический прием подмены тезиса, агитируя против сотрудничества с «диктатором Лукашенко». С другой стороны, чиновники использовали прием бюрократического саботажа, когда все белорусские инициативы вязли в бесконечных согласованиях и, в конечном счете, выхолащивались. Наконец, русскому обывателю пытались втолковать, что после объединения он должен будет субсидировать социальные гарантии белорусов. Несмотря на это, популярность идеи объединения в России только росла, а авторитет Лукашенко повышался.

Возникала парадоксальная ситуация — Чечня стремилась отделиться от России, но ее не отпускали, а Белоруссия стремилась к России присоединиться, но ее не допускали. Средства, затраченные на две чеченские войны, были вполне достаточными, чтобы несколько раз оплатить все расходы, связанные с интеграцией, но Кремль предпочитал бомбить и разрушать, а не строить и восстанавливать.

В 1998–99 гг. ситуация изменилась. Крах рубля обеспечил оживление в промышленности, что резко повысило интерес к кооперации с белорусскими предприятиями. В то же время кремлевская элита, чувствуя, что ее время кончается, судорожно искала новую политическую формулу, которая позволила бы ей сохранить свое положение. Срочная интеграция с Белоруссией давала возможность создать «запасные аэродромы» для чиновников из президентской администрации на случай, если бы в Кремле их положение пошатнулось. В то же время союзные структуры надо было создавать быстро, до того, как в самой России начнутся неконтролируемые процессы. Статья 36 союзного договора, посвященная главе объединенного государства, была умышленно написана таким образом, что не исключала назначения на этот пост Ельцина уже после окончания его полномочий в качестве российского президента (если стороны «договорились»). В итоге Кремль начал в 1999 г. форсировать темпы интеграции точно таким же манером, каким в 1996–98 гг. сдерживал их.

Беда в том, что серьезная интеграция была невозможна без радикального изменения социальных, экономических и политических структур в самой России. В этом, строго говоря, и состоял главный позитивный смысл союза с Белоруссией для русского общества. Перемены были необходимы и в Белоруссии, но если Минск готов был пройти свою часть пути, то в Москве даже не знали с чего начать.

«Если делать не демагогические, а реальные шаги к интеграции государств, то должны быть в корне пересмотрены принципы административного деления России на субъекты Федерации, оставшиеся с советских времен, — писала “Новая газета”. — Должна быть поэтапно и очень взвешенно проведена реформа, которую можно условно назвать губернской (и тогда Белоруссия постепенно [будет] интегрироваться в союзное государство в качестве одного из примерно 15 его субъектов, сопоставимых по хозяйственной и политической силе)». Подобная реформа означала бы конец «русского касикизма», ставшего при Ельцине одной из основ политического устройства страны. Для такого преобразования просто не было политической воли. А полумеры всегда дают обратный результат. «При нынешней бездарности нашей верхушки попытки реформирования государственного устройства России ради сохранения ее целостности приведут к обратному результату — к стремительному распаду страны на несколько “промплощадок” для освоения американскими корпорациями и китайскими колонистами»⁵²⁾.

Подписав договор и назначив выборы союзного парламента на лето 2000 г., российская политическая элита оставила очередной вопрос открытым, одновременно заложив под себя еще одну мину замедленного действия, создав основания для неизбежного структурного кризиса. Борьбе за будущее устройство

⁵²⁾ Новая газета, 1999, № 48, С. 2.

Союза предстояло наложиться на борьбу за передел власти и собственности в самой России.

Впрочем, ни кремлевская «семья», ни правительственный аппарат уже не могли думать о будущем. Их занимало только одно — как тактически подавить своих соперников на выборах и отчитаться перед друзьями на Западе.

Триумф «Медведя»

Избирательная кампания 1999 г. отличалась исключительной вялостью всех участников. Спонсоры, ранее не жалевшие денег на «раскрутку» своих политических союзников, на сей раз поскупились, ибо все были уверены — никакой реальной власти депутаты не получают. Телевидение время от времени показывало невыразительные клипы, из которых было совершенно непонятно, за что выступает та или иная группировка. Мало того, что никто не стремился разъяснить массам свои взгляды, напротив, даже там, где у политиков свои позиции были, они всячески старались их скрыть. По вполне понятной причине: говорить откровенно о своих целях и идеях для «политического класса» образца 1999 г. значило бы вызвать ярость населения.

«Партия власти» в 1999 г. выступала под двумя вывесками. Как известно, в 1995 г. Кремль тоже пытался создать сразу два проправительственных блока — один «левый», другой правый. С «левым» блоком Ивана Рыбкина ничего не вышло, а правый блок оказался совершенно нежизнеспособен, пройдя в парламент. На сей раз ставка была сделана на создание сразу двух правых блоков. Различия между ними были не идеологическими, а культурными, «стилевыми». Чиновники старшего поколения объединились в блоке «Единство» («Медведь»), а молодые карьеристы — в Союз правых сил.

«Атака двумя колоннами» оказалась тактически выгодной для правящей группировки еще и потому, что необходимо было подорвать позиции ОВР, не усилив при этом «Яблоко» или КПРФ. Агрессивная кампания против ОВР и КПРФ велась государственным телевидением и особенно журналистами, близкими к СПС. В это самое время представители «Медведя» вели «позитивную» кампанию, не вступая в полемику со своими противниками. Культурные различия тоже принимались в расчет. «Медведь» должен был отобрать избирателей у ОВР, а СПС, обладавший более «интеллигентным» имиджем — у «Яблока».

Телевидение постоянно рассказывало избирателям о растущем рейтинге «Медведя», который первые две недели практически не вел избирательной кампании, тем самым подтверждая опасение, что в пользу этого блока готовится широкомасштабная фальсификация. Шедевром избирательной пропаганды «Медведя» был мультипликационный клип, в котором «Медведь» приходил чинить сказочный теремок, по дороге выбрасывая оттуда волка, обещавшего домик приватизировать. Правда, в русской сказке, по которой был сделан клип, теремок развалился как раз после того, как туда вселился медведь... Если Россия явно представляла собой теремок, то последствия победы «Медведя» предсказать было нетрудно. Что касается СПС, то этот блок, получив огромные деньги, вел кампанию довольно напористо. СПС возглавили бывший премьер Сергей Кириенко, бывший вице-премьер Борис Немцов и бывший министр

Ирина Хакамада. Все эти персонажи были столь похожи друг на друга и столь лишены самостоятельного политического лица, что журналист Олег Давыдов даже предложил их считать за одну личность, которую он назвал «Кирнемхака». Фоторобот этого существа был опубликован на страницах «Независимой газеты»⁵³⁾. На общем унылом фоне СПС выделялся энергичной кампанией под лозунгом «Молодых надо!» О либерализме, частной собственности и «открытом обществе» за все время кампании не было сказано ни слова. Вообще характерной чертой выборов 1999 г. было нежелание практически всех избирательных объединений говорить о политике. Свою программу никто не желал объяснять избирателю. Партийные программы, в той или иной мере отражавшие интересы коррумпированных политических и финансовых элит, могли лишь оттолкнуть население. Вместо этого преобладали взаимные обвинения в коррупции и самовосхваления политиков. Кирнемхака в этом смысле превзошла всех, ибо никаких черт, кроме молодости, она вообще не обнаружила. Зато организаторам кампании успешно удалось заставить избирателя забыть о прошлом ключевых персонажей СПС. От населения фактически скрыли не только программу блока (хотя Кириенко время от времени размахивал перед телекамерами толстенной книгой), но и его состав (лица Гайдара и Чубайса до поры предпочитали не показывать). Таким образом провалившихся отставных начальников превратили силами имиджмейкеров в молодых радикалов, добивающихся обновления власти.

Выборы 1999 г. вообще не были соревнованием программ. Показательно, что если программы у всех партий были более или менее правыми, то избирательная риторика и пропагандистские образы у всех, включая СПС, исключительно левыми. По существу все политики рассматривали свою пропаганду лишь как искусство обмана или способ сокрытия своих истинных намерений.

Хуже всего обстояли дела у коммунистов. В Думе созыва 1995 г. КПРФ получила только по спискам 99 мест, что давало ей возможность вместе с депутатами-одномандатниками и союзниками контролировать до 220 голов. Однако этот результат был достигнут не благодаря массовой народной поддержке партии, а из-за парадоксов российского избирательного законодательства. «В декабре 1995-го половина мест, распределяемых по партспискам, досталась мелким партиям, не преодолевшим проходной барьер, в результате чего их мандаты поделили между собой четыре победителя, — отмечал журнал «Эксперт». — Бонус КПРФ составил около полусотни мандатов». Это создавало для партии исключительно благоприятные политические возможности, которыми ее руководство не смогло воспользоваться. «Конвертировать стратегическое преимущество в Думе во что-нибудь осязаемое коммунисты не сумели из-за своей идеологической заскорузлости и неспособности к маневру. Даже «розовый» кабинет Примакова, куда вошли (в кои-то веки!) несколько членов КПРФ, они не только не смогли уберечь, но и приблизили его кончину, упорствуя с импичментом президенту. Оба варианта политического соглашения между ветвями власти (осень-98 и зима-99), которые могли стать первым шагом

⁵³⁾ См. Фигуры и лица (приложение к «Независимой газете»), 18.11.1999, № 18. С. 1.

к коррекции Основного закона в желанном для коммунистов направлении, те отвергли из чистой фанаберии»⁵⁴⁾.

На самом деле проблема коммунистического руководства была вовсе не в «заскорузлости» или «фанаберии», а в отсутствии политической стратегии, нежелании бороться с властью, сочетавшейся с полной неспособностью ее реформировать. Накануне выборов Геннадий Зюганов с важным видом обещал «Независимой газете», что его партия получит до 40 % голосов и вместе со своими союзниками займует в Думе две трети мест — «так называемое конституционное большинство»⁵⁵⁾. На самом деле КПРФ не только не укрепила свое положение в парламенте, но, напротив, потеряла свои позиции.

Выборы 1999 г. не были ни честными, ни свободными. Партии, не пользовавшиеся благоволением Кремля, были лишены доступа к общенациональным телеканалам ОРТ и РТР, а Лужкова и ОВР ежедневно поливали грязью. Коммунистов на сей раз не трогали, но и слова им не давали. За постсоветские годы в России местные администраторы освоили целый арсенал средств избирательной фальсификации. Можно еще до открытия участков поставить там урны, уже частично заполненные бюллетенями в пользу «нужных» кандидатов и партий, правда в этом случае могут не сойтись списки проголосовавших с количеством бюллетеней в урнах (на что жаловалась оппозиция в Москве в 1997 г.). Можно вбросить некоторое количество бюллетеней в последний момент, заодно расписавшись за не пришедших голосовать избирателей (такие факты неоднократно выявлялись в русской провинции). Мертвых душ в списках всегда оказывалось достаточно. На выборах президента Карачаево-Черкессии голосовал некто Лайпанов, погибший в автокатастрофе за несколько месяцев до того. Тот же Лайпанов осенью 1999 г., по данным российских спецслужб, взрывал жилые дома в Москве. Не исключено, что он голосовал и на выборах 1999 г. в Госдуму. Наконец, можно просто исправить или сфабриковать итоговые протоколы (подобная практика была замечена на Северном Кавказе, в Подмоскovie, в отдаленных районах Крайнего Севера).

Прямая фальсификация итогов голосования являлась в ельцинской России лишь одним, причем не главным, средством управления выборами. Еще более распространенной и гораздо более эффективной практикой было давление на избирателей. Доходило до прямых угроз отключить свет и отопление в случае неверного волеизъявления. В отдаленных гарнизонах и маленьких деревнях люди голосовали под присмотром начальства. Администрация предприятий объясняла работникам в «закрытых городах», кого выбрать, чтобы получить зарплату. Полноценное наблюдение за выборами в масштабах страны могли наладить только коммунисты, вследствие чего у них, как правило, голоса и не крали. Но подправить результат кремлевских любимчиков можно было за счет неголосующих или за счет мелких блоков, которые все равно наладить контроль за голосованием не могли.

Надо отметить, что центральная власть никогда сама не занималась подтасовкой выборов, оставляя это на усмотрение местного начальства. Ему лишь давали знать, какого результата от него ждут, а какими средствами это будет

⁵⁴⁾ Мир за неделю. 20–27.11.1999, № 13. С. 1.

⁵⁵⁾ НГ-сценарии. 10.11.1999, № 10. С. 1.

достигнуто — дело самих региональных администраторов, которые могли выбрать любой метод (от грубой фальсификации до «изящной» информационной манипуляции) или соединить несколько подходов сразу. Ясно, что в урбанизированных регионах Европейской России прямая подтасовка встречалась реже, чем в «медвежьих уголках» на севере и востоке, куда наблюдатели часто могли долететь только вертолетом. К тому же местная администрация в этих регионах больше зависела от бюджетной подпитки из центра, а потому старалась вовсю.

В любом случае, выборы 1999 г. показали как влияние русских «касикув», так и силу Кремля, способного скоординировать и направить в нужное русло усилия тысяч чиновников. Судя по итогам выборов, население повсюду проявило поразительную солидарность со своими губернаторами. Поскольку же региональное начальство было расколото, то и результаты выборов в регионах рознились поразительно. В Самарской области 40 % голосов ушло к Союзу правых сил, к которому принадлежал местный губернатор Константин Титов. Причем особенно усердно за правых, называющих себя выразителями чаяний «нового городского поколения», голосовали сельские районы, населенные преимущественно пенсионерами. Зато в Башкирии, где Муртаза Рахимов поддержал блок «Отечество — вся Россия», до 73 % населения голосовало за это объединение, особенно усердно, опять же, в сельских районах. В Подмосковье, где действующий губернатор Тяжлов обнаружил себя на одном из последних мест во время проходивших параллельно с думскими выборами главы администрации, протоколы вообще куда-то пропали. Было объявлено, что все уже заполненные протоколы недействительны и началось изготовление новых. Как отмечает газета «Московский комсомолец», в избирательной комиссии случилось нечто необъяснимое: «пока представители облизбиркома бродили из здания в здание, протоколы участковых комиссий пяти степеней защиты оказались безнадежно испорчены. И срочно потребовалось переписывать данные с защищенных бланков на ксерокопированные листы. Все бы ничего, но наблюдателей удивило, почему вдруг в ходе «переписи» у некоторых кандидатов куда-то подевались проценты голосов, а у кандидата Тяжлова они вдруг «приросли» неизвестным макаром. В результате чего действующий губернатор прочно обосновался на втором месте»⁵⁶). Подоспевшие представители компартии подняли скандал, в результате чего итоги выборов оказались под вопросом. Однако подобный харру энд был возможен лишь в Подмосковье с его развитой инфраструктурой и близостью к прессе. К тому же Тяжлов находился в оппозиции Кремлю, а потому его прикрывать никто не стал.

Чем более отдаленным был регион, тем прочнее оказалось положение «Медведя». В «медвежьих углах» северо-восточной России «партия власти» лидировала, набрав более 28 %. Странно высокими были и результаты СПС в регионах, где у союза явно отсутствовала массовая база. На западе страны «Медведь» несколько потерял вес, но усилились позиции СПС. В конечном счете на первое место вышла КПРФ, но результаты выборов оказались совершенно непохожи на обещанные Зюгановым. КПРФ получила 24,2 % голосов, «Медведь» — 23,4 %, ОВР — 12,6 %, СПС — 8,7 %, «Яблоко» — 6,1 %, Блок Жириновского (ЛДПР) — 6 %. Остальные блоки в Думу не прошли. На Западе

⁵⁶) Московский комсомолец, 21.12.1999.

тут же выразили удовлетворение итогами выборов — в Вашингтоне явно поторопились, совершив пропагандистски ложный шаг, ведь перед тем Кремль и американский Белый дом старательно имитировали конфликт. Неожиданно обнаружилось, что за риторикой о коррупции, правах человека и национальных интересах России ни с той, ни с другой стороны равным счетом ничего не стояло. Западные элиты приветствовали победу Путина и благословляли его на роль преемника Ельцина. Торжествовали они, однако, преждевременно.

Среди непрошедших выделялся леворадикальный блок «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз». Не имея практически никаких финансовых ресурсов и доступа к средствам массовой информации, этот блок исключительно за счет работы в трудовых коллективах добился поддержки 2,2 % избирателей — больше чем кто либо из оказавшихся за бортом парламента (хотя некоторые из аутсайдеров потратили на пропаганду немалые деньги). Успех радикально-коммунистического блока, подкрепленный результатами выборов в одномандатных округах, где радикалы несколько раз обходили кандидатов КПРФ или вплотную приближались к ним, свидетельствовал о росте раздражения рабочего класса.

Несмотря на постоянно повторявшиеся в прессе разговоры о росте националистических настроений в стране, почти все наиболее известные глашатаи русского национализма на выборах в Думу провалились. Не прошел ни вице-спикер Сергей Бабурин, известный своим энтузиазмом по поводу войны в Чечне, ни Александр Невзоров, певец войск специального назначения, участник расправ с балтийскими таможенниками в 1991 г. Провалился и Константин Затулин, сделавший своим коньком призывы к бескомпромиссной борьбе против Украины. Последний проиграл не только официальному кандидату КПРФ, но и комсомолке Дарье Митиной. Из видных националистов, ранее избиравшихся в Думу по одномандатному округу, поддержку избирателей в 1999 г. получил лишь Дмитрий Rogozin. Националистические организации потерпели не менее тяжелое поражение на выборах по партийным спискам. «Духовное наследие» Алексея Подберезкина, претендовавшее на то, чтобы соединить коммунистическую и монархическую традиции, потерпело самое сокрушительное поражение, не набрав и одной десятой доли процента. Замыкали список аутсайдеров, как и в 1995 г., правые социал-демократы. В прошлый раз их вел к поражению Гавриил Попов, теперь же они пришли к провалу под предводительством Михаила Горбачева. Впрочем, еще задолго до выборов социал-демократический список в левых кругах называли «братской могилой».

Главными проигравшими оказались ОВР и «Яблоко». Первые получили значительно меньше голосов, нежели рассчитывали, а вторые потеряли голоса, отошедшие преимущественно к СПС. В 1995 г. «Яблоко» выиграло за счет краха неолиберальной партии Егора Гайдара «Демократический выбор России». Возвращение в Думу гайдаровцев под вывеской СПС привело к резкому падению влияния «Яблока».

И все же главными проигравшими на выборах 1999 г., как и ожидалось, оказались коммунисты. Парадокс в том, что КПРФ на сей раз получила даже больше голосов, нежели в 1995 г. Но потеряв всех своих союзников и подавив все другие левые партии, КПРФ оказалась в изоляции. В итоге коммунисты, контролировавшие вместе с близкими к ним группами 205–220 мест

в Думе 1995 г., на сей раз получили всего 111 мест. Поражение коммунистов сопровождалось резким ростом числа прошедших в Думу независимых депутатов, изрядная часть которых принадлежала к левым. Всего независимых было 105 человек, другое дело, что среди них оказались как нефтяные магнаты Роман Абрамович и Борис Березовский, так и Юрий Маслюков, бывший «красный» вице-премьер правительства Примакова. По списку КПРФ прошло несколько беспартийных — в том числе близкий к Примакову экономист Сергей Глазьев.

Сразу же после выборов в рядах ОВР начался разброд — прошедшие в Думу депутаты движения разделились на две группы. Губернаторы из «Всей России», почувствовав, кто в доме хозяин, начали плавно дрейфовать в сторону Кремля. У Примакова осталось знамя «Отечества», но бойцов под этим знаменем уже не было.

Конец ужасной эпохи

Партия власти, как обычно, торжествовала победу. Это торжество было омрачено только одним — чеченская война, являвшаяся главным пропагандистским козырем власти, была уже безнадежно проиграна. Пока в Москве подсчитывали голоса, десант в горах под Шатили агонизировал. Десантники высадились на кладбище с символическим названием «Город мертвых», где сидели под минометным обстрелом, заблокированные и не имея в достаточном количестве ни продовольствия, ни боеприпасов. На улицах и площадях Грозного лежали сотни трупов солдат, погибших в ходе многодневного штурма, сам факт которого скрывали от российской публики, а под Сержень-Юртом дымились остатки разгромленной бронеколонны.

Пропагандистская машина уже не справлялась, и даже «Независимая газета», занявшая ультрамилитаристскую позицию в начале конфликта, констатировала, что «военные скрывают правду о боях в Грозном»⁵⁷⁾. Тем самым газета фактически признавала, что систематически дезинформировала читателей — ведь на протяжении всех предшествующих месяцев она добросовестно перепечатывала любую нелепую ложь, поставлявшуюся ей армейскими пропагандистами. Однако чашу терпения редакции видимо переполнило сообщение военных о том, что они перекрыли границу между Чечней и Азербайджаном. Достаточно было простого взгляда на карту, чтобы убедиться, что у Чечни с Азербайджаном общей границы не было...

Правительство Путина оказалось в ловушке. Оно уже не могло ни прекратить, ни выиграть войну. А главное, оно не могло и бесконечно скрывать собственную несостоятельность. Оставалось только упираться, «закручивать гайки», пытаться ужесточить цензуру, внушая все более раздраженному народу, что он без памяти любит власть. Генералы, надеявшиеся, что политики в очередной раз отзовут их домой из Чечни, взяв на себя вину за поражение, явно просчитались. Выводить войска никто не собирался. Армию обрекли на жертву ради торжества избирательных технологий. Успешные фальсификации требовали пропагандистского прикрытия. Солдатам и офицерам предстояло кровью оплачивать фальшивые рейтинги.

⁵⁷⁾ Независимая газета, 21.12.1999.

Поражение в войне делало электоральную победу «партии власти» заведомо бессмысленной. За ложь и преступления, за пролитую в Чечне кровь, за разрушенные деревни и бессмысленно погибших солдат предстояло ответить. И не только перед чеченцами или мировым общественным мнением, но и перед собственным народом.

Положение дел не внушало никаких оснований для оптимизма. Более того, обстановка на чеченских фронтах и социально-экономическая ситуация ухудшались так быстро, что не оставалось никакой надежды, что даже с помощью цензуры и информационных манипуляций удастся сохранить иллюзию благополучия до летних президентских выборов, на которых по первоначальному сценарию Путин должен был сменить Ельцина. 30 декабря 1999 г. Ельцин последний раз публично выступил в Кремле. Он вручил звезды героев России генералам Казанцеву и Шаманову — достойная награда за провал военной операции и массовые расправы над мирным населением. Он похвалил военных и заявил, что они вели себя в Чечне безупречно. Сами виновники торжества выглядели довольно мрачными.

На следующий день Ельцин досрочно ушел в отставку, напоследок испортив народу новогодние праздники. Вместо того, чтобы хоть один день в году отрешиться от политики и забыть о переживаемой страной катастрофе, миллионы людей, собравшиеся у новогодних столов, вынуждены были с тревогой обсуждать — что будет дальше...

В своем последнем президентском выступлении Ельцин выглядел совершенно сломленным. Он чуть не прослезился и даже попросил у народа прощения, причем, толком не объяснив за что именно. Это напоминало речь на собственных похоронах. Прощание с властью было для этого человека страшнее прощания с жизнью.

Триумф «партии власти» на выборах в 1999 г. не был началом нового периода в истории постсоветской России. «Путинщина» лишь очередной этап агонии. За некомпетентность, безответственность и предательство элит российское общество обречено расплачиваться кровью. Реставрация, начинавшаяся в России как фарс, заканчивается как трагедия.

Глава 14

После Ельцина

Официальные результаты президентских выборов 26 марта 2000 года не стали неожиданностью. Путин победил в первом туре, как и было запрограммировано по кремлевскому сценарию. И все же выборы прошли неудачно практически для всех, кто в них участвовал.

Самой главной новостью выборов стали не их результаты, а их обсуждение. Впервые за все время с 1993 г. подтасовка результатов голосования обсуждалась открыто уже в ночь подведения итогов. На самом деле, в этом плане выборы 2000 были не «грязнее», чем референдум по конституции в 1993 г. или президентские выборы в 1996 г. Но тогда никто из оппозиционных политиков не решился прямо заявить, что результаты подтасованы. Более того, когда в 1993 г. о подтасовках заговорили независимые эксперты, политики постарались от них отмежеваться. Нынешней послевыборной ночью все было по-другому. Не только аналитики в прямом эфире НТВ стыдливо говорили про «административный ресурс», не решаясь произнести вслух слово «фальсификация», но и сами кандидаты начали рассказывать о том, что произошло на самом деле, приводя факты (противоречивые данные о численности избирателей, явную корректировку итоговых цифр по мере их поступления и т. д.). Все три «серьезных» оппозиционных кандидата — Зюганов, Явлинский и даже Жириновский говорили о подтасовке (правда, Жириновский в свойственной ему манере уточнил, что он за это на власть совершенно не в обиде).

Все эти откровения следует отнести не столько за счет неожиданно пробудившейся гражданской смелости кандидатов, сколько за счет успеха гражданской кампании против выборов, развернувшейся в значительной части страны. В этой ситуации политики, по крайней мере претендующие на оппозиционность, не могли игнорировать давление снизу.

По существу, все политики проиграли. Владимир Путин одержал в лучшем случае пиррову победу. Если учесть то, в каких условиях проходили выборы, и то, какое количество голосов ему просто приписали, можно сказать, что официально объявленные 52 % — это полный провал. Попытка превратить выборы в референдум о неограниченных полномочиях президента провалилась. Для всех сторонников и противников режима очевидно, что поддержка Кремля населением оказалась на порядок ниже обещанной (достаточно вспомнить «социологические опросы», популяризировавшиеся государственным телевидением и дававшие и. о. президента поддержку 60–70 % народа).

Чудо или фальсификация?

Итоги выборов, объявленные Центральной избирательной комиссией (ЦИК), оказались столь сомнительными, что избежать разговоров о фальсифи-

кации оказалось невозможно. Путина, несмотря на войну в Чечне, особенно активно поддержали в мусульманских автономиях, включая саму Чечню, где голосовало по официальным данным 80 % населения (хотя не менее трети жителей бежали с территории республики). Подавляющее большинство (49,4 %) чеченцев, судя по данным ЦИК, — за Путина. Кто-то ехидно заметил, что, по всей видимости, боевики спустились с гор, пришли на избирательные участки и, проголосовав за Путина, вернулись в горы воевать против него. Около 24 миллионов избирателей, по утверждению ЦИК, проголосовали буквально в последний час, хотя избирательные участки просто физически не в состоянии были бы вместить такое количество людей одновременно. «Единственное убедительное объяснение всех этих чудес, — писал Павел Фельгенгауэр, — массовая фальсификация итогов голосования. Коммунистическая партия, имеющая десятки тысяч наблюдателей на избирательных участках, заявила, что Путин действительно вышел на первое место, получив 45 % голосов, но этого недостаточно, чтобы победить в первом раунде». Тем не менее кремлевская свита поторопилась и объявила победу своего кандидата уже в первом туре. Тем самым она не только совершила роковую ошибку, но и обратила победу в потенциальное поражение. «Путин почти наверняка победил бы во втором туре. Но если будет доказано, что его победа оказалась результатом фальсификации в первом туре, легитимность нового президента окажется под вопросом»¹⁾.

Если победа Путина оказалась, в лучшем случае, пирровой, то и Зюганов не сумел добиться успеха. Бесперспективность Зюганова как кандидата в президенты стала слишком очевидна. В 1996 г. он мог победить, если бы хотел бороться. На этот раз у него изначально не было шансов. В итоге он получил даже меньше голосов, нежели в первом туре 1996 г. Объяснить это фальсификацией нельзя, ибо подтасовка имела место и 4 года назад, примерно в тех же масштабах. Относительно высокий результат Амана Тулеева — тоже показатель кризиса КПРФ. Сам Тулеев не является альтернативой Зюганову, а его результат в Кузбассе получен с помощью того же «административного ресурса». Но многие избиратели голосовали за губернатора Кузбасса для того, чтобы выразить недовольство политикой руководства КПРФ.

Еще более катастрофическим оказалось поражение Явлинского. И если Зюганов может жаловаться, что его в очередной раз обокрали, то лидеру партии «Яблоко» винить некого, кроме самого себя. Ясное дело, Явлинского тоже обокрали, но и без вмешательства «административного ресурса» его результат был бы весьма удручающим. Причина тому в принципиально неверном стратегическом курсе, избранном лидером «демократической оппозиции». На протяжении всего предвыборного периода Явлинский продолжал упорно повторять, что не видит разницы между коммунистами и партией власти. Он, лидер «Яблока», единственный настоящий демократ в России. В итоге полученный им результат (5 %) по этой логике следовало бы считать катастрофическим как для Явлинского, так и для демократии. На самом деле, ситуация совершенно иная: официальная оппозиция в составе «Яблока» и коммунистов даже по подтасованным официальным данным получила 45 % голосов, и это бесспорный успех. Ясное дело, что лидеры КПРФ участвуют в сговоре с властью,

¹⁾ The Moscow Times, 30.03.2000.

коррупцированы, предают своих собственных сторонников. Но масса избирателей КПРФ голосовала за партию для того, чтобы выразить протест против системы, голосовала ВОПРОТИВ всему тому, что говорил и делал Зюганов все последние годы. И те, кто действительно хотят демократических перемен в России, должны в первую очередь стремиться опереться именно на это протестное движение.

Мало того, что Явлинский оскорбительно несправедлив по отношению к массе коммунистических избирателей и сторонников КПРФ, он не прав и в своей оценке социальной сущности путинского режима. В этом плане очень показательным выступление лидера Союза правых сил Сергея Кириенко в ночь после выборов. Заявив, что с демократией при Путине, конечно, могут быть проблемы, он подчеркнул: главное — экономическая политика будет либеральной. И это совершенно правильно. Именно во имя продолжения либеральной экономической политики и вводится авторитарный режим в России. Более того, авторитаризм абсолютно адекватен как раз такой политике. На уровне деклараций экономический либерализм означает защиту «свободного рынка» от вмешательства бюрократов. Если перевести эту фразу с языка лозунгов на язык жизни, то она означает защиту олигархии от контроля со стороны общества. Любимые нашей публикой ссылки на опыт Запада как раз подтверждают ту же историческую тенденцию. Время классического, неограниченного либерализма было как раз временем, когда демократии в современном смысле слова не было и не могло быть. Как только было введено всеобщее избирательное право, отменены всевозможные запреты и ограничения на политическую деятельность, «свободу» рынка все более начали ограничивать. Демократия для того и нужна, чтобы общество могло вмешиваться в экономическую жизнь. Кстати, триумф неолиберализма в 80–90-е гг. на Западе тоже повсеместно сопровождался эрозией демократии; другое дело, что там демократические институты глубоко укоренены — в отличие от России.

Если режим, складывающийся в России, имеет явную склонность к людоедству, то не потому, что состоит из профессиональных каннибалов, а потому, что людоедской по своей социальной сути является экономическая программа неолиберализма.

В условиях формирования в России правого авторитарного режима эффективная демократическая оппозиция просто не может быть иной, кроме как левой. Но Явлинский сам не просто не левый, он смертельно боится любой мысли о «порочащих связях» с левыми. А потому продолжает искать взаимопонимания с политически импотентными правыми «демократами». Иногда даже его находит. Результат впечатляет: Евгений Савостьянов снял свою кандидатуру в пользу Явлинского и, судя по всему, не принес ему никаких голосов. Более того, может быть, от такой «поддержки» Явлинский даже потерял голоса!

Потерпел поражение и «Господин Против Всех». Итоги голосования показывают, что выступал он в качестве своеобразного электорального дублера Явлинского. Там, где больше голосов получал лидер «Яблока», там и «против всех» голосовали активнее. Только движение «против всех», в отличие от «Яблока», не пыталось отмежевываться от левых: как раз наоборот, оно в значительной мере левыми активистами создавалось. Можно сказать, что единственным реальным победителем на выборах 2000 г. оказался «Товарищ Бойкот».

По официальным данным, выборы проигнорировали примерно 35 % избирателей. По неофициальным оценкам — более 50 %. Вообще-то это не новость, на прежних выборах результаты были схожие. Разница лишь в том, что на сей раз неголосующие, если можно так выразиться, обрели голос. И рано или поздно последние станут первыми.

Финальный акт?

В русской драме начинается новый акт. После финансового краха 1998 г. олигархия осознает, что созданная ею система не может сохраниться в неизменном виде, но твердо намерена сохранить ее основы. Чем острее социальный кризис, чем меньше остается средств для подкупа средних слоев и трудящихся экспортного сектора, тем больше потребность в прямой диктатуре для сохранения существующего порядка. Идеологи новой администрации особенно и не скрывают своих целей. Как отмечала оппозиционная «Новая газета», все передачи государственного телевидения в конечном счете сводятся к одному призыву: «восстановить государственность любой ценой, кроме ликвидации основ капитализма — частной собственности и рынка». Все это сопровождается массовой национальной и расистской пропагандой, что не может не напомнить Германию начала 30-х гг. Другое дело, что олигархия «по вполне понятным причинам зовет к власти не русского Гитлера и не русского Муссолини, а исключительно русского Пиночета»²⁾.

После многочисленных провалов неолиберализма и в условиях полной дискредитации западнической идеологии российских элит в 90-е гг. продолжение курса требует смены риторики. Вместо разглагольствований об «общеевропейском доме» и «возвращении в мировую цивилизацию» населению рассказывают о патриотизме и «возрождении державы». На практике, однако, все лозунги власти являются не более чем прикрытием для продолжающегося разворовывания страны местными олигархами и транснациональными компаниями. Режим Путина действительно показал совершенную нечувствительность к критике со стороны западных правозащитных организаций. Именно в демонстративном игнорировании международных норм, защищающих права человека, выражается «отстаивание суверенитета» по-путински. При этом западные лидеры, слегка пожурив российского лидера за геноцид в Чечне, дружно заявляют о поддержке новой власти в Кремле. Причина проста: российская власть продолжает проводить экономическую политику в интересах западного капитала. Более того, российские власти фактически отказались от своих претензий к Западу по поводу расширения НАТО на восток. В вопросах внешнего долга или международной торговли правительство Путина даже более уступчиво, нежели предшествовавшие ему российские администрации. И эта покладистость уже оценена по заслугам президентом Клинтоном и премьером Блэром. Что же до чеченцев и русских, то до них ни транснациональным корпорациям, ни лондонским и вашингтонским бюрократам дела нет.

Гадание на тему о том, что будет делать Путин после официального провозглашения себя президентом (уже без приставки «и. о.»), было для кремлевских

²⁾ Новая газета, 2000, № 11Д.

политтехнологов одним из главных методов предвыборной пропаганды. Газеты, близкие к олигархам, рассуждали про то, как будущий национальный лидер поставит на место олигархию. По телевидению рассказывали о том, как многочисленные «светлые умы» готовят программу на десять лет вперед. Программу писали очень своеобразно. Экономический блок составляли правые, а на социальный пригласили нескольких «левых». Противоречия здесь нет никакого: писание программ в России тоже форма пропаганды. Социальные декларации все равно никто выполнять не собирается, зато звучать они будут убедительно.

Итак, предвыборная кампания закончена. Оставив в стороне пропаганду, можно задуматься о том, что должно произойти на самом деле. Понятное дело, ни Путин, ни его команда ничего серьезного предпринимать не собираются. Отсутствие реальной программы — не трюк, не желание избежать критики или скрыть свои намерения. Просто нынешние начальники для того и поставлены у власти, чтобы ничего не делать. Точнее, бюрократическая активность новой администрации поразительно интенсивна, но совершенно бессодержательна. Путин проводит совещания, на которых не принимается никаких важных решений, ездит по стране, где ему показывают очередные потемкинские деревни, произносит речи, состоящие из общих мест вперемешку с блатными словечками, угрозами в адрес чеченских террористов и политических противников. Влияния на экономическую, социальную или даже военную ситуацию все это не оказывает никакого.

Между тем ситуация будет меняться. И довольно радикально. До сих пор команда Путина работала на заготовках, оставленных ельцинским режимом. Беда в том, что за все надо платить, и Путину предстоит столкнуться с долгосрочными последствиями тех самых решений, которые привели его к власти. Сам Путин ни одного из этих решений не принимал, во всяком случае единолично. Но и война в Чечне, и досрочные выборы, и превращение православного национализма в некую замену государственной идеологии — все это уже его игра. Все это придумано ради него и «под него». А потому Путину и отвечать за последствия.

На войне как на войне

Война в Чечне — главный козырь, даже в известном смысле главный метод избирательной кампании, единственное найденное пока режимом средство консолидации общества. Но для эффективной консолидации нужно одно из двух: либо явная победа, либо враг у ворот. Ни того, ни другого не получается. Чеченцев разгромить не удалось, но и Басаев у стен Кремля не стоит. Война была безнадежно проиграна уже в октябре, когда федеральные войска, не подготовившись, ринулись в горную часть мятежной республики.

Путинская команда, в отличие от ельцинской, состоит из бюрократов, очень деятельных, но совершенно лишенных фантазии и инициативы. Это проявляется и в чеченском конфликте, и в экономике. Новая старая власть оказывается не в состоянии решить ни одной своей проблемы, она все более запутывается в последствиях собственных решений. С одной стороны, в обществе усилятся антивоенные настроения (это еще полбеды), а с другой, антивоенные и антипутинские настроения начнут резко расти в армии, в том числе

и на передовой. Иными словами, можно ожидать чего угодно — от массового дезертирства до бунтов в воинских частях, направляемых на фронт.

Команде Путина удалось подавить оппозицию в электронных средствах массовой информации — но какой ценой? Телевидению все меньше верят. Ельцин был в состоянии даже массовое недовольство войной повернуть себе на пользу, когда пресса, укрепившая свой авторитет на антивоенной кампании, принялась потом накачивать рейтинг президента. У Путина все может получиться строго наоборот. Заткнув рот своим оппонентам, он лишился всякой возможности управлять общественным мнением в условиях, когда пропагандистская ложь выходит на поверхность.

Гроздь гнева

Экономические трудности предопределяют новую волну социального кризиса. И здесь мы тоже сталкиваемся со специфической новой ситуацией. В период 1994–98 гг. рабочее движение находилось в полном упадке. Какой смысл бастовать, если предприятия все равно «лежат»? Но за два года экономического подъема начало расти стачечное движение. Более того, резко повысилась и его эффективность. Социологическая теория говорит, что рабочие выступления нарастают в период улучшения рыночной конъюнктуры и сокращаются в период спада, но наибольшей остроты классовая борьба достигает в моменты перехода от подъема к спаду. В такие моменты движение еще сохраняет «наступательную» инерцию, но одновременно сталкивается с новыми раздражителями. Переходя к более конкретным ситуациям, это можно сформулировать так: одно дело, когда люди привыкли, что им по полгода не платят зарплату, другое дело, когда они уже привыкли, что зарплату выплачивают в срок, а ее снова перестали платить. Последняя ситуация вызывает гораздо больший гнев.

Разумеется, когда массы людей одновременно в разных концах страны начинают делать примерно одно и то же, хочется привлечь на помощь теорию заговора. Так получается и на сей раз. Как только рабочие начинают бастовать, власти и журналисты начинают искать агитаторов, пытаться выяснить, кто из олигархов вложил деньги в рабочие протесты. На самом деле заговоры плетутся в Кремле и вокруг него. Управлять большими массами с помощью таких методов невозможно. Поскольку же нет и пресловутого субъективного фактора — ни в лице «авангардной партии», ни просто в виде рабочей партии, то процессы, скорее всего, окажутся вообще неуправляемыми.

В ходе предвыборной кампании четко выявилось, что режиму Путина возможны две оппозиции — либеральная, опирающаяся на идеологию прав человека и верховенство закона, и радикально демократическая, поднимающая знамя социальных прав и антиолигархической революции. Теоретические первую должен был сформировать Явлинский, а вторую — КПРФ Зюганова. На самом деле ни тот ни другой справиться с подобной задачей оказались не в состоянии, ибо российский либерализм бесперспективен, а КПРФ перестала быть левой партией.

Страх и карьеризм полностью парализовали официальную коммунистическую верхушку. С появлением в Кремле Путина окончательно становится

ясно для всех, кто умеет думать, что КПРФ, по крайней мере в лице своего зюгановского руководства, никакая не левая партия и даже не оппозиция, а просто аппаратная клиентелла, теснейшим образом связанная с кремлевским истеблишментом. Зюгановщина — не только пугало для обывателей и интеллектуалов. Это своего рода «завал» на пути формирования современного социалистического движения в России. Другое дело, что лидерство Зюганова в компартии под вопросом, а само положение КПРФ ослабеваает. Аппаратчики-прагматики уже готовы переходить к Путину-победителю. В лагерь Путина дезертировала и московская часть руководства комсомола. Немногие идейные коммунисты намерены бороться, если надо — с собственным аппаратом. Партия теряет позиции.

Парадоксальным образом, однако, эрозия КПРФ ведет не к ослаблению, а наоборот, к усилению левого фланга в обществе. Левые смогут показать, что именно они являются в условиях правого авторитарного режима наиболее последовательными демократами.

В качестве поучительного примера можно привести ситуацию в Саратове, где коммунисты традиционно получают около 30 % голосов. В феврале–марте 2000 г. исход активистов из партии стал настолько массовым, что местная организация КПРФ просто не смогла собрать нужное количество подписей для выдвижения своего кандидата в губернаторы. В итоге пришлось обратиться к коммерческой структуре, которая ранее за деньги собирала подписи для Союза правых сил! Деньги были заплачены, но подписи оказались поддельными. В итоге кандидат КПРФ баллотироваться не смог. Зато внутрипартийная оппозиция выдвинула своего кандидата Игоря Караулова под маркой движения «За обновленный социализм». По мнению сторонников движения, «согласительская и демагогическая политика Геннадия Зюганова превратила коммунистическую оппозицию в “карманную” партию Кремля»³⁾.

Более радикальные левые объединились в Движение за создание рабочей партии (ДСРП) во главе с депутатом Государственной Думы и профсоюзным лидером Олегом Шейным, и в «Союз-2000», куда вошли преимущественно комсомольцы, несогласные с согласительской политикой своих лидеров, а также немногочисленные левые социал-демократы. ДСРП призвало на выборах 2000 г. голосовать против всех, а «Союз-2000» — к бойкоту. Несмотря на тактические разногласия, обе группы смогли наладить тесное сотрудничество. Кампания за бойкот, проводившаяся преимущественно силами этих двух групп, оказалась настолько успешной, что государственное телевидение вынуждено было уделить ей значительное внимание. Митинги прошли в Москве, Саратове, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону. В свою очередь, власти отреагировали не просто обвинениями в адрес митингующих, но и прямыми репрессиями. В Москве активистов «Союза-2000» несколько раз задерживали, штрафовали, отнимали листовки. В Кирове был отдан под суд активист ДСРП, расклеивавший антипутинские плакаты, а вступившемуся за него депутату местного законодательного собрания, члену той же организации, пригрозили лишением депутатской неприкосновенности.

³⁾ Саратовские вести, 22.03.2000.

Ловушка

«Раскручивая» Путина, политтехнологи пообещали народу перемены, твердо зная, что никаких перемен (во всяком случае — к лучшему) не будет и быть не может. Какая-то часть населения поверила, но это уже в последний раз. Больше нынешним властям не поверят, даже если те начнут говорить правду. Но обманутые надежды — спусковой крючок для массовых протестов. Ни вернуть советские порядки, ни навести порядок в стране Путин не может. Для этого у него нет необходимых политических и экономических инструментов. Думать, будто президент усилит государство, «придавив» олигархов, нелепо, ибо в современной России государство и олигархи — одно и то же. Весь государственный аппарат построен таким образом, чтобы обслуживать олигархию, а сама олигархия теснейшим образом срослась с бюрократией. Потому усиление регулирования может обернуться лишь более интенсивным разрывыванием государственных средств в пользу тех, кого собираются регулировать. Другое дело, что вполне возможны разборки между олигархами. У нас слишком много паразитического капитала, прокормить его страна уже не в состоянии, а потому кого-то придется потеснить. Столкновения между кланом Чубайса и группой Березовского — неизбежный результат этого расклада. Передел собственности начался уже осенью 2000 г., когда настоящая война развернулась вокруг алюминиевой промышленности. Эти разборки оказывают крайне дестабилизирующее влияние на общество и экономику, но ни к каким положительным структурным сдвигам привести не могут. Для борьбы против олигархии нужно не укреплять нынешнее российское государство, а, наоборот, ломать его. Но Путина для того и поставили, чтобы он не допустил подобного развития событий.

Уходя, Ельцин оставил своему наследнику войну, которую нельзя выиграть, экономику, которую невозможно восстановить без жестокого передела собственности, и государство, которое не может управлять, не прибегая ко лжи, провокациям и манипуляциям. Впечатляющий итог «эпохи реформ».

Надежды на демократию обернулись обманом. Эпоха Ельцина закончилась большим страхом. Верхи боятся наказания, интеллигенция — репрессий, массы — голода. А для сотен тысяч людей в Чечне большой обман уже закончился большой кровью.

* * *

После неудачного боя у села Алхан-Юрт солдаты генерала Шаманова выгнали из подвалов прятавшихся там людей. Некоторые из них держали на руках детей четырех-пяти лет. Их построили и заставляли бежать по полю шесть километров до соседнего села. Всем, кто добежит, обещали сохранить жизнь. Вслед им стреляли танки.

Село Алхан-Юрт оказалось родиной пророссийского чеченского политика Малика Сайдуллаева. В отличие от десятков других сел, точно так же расстрелянных и разбомбленных, оно удостоилось нескольких строчек в российской прессе. Для тех, у кого не совсем еще атрофировалась совесть, Алхан-Юрт стал таким же символом чеченской войны, как деревня Сонгми — символом вьетнамской. Впрочем, только ли о чеченской войне идет речь?

Сообщение о расправе в Алхан-Юрте Андрей Пионтковский закончил в «Новой газете» словами: «В том, что есть ад на Земле, мы уже можем не сомневаться. Мы ежедневно творим его своими высокоточными “Градами” и “Ураганами”. Если ад есть на небе, то в одном из его закоулков обязательно будет шестикилометровое поле, разрытое снарядами. По нему вечно будут бежать Гайдар и Чубайс со своими очаровательными женами, Хакамада и ее красавец муж с длинными развевающимися волосами.

Они, а не герой России генерал Шаманов. Для одноклеточных не бывает ада. Шамановы невинны, ибо не ведают, что творят»⁴⁾.

⁴⁾ Новая газета. 1999. № 49. С. 17.

Заключение

Российская власть лучше всего умеет управлять самой ею же спровоцированными катастрофами. Это уже не crisis management, а именно disaster management, причем ничего другого российские элиты, по большому счету, делать не умеют и не хотят. Агония режима реставрации может оказаться затяжной. Не столько потому, что режим силен, сколько потому, что общество слабо. И все же рано или поздно эта политика приведет к краху. Кризис не может поддерживаться бесконечно. Порождая большие и малые катастрофы, власть рискует сама рано или поздно стать их жертвой. Если, вопреки усилиям власти, общество и экономика все же стабилизируются, это даст мощный толчок к развитию новых сил и интересов, которые не смогут уместиться в рамках ельцинского или постельцинского порядка.

Снова, как в конце прошлого века, Россия находится на развилке неведомых дорог. Мы не созрели для социализма, но жить при капитализме не можем. Мы не в состоянии догнать Запад, но не можем и позволить себе сохранение отсталости. Мы не готовы к демократии и не хотим диктатуры. Иностранный опыт совершенно непригоден, но без него немислимо развитие.

И наконец, общество насквозь политизировано, но полноценная политическая жизнь невозможна из-за разложения общества. А это разложение, в свою очередь, усугубляется несостоятельностью политики.

Политическая жизнь современной России напоминает драму (или трагедию?) без положительного героя. Остается лишь надеяться, что этот герой появится по ходу действия.

Исторической задачей, в конечном счете — вопросом выживания, становится поиск новых форм **СОЦИАЛЬНОСТИ**, без чего ни политика, ни экономика вообще невозможны. Эта социальность не может быть буржуазной из-за отсутствия буржуазии. И перспективы развития экономики не могут быть капиталистическими из-за неэффективности сложившейся модели.

Идеология левых может стать фактором организации общества именно в силу своего коллективизма. В свое время миф о пролетариате сыграл огромную роль в становлении рабочего класса. Задача левых в России не только в том, чтобы выражать уже сложившиеся интересы, но и в том, чтобы помочь им сформироваться. И одновременно — создавать самих себя как политическую силу.

Восстановление *социальности* не равнозначно торжеству демократии, но является единственным шансом для демократического развития. Коллективизм не всегда гарантирует свободу, но без него наша свобода уже ничем не может быть защищена. Левый радикализм, естественным образом вызревающий *в стране провалившегося капитализма*, может и не стать идеологией прогресса, но без него прогресс невозможен.

Ленинская книга «Что делать?» могла быть написана только социалистом из России. Европейскому социал-демократу никогда не пришло бы в голову, что нужно создать партию рабочих фактически раньше возникновения массового рабочего класса, а затем еще и «вносить» пролетарское сознание в ряды

пролетариата. Но этот «теоретический абсурд» был порожден абсурдом реальной русской истории.

Людям придется организоваться для совместных действий или смириться со своей судьбой. Но даже пассивность и покорность низов не приведут к стабильности, ибо источником дестабилизации являются верхи.

Сегодня мы видим исторические издержки этого пути. Но видим мы и реальные противоречия нового периода, поразительное повторение пройденного, на которое обрекла нас восторжествовавшая реакция. А значит, идеологический фактор по-прежнему будет играть огромную роль. И нам надлежит усвоить уроки русской революции, пытаясь избежать повторения ее ошибок и преступлений.

Альтернатива представляется в виде смешанной экономики, включающей элементы демократического капитализма, государственного управления и демократического социализма. Но эта модель не родится иначе как из политических и социальных потрясений. И она невозможна без радикального изменения государственных структур и господствующей в обществе идеологии.

В конечном счете речь идет не об отказе от рыночных механизмов, но о радикальном отказе от рыночной идеологии в экономике, о совершенно других ориентирах, критериях и задачах развития. О смене элит и ценностей.

Режим реставрации завел страну в такой тупик, выйти из которого можно только через новую революцию. «Кризис власти и государства подходит к своему логическому завершению, — писал в сентябре 1999 г. на страницах “Независимой газеты” Петр Акопов. — И если у России есть будущее, то восстановление (и спасение) самого государства возможно только через смену элиты. Нужно ли напоминать, в каком случае происходит решительное, практически полное обновление правящего слоя? Революция, так нелюбимая нами в последнее десятилетие, приближается незаметно, но неминуемо. Попытки остановить ее могут быть разные — от “черных полковников” из спецслужб до организации псевдонародных движений в поддержку кого-то из рвущихся к власти. Но отсутствие лидера не исправить его имитацией. Если в стране не появится государственного деятеля, масштаб личности которого соответствовал стоящему перед ней вызову, то вместо политиков ответ на требования времени даст народ. Его стихия вынесет вверх новых лидеров. Может быть, они сумеют сохранить страну? Даже если нет, то в этом будет лишь малая доля их вины»¹⁾.

Призрак, гуляющий по России, это еще не призрак коммунизма, это призрак передела собственности. Либеральная пресса пугает обывателя реками крови, которые прольются, если кто-то покусится на награбленные олигархами богатства. Между тем передел собственности в 1998–2000 гг. уже начался, а кровь и не переставала литься — на улицах Москвы и Выборга, в горах Чечни. Несмотря на причитания либеральных идеологов, население России все более решительно выступало за пересмотр итогов «либеральных реформ».

«Приватизация не нашла отклика в сердцах россиян, — жаловался журналист правого еженедельника “Аргументы и факты”. — По данным социологических опросов, 65 % россиян считают, что результаты приватизации должны быть пересмотрены. Не хотят пересмотра всего лишь 11 %»²⁾. Чем больше проходит

¹⁾ Независимая газета. 15.09.1999.

²⁾ Аргументы и факты. 1999, № 49. С. 10.

времени с начала «либеральных реформ», тем больше неприятие их результатов. Впрочем, главным фактором в данном случае является не настроение жителей страны (с ними все равно никто никогда не считался), а объективное положение дел в экономике, динамика ее развития.

Экономические перспективы России зависят от того, удастся ли нашей стране революционным образом изменить сложившуюся структуру. Из всех стран Восточной Европы именно Россия и Украина оказались в наихудшем положении после «свержения коммунизма». Но даже более успешно развивающиеся общества не смогли преодолеть отсталости и решить проблемы, характерные для периферийного капитализма. В 1999 г. лишь в Польше валовой внутренний продукт превысил уровень 1989, и следует помнить, что в Польше спад начался задолго до 1989 г. Венгрия в 1999 г. приблизилась к уровню производства, существовавшего при коммунистическом режиме, но при том, что количество бедных удвоилось, появились безработные и бездомные. В России положение дел намного хуже. Даже при самом оптимистическом сценарии, отмечает Андрей Колганов, «мы обречены на резкое усугубление отсталости. Будет у нас один процент прироста валового внутреннего продукта в год или может быть даже некоторое время три процента валового внутреннего продукта в год, это принципиально ничего не меняет. Через некоторое время потенциал использования наших развивающихся и простаивающих мощностей будет исчерпан при таком развитии, и экономика упрется в тупик. Сможет ли она накопить ресурсы для модернизации при 1–3 % прироста валового внутреннего продукта? Нет, не сможет. Это совершенно очевидно. Это совершенно недостаточный рост для того, чтобы резко изменить финансовое положение нашей экономики. Это невозможно сделать без революционного изменения характера внутренней экономической политики»³⁾.

Разумеется, даже небольшой экономический рост должен оказать благотворное влияние на общество. Не потому, что он примирит население с олигархическим капитализмом, а напротив, потому что он создаст более благоприятные условия для борьбы. Именно в условиях экономического роста усиливается рабочее движение, его требования из оборонительных становятся наступательными. Люди лучше осознают свои интересы, начинают за них бороться. Они не забывают о прошлых страданиях и унижениях, но думают уже не о том, как выжить, а о том, как изменить свое социальное положение. В этом смысле экономический рост не только не способен стабилизировать систему, но, напротив, выявляет ее структурные противоречия и усиливает ее кризис, что в полной мере стало ясно уже к лету 1999 г.

Переход к рынку с присоединением к капиталистической миросистеме был начат в Советском Союзе под лозунгом модернизации, однако результат оказался обратный обещанному. Капитализм в России, как и в XIX веке, насаждался властью вопреки сопротивлению общества и даже части элит. Парадокс в том, что именно *политика насаждения капитализма «сверху» сделала принципиально невозможным формирование демократического капитализма «снизу»*. Эти элементы демократического капитализма могли бы в определенных формах сосуществовать с демократическим социализмом, но не с олигархическо-

³⁾ Россия в конце XX века. С. 183.

корпоративными структурами и экономической диктатурой международного финансового капитала. Под флагом «искоренения коммунизма», пишет Тамаш Краус, «режим Ельцина уничтожает и накопленные ценности традиционной гуманистической культуры, ростки социалистического, коллективистского мышления, причем делает это во имя агрессивного античеловеческого индивидуализма»⁴⁾. Это не совсем так. Специфика постсоветской России состоит как раз в сочетании безответственного индивидуализма с авторитарным бюрократическим коллективизмом. Они взаимно дополняют друг друга, делая принципиально невозможным формирование гражданского общества.

Реставрация разрушала в России не только и не столько бюрократические структуры, характерные для сталинизма, сколько элементы социализма, существовавшие в советском обществе. Она закономерно сопровождалась демодернизацией страны. Еще один парадокс, обнаружившийся в ходе ельцинского правления, состоит в том, что несмотря на всю свою авторитарность и враждебность западным ценностям (а может быть, как раз из-за этого), советский «коммунизм» оказался наиболее эффективной идеологией модернизации, предложенной в истории России. У нас не было ни феодализма с его традицией сословных «вольностей» и личной ответственности, ни Реформации с ее знаменитой протестантской этикой. Не было у нас и конфуцианской традиции, как на Востоке. Своего рода заменой протестантской этики стала коммунистическая идеология с ее культом долга и дисциплины, фаталистической верой в «светлое будущее». Протестантизм насаждал веру в предопределение, советская идеология провозглашала неизбежность победы коммунизма. Совпадения между протестантизмом и ортодоксальным марксизмом замечал еще Г. В. Плеханов, но именно сталинская система превратила «марксизм-ленинизм» в светскую религию, удивительным образом повторявшую моральные догмы кальвинизма XVI века. Если в Китае поворот к капитализму опирался на сочетание конфуцианской традиции с коммунистической моралью, то в России «победа над коммунизмом» одновременно подрывала те минимальные моральные и психологические условия, без которых рыночная экономика невозможна вообще.

Впрочем, неудача России и успех Китая имеют и другие, еще более фундаментальные причины. Центристская и отчасти левая критика либеральных реформ в 90-е гг. постоянно предлагала «китайскую модель» в качестве альтернативы приватизации и «свободному рынку». И в самом деле, если Россия на протяжении 90-х гг. непрерывно падала, то Китай поднимался. Из всех стран, имевших «коммунистическую» власть к концу 80-х, именно «красный» Китай больше всех преуспел не только в плане экономического роста и технологической модернизации, но и в плане насаждения частного предпринимательства. Схожие результаты были достигнуты и в «коммунистическом» Вьетнаме. Проблема, однако, в том, что «китайская модель» представляла собой не только набор решений в области управления и собственности, которые в принципе были вполне применимы в России, но и определенную стратегию включения в капиталистическую мироэкономику. И здесь мы видим принципиальные различия между двумя странами. Китай к началу 80-х, когда реформы там начались в полном масштабе, обладал ограниченными природными ресурсами,

⁴⁾ Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. С. 150.

промышленностью со скромным технологическим потенциалом и огромным населением. Именно его трудовые ресурсы привлекали иностранный капитал. Эффективное использование этих ресурсов требовало развития промышленности. Хотя ее технологический уровень оставался не самым высоким, он в целом повышался по сравнению с тем, чем обладала страна к концу 70-х. Точно так же повышался и уровень образования, благосостояния.

Хотя экономический рост Китая создавал определенные проблемы для центров мирового капитализма, он, по крайней мере в 80–90-е гг. XX века, не являлся для них стратегическим вызовом. Обладая промышленностью со средним уровнем технологии, Китай, несмотря на все свои успехи, не мог радикально изменить соотношение сил в мировой системе. В то же время, несмотря на все противоречия, интеграция в мировую экономику сопровождалась увеличением промышленного потенциала, реальной модернизацией, ростом жизненного уровня. В данном случае приоритеты международного капитала в значительной мере совпадали с национальными интересами Китая.

С Россией все обстояло по-другому. Обладая огромной территорией и сырьевыми ресурсами, она имела (по своим масштабам) небольшое население. Рабочая сила была высокообразованной, но не очень дисциплинированной и «избалованной» социальными гарантиями. Технологический потенциал страны был очень высок, хотя использовался совершенно неэффективно. К тому же наиболее развитые в технологическом отношении отрасли были связаны с военно-промышленным комплексом и соответственно «дублировали» такие же отрасли в странах Запада (авиастроение, машиностроение и т. д.). Таким образом, реальный интерес для «центров» капиталистической миросистемы Россия представляла лишь как поставщик природных ресурсов и рынок сбыта. В ином качестве Россия была Западу не только не нужна, но даже опасна.

«Избыточные» ресурсы России могли быть либо поглощены странами «центра», либо использованы для экономической, политической и военной экспансии самой России. Иными словами, в рамках капиталистических «правил игры» наша страна может быть либо сверхдержавой, либо полуколонией, третьего не дано. Разумеется, логика капитализма не является единственно возможной, но коль скоро российские элиты включились в процесс глобализации и стремились действовать в соответствии с его требованиями, альтернативы у них не было.

Реформа, которая повысила бы эффективность промышленности и позволила бы успешно использовать в рыночных целях накопленный в советское время технологический потенциал, привела бы к конфликту с Западом не менее острому, чем во времена холодной войны. Перманентная «торговая война» была бы совершенно неизбежна, а в определенных ситуациях могли бы начаться и локальные войны. К такому конфликту и народ России, и ее элиты были политически и психологически не готовы.

В сложившейся ситуации избранный российскими элитами курс на уничтожение собственной промышленности, разорение населения (удешевление рабочей силы), разрушение науки и превращение отечественной экономики в полуколониальную был совершенно логичным и по-своему «правильным» ответом на вызов глобализации. Во всяком случае, иного способа безболезненно вписаться в «открытое общество» и «мировую цивилизацию» у них просто

не было. Другое дело, что включив Россию в капиталистическую миросистему в качестве полуколонии, Запад, возможно, создал условия для новых глобальных потрясений в будущем.

Победа над «русским коммунизмом» может оказаться для западного капитализма пирровой. В результате произошедшего со страной в 90-е гг., отмечает Тамаш Краус, «не поддающаяся интеграции» Россия снова становится «слабым звеном», «больным человеком» мировой капиталистической системы в конце XX века, как и в его начале⁵⁾. Россия должна экспериментировать или погибнуть. Она не просто должна отстоять свою автономию по отношению к капиталистической миросистеме, но изменив себя, изменить и мировой экономический порядок.

По сравнению с началом XX века отличие в том, что тогда Россия, несмотря на всю свою отсталость, была страной растущей, с молодым населением. К началу XXI века страна подходит с населением стареющим и деморализованным, с экономикой, переживающей глубокий многолетний спад. Все это заставляет сомневаться в перспективах нового революционного подъема. Но в то же время опыт XX века не мог пройти для страны бесследно, ее прошлые жертвы и достижения не могли оказаться совершенно бессмысленными. Мы (как общество) уже не так молоды, но зато опытнее и образованнее.

Известный левый журналист Анатолий Баранов сетовал на страницах «Правды-5», что несмотря на невероятные лишения, «бедный человек в нашей стране не революционер». В крупных городах все более популярны становятся идеи левых, но большинство населения мечтает исправить свое положение «без коренной ломки, без риска»⁶⁾. С точки зрения Баранова эта ситуация трагична. Напротив, с точки зрения Роя Медведева такое положение дел «не повод не для отчаяния, но основание для надежды»⁷⁾.

Никто не спорит, что *при прочих равных условиях* мирные реформы (с точки зрения интересов рядового гражданина) предпочтительнее революционных потрясений и уж тем более — если эти преобразования могут сопровождаться насилием. Беда в том, что история не делается на заказ. История, тем более история России, вообще для комфорта мало приспособлена. Трагизм ситуации, отмеченный Барановым, состоит именно в том, что большинство людей продолжает рассчитывать на эволюционные перемены или умеренные реформы в ситуации, когда для всего этого нет абсолютно никаких шансов. Однако Баранов писал прежде всего о беднейших слоях населения. А они никогда не были главными носителями революционного импульса. Скорее, после августа 1998 г. можно ожидать более серьезной радикализации от обманутых и обворованных средних слоев, технологической элиты, квалифицированных рабочих наиболее конкурентоспособных предприятий (главным образом — экспортного сектора).

Вывраться из состояния отсталости можно, лишь покончив с логикой периферийного капитализма (а другого капитализма в России при данных обстоятельствах быть не может). Инвестиционный кризис в сочетании с кризисом государственности и культурным кризисом не может быть преодолен иначе,

⁵⁾ Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. С. 150.

⁶⁾ Правда-5, 9—16.01.1998.

⁷⁾ Медведев Р. Капитализм в России? С. 300.

как на основе новой мобилизационной модели. Опасность состоит в том, что до сих пор мобилизационная модель у нас ассоциируется со сталинским опытом, который повторить в современных условиях невозможно — к нашему величайшему счастью. Однако новый вариант мобилизационной модели должен быть найден, иначе стране предстоит десятилетиями прозябать на периферии мировой системы. Задача состоит в том, чтобы отказавшись от имитационных моделей «догоняющего развития», сделать ставку именно на те технологии и структуры, которые станут лидирующими в XXI веке. Экономист Александр Бузгалин называет это «опережающим развитием». Мобилизация финансовых ресурсов должна задействовать главный потенциал — человеческий. Вместо того, чтобы экономить на науке, необходимо превратить ее в ведущую отрасль экономики. Новая экономическая модель потребует экспроприации олигархов в сочетании с реформой государства, резким повышением вертикальной мобильности для низов общества за счет доступа к образованию, здравоохранению и престижным рабочим местам. Воссоздание сильного государственного сектора, ориентированного на передовые технологии, вполне может сочетаться с ростом свободного предпринимательства «снизу». И, наконец, ориентация на Запад должна смениться усилением хозяйственных, политических и культурных связей с большинством человечества — «третьим миром».

Проблема в том, что любые модели экономического развития, в конечном счете, упираются в вопрос о социальной природе государства. Какой класс, какие социальные группы станут опорой власти? В чьих интересах и чьими руками будет проводиться политика? Как будет обеспечена демократия — в ее первоначальном смысле слова: **власть народа**?

Главный урок, который мы должны извлечь из событий 90-х гг. нашего века, прост: нет капиталистического решения для проблем России. Но это еще не значит, что любая успешная попытка преодоления кризиса неизменно приведет к социализму (тем более, что на самом деле социализм вообще возможен лишь как новая мировая система, приходящая на смену нынешней). Это лишь значит, что экономическая и социальная политика, которая сможет вывести страну из кризиса, должна подчиняться другим принципам, другим социальным интересам и другой логике, чем при капитализме. Сколько бы ни говорилось про «смешанную экономику», «регулирование», «приоритет национальных интересов», все это ничего не даст до тех пор, пока ядром этой смешанной экономики не станет общественный сектор, живущий по собственным, некапиталистическим правилам. Точно так же невозможна в России эффективная экономическая политика, не основывающаяся на экспроприации олигархии и возвращении народу отнятого у него достоинства.

Исторический цикл русской революции еще не закончен. История Западной Европы учит нас, что за реставрациями следовали «Славные революции», иногда целая череда революционных потрясений. И если надежды на то, что Россия сможет вырваться из своего катастрофического состояния единым мощным рывком, выглядят несколько наивно, то в долгосрочной перспективе основания для оптимизма все же имеются. В этом плане ельцинская реставрация в России не только не положила конец всем революциям, а напротив, создала предпосылки для нового революционного цикла.

Оглавление

Предисловие	3
Часть I	
Необходимая реакция	12
Глава 1. Россия и Восточная Европа: новая периферия мирового капитализма	12
Глава 2. Логика реакции	46
Глава 3. Российская интеллигенция между «западничеством» и «почвенничеством»	69
Часть II	
Беловежская Россия	90
Глава 4. Власть и ее герои	90
Глава 5. Лица власти	124
Глава 6. Народ	159
Глава 7. Оппозиция	181
Часть III	
От стабилизации к катастрофе (1994–1998)	193
Глава 8. Слово и дело	193
Глава 9. Корпоративная модель и социальный конфликт	217
Глава 10. Постсоветские левые	250
Глава 11. Путь к дефолту	277
Часть IV	
Закат «Второй республики»	290
Глава 12. Левый дрейф	290
Глава 13. Война за кремлевское наследство	310
Глава 14. После Ельцина	358
Заключение	367

**Борис Юльевич
Кагарлицкий**

Известный российский социолог и политолог. Родился в Москве в 1958 году, с конца 70-х годов участвовал в диссидентском движении, примыкая к группе «молодых социалистов». В 1982–1983 годах — политзаключенный. В годы перестройки — один из лидеров московских «неформалов», в 1990–1993 — депутат Моссовета, в 1992–1993 годах был советником руководства Федерации независимых профсоюзов России, во время событий октября 1993 года повторно арестовывался — на сей раз уже в качестве противника Ельцина. В настоящее время работает в Институте сравнительной политологии РАН. Его статьи публиковались в «Независимой газете», газете «Век», с 1999 года — в «Новой газете». За книгу «Мыслящий тростник», изданную в Великобритании в 1988 году, ему присуждена Дейчеровская мемориальная премия.

Эдиториал УРСС

научная и учебная литература

Тел./факс: 7(095)135-44-21

Тел./факс: 7(095)135-42-46

E-mail: urss@yandex.ru

Каталог изданий в Internet: <http://urss.ru>

9 785836 001230 >